М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1944 – 1945

1944

1945

М.М. ПРИШВИН

Дневники

1944

1945

Новый Хронограф
Москва
2013

УДК 821.161.1-94»1944/1945»Пришвин М. М.
ББК 84(2=411.2)6-49
П77

Издание осуществлено
при поддержке Президентского центра Б.Н.Ельцина

Пришвин М.М.

П77 Дневники. 1944–1945 /Подготовка текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А.Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. — М.: Новый Хронограф, 2013. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1

Книга М.М. Пришвина «Дневники. 1944-1945» продолжает публикацию дневника писателя (1905-1954). Дневник двух последних военных лет полон размышлений о грядущей судьбе России и мира, о смысле Второй мировой войны. Эти годы проходят в преддверии и ожидании победы над нацистской Германией. Писатель понимает, что мировая культура оказалась перед лицом новых вызовов, связанных с появлением атомной бомбы, и чувствует острую необходимость глубокого переосмысления культуры: послевоенный мир бесконечно усложняется, человек выходит на новый виток сознания, материальным эквивалентом которого становится атомная бомба. Между тем писатель видит, что война не только обнажила пустоту советской идеологии, ложь и фальшь, пронизывающие всю общественную жизнь, но и раскрепостила человека. В повседневной народной жизни, в церкви, в литературе, на фронте – повсюду возникает живое общение между людьми, которое казалось исчезнувшим или необратимо изуродованным в тридцатые годы. Война подвела черту под прошлым России, вдохнула жизнь в застывшие формы общественной жизни и парадоксальным образом сделала социализм реальностью.

Агентство CIP РГБ

При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М.М. Пришвина

ISBN 978-5-94881-187-1

М.М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1944

1945

1 Января. Утро на Филипповском. Вечером «Жизнь за царя». Середина дня — принимали гостей. Погода все мягкая.

Под Новый год прочитал «Лесную капель» и был очень обрадован: это книга сердечной мысли и в своем роде единственная в этом отношении. Это нужно осознать и утвердиться в этом, но никак нельзя этим ласкать свою душу.

Какой-то молодой критик объяснялся мне в любви на ходу и сказал, что в моей «Лесной капели» я дал вовсе не пейзаж, потому что пейзаж имеет в литературе не самостоятельное значение и всегда, даже у Тургенева, отделяется от сюжета. Но у Пришвина не отделяется, и это вовсе не пейзаж.

– А что же, если не пейзаж, не «природа»?

– Не знаю, что...

– Так знайте же: это сердечная мысль.

В моей душе молитва есть усилие, я собираюсь в сердечной мысли...

(На охоте преодолеваю физическое утомление путем увлечения. В церкви это делается усилием собирания себя, сосредоточения.)

Одним людям, и большинству, надо постоянно напоминать, чтобы они не мерили всех на свой аршин. А некоторым, вроде меня, надо говорить обратное: — Не мерьте себя на чужой аршин, <*зачеркнуто*: будьте уверены в себе> не мечите бисер свой перед свиньями.

Сердечная мысль есть величайшее богатство души, и для нее должна быть создана особая наука, вроде по-

литической экономии, обращенной к духу: наука о том, как нужно создавать, охранять и расходовать сердечную мысль (родственное внимание).

<*На полях:* Потерянная мысль: что он, сбросив семя, остается пуст (нет Мадонны), она же хранит: он умирает, а в ней (Земле) семя растет...

На фронте: преодоление смерти: За друга жизнь.>

В сущности своей сердечная мысль и есть «добрый ответ на страшном судище». И вся наша человеческая культура как дело связи между людьми во временах есть собрание «добрых ответов» (Св. Писание).

NB. К рассказу «Победа»: тот «странник» должен быть носителем сердечной мысли, добытой им на войне: эта мысль как преодоление обычного (ветхого) закона любви (как у Олега с Лялей). Мысль о чистоте перед Богом.

2 Января. Не только хороший, но и плохой солдат лучше плохого генерала, потому что меньше того сделает зла.

– Сила сердечной мысли, вот единственная сила, которой строятся души, и вы, инженеры душ...

3 Января. Вчера был Попов и рассказывал очень смешно «йепопею» о происхождении гимна <*приписка:* Михалков>. Подготовили превосходно и неотразимо жалобу Александрову на редактора «Нового мира» (он сам и есть тайный редактор), т. е. на него самого. Так, наверно, и всякий цензор похож на чурбана из басни Крылова.

Когда-то жертвой был «стрелочник», а теперь некий «вредитель» вроде Зощенки.

Отечество — это как вольтова дуга между убиваемым и новорожденным, горящая в оправдание жертвы; и вот тут-то включается «Бог», потому что иначе непонятно, почему

человек настоящий должен умирать за будущего: — Эко, приятность, что не я, а другой будет есть мое сало.

Вспоминается Керенский и солдат-пораженец, указавший Керенскому на свою могилу: — Не хочу и не могу перейти к ближнему через свою могилу. — Керенский нажал при всех и устыдил. Но это была магия начальника, а как же обойтись без этого? Вот почему и сказал Вольтер о Боге, что его надо выдумать, т. е. определить рабочую ценность понятия. Вот это-то «выдумать» и является причиной всех зол на земле, выдумать — это значит заменить вольную сердечную мысль государственной полезностью.

4 Января. Вода, как весной. Прилетела сорока и начала стрекотать анекдоты: 1) Нищий еврей в Берлине, на животе надпись: не принимаю милостыню от евреев и коммунистов. <*Начальный, измененный вариант:* Еврей, торговец пуговицами в Берлине, на животе надпись: не продаю евреям и коммунистам.> Гитлер увидел, послал деньги с советом так продолжать дальше. Еврей взял деньги, усмехнулся и сказал про себя: — Нашел кого учить спекуляции. 2) В Гомеле на похоронах убитых евреев казак вгорячах поклялся: — Клянусь за этих убитых наших евреев, когда придем в Берлин, всех ихних жидов перебить. Сорока предсказывала, объясняла и т. п., что будто бы предстоит борьба у нас с последователями американской демократии. А я подумал, что это, как и бывший троцкизм, дело чисто еврейское и жаль, что они вовлекут туда последние остатки русской героической интеллигенции. Так думал старый Филин, слушая стрекотанье сороки. И еще думал Филин о генерале европейском и нашем генерале-товарище, что это величины качественно иные (см. рассказ Мамина «Бойцы». Мамин считает завоевателями Сибири не Строганова, не Ермака, а московскую волокиту и «голутвенных» людей, и вот тут-то и возникал наш нынешний «товарищ-генерал», т. е. из среды голутвенных людей, а не из рыцарства).

Сегодня отправляем жалобу Александрову на Александрова.

По тем людям, которые к нам забегают, виднеются контуры больших политических партий: одна — это национал-коммунисты, получаемые сложением Союза русского народа с большевиками; другая партия — это партия американской демократии, слагаемая из прежних троцкистов, кадетов и множества, если не всех, евреев.

N сказал: — Большевизм между прочим ...

5 Января. Глупо строить все на этом («материализм»), но и без этого тоже ничего не выходит («идеализм»). Вот почему, если является мечта, спеши найти для осуществления ее материальное основание.

Поэзия и вообще искусство с гражданской точки зрения есть поток мыслей и чувств от неволи к свободе. Следовательно, искусство предполагает неволю, иначе некуда было бы потоку бежать. И мы видим, действительно, что рабство не мешает являться художникам, рабство, бедность, даже болезни (вспомнить только крепостных актеров, художников!). И диктатура не принесла бы вреда поэзии. Искусство погибает от неверия и подмены (когда нас начинают уверять, что из стекла можно делать бриллианты, Искусство погибает).

6 Января. Сочельник. — Немец ради общего дела погасил в душе своей самое главное, душу свою, может быть, и что-то еще большее, и Богом своим сделал это общее дело.

– А что это, «общее дело»?

– Это закон, для всех одинаковый, поглощающий каждого в пользе для всех. Этот закон для всех, становясь на место Бога, уничтожает каждого в пользе, и от этого личность поглощается обществом и на место личности ставится отличник. В этой человеческой религии коллектив становится целью, а личность простой полезностью. Напротив, как было раньше у нас, православных, все жили для каждого и каждый для всех, как будто Бог любил всех, но каждого больше.

Вот это особое чувство жизни всех для каждого и каждого для всех исчезало у нас вместе с технической грамотностью, заменяющей ценность каждого перед Богом их общественной полезностью.

Договор с художником госуд. учреждения на создание такой-то вещи содержит в себе убийственный для искусства утилитарный принцип, это есть <*зачеркнуто:* хула на Духа Святого> механизация жизни.

Но дело не в рабстве художника, Бог с ним, с этим рабством! Напротив даже, рабство как исход в борьбе отдельного человека за свободу личности может сыграть благодетельную роль: сколько в крепостное время таким образом освобождалось артистов. Дело не в факте рабства, а в том, чтобы раб не подменил Бога законом, т. е. не поверил бы, как немец, в своего повелителя (закон) как в Бога.

– Милый мой, наша победа над немцами не в том должна состоять, чтобы мы, разбив немцев их приемами, заменили бы живую душу каждого по-немецки законом. Нет, усвоив немецкие порядки (закон) для целей победы, мы должны утвердить высшую, стоящую вне закона, божественную природу каждого.

NB. Вот причина, почему у нас так много плутов: именно в том причина, что каждый не всерьез, не как немец принимает закон: принимает на время, условно, и в этом его спасение. (Значит, Россию спасут жулики.)

Еще NB. Что это за существа — наши верующие в социализм большевики, Молотов, Щербаков и др.

Вчера ночью в 1 ч. нас разбудила канонада страшнейшая, подумали: бомбежка. Но небо оказалось в разноцветных огнях, значит, салют необычайный, никогда не было, чтобы ночью будили и чтобы так цветисто и много. Думали на все, даже на конец войны, а оказалось, это взя-

ли город Бердичев. Все говорят, что такой салют достался Бердичеву из-за евреев.

У нас устроили Рождество с елкой, сходили в церковь и так создали свое время. Вспомнились мои рождества с Е. П., наши елки и как ничего-то, ничего из этих праздников не выходило. А стоило мне войти в церковь, и был бы у меня давным-давно дом свой с праздниками. Как-то в голову не приходило, что без религии и не может быть праздников.

7 Января. Скучновата елка с Раттаем, не хватало ребеночка.

– Так, наверно, мы и остались одни.

– А «Фацелия»?

– Да, да! И «Фацелия» тоже рождалась и будет жить, и тоже найдутся и на нее повара и потребители, и, может быть, палачи. (Как это интересно вместе: палачи и повара.)

«Рождание» и производство тем отличаются одно от другого, что первое невозможно без личности, а для производства довольно отличника. И вполне понятно, что немцы, как люди более дошлые, стремятся к тому, чтобы забрать в свои руки и сделать производством «рождание» самого человека (расовая теория). Впрочем, мы социализм принимаем лишь как временное переживание: эта претензия обойтись в деле создания жизни с одними стахановцами (отличниками) пройдет, а коммунизм — полнейшая загадка.

Христос как Производитель жизни и Пилат как Потребитель. Христу — палач, Пилату — повар.

– Ты, Михаил, только представь себе людей, как они сейчас нам показываются, и ты сразу узнаешь и Христа со своими мучителями (палачами), и Пилата с его поварами.

– Вижу, — говорит Михаил, — необъятный подбородок на лошадиной челюсти и весь шар головы, и я трепещу, как осиновый листик, боюсь, как бы он не обратил на меня

внимания. И вот он обратил внимание, и палец короткий и жирный тянется к моему стебельку.

8 Января. Главное психологическое основание политической экономии: чем людям хуже, тем больше им хочется жить. И само Царство Небесное с бессмертием его обитателей есть предельное выражение жизненного устремления. Материальное благополучие маскирует это движение масс под давлением голода и создает иллюзии. За время революции и войны мы разрушили все иллюзии, а жить еще больше хочется, и вот это «больше» (чем «нормально») питает религиозное чувство. Так вот и разбудили дремавшую Россию.

Михалков — русский и Регистан — турецкий еврей написали гимн, и в нем было слово «Русь». Начальство предложило авторам заменить это слово. Михалков соглашался, Регистан протестовал, и так еврей спас слово «Русь»! Поди после этого спорь, когда евреи говорят о себе: «мы русские». Вот посмотрим, как будет дальше национализироваться коммунизм: если когда-нибудь коммунизм станет подлинно русским явлением, то как же не считать русскими тех, кто его особенно берег во время борьбы. <*Зачеркнуто:* Но этого, конечно, не будет, потому что...>

9 Января. Как ни старался в последние недели Фадеев показываться, говорить, действовать — час его настал наконец: его выгнали из секретарей Союза. Говорят, будто назначат кого-то из ЦК пониже Александрова и повыше Еголина и, главное, не писателя. Вот это самое важное, что не писателя. Этим самым утверждается, что писатели сами в своей среде не могут выделить своего представителя, что, значит, Союза писателей, в сущности, нет. Раньше каждый дошлый писатель находил себе руку в ЦК и тем жил, а недошлый оставался в тени. Теперь этот прежний тайный путь открывается всем. А еще хорошо, что самое худшее будет лучше, чем было в Союзе при Фадееве.

Приходил инженер Колесников, с которым я учился в Тюмени 52 года тому назад. — Изможденный старик, — сказал я Ляле, — конченый человек. — А чего же ты ждешь от человека в 70 лет и еще в наше время? — Но вот я же не чувствую себя живым трупом. — Ты чудо.

И это правда: какая-то чудесная сила держит меня.

Я помню, как шевельнулась во мне эта сила, что-то вроде «крест и тень ветвей на могиле» в душе Татьяны Лариной.

10 Января. Вечером пришел Халтурин и осветил положение вещей после Фадеева: ведь даже «Мурзилка» проходит через ЦК! И нет ни одного писателя, кто бы мог заступиться за твою вещь, и нет редактора, и нет никого, кроме Хозяина.

11 Января. Хватил мороз в –14 (второй такой) и к вечеру сдал. А вечером короткое замыкание и свет погас.

<*Приписка:* Золотые слова: — Если бы вам не было столько лет, не было бы такого положения, то вас бы вовсе не печатали.>

12 Января. Долежал до света в грустных мыслях о том, что моя старушка русская литература при смерти, и я с ней тоже болею, и Ляле становится все хуже и хуже, мешки растут под глазами...

Пришел Пашкин, зажег свет электрический. Надо собраться с силой, бороться, писать и опять поднять внутренний свет. Надо начать с пересмотра своего положения как писателя: пусть я совсем даже не писатель. С этого начать.

– Позвольте! Вы говорите, г. Тургенев, что в 12 году вся Россия как один человек поднялась на врага. Россия — это да! Но человек, что вы говорите. Да какое дело в то время было до человеческой личности, перед кем вставал вопрос о том, как определяется личность человека во время войны? Только в наше время стал этот вопрос во всей силе, и

вся сила страны поднялась, чтобы заглушить этот страшный вопрос...

12–13 Января. Удар ЦК по писателям был страшен (на суд Зощенки приехал почти что великий инквизитор от ЦК. Зощенко сказал: — Но ведь моя вещь не напечатана, вышло всего несколько глав, значит, вы не читали, как вы можете судить? — Мне довольно трех строк, чтобы судить. И как мне вас не осудить, если вы в голом виде выходите, становитесь к публике задом и на глазах всех начинаете копаться в своих испражнениях).

Рикошетом задело меня (отвергли рассказы о детях!). Тяжело легло на душу, бросил писать повесть, с утра до вечера мотаюсь по городу, набираюсь свежего воздуху. Даже в дневник не мог ничего написать.

Халтурин сказал золотые слова: — Если бы вы, М. М., не были в таких почтенных годах, не завоевали бы себе такое положение, да если бы еще не Горький в вашем прошлом, не ордена, так вас бы не печатали теперь.

Мне понравилось это, и я, прогуливаясь с Лялей по городу, при встрече с писателями стал повторять «золотые слова». — Для чего ты это делаешь? — сказала Ляля, — ты снижаешь свое положение. — Чем же это я снижаю? — удивился я. — А вот снижаешь. — А вот нет. — А вот... — И пошел спор без выхода. — Ладно же, — сказал я, — вот встретится кто-нибудь, и пусть он разрешит спор, снижаюсь я в золотых словах или нет. По-моему же я возвышаюсь. — Через некоторое время встречается критик Перцов. Я ему золотые слова, и они ему как откровение: — Вот правда, — говорит он, — вас ни один бы редактор не напечатал. — А если бы Пушкин явился, не напечатали бы? — Ну, конечно. — А Гоголь, а Достоевский, а Бунин, Лесков, Чехов? — Какой может быть разговор: конечно, никого бы не напечатали. — Так? Ну тогда решите наш спор: что вот эти «золотые слова» о мне, что меня бы не печатали, снижают мое положение или возвышают? — Посмеялись и кончили спор. А между тем с житейской точки зрения,

т. е. если взять, напр., в масштабе карьеры Михалкова, золотые слова, несомненно, снижение, и Ляля совершенно права.

14 Января. День рождения Н. А. и одновременно с переносом 16 января на сегодня «праздник отмороженной ноги».

Был с Лялей у проф. Б. Ему 61 год (еврей). Женился на 18-летней девочке (милиционере) и сразу ее оплодотворил. Теперь очень рад: — Сразу семья у меня: и дочь, и жена, и наследник. Как номер вашей квартиры? — Номер 65, — ответила Ляля, — легко запомнить: вам 61 год, и прибавьте четыре наследника. — Он долго смеялся, очень довольный такого рода мнемоникой, и повторял: «четыре наследника!» И в заключение так пофилософствовал: — Конечно, конечно, я это имел в виду прежде всего: жизнь прожита, 61 год, и как это уйти без наследника?

– Но как же мы-то с тобой? — сказал я Ляле по выходе, — есть ли у тебя хоть какое-нибудь сожаление о нашем наследнике? — Она помолчала, и я понял: в глубине ее материнской души это, конечно, есть, но только при условии, чтобы только от меня одного. И вот в этом у нас с попами и евреями вся разница: у них все равно, от попадьи, от милиционерши или, как у Авраама, от служанки: лишь был бы наследник. А у нас на первом месте не наследник, а избранник, единственный, т. е. личность. И то, что я раньше назвал игрой, — вот это нужно, и в этом вся культура. А у них только род. У нас первое личность, а на втором плане наследник, а у них первое наследник, а личность после когда-нибудь (доколе не придет Утешитель).

А может быть, в этом мне дается великий современный герой: в наше-то время, под бомбами, разбивающими вдребезги все достижения христианской культуры, этот профессор-еврей в 61 год, как Авраам, после перекочевки ставит палатки и ночью входит к своей служанке Сарре...

И еще надо записать что-то о грехе: я почувствовал «грех» от рассказа Леночки о техническом вырождении потомков И.: нравственно выродились, а техники (инженер и хирург) первоклассные. Грех их рода сифилис: «машина как последствие сифилиса!» А что как сифилис есть скрытая причина успеха машинной цивилизации?

Итак, «грех» был всегда (первородный) и его нельзя уничтожить никаким восстанием: это всегда бунт. Грех неминуем: вечно присущ человеку. Ничего не изменить, а только лечить или спасать от крайних последствий. Так что человек каждый в отдельности жалок и велик лишь сложенный (идеальный). <*Приписка:* Записаны умонастроения, раскрыть сущность.>

Револьвером, шпагой, хуем или диалектикой — не все ли равно чем? Один побеждает другого и устанавливает свою власть и называет этот факт своей силы (физической или логической — не все ли равно?) властью или принципом.

Ляля читала Удинцевым мои дневники, и я очень удивлялся сам себе: сколько написано чудесного и ничего для себя, чтобы в себе осталось для памяти в устройстве жизни. Я совсем ничего не помнил из написанного и во время чтения думал о царе Соломоне как о величайшем писателе. — Вот, — думал я, — написал он для всех нас Песнь песней, а сам остался ни с чем, и после великой своей песни в мире все стало ему суетой. — Суета сует и все суета! — А что, великий мудрец, — говорил я Соломону, — нужно ли было тебе эту Песнь отдавать людям: ты отдал в ней все свое лучшее, и после того все вокруг тебя в мире стало суетой. Если бы ты был настоящий мудрец, то, может быть, сохранил бы себе самому эту свою Песнь и под старость мир бы не стал тебе суетой. — Конечно, Михаил, — ответил мне Соломон, — ты отчасти и прав: есть вещи, о которых лучше бы помолчать, так жилось бы себе много спокойнее. Но есть вещи, о которых необходимо сказать людям, даже предвидя впереди суету для себя. Моя Песнь песней

принадлежит к таким вещам, и я должен был ею спасать любовь на земле, обретая себе суету.

«Мобилизация внутренних ресурсов» — это ходячее теперь выражение означает использование всего, что собиралось в себе самом в процессе жизни бескорыстно. Вот сейчас государство пустило в ход церковь, конечно, в смысле мобилизации внутренних ресурсов. Помнится, Чагин в ответ на мое изумление отношением его к «владыке Николаю» сказал: — Чему вы удивляетесь, это дело очень полезное.

Эскалатор как водопад, как падение всего человека. И когда падаешь на эскалаторе вниз сам вместе со всеми, то прямо видишь по соседям своим, до чего этот частичный человек сам по себе мал, ничтожен. Так падает человек...

В церкви, наоборот, всматриваясь в молящихся, понимаешь, как велик человек в своей личности, поднимаемый усилием всех. Там человек в эскалаторе падает, здесь в церкви он поднимается. Так он поднимается.

– Выше, выше, смелей, смелей поднимайся вверх, Михаил, бросай вокруг себя мысли самые противоречивые и не бойся их столкновений. Помни, — неминуемо придет время замедления твоему движению, и тогда вплоть до остановки твоей, мысли эти твои мало-помалу должны будут сойтись в сердце и там соединиться. И когда все эти мысли соберутся и улягутся в сердце, тогда все движение твое остановится и между всем внутри тебя и во всем в мире будет мир. И вот об этом именно, чтобы все мысли собрались и улеглись навсегда в сердце, и думаем мы, когда молимся: христианской кончины живота моего, безболезны, непостыдны, святы, мирны и безгрешны.

Стремись споры мыслей твоих разрешить в своем сердце, а не вовлекать в их борьбу людей и природу. Те, кто так делает — это они делают мир и с миром к людям приходят и называются у людей мудрецами и миротворцами.

Наоборот, те, кто бросает незаконченную мысль свою людям, чтобы они, споря между собой, осуществляли начатую мысль, то эти начинатели, действующие так, чтобы за них другие делали, являются властолюбцами и возбудителями войн на земле.

Мудрец — это законченный («образованный») человек, властелин — это всегда недомысленник, если только не согласуется с Богом.

Каждый и самый важный деятель скрывает в себе несмысленное дитя.

Искусство властвовать, между прочим, содержит в себе умение скрывать от людей эту свою несмысленность: иной скрывает это наглостью, иной величием или пышностью, иной лукавит, словом, каждый властелин своим способом должен лгать и неминуемо, потому что ведь властелин владеет только началом движения, а конца никогда он не видит.

В этом разделении и состоит трагедия власти, но вместе с тем и жизни самой во времени, именно что сеет один, а собирает жатву другой.

Женская арифметика. Проф. Б. из двух сестер, конечно, выбрал старшую, потому что ему самому 61 год. — Если бы мне было, — ответила она, — не 30 лет, а 18, как сестре, я пошла бы. А то лет через 15 вы умрете, а мне тогда будет 45 лет, и никто меня не возьмет. — Б. женился на младшей. Теперь старшая поняла, что просчиталась, и завидует сестре своей.

Англичане всегда удивляют своей откровенностью, о чем ни спроси, о самом интимном, и он всегда охотно ответит. Это, конечно, прием очень культурных людей, особое искусство говорить о себе и тем самым еще лучше себя самого укрывать. Но бывают среди всех народов мудрецы, которые всерьез охотно вывертывают свою жизнь на рассмотрение всех желающих: для них, впрочем, вся эта жизнь для общего глаза несерьезна. Они открывают себя,

хорошо зная, что самое сокровенное свое, как ни раскрывайся, не раскроешь, и то при тебе останется, а эта жизнь как у всех — пусть ее и знают все, и на это вообще наплевать. Розанова помню таким, Репина отчасти. В прежних времен простом народе все сплошь друг другу исповедовались из потребности посмотреть на себя со стороны, проверить жизнь свою в общем взгляде.

<*На полях:* — Они меня подвели.

– Ну, так что?

– Как что? Меня подвели, ну, вот и я.

Девушка вдруг все поняла, выпрямилась и ответила:

– А я вам на это скажу так: вас подвели, а вы не подводите.>

16 Января. 4 года тому назад в этот день состоялось мое знакомство с Лялей, и в этот день страшного мороза (все сады померзли) она себе отморозила ногу. Теперь пойдет пятый год нашей общей жизни.

«Гимнюки» — так называют теперь в обществе создателей гимна Михалкова и Эль-Регистана.

Светлана — будто бы Михалков стихами о Светлане в «Известиях» начал карьеру. Ему было отказали, но он вызвал редактора и сообщил ему о дне рождения дочери Сталина.

<*На полях:* Светлане. Пришлось напечатать.>

Самосекция. Бородин требовал исключения из Союза Асеева. (А вчера он сам поступил в партию.) Думаю, что это действие нечто вроде самосекции, т. е. самообрезания от гуманистов и болота, как участие в расстреле. Было бы занятно, если бы не повторялось такое слишком уж много раз. Прием форсирования славы, а между тем пишет о Рублеве. Как бы тоже не попасть в гимнюки.

А впрочем, уж очень мелко дно во всем этом озере, видны спины всех плывущих. И от всех этих бомбежек настоящего страху не может быть.

Лев и Алексей. — Если бы меня кормили как Алексея (Толстого), я писал бы как Лев, — сказал один маленький писатель.

17 Января. Когда Ляля начитала Зину из моего дневника, та поглядела на меня особенно внимательно и сказала:

– Да, это любовь, хорошо!

– И в 70 лет! — ответил я, — вот что удивительно.

Она строго поглядела на меня:

– В этом я вас не понимаю: разве годы что-нибудь значат для Бога?

Так она понимала любовь: только от Бога.

Одни говорят, будто Фадеев остается, другие — что назначен Тихонов. А не все ли равно? Все это и совсем с бомбежкой из ЦК и с журналами несерьезное дело. В Союз и ходить не следует: там все несерьезно.

В «Правде» пущен «слух» о возможности у англичан сепаратного мира с немцами (свидание Риббентропа в Испании с англ. руководителями: «и, по-видимому, не без результата»). Наши контры это смакуют.

В лице большевиков сохраняется память истории о последней войне; в этом смысле они единственные свидетельствуют о факте ... «все понять, не забыть и не простить».

В рассказе «Победа» мало-помалу материал распределяется вокруг двух полюсов: поэта с его Милочкой и «мстителя» (Командор: шаги командора).

18 Января. На улице все раскисло: течет. Грипп у меня небольшой. Сижу дома и сочиняю «Победу». Будто бы Молотов сказал что-то по радио. Пишу «Победу».

19 Января. Крещение. Продолжается оттепель. Зима в чистоту сиротская, но снежная. Пишу «Победу».

20 Января. Тепло, течет. Кончаю вчерне «Победу».

Про человека этого несколько слов: что он, когда это ему приходило, так просто и думал, что надо этому выход найти, и когда находил, то тревога откладывалась. Наконец он попал на человека, который ему указал, какое на этом простом можно построить великое здание души человеческой и сколько таится в семени, напрасно изливаемом.

Вот современность как раз и вертится возле этого вопроса о семени, и решение в этом решает вопрос о войне (к тому, чтобы меньше было людей). Государству всегда выгодней, чтобы людей было в нем больше: больше людей, больше денег, сильней защита, больше войны. Но человеческой личности выгодней, чтобы людей было меньше.

21 Января. После 3-х дневного вылеживания гриппа вышел. Тает. Хмуро. Видел свой гараж. Кончил черновик рассказа «Победа».

22 Января (Ленинские дни).

По Ляле вижу и свой недостаток: это слепота в сторону общественности, рода, семьи, коллектива и т. п.

Наши идеалы направлены в глубину, а не в ширину, в то время как молодежь теперь образуется в коллективах: социализм, родина и на очереди семья.

Через образ Христа мы имеем себе разрешение вопроса о коллективе: для этого надо умереть, т. е. путь в общество есть путь на Голгофу. Они же имеют какое-то представление о спасенном коллективе, т. е. таком устройстве людей, где жить хорошо.

С нашей точки зрения, они вовсе пропускают Голгофу в сознании и попадают на нее по необходимости, т. е. испытывают слепую Голгофу (война) по пути к идеалу благополучия (все коллективы, начиная от Родины, строятся на костях невольных мучеников, тогда как христ. коллектив (церковь) строится на костях мучеников вольных).

Но у христиан конкретных есть свой недостаток: они рационализируют Голгофу и даже утилизируют, обращая дело вольной сладостной смерти за идеал в принцип.

Наши недостатки вытекают именно из этого, в то время как данный жизненный вопрос разрешается чисто физическим путем (голоден человек — накорми его хлебом, а не духом, плохо двое живут — разведи, а не мучь смирением и т. п.). Христиане пользуются вымышленными духовными сублимациями, профанируя до невозможности самое Евангелие и чудеса.

Миссия культурного человека теперь должна состоять в том, чтобы тех, кто хочет быть христианами, учить материализму («правде»), а социалистов выводить на путь Голгофы (личности, творчества).

23 Января. Ночью текло с крыш. Так небывалыми морозами началась война и кончается сиротской зимой: очень крепко немцы начали и теперь растекаются в грязь.

Мар. Вас. в искушении. (Спекуляция под предлогом добра и кому добро выходило — те забывались, а зло помнили. Наказание.)

Разделываю повесть «Победа» изнутри: очень идет хорошо.

Тихонов определился председателем Союза писателей, это ничего, — честный человек, но Бог весть, во что превратится.

Бородин остро по-азиатски начал карьеру: чтобы доказать себя как смелого воина, нужно было поймать соседнего князька, и он поймал (Асеева) и ободрал (предложил исключить из Союза). Замеченные мной в «Дмитрии Донском» черты сладострастной жестокости (напр., поджаривают старичка и т. п.) оказались присущи его личности. Дальнейшее, конечно, все зависит от таланта: как сложится, азиатчина будет при таланте или талант при азиатчине — вот весь вопрос. Следующая книга все и решит. Если выйдет «Рублев» (он это пишет), то почему бы и не пофокусничать с азиатчиной, как я фокусничаю с гуманизмом (спасал Афиногенова).

«Героический Ленинград» повторяется теперь ежедневно, а люди из Ленинграда все, кого я встречал, пассивно переживали несчастье блокады, и таких огромное большинство. Но были и такие, кто держал всю эту массу в руках и боролся за Ленинград: это прежде всего Сталин и все, у кого в руках власть, и это значило «герои», и «героический Ленинград» — это они. Значит, из этого «героического Ленинграда» надо выбросить всех, кто не действовал, а лишь претерпевал по необходимости. Еще надо выбросить и тех, кто действовал по необходимости, выполняя волю начальника и т. п. Вот бы вычислить сознательно отношение героических лиц к пассивным.

24 Января. По просьбе Ляли я необдуманно прочел И.Ф. Попову из дневника 22 Января: необдуманно, потому что в дальнейшем пришлось открыться в вере своей больше, чем следует. И вследствие излишней откровенности, как водится в таких случаях, при возражении остался с раскрытым ртом.

И. Ф. против «невольных мучеников» партии возразил мне тем, что я беру не начало, а конец: вначале партию создавали тоже все мученики вольные. Точно так же если взять современных церковников, то и они в большинстве своем представляют собой невольников суеверия < *часть текста отсутствует* >.

Проповедь никого не удовлетворяет, и коррективом права на проповедь является творчество в самом широком смысле слова. Последнее были ваши слова, но когда вас попросили определить конкретно это творчество, то мир людей распался на небольшое число козлов (творцов) и огромное стадо баранов, ведомых козлами. На этом разговор наш и кончился, потому что мы не смели дальше вам возражать. А если бы я мог говорить дальше, я сказал бы вам следующее.

Та неприятная вам насильственная проповедь морали связана была с необходимостью церкви сосредоточить человечество на единой мысли о неизбежности смерти всех людей. Эта сердечная мысль теперь объединила большую

часть человечества в имени Г. Н. И. Х. и, по-видимому, совершив все, что необходимо, в движении сознания объединенного человечества, переходит постепенно во времени в свою противоположность. То «творчество», о котором вы говорите, прорываясь в отдельных людях как радость, является отнюдь не нормой, а лишь некоторым сигналом дальнейшего движения человечества. Об этом явлении нам можно лишь потихоньку шептаться между собой, но никак не противопоставлять горделиво необходимости страдания и смерти.

Тихонову Ник. Семеновичу.
(Отправлено сегодня)

Дорогой Николай Семенович,

рад бы Вас приветствовать в положении председателя Союза писателей, если бы не знал, что для Вас, поэта и честного гражданина, это положение есть подвиг. Извините меня, одного из старейших писателей, что я позволю себе предварить Ваш подвиг дружеским советом. В настоящее время мы, писатели, чрезвычайно обязаны особенному вниманию правительства к творчеству вообще. Но никогда мы не страдали так отсутствием дружбы между нами и совершенным невниманием к творчеству друг друга. Повторяю, правительство изо всех сил стремится вознаградить нас за наши труды, при малейшей удаче нашей отличает и вообще старается сделать от-личниками. Но мы не можем требовать от правительства внимания к нашей личности. Это должны сделать сами писатели, и это дело самое важное условие творчества. Вспомните Ал. Макс. Горького и его переписку с нами: находил же он время для нее! Вот и Вам тоже так надо: отвоюйте себе время для этого на первых шагах; если сразу этого не сделаете, погибнете, как погиб ваш предшественник А.А. Фадеев.

Как иллюстрацию тех трудностей, в которые поставлена теперь личность писателя, возьму себя самого. Около года тому назад я начал постепенно переходить от тем из природы к темам из современной человеческой жизни. Начал с рассказов о ленинградских детях и потерпел кру-

шение. Целый месяц упрашивал А.А. Фадеева приехать ко мне, познакомиться с моими рассказами: признаюсь, я вовсе не надеялся на него как на заступника, но считал неудобным обойти его и направить рассказы т. Александрову. Кончилось тем, что, не дождавшись Фадеева, я послал рассказы т. Александрову и тоже вот уже около месяца не получаю ответа. Итак, это со мной, а что испытывали dii minores*?

Обрадованный, что Вы стали председателем С.С.П., направляю и Вам документ моего хождения по мукам: 1) Копию моего письма т. Александрову. 2) Серию рассказов своих. 3) Последнюю книгу свою «Лесная капель».

Прошу Вас, позвоните мне В.1.44.30 (Михаилу Михайловичу Пришвину, Лаврушинский 17/19, кв. 65), когда получите мой пакет.

25 Января. Вода! Улицы — реки.

Работал над повестью «Победа». Хорошо делается, уконкречивать героя личностью покойного Федора Куприяновича Чувиляева.

Вечером навестили А.Д. Чувиляеву. Ляля относится к ней слишком заносчиво, потому что судит по себе, т. е. по своему лучшему. На самом деле А. Д. принадлежит к числу достойнейших женщин, начиная от С.А. Толстой, кончая моей Ефр. Павл. С какой-то точки зрения, все такие женщины дуры, — это вот с какой. Существует ум чисто мужской, захватнический, творческий (т. е. взять для переработки, производства) и ум чисто женский, цель которого не взять, а дать. И все они дают, прежде всего детей, потом отдаются и делу мужа. И этим женским умом они умны не меньше, чем мужчины своим умом производственным или творческим. Но они глупы, когда, наторев возле своих мужей, берутся за их дело, или, вернее, как жены попадают в оценку с той точки зрения. Между прочим, все они в глубине души своей таят ненависть к тому, скажем, «творческому» уму, посредством которого мужчина

* Dii minores — младшие боги.

(муж), собственно говоря, уходит из ведения женщины. Нужно Женщине вовсе отказаться от своей самости (самки), чтобы в духе соединиться с Мужчиной. Такие сожительства, как Толстого с Соф. Андр., Фед. Купр. с Анной Дм., мое с Е. П. и т. п. (имена их Господи веси!) порождают непременно в женщине в конце концов не любовь, а злобу. Взрыв злобы Е. П. на меня этого происхождения. И точно такой же взрыв у Ан. Дм. после смерти Федора Куприяновича (вырвалась из плена и начала в театры ходить). Еще к таким типам жена поэта Орешина, Ольга Криницкая: вырвалась из плена супружества и сделалась скульптором-блудницей.

26 Января. Мертвое тепло сиротской зимы.

Приехал Петя. Машину поставили в свой гараж.

Чтение рассказов о детях в «Детгизе».

Ответ Тихонова: очень сочувствует.

27 Января. Отправил Петю в Ростов за луком.

Были с Лялей у Магницких, вели светский разговор и радовались: можем и это!

Слово «дурак» в нашем смысле надо понимать как «образованный дурак», т. е. что человек может быть большого рабочего ума (в специальности), но не обладает вовсе чутьем современности, как хочется назвать бескорыстно-мыслительную способность каждого человека, отвечающую на в широком смысле поставленный вопрос: «Как поживаете?» Или просто: «Ну, как?»

Андрей Ник. Магницкий — порядочный «дурак». Лидия Петр. немного умнее. Оба живут для себя, а не из себя. Так они сознательно не имели детей и через это радость своего счастья промотали. Осталась скука жизни.

Любовь двух бездетных возможна до тех пор, пока Мужчина растет и Женщина участвует в его росте по-матерински. Л.П. Магницкая, сознавая это, даже поступила в университет, чтобы потом помогать мужу своему физиологу (!). Так что обращение Мужчины в ребенка при бездетности есть физиологический закон брачной жизни.

NB. К Милочке: — Как это можно, в такое время — и влюбиться!

28 Января. Шишков благополучно пишет о Пугачеве, а Зощенко рискнул написать о себе и получил наказание; думаю, не за то, что написал о себе, а что написал плохо. Вместо хотя бы отдаленного предвестника Личности приходит некий человече Зощенко и, памятуя формулу спасения «через грех к личному сознанию», начинает в этом смысле излагать свою собственную жизнь. Сам-то он за грех считает свою болезнь, тоску, но объективно грех его в том, что он взял на себя большое дело — хотя бы в возможности литературного дела как спасения, поднять забитую, распятую личность человека и воскресить ее и вознести ...

Едва ли возможна какая-либо на земле жизнь без греха: невозможна, потому что грех есть бродило сознания. Но это вовсе не значит, что каждый из нас для продвижения на пути сознания должен непременно совершить грех. Напротив, каждый, сознавая ужасный грех человеческий в прошлом, должен строить свою личную жизнь, обходя всякий грех, по возможности даже и безгрешно. И тем более так должен поступать художник слова, и еще во время войны как всем очевидного греха всего человечества. Именно не из греха и отношения к греху должен художник являть теперь людям слово. Плохой пример литераторам дал Достоевский, выводя своего святого Алешу из рода Карамазовых. Алеша, как святой, появляется именно вопреки роду, и, возможно, оттого он и не удался Достоевскому, что сам Достоевский был лично принижен грехом и не мог оторваться от зрелища разложения рода.

Очевидно, сейчас наступило время нового определения понятия «талант» и «бездарность», потому что при современных понятиях сам талант может быть более безнравственным, чем бездарность, и вот почему бездарность не определяется как преступление.

Творчество синтетическое. Творчество аналитическое.

29 Января. Над грязью и водой, стоящей на улицах Москвы, сегодня даже и солнце немного посияло.

Плотину прорвало: «старик Державин нас заметил», и со всех сторон потянулись ко мне руки журналов, и «Новый мир» берет обратно отвергнутые было «Рассказы о прекрасной маме».

Какое было чудесное метро, как мы наслаждались столько лет удобствами подземной езды. Но в нынешнем году пересадка в Охотном усложнилась открытием линии на ЗИС: стало тесновато. А после того, как открылась линия дальше за Курский вокзал и все Измайлово хлынуло, пересадка в Охотном стала просто опасной. А что будет дальше, когда хлынет люд с войны? Не ясно ли, что вся беда жизни нашей из-за растущей численности и переключения души нашей вследствие этого на технику, замену культурных способностей техническими и т. д. Ясно, что вопрос о преодолении войны сводится к преодолению нарастающей численности. Ясно, что война есть стихийное разрешение вопроса о вредной численности, и замена стихийного разрешения сознательным есть воздействие на размножение.

Книга Зощенки — это исповедь юноши лет в 20 из тех, кто домогается решения душевных вопросов знанием («хочу все знать»).

30 Января. В стороне от нищих на тропе идущих в церковь Ивана Воина стоял старик, бывший священник, стоял без шапки, молился, а идущие наклонялись к шапке его, лежавшей на снегу, и клали туда денежки. Когда шапка наполнялась, этот богатый нищий приходил к паперти, все раздавал и опять становился на тропу. (Ты что скажешь против такой бухгалтерии и экономии?)

Теща начиталась Зощенки и нашла, что она больна с ним одной болезнью.

Эта болезнь состоит в том, что личность больного предъявляет свои права на внимание и признание, не

имея для этого никаких внешних данных. Вся беда в том, что Ляля не является [для] матери своей авторитетом, да и вообще теща не позволяет себе смириться ни перед кем. Если посоветовать ей старца, она станет разбираться: какого же, и ей не угодишь никаким. Точно так же и с докторами: будет искать себе доктора и не найдет.

Остается единственное средство лечить таких людей жизнью, т. е. предоставить им лично самим добывать себе пищу и устранить сострадание близких. Жизнь так их и лечит.

И так я вылечился, когда тоже так болел, как и Зощенко и т. п.: смиренно работал над книгой «Картофель», пока не получил прощения.

Вальбе говорил, что правительство, надев погоны, хочет быть Comme il faut*, а народ благодаря этому повертывает лицо свое назад и там ищет примера для своей жизни. Так вот и создается «родина». К этому еще и личность может раскрываться теперь лишь на войне, и этот исход в личное через военное действие определяет победу (то же, что сдавленный пар). И третье он сказал о младенчестве народа, столь очевидном на уличных драках, давке в трамвае, в репликах в метро и т. п.; это младенчество в свою очередь объясняет чудо нашей победы над умнейшими немцами.

Вальбе изложил мне, что такие, как Толстой или даже я — это вельможи, а масса писателей — это голодные, забитые нуждой люди, и что всех таких мучеников культуры на всю громадную страну немного больше тысячи человек.

Положительная особа. О.Д. Форш всем хороша, но когда встречаешь ее в общественных местах в орденах, то чувствуешь в ней полное довольство своим положением и что, все отрицающая на словах, сама она теперь положительная особа.

---

* Comme il faut (*франц.*) — как следует, соответственно, как нужно.

Начал читать Горбатова «Непокоренные» с большим было удовольствием и сочувствием, но, не дочитав первой страницы, сообразил, что герой ее Тарас с сыновьями есть Гоголевский Тарас и, значит, патриотизм его условно-литературный, уводящий в сказку, как у Гоголя, но не подлинный, и даже слово «Россия», как он говорит это, опять не из уст действительного современного мужика, а сочиненного, и что Гоголю на свободе тогда это можно было сочинять, а теперь в тесноте это нельзя, не верится. И несмотря на то, что повесть, наверно, очень хорошо написана, я читать ее не стал.

Понимаю так, что эти люди вроде Горбатова хотят обмануть публику, не обманув себя.

В том-то вот и секрет искусства, что человеку нужно выйти из быта, из времени его и пространства и так, обманув в себе бытового человека, сделаться художником и тем самым получить право других обманывать.

Однако можно и не быть в таком смысле художником, чтобы отлично писать повести и успех иметь.

«Обмануть себя», т. е. освободиться от наивной уверенности в себе... как существуешь на ощупь.

1 Февраля. Были на юбилее Т.Л. Щепкиной. Пришли личные почитатели, но писателей не было, потому что можно было не быть. Приходят, лишь когда самого себя касается, а это бывает, лишь когда врывается политика: это касается себя и всех. А раньше жизнь искусства сама по себе касалась, и тогда шли из-за искусства бескорыстно. <*2 строки вымарано.*> Искусство, если понять его как женщину, теперь в черном платочке притаилось где-нибудь тут в уголку у Скорбящей, и никто-никто-то не знает, что вот оно где пережидает страшное время.

Ум бессердечный в кладовой всемирной культуры может выбрать себе очень много книг равноценных, но умное сердце выберет единственную безусловно прекрасную книгу — это, конечно, вы знаете, какую.

«В церковь идут люди сами» (т. е. по своей доброй воле, ничем материально не заинтересованные, чего нельзя сказать о кино и театре: туда ходят развлечься, людей посмотреть, себя показать).

В ЦК назначили председателем ССП Н.С. Тихонова. Это факт. После того были созваны некоторые члены президиума (меня не позвали), и при их одобрении Фадеев передал дела Тихонову. И тогда назначен был пленум, и со всех концов страны полетели, поплыли, поехали по железной дороге и на лошадях и на верблюдах делегаты. И все только для того, чтобы утвердить Тихонова, вернее, увериться своими глазами в назначении Тихонова.

2 Февраля. Даже если в храме у людей пошатнется любовь — это еще не конец: сила этого греха породит в ответ силу власти закона. Но если и тут в законе, охраняющем жизнь людей от разложения, появится слабость, тогда народ встает во имя правды, и этот народно-стихийный, страшный суд без участия Бога любви, во имя одной лишь правды и есть революция. Так это мы пережили — свою революцию, но она не кончена: ведь мы не одни из народов потеряли любовь и не соблюли закон, в этом весь мир виноват, и весь мир должен претерпеть революцию. Дай, Господи, все понять, ничего не забыть и ничего не простить.

Любовь содержит в себе всю свободу целиком и в большом, и в малом (к «откровению помыслов» — о водке).

3 Февраля. По дачным делам «Заветы Ильича». Вечером читал начало «Победы» Замошкину и Удинцеву. Они так очарованы «Фацелией», что новая манера моя писать в «Победе» их смущает. Уверен, что Замошкин это мое изменение приписывает влиянию Ляли. Но он не понимает, что у нас влияние возможно лишь через любовь, а в любви личность растет <*зачеркнуто:* а не подавляется>. Есть, однако, какая-то тоже «любовь», скажем, поповско-толстовско-чертковская, в которой таится претензия го-

сподства бездарности над живой личностью. Этой «любви» и боится Замошкин.

Один очень крупный партиец на вопрос, кто этот Поликарпов (секретарь ССП), ответил при людях: «Жидоед!» Сообщавший мне это сказал от себя: — Партийцы теперь неузнаваемо изменились.

Карьера Бородина: использовал успех своей первой и скромной книги «Дмитрий Донской», получил лауреата, поступил в партию, сделался жидоедом в киностудии, попал в чьи-то руки. Скоро погибнет.

Я ведь единственный из писателей доказал, что писатель, если захочет, может и при сов. власти отстоять независимость авторства. Был бы рад назвать в литературе другого борца за личность, разве, говорят, Пастернак? Но я его не понимаю, а Ценский шпарит на заданные темы. Наверно, где-то таятся... Но только не надо думать, что поэты, как грибы, вырастают лишь при теплой погоде.

5 Февраля. День моего рождения (23 Января).

Утром зашли к Ивану Воину. Там был молебен Воину. Ляля дала мне две свечи, одну на жертвенник, своей матери, другую Богородице. После того пришли домой, и Л. угощала меня, как именинника.

Вечером был на пленуме. Утвердили Тихонова председателем. Начал речь он тем, что сов. правительство имеет главной идеей своей Правду. Мне это понравилось, но потом началось обычное перечисление имен тех, кто что-то делал для войны, на первом месте стал Симонов, и так по ступеням распределил всех. Меня, конечно, даже и не упомянул. Конечно, такое поминовение имеет значение погонялки для молодежи, и что не упомянули меня — ничего, но... мне показалось, что если бы я не отдался своему счастью, то мог бы что-то сделать гораздо большее. (Едва ли, однако: мое счастье ведь было тоже «производственное счастье».) Но так или иначе, а мелькнуло сомнение.

В это время ко мне подошел Эль-Регистан, и от него пахло водкой. — Мне, — сказал я, — понравился выбор Тихонова, и хорошо, что он сказал о правде. Он сам такой правдивый, такой работящий. — Разрешите, — сказал он, — анекдот восточный рассказать: ишака позвали на свадьбу, и он сидит недовольный. — Чего ты не весел? — спрашивают его. — А вот, — говорит, — не доверяю, боюсь. — Чего? — Да что заставят или воду возить или дрова тащить.

6 Февраля. Половодье в Москве.

7 Февраля. К повести: Перед нашим человеком в захолустье как будто кто-то нарочно стену ставил, заслон, чтобы ничего они видеть не могли вперед. И так этот заслон складывался, я могу сейчас, пожалуй, даже и понять. В каком-нибудь, скажем, колхозишке появляется председатель: он и пьянчужка, он и ругатель, и кум всякому болотному зверю, а между тем распорядок его в колхозе хороший, и никто из своих в деревне так и не мог бы сделать. Из этого-то именно вот и получалась завеса будущего: смотрели на человека, что пуст он, и по человеку не допускали никак хорошего дела у него. И вот тут-то и спускалась завеса. У нас не понимали то, что не по этому нашему человеку надо понимать будущее, а по тому, как через этого нашего пьянчужку осуществляется воля, может быть, Всего человека, сходящего из всего прошлого и будущего в настоящее.

9 Февраля. Все говорят, что теплая зима — результат стрельбы на войне.

Слышал с войны: попалось 1000 немцев, их всех нужно было убить холодным оружием, и нашлись какие-то люди, не так много их и было: всех перерезали.

– Вы ужасаетесь, сравнивая это дело с тем благополучием, в котором вы росли, и думаете, что то была настоящая жизнь, а эта случайная. Нет, вот именно та-то ваша благополучная жизнь была случайностью, а настоящая жизнь — вот она: мир во зле.

Сколько перемучится женщина, пока сделается спокойной старушкой: как ручей-мученик в море вольется.

Задача к 15 Марта: 1) Кончить и устроить повесть «Победа». 2) Отремонтировать машину. 3) Устроить дачу. 4) Начать работу на конкурс по детской книге.

<*На полях:* 23 февраля: Повесть кончаю. Машина готова. Дача почти готова. О работе на конкурс говорил с «Детгизом».>

10 Февраля. Идеал «я лучше всех» есть самая тайная и самая глубокая причина движения вперед к лучшему человеческого общества: это есть кости и мускулы жизни. В социализме эта сила осознана, и ей пользуется государство пока еще грубо и неразумно (стахановцы и пр.).

11 Февраля. Антропософия как средство сделать церковь «полезным» учреждением (и, конечно, полезным и государству).

Истинная церковь там, где люди лично собой не заинтересованы.

13 Февраля. Визит к Щепкиной-Куперник.

15 Февраля. Сретенье. В этот год весна с зимой так и не встретились: зима уклонялась от встречи. С утра прихватит морозик маленький, а к вечеру непременно течет.

Смиренномудрие как хозяйственная забота о ближнем есть освободительная деятельность: у такого хозяина каждый работник чувствует себя свободным и находит радость в труде.

Принципиально решен вопрос о даче и ремонте машины.

Замошкин, по-видимому, разваливается; провалил мою книгу: вышел в свет винегрет из всех моих сочинений (юбилейный сборник) без всякого пояснения, для чего нужно все написанное мной так искромсать. И до-

шло до того, что вместо «Черный араб» напечатали «Черный гроб».

«Победа» на полпути. Ляля уверяет, что это будет вещь настоящая. Читал отрывки Пете, и ему люди мои представляются нереальными. Из этого делаю вывод, что необходимо: 1) вывести их всех из «12 писателей»: первый Алексей Михайлович и потом его ученики. Пожалуй, и вся повесть пусть будет не «Победа», а «Читатели». Уконкретить их в главе «спор», т. е. сделать видимыми («такие люди бывают»).

Ездили на дачу в Пушкино, очень понравилась дача, но явился в этом романе соперник, некто Караваев, хочет идти к Пронину. И вся-то наша жизнь есть борьба!

16 Февраля. Петя направлен к Косенкову на ремонт машины.

Игра кошки с собакой (чистенькие глазки у кошечки, как чистая водица, и коварство воды и женщины, и простота, доброта, доверие собаки). Наблюдать ежедневно.

Петя по следам на снегу прочитал борьбу ястреба с зайцем (пешком в «чемодан»).

Шел следом выдры и нашел у реки 20 окуней без голов: выдра отъела головы и оставила. По следу свежему и рыба свежая. Он принес зайца и рыбу домой, и жена сказала: — Пожалуй, Петя, не поступай на службу, так больше достанешь.

Эта зима 1944 года кажется, будто это не сама зима идет, как мы привыкли о ней думать и страшиться, а ее искусственно сделали, и от этого страх наш пропал. Вместе с исчезновением страха перед зимой исчезли куда-то и те радости и горести души, от которых то веселишься, то печалишься. Точно так же и страх перед немцами пропал, и впереди люди и ждут только одного: поскорей бы только все кончилось.

17 Февраля. Внешний мир, конечно, и на меня, как на всех, действует, я это очень чувствую по себе, но ничего не помню или очень мало. Вот каждый день хожу через Каменный мост и вижу Кремль, но помню только, что там башни, дворцы, церкви, стена, а какие это башни, как расположены между собой башни, дворцы, церкви — не знаю. Весь Кремль в совокупности входит в меня какой-то светящейся точкой и ложится на сердце, лаская или тревожа его, отчего поднимается мысль, быть может, совсем о другом. Однако сущность Кремля остается во мне, и если бы я вернул опять свое сознание и направил на Кремль и стал его изучать и записывать, зарисовывать, то унес бы с собой представление о Кремле, организованное в частях своих внутренней его сущностью.

Отдельные люди очень хвалят «Лесную капель», но журналы и газеты о ней не скажут ни слова, и я чувствую себя с ней, как будто я гражданин какого-нибудь государства, совершенно свободный с одной оговоркой, что власть распоряжаться материальными средствами и обороной принадлежит другому государству. Так и с книжечкой моих мыслей: без права распространять эту книжечку мысли мои остаются при мне точно так же, как вера без дел (как наша церковь).

Так и во всем мире было до войны: капитал — это власть распоряжаться мыслями людей, лишенных права личной обороны.

(Вспомни записки купца Волкова: как монах делается капиталистом.)

Фашисты эту власть (злато) заменяют властью господ (расовых).

Коммунисты, да, а коммунисты чем? Властью рабочих, т. е. создателей ценностей, производителей.

Но тут вопрос: кто же эти «рабочие», те ли, кто мыслят, или те, кто делают? Те, конечно, кто и мыслит и делает, т. е. человек, соединяющий в себе мысль и труд. Встает второй вопрос, где нам найти такого человека? В природе нет его. (У фашистов: в природе.) Значит, его найти негде, и надо

создать, надо воспитать цельного человека. Возможно ли? Невозможно воспитать всех в одного. А раз так нельзя, значит, надо соединить, или организовать.

Итак, коммунисты думают найти источник богатства людей (и власти) в разумной организации всего общества. А фашисты источник[ом] богатств считают природу господ.

Возражения фашистам: «господа от природы» сделают всех других рабами, т. е. достигнут благополучия уничтожением большинства людей.

Возражения коммунистам: можно объединить людей духовно (как в церкви), без принуждения, а всякая организация людей в отношении производства материальных ценностей должна сделаться принудительной, как всякая механизация, и тот идеальный человек, «пролетарий» есть человек выдуманный, механический Робот.

Итак, автор «Лесной капели» после этого разбора продолжает оставаться без обороны своей мысли со стороны, и я возвращаюсь к разбору другим путем.

Анализ «правды» моего коммуниста: правда есть священная война за истину.

Вчера Шишков нам сообщил, что сейчас только описывал, как Пугачев купался, и нам было удивительно думать о человеке, который во время Страшного суда занялся описанием купанья мужика, казненного за воровство государственной власти.

18 Февраля. После великих мук с машиной наконец исполнилась заветная цель: машину приняли на капитальный ремонт.

Вчера закончилась операция с окруженными немцами на юге.

Ветер с востока. Под вечер галки слетелись на дерево и плотно друг с другом уселись на ветках, и каждая направила носик свой вострый и черный и белые глазки на восток, чтобы ветер обтекал птицу и не шевелил перышки.

19 Февраля. Она вообще во мне сомневается, — тот ли я, кого она может любить, что я капризный, избалованный эгоист и т. п. Плохо, что я перестаю бояться ее упреков и верить в их истину. Очень правильно веду себя в отношении тещи, как мужчина, потачки не даю, а ей только это и надо. Вообще все они, женщины, ищут начала, все стремятся попасть под начало.

20 Февраля. Ветхий Завет весь в причинной связи и Евангелие так и начинается, что Авраам родил Исаака, Исаак Иакова, и так цепь причин доходит до Иосифа, когда цепь обрывается и семя как причина рождения выпадает: Христос рождается прямо от Духа. Науки развиваются, как рождение в Ветхом Завете, тоже в причинной связи и в законах. И если наука возражает чуду по причине... то что стоит это возражение, если причинная связь пересекается перпендикулярно линией связи беспричинно-любовной (крест).

22 Февраля. Только вспомни, сколько, начиная с «Фацелии» я создал страниц о тебе! И я не знаю, почему о вере одной сказано у апостола: вера без дел мертва. А разве не то же самое надежда и любовь?

Из разрешенных детских рассказов в «Новом мире» выбросили лучший, и когда я открыл им, что он напечатан в военной газете, решили пересмотреть.

Оказалось, это для экономии в бумаге в ЦК решили убрать все предисловия. Так и у меня из юбилейного сборника убрали, и читатель не будет знать, почему же именно и для чего сделали вермишель из моих сочинений.

Ляля при чередующихся катастрофах в ЦК с моими сочинениями старается утешить меня тем, что это не против меня лично («несть бо на лица зрения у Бога»). Верно ли это, что у Бога нет зрения на лица, и Бог ли это, кто не видит у человека лица? По-моему, это не бог, а закон как по-

следствие греха. Вот именно перед законом нет лиц, и это закон в Ветхом Завете считался орудием Бога. Напротив, в Новом Завете орудием Божьим стало милосердие, через которое именно и определяется лицо человека. В Новом Завете у Бога явилось зрение на лица, открылись глаза у Бога на человека, и личность стала священной, и люди во Христе стали как боги.

Итак, древний закон, почитавшийся орудием Божьим, стал в Новом Завете орудием прокурора, а заповеди Моисея превратились в законы евгеники. Возможно, что в будущем и заповеди блаженства из области культа будут переданы исполнительным органам социализма.

Итак, Бог творит мир всегда впереди человека и, сотворив нечто новое, передает его для пользования человеку. Можно всю историю культуры, все это дело связи между людьми понять как переход творчества жизни из рук Божьих в руки человеческие; и личность в истории в этом понимании является посредником между Богом и человечеством.

Не надо скакать на ЦК, помня завет Чехова не браниться на городового, и еще помнить, что если тебе голову отрубят теперь, то в этом никто не виноват, кроме тебя: делай так, чтобы тебе не отрубили голову. Вот почему все писатели забоялись и разошлись по углам, и никто друг за друга не заступается. Однако, зная, что все боятся и прячутся, что это уже заметили и назревает потребность в показателе храбрости, мне, единственному умному, можно бузить. Но, по правде говоря, я только сейчас сознаю вполне, как хитро я пользовался все 26 лет этой потребностью власти в гомеопатической дозе свободы личности. Способность к юмору помогала моему юродству, и так создавалась особая эрзац-искренность. Я счастлив тем, что не перехожу в этом меры и оттого не делаюсь, как Сейфуллина, советским шутом.

23 Февраля. Сегодня в 7 вечера приедет Щекин под предлогом устройства мне вечера. Так или иначе, но вечер

в Москве непременно надо устроить, потому именно непременно, чтобы не считали за покойника.

Слышал, что даже фигура Маяковского в нише Ленинской библиотеки не спасает наследницу его сестру Л.В. Маяковскую, а и она мается в нужде. Но если бы эта фигура хотя бы только, как Робот, могла ходить по площадям и орать какой-нибудь площадный стих Маяковского, наверно, сестра его бы не маялась. Не оставить ли Ляле завещание с просьбой сделать ей под Пришвина Робота на «Фацелию»...

Был Щекин, рассказал об одном адмирале из бывших, что у него дочка замуж выходила за коммуниста. Адмиральша требовала церковного брака, и адмирал тоже, и за ними дочка тоже на гражданский брак не соглашалась. Коммунист пошел к секретарю (узбек), спрашивает, как быть. — Соглашайся, — ответил секретарь, — венчайся, только не крестись во время обряда. — И коммунист венчался, не крестясь.

Бабу привели в Зоопарк, она посмотрела на льва, на тигра, на слона, на бегемота и сказала: — Это глаза отводят, ничего нет. — Перекрестилась и вышла. Человек, увидев слона, обошел его кругом и сказал: — Не может быть.

24 Февраля. Машина прошла тех. осмотр и красится. Сборник «Избранное» (вермишель) в сигнальном экземпляре. Повесть «Ключ правды» кончается: остается выписать одну главу действующую и два-три эпилога. Движение вперед по технике писания: углем рисунок от начала до конца и после красками.

26 Февраля. Закончена драматическая часть повести вчера. Сегодня приступаю к началу конца (эпилог).

Ходили к Ивану Воину слушать «На реках вавилонских».

27 Февраля. Воскресенье (Прощеное).

Пишу последнюю главу повести «Ключ правды». 17 Апреля через 7 недель Пасха. По словам Пети, в народе

начинает распространяться уверенность в том, что простого конца войны, как ждет его усталый человек, вероятно, не будет. Из этого само собой вытекает, что готовиться надо не к концу войны, а к кончине (и по возможности «безболезны, непостыдны»).

Пришла сестра Олега Светочка и сообщила, что в 41 году ее вызывали и допрашивали, и когда она ответила, что он мертвый, ей сказали: «А может быть, жив». Мы представили себе возможность появления Олега, и решили, что нам он не помешает. С. призналась, что у нее кроме ее законного мужа, от которого у нее мальчик, был другой, и этого второго она любила больше. «Теперь оба на фронте и оба молчат, а я жду, кто бы ни пришел». Война как испытание всей любви: столько слов наговорили о любви, что теперь уже ничего не понять, но война — это проверка словам.

Читал «Страшную месть», и Гоголь показался как мститель, стала понятна борьба его с пошлостью, с довольством людей их маленькой долей с их немудрым смирением. И это он все понял, но запросил на месть свою столько, что сам обратился в мертвого рыцаря на коне.

28 Февраля. 1-й день Великого Поста. Метель.

Выписал («углем») последнюю XIX главу повести «Ключ правды».

Навестила нас Н.В. Крандиевская (Толстая).

Помню, редактор «Русских ведомостей», услыхав мой устный рассказ, сказал мне: — Напишите это нам для «Русских ведомостей». — Хорошо, — ответил я, — сегодня поеду в деревню и там напишу. — Да почему же уезжать? Садитесь вот тут и напишите. — А я и представить себе не мог, чтобы взяться и вот здесь написать. И так вся моя литературная деятельность проходит где-то там, в углу, в одиночестве, а Толстой А.Н. всегда здесь, на людях, и у меня так трудно, а у него так легко. Крандиевская вполне ему пара, тоже и она талантливая, легкая, светская.

Великое повечерие. Канон Андрея Критского. Господи, Владыко живота [моего]... То среднее существо (в начале революции «беднейший из крестьян», потом «пролетарий», и самое главное, это я сам, взятый как среднее арифметическое) в церкви не пугает, не отталкивает, напротив даже: тут «средний» (христианин) по существу обладает тем же самым, чем и мудрейший. Возможно даже, что «пролетарий» в своем культе именно и есть рационализированный христианин.

Встретилась Ольга Криницкая.

Плетнев, директор дачетреста, опять виляет. Сходили к Преферансову, пожаловались, тот по телефону изругал его, но ордер все-таки будет только в четверг.

Ремонт машины кончается, готовлюсь опять в шоферы.

«Ключ правды» в отделке, полируется.

2 Марта. Узловой день, все пути достижений сошлись в одну точку: 1) Ляля легла на операцию. 2) Получен ордер на дачу. 3) Готова машина. 4) Повесть кончена (мелкая отделка остается). Начиная с устройства Ляли в больницу, все давалось так трудно, что достижение получается как вывод, но не радость.

3 Марта. 1-е утро без Ляли. Вечером майор Леонид Соловьев и с ним еще какой-то писатель молодой завели меня в кабак (ресторан). «Трудно деньги получить и еще труднее пропить». Перед кабаком была толпа инвалидов в очереди. Когда наш майор и за ним мы шли без очереди, вся толпа нас ругала. Стоя дожидались столика. Какая грязь! Табак, жара, удушье. Четверо выпили по две рюмки водки, закуска винегрет, кета, и все это Соловьеву стоило 800 р. Из этого вечера я узнал, что будто бы Жданов является моим приверженцем, и еще понял, что среди молодых писателей у меня много не только читателей, а страстных почитателей.

– Вы у нас много выше Гамсуна, — сказали мне. — В мировом пространстве, — ответил я, — нет ни верху, ни низу,

так и в искусстве у каждого художника свой путь. Мне же самому кажется, что у Гамсуна любовь изображается слаще, завлекательней, но всегда как борьба слепая и безысходная. А моя любовь направлена к достижению единства человека: двое борются, чтобы стать одним существом, каким был сотворен первый человек.

Встретил Ценского. Боюсь этого человека, мне кажется, что он графоман и, наверно, бешеный в своем упрямстве.

Из кабака думал о Ляле, что какое это расстояние от богемы до нашей пустыньки! И как нужно остерегаться шума возле своего имени, чтобы не возмутить ту пустыню.

4 Марта. Договорился с Иноземцевым на $8^1/_2$ утра Вторник 7-го Марта о поездке на Клязьму и в Пушкино для договора о даче. Завтра на свидание с Лялей. В понедельник у нее операция.

Только любовь, одна только любовь может заставить человека сделаться христианином.

Мать привила во мне уважение к труду, и все это наше народничество происходит из этого уважения, и социализм. Все это пришло к русскому человеку через церковь.

Но еврей знает закон любви и без помощи христианства. Еврей так много жил и терпел, что ему и не надо выбирать между язычеством и христианством, вся эта наша борьба стала практическим делом, и он об этом не думает, как человек не думает, когда идет, о всей системе двигательных нервов, мускулов и костей: ноги сами идут. Мы же потому о всем этом говорим и думаем, что мы в этом еще дети.

5 Марта. Самая подходящая мне молитва: Научи мя творити волю Твою.

Прочитал конец «Ключа» (вот бы назвать «Иван Воин») и уверился: создана вещь настоящая, только начинаю это сознавать, да, кажется, хорошо.

Есть рядом со сладострастием страстишка предвкушать достижение цели <*приписка:* любовь для себя>: эта страстишка, во-первых, ослабляет действие, во-вторых, при неудаче обеспечивает отчаяние. Поэтому, начиная и делая что-нибудь, будь строг и холоден к достигаемой цели, как будто не для себя достигаешь, гляди строго вперед, как моряк за рулем, ведущий корабль, за который он отвечает.

Бывало, я радовался, думая о Ляле как о каком-то добре, лежащем вне меня. Теперь Ляля вошла в меня и стала мной самим, отчего в своих собственных глазах я повысился, посмелел и очень поумнел.

<*Приписка:* На самом деле это свинство — думать, что она вся во мне: вот именно не вся, и только пока не вся, будет движение, вся — это конец, что-то вроде старосветских помещиков.>

Был в Кремлевке у Ляли (завтра операция). С ней лежат две старухи-безбожницы, одна из них Менжинская. Ляля находит в себе к ним чувство жалости. В общем, дух бывшего дома Ильича: во времени они были деятелями правды и, достигнув какой-то ступени, остановились где-то там глубоко внизу, окаменели и стоят, как львы сторожевые. Противно, что все они пользуются высокими преимуществами в своем материальном обеспечении и до последней степени уверены в своем достоинстве. Вот острота одного из таких сторожевых львов коммунизма.

Один из редакторов Александрова т. Николаев сказал Ляле, что он читает мою «Лесную капель» (Николаев — еврей).

Изнасиловал меня П. Барто, вынудив рекомендацию в Союз писателей (членом). Как устоять против того, что у несчастного писателя трое детей.

Приходил страдающий учитель из Усолья И.И. Фокин (больной желудок, черного хлеба съедает 200 гр., а 400 от-

носит дочери). Про себя говорит, что жизнь невыносима, но что, как глянет на сына, на той же военной службе и о тех же вещах сын говорит весело и переносит легко. «Значит, мое мнение зависит от больного желудка и не совсем отвечает действительности».

Еще заметка на пост: очень остерегаться радости, возникающей в ответ на восторг читателей, нет ничего обманчивей этого.

Последние дни, наверно, под влиянием окончания повести и предвкушения (см. выше) успеха, начал задирать нос и обличать писателей в трусости: это надо бросить, скорее надо удивляться, что вовсе не бросают писать.

6 Марта. В 10 утра из Кремлевки сказали, что операция благополучна, без обмороков.

В 4 ч. спрашивали: благополучна.

Совсем закончил «Ключ правды» (только мелкие исправления и переписка).

Вечером прибыл Петя, говорит, что, по слухам, прилетели грачи (значит, на 2 недели раньше). Снег будто бы уже зернистый.

7 Марта. Утром выедем заключать договор о даче в Пушкине. В среду буду читать Филимонову (позвать и Леву) «Ключ правды» (1-е чтение). Знаю, что в деталях все прекрасно написано, а пока вслух людям не прочел, не могу сказать, хороша ли вещь, совсем даже не уверен. Пример «Иван Осляничек»: детали бесподобны, а в целом вещь никуда не годится.

8 Марта. Сравнивая с другими свое положение в Советском Союзе, я должен признать себя счастливым больше всех (даже и Михалкова), но если судить, не сравнивая, то все представится в ином свете. Так что же? Неужели в Советском Союзе люди так несчастны, что я, старик в 71 год, [кажусь] самым счастливым?

Каждый вид животных, если бы только мог беспрепятственно размножаться, заполнил бы собою всю землю. А человеческий индивидуум, т. е. один единственный человек, если бы мог свободно распространяться, заполнил бы один собою вселенную и объявил бы себя богом. Вот почему нельзя никому на земле позволять жить для себя, и каждый из нас, если он верующий, ограничен волею Бога, а неверующий волей своего начальника. Но каждый, имея в душе семя личного распространения во всем мире и в то же время в этом подавляемый, имеет возможность распространяться дальше, чем следует, путем обмана, и вот таким средством обмана в борьбе с ограничительной правдой является искусство и все его «бессмертные» деятели. Отсюда вывод ясный, что только верующий в Бога человек может стать правдивым художником.

– Учитель, что делать, если я по природе своей художник и хочу быть правдивым и великим, но Бога не чувствую?

– Тогда найди себе верующего человека и полюби его: он будет верить в Бога, а ты люби человека, и будете с ним вместе у Бога.

– Но если я и полюбить никого не могу?

– Тогда просто женись, и твое физическое размножение поставит тебя в условия животного ограничения.

Читаю «Великий язычник» (Гете) какого-то француза и понимаю, что язычество Гете он видит, напр., в том, что Гете, чувствуя в себе великое призвание, подло обманывает Франческу и бросает ее.

Выходит так, что если бы Гете подчинил свое великое призвание узам Гименея, то поступил бы как христианин?

С подлинно христианской точки зрения, однако, можно доказать, что тогда Гете зарыл бы талант свой в землю и, значит, поступил бы не как христианин.

Мне думается, что понятие «язычество» создано попами как ограничитель движения личности в Духе Святом.

Вероятно, это понятие происходит из эпохи борьбы человека за единство Бога (Иеговы), и тогда поклонявшиеся силам природы, Солнцу, Луне и т. п. назывались язычниками.

В христианстве современном эти ограничители должны быть сняты, и силы природы, благодетельные человеку, должны быть в Боге поклоняемы и славимы.

То же самое и верующий художник, пусть он эгоист, как Гете, может распространяться как личность во всем мире. Христос снимает страх и узы со всякого художника, признающего Бога своим вождем. Если же Гете поступил «подло» в отношении женщины, то гораздо подлее оправдывать эту подлость творческим эгоизмом и такую мерзость определять как «язычество».

Если я мыслью заполнен, то какой же еще мне нужен мир? Я иду в мире, в нем замечая лишь только чтобы возможно было идти. Но если я мысль потерял, то обращаю острое внимание к миру, чтобы найти потерянную мысль, и мир тогда мне представляется каким-то огромным вместилищем потерянных мыслей, среди которых находится где-то и та, которую я потерял.

9 Марта. Вчера читал в первый раз «Повесть нашего времени», присутствовали: А.А. Филимонов, Б.Д. Удинцев, А.С. Яковлев. Филимонов забил даже Удинцева, а Яковлев почти ничего не мог сказать. Но в общем я сам понял и могу впервые сказать, что это действительно сделана вещь та самая, которой я хотел («со славянской душой»). Название «Ключ правды» надо отбросить. Еще надо вступительный тематический диалог (спор) разработать с целью лучшей вырисовки действующих лиц (не слова бы спорили, а натуры). Еще пересмотреть личность сказителя. Общее мнение, что ни один редактор не возьмет на себя риск печатать, а надо действовать через Жданова или Щербакова.

Вчера же, благодаря освобожденности своей от повести, бросился в объятия рыболовного общества, купил

спиннинги и пр. Помирился с Плетневым. Потом пришли хорошие вести о Ляле, и таким образом вся намеченная программа зимних дел выполнена: 1) Сделана операция Ляле. 2) Написана за зиму крупная вещь. 3) Ремонтирована машина. 4) Добыта дача.

Был на свидании с Лялей. Операция оказалась тяжелой, она сильно мучилась, потеряла много крови, слаба. Я был удручен и до ночи не оправился.

Вечером был на лекции о спиннинге. Узнал, что щуку можно поймать на окурок, что толчок блесны о воду побуждает рыбу броситься и схватить приманку. Хорошо бы затянуться в рыбный спорт: круглый год охота и не надо собак держать.

10 Марта. Дела: 1) Литфонд и справка. 2) «Госиздат»: Чагин и бухгалтерия. 3) «Новый мир» и корректура (телеф. Замошкину). 4) Книги, бумагу, карандаш Ляле. В 11 д. позвонить в Литфонд.

Вечером был на лекции «международное положение». Понял германское нападение как выражение нашего же старого противоборства большевикам, одно с другим соединяется плюсом и все. Все проще: Америка меньше боится большевиков, чем немцев. И вот что у Гитлера: — В Европе если падет Германия, то победители будут не Америка-Англия, а Сов. Союз.

11 Марта. Под влиянием написанной задорной повести, отчасти также от успеха «Лесной капели», а также [благодаря] починке машины, устройству дачи и т. п. чувствую в себе некоторую долю вызывающего зазнайства в том смысле, что все писатели трусы и пишут плохо от трусости, а я герой и пишу хорошо. С этим надо покончить, потому что не знаешь, где тебя самого стерегет человек с камнем в руке и что это существо, стерегущее тебя, не зависит от эпохи и твоего положения. Вот было, Гершензон

«открыл» стихи Пушкина и поспешил сам себя возвеличить, но однажды утром к нему входит Саккулин и объявляет: это не Пушкина стихи, а Жуковского. Или в наше время Михаил Голодный написал, казалось, хорошие стихи: «Месть сомкнула кольцо». Но кто-то без подписи напечатал в «Правде» о том, что стихи никуда не годятся, потому что «месть не может сомкнуть кольцо». Явно вздор! Если месть не может «сомкнуть», то ветерок тоже не может играть кудрями красавицы. А завтра кто-то без подписи с камнем в руке станет на твоем пути и собьет тебя. Помни, друг, что ты держишься милостью к тебе, и весь подвиг твой (если он есть) держится милостью, и вся свобода твоя есть дар, а не выслуга. (Вложить в Милочку этот «дар».)

12 Марта. В церкви стоять нельзя, такая толкучка: не стоишь, а движешься толчками, и это надо постом принимать как за грех: полна церковь грешников, все спешат, все в делах... <*Приписка:* И чем зверистей рожа грешника, тем чудесней его появление в церкви, в этом чуде — бездонная глубина христианства.>

Прекрасней нет ничего на свете дерева, но и на нем есть грех, а то почему бы оно стоит и почему на нем птица, самое вольное в мире существо в своем движении: птица и дерево, может быть, когда-нибудь были в одном существе. Я хотел бы, как дерево, стоять неизменно на одном месте и, как птица, быть совершенно свободным в движении.

Почему это бывает, что мысль какая-нибудь обыкновенная и постоянная, если напишешь ее, становится значительной?

Если Гете был язычник, то ведь он же ради Христа был язычником, и долг критика не повторять язычника с его именем, а напротив, сделать Гете христианином и ввести раба Божия Вольфганга в церковь.

Из-за дома высокого на дворе у меня виднеется крест невидимой церкви, на кресте сидит часто галочка, и когда я утреннюю молитву читаю, то с галочкой на кресте моя молитва бывает доходчивей (так мне кажется).

Когда вижу на дереве птицу, чувствую полноту жизни: в неподвижный рай дерева птица вносит движение...

Так и поэт среди догматов религии и моралистов-проповедников, с той разницей, что на дерево птице <*зачеркнуто:* (или галке на крест)> хоть сесть-то можно, а поэта до смерти оставляют в язычниках и непрерывно гоняют, чтобы он не устроился и не засиделся в добре.

Слава поэта похожа на шест, которым гоняют голубей, чтобы они летали и не рассиживались.

Поэт, преданный славе, летает как голубь под свист мальчишек.

Но горе, что и без славы нельзя: добивается славы, а когда приходит, то получается, как у Маяковского: маялся, маялся, достигал славы, и на вот тебе на после смерти площадь в награду. Площадь Маяковского.

Кто подумает, кто вспомнит на площади Маяковского самого поэта? Реже, по-моему, гораздо, чем едущий на «форде» вспомнит создателя этой машины самого Форда.

Как ни скудна жизнь Левы, но у него семья, и он семьянин.

У меня же никогда не было этого чувства, что семья всерьез, мне было так, что я пишу, а возле меня что-то копошится, и я, желая быть как все, называю это семьей.

А Ляля? С ней мы, как две птицы, сели на крест отдохнуть, одна птица по правую сторону, другая по левую.

Мы с Лялей не муж и жена, а как две птицы, летая, измучились и сели на крест отдохнуть: одна птица села по правую сторону, другая по левую.

В жизни так можно измучиться, что и крест Христов покажется отдыхом.

Нет, мало того, чтобы твоя поэзия привлекала к тебе сочувствие и нашла тебе друзей. Нужно самую поэзию освободить от службы тебе и создать вещь независимую, чтобы все вышло как воздушный шар: ты его наполнил, и он от тебя улетел.

Наше творчество не противно только в том случае, если сам себя не считаешь гением (это пусть люди тешатся своим рысаком, это для них площадь Маяковского), а, зная, какой это мучительный труд, ставишь себя наравне с теми, кто добросовестно выполняет свой жизненный долг, смотря к чему кто приставлен: один воспитывает детей, другой пишет поэмы.

<*Зачеркнуто:* Каждый раз, встречаясь с О. К., удивляюсь: почему эта красивая женщина с отсутствующим взглядом так зовет к себе... С духовной стороны она меня [не знает], с физической... я старик. На днях мы встретились опять, и она опять... После того я спросил Лялю: — Что это она со мною так? — И Ляля ответила: — Да она так со всеми. — Какая простая разгадка, а между тем сколько эта женщина порождает таких же, как я, вопросов. Да и одна ли она такая...>

Приходил Бианки, рассказывал, как на Каме церковь открывалась и коммунисты говорили: — Если за нас, так пусть молятся, ну, а молодежь от этого надо беречь. — И так в широких массах коммунистов к церкви враждебное отношение из-за старинного политического недоверия. Отсюда вывод: что повесть надо очистить от религиозного налета совершенно и сохранить в ней в этом отношении только самое необходимое.

Был на свидании с Лялей. Плохо поправляется. — Ничего, — сказала она, — я тебе и в таком виде сгожусь.

13 Марта. <*Зачеркнуто:* Читал роман Гете с Христиной и фон Штейн и понял все свое писание о приро-

де тоже как «пантеизм», т. е. признание родового чувства священным («язычество»). Роль фон Штейн у меня играла В.П. Измалкова, роль Христины Ефросинья. Интересно, что у меня обошлось без Италии и классицизма, гораздо проще и понятнее. А раз можно испытать то же чувство жизни без Италии, то и «язычество» Гете есть не язычество в смысле религиозном, а «классицизм».>

Не «язычество», а поэтический эгоизм. (Христос таких язычников гладит по головке и, ставя другим в пример, говорит: — Будьте как дети.)

Великие люди появляются сами собой, и нам о них заботиться нечего, напротив, чем труднее условия жизни среднего человека, тем препятствия эти более благоприятны для гения. Наша забота должна быть направлена к среднему...

Церковь так и делала: собирала в целое маленького бесчисленного человека и давала ему смысл великого.

Неверующая русская интеллигенция представляет собой не собор маленьких людей, а сбор (организацию) вождей (т. е. великих людей), интеллигенция в России — это выход козлов из стада овец.

Перемена типа коммуниста в наше время сравнительно со временем молодости Ленина понятна: при Ленине коммунист обладал психологией вождя, а теперь средний человек (овца) включен в коммунизм и организован теми вождями. Таким образом, тип вождя-коммуниста (козла) закрылся вновь созданным типом среднего коммуниста (овцы).

Отсюда ясно, у тех и других должно быть разное отношение к Богу: у вождей это было богоборчество, они боролись с Богом за человека — у созданного ими стада полное забвение Бога, их идеалы только потребительско-человеческие с элементарной моралью (здоровье, размножение, развлечение или «культура»).

Значит, ненависть к религии теперь исходит именно от среднего человека (орденоносца, стахановца), покоренно-

го в организации дурака, рационализированного, механизированного.

Вывод из всего рассуждения для «Повести нашего времени»: осмыслить время созданием образа вождя-мстителя (Алеши) — это открыто. А тайный выход из положения одураченной овцы будет показан русским характером вещи («славянская душа»).

А не для повести надо думать так, что «славянская душа» может стать вешалкой, на которую после войны европейцы и американцы будут вешать свои лучшие одежды. На этом пути (национальном) и будет продвижение коммунизма, только национальное начало будет содержанием, а коммунизм формой, т. е. что коммунизм освободит нас из своего плена и станет формой.

14 Марта. Учился ездить по Москве, сам ездил благополучно, но учителя моего Петю оштрафовали.

Ляля в пятницу возвращается из больницы. Думал о ней все время болезни с благодарностью: она дала мне непрекаемое счастье. Но я обманывался в том, что это не просто счастье, как у всех счастливых, а какое-то возвышенное состояние души, включающее в себя и подвиг. Нет! Я по существу своему в этом счастье остаюсь прежним поэтическим эгоистом, получающим даже и свое христианское сознание не через подвиг, а как дар через любовь к женщине. По-видимому, А. В. именно это имеет в виду, когда говорит, что со мной «не согласен». И Бога, и Христа, и церковь я получаю только через ее любовь, но что же делать, если я заключен в круг «язычника» и выйти из него — это значит себя самого насильно переделать и быть ханжой. Но оправдание моральное моего счастья заключается в моей любви: тем, что я люблю ее, я имею выход из эгоизма. Именно это я и должен всегда сознавать, что ее духовный потенциал много больше моего, и когда происходят у нас мелкие столкновения, никогда нельзя мне противопоставлять победно ей свой потенциал, т. е. свой поэтический эгоизм. Только с ее разрешения я могу быть эгоистом (язычником), и я должен всегда помнить, что это

она мне всегда разрешала и даже больше: этот эгоизм-то мой она именно и любит.

Петя облюбовал себе место в Петушках, и я этому очень рад.

15 Марта. Вода! Еще дождь, и реки пойдут. Говорят, где-то грачи, но мы весь день ездили и не видели (ездили на лесопильный завод). Инженер задал мне вопрос: почему везде, куда бы мы ни пришли, живут лучше нас, и когда мы придем, везде становится плохо? — Потому (подумал я, но, конечно, ничего не сказал), что там живет человек для себя, а у нас никто для себя не живет. — Для кого же у нас живет человек? — У нас для правды живет. — Понимаю, у нас не для себя, а все на правду идет. — А в чем правда? — Об этом нельзя ответить ничего <*2 строки вымарано*>.

Как хорошо сказал Наполеон, что трагедия с какой-то точки зрения может быть больше истории.

16 Марта. На свидании с Лялей. В субботу выходит. В понедельник телефонный разговор с Федоровым.

– Почему под немцами в населении сохраняются запасы продовольствия, а когда русские приходят, все исчезает?

– Потому что у немцев свобода торговли, т. е. там разрешают каждому заботиться о себе, у нас же гражданин прежде себя должен думать об государстве, за что получает паек по заслугам.

Любить — это значит другого человека ставить выше себя.

<*Позднейшая приписка:* Так, но ведь любят же и маленьких. И какая-то любовь наживается, идет в основной капитал, другая проживается и проходит.>

Вернулся, читая о Гете, к своей первой любви, к тому особенному чувству, в котором как бы предусмотрен от-

каз («я не согласна») и все чувство направлено к тому, чтобы пострадать («я согласна» — значит конец любви). Это любовь поэтического эгоиста, бессознательно отнимающего у возлюбленной душу: такой поэт как вампир, и им был Гете, но, наверно, и каждый поэт. (А вот тут-то и есть «язычество», т. е. жертвой в конце концов является она, но не он; в христианстве, напротив, она «неисчерпаема», она — дева-мать.)

<*Позднейшая приписка:* Разработать и дать главное: 1) любовь проживается, 2) наживается.>

17 Марта. Лелеял я идеал летописца Нестора, когда начинал эту повесть нашего времени, и потерял: в наше время не может быть Нестора.

18 Марта. Весеннее равноденствие. После обеда выезжаю за Лялей в Кремлевку.

Когда Ляля скажет нехорошо или что-нибудь сделает неприятное, то я иногда подумаю о всей Ляле нехорошо и после за этот грех pars pro toto* бываю жестоко наказан. И думаю, что большинство неприятностей, обид, ругани, ядовитых уколов, косых взглядов и т. п. происходит именно от склонности всех людей за случайное в человеке (напр., истерика) делать ответственной всю его личность. Вот затем и указано любить ближнего и прощать его: чтобы сохранять от погрома внутреннего хорошего человека.

<*Позднейшая приписка:* К теме: искусство как поведение.>

<*Позднейшая приписка:* От поэзии через испытание временем в конце концов остается человеческий документ, как от весеннего ручья камень.>

Прочел книгу «Великий язычник» (Гете) и вспомнил, что знаменитые когда-то его романы теперь нельзя читать, первая часть «Фауста» вся расхватана и разобрана по рукам, вторая — достояние истории. Но лирические стихот-

* Pars pro toto (*лат.*) — часть вместо целого.

ворения остаются и теперь свежи, как тогда. Но так и моя «Лесная капель»: она тоже останется, и мы в этом с Гете равные люди: такой великий, как он, и такой маленький, как я. Возможно, если и всех людей так испытать на время, то так и все, большие и маленькие в чем-то сойдутся.

Заступница. Шла женщина хорошо одетая с девочкой лет десяти. У водосточной трубы стоял мальчик, лет четырех, в бедной одежде и, видно, ожидал мать из лавки внизу. Случайно девочка задела мальчика и, не заметив, что опрокинула его под капель, прошла мимо. Как раз в этот момент из лавки выходила мать опрокинутого мальчика и, как тигрица, прыгнув, догнала девочку с матерью в хорошей одежде, ладонью хлопнула девочку по заднице, сорвала злость. В это время откуда-то навернулась восточная женщина, седеющая, с благородным профилем, вероятно, грузинка. Увидев, что разъяренная мать, русская баба, толкнула, страшно возмутилась и крикнула ей: — Ну и мать, ребенка бьет! — Да и мой не котенок! — ответила ей в бешенстве баба. Может быть, благородная грузинка и не оставила бы эту бабу, и на крик ее собрался бы народ и рассудил бы все по-своему, или в милиции бы разобрали, кто прав, кто виноват, но вдруг грузинка обратила внимание, что девочка, толкнувшая мальчишку, была типичная еврейка, и мать ее тоже, и что она попадала в спор русской разъяренной матери, полунищей, в лохмотьях, с богатой еврейкой в каракулевом саке. Тогда весь благородный порыв у грузинки кончился, и женщина, смолкнув, поникла головой и скорей-скорей перешла улицу и скрылась в переулке.

Лялю привезли из больницы. У нее после операции в лице явилось особое выражение, как бывает у человека, когда он, стремясь неустанно вперед, встретил неожиданное препятствие и замедлил шаг, обдумывая, как выйти из создавшегося положения. — Ты как-то умней себя выглядишь, — сказал я ей, — наверно, ты за это время жизнь свою передумала. — Нет, — ответила она, — я совсем ничего не думала, как дурочка.

19 Марта. У людей, соединенных между собой общим языком, обычаями, культом, историей, ну, вот скажем, хотя бы людей русских, есть в душе какой-то более или менее подходящий образ примерного своего человека, на которого каждый и глядит как на образец поведения и, глядя на немца, на еврея или китайца, сравнивает: «вот какие мы, и какие они». Это «мы» берется из себя с того образца, а «они» — со стороны. Не думаю, что этот субъективный образец своего родного, понятного человека был бы неизменным, этот образ, конечно, меняется в русской истории; допетровский образ русского человека, наверно, не такой, какой создался в народе после него, точно так же кустарно-земледельческий образ не совсем такой, как образ советского времени. Но если существует нация, народ, то в глубине его существует и неколебимый образ, что-то остается и связывает эпохи переживаний, как все равно у дна морского не шевелится вода и в бурю. (Вот об этом-то человеке я и говорю в «Мирской чаше» как о читателе десяти русских мудрецов.)

Был у Асеева <*зачеркнуто:* и удивлялся его талантливости>. Говорили о правде, — почему эта «правда» теперь явно идет против искусства, и так решили, что она замуж вышла, устроилась и стала ревновать, как баба, ворчать и драться. Но я думаю, причина лежит глубоко, быть может, в распаде истины (личность) и правды (общество), и еще глубже... (русская история).

Душа человека похожа на море: вечные бури на поверхности и в глубине тишина. Как бы рад был каждый уйти от бурь в тишину, но там в глубине и темно, и воздуху нет. Нечего делать! Приходится бурю принять.

20 Марта. Бюллетени весны, писать каждый день.

Дня три тому назад на Москве-реке на льду протаяли дырочки в множестве, и над каждой дырочкой оказалась ворона. Вчера в том месте, где тогда на ворон смотрели, поверх льда гуляла вода.

<*Зачеркнуто:* Пригласили Мишку чистить Союз писателей, он явился ко мне обалделый от радости. — Да ведь ты, — говорю, — не понимаешь, почему тебе дали такое дело: тебе дали, чтобы ты всех разогнал, тебя вышибалой выбрали, можешь? — Могу.>

<*Зачеркнуто:* Вся мораль нашего времени в том, чтобы ходить осторожно и поглядывать, не упало бы на тебя что-нибудь сверху. Я все 26 лет так живу, и мне это стало в привычку. А вот какой-нибудь Асеев...>

21 Марта. Самое незвучное слово становится всем нам любезным, если оно входит в состав имени любезного нам человека: взять хотя бы Шаляпина. Точно так же и внешность людей целиком подчинена организующему образ человеческий духу: даже горбатый человек нам становится дорог, если он добр. Я знал горбатого, у которого светились добротой глаза, и от этого для нас горб исчезал: этот горбатый преодолел свой горб. Неужели не ясно вам, друг мой, из этого, что внешний, данный природой вид человека является диктующей необходимостью лишь в отношениях между людьми, преследующими свои конкретные цели, а в Боге все внешнее вовсе и не может быть необходимостью.

22 Марта. (Сороки 9 Марта.)
Выпал за ночь глубокий снег. Ветер с морозом.

Был на именинах у Александра Шахова. Он собрал поклонниц своих и читал им повесть свою из времен Александра Македонского. Я вынул «Лесную капель» и увел всех его поклонниц. Ужас, какой дурак.

23 Марта. Весь день мокрая метель. Переписываем «Повесть».

24 Марта. <*Зачеркнуто:* Ночью: две силы управляют жизнью, охота и любовь, охота — это Я, любовь — Ты.

Охота — это я (все по охоте), любовь — это ты.>

А может быть, Шахов не глуп, а наивен или свихнулся на писании. Ведь и я — после такого опыта! — все еще, когда пишу страстно новое, испытываю это, будто я пишу сейчас лучше всех и такими словами, каких никто не знал. Завтра я кому-нибудь прочту, и наваждение сойдет с меня, но сколько-то времени, пусть хоть пока я пишу, это самообольщение владеет мной. И хорошо вот я успел кое-что сделать, удовлетворился славой и ей почти овладел. Но у Шахова же нет ничего, он пишет, как дикарь, обожающий куколку: он обожает себя откровенно. Возможно, во всем кроме писания он даже и совсем не дурак.

25 Марта. Вчера Ляля закончила переписку, а я исправление повести. Теперь 1) сделать домашнюю читку Федину и Асееву — чтобы убедиться в значимости вещи. 2) Если при домашней читке увижу, что есть за что стоять, то пошлю ее Тихонову для читки в президиуме. 3) Пошлю Жданову.

Виделся с Фединым. Чтение «Повести» назначено на вторник 28 Марта (Федин, Асеев, В. Иванов).

Немцы заняли Аландские острова, Румынию, Болгарию, т. е. входы в Европу с севера и юга. Завеса будущего как будто шевельнулась, скоро, наверно, подымется. Ночью думалось в полусне соединенно, как это бывает: соединялось настроение от разговора с Фединым с занятием Аландских островов в том смысле... что немцы все свое отступление проводили по плану... т. е. что наши победы предусмотрены ими и, значит, это обман.

А когда заснул, то привиделось, будто мы с Петей уехали в Петушки и между нами и Москвой, значит, Мещерский край. Вижу — где-то там за Мещерой мужик в тулупе ходит возле своей лошади: лошадь ест сено в телеге, а он ходит взад и вперед не как мужик, а как писатель по комнате. Куда-то я ушел пониже и там смотрю, точно так же другой мужик ходит взад и вперед. — Чего ты ходишь? — спраши-

ваю, а он так сердит: — Неужели ничего не знаешь? — И сказал потихоньку, что всю Мещеру немец занял.

Выступал с Фединым и Сурковым в Наркоминделе от «Нового мира»: это Ляля подстроила примирение с «Новым миром». Паршиво чувствовал, паршиво выступал. От Ляли потребовал, чтобы впредь за меня никому не давала согласия.

Сурков поэт вульгарно-сентиментальный и совсем «в естественном виде». Но, впрочем, одна мысль его, сказанная в прозе, была основной моей мыслью: что никто не может принести жертву бо́льшую, чем простой солдат на войне, пусть изобретатель «Катюши» чем-то жертвует, но солдат жертвует своей жизнью как чем-то единственно-неповторимым (т. е. мое-то в неповторимости жизни, а что «Катюша», то об этом можно спорить: изобретатель скажет, — солдат жертвует жизнью своей, а я спасаю от врага своим изобретением тысячи жизней солдат; и так в этой сурковской скорби о жизни есть русское тяготение к жертве).

Полезли слухи, что отношения с американцами ухудшаются и условия нам поставлены тяжелые...

«Гнилая мысль». Сурков говорил о жертве жизнью (солдата) как единственном и неповторимом благе. И все это верно, поскольку «жертва» является свободным решением личности, как Голгофа, если же человек «становится» жертвой, то и Голгофа является слепой и тем самым сливается с общим фактом господства смерти в природе. Следовательно, нашего сочувствия и удивления заслуживает лишь тот солдат, который идет на войну добровольно, и если бы ему разрешили возвратиться домой, он бы отказался возвращаться.

<*Зачеркнуто:* Бомбежки писателей создают атмосферу недовольства правительством в то время, когда в интеллигенции должен бы рождаться энтузиазм.>

Она (Дуняша) любила многих, но они, взяв от нее любовь, уходили, ничего ей не давая. Она любила всех, и все пользовались ею и никто не любил. Но пришел один (Архип), кто ее полюбил, и она отдалась ему навсегда, и бывшая блудница стала самой примерной женой.

26 Марта. Мороз лютый и снег.

Выступали у пионеров в Сокольниках. Чудесные лица детей. Думал о разрыве времен (Федин понимает это так, что со смертью Льва Толстого произошел полный разрыв нравственной связи русского общества). А я думаю, что на место слова стало дело и это дело как отмщение кому-то за вину (напр., война 1914 г.) перешло к большевикам (правда), т. е. что вначале было слово (Л. Толстой), и слово стало делом.

27 Марта. Зимой все было тепло, как весной, а весна пришла — и пошли морозы, да еще какие, со злыми ветрами.

Ходили за резиной к Семену Федор. Федорову и благополучно получили скат (на 5 колес).

Петино лихорадочное положение в отношении брони. Что скажет рентген? Человек не здоровью радуется, а язве.

Люди на эскалаторе как звери в дождик: звери в дождик сидят под елкой или под корягой, не движутся и раздумчиво глядят перед собой неизвестно куда. Так и люди на эскалаторе, отдаваясь движению, сами стоят и глядят...

27 Марта. Мороз. Повесть проверена. В 7 в. буду читать Федину, Асееву и Вс. Иванову.

Бывает время, когда самому человеку ничего не остается делать, как сложить руки: все за него делается кем-то.

Вечером от $7^1/_2$ до 10 без передышки читал «Повесть» Асееву и Федину. В тот момент, когда я прочитал последние слова повести (в 10 в.), грянул салют по случаю взя-

тия Николаева. Установили, и я готов этому поверить, что «Повесть» — лучшая моя вещь, лучше «Жень-шеня». (Ура!) Когда об этом все сказали, все согласились за столом, мне хотелось сказать, что ведь и Ляля в этом участвует, что все сделано под ее сильным влиянием. Но когда я робко об этом сказал, то моим словам не придали значения. — Влияние! — сказали бы они, — вот влилась Ока в Волгу, и все Волга течет, а Ока? Нет больше Оки: влилась. Точно так же и женщина. — Если бы согласно этому общему пониманию и я бы думал, что Ляля не есть личность, а лишь мое переживание, но нет! Я так не думаю, как все равно для всех Волга после влияния Оки только Волга, но сама Волга знает, что Ока в ней течет. Так, наверно, и сам Бог: для всех Бог, но Сам-то Он знает, что в Нем каждый живет, и среди каждых Михаил Пришвин тоже имеет особенный путь.

<*Позднейшая приписка:* Увы! теперь очень сомневаюсь, что повесть очень уж так хороша. 1948.>

28 Марта. Снег новый и мороз, совсем зима, но время пришло, и наконец в Москву прилетели грачи.

Завтра, вероятно, увижусь с Поликарповым. Пока буду просить его прослушать повесть у меня, и так буду долго не сдаваться на общее чтение, упираться, мотивируя страхом бомбежки, страхом попасть под власть недалекого человека. Не давать никому на руки рукопись.

Патриоты. Петя провалился на рентгене: язву не нашли. Валя гордится тем, что у нее жених язвенник («что лучше, язва в желудке или война?»).

29 Марта. Вчера секретарь Союза писателей назначил мне встречу на сегодня от 7 до 9 веч. Тема разговора о повести: устроить в президиуме чтение. Пришли с Лялей, стали в очередь. А когда пришла очередь, меня отстранили и без объяснения причин заставили ждать. Прошел час, я расстроился и ушел, оставив записку: чтобы он позвонил мне. В связи с тем, что, по-видимому, этот же Поликарпов

запретил посылать мне повестки в президиум, я принял к сердцу оскорбления так сильно, что душевно заболел, и Ляля, конечно, за меня заболела. Ночь почти не спали, и мир радости для меня закрылся.

30 Марта. Утром ходил на Преждеосвященную, но служба и даже обращение священника к Св. Духу со словами: «и обнови нас, молящихся» не произвели впечатления, и молитва моя от себя не началась, и мысль потерялась. Из этого я понял, что душевные терзания мои неглубоки и потому недостойны, чтобы собою питать молитву. Но и это сознание, вынесенное мною из церкви, стало благодетельным: поняв, что душа моя спутана тонкими нитками, поняв, что путы эти можно и разорвать, я внезапно почувствовал, какое это великое богатство — мое обычное чувство радости жизни, и в то же время почувствовал я ту бездну мелких мучений, из которой столько поднимается рук моих читателей с благодарностью. В таком настроении я взял трубку телефона и, позвонив Тихонову, условился с ним о свидании завтра в 1 ч. дня. После того, все еще чувствуя боль и тупость сознания, я начал приходить в себя и обновляться («обнови нас, молящихся»).

31 Марта. Как и дня три уже, день начинается морозом, в полдень солнце разогревает, капель и лужи, вечером опять схватывает.

С резиной кончено: привезли. Решается вопрос о Пете (бронь). Намечается поездка в Ярославль.

Сегодня иду к Тихонову с таким заявлением:

В президиум ССП.

На днях я закончил повесть, названную мною «Повесть нашего времени». Я имею основание думать, что эта повесть является лучшим моим произведением, и что особенно ценно: актуально-современным. Но я не уверен в том, что основная мысль автора при появлении повести в печати будет всеми равно понята и принята. <*Зачеркнуто:* Быть может, тема войны в военное время.> <*Зачеркнуто:* изображение душевного строя людей во время войны.>

Вследствие этого обращаюсь в Союз писателей с просьбой назначить небольшую группу писателей и компетентных политических деятелей, способных по выслушании повести в моем чтении сделать свое заключение и взять на себя ответственность за ее опубликование.

<*Зачеркнуто:* Повесть до сих пор была прочитана только двум писателям, т.т. Асееву и Федину, которые, мне кажется, не откажутся войти в комиссию и выслушать еще раз чтение моей повести.>

Решил не подавать такое заявление сейчас, а предварительно с Тихоновым созвать вольную домашнюю комиссию.

После обсуждения с Тихоновым — 1) вопрос о чтении обсудить, 2) вопрос об исключении меня из Президиума (оставили одних прокуроров, а я адвокат (защита Афиногенова), 3) о невежливом Поликарпове.

Вот уж воистину: «в болезнях рождай!»: иду к Тихонову.

Был у Тихонова. Обещался он прийти ко мне слушать с Поликарповым, Юдиным.

1 Апреля. Ясные дни сменились метелью, и можно думать, что это начало перелома к половодью. Мы ездили на дачу в Пушкино и оттуда пешком прошли на Клязьму.

Приехали в 4 д. Обедал Коноплянцев. На глазах человек разваливается, вдруг оказалось, что это мужчина, у которого нет никакого любимого или привычного дела. В противоположность ему Раттай, пусть тоже маленький человек, но он в деле и тем жив. Мелькает потребность оформить это в какую-то нравственную форму, более ясную, чем в «Стрекоза и муравей». (Коноплянцев стрекозой-то никогда и не был: он просто не мог отдаться делу, ничто его никогда не захватывало, он был всегда эгоистом и никогда не выходил из себя. У мужчины в отношении дела есть свой мужской долг.)

На вопрос, почему «Воскресение» Л. Толстого имело такой большой успех в мире, Ляля ответила: — Потому что люди голодны больше на добро и им не до красоты. Вот твоя «Фацелия» — одна красота, и людям несчастным теперь не до нее. А «Повесть» соединяет красоту и добро. — Какая-то путаница, — ответил я, — истинная красота включает в себя добро, иначе сказать, художник претворяет добро в красоту. — Но это же и есть не для всех. А всем нужно сказать просто о добре...

Вечером был Мишка, яркий тип мещанина, понявшего свой путь через партию: он так наивен, что сквозь него можно глядеть в таинственную комнату управления нашей судьбой. — Когда я показываюсь в клубе писателей, то, конечно, я не могу себя вести как рядовой писатель, пить водку в неограниченном количестве: лишь в крайнем случае я выпью 100 гр., а обыкновенно я беру себе пол-литра и выпиваю дома. И это понятно: рядовой писатель пьет, имея в виду только бы ему выйти в свет, а я несу обязанности руководства ими. — Когда я поставил вопрос этому счастливцу о том, что если Поликарпов обидит меня и ЦК станет перед выбором, известный писатель, заслуженный в глазах всего народа, или рядовой чиновник, то... Мишка ответил: — ЦК, может быть, предпочтет своего чиновника. — Ему бы надо было ответить, что этот выбор давно сделан: чиновник торжествует.

– А он честный? — спросил Тихонов про Мишку.

– Честный, — ответил я, — но только, конечно, не в европейском смысле: он по-русски честный.

Но какой интерес заглядывать в такое будущее нам, кому осталось жить всего год, два, три, пять, семь... У них вся жизнь во времени, принимаемом как вечность, у нас вечность, воплощенная в мгновение, с нашей точки зрения, они только потребители того, что создается нами в общении с Богом; с их точки зрения, они, истинные производители земных благ, содержат нас для своего развле-

чения. Мы ждем второго пришествия Христа, они — разумного производства и распределения земных благ. <*Часть текста вырезана и вымарана.*>

В ручьях, размывающих горы, в деревьях и птицах, на них отдыхающих, во тьме ночи и свете дня и в образах труда человеческого, везде, всюду и во всем видящий понимает борьбу независимой силы духа с косной материей, принимаемой душой человека как страдание от напряжения сил и как радость победы.

Друзья мои, да разве о таком «себе» я думаю теперь, как думает каждый, противопоставляя «для себя» другим «для себя», точно таким же в своих претензиях при распределении земных благ. В существе своем я питаюсь не этими благами, а как ручей питается небесной водой и знает, что никакая сила, даже все падающие на него скалы, не могут остановить его движение.

На очереди вопрос: установить, действует ли Поликарпов против меня сознательно, имея секретные инструкции (Федин думает, что бомбежка писателей не случайное явление, а плановое), или же [все] происходит по неведению Поликарпову состава писателей и адской работе с полоумными мужчинами и женщинами. Все выяснится в процессе осуществления чтения.

Близится время ясности отношений наших к союзникам. Похоже, как было накануне войны с Германией: в газетах признание дружбы, а все говорят о войне.

Асеев сказал о повести: — Это настолько крупная вещь, что пойдет, непременно пойдет. — Так что он еще верит в абсолютную силу «крупной вещи» (Сло́ва).

2 Апреля. С утра снежная буря.

Все вытесняется из души чаянием близких решающих событий. И написанная повесть отступает на второй план.

Дела на очереди:

1) Устройство дачи: дрова и электричество. Переговоры с Сережей.

3 Апреля. В доме с неделю уже не топят, холод, почти невозможно писать. Такое впечатление, будто теперь только наконец и наступила зима.

Близится Страстная неделя, и в голову постоянно навязываются аналогии. Так вот никогда раньше в голову не приходило мне, читая Евангелие, задуматься о том, почему же не только никто не выступил в защиту Христа, когда его судили и вели на распятие, но даже ближайший к нему человек Петр отрекся. Казалось, что так это и быть должно. А вот теперь кажется таким недостойным наше время за то, что никто из писателей и всех работников искусства не заступается за товарищей, что все легко делаются обвинителями и никто не заступится за поругаемого человека, за жертву. Так стало видно, что эпохи сблизились и наше время дает понимание того, а то время освещает и наше. <*Позднейшая приписка:* Почему Петр отрекся.>

И еще приходит в голову вопрос, что почему же я лично все время советской жизни так остро чувствую недостаток дружбы и героизма молодежи в отношении к товарищу. Значит, была же в нас тогда, до революции почва для дружбы и героизма? Если она была, то откуда же она взялась, если даже в эпоху Христа этого не было? Очевидно, нас воспитывали в Христовом идеале жизни, отдаваемой за друга, и теперь мы это утратили: мы отдаем теперь жизнь за отвлеченного «друга» (пролетария, гражданина, родины, отечества и т. п.) и не по личному почину, а по требованию со стороны. И еще является такой вопрос: если в Евангелии не показан пример выступления героического или дружеского в защиту Христа, то, значит, тогда было тоже так, как у нас теперь, и, значит, в Ветхом Завете гражданина от личности друга тоже так, как и у нас, разделял какой-то закон, общий с законом нашего времени.

Беседа с громкоговорителем.

Так вот и сходятся времена в отношении личности Христа: теперь и тогда личному Христову началу противостоял закон как принципиальное обоснование всех законов развития рода. Естественные личные отношения семьи, отвлекаясь в законы рода, становятся часто против законов личных отношений в семье и еще чаще при объединении родов в союзы и в большом государстве уже говорят «Москва слезам не верит», а в нашем советском «законе»... <*Далее часть текста вымарана и вырезана.*>

<*Позднейшая приписка:* Я научился в религиозно-философском обществе называть имя Христа как понятие, а Ляля этого не делает.>

Смерть не страшна тому, кто живет в законах долголетия и спокойно передает свое жизненное дело наследнику. Она страшна лишь тому, кто не имеет наследника и остается один: не помещенная никуда любовь является источником мысли о бессмертии личности. Но, по-видимому, законы долголетия нарушаются неизбежно враждебными им силами, действующий в них пламень остывает, оставляя после себя горы камня, и небесная вода размывает их, создавая из этого новую жизнь, управляемую не мыслью долголетия, а личного бессмертия. Так мы жили у вулкана и разводили свои виноградники, поливая их собираемой дождевой небесной водой. Мы уже начали думать, что вулкан потух, что время, определяемое огнем, миновало и теперь его определяет вода, падающая с небес. Но вот произошло извержение Везувия, и жизнь опять определяет огонь.

В славянстве всегда таился огонь неудовлетворяемой родовой силы, и наша сила теперь именно родовая, сила огня. Наша история похожа на историю торфяных накоплений в лесах: заложенная в зелени растений солнечная сила, огонь не действует, а киснет в воде и накопляется столетиями, зеленая снаружи и черная во внутренней массе. Но стоит высушить торф, и скопленная огненная сила действует, и снова не вода, а огонь определяет движение.

И пусть горит наш торф, мы-то знаем, что он непременно сгорит, и что не огонь определяет истинную жизнь человека, а небесная вода, и что это именно вода несет в себе мысль единства и связи людей на земле: в огне куется лишь долголетие, а бессмертие приносит только вода, и потому человека крестят в воде.

Вчера читал «Ромео» Шекспира и понимал, что Шекспир жил в атмосфере вечного философского хаоса, выходом из которого было его поэтическое творчество. Его борьба родовых враждебных сил, законченная трагической любовью, это и есть та философия рода, о которой пишу я сейчас, внушенная через Ветхий Завет и Евангелие, через огонь и воду и т. п. Еще удивительно изображение «простого» человека (кормилица), какое-то на все времена данное.

Кстати, вспомнилось: наш Мишка, природный Санчо-Панса, в нашей Советской России лишился Дон Кихота. (Дон Кихот умер в Советской России, наконец-то умер!) И Панса остался один, но партия подобрала его, оценила, и он стал служить партии, как служил Дон Кихоту верой и правдой, и партия помогла ему лучше, чем Дон Кихот: она действительно сделала его губернатором. (Мишка убежден, что он руководит Союзом писателей.)

Смерть Дон Кихота

Сколько написано в России о мужике! А вот сейчас, как сбросишь с себя наваждение детства, Толстого и представишь себе и у себя теперь с точки зрения европейца того нашего мужика вонючего, грязного, невежественного, хитрого. Боже мой! Сколько лжи, обмана и глупости таилось в этих отношениях барина и мужика! И потом вместо барина интеллигент. Барин (Дон Кихот) упустил своего Санчо интеллигенту («третий элемент»), один интеллигент, еще достаточно донкихотствующий (эсеровский), упустил его другому интеллигенту (пролетарскому). Тут, в колхозах Санчо заохал: обманули. И

наконец мужик этот, Санчо, понял все и полез сам в партию. Вот тогда-то (т. е. теперь) Дон Кихот русский окончательно помер.

Вот почему, значит, и нет литературы: главный герой России Дон Кихот умер (вероятно, в Ленине). «Повесть нашего времени» насквозь донкихотская, потому что Мстителя как героя не существует, а существует и губернаторствует один Санчо (но кто знает, что там на войне: не выйдет ли оттуда воскресший Дон Кихот?).

4 Апреля. Метель перестала, но мороз остался. Даже и в Москве полная картина зимы, и только свет весенний.

6 Апреля. Пробегал весь день по хозяйственным делам. Мороз и снег, на солнце все рушилось [и] обращалось в воду: целые полки солдат и частных людей убирали снег. К вечеру все замерзло.

7 Апреля. Благовещение. Недостатки Ляли, какие у нее есть, в отношении меня исчезают. Эти недостатки, может быть, даже являются свойством женской природы вообще: первое — это подкупаемость мелочами («знаками внимания»), второе — ложь во спасение. Допустим, что у Дездемоны действительно был бы любовник тайный (грешок), но она, любя Отелло, может стать на колени перед распятием и поклясться перед Богом в своей чистоте. Клятва эта такого рода, что она себя ложью обрекает в ад ради спасения любимого Отелло. И на Суде эта ложь должна быть оправдана, потому что это жертва собою для спасения души любимого человека.

Итак, мы начинаем рассказ свой с того, что подозрения Отелло были не без основания, за Дездемоной был-таки грешок. Это произошло у нее случайно, и серьезного в этом поступке ничего не было...

8 Апреля. Все эти дни валит снег и сегодня метель. Лева приехал из Переславля, говорит, что и по шоссе не ходят автомашины: все занесло снегом.

– Языком мели, — а рукам воли не давай: в этом идеальная сущность дипломатии.

Читал «Ромео» Шекспира, и у меня было то же удивление, как от «Песни песней»: единство любви плотской и духовной (любовь одна). Впечатление достигается выражением откровенных желаний невиннейшей Джульетты, показывается воистину святая плоть (вот исток реализма!).

9 Апреля. <*Приписка:* Читка повести Попову, Л. Соловьеву, Елагину и Леве.>

Утром крупный и редкий снег несмело шел. В полдень сильно таяло на солнце. После обеда, мне кажется, небо стало покрываться теплыми тучами.

Что вы разбираете людей на типы, для чего? Чтобы сложить из типов всего целого, настоящего человека? Да? Но позвольте, возможно ли собрать все типы человека, — вот вопрос, если невозможно, то труд наш напрасный: всего человека нам не сложить. Возьмем, к примеру, тип изгиба человека нижепоставленного перед вышепоставленным, начнем с Гете, который в Веймарском парке, встречая детей герцога, сгибался так, что доставал в поклоне цилиндром земли, кончая согласительным молчанием Молчалина из комедии «Горе от ума». Сколько таких разных между Гете и Молчалиным и дальше вплоть до советских подхалимов! И вот если вы задумали сложить идеального человека, то ведь вам прежде всего надо собрать все типы подхалимов, чтобы исключить всех из цельного образа. Но ведь это уже ясно, как день, что типам этим нет конца, и, значит, если мы сотворим человека, не предав проклятью всех подхалимов, то не можем поручиться за то, что новый человек не выпустит из себя в дальнейшем подхалима в новой невиданной форме. Вот почему, имея в виду сотворить прекрасного человека, я миную типовое человечество и обращаюсь к природе, где все разнообразие типов дается в каком-нибудь жесте (хвост [виляющий]).

10 Апреля. Снег идет.

Вчера читал повесть Попову, Соловьеву, Елагину, Леве. Опять очень сильное впечатление, но обсуждение сумбурное. Заключение, что повесть может быть напечатана лишь с разрешения сверху. Володя дал хороший совет положиться на Калинина.

Письмо Калинину.

Дорогой Михаил Иванович,

я написал эту повесть нашего времени в надежде соединить в ней требования к себе как к художнику слова, как к советскому гражданину и природному русскому человеку. Я сделал это, как мог, всеми своими силами, но я не уверен в двух вещах: 1) те официальные литераторы, кому я дам теперь эту повесть на суд, поймут ли, что эта повесть не выдумана, а написана русским писателем от чистого сердца? 2) возможно ли выступить перед публикой с такой вещью в наше ответственное время. Я хочу сказать, что если эта вещь ко времени, то автор имеет нравственный долг бороться за ее напечатание, если нет — он должен взять на себя терпение подождать. Сам я, как автор, сейчас не могу еще судить о себе, и в поле моего зрения нет человека, кому бы я мог довериться в этом суде, кроме Вас. Очень прошу Вас взять на себя этот труд: прочитать и сказать. Как скажете, так и сделаю. Рукопись до Вас не была ни у кого и до Вашего ответа не выйдет из моей рабочей комнаты.

11 Апреля. Одесса нами взята.

Весна воды висит на волоске: вот-вот небо станет серым, и глазом не моргнешь, снег разбежится водой.

Вчера вечером слышал «егда праведные ученицы» и узнал в радости Ляли от церковных напевов свою радость природы. И думаю, что наше чувство природы (у кого оно есть) включено в церковную службу. Вспомнил как иллюстрацию этой мысли некоторые места в «Повести». Мелькнула возможность на этом мотиве написать свою «Песнь песней» (Для «Падуна»: заброшенная церковка-однодневка, и в нее от наводнения спрятались животные).

Председатель Союза Тихонов все еще не звонит, полагаю, что секретарь его не слушается и не хочет идти ко мне. Открою второй фронт борьбы за «Повесть»: иду к Калинину или Жданову. Третий фронт скоро начну в ЦК у Еголина.

Люди, конечно, когда строили церковь, пользовались материалами природы, проще говоря, выбирали из природы лучшее и присоединяли качеством к богочеловеческой личности. Но теперь за много столетий люди слишком много надышали в церкви и возвращаются на вольный воздух, к природе как первоисточнику духовной радости. Вот это возвращение к природе, переход от латинского языка к итальянскому, это очищение воздуха называлось Возрождением.

12 Апреля. Начало освобождения Крыма.

Никто не заступится в последнюю минуту, и помни это, что спрашивать тебе не с кого, в этом последнем ответе твоем ты будешь один, единственный. Пусть даже возле тебя и друзья будут тебе советовать, и женщина волосами отирать тебе ноги, все равно в ответе своем ты предстанешь со своим именем, неповторимым, единственным. Тогда люди, друзья твои и враги, далекие и близкие станут как продолжение, расширение твоего тела, и все распадется, все разбежится, и тело твое, и друзья, и останется только имя твое как бессмертная неповторяемая сущность.

В отношении церкви я теперь как маленький, не хочется идти, не хочется стоять, но мама велит, это надо. Так больная Ляля теперь мне как мама, я слушаюсь, хотя она ничего не просит у меня, потому что слушаюсь и так знаю, что если я побуду в церкви, то ей это будет, как будто наполовину она сама побыла. Вечер был солнечный после целого дня борьбы солнца с морозом и людей со снегом. Там и тут мокрые, освобожденные от снега улицы блестели, как реки, или струились грязные ручейки. Где-то чирикали по-весеннему воробьи, каждое городское деревце ждало птичку, и она везде прилетала и садилась на сучок

городского деревца. Река Москва надулась, и ходить по ней стало опасно, только я все-таки перешел небольшой кусочек от спортивной площадки до набережной, дошел по набережной до Крымского моста и потом через мост вышел налево к церкви. Слушал «Чертог Твой», и когда вернулся домой по метро, сказал Ляле, что слышал «Чертог», и она очень радовалась, что я за нее прослушал.

С воскресенья и по сей день не могу очухаться от утомительного чтения (три часа): это не по силам и больше не буду. В 19-м году, помнится, тоже была у меня часа на два повесть «Мирская чаша», тоже слушали напряженно два часа, а после самому представилась вещь как плохая. Эта повесть, конечно, не как та, но тоже из общей оценки надо вычесть влияние двух факторов: 1) это что сам страстно читал, 2) что люди сейчас подавлены в духе и рады всему, что их хоть чуть-чуть поднимает. Значит, надо кому-нибудь дать прочесть глазами.

Узнал, что Калинин стал слаб глазами и читать не может, а ему читают понемногу, и если дать, то очень надолго задержит. Посоветовали послать рукопись с фельдъегерем в Ленинград и написать шутливое письмо.

Жданову. Дорогой Андрей Александрович, я написал «повесть временных лет», и теперь вот уже месяц прошел в поисках влиятельного читателя, и все не могу найти. Дело в том, что из пределов своей квартиры рукопись решил не выпускать.

13 Апреля. Четверг (Великий). Дал вчера читать повесть некоему соловьевцу Луганову, и он ответил, что повесть раскрывает идею Соловьева о борьбе христианина со злом. Больше он ничего не мог сказать, и на вопросы наши: — Это вы говорите о содержании повести, скажите о форме, — он отвечал: — Я не отличаю содержания от формы. Так ничего больше и не добились.

Что же теперь делать? Читкам верить нельзя, давать читать влиятельным людям и опасно (секретари перепи-

шут), и почти недоступно: влиятельные люди, им или некогда, или они мало понимают.

Правду сказал Федин: счастье решит. Пошлю сегодня Жданову и кончу хлопоты. Возьмусь за «Падун».

Много раз пробовал приучать себя к техническим навыкам и всегда замечал в себе, что привыкаю довольно скоро, после чего начинается опасный период: сколько-то времени работаю, как отличный автомат, вполне подчиненный разумно назначенным законам дела. И вдруг, когда вполне доверишься и отдашься законам, то как будто другой затаенный своевольник только и ждал того момента, когда совершенно забудешься в автомате, и вдруг он сует палку в колесо, и все разлетается вдребезги.

Вот таким своевольником я рожден, и Ляля точно такая же, и это определенное назначение быть своевольником приводит к страху перед человеком и к спасению от этого позорного страха обращением к Богу.

Дорогой Андрей Александрович,

дошло до меня, что Вы читаете мои книги, а я сейчас чрезвычайно нуждаюсь <*зачеркнуто:* во влиятельном> в авторитетном читателе, и вот почему. Если Вы читаете внимательно мои книги, то знаете, что я всегда пишу так, как думаю и чувствую. До сих пор в моем таком искреннем писательстве природа была моим великим покровителем и наставником. Многие думают даже, будто я укрываю в природе <*зачеркнуто:* свои недобрые чувства> свое равнодушие к человеку. Но это неверно, секрет моего тяготения к природе в том, что, глядя в человека в упор, мне казалось, невозможно его описать: глядишь в человека и видишь множество «типов», и их описать всех невозможно. Возьму для примера тип подхалима, — сколько их в человечестве! А я обращаюсь к природе, описываю виляющий хвост, и вот Вам налицо все подхалимы. Вот это человеческое значение моей «природы» хорошо понимал А.М. Горький <*приписка:* а

простецы считали просто «охотником»> и очень плохо понимают другие. Но вот пришло время серьезного испытания, всякий из нас получил повестку на великий суд, и в том числе, конечно, один из первых я, как писатель. Мне захотелось написать повесть <*зачеркнуто:* не только для умных или дураков, а для всех, для народа> для страдающего всего человека в его надежде на лучшее будущее.

К сожалению, в такое великое время в литературной среде создалась к писателю крайне недружелюбная атмосфера, и я в свои 71 год просто не решаюсь перед ними обнажить свою душу. Написав повесть, твердо решил не выпускать ее из своей комнаты до тех пор, пока не найду влиятельного читателя. Домашнее чтение друзьям, и прозаикам и поэтам, проходило великолепно, все, кто слушал меня, уверяют, что написано лучшее мое произведение и самое нужное для фронта. <*Зачеркнуто:* Но я не очень верю им, потому что никто из них не взялся бы перед всеми стать защитником моей повести.> Но это, конечно, были люди не ответственные за слово в современной политической обстановке, и потому их оценка по необходимости должна остаться в моей комнате.

Прошу Вас, Андрей Александрович, прочтите «Повесть нашего времени» и напишите мне о ней. Я всегда, конечно, готов сделать в ней поправки, которые дразнят гусей и не являются художественно необходимыми. Вторая моя просьба состоит в следующем. Если Вы действительно придаете значение написанным мною книгам и если по написанной мною повести поймете, что я могу еще писать не хуже прежнего, а может быть, даже и лучше, то, как политический руководитель, возьмите шефство над моим творчеством, и я буду впредь всегда с Вами консультироваться. Если найдете последнее возможным, то очень прошу в ближайшее время назначить место и время нашей встречи.

Рукопись, письмо и книги отправил Жданову через «Октябрь», и стало легко: наконец-то вещь сдана в редакцию, и я могу сказать облегченно: сделал все, что мог.

Вечером был доктор Мануйлов, немудрящий молодой человек, и прочел мою повесть сам своими глазами. Он был потрясен так, будто Слово к нему с неба упало. Это впечатление на среднего русского человека непосредственно из народа наконец-то убедило меня в том, что «Повесть» в самом деле настоящая, и, значит, она будет у нас, как шило в мешке: не утаишь.

Вопросы Жданову: почему в партии первой доблестью считается обвинить кого-нибудь и покарать, а не защитить? (Пример: карьера Бородина.)

<*Позднейшая приписка:* Жданов теперь умер. Увы! Он не ответил мне. Кто в этом виноват? И в 48 году написал ему, он опять не ответил.>

– Напрасно, сын Лева, ты лезешь на евреев, ты скоро увидишь, каким чудовищем после еврея окажется на его месте русский хам.

14 Апреля. Вчера на вечер небо закрылось, и ночь пришла в Москве сырая и безморозная. Улицы большие очистились от снега, но в переулках и снег, и лед, и грязь. Последняя московская весенняя вода сбегает по впадинам трамвайных рельс на склонах Москворецкого моста.

Надменность, высокомерие, спесь отличаются от хамства, бесстыдства и наглости не больше, как отличаются между собой образованные дураки от дураков обыкновенных. В России надменность в очень ограниченной степени есть влияние неметчины. В России серединный мещанин распадается на хама и нищего духом.

Там, внизу, не мыслят сильно, но там мыслят сообща, и то малое, что думают там, приобретает в некотором роде атмосферическое влияние (Метерлинк).

Вот так и надо понимать силу <*1 вымарано*>: там сильно не мыслят, но там знают силу эту и ей пользуются. Нам, наверху, потому-то и страшно, что эта знакомая нам таин-

ственная сила, порождающая наши мысли, кем-то заключена и приставлена к практическому делу.

15 Апреля. Солнечный теплый день.

Визиты завтра (Пасха): объехать на машине.

Щепкина (Тверской бульвар), Оболенская (Поварская), Вальская (Кудринская), Курелло, Птицын, Миллер, Коноплянцев, Лева, Удинцевы, Замошкин (Кудринская), Барютины.

День св. причастия.

Шесть часов в водовороте грешников. Усталость до упаду, до полного безмыслия. И спина так болит, что будто тяжкий крест несешь и вот-вот тебя задавит крест. А когда пришли домой и отдохнул, то с необычайной силой вспыхнула мысль. Однако так бывало и после тяжелых охот после утомления «до упаду».

16 Апреля. Св. Х. Воскресение. Ходили ночью к Ивану Воину. Народу было так много, что и во дворе едва поместились. Тьма. Звезды. Из двери церковной луч света и валит белый пар человеческих дыханий. В 12 ночи послышалось «Христос Воскресе».

Утром, когда Петя заводил машину, на минутку забежал в церковь и слышал «Вначале бе Слово».

Весь день ездили по знакомым. Были у Соломенной сторожки [Удинцевы] . Видел в парке темные кружки вытаявшей земли и на ней желто-зеленые червячки оживающих трав.

Солнце весь день обнимало Москву, большие улицы высохли, а из переулков по сторонам выбегали ручьи. Весна запоздала, но не больше, чем говорится: «неделю переездишь» (после Благовещения).

(Из переживаний в Великую Субботу.)

И вот начинаешь тяготиться заботами, которые раньше незаметны были в жизненном увлечении. Вот хотя бы дача, — как радостно было доставать ее и как теперь не хочется думать о тысяче мелочей для ее устройства, и так

хочется, чтобы кто-нибудь взял на себя эти заботы. И так во всем, вплоть до писательства. Боролся ведь и раньше за каждую вещь, но теперь становится все трудней: давит крест... Конечно, усталость, но...

17 Апреля. Было время, когда в церковь ходили одни только старушки. Не будь их, не осталось бы ни одного петого храма после революции. А что они, старушки-то, понимают? Значит же понимают.

Так, может быть, было и со всей природой, с животными, растениями: у них тоже после падения великого существа, содержащего весь мир человека и природы в единстве (рай), осталось тяготение к тому храму (раю), и они тоже по-своему молятся, как те старушки?

Пустыня, пустыня! Могу ли я оправдать тобою мое равнодушие к человеку, если сам Отец наш небесный в тревоге за человека послал на помощь ему своего Сына?

Меня повергает в прах образ этого патриарха, взявшего на себя столь тяжкий крест и не оставляющего его в свои 80 лет.

И когда я падаю как несостоятельный, чувствуя невозможность своими такими силами держать руль жизни в руках, то у меня остаются еще два пути жизни: один путь — презрение и ненависть к людям, другой — собирание маленьких, таких же, как и я, людей во имя Божие и восстановление всего человека с его растениями и животными по плану того, каким он некогда был.

Но ведь есть же такие люди в этом мире, кто не пал в той мере, как я, и у него еще хватает сил держать в руках руль жизни? Тот пусть держит, и мы его чтим, пока он держит, но...

Се жених. Верующий православный радуется, когда по годовому церковному кругу приходит к нему та или другая

молитва, а мы, простые охотники жизни, так же радуемся, когда весной прилетает птичка.

На Страстной неделе в тумане открылась река, и я увидел, что лед черный, грязный сбит к берегам, а по середине издали плывут льдинки белые, и на них чайка.

Это была моя первая птица, и я ей очень обрадовался. В этот же день в церкви пели «Се жених». Я пришел домой и сказал Ляле:

– В церкви был, слышал «Се жених».

Как она обрадовалась.

И чайке моей радовалась, но только, мне показалось, это была у нее радость от меня: мне хорошо, и ей хорошо. Но «се жених» у нее — это для себя, как у меня для себя чайка.

Утром я зашел в церковь и услышал в прекрасном чтении: «Вначале бе Слово». Случилось, я почувствовал Слово без времени и пространства, наполняющим весь мир, и отсюда мне представилась моя будущая кончина как предстоящая операция, маленькое дело, но неприятное. На улице день был великий, прекрасный до того, что в Москве было по свету как в Крыму. Река была вся открытая, сияющая, лишь изредка отрывались береговые льдинки и плыли, крутясь и меняясь формой то с той, то с другой стороны. Я зашел в Парк культуры, видел желто-зеленые травки под тающим льдом, и когда сел в парке на пень и только хотел мыслью своей слиться с тем миром, где все только Слово, вдруг что-то мелькнуло в глазах, я пригляделся и увидел и понял: это возле меня бегал скворец, первый скворец, виденный мною этой весной.

К весне в Москве: сараи с частыми решетками, старушка с утра несет из темного сарая охапку щепок и каждую щепку отдельно подсовывает под решетку, и солнце сушит, а вокруг еще снег.

Домик над сараем, сквозь лесенку березка, вокруг стены сарая. Старушка спускается с самоваром и на дворе пьет чай.

18 Апреля. Крест митрополита Сергия, или назвался груздем, полезай в кузов. Он сам говорил, что сделал это (т. е. уступку большевикам) «не под давлением, а под удавлением» и что «неизвестно, кто кого перетяпает». И вообще, может быть, крест он не брал на себя, а попал на крест и, что, конечно, и рад бы сбежать, да уже на гвоздях.

А разве такой «крест» может быть предметом умиления: человеку вышел крест, дай Бог, чтобы он не вышел и нам. Человеку свойственно бежать от креста, как бежит от смерти все живое. И ты, мой друг, тоже, конечно, улепетывай, удирай от смерти, пока есть куда драть, и, отбежав, отдохни и порадуйся, даже попляши <*зачеркнуто:* или на дудочке поиграй> и песенку спой. И так, нечего тебе лезть на рожон, пока души твоей не коснется любовь. Вот этого, правда, надо ждать, и надо искать и бороться за это: за любовь. И когда придет любовь настоящая, то с ней и крест придет легкий и радостный. Так вот, мой друг, удирай от креста, сколько сил твоих хватит... <*Зачеркнуто:* и устремляйся в сторону любви и верь.>

Молитва неведомому Богу. Так мы стремимся все назвать, но все названное тем самым уже и прошло: все названное есть уже и прошедшее. И пусть оно, прошедшее, будет благословенно в своих именах! Но ты, творец, не соблазняйся готовым и пройденным и стремись неустанно к неназванному и, встретив его, называй и опять с себя сбрасывай, и бойся готовых имен, которые в прошлом. Среди этих имен, там вдали назади чернеется крест.

На очереди: уяснение любви (начать с Филарета) во всем объеме, и эту всю любовь представить как образующую силу в природе.

Ляля, когда пишет на машинке, часто в своем стремлении написать поскорей схватывает переднюю букву и ставит ее раньше задней, но задняя, как будто в наказание за излишний спех, тоже схватывается сознанием и становится впереди передней: и так все у нее движется задом напе-

ред. Этот болезненный спех тоже постоянно бывает у нее в разговорах и в обществе крайне неприятен, потому что она перебивает слова других. Многих с первого разу это от нее отталкивает. Но я, как понимающий и любящий, смотрю на нее как на птицу, привязанную ниточкой за ножку: птичка <*зачеркнуто:* в неволе> забывает ниточку, пробует взлететь и падает.

<*На полях:* Достойно ли мое произведение того сложного пути в обществе, который я ему назначаю.>

19 Апреля. Ночью был дождь, кажется, первый серьезный весенний дождь. Устраиваем поездку в Переславль.

Вчера приходил Коноплянцев. Старик вовсе разваливается, мечтает о месте сторожа. Всю жизнь, как звезду, имел в виду место и умирает с мечтой о месте сторожа, на котором быть совсем и не может. Окончание разделенности петербургского человека-чиновника: «место» как средство после службы жить для себя («белые анархисты»).

Елена Конст. Миллер, тип обратный Коноплянцеву, но тоже чем-то неприятный: пассивный чиновник и активная барыня (оба вне времени).

С гордостью думал о себе, что «Повесть» есть результат не только таланта, а и нравственного усилия, в котором большую роль играет внимание ко времени (усилие быть современным). Ляля обладает тем же нравственным свойством и всегда современна, хотя вовсе не интересуется газетами. (После Крыма спрашивает: — А разве Одесса взята?)

На очереди овладеть машиной так, чтобы во всякое время можно бы самому завести и выехать из Москвы по Ярославскому шоссе.

Ставлю на конкурс в «Детиздат» (к 1 Июля): 1) Рассказы о детях. 2) Дом на колесах. И к декабрю для конкурса

1945 года обещаюсь написать <*зачеркнуто:* Падун> «Былину».

Петя сказал по телефону, что сейчас разгар половодья, что в мелких лесах проталины, на полях пестреет, и что при потеплении начнется прямо и тяга.

Во время обеда, около 1 ч. дня Володя Елагин передал вызов в Кремль к Калинину в 2.20 дня. Собрались, как на пожаре, прибыли ровно в 2.20 и пробыли у Калинина 40 минут. Володя после сказал, самое важное в этом: рукопись в Кремле. Итак, секретарь Союза писателей Поликарпов вовсе не принял меня, председатель Тихонов принял, но ничего не сделал. А председатель СССР Калинин принял по первому звонку и все сделал, т. е. взялся прочесть рукопись.

Зачем я взял с собой к Калинину Лялю? Без нее бы он мне много сказал интересного. Но зато с ней я держался сам как на веревочке, ничего не просил, никого не задевал. И вышло очень пристойно.

– Русский язык! – сказал я.

– Да, вот и русский язык! – ответил Калинин и поник головой.

– Передаю вам свою новую вещь, вы будете ее первым читателем, и, может быть, она вам понравится, и вы сделаете меня писателем.

– Я вас писателем! Вы настоящий русский писатель, я за вами давно слежу.

– То, что давно, то прошло: каждая [написанная] вещь есть могила писателя, и он возрождается в замысле новой вещи...

– Люблю Чехова: каждый раз читаешь, и все кажется по-новому, а вот Горький – тот хуже, и я это давным-давно говорил, что он больше публицист, чем художник.

– Правдоискатель, – поправила Ляля.

– Да, это верно, правдоискатель. Как этот роман его, Сам... сам...

– Клим Самгин?

– Самгин. Чего он там нагородил, и какой холодный, невозможно прочесть, каждое словечко обсосал.

– Цифры хорошо помню, но с именами плохо, забываю и забываю: стар. Вам-то что: вы еще молодой.

– Как молодой! Я старше вас.

Подсчитались, и когда я вышел старше, то стал его утешать.

– Моя жизнь, — сказал я, — жизнь все-таки вольная, разве я выносил то, что вы.

– Да, ведь тринадцать раз был арестован.

– Ну, это в молодости, — сказала Ляля, — тогда все проходит легко.

– Как легко! Ведь семья, четверо ребятишек, нет! Очень тяжело.

– Я не хочу сказать легко, а что тяжелее этого шапка Мономаха.

– Ну да, конечно, и это. Только ведь и жизнь писателя — трудная жизнь.

– Ужасная жизнь писателя, — сказала Л., — душу открываешь, а им наплевать.

– Да, я считаю, быть писателем — самое трудное.

– Какой писатель!

– Я не говорю о карьеристах, их, конечно, очень много, но то какие писатели, сегодня их знают, а завтра прошли. Вот хотя бы Эренбург <*приписка:* пишет и направо, и налево>: он уже проходит и вот-вот пройдет и уже кончается... А впрочем, так было во все времена.

– Так что, Мих. Ив., я эту свою вещь как русскому человеку [Вам] открываю: заумный, пока ему не подскажут, может, и не поймет, а вот такой, как Вы, чисто русский человек, мне думается, должен понять.

– Да, я всегда был национален, но никогда никто моим национализмом не обижался... Тут как по лезвию ножа ходишь.

– Любовь, наверно, держит, — сказал я, — любовь к своему родному человеку, не животная, а человеческая любовь. Этой любовью, наверно, и Ленин держался.

– Вот именно! У Ленина это было так чисто, прошел по ножу и не качнулся. Так и мы идем по его следам, и все вокруг мало-помалу переменяется. Были у нас болезни левизны, вот, напр., церковь. Вчера церковь спорила с нами, и мы ее жали, а теперь не спорит, и смотрите, что делается!

– А сколько словесных богатств еще не раскрытых таится в церкви.

– Не совсем нераскрытых, — поправил К., — Демьян Бедный ими пользуется.

– Демьян Бедный!

– Я не говорю, куда это он вкладывает и направляет, а что язык у него превосходный.

– Лирик по натуре, а пишет сатиры.

– А для сатиры нужен талант.

– А для лирики чистое сердце (сказала Ляля).

– Но это, конечно, он эстет и гурман языка. Так вот я, сам ничего не помышляя о себе, попал к нему на полку между фольклором и Пушкиным.

– И правильно!

– <*Приписка:* Может, врет?>

– <*Приписка:* Нет, зачем. М. И. >

– Вкусно ему: он гурман.

Начало: секретарь (вероятно, Юдин), увидев нас, встал, встретил, попросил очень вежливо на минуту присесть, а сам подошел к двери, приоткрыл. Дверь была толстущая, как в несгораемых шкафах, открылась, закрылась, и секретарь юркнул в шкаф. Очень скоро шкаф открылся — пожалуйте! — и мы шагнули. Калинин, маленький человечек, пошел к нам навстречу из-за огромного стола. Наверно, он оттуда не ко всем вылезает. Поздоровался, усадил нас за длинный низкий обыкновенный стол поперек огромному, а сам опять удалился за большой и оттуда вылез с той стороны нашего стола и сел близко напротив. Глаза у него болят, глядит сквозь щелки, и старенький он. Яблоки у него стоят, целая ваза, скорей всего, сейчас у него яблочный день и он никуда не спешит.

Мне, наверно, выпало особенное счастье: только позвонили, и через час я у Калинина, нашего президента. Вспомнился Федин после чтения повести, я сказал ему: — Можно ли устроить эту вещь? — Это зависит, — сказал он, — от счастья.

Так вот, может быть, и началось мое счастье: Поликарпов не принял, а президент по первому звонку, это ли не счастье: рукопись в Кремле, а Поликарпов у меня в кармане. Это ли не счастье.

Замошкин, как я замечаю, начинает в советской жизни окатываться, и Яковлев тоже, и вообще теперь люди перестают собирать горящие уголья над головой причинителя их личных бед.

20 Апреля. Утро — мороз, день — солнце. Гуляя, зашел в Информбюро. Встретил Яковлева. Он, единственный, хранит гробовое молчание о повести: не хочется думать о зависти (оставляя вообще под вопросом недостаточность вещи), можно думать о его принципиальности: неужели это он подозревает в повести план соглашательства? Нарочно заговорил о Поликарпове: он его одобряет как делового человека: Яковлев ходил попросить за каких-то вдов, Поликарпов не знал, кто это Яковлев, но вдовам помог, и Яковлев не обиделся за себя. — Так и я же не за себя, — воскликнул я, — я за повесть стоял, ведь я же писатель! — Яковлев промолчал. Так с повестью все обернулось к старой революционной морали: сначала устроим вдов, а потом займемся искусством. — Что же делать, — сказал я, — мне пришлось обратиться к Калинину. Теперь мне Поликарпов с его вдовами больше не нужен. — Конечно, — ответил Яковлев, — он теперь вам больше не нужен. — Из этой беседы надо оставить себе: что как и Фадеев, и другие, и Поликарпов, все они вплоть до Мишки проводят в разных формах одну Мишкину мысль: писатель, — что есть писатель? Ему бы лишь в свет выйти, а я руководитель.

Итак, при всех обидах надо помнить, что обида эта в исходе своем не личная и что если валит толпа в дверь, ты

не при в нее, а перегоди, пока все не выйдут: тогда спокойно войди.

У нас была в гостях вся семья Алпатовых (Лева, Галина, Левик и Леночка). Галина рассказывала о жизни их квартиры. 9 комнат, в каждой семья. Портной Сидоров, дочь Зина. Лейтенант на фронте сделал заявление по радио, что он один на свете, без родных и просит незнакомых писать ему как другу. Получается кипа писем, а лейтенанта уже нет на свете. Письма от невест поделили между офицерами. Зиночка тоже написала, и ее письмо досталось некоему Рудольфу, и он ей ответил. Завязалась переписка, вся квартира читает письма, знает Рудольфа, ждет его. Едет в Москву с генералом. Не показывается: переживание общее: жених пропал. А это он шил новую форму, не смея показаться в старой. Появление блестящего Рудольфа с товарищем. Зиночка обыкновенная, это он создает Зиночку, и та расцветает. Генерал собирается в Америку, и Рудольф с ним (обещает привезти подарки, а может быть, Зиночка радистка, и он Зиночку хочет свозить в Америку?). Вдруг Рудольф исчезает. Оказалось, генерал получил приказ вернуться на фронт (один из планов — приказ как безликое начало, как правда, и Америка — личное начало, и тут пересечение, тут крест и вся любовь («Се жених» — поэзия церкви и природы, Песнь песней. Вся любовь).

Домик с березкой, самовар, ампир и вся обстановка из окна Лаврушинского.

Начало: Мне давно, повторяясь, снилось, будто большой город какими-то силами был потрясен, рассыпался, и люди все погибли под камнями. И я тоже попал куда-то в пещеру и, поняв, что жив, хватился за свой термос, вечный мой спутник: термос с заваренным сладким чаем оказался при мне. Это меня обрадовало, и, выпив несколько глотков сладкого чаю, я встал и между камнями вышел на свет. С кирпичного края какого-то высокого этажа мне был виден весь город в развалинах, и я один над всем, моя вся душа, трепещущая на вздохе и выдохе, осталась един-

ственная среди всего мертвого камня и похороненных под камнем людей.

Сон этот повторился со мной наяву 19-го мая 1941 года. Мы услышали сирену и бросились в бомбоубежище Третьяковской галереи, и только что вот не термос со мной был, а фотографический мой любимый аппарат. Когда на рассвете дали отбой и я вышел на волю, там на дворе, где я жил, лежат камни, — все что осталось от нашего дома, и я хожу по камням один со своим фотографическим аппаратом.

21 Апреля. Нельзя писать по шаблону. Теперь будет не от «Я», а от 3-го лица, меньше лирики, больше действия и силы. Герой Рудольф фронтовое, а так — Васька.

22 Апреля. С утра солнечно, к полудню небо заволоклось. Мы выезжаем в 2–3 после обеда в Териброво на тягу и потом утром в Усолье. Вернемся 27-го.

Нарушение в себе автоматизма есть болезнь (или здоровье) моей натуры (как и у Ляли). После того как я где-то в глубине усомнился, я начинаю рассуждать, и со стороны кажется, будто рассуждение нарушает мою привычку. (Физико-психологическое основание анархизма.) Отсюда протест в сторону Ratio и апелляция к бессознательному, возвращение к природе, толстовство и т. д.

26 Апреля. Вчера мы приехали после обеда, значит, истратили всего на выручку вещей из Усолья трое суток.

Приехав, узнал, что из рассказов о детях в «Новом мире» все-таки выбросили два основных рассказа.

Если ни Калинин, ни Жданов не помогут, то, вероятно, придется передумать все отношение свое к той силе и определиться по-иному. Очень возможно, что я нахожусь в положении той бабы, которая вместо двери входа попала в дверь выхода и решила одна пробиться через встречную толпу. — Стань, — сказал я ей, — вместе со мной за уго-

лок, пока пройдут. — Вот еще! — крикнула она и бросилась против толпы. Ее вмиг стеснили, смяли. — Дура, дура! — кричали ей со всех сторон.

Что же делать в таком положении? Скорее, если ты не такой же дурак, как эта баба, вернуться вместе с толпой на исходное место и стать за уголок стены, пока все не пройдут.

Вот не забыть из беседы с Калининым: — Почему это, — говорит он, — русская литература стала такой исключительной во всем мире? Не оттого ли, что давление на русского писателя было так велико? (Я понял эти слова в смысле «этот стон у нас песней зовется».)

Рабочая ценность неведения или как это назвать?

Мечтают о жизни хорошей, но хорошее приходит часто от жизни плохой.

27 Апреля. Вижу по Калинину, как тоже, наверно, постарел Сталин, и по всему угадываю, особенно по нашему Союзу писателей, что все у нас теперь уже старые и вот-вот кончатся.

Если так можно (как поступил со мной Тихонов) относиться к делу моему, значит, мое дело в глазах делового современника совсем не нужно, и уничтожить меня — это все равно, что убить комара. Давайте же, друзья, перестанем совсем носиться с собой, сложим все свои доспехи и станем где-нибудь в сторонку, как нищие, в единственном чаянии: — Блаженны нищие духом (смиренномудрые), ибо их есть Царство Небесное.

Бывает со мной постоянно, что прямое рассуждение сбивает тайную жизнь моего духа. Тогда мне показывается формула: я думаю, значит, я ошибаюсь. И напротив, если я не думаю, то часто приближаюсь к правде, как бывает с человеком, творящим милостыню (левая рука не знает, что делает правая).

Теперь начинаю понимать вредную сторону первого, сбивающего большую Мысль «думаю» в его личной заин-

тересованности. В этом «думаю» человек является в своем роде претендентом на какой-нибудь трон, напротив, в большой мысли человек лично бескорыстен. Вот такое сверхличное состояние духа, по-видимому, и называется у св. отцов смиренномудрием.

Весна вышла затяжная. В лесу залежалось еще очень много снега, а с асфальтового шоссе он сбежал в канавки, и черная дорога в белой кайме была сухая и теплая. Люди шли по теплой дороге в теплых лучах все с какой-то мечтой в голове. Бывало, дашь гудок, человек, идущий впереди, и не оглянется, а только чуть посторонится. Теперь чуть тронешь пуговку, и люди в ужасе бросаются в стороны: это значит, они все о чем-то своем упорно думают.

– О чем они думают? — спросил я своего спутника.

– Наверно, — ответил он, — думают, о чем все теперь думают: когда война кончится.

И вот видим, на горячем черном гудроне петух ухаживает за курицей. Дали гудок... Никакого внимания.

– О чем они думают! — осердился шофер.

И объехал.

А вот гусь одинокий белый стоит на горячем гудроне, согревает красные лапки, такой важный.

– О чем, подлец, думает!

И опять с досадой гуся объехал.

И опять люди, и опять от малейшего гудка разбегаются в стороны, прыгают через канаву с водой, ругаются, и опять шофер с досадой на них:

– О чем они думают!

Но вот видим, даже и скворец, отливающий на солнце радугой, соблазнился теплым гудроном, слетел с дерева и распевает себе на дороге.

Машина летит прямо на него, шофер дает протяжные гудки. А он мало того, что поет, он, спустив острые крылышки к земле, кружится, как будто даже танцует, и поет, и поет, не обращая на гудки никакого внимания.

Пришлось объехать скворца, и шофер, повеселев, сказал:

– Ну, этому май пришел, этот ни о чем уже не думает.

Этот очерк типичен для моего старого времени: тогда я любил противопоставлять умную глупость природы мещанской заумности. Но теперь по шоссе идут страдающие люди, и нельзя их страданию противопоставить торжествующего скворца. Так «Литературная газета» и останется 1-го Мая без моего очерка.

NB. Написать о психологии смиренномудрия по материалам своего личного творчества. (К примеру, беру мудрование советское над воспитанием детей.)

28 Апреля. Весна вышла очень затяжная. Сегодня утром выехал с Петей в Пушкино дачу налаживать. После дачи поехал к Пете за дровами.

Езда на машине в Москве не дается мне, то ли, может быть, Петя волнует своим «ученьем», то ли вообще стал слаб нервами. Приходит в голову мысль, не продать ли машину и на деньги устроить себе дачный уголок.

Вечером был на тяге с Петей, даже убил одного. Но было холодно, ветрено, и эта задержка весны действовала так, будто уже и сам так измучен жизнью, что не до того, не до весны, не до природы, и что все такое, связанное с охотой, с поэзией, кончилось. Мало того! Все прошлое русской литературы, начиная от декадентов, кончая советской литературой вплоть до сегодняшнего дня, представилось огромным концом прекрасного человеко-зверя монархии, законченного советским хвостом. Правда, назовите хоть одно советское достойное творение, которое можно было бы признать за начало новой жизни, а не за конец старой? И об этом, наверно, красноречивей меня скажут те нынешние достойные писатели, кто в советское время выставлял себя за начало. Что я, давно махнувший рукой на время, вот они-то как чувствуют теперь себя, они — выставлявшие себя за начало и ставшие с очевидностью для самих себя концами. Впервые теперь объясняю их неласковое, равнодушное ко мне отношение, несмотря на признание таланта: я выхожу из прошлого, я живой конец, я мертвец... Так мерзко думал я на тяге в ожидании вальдшнепа. И вот он показался.

Я выстрелил, он упал. Равнодушно я его поднял. Потом вскоре стемнело, и ни зари не было, ни звезды не показалось.

29 Апреля. Ночевал у Пети в совхозе. Утром ездили в Царево на озера щук стрелять. Церковь в Цареве необыкновенная, не закругленная, а вся в остриях, похожих на тройные весенние тополевые почки, завершенные крестами. Вокруг церкви кружевные барельефы с изображением евангельских сцен. Что-то католическое в православии.

Озера в березовых лесах были прекрасны, но вдруг в неодетых лесах, где еще далеко снег не вышел и не было ни одного цветочка, кукушка закуковала... Даже страшно стало такое смещение природных явлений, и понятно, почему сложилось в народе поверие, будто прилет кукушки на неодетый лес ведет к худу...

Вот еще, к худу! Человек должен читать суеверия с обратной стороны: раз худо грозится, значит, надо спешить закрывать ворота и собирать стрелы на голову худа, и будет хорошо. Да, будет лучше, чем было, потому что хуже — это смерть, а хорошая смерть лучше этой низкой жизни.

После обеда Петя с семьей поехал к родителям жены, коммунистам справлять праздники. У нас справил Пасху, у них будет май справлять.

По приезде домой узнал от Ляли, что Новиков-Прибой умирает и уже не приходит в сознание. Ляля встретила в магазине его жену Марию Людвиговну, и та говорила, что на днях он открыл глаза и, увидав своих, сказал: — Садитесь за стол, ешьте скорей, больше ешьте, пока жив, а то умру, и есть будет нечего. — А так оно и было, он жил для семьи, приезжала родня, всех кормил. Хитрил, хлопотал, обсасывал свою кормилицу «Цусиму»...

В 10 веч. позвонили мне: — Звонят из Союза писателей. Умер Новиков-Прибой. Вы ничего не имеете против, если ваше имя поставим под некрологом?

Ночью Ляля прогнала меня: — Уходи на диван, очень жарко! — А когда я, уходя, что-то задел по пути, сказала: — Вот без тебя спала с вечера и до утра без перерыва. — Потом спохватилась: — Ты зачем же ушел? — Взял, — говорю, — и ушел. — Ну, ладно, а придешь? — Нет, не приду. — Она до того во сне меня прогнала, до того во сне говорила, что даже «не приду» ее не взяло за живое, и прямо уснула совсем. Пусть этот эгоизм только во сне, но все равно это необходимое подлинное и уважительное состояние всякой воплощенной души человеческой. Собственно говоря, это чувство себя, только себя и есть основной базис человека, его земля, из которой он стеблем тянется вверх к небу, к свету, к солнцу. И пусть Декарт верит: «Мыслю, значит, существую», ведь надо спросить его еще, в каком направлении он мыслит, есть очень вредные направления. А если сказать «я сплю спокойно», это значит больше, чем существую: это значит, что, хорошо выспавшись, я хоть на что-то гожусь.

Алексей Силыч Новиков-Прибой был добрый человек для семьи, и по «Цусиме» видно, что эту добродетель поднимал выше, вообще к человеку, был социалистом. Но тут у него все и кончалось...

Социализм в мечте своей происходит из трудового общения мужчин между собою, когда мужчины без баб сходятся в каком-нибудь труде, в земледелии или на фабрике, на них любо глядеть. И так, глядя на них, легко принять в себя мечту, будто путем трудовой организации можно решить все нравственные вопросы человечества. Все такие мечтатели делают единственную ошибку, они пропускают женщину как начало разделяющее, господствующее и в то же время в соприкосновении с мужским началом образующее личность, героя; мечтатели пропускают женщину как Богоматерь и на практике социализма чтут в ней лишь мать-производительницу.

30 Апреля. Против окна моего через двор за крышей флигеля глава церкви с облупленным железом, но крест золотой восьмиконечный хорошо сохранился, и шарик под ним целенький, и луковка. Направо на главном здании

над Пастернаком на крыше торчат две пушки-зенитки, и между ними сейчас, когда я пишу, очень высоко, как ласточки, парят кругами два коршуна. Смотрю на коршунов и вспоминаю Блока в новом для себя освещении: раньше я понимал его как декадента, как поэта конца монархии. Теперь я и себя, и всех достойных советских писателей считаю таким же концом монархии.

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

1 Мая. Вчера после обеда и до вечера валом валил крупный и густой снег и, коснувшись крыш и земли, тут же таял. Утро сегодня солнечное с легким морозом. Петя со своей коммунистической родней празднует май, так же, как праздновал с нами Пасху, т. е. не раздумывая о принципах, присоединялся и ел.

Бор. Дм. обедает в какой-то столовой по своей карточке. За тем же столом садятся с карточками литер. Б, энеровскими и разными другими. Прислуга должна помнить, что одному надо чай подать сладкий, другому с двумя кусками сахара, третьему с ложечкой сахарного песку, четвертому с конфеткой. Б. Д. получал чай с конфеткой и чай пил, а конфетку всегда прятал в карман для жены.

Поиски человека в этом быту, конечно, должны дать находки не менее ценные, чем в жизни благополучной, потому что «человек» как творческая сила жизни таится и действует невидимо, как сила, напр., электричества была и будет в природе независимо от того, приспособлена она к какому-нибудь нашему доброму или злому делу.

Великая тема для размышления «Женщина и социализм» (женщина как разрушительница социальной уто-

пии, в которой забыта женщина). Возразят: — А как же охрана материнства у нас, разве это не женщина? — Нет, это просто смешно, потому что касается лишь практики.

Раньше коммунисты в праздник 1-го Мая весь день, мучась, маршировали по Красной площади — то было время идеалистов, теперь они сидят по домам и «празднуют», и если бы кто-нибудь из вождей вздумал вернуть людей к прошлому, он был бы Дон Кихотом.

Вчера обсуждали возможность положительного ответа о повести из Кремля и остановились на том, что возможность разрешения печатать процентов на 5% и на 95% что похвалят и попросят немного подождать. Трудно себе представить такую вещь в советской печати, это было бы таким проявлением личности, какое не допускалось все 26 лет. Весь расчет в 5% основан лишь на возможности поворота времени: может быть, время настало...

Соловьевец Луганов (чудак) не признал моей повести за антирелигиозность, Яковлев (кажется, он глупый) за большевизм, и найдутся, кто признает ее религиозной. Понять ее может лишь человек живой, талантливый писатель, художник или просто живой человек из народа. Если бы повесть пустили, это меня бы окрылило, и я еще бы лучше написал что-нибудь. Но если не пустят, то ничего тоже: моя радость жизни тогда не рассеется по людям, а останется при мне.

2 Мая. Ездил к Пете, потом на дачу, там налаживали жизнь. Вел машину я без Пети и овладел рулем в Москве по-прежнему. Только при доверии к шоферу пассажиров может двигаться машина в людном городе. Шофер — это вождь и царь и полный диктатор. Никаких советов со стороны. Вчера я заметил, мелькнула по шоссе маленькая девочка и скрылась за стоящим впереди грузовиком. Я дал гудок и поставил ногу на тормоз. И вдруг эта девочка, перебежав за грузовиком, показалась бегущей прямо перед

моей машиной. Я был готов дать тормоз и вывернуть руль, чтобы девочка оказалась влеве, а колеса машины вправе. Но в этот момент Ляля заметила девочку и схватила меня за ту самую руку, которой я должен был повернуть руль. Я грубо пересилил Лялю, и эта моя грубость спасла жизнь девочки. Да здравствует такая грубость мужчины, и пусть все поймут, в каком смысле сказал Ницше: идешь к женщине, не забудь плеть.

К нашему удивлению на [Птицина] («Умный пьяница») факт победы русских над немцами не произвел, как мы думали, душевной <*1 вымарано*>. — Если немцы, — сказал он, — не соблюли положение высшей расы, то ведь и русские тоже раса не высшая. — Вы все о расе думаете, — ответил я, — мне же этот отвлеченный человек, искусственно собираемый в расу, в народ, есть не больше, как газовая завеса для наивных людей, вверяющих жизнь свою <*зачеркнуто*: вождю> кому-то...

В споре о разделе бензина между писателями Мишка Мешечков сказал: — Михалкову надо, конечно, дать больше, ведь он же гимн сочинил. — И дали, естественно, больше, — конечно, не за плохой гимн, а за «счастье».

Нет ничего более странного, как из-за руля, после этой борьбы с косностью за скорое время непосредственно войти в церковь, где люди направляют общим усилием свои мысли и чувства с тем, чтобы вовсе выйти из времени. С давлением, не без сопротивления я уступил Ляле и вошел к Ивану Воину во время шестопсалмия. Немногие люди стояли у стен в тени лампад, и, уж конечно, это были все люди страдающие... Читали им псалом о жизни человека, подобной полевому цветку: выйдет дух и потеряет память даже о месте своего земного пребывания. Помянув душу новопреставленного Алексея (Силыча), мы вышли из храма, я сказал: — Замораживание ужасно тем, что оно останавливает жизнь, сохраняя ее искаженный облик, огонь же уничтожает. И как это тело ничтожно, когда из

него вырвется дух. — Вот именно вырвется! — ответила Ляля. — Давай молиться Богу, чтобы твой и мой дух вырвались вместе. — Я давно об этом думаю, — ответил я, — но не молюсь: наверно, мне еще очень жить хочется.

В стихах Блока вязнешь, как в болоте, и тоже вечность показывается и засасывает.

Все социальные утопии потому утопии, что творцы их не включают женщину. А когда включишь женщину в любую утопию, то лучше не выйдет, как рассказано в книге Бытия о первом человеке Адаме.

О счастье говорят или дураки, или те, у кого его нет, неудачники. Но те, о которых говорят, будто они счастливы, никогда счастья не чувствуют, а фактическое свое «счастливое» положение считают своей заслугой, следствием своего поведения. И им кажется, что если все будут вести себя как они, то все будут «счастливы».

Познакомились с агрономом Влад. Иван. Гумилевским. Очень симпатичный человек и, вероятно, сделается нашим проводником в ту «природу», которая пойдет на здоровье Ляли и тоже и на мое (сад и огород).

4 Мая. Весны так и не было, все холодно, все ветры. Кукушка поет в неодетом лесу.

Мне было десять лет, когда умер Карл Маркс.

Поликарпов, несомненно, великий хам, но он детище своей среды и лично человек честный и последовательный исполнитель. Не советую вам упираться в него и беситься, потому что, нападая на Поликарпова, вы тем самым нападаете на высшие органы управления или, просто говоря, бьетесь головой об стену. Весьма вероятно, что Поликарпов является очень хорошим в глазах мелких людей, существующих возле ССП, старушек, неудачниц, всякого рода «униженных

и оскорбленных». Он честно помогает этим «массам», потому что они, каждый в отдельности, в его руках, его рабы и численностью своей (массой) устанавливают его господство. Величайшим врагом его, неизбежным, как смерть, является личность независимая. Но ведь это же и есть прямая цель Союза писателей — обеспечить независимость личности, и, значит, гибель Поликарпова неизбежна, как смерть. Вот в этом-то и есть существенная разница царского и советского времени: то время было тележное, чиновник садился в телегу часто на всю жизнь; теперь время моторов, чиновник делает круг в самолете, и через какой-нибудь месяц его сменяет другой, и вместе с его сменой у нас шевелится надежда на лучшее.

Говорят, Силыч до того увлекался огородом, что иногда, просыпаясь ночью, поскорее ждал утра, чтобы поглядеть на огород. Мне кажется, я бы тоже мог бы так увлечься, если бы только Ляля не перехватила своей живостью суетливой развитие моего увлечения, не приставила тещу к охране огурцов и надзору за работницей, и я, махнув рукой на скучное суетливое дело, не ушел бы в тетрадки свои и книжечки. По всему вижу, что дача не решение вопроса об отдельной жизни: где бы Ляля ни была, везде будет и теща, а самому отделиться и жить на стороне — эта мысль становится все более и более невыполнимой мечтой: Ляля меня избаловала, и без нее, кажется, я уже и не могу. Но... у меня еще есть ключик от машины с откидной спинкой, есть удочка, котелок и моя вечная дума...

Мысль о советском Лоэнгрине не покидает меня, только надо больше, больше внимания к мелочам советского быта; это внимание к собиранию мелочей есть самое сильное орудие их разрушения.

Пожалуй, так и надо понимать дачу с огородом и садом, как не для себя, а для Ляли с тещей: пусть копаются.

Помнишь время, когда мы топорщились, встречая в переиначенном смысле символ нашей веры, как Учредительное собрание, воля народа и т. п.

5 Мая. Я сказал бывшему летчику, ныне заведующему рыболовной станцией «Ока»: — Все истинные отношения людей друг к другу состоят в том, что один человек открывает в другом личность и тем поднимает его, и даже иногда можно сказать — воскрешает. Так, напр., читатель открывает писателя, и в этом вся культура человечества: культура как дело связи. Летчик с большим вниманием слушал меня и даже с большой радостью. Выслушав, он отвел меня в сторону (мы были среди любителей рыболовства в кабинете начальника) в угол и тихонько спросил: — А то, о чем вы говорите, не есть ли «Любите ближнего как самого себя»?

<*Позднейшая приписка:* Рассказ для будущего времени.>

Из беседы с N. о будущем моей повести: я сказал, что возможность положительного решения в Кремле считаю на 5%. — Нет, — ответил он, — возможность на 35%. После того мы говорили о возможности нашей победы над немцами вместе с союзниками этим летом. Он очень мялся, что-то его смущало. Я прочитал его молчание: он боялся того, о чем все мы знаем: — Понимаю, — сказал я, — вы думаете, что и тут тоже можно надеяться только на 35%?

Но все это ерунда! Бывает надежды на победу, если со стороны поглядеть, всего лишь на один процент, а обладатель одного процента идет с уверенностью на все сто и побеждает. И я свое такое уже сделал: повесть написана и определена. Дальше не мое уже дело: никакой ошибки, никакого случая быть не может. Жребий брошен: быть или не быть.

А впрочем, разве и все-то 26 лет я не чувствовал всю Россию в себе — и так что если я цел, то и Россия цела?

Задача: написать четыре детских рассказа, получить за них 2000 р., купить в коммерческом магазине со скидкой в 25% вина (т. е. 300 р. литр) = 2000/300 = около 7 литров вина и сделать на эти деньги на даче забор. Для этого:

1) Найти и обработать рассказ «Дятел». 2) Написать «Водяная курочка». 3) «Осиновый пух» и что еще?

– Как тебе не стыдно, — сказала Ляля, — можно ли связывать писание свое с забором?

– Отчего же нельзя? У Ньютона яблоко упало, и это связалось со всемирным тяготением, а у меня забор и полная неизвестность, что из этого писания выйдет.

6 Мая. Вчера несколько потеплело, но деревья и в Москве еще ничуть не зеленеют.

Есть люди, как будто все время и на глазах живут, на людях, а на самом деле они нам только показываются и живут про себя и так проходят сторонкой. Из них бывают довольно глупые (подозреваю А.С. Яковлева).

Моя первая любовь к Варе И. должна послужить материалом для изображения нынешней любви военной молодежи, любви, возникающей на письмах. На этом материале можно бы, кажется, показать происхождение социальных утопий как попыток построения мира без участия женщин. В мотивах-то оно именно исходит для женщины (героическое дело), но... в этом-то и есть «идеализм», мир для женщины и без женщины... Близость к христианской аскетике.

На стороне (мужчина), мир в себе (женщина — личность).

Впервые у Мужчины вопрос: а кто же я? И ужас отстранения себя от внешнего мира — первый ужас отрыва. Вероятно, и все механизмы происходят от Мужчины. И научная мечта, и Ньютон — все как центробежная сила, и все Женщины как центростремительная. (Он стремится в Румынию, она ждет к себе.)

В ней нет ничего, все отрицание и тайный вопрос: — Ты с чем пришел?

Так рождаются боги (т. е. личности, т. е. то, чего нет в природе). Бог из ничего (без семени).

Легко родить, как вся природа рождает, но как родить то, чего нет в природе (этот некий плюс)?

Это усилие, это сверх, ускорение темпа, борьба со временем и проч., и проч. = то, чего нет.

И то, что есть.

Из ее «нет» у него рождается личность, преодолевающая «нет» (кобель догоняет убегающую суку).

Именно это женское «нет» начало всему человеческому делу: создать то, чего нет.

Мужчина в упадке становится машиной, Женщина — кухней.

Машина и кухня.

<*Приписка в 1948 г.*: Наработается, придет домой, выпьет, наестся, ляжет спать с женой. И конец, день прошел. А на войне день не кончается и дом как мечта. Из этой мечты складывается родина, из неоконченного дня героизм.

Так строился канал (энтузиазм).>

Иной человек умнее тебя только оттого, что выше стоит, значит, дальше видит. Тогда, если ты сам не глуп, тебе надо признать его умнее себя и относиться к нему почтительно. На этом и основано обычное уважение старших годами и чинами. Сейчас у нас воспитывают это иерархическое отношение орденами, и мальчишки даже орден почитают.

7 Мая. Первый день весны: очень тепло, цветет ранняя ива — только всего дня три тому назад зацвела! — волчье лыко, примула. Мы целый день работали на даче в саду, к вечеру собрался теплый дождь и хлынул на всю ночь. Вечером вернулись в Москву.

Видите, в чем теперь тревога... Ведь в конце-то концов у каких-то людей в народе в тылу происходит же работа совести, отвечающая победам на фронте, а то из чего же взяться победам? А мы все замечаем теперь, что дела у нас как-то перестают делаться: в большинстве случаев люди стро-

ят мину, обещают, сулят и так не делают, а отделываются. Единственное возражение возникающей тревоге — это что все для фронта и теперь все там, но это опять не возражение: там и тут в существе должно быть единство, и там фронт не может работать без тыла, и тут наш тыл не может держать бодрое настроение духа без видов на лучшее.

– Любовь у людей состоит в том, что один, называющий себя «я», открывает в другом, значит, в тебе — пусть это «ты» будет даже и воробей — нечто единственное, неповторимое во всем мире: такого воробья другого нет на свете, такой-то Иван есть единственный.

– Но таким «единственным» может оказаться и крокодил.

– Конечно, может, но у животных это делается силой избирательного сродства: так может создаться новый, небывалый крокодил, а любовь у людей делает из человека Бога и открывает в любой твари Божественное начало.

< *Приписка:* — Откуда, сударь, вы с этим пришли?>

На горизонте показался снова Бострем. До встречи с Лялей я не мог его достаточно оценить: я его чудаком считал. Теперь думаю, что он, может быть, человек более достойный Ляли, чем я. Очевидное доказательство того, что мои глаза после прихода Ляли по-иному глядят на людей. Обратно вышло с Коноплянцевым, при Ляле мне стало нечего с ним говорить.

<*Приписка:* Что-то не то написано. Б. ни в какую меру не укладывается. Он почти призрак.>

И везде и во всем решает сила: сила ума, сила чувства, сила жизни, сила добра, и обратно: мало ума, мало жизни, мало добра — те же прекрасные качества при «мало» становятся отрицательными: мало-умный, без-жизненный и пр. Всякая моральная оценка предполагает силу.

8 Мая. После ночного дождя опять стало холодно, ветрено, сумрачно. Сегодня в 2 д. начинает работать че-

ховский комитет, о чем я уведомлен особой бумагой с подписью Сталина. В связи с этим вспомнились слова Калинина о Чехове как великом писателе. (– Не скажу того же о Горьком, тот скорее публицист. — Правдолюбец, — поправила Ляля.)

Слышал, что Калинин сильно влияет на Сталина в отношении суждения о литературе. Вероятно, и меня в комитет вместил Калинин.

Приходила Л.И. Случевская, я ей рассказал о впечатлении от Калинина в Кремле, что жалко его: замурованный мужичок. На это она ответила: — Надо подумать тоже, — за что же замуровали: был, значит, грех.

Говорили о трезвенности русской культуры.

Понял на заседании, что в Чехове хотят дать образец Бога в безбожии, т. е. того же, что одно время хотели дать в образе Гете («пантеизм»). 1-е заседание Чеховского комитета.

9 Мая. Холодноватый окладной дождь ровный вышел из ночи в день.

Вопросы морали поднимаются в юности, и у взрослого человека перестают быть вопросами и заменяются делом по формуле «довлеет дневи злоба его». Взрослый человек всерьез просто не может говорить о таких детских вещах, и если говорит, то с улыбкой. Но если удастся такой старик, что всерьез займется с юношами вопросами морали, то юноши будут его носить на руках, и только такой мудрец может быть полезным педагогом. «Повесть нашего времени» отчасти...

Поверьте, мы здесь на земле от «сотворения мира» и впредь до нам неизвестных времен творим одного человека, и когда наконец он будет сотворен, то, конечно, все мертвые, сущие во гробех, воскреснут, значит, поймут свое место в составе этого всего и единого в себе человека. Радость этого сознания и будет праздником всеобщего воскресения.

К этому NB: мысль о «едином человеке» мелькнула мне в 1907 году при взгляде на Надвоицкий водопад. Я записал ее в книге «В краю непуганых птиц» 40 лет тому назад, приступая к творчеству.

Ночью в 1 ч. нас разбудил салют: наши овладели Севастополем.

11 Мая. Солнечный, но все еще холодный день.

Я знаю по себе изнутри, что изменяюсь и так быстро, будто лечу. Но для кого-то незаметен мой полет, и ему виден я как существо неизменное, каким родился, таким и остаюсь...

И правда! Это ведь я в себе и для себя так сравниваю себя нынешнего с тем, каким был в юности: Боже! Как я был тогда глуп. Но если не знать мои переживания — а как их знать! — то сам по себе я все такой же восторженный, увлекающийся, готовый во всякий момент бездумно броситься в неизвестное.

12 Мая. Эскалатор работает как водопад, или, вернее, человекопад. Все задумываются, как бы застывают в движении, которое себе ничего не стоит. Тогда каждое лицо, даже самое грубое, вызывает жалость к бедному человеку, обреченному быть жертвой непонятного ему созидания. Смотришь на такое лицо, и жалость охватывает, понимаю теперь, почему: человек спешил и весь уходил в спех, а теперь за него машина спешит, и он остается сам с собой и еще не может с этим освоиться, и эта-то детская беспомощность человека и возбуждает на жалость к нему. Все мучение их в том, что они слепо доверяются времени и, как дети, надеются успеть, но время их обманывает и вдруг оставляет, и в роковой момент этот тела их разваливаются. Жалко смотреть на них, и хочется сказать каждому: не верьте времени, дети мои, не вверяйте себя ему, не спешите, не думайте, что время есть деньги, — время есть смерть, и вы будете тогда только люди, если вступите со временем в смертельную борьбу: я или ты. Бога ради, не тратьте себя!

В детский вагон вошел грубый парень и, увидав, что места ему нет, все занято детьми, сказал:

– Ишь, нарожали, пора бы перестать: столько горя, а они рожают.

– А это, милый, не радость: поди-ка роди. Умник нашелся: теперь-то и надо рожать.

– И поощрять даже надо.

– Я это знаю, а все-таки неприятно смотреть, там умирают, а тут прибывают, будто не люди, а куры разводятся.

– Именно это и надо поощрять.

– Человек не курица, — продолжал, не слушая, парень, — курице голову отрубишь, она воскреснет: курица и курица, а человека не воскресишь, человека такого, как был, не родишь.

Вошли слепые, один играл на гармони, другой пел о том, как на Западном фронте геройской смертью погиб молодой человек и как дома плакала его мать. Все женщины в вагоне плакали, и видно было насквозь, как много в стране страданий и горя, так много, что, глядя на плачущих, даешь себе обет, как можно осторожней обращаться с людьми на улице, в трамваях: почти каждая женщина — сосуд страданий и горя.

И заключение грубого парня: — Вот видите, — плачете, а спорили, что надо рожать. Человек не курица, отруби голову — и воскреснет, человек умер — и не родишь.

13 Мая. Как и вчера, день райский.

На автобазе при виде чаек над Москвой: птицы летают, бабочки порхают, вся природа живет и дней не считает, они все так живут, не зная времени. Это один человек на земле был вовлечен временем, определился в нем, и так в этом его и был грех: время было началом добра и зла на земле. Время как деньги, надо беречь их. Да, это верно говорят: время совершенно так же, как деньги, охватывает человека и делает своим пленником: люди спешат и суетятся, потому что находятся в плену времени.

Как гибнет любовь, когда один человек обращает другого в собственность, так и в отношении времени...

Профилактика до 7 в. Быстрая езда до Пушкина. После жаркого дня ясный, строгий вечер. Убил вальдшнепа. Ночевали в машине в Зверосовхозе. Где-то трещал козодой.

14 Мая. Такой сияющий майский день, все деревья понемногу распускаются.

Везде кругом распускаются почки, и зеленые маленькие листики, увидев свет, складываются, как удивленные птички. Но я иду мимо: знаю, что хорошо, но устал и не могу от себя к ним поднять радость. Ты же, милая, вижу я, радуешься, и я благословляю эти листики, что они в тебе питают радость жизни, я иду к ним, я готов целовать их за тебя. И слава Богу, вот через тебя я, мертвец, воскресаю, и мне кажется, будто через тебя не я один воскресаю, а все мертвые встают и понимают себя в единстве великого созидания мира.

15 Мая. Спал в машине. Райское утро. Едем в Москву на Чеховский комитет.

О моих предшественниках по даче Караваевых все говорят, что дачу Караваев бросил из-за того, что с женой нелады. — А как жили-то! Вместе на курорт ездили! — Выше лада, как на курорте, нет для советского человека (совкультура: кино и пр.). Услыхав о курорте, Ляля назвалась артисткой. — В каком театре? — В кино.

Березы распускаются, зеленые сережки повисли, и в зеленой дымке листиков зеленых сережек начинает скрываться скворечник.

Я забыл в Москве «права», и пришлось ехать на электричке. Чеховский комитет: чувствую, что все начинают засыпать и комитет обращается в «помидорную комиссию» (во время войны 1914 г., когда я в этой комиссии замещал его Превосходительство).

Члены чеховского комитета обращаются в «чеховских героев»...

Вечером была «та дама» (похожая на Марью Васильевну) и показывала иллюстрации «Слова о полку [Игореве]» Рыбниковой. Были Реформатские, милые люди.

Наступление союзников по традиции заминают и, наверно, не без оснований.

О Чехове думаю, что реализм его остается на той границе, после прохождения которой начинается сказка (в смысле преодоления времени и пространства: во время оно при царе Горохе, в некотором царстве и т. п.). Чехов подготовлял почву для легенды, и пока он копался, Горький прыгнул через его голову. Недаром Калинин сказал о Горьком, что он «больше публицист»: это значит, что Горький пережит и мы возвращаемся к Чехову (копать огород). Кончилась романтика босяков, приходится копать огород. На смену Горького и Маяковского возвращается Чехов (какая скука! Вот отчего и спят в чеховском комитете).

Тихонов подходил ко мне извиниться за то, что не мог выслушать повесть: нет времени. Я рассказал ему о том, что обратился к Калинину и через 15 минут после звонка он принял меня и беседовал целый час. — Неужели Калинин меньше занят, чем Поликарпов? Вместе добродушно посмеялись. А Поликарпов стоял в сторонке и поглядывал в нашу сторону. Очень подмывает взорвать эту «помидорную комиссию». Подумаю, и может быть, и взорву.

Ходил за хлебом в булочную и, преодолев очередь, хотел получить за вчерашний день. Выдержал большую борьбу, и когда оказалось, чтобы получить этот килограмм, я должен идти на Якиманку к директору и потом опять вернуться в очередь, то отказался. — Мне время дорого! — ответил я. — Сами виноваты, — сказала одна женщина из толпы, — вам надо было потихоньку подойти и мигнуть продавщице; вы же оказали свою культурность, а перед хамами нельзя быть культурным.

Советское мещанство. — До того хорошо жили они (супруги), лучше и быть не может: вместе на курорт ездили.

У меня на руках после матери осталось именьице, и с ним, вернее, с этим местом, моей родиной была связана моя душа. Близилась революция. Я спросил Горького:

– Что мне делать с имением: вся моя душа связана с этой землей, хочется устраивать, подсаживать деревья, хранить дело матери.

– А вы чем занимаетесь? — спросил Горький.

– Вы сами знаете: занимаюсь писательством.

– И занимайтесь литературой.

– А что же мне делать с имением? — спросил я, ожидая, что вождь пролетариев на вопрос об имении решит по-евангельски: мужикам отдайте.

Но Горький ответил:

– Имение поскорее продайте.

16 Мая. Стоят жаркие летние дни. Сквозь молодую зелень берез еще можно просмотреть и увидеть назади их темные сосны и вдали домики. Две девушки склонились друг к другу — шепнули что-то, как будто две веточки с березовыми сережками от ветерка сошлись и разошлись.

17 Мая. Наше время закаляет человека и учит смотреть на личную обиду как на горох, летящий на стену. Вот прошло уже больше трех месяцев, как Чагин поздравил меня по телефону с выходом сигнального номера юбилейного сборника. Я посмотрел книгу и на страничке оглавления заметил ошибку: надо было напечатать «Черный араб», а они напечатали в юбилейном-то сборнике «Черный гроб». Десятки раз я приходил в «Гослит» спрашивать, скоро ли исправят ошибку и книга выйдет в свет, и мне всегда отвечали: «на днях». И так идет четвертый месяц. Раньше я бы обиделся, т. е. принял бы как пренебрежение моей личностью. Теперь я знаю, что это зло направлено не против меня, а само собой выходит от усталости людей, им теперь не до того.

Обида порождает злость и страх. Литературная деятельность совершается под градом отравленных стрел. Но после каждого укола наплывала на меня спасительная радость жизни, и каждый раз от всякой обиды, пережив судорогу души, я только выигрывал. Но больше не хочу этой судороги и буду учить себя при обидах оставаться таким же спокойным, <*зачеркнуто:* как Тот, Кто сказал: — Они не знают, что творят> потому что зло направлено не против лично меня, и главное, они не знают, что делают.

Мне Ляля однажды ночью сказала: — Подумать только! Одна я единственная во всем мире знаю, какой ты хороший.

Единственная! Так вот оно что значит, когда любящий так называет свою женщину. Это значит, что если бы не эта «единственная», так он бы не знал, куда ему и главу преклонить. И еще я думал о Ставском, какой он для всех был нехороший и как все удивлялись тому, что с ним может жить такая достойная женщина, как Ольга Анатольевна. Теперь это понятно: она была единственная, кто знал, что Ставский был хороший человек.

Обрати же внимание, Михаил, на это явление, столько раз тебя удивлявшее, что возле иногда и отъявленного негодяя стоит достойнейшая женщина: она не возле негодяя стоит, она единственная знает, что в глубине негодяя таится хороший человек.

Сегодня несчастный день. Я три часа истратил, чтобы проехать на электричке три километра до «Заветов Ильича». На первый поезд нельзя было сесть из-за народа. Второго поезда дожидался целый час со скукой: бродил вокруг станции, заговаривал с людьми неудачно и, наконец, сел на лавочку и стал сочинять поэму о бледно-зеленых мохнатых бутонах липы на черных ветвях. От бутонов перешел к Чехову в том смысле, что Чехов был бутоном, не посмевшим раскрыться. Это подало мне мысль расшевелить чеховский комитет. После того пришел поезд, и только сел, меня позвали в НКВД, и поезд ушел. Когда мои доку-

менты проверили, я обратился с вопросом, какие основания были меня подозревать. — У нас никаких, — ответил начальник, — но пришел гражданин и донес, что кто-то в очках, в шляпе и в гетрах ходил вокруг станции, о чем-то выспрашивал и что-то записывал в книжку. Я должен был задержать. — Значит, — сказал я, — вы лишили меня моего рабочего дня по требованию масс. — Совершенно верно. Все эти объяснения продолжались четверть часа, и еще через $^3/_4$ часа я, наконец, уехал и тут только узнал, истратив три часа, что до «Заветов» всего 3 километра.

Было очень жарко. Поехал к Пете рыбу ловить, но Петя копал до ночи огород, а мальчишки расстроили машину (спустили баллон и пр.). Ночевал в машине.

18 Мая. Май раскрылся в блеске зелени и росы, и жара июльская, только ночью прохладно.

Смотрю из машины, как леса одеваются, как исчезает в зелени берез скворечник на дворе фермы.

Поездка с грузовиком в Заветы Ильича. Захватили утром Комиссарова, и он показал нам круглый лес для забора, но забыл дать бумагу с отпуском. Первый патруль я упросил пропустить, второй пил квас. (Пьет? — Пьет. Наши проехали. — А он? — Все пьет.)

Материал доставили на дачу в 11 дня. (Вся операция: сколько разных мелких дел поделано для забора... Сделать подробное описание того, как я себе поставил забор, начиная с поездки на лесопильный завод.)

19 Мая. После многих роскошных жарких дней наконец-то пасмурно и не так жарко.

Миша Мешечков ожегся на власти. После унизительного бытия власть показалась ему ощутимым добром, и все в этом положении ему нравилось: и что кормят хорошо, и обращаются с ним хорошо и все прочее, и между прочим не мало давало ему счастья, что в его власти находится возможность делать людей счастливыми. Одно заботило его, как бы удержать за собой место и стать на нем твердой чугунной ногой. Вначале казалось, что эта за-

бота не имеет по существу никакого значения, как переходящая тень, падающая от каждого предмета на солнце. Но мало-помалу, вникая в жизнь своих сослуживцев, он начал понимать, что каждый из них нетверд на своем месте и держится на нем как акробат на канате, стремясь перейти куда-то дальше, а не стоять на высоте и радоваться: стоять-то нельзя! — вот что значит эта, казалось вначале, такая ничтожная тень его счастья.

Между тем окружающие его люди, те, которым он делал добро, говорили о нем хорошо и прославляли его. А те, кому он не делал добра, а требовал от них выполнения дела, смеялись над его простотой и так говорили: — Это нам какого-то мужичка прислали, дядя Аким, только не говорит: тае, тае... Сам же начальник, присматриваясь к нему, давно понимал, что произошла ошибка в назначении. А впрочем, это его не очень заботило... Описание положения более крупного чиновника, кто боялся «врага» и все силы свои полагал на то, чтобы с ним бороться (за место). Мишу он мог бы оценить лишь в том случае, если бы он мог помогать ему чем-нибудь в этой борьбе. В этой борьбе определяется личность, тот страшный враг на фоне безликих масс. И, в конце концов, то, что произошло 2 тысячи лет назад: в угоду «массам» личность предается распятию.

Эта простая сущность власти, т. е. что в угоду «массам» отдается на распятие личность, видна даже в моем железнодорожном случае: кто-то из масс донес об оказании культурности (шляпа, очки).

Не мысль, а умысел.

У-мысел, У-клон, У-шиб, У-гар, У-нижение, У-маление, У-добрение, У-миление, У-сердие.

Значит, приставка «У», например, в слове У-мысел означает пользование чем-нибудь, напр., мыслью, с практической целью добра или зла: у-добрение, зло-у-мышленник. Почему же нельзя сказать доброумысел, доброумышленник? Потому что добро исходит из сердца и лишь после того подвергается практической обработке разума. «У»

означает также исход, начало, исток. И Умысел означает бессердечную мысль, головное начало.

Около 5 в. приехала Ляля с птицей печали. Лялю повез в Москву, птица осталась стеречь.

Возле гаража машина стала, кончился бензин, потому что прорвалась прокладка коллектора выхлопной трубы. Едва загнал машину в гараж.

Какая радость приехать домой: мой дом — это Ляля. И я теперь больше уже в одиночку не жилец: я стал другой человек, и одиночество мое невозвратимо, да и не нужно.

20 Мая. Пестрый летний день с грозовыми дождями. Липы развернулись, и как они хороши, с какой теплотой вспоминается старая Москва в липах.

Норочка, моя милая собачка, что ты сидишь возле меня и глядишь такими печальными глазами, так напряженно всматриваешься в мою мысль и не можешь увидеть ее. И я знаю, что в ближайший вторник тебе упадет от меня величайшее счастье, величайшая радость: ты поедешь на дачу и будешь свободно бегать в зеленой траве. Смотри, смотри в мою мысль, молись! Ведь я же бог твой всемогущий, всеведущий, всеблагой, вездесущий. Доверься вполне мне и будь благодарной, — я твой бог и все могу сделать тебе, кроме одного: я не могу открыться тебе, не могу дать понять, какая ждет тебя радость через два-три дня. Норочка, на тебе кусочек сахару, на, вот, лизни — как хорошо! Если бы я мог, я открыл бы тебе, что и у меня тоже есть Бог, и моя судьба тоже в Его руках так же, как и твоя в моих. И посмотри, ну, погляди в меня, чувствуешь, как я тоскую о том, что не могу подняться к Его мысли и непременно должен проходить темный далекий путь с чуть мерцающим светом вдали. Такая тоска, Норочка, схватывает сердце мое, давай вместе повоем. Ну, я начинаю...

Она кладет мне лапы на плечи, прижимается щекой к моей щеке, и мы вместе воем — она ко мне, своему богу, я к своему Великому.

Поднимаясь на эскалаторе, я видел на другой лестнице людей, мчащихся бесконечной лентой вниз в запрокинутом назад положении. Передав машине свое суетливое заполнявшее время движение, они замерли как бы вне времени и так остановленные пáдали и очень напоминали собой картину Дантова ада. Куда мы поднимались и какие мы, я не мог видеть из-за спины стоящего передо мной человека, но впереди, вдали в самом верху был бледный свет. И так мы поднимались на небо, и оно видело нас, какие мы, а они опускались в ад, и мы в каждом лице видели застывшее страдание.

После обеда ходил в ВАРЗ, достал у Родионова (Иван Федорович?) прокладку коллектора выхлопной трубы.

Встретил Гладкова. — Противен, — говорю, — мне чеховский комитет. Ведь не зря же Чехов выдвигается образцовым писателем. Надо бы нам с этого начать: какой Чехов в советском освещении, и каким надо его нам изображать для детей и народа. — Э! — сказал Гладков, — бросьте. Ведь это постановление Совнаркома — это их дело! А у нас свое.

Какой глубокий пессимизм, и как это похоже на царское время в Петербурге, где не только люди делились на чиновников и на частных людей, но и сам чиновник делил себя надвое: один в департаменте, другой дома. Только тогда разделенные люди как-то могли существовать и не очень мешать друг другу. Теперь тощий чиновник поел жирного частника жизни и сам не потолстел, а скорее еще похудел.

21 Мая. Ночью был хороший дождь, и только к 8 утра серые облака стали разрываться, и по горизонту кругом открылось голубое кольцо.

Прикован к дому механиком: приедет механик, но... В наше время самое характерное, что никакому слову верить нельзя, нет больше «честного слова», и механик, может быть, не приедет, и я все воскресенье буду его ждать.

Машина. Вчера технический директор ВАРЗа мне сказал, что гарантировать машину от поломки при наших материалах и условиях сборки никто не может. Итак, значит, направляясь куда-нибудь, ты не можешь быть уверен, что доедешь до места. А сколько хлопот! Так стоит ли при наших условиях машину держать? Не лучше ли продать ее, а деньги истратить на дачу?

Чудеса. Боже мой! И сыновья-то мои остарели, а я все живу как юноша: живу любовью и поэзией — подумать только, в мои-то годы! И вот, вижу, смотрит на меня хорошая женщина Надежда Васильевна Реформатская и в задумчивом удивлении тихонечко раскачивает головой и шепчет: — Чудеса!

Впрочем, это от матери. Дунечка сказала о ней, что до старости она так и не дожила (в 75 лет) и умерла, не узнав физической тягости жизни.

Ответ. Жданов ответил о повести Попова: — Прекрасная вещь, но печатать можно только после войны.

Вероятно, то же будет и мне: люблю, но не женюсь.

Сила жизни. Сегодня вся Москва едет в поле с железными лопатами, — не могилы копать, а огороды. И блажен, кто молод! Смотришь и радуешься силе жизни, побеждающей скорбь. Но эта радость жизни в лучшем своем выражении не больше того, как высказано в «Одиссее»: и так мы ехали дальше, поминая милых умерших, втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых.

Лялин характер. Когда Ляля приказывает строго, все равно, кошке, Норке или Марии Васильевне, то всегда почему-то смешно: как будто ребенок подражает старшим.

Раньше я любил сады только запущенные, старые, с кронами яблонь, погруженных в высокую траву. Теперь очень радуюсь саду под черным паром с яблонками бе-

лыми, обмазанными известковой водой. Так вот, наверно, образуется любовь к паркам, и со временем я тоже свой любимый лес променяю на парк. Отчего же происходит во мне, старом человеке, такая перемена?

Ляля на этот вопрос ответила примером жизни Олега, что он писал мучительно «Остров Достоверности», но когда полюбил ее, то сказал: — А все-таки Диккенс лучше, чем «Остров». — Вот так и ты со мной меняешь вкус к дикому саду и лесу на возделанный огород с белыми яблонками. — Да, раньше эта дача мутила мою душу неоправданным благополучием, теперь люди страданием своим оправдали свое стремление к благополучию. Конечно, мне хочется тебе здоровья, и необходимо, чтобы ты жила в «раю»: и все это я делаю для тебя. Но как раньше я находил у людей сочувствие к моему отвращению к мещанству дач, так теперь вижу у всех поддержку моему новому вкусу: не тунеядцы, а хорошие люди стремятся теперь осесть на землю, утвердиться в себе. Да и что говорить об этом, если даже Совнарком своим постановлением о чествовании Чехова показывает конец социальному романтизму Горького. Так эпоха Горького кончилась Чеховым, как моя эпоха диких лесов и запущенных садов кончается вкусом к возделанным садикам Мичуринской культуры.

Калинин сказал мне: — Это была болезнь левизны.

<*Зачеркнуто:* Бывало, сила жизни раскрывалась в стремлении к богатству.>

Нет ничего прекрасней зеленеющего в мае деревца где-нибудь на асфальте перед порталом каменной громады. Тогда из обычного общего всем чувства радости жизни все неправедное, хищническое, собственническое оседает твердым асфальтом и камнем, а сама движущая сила жизни, любовь, зеленеет у нас на глазах деревцем со смолисто-блестящими и душистыми листиками.

Умер патриарх Сергий на днях, и сегодня по радио передают уже письмо его преемника Алексия к «дорого-

му Иосифу Виссарионовичу». А я смотрю сейчас на облупленный каркас купола церкви за крышей флигеля нашего дома и, может быть, впервые так остро чувствую силу блестящего золотого креста, поднятого над облупленным куполом. Да, это совсем даже и не важно, что купол облуплен, и, может быть, так это и надо, все облупить, чтобы крест резче резал собой синее небо и золото креста ярче горело на солнце.

«Повесть нашего времени» тем неправильна, что в ней показано не наше время, а уже прошлое: смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни, а не в возмездии. Скорей всего, это я только один, запоздалый гусь варварского марксизма, хочу понять теперь силу варварства как силу возмездия, а на деле эта сила уже исчерпала себя. То или другое решение в Кремле будет мне ответом: если решат печатать — это значит, в большевизме еще таятся революционные силы возмездия, если нет — то ясно будет, почему Чехов сменил Горького.

Едва ли у Сталина это не единственное настоящее письмо, и как хорошо, что оно исходит от блюстителя Слова. Пора бы и вообще нашим попам перестать лицедействовать на своем псевдославянском языке.

Вчера полдня, сегодня весь день безвыходно ждал шофера от Автобазы и не дождался...

С повестью не хуже, чем с машиной, никто не отвечает. Приходил Бианки и говорил: — Чего же вам надо еще, все вас знают, все любят. — Мало мне этого, — отвечал я, — на что мне любовь, если я чувствую стеснение на каждом шагу, дома — теща, в литературе — стерегущие жертву палачи духа, а в государстве война, в обществе тощая корова. (Понимаю нашу советскую историю так, что тощие коровы — чиновники — поели жирных (частников) и сами не потучнели.)

Есть слух, что цензура снимается с ЦК и предоставляется редакторам: вот это будет еще почище. А весьма возможно, что хозяин, узнав о цензурных злоупотреблениях ЦК, распорядился дать полную свободу печати, и таким образом редактор стал свободен. Так вот из добрых намерений и открывается путь в ад. Воображаю наших редакторов в условиях «свободы»!

22 Мая. Дела: 1) по машине: Никонов и Залогин. 2) «Детиздат»: к Дубровиной и все (разве: к Раковскому по рыбе и сети).

Вставили прокладку люди из Севастополя Шурик и грек.

Шурик выпил вина и сказал:

– Начитался я книг, и закружилась у меня голова, сорвался со своей точки. Летел на самолете бортмехаником, попробовал взять управление и полетел на землю, и разбил самолет. Теперь у меня правая рука — протез.

– А если бы книг не читал, неужели бы не взялся за руль?

– И очень может быть. Книги меня выбили из седла, а я считаю, что главное, на чем все люди стоят, это их эгоизм. Все живут для себя, все эгоисты. Вот и вы, старый человек, кто хранит вашу старость? Молодая женщина, и она это делает для себя.

– Милый мой, ты не знаешь, что говоришь, выходит, что и добро делать — это для себя: добрый человек делает добро, потому что ему так хочется.

– Вот именно, для себя.

– Если так, то я согласен: всем, значит, только кажется, что живут для себя, а выходит для других.

– Правильно, — сказал грек, — но не всегда. Вот я сделал хорошо вам машину, делал я для себя, чтобы от вас заработать, а вышло и для вас хорошо. Но если я сделал плохо и вы, проехав немного, останетесь среди дороги, то значит, я делал только для себя. Так я и разделяю людей, все

живут для себя, но одни только под предлогом для себя, работают для всех, а другие только для себя живут, и от их жизни другим ничего не достается. Вот эти люди эгоисты, но их немного, большинство людей только думают о себе, а живут для других.

– Вы великого ума человек, — сказал мне Шурик, — скажите, когда война кончится?

– Может быть, я и умный, — ответил я, — но место, где я стою, невысокое, мне видно недалеко, и сказать я ничего не могу: не видно. Ты лучше не гонись за умом, спроси не умного, а того, кто повыше стоит.

– Мода пришла евреев ругать, а коснись дела, без еврея не обойдешься, и не потому, что русский глупее, а потому, что умного русского надо искать среди глупых, а еврей и каждый не глуп, и всегда тут под рукой. Вот пришла беда с машиной, найди честного и умного русского шофера — нескоро найдешь. А вот приехал на двор шофер Русланов Яков Маркович, и будь уверен, Яков Маркович не подведет тебя никогда. Погодите, жидоеды, придет время, опять евреям поклонитесь.

У евреев есть средний человек, добросовестный, а у русских среднего человека нет.

23 Мая. Все утро посвятил лихорадочной работе над машиной (Алексей Владимирович Алигори).

Из Кремля звонок от Калинина: завтра в час дня на прием. Значит, время чтения было от среды 19 Апр. по среду 24 Мая, т. е. месяц 5 дней (а сказал «через недельку», но и то хорошо).

С балкона, глядя на кипучую жизнь детей на развалинах школы. Это единое существо живет и составляется из переживаний отдельных людей, и только при сознании каждым отдельным [человеком] творческого единства возможно сохранять веру, надежду, любовь. Тогда и на тех, кто не подходит к этому единству и бьется где-то бес-

смысленно, возможно такое отношение, что поделом тебе пропадать, раз ты не хочешь...

Посмотрите на кошку, — как она отзывается на ласку. А тигр тоже разве не таит в себе ту же потребность, если бы такая особенная в его жизни тигровой вышла близость к человеку — разве он тоже бы не жался, не мурлыкал, <*зачеркнуто:* не терся> не просил бы его там почесать, там поскрести. И разве все так в мире тоже не таят в себе готовность любви, разве в самых ужасных битвах и при разжигании ненависти то же самое не вспыхнет там и тут искра голубого света таинственной всеобразующей силы.

Смотрю с балкона поверх играющих на развалинах школы детей и женщин, повернувшихся задом к солнцу, чтобы можно было вязать чулок, и к бабочке белой, летающей там над головами детей — смотрю туда в Кремль на здание, где завтра я узнаю судьбу моей повести. Я не знаю этой судьбы еще, а там уже знают.

24 Мая. Всю ночь шел теплый окладной дождь, и утро серое...

Ни малейшего волнения не чувствую за судьбу повести: сделал, что мог. Но по-прежнему остаюсь на 35% успеха. Если успех, то Ляля собирается на радостях выпросить нашу дачку в пожизненное пользование. — Можешь просить, — разрешил я, — но только сама говори, а я уйду. Так мало верю в успех, что разрешаю: проси! А что если неуспех? — Тогда тем более буду просить, и легче будет: я смягчу просьбой неловкость отказа.

Надо подумать только, первое — стоит ли пить из колодца, второе — стоит ли наша дачонка, чтобы ее, паршивую, выпрашивать в Кремле. Не подвела бы меня Ляля...

В 1 ч. д. мы пришли в комнату № 50 (Кремль, Дом Правительства). Перед тем я загадал по Евангелию, и мне вышел из Деяний рассказ о том, сколько ап. Павел претерпел

мук только за то, что везде в Иудее объявлял свою веру в воскресение мертвых.

В комнате в этот раз была еще девица, которая читала Калинину мою повесть. — Баба с высшим образованием, — рекомендовал ее Калинин.

Взял мою тетрадь и стал мне говорить, как Онегин Татьяне.

– Вашу книгу, — сказал он, — не следует печатать, и не по цензурным условиям.

После этих слов Ляля потихоньку под столом огладила мою ногу.

– Люди плохо описаны. Вообще слабая вещь. Скорее это наброски автора для большой книги, сам он понимает, а другой не может понять. Что это? Если символика, то недоразвито. Вы читали Апокалипсис?

– Читал.

– И Златоуста читали?

– Читал.

– Я-то сильно забыл, но помню, там на горе, и семь, кажется, семь?

– Семь.

– Семь свечей — это семь церквей. А у вас что? Не поймешь. Человек приходит с войны и припадает к церкви, себя, так сказать, предает. Между тем, если это наше отношение к церкви, то оно совсем не то. Мы не согласны с церковным учением, но мы допускаем, раз они не дерутся, то пусть молятся. Но это далеко не значит какое-нибудь сближение. Что будет дальше? У них сейчас тоненькая газетка, а будет толстая, и мы тогда будем спорить, конечно, в интеллигенции это будет.

– А что это у вас за молитва такая, чтобы «не простить»? Это месть?

– Нет, — ответила Ляля, — это возмездие.

– Ну, это спор о словах. Месть, как вы пишете, я не совсем понимаю: ведь это у нас война теперь, а так разве к народу немецкому можно свою жажду мести предъявлять, и как тут сочтешься. Вот у нас по неопубликованным сведениям немцы перебили два миллиона евреев: вовсе их

теперь у нас мало осталось. Как это вернуть через месть, или, как вы говорите, возмездие.

– Вы правдоискатель, — сказала Л.

– Откуда вы это взяли? У народников это было, — правда, истина, а так ведь в жизни не бывает: я, например, жил для себя и никакой жертвы собой не изображал, а может быть, тут тоже и правда была. Я вам расскажу, как это у меня было: я родился в деревне в Тверской губ. И тут было небольшое имение. <*Позднейшая приписка:* рассказ, как он позавидовал сыновьям помещика, образованным студентам, и сам захотел выбиться.>

25 Мая. Солнечный холодный день. Получал бензин на Театральной колонке (встреча с Мариной). Подготовил встречу с Преферансовым (вторник в 12 д.). Определился с выступлением во вторник вечером в МГУ на географическом факультете (приехать в понедельник вечером дополучить бензин).

В 6 в. приехал на своей машине на дачу, и от встречи с природой начал здороветь. — Меня, кажется, оставляет тоска. — И меня тоже. — А разве ты тоже тоску чувствуешь? — Да, меня тоже теснит. Переживаю вместе с тобой. — В конце-то концов выйдет к лучшему. — Конечно, теперь ты будешь знать, что коммунисты никогда ни на какой компромисс не пойдут, потому что это вера. Мы ведь тоже не можем Христа выбросить из сознания. Так и они свое. Я всегда так думала, это ты меня сбил: ты это и сам знаешь, но тебе жить хочется, и меня ты за собой увлекаешь.

Главное, что я понял из этого урока: это что вовсе нет расхождения в низах коммунистов и наверху, что низы не от себя судят, как я понимал и злился, а вполне согласно и вполне добросовестно выполняют волю их пославших. И если и бывает изредка, кто-нибудь выскочит со своим мнением против низов — это значит, он просто изловчился раньше узнать «волю пославшего».

И еще самое главное, что идеи коммунистов в существе своем неподвижные идеи, и такие явления, как разрешение

в Москве Богу молиться, введение европейской формы в армии, пропаганда понятия «родина», воззвание о значении нации и т. п. — все это маневры. Самое главное, что там тысячи голов в одну голову думают, и что-нибудь «свое» как таковое не может никак оказаться. И если <*вымарано:* в нашей вере> Бог любит всех, но каждого больше, то по той вере каждый должен расстаться с собой и принести себя в жертву за всех.

26 Мая. Второй солнечно-холодный день. Полный расцвет вишен. Какое счастье, что удалось хоть на них поглядеть этой весной. Ляля меня уверяет, что мы с ней уже в раю и что нам остается лишь закрепить за собой дачу, еще раз или два покажемся, а потом «закроемся». — Ведь ты понял теперь после <*вымарано:* Кремля, — говорила она,> — что ты глубоко ошибался <*4 строки вымарано*> только знаю, что мы с тобой меряем их на свой аршин. Они делают государственное дело, а что мы? Представь себе, что мы в царское время полезли бы с нашей повестью не в какое-нибудь издательство вроде «Шиповника», а к графу Витте. И если бы Витте нас отверг, то было бы вполне понятно. Так ведь и Юлий Цезарь в Шекспире выгнал от себя поэта, сказав ему: уйди от меня, дурак. — Надо удивляться, как это Калинин обошелся с нами ласково, а не прогнал, как Цезарь. Коммунисты теперь — это прежде всего люди государственные и находятся в состоянии войны. Когда война кончится, они войдут в состав государства как костяк, как «власть придержащие» и будут извне обрастать мнениями и чаяниями, сначала для них безопасными...

<*На полях:* — Вы умрете, и лишь посмертно... — Я хотел сказать: я не умру.>

Между прочим Калинин сказал: — Эту вашу книгу я понимаю как посмертную. А что вам, разве деньги нужны? — Я для денег никогда не работал. — Ну, так чего же вам надо?

Мне надо было сказать ему, что «посмертного» состояния для меня нет, что это он умрет с моей точки зрения, и

я умру с его точки, но сам я — нет! «Нет, весь я не умру», и вовсе не в смысле Пушкина, а в смысле своей личности, для которой все «посмертное» и даже то, что полезен буду «лирой» своей народу — все это отвалится к смертным, и хоронящим и потребляющим своих мертвецов.

Все это я не мог сказать Калинину, как не мог в этот же день сказать своей Норке, что завтра она уедет на дачу и будет со мною в раю. Но я мог бы сказать Калинину в ответ на предложение сделать мою повесть посмертной: — Посмертность повести меня может интересовать лишь как фонд благополучия Валерии Дмитриевны, если бы я умер раньше ее и после меня она бы сохранила какое-нибудь желание быть благополучной.

27 Мая. Вчера вечером начался холодный дождь и лил безотрывно всю ночь. За вчерашний день я ошкурил семь столбов и две слеги (хочу сэкономить 3 тыс. и построить забор сам). Это была не просто работа, а потопление своей тоски в физическом труде.

Работал и глядел на Ваську. Ведь он был маленьким котенком, когда я привез его в Москву из Усолья за пазухой. И мы думали тогда, что это кошечка. А потом, когда уже определился характер самца, мы пересмотрели дело и установили, что это действительно кот. Васька жил зиму у нас безвыходно в московской квартире. Когда теперь взяли его в машину и был заведен мотор, он пришел в ужас и всю дорогу трепетал, перевязанный полотенцем и сжатый руками. По выходе из машины, он вырвался из рук и убежал под дом.

Через несколько часов сиденья во тьме он высунул голову. Когда летит самолет — прячется, когда увидит тень птицы, поднимет голову и больше повысунется. И так высунулся и пополз на брюхе, укрываясь в траве. Весь мир ему был нов и страшен. Навстречу ему в траве шла сорока, и тоже, как он, перед тем как шагнуть или скакнуть, высунет голову, в ужасе осмотрится, соберется, скакнет и опять затаится. Это было что-то вроде американской

дуэли между котом и сорокой. И Васька оказался умней сороки: он первый увидел ее между травинками и залег по-тигровому. Он мог бы прыгнуть и задрать ее, но он был еще молод, а сорока велика. Не решился, пролежал, и она ускакала.

В кустах малины затикала гнездовая птичка, наверно, прочуяв врагов. И так странно было слышать пение скворца среди всех этих ужасов мира. Казалось, будто он пел в каком-то пьяном угаре, пренебрегая опасностью. И я понимал его по себе: тоже ведь и я пишу... Но так, значит, и произошла на свете вся поэзия, в безумном порыве преодолеть радостью хоть на мгновенье ужас мира.

И так у нас создалась поэзия как защита против невыносимого ужаса мира. Так и помните, граждане, что поэзия не сладкое блюдо для вас, а детище страданий и ужаса.

Все еще чувствую боль от поражения в Кремле. (Главная-то боль от сомнения, что, может быть, написал-то я и не так хорошо и сунулся в печь, как ребенок. Посылал же я Троцкому свою очень слабую вещь «Мирская чаша». И в то же время опять-таки думалось, что, может быть, и хорошо написал. Впрочем, знаю, что в этой борьбе и боли готовится мое новое лучшее.)

Ночью говорил невидимому Калинину: — Вы, коммунисты, подходите ко всему в мире с потребительской точки зрения. В полях вы думаете об урожае, в лесу о дровах, на воде о рыбе, в литературе об инженерах душ, в поэзии о том, что слово на войне может быть не хуже артиллерии. Ваша мысль занята не каждым человеком, особенным в своем существе и единственным производителем в мире, а всеми людьми, подобными друг другу в отношении своего потребления (все есть хотят и любить). В этом деле усреднения человека и упрощения вам на помощь приходит арифметика со своим правилом арифметического среднего... Вы, пользуясь этим средним, доходите до того, что самую личность человека подменяете своим стахановцем. Так при вашем потребительском отношении к миру вы совсем исключаете из жизни истинного производителя,

творческое существо, незаинтересованное в потреблении: производитель дает, но себе ничего не берет.

Так, ограничив себя вопросами потребления, коммунист, как ограниченный человек, развивает в себе самоуверенность и волю.

Так вот, кто это вам дал право самолично выносить приговор о моем творчестве и сделать предложенную вам вещь «посмертной»? Только ваша коммунистическая самоуверенность и попечительство о благе среднего человека — потребителя.

Калинин пренебрежительно говорил о моем коммунисте в «Повести» — что он возвращается на свою дачу: «для коммуниста никаких дач не существует, это делается, может быть, для их баб, а сами они об этом не думают». Я об этом знаю, конечно, не хуже Калинина, но ведь и герои накопления капитала ничем не хуже героев идеи всеобщего потребительского благополучия. Вопрос сводится лишь к тому, во имя чего созидается и во имя чего презирается дача.

Но это время героев коммунистов теперь далеко назади. Теперь реально лишь советское потенциальное мещанство как естественная компенсация ужасов войны. После войны все пойдет не трагически, как у меня намекнуто в повести, а по пути сглаживания, и коммунизм превратится постепенно в теорию жизненного благополучия.

Если, однако, посмотреть со стороны, то Калинин принял меня очень-очень хорошо, и вообще эти визиты к нему в Кремль пойдут мне на пользу, и самая большая польза — это что я поумнел. А то был такой <*1 вымарано*> неисправимый оптимист, он до тех пор приставал к большевикам с Христом, пока наконец они не отправили его в ссылку, где он вскоре и скончался.

Погода ужасная, холод и буря. Березка перед моим окном едва только оделась, и так нежна еще зелень, что сквозь нее видны все сучки, от больших и до самых тоненьких. И вот буря треплет ее, бросает в стороны, гнет

чуть не до самой земли. Как это ужасно, вполне понимаю кота, что ужас его не проходит и он предпочитает голодным сидеть под домом в темноте.

И сколько надо было жить, мучиться человеку в этом безобразном хаосе, чтобы научиться удерживать в себе постоянную мечту и веру в возможность лучшего.

У соседа на огороде буря повалила две сосны, и они легли на провода, и электричество, вся основа нашей жизни на этой даче, погасло. Но мы бежим, умоляем, угощаем папиросами, и нам опять налаживают провода. Так живем в борьбе за жизнь, за каждый маленький шаг жизни.

– Как раньше была жизнь налажена, что хода ее и не замечали.

– Милая, поблагодарим за наши удачи и не будем о прошлом вздыхать.

Комнатные читатели, т. е. те, кому читаешь новую вещь, почти всегда обманываются, и надо остерегаться им верить: читая, увлекаешься и их вовлекаешь в обман, и они потом обманывают тебя. Наслушаешься похвал, взлетаешь в поднебесье, и вдруг пронзает стрела непризнания. До сих пор, однако, это мне все шло на пользу: приходило смирение, в нем я возрождался к радости и начинал писать по-новому и хорошо.

28 Мая. Ночь прошла в грозе и буре, и странно было, что гроза в холоде, дождь лил всю ночь.

Вчера вечером кот вышел из своего убежища и, позабыв пережитый ужас природы, сам начал прыгать и хватать майских жуков на лету. Так вот скоро придет время после войны, и люди будут опять видеть радость в природе.

– Хорошо в деревне, одеваешься в дрянь и радостно думаешь, что хорошая одежда сохраняется.

– Еще бы! Надо слушаться наших бабушек и беречь всякую дрянь: благодаря дряни добро сохраняется.

Вот и малина, и яблони, и лук, и так все на свете живое: не положишь говна, не будет расти.

По Акуловской дороге добрался до лесу и очень обрадовался: лес был дикий, наш лес, выросший без всяких забот о нем человека. И где! Под самой Москвой! Как, наверно, возмущались им немцы, и как целит душу мне этот наш дикий, не тронутый заботливым и разумно-корыстным попечением лес.

Везде у дорог, у оврагов люди копали землю под картошку. Среди множества людей советской культуры в сторонке сильно выделялась фигурой, приемами, соломенной шляпой блеклого цвета старенькая барыня: тоже копала, и с ней рядом копала молоденькая девушка, наверно, ее дочка. Наверно, это трогательно со стороны, но я знаю закулисную сторону жизни таких приличных старушек в советское время и не мог сочувствовать им. Не привлекали глаз и советские грудастые, одна в одну девушки в красных, белых и синих беретах, которые обновят старую Русь. Вставала в мыслях современная тема нравственного оправдания радости жизни.

Вот и кот наш, [пережив] все ужасы мира, нашел себе в подполье врага, огромную крысу, вступил в жестокую борьбу, победил и теперь ничего больше не боится, носится, задрав хвост, и вдруг, высоко подпрыгивая, хватает в воздухе летающих майских жуков. Теперь почти каждый час он расширяет свои владения и уже начал ходить по соседним дворам. Что же случилось? Ведь мир-то по-прежнему порождает свои ужасы и лежит во зле. Это лишь кот справился с собой и, приняв борьбу, победил. Так, наверно, и все в мире, и человек в природном существе своем, как и кот: победил и радуется, а крыса, пострадав, умерла. И смысл родины тоже в этом: родина — это соединенный родством единый человек: истратив сколько-то миллионов людей, тот уцелевший человек-победитель радуется, как кот, подпрыгивает и ловит майских жуков. Сила этой жизни везде торжествует: «Ликует буйный Рим! — А ты?» В этом «ты» и начинается обращение Савла в Павла, христианское страдание и христианская радость.

29 Мая. Вчера вечером ветер стих, и утро вышло не такое холодное. Я ошкурил за эти дни 12 столбов, Ляля устроила в доме и в саду уют. Мы с ней счастливы, как старосветские помещики, и так будем жить, если не оставим борьбу жестокую за каждый шаг к лучшему. Все делает, конечно, ее любовь и что я могу это ценить и любоваться ее любовью и благодарить Бога за жизнь.

Чувствую, однако, какую-то сдавленность, огромный груз на себе, тоску о том, кем бы я мог быть, что мог бы сделать.

Видел во сне невозможную чепуху, будто бы Семашко с книгой «Капитала» в руке шепнул мне, что большевизм кончится в 1039 году. Тоже, что я будто бы танцевал со Сталиным и он меня целовал. Еще, что Сталин с той стороны зала поманил меня в то время, когда я, чтобы почесаться, распустил штаны. И я пошел, придерживая штаны рукой. А он мне велел: — Сейчас иди, найди Луца (немец), скажи ему: Сталин дает тебе 1000 человек рабочей силы. Чтобы найти Луца, мне пришлось у немцев купить лифт, и когда я купил новый лифт и вошел туда, там внутри ящика оказался Луц, молодой розовый немец, и я ему по-русски передал слова Сталина.

По поводу моего огорчения в Кремле и понижения мнения о себе с угнетенностью и ущемлением Ляля так говорила, что ведь никто из писателей, состоящих в числе «знатных пятисотенников», не добился такого независимого положения, как я. Чего стоило положение А. Толстому! Чего достиг великими муками Леонов? Шолохов связан партией и многое должен писать в дудку. Едва ли прибавят литературного здоровья Ценскому его огромные томы, посвященные войне за Севастополь. Единственным независимым писателем оставался Пастернак, но и ему пришлось написать о войне в общем духе, — да, кстати, он и не пятисотенник. А Михаил? Ничего по заказу, все по-своему, всегда в борьбе, и все-таки цел и состоит в пятисотенниках, и поговаривают даже о тысяче. — Нет подоб-

ного, — сказала Ляля, — в Сов. Союзе — ты единственный в своем роде счастливец. Так чего же тебе еще надо? — Ты права, — ответил я, — но чего-то мне надо очень, и мне кажется часто, будто ничего совершенного, кроме нескольких детских рассказов, я еще не написал, а между тем время жизни кончается и злое время мешает мне.

В 6 в. выехали на машине в Москву и, получив бензин у колонки на пл. Революции, в 8 в. были дома. Завтра 1) дополучить бензин, 2) о даче у Преферансова, 3) к автоинспектору Сладкову.

30 Мая. Солнце, но небо тревожное с утра. Вспоминается сорока на столбе дачного забора, как она, посидев, взмыла на высокое дерево и, там осмотревшись, падающей стрелой бросилась вниз. Там у забора была большая лужа. Сорока вошла в лужу, мылась, брызгалась и мокрая с трудом поднялась на забор. Так сорока искупалась и наделала пеструю погоду.

Представил себе, что отдал перо свое на служение церкви, и сейчас же церковь в моем представлении стала мне, писателю, поперек горла [как коммунисты]. Пришлось самому взлететь выше, как той сороке на дерево, и вот оттуда и государство и церковь представились служебными организациями с целями чисто утилитарными (обслуживают нужды среднего человека, являются общественными нужниками). Беда в том, что без нужника не обойдется никакой человек, ни высший, ни средний, и самая большая беда еще в том, что обе служебные организации склонны считать себя целевыми и так даже самого Бога стремятся заключить в нужник. Сейчас делают это коммунисты, завтра, может быть, за то же дело возьмется церковь со своими инквизиторами.

И остается только один путь спасения от нужника, это увериться в личности Господа нашего Иисуса Христа и служить Его делу одинаково и в церкви и в государстве по Его завету: отдай Богово Богови, а кесарево кесареви.

И только если кесарь потребует отдать ему Богово (какая чудесная сказка о Золотой рыбке!), то ты не отдавай и за это дело умри.

Так вот почему в древнее время выдающиеся люди уходили в пустыню и потом становились отцами церкви. Так неужели же во всей Европе после столь великого рабства не найдется пустыни, из которой выйдут истинные целители идеалов человечества?

Меня спасло в советское время именно то, что я жил и писал в пустыне. Очень возможно, что «Повесть нашего времени» есть горделивая попытка выйти из пустыни с проповедью. (– Зачем вам нужно печатать? — спросил Калинин, — только если деньги нужны? — Нет, я из-за денег не пишу. — А тогда в чем же дело?)

Есть у меня в отношении повести сомнение по части плана «возмездия». (Возмездие или месть, — сказал Калинин, — это спор о словах. Пусть это месть, но кому же мстить? Мы воюем с немцами, это правда, воюем и бьем их, но, в конце-то концов, как это отомстить? Как это сделать, если по негласным сведениям они у нас истребили два миллиона евреев. Выходит, что за эти два миллиона нужно взять два миллиона немцев?)

Неужели Калинин этим намекал, что «месть» эта возникает именно в еврейской среде и что молитва моя «не простить» написана под диктовку евреев? Разбираюсь в себе и нахожу, что в основе нет: я исхожу от своего личного чувства ненависти к врагу, породившему великое бедствие, войну, — кто это? Может быть, капиталист, может быть, философ (бойся философии), может быть, властелин, может быть, дьявол? Под вопросом остается лишь, что мое основное чувство борьбы со злом определяется газетной еврейской местью. И тем самым я выхожу из своей чистой пустыни...

Об этом надо очень подумать и, может быть, поблагодарить Калинина, что не дал мне войти в суету жизни, — и, очистив душу, вернуться в пустыню.

1 Июня. За эти последние московские дни прошел циклон, и сегодня солнечное утро и легкий ветер играет с кудрявой молодой зеленью деревьев.

Наши достижения у Преферансова: дача на 5 лет, гвозди, рекомендательное письмо Никулину (рыба), дружба с бензоколонкой и т. п.

Начало решения писать «Канал Сталина» (Былина).

Параллельное соединение элементов, т. е. что элементы обезличиваются, и последовательное, в котором [один], соединяясь с другим, остается самим собой (коммунизм и церковь).

На поле зрения появился хирург епископ Лука.

Когда Цезарь ему сказал: — Уйди, дурак, и не мешай (Шекспир). Я стал, во-первых, понимать, что в партии только с внешней стороны есть «верх» и «низы» (промеж себя считаются). В основах же у них единство, и в партии, как в мировом пространстве, нет верху и низу. При таком понимании выпадают все личные обиды. Второе, я увидел, что писатели в своем молчании, имеющем характер, как мне казалось, «подхалимства», вполне правы и что очень смешно и глупо перед ними мне петушиться. «Ничего не поделаешь!» — вот формула поведения после того, как стукнешься лбом. Только горько думать о том, что в прежнем моем незнании, непонимании была какая-то сила, что, узнав положение, поумнев, я утратил нечто ценное и против всеобщей формулы «знание — сила» должен теперь сказать: — Нет, бывает, что знание лишает человека силы. — А впрочем, это всеобщий закон жизни: земля должна оголиться, прежде чем лес дикий сменится парком и садом, свежее парное молоко — разложиться, чтобы получилось масло и творог.

После удара в лоб у человека остается сила смиренномудрия, это дитя извне нарушенного целомудрия. И, значит, вся моя тоска происходит от утраты целомудрия,

т. е. вполне естественная боль на пути к смиренномудрию. Ведь я тогда при «Ине»* только по мосту смиренномудрия перешел от любви для себя к любви для всех (поэзии).

Любить и болеть. Любовь и болезнь.

«Символика» — у коммунистов (<*1 вымарано*>, Калинин). Тема всего мира о необходимости давления на личность, чтобы вызвать силу в личности и отделить от тех, кто пользуется личным положением для себя.

– Не будет легче, не ждите до тех пор, пока под страшным давлением (распятием) не встанет на защиту бессмертного начала в человеке личность самого Господа нашего Иисуса Христа.

<*Зачеркнуто:* Только теперь начинаю чувствовать бессмертие души в себе.>

<*Позднейшая приписка В. Д:* Не надо такое записывать.>

Приехал на дачу. В той луже, где в тот раз купалась сорока (оказалось, перед проливным суточным дождем), теперь купается трясогузка. Вишни облетают. В полном расцвете яблони.

После обеда из переходящих облаков брызгал дождь, значит, и трясогузки купаются тоже перед дождем.

2 Июня. Утро ясное, холодное, чуть бы и мороз на цвету и на всходах. Вскоре начался ветер и тревога.

Некоторые высадили помидоры, а есть, кто и картошку еще не успел посадить. На этих днях началась у грачей их обыкновенная громкая кормежка детей. Ожидаю плотников, делать забор.

После путешествий в Кремль рассеялись мои мечты, как у того поэта в лагере Цезаря.

---

* Ина — имя героини автобиографического романа «Кащеева цепь», прототипом которой была Варя Измалкова, первая любовь Пришвина.

3 Июня. Утра стоят ясные и очень холодные, и роса серая, только что не мороз.

Вспомнил, что перед уходом из дома в Кремль загадал по Евангелию о том, как мне выйдет. И мне открылось в Деяниях апостолов то место, где Павел, приговоренный иудеями к смерти за то, что проповедовал воскресение мертвых, потребовал суда Кесарева и его повезли в Рим (это выходило, как я, измученный литературной бюрократией, обратился к Калинину, и меня вызвали в Кремль). Правитель Фест сказал: — Безумствуешь ты, Павел. Большая ученость доводит тебя до сумасшествия. — Но царь Агриппа сказал, что этот человек ничего достойного смерти или уз не сделал (так и Калинин, указав на бессмыслицу повести, в заключение тоже сказал: — А впрочем, ничего вредного в повести не нахожу).

А Пилат? Тоже полное равнодушие к «идеологии» Иисуса. Осуждали за мысль не римляне, а иудеи. Так и у нас в ЦК, официально поступают с нами по-римски, а секретно по-иудейски.

– С цензурной точки зрения, — сказал Калинин, — я ничего не нахожу в повести вредного.

– Значит, — спросила Ляля, — можно в журнал отдавать?

– Конечно, можно, — ответил Калинин.

И ко мне:

– Разве лишь из-за денег?

Может быть, он этим хотел намекнуть на помощь, чтобы я пожаловался на бедность, и он бы мне устроил деньги. Но я сказал:

– Из-за одних денег я в жизни своей строчки не написал.

– А в таком случае, — сказал Калинин, — зачем же вам печатать: слабая вещь, а может выпасть успех, и будет вред всем и впоследствии вам.

Выходило так, что он, римлянин, охраняет меня от иудеев. Но кто же они у нас теперь, эти «иудеи»? Если говорить о народе, о фронте, то там меня бы за повесть прославили. Скорее всего, Калинин, точно так же, как и Пилат...

...сейчас гляжу в окно, по тропинке молодой человек идет с портфелем в руке, а другой рукой держит закинутый на спину через плечо мешок с картошкой. Человек наткнулся на пень, и от этого пришлось мешок опустить. А когда поднял, то выпал из руки портфель, и когда стал портфель поднимать, выпал мешок. Так точно и Пилат, <*зачеркнуто:* и Калинин> и всякий, кому приходится выбирать между тяжелым мешком жизни и портфелем: конечно, все выбирают портфель. Выбирают, конечно, портфель, да так вот и растет, и растет власть бумаги, бюрократия с одной стороны, а мешок достается нести кому-то другому.

Плотники не пришли, шкурю лес сам и во время работы раздумываю о том «мешке». Есть прелесть в физическом труде, и удивительно, как Толстой не мог проанализировать, что эта приятность происходит именно от временного морального разрешения вопроса согласия свободы и необходимости, портфеля и мешка. По существу тут нет разрешения, Толстой просто забылся и себя обманул.

Толстому ужасно не удалось его социальное земледелие. Так, по Ницше, лжец обманывает других, а мечтатель обманывает и других и себя самого. Но какой же третий путь? Третий путь — это путь веры, т. е. такой большой мечты, которая пересиливает своей истиной правду жизни — смерть. Итак, мечтай, больше, больше усиливаясь, мечтай, человек, молись ежедневно, выше и выше вознося свой мешок, доколе не придет Утешитель и не возьмет бремя твое на Себя.

Некоторые советские, т. е. полуобразованные люди называют эгоистом тех, кто по своей воле живет: я для них, конечно, эгоист. Сами же они рабы общества («рабсила») и отличаются от прежних личных рабов тем, что они «сознательные» и «культурные» (плохо выразил верную мысль).

4 Июня. Троица. Начинаю Троицын день с того, что окопаю заросшую травой цветущую яблонку.

Начинаю понимать, почему в Евангелии чудеса, — какое добро может быть без чудес! (Это у коммунистов только может быть добро без чудес, но какое это добро, если хочется в лесу слушать пение птиц, а тебе велят высчитывать, сколько из этого леса выйдет кубометров дров).

Чудеса нашего времени — это явления красоты в искусстве. И это может быть прекрасней цветущей яблони, — как же это не чудо? Вот почему я в Троицу беру в руки лопату.

5 Июня. Духов день. Ст. ст. 23 Мая: Михаил именинник.

Строю забор, окапываю яблонки, досаживаем огород: огурцы, помидоры. Еще цветут яблони. Белеют последние лепестки на вишнях. На одной цветущей яблоне показались ветки с желтеющими листьями. Пришел сосед Максим Федорыч и решил безукоснительно: рак. Плотник, услыхав «рак», сказал: — Он дурак! — А что же потвоему? — спросил я. — Антонов огонь. На самом деле яблонке просто не хватало воздуха корням. Есть что-то в моих соседях вроде авторитетного мудрования от глупости и полузнания, и в этом таится упрямая сила. Полузнание освобождает эту силу, и эту силу, как веру, у нас теперь великолепно используют.

Приезжала Маника и, умница, сказала о Коноплянцеве, что он всю жизнь читал, принимал чужие мысли в себя, а сам ничего людям не давал (вот настоящий «мечтатель»).

Вечером пришли ставить забор два плотника (с Мытищинского завода) — работают там до 5, а в 6 приезжают ко мне и подрабатывают. Один плотник сказал мне: — Новости знаете? — Нет, в Москве не был. — Рим пал. — Другой плотник спросил: — А где это, Рим? — От этого вопроса пахнуло доброй стариной, когда весь русский рабочий народ не знал, что это, Рим.

Пишу тем, для кого я теперь сажаю яблонки, и не знаю даже, каким именем назвать их. Если друзьями назвать, то, по правде говоря, какие они мне друзья?

Выковырнул ножичком, вычистил всю гниль из дупла яблонки, набил дупло садовой замазкой, перевязал, обмазал ствол поверх повязки коровяком, составил прикормку и полил больную яблонку. Еще окапывал смородину, еще помогал Ляле поднимать целину. И вместе очень радовались нашему саду, и нам казалось это чудом, что захотели — и нам явился сад. — Знаешь, Ляля, — сказал я, — мне сегодня великие произведения искусства кажутся чудесами в подтверждение того добра, которое несли с собой их авторы и художники. В этом смысле я понимаю и необходимость чудес в Евангелии: люди о людях ведь по себе судят и, зная себя и секреты своих успехов, не могут без помощи чуда выйти из себя и признать существующим мир сверх себя. — Так это ты евангельские чудеса понимаешь символически, но почему ты не хочешь допустить чудеса, как они описаны в Евангелии, почему не допускаешь возможности сознания иного, чем теперь? Допускаешь ли ты, напр., что св. Серафим придет к тебе ночью на беседу? — Допускаю. — Так точно и воскресение Лазаря...

Так она говорила, а я вспомнил Ваську, когда он приехал сюда из московской комнаты и наш обыкновенный мир ему представился миром ужасов, начиная от гудения мотора моей машины, кончая ночною грозой. А вот теперь Васька «привык» и живет себе в этом мире ужасов, как ни в чем не бывало. Так вот и мы, наверно, «привыкли», вошли в себя и не допускаем чудес.

– А вы думаете, у нас нет таких людей, кому война идет на пользу, кто бы ради себя отказался от мира? Пойдите на рынок, послушайте...

– Ну, какие это капиталисты!

– Как не капиталисты: дом, корова.

– Разве в том капитал, что человек за коровой ходит? Это не капиталисты, а души умерших капиталистов ищут нового воплощения.

Мани́ка, — попади она на путь, со своей головой могла бы министром быть, но из-за верности и благодарности

не могла оторваться от людей и прожила всю жизнь прислугой. Теперь попала в артель надомниц и надивиться не может прелести свободной жизни. Все вышло из-за коротеньких ног (корненожка): красивая сидит, вокруг женихи, цветы приносят, угощают. А встать нельзя, — как увидят «во весь рост», так сразу все разбегутся. Вот эта коренная обида и держала ее рабой у «хороших людей».

Главный план «Канала» — это «сотворим человека».

Вот они, везде вокруг души убитых собственников, ищущих нового воплощения, против которых и был направлен коммунизм. Произошла какая-то подмена наивного пристрастия к материи (собственность) пристрастием к власти: тощие коровы поели жирных и сами не потучнели.

6 Июня. Майские холода перешли в июньские, и даже солнце на безоблачном небе не помогает: и днем не вылезаешь из ватной куртки. У нас работают над забором два рабочих с Мытищинского завода. Ляля разрывается на огородах и к вечеру очень устает. Легла вчера в постель и жалуется на холод. — И еще мужики. — А еще что? — Какая это полоска на стене? — Луна. — Вот луна... — Очень не любит луну, а рабочих за то, что они едят ее кулеш из пшена со шкварками и не хвалят. Но вот сегодня зашел разговор о том, как их на заводе кормят: 12 часов работы и за это суп-крапива и на второе 2 ложки овсянки. — Почему же вам не нравится наш кулеш? — Кто вам это сказал? Да такого кулеша теперь из наших рабочих никто не ест. И вот Ляля счастлива, и мужики ей очень хорошими кажутся. Так вот и все рабочие прирабатывают себе еду дополнительной к 12 часам работой часов в 6. О фронте, где хорошо кормят, мечтают, как о райской жизни. И вот, значит, чем объясняются <*1 вымарано*> победы и в чем главная причина <*1 вымарано*>...

Попросил принести ведро воды и дал папироску, — сколько благодарности! И даже предложение украсть где-то ворота для забора (что делать? Пришлось согласиться).

Мани́ка физически обижена и безмерно дорожит за это хорошим обращением, и каждая безделица от хозяев ею принимается как великая милость, и она, напуганная своим самолюбием, тут готова разорваться на части. И когда наконец она вышла из прислуг и стала работать в артели, то она изумилась легкости жизни. Как же теперь должен страдать рабочий, который, узнав эту легкость, попал в худшее положение, чем раньше. И разве можно теперь мечтать о каком-то рае «после войны». И, конечно, смешны все эти немногие петушки свободы вроде меня с моей повестью нашего времени.

7 Июня. Ходил в Заветы Ильича за рассадой помидоров и капусты. Встретился садовод, который высказал мысль о том, что занятие огородом и садом обеспечивает возможность моральной независимости.

Узнал, почему моя оголенная, изуродованная, лишенная ветвей яблонка, похожая на Ааронов жезл, процвела.

Больную яблонку назвали Фацелией и лечили ее подкормкой из фекалий. Какая мерзость сама по себе фекалия! Но, имея в виду Фацелию, понимаешь фекалию как целебное вещество.

К рассказу о коте Василии Ивановиче Некачалове: как он после комнатной жизни попал в природу и, став жертвой, увидел весь мир в его чудовищной жестокости (самолет, гром и т. п.), а потом понял себя как хищника и стал жить хорошо.

Есть вещи, о которых вслух говорить нельзя, а про себя — каждый думает. Это потому нельзя вслух, что у каждого это по-своему: тут не все как один, а скорее один как все, и если скажешь вслух, т. е. для всех, то...

Иван Петрович спросил: — А новости знаете? — Знаю, — ответил я, — это что союзники Рим взяли? — Как, разве взяли? — Вчера в 4 утра. — Вот как... Ну, нет, это что... — А что же? — Союзники высадились во Франции, вся армия, 11 тыс. самолетов... громили берега Франции...

Какая радость! И тут же через несколько минут вспомнилось, как радовался я, когда Ставский (теперь покойник) в санатории тоже так, как теперь, неожиданно объявил: — Вы знаете новости? Немцы заняли Норвегию, прорвали фронт в Бельгии... Тогда радовался победе немцев, теперь англичан над немцами.

8 Июня. Приехал в Москву и прочитал о «вторжении в Европу». Огромность событий вскинула мою душу высоко, и оттуда с высоты исторического взлета представил Лялю, в упоении работающую лопатой на огороде, понимающую эту работу как жизнь в раю. Она бы прямо засмеялась даже, если бы знала, что я поехал в Москву, только чтобы прочитать газеты. Она бы сказала: — Зачем мне гоняться за новостями: все необходимое для чувства современности само придет. — И знаю, что она права: сам, бывало, так относился к общественности; но теперь так не могу.

Плотники вкопали столбы и стали на них с наружной стороны к дороге выпиливать вкладыши для слег. — Вы их снаружи выпиливаете? — А как же? — с иронической улыбкой спросил меня плотник. — Можно и внутрь, — ответил я, — кнаружи столбы, а слеги внутрь. — Столбы наружу! — засмеялись оба плотника, — это новая форма. — А почему бы не подумать и о новой форме, — сказал я, — вот в моем деле так и требуется, тем и кормимся, что на каждый раз придумываем новую форму. — Каждый раз новую? — ахнули плотники. — Ну, это тяжело. Нет, мы делаем всегда по одной форме, как люди установили раз навсегда, так и делаем: столбы наружу, слеги внутрь.

Так некогда, может быть, и сам Бог прошел по миру, всюду разбрасывая свои мысли-формы, и когда Он прошел, жизнь осталась в этих формах, и это вечное повторение форм мы теперь называем природой.

9 Июня. Вернулось тепло вот только теперь. До обеда возился с машиной на заводе. Напечатанная 6-го Июня речь председателя Торговой Палаты в США — <*вымарана 1 строка*>.

Везде говорят о том, что марганец не сознает своей социалистической природы и пр. Точно так же и молитва Рузвельта была понята как мост между массами и вождями, между государственным и частным человеком и его интересами.

Говорят о бесцензурном американском кино и что «Вестник Великобритании» будет выходить в 50.000 тираже. Пахнуло свежим воздухом, но все боятся и только перемигиваются.

Что-то вроде начала большой перемены. Коммунистка Ковальчик считает это «началом идеологической борьбы». Но... если «молитва», печатаемая в «Правде», похожа на поцелуй, то воспитанный советский гражданин после поцелуя должен ожидать подзатыльника.

Вторжение в Европу Нового Света лично для меня демонстрирует машину (11 тыс. действующих самолетов) на службе человеку для защиты его жизни. (Это явилось по сравнению с нашей «героической» борьбой.)

Цена счастью земному кажется для множества вступивших в такую сделку слишком высокой, но кто не пожалеет цены и радуется, тот и есть истинно счастливый человек.

10 Июня. Дождь летний и день пестрый, то солнце, то дождь. Огороды в восторге. Как это странно бывает, что вот все же знают, осенью будет нипочем картошка, и все-таки все сажают ее: именно, может быть, потому-то и взялись, что чуют конец войны, навалились всем миром покончить страшное дело.

С утра $1^1/_2$ часа стоял в очереди за хлебом: жара, духота, люди злющие. — Есть, — говорю, — надежда, что к осени освободимся от очередей. — Радость-то какая будет. А вы читали вчера слова Рузвельта? — Молитву? Что вам понравилось? — Слова там есть хорошие, какие слова!

Простояв $1^1/_2$ часа, заплатив в одной очереди за хлеб, узнал от продавщицы, что, не уведомив, меня прикрепили в другую булочную, и хлеба здесь не дали, а когда я попро-

сил назад деньги в кассе, то направили за разрешением на Якиманку. Пришлось бросить их и перейти в другую булочную. Вчера было тоже так с бензином: сказали, что из Трубниковского перевели на Софийку, пришел на Софийку, — там не дали. Поехали на Трубниковский и там разобрались, что это писателей группы Михалков-Маршак перевели на Софийку, а моя группа Горький-Толстой осталась в Трубниковском.

И так всякое дело, вот почему все мы так удивляемся нашей победе, каждый понимая, насколько, значит, растяжим человек в своих пределах, если за него хорошенько взяться. <*Вымарано:* И, значит, наша победа основана на двух началах — это особая сила [растяжения].> <*Зачеркнуто:* К примеру сказать, вот я, стоящий не так высоко, должен выносить невозможную бессмысленную тягость; но если бы я пожелал освободиться от тягости очередей и т. п. и занять место, где люди не мучатся, как я, со своими автомобилями, а их подают им чистенькими, где лишь по слухам знают об очередях <*неск. слов нрзб.*>. Потому-то у нас всюду теперь такой частный человек восхищается словами молитвы Рузвельта, что слова эти являются мостом, соединяющим частного человека с государственным.

Все еще не смеют об этом прямо сказать, но каждый думает, что с момента вторжения союзников в Европу фашизм вышел из системы мировой борьбы. Мы здесь, не имевшие прямого общения с идеями фашизма, так и не можем твердо сказать, что это было такое. Но теперь, с выпадением фашизма, стало совершенно ясно, что современность, столкновение мировых сил, выражается в столкновении частного лица (личности) с государственно-коллективным началом: тут вся изюмина современности. Теперь спрашивается, довольно ли пролито крови, чтобы частное лицо (Америка) и коллектив (СССР) могли длительное время состоять в «дружбе»?

Написать бы роман с изображением столкновения частно-личного начала в человеке и государственно-общественного.

<*Вымарано:* Если бы царизм с его православием был действительно так хорош, как некоторые сейчас о нем думают, то <*1 строка нрзб.*>. А что вы думаете? Коммунизм — это есть не что иное, как раз-облаченный царизм. Спало православное облачение — и костяк облачился в правду.>

11 Июня. Представляю себе верующего, честного епископа, как говорят о Луке, и спрашиваю себя, какие бы вопросы мог я ему поставить и живут ли во мне такие вопросы. Нет! ясных вопросов нет, я, как и весь народ, ожидаю лишь освобождения из адского плена войны, и, может быть, единственный вопрос оформляется в словах: Бога ли просить о своем освобождении, или дать выкуп за себя дьяволу.

У нас гостят милые люди, мать и дочь Оболенские.

12 Июня. Величие выступления союзников совсем вытеснило из меня горькие обстоятельства хождения с повестью в Кремль, и стало так, будто я вовсе и не писал повести, или написал плохо и теперь стараюсь все забыть. Плохо, однако, что писать больше не хочется.

Вчера за обедом сказал, что <*вымарано:* коммунизм> — это <*вымарано:* раз-облаченный царизм: православное> облачение спало с <*вымарано:* царя>, и осталась «голая правда». Скоро, наверно, начнется облачение в какие-то новые одежды.

По вечерам бывает розовая заря, и на заре розовой из нашего окна лес темно-зеленый, и на этом темном из чьей-то трубы спокойно поднимается и голубеет дымок.

Жду радости из постоянного источника.

<*Зачеркнуто:* С полгода тому назад я выхватил в церкви слова «Научи мя творити волю Твою» и присоединил к своим личным утренним молитвам. Теперь, прочитав

в газетах произнесенную по радио молитву Рузвельта, я вдруг понял, что «творити волю Твою» я про себя относил к своему творчеству (литературному) и в этом было то нечто от разума, что наполняет всю молитву Рузвельта.> И я думаю теперь, что только величие событий могло поддержать молитву Рузвельта, не будь их — она была бы смехотворной выдумкой от себя. Вот это и главное в молитве, чтобы она была не от себя, просто разумного существа, а от всей своей личности, соприкосновенной с «Отцом светов, у которого нет изменения и ни тени перемены» (Послание Иакова, гл. I, 17).

Если я не пишу серьезно, как писал «Повесть», то никакая другая работа не дает мне удовлетворения и непременно приходит тоска. Это похоже на то, как на реке шлюз опустеет: у них, на реках, пребывание в пустоте, пока шлюз не наполнится и не поднимет корабль, — пустота, а у нас тоска.

Плотник бросил свою серую излохмаченную одежду на пень, и я, увидев из окна фигуру, ужаснулся: до того было похоже на убитого человека. Ужасно же было мне вовсе не оттого, что умер, а что так низко пал, до того низко, что в этом трупе не осталось уже ничего человеческого. То же самое я чувствовал, когда увидел Силыча мертвым, и то же, когда в ту войну смотрел на мертвых в поле после сражений: человек уходит, ничего после себя не оставляя. Куда он девается? и зачем он был? и откуда пришел? И что я тоже такой, и вот эта яблонка, и эта бабочка и одуванчик, все как одуванчики. Так вот происходит и с нашим идейным облачением и разоблачением, с претензией на...

У нас солдат один выступает как все: сам-то, один, может быть, даже бы и не выступил. А у них солдаты выступают все как один, и это значит, их коллектив складывается из желаний отдельных людей. Правда ли это, или они только так представляются?

Один как все — коммунисты.

Все как один — американцы.

<*Зачеркнуто:* Тот, о Ком я сейчас думаю, пришел, чтобы нарушить закон (родовой закон понимаю: закон рода).>

Куст смородины разросся, ветка нижняя отяжелела и склонилась к земле. Тогда на месте соприкосновения живой ткани с землей появились корешки, и так начался новый куст смородины: не от корней произошли в этом новом кусту ветви и листья, а напротив, корни явились из веток. Так у нас были юношеские споры о том, что экономика (корни) лежит в существе идейных надстроек, и наоборот, что мысли породили экономику. Из этого спора выходит настоящая война, хотя в жизни так бывает и так, и вообще куст смородины растет себе и растет как единое существо со своими ветвями и корнями. Однако если вглядеться в жизнь куста смородины, раздумывая о нашей собственной жизни, то как это удивительно похоже, у них и у нас: все споры у них происходят, как и у нас, наверху между ветками и листьями, тут все дерется между собой, и в лесах во время ветра постоянно даже слышать можно удары и стоны, подобные человеческим. Но корни растений всегда молчат в глубине земли и всегда заняты делом и никогда не дерутся между собой, как идеи-листья наверху: корни даже в самых трудных случаях огибают друг друга, и мочки их действуют только в отношении всасывания необходимых растению минеральных веществ. Вот это экономика, о которой недавно говорил в своей речи американец Джонстон, выражая величайшее свое удивление перед русским марганцем, который знать не хочет своего социалистического происхождения и одинаково лезет в печь и в Сталинграде, и в Питтсбурге.

Все скажут, что узнавать свою человеческую жизнь по жизни растений есть символизм, но я не могу и не хочу называть это символизмом, и вот почему. Символизм — это прием в искусстве, подчиненный человеческому разуму. У меня же все происходит не от разума и не для какихнибудь целей в искусстве.

У меня в душе и теле есть действительно общая жизнь со всякими живыми существами, и с растениями, и с животными. Прислониться спиной к стволу дерева, помолиться Богу, — в это время я чувствую свою человеческую природную связь с деревом. Сажусь за руль машины, набираю скорость, вижу зайца на пути, мчусь за ним, он от меня, и тогда сам чувствую себя в этом движении как животное. И если записать, как я пробовал обогнать зайца или в молитве хотел перестоять дерево, стремясь выйти из мира перемен к вечности, то причем тут символизм или пантеизм? Я не пользовался ни школами, ни приемами, я соприкасался своей личной жизнью с жизнью всего мира и записывал это сопереживание, как путешественник: видит новое, удивляется и записывает.

Скорее всего, и взрослые люди, как дети, не хотят принять жизнь просто удивлением, как чудо, а ищут причину. Взрослые люди, чтобы отвязаться от детей, дают им какую-нибудь ерунду вместо причины. Точно так же и критики чудеса искусства стремятся понять и свои ограниченные придумки, символизм, реализм и т. п. передают как объяснение чуда. — Вы натуралист, — сказал Калинин. — Нет, Мих. Ив., — ответил я, — скорее всего, я реалист. — Нет, вы натуралист.

Огорчили в Электрогазе: заставили счетчик поставить, а пойди, найди!

Узнал от плотника «радость»: мы пошли на Финляндию. — Поздравляю вас, М. М., с радостью, слышал по радио, сколько-то дзотов разбили и тысячу убитых финнов.

Когда Мишка поступал хозяйственником в Союз писателей и просил у меня рекомендации, я сказал ему:

– Мне Союз не приносит пользы, кроме вреда. Я его признаю как вред, как тягость для духа. Но твердое тело образуется под тяжестью, так пусть же будет Союз, пусть он давит больше и больше.

– Я тоже так понимаю, — ответил Мишка, — мы всегда так поступаем, — давить больше, а крепкий становится от этого тверже.

– Вот как! — сказал я, — так вы поступаете в Союз, чтобы давить писателей?

– А как же?

– Чтобы они лучше писали?

– А как же?

– И просите у меня рекомендации?

– Ну, да.

– Чтобы давить на меня? Покорно благодарю.

Мы посмеялись, я дал ему рекомендацию, и он поступил, только как-то ничего не вышло, то ли он плохо давил, то ли чересчур постарался.

Вечером в ожидании приезда Ляли из Москвы.

– Но скажет кто-нибудь: ты имеешь веру, а я имею дела: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру из дел моих (Деяния, Посл. Иакова, II, 18).

<*Зачеркнуто:* Можно не сомневаться, что из написанного мною есть кое-что действительно ценное. Но все это ценное порождено духом тех моих простых русских людей, которых я ежедневно поминаю за упокой: Марию, Михаила, Ивана, Ивана, Лидию, Николая, Александра, Сергея, Марию, Евдокию, Марию, всех родственников и неродственников, православных и неправославных христиан.>

12 Июня. Жара. От плотников узнал о нашем наступлении в Финляндии. Вечером из Москвы приехала Ляля, очень расстроенная чем-то.

13 Июня. Вскоре после восхода солнца зарошенные обильно листья деревьев стали обсыхать. И когда я встал с беспричинной тоской в душе, то опущенный взгляд мой упал на листья клубники: ладонки их были уже вовсе сухие, но зубчики все были отделаны маленькими жемчу-

жинами росы. Я долго не мог оторваться глазами от них, и мне стало много лучше.

14 Июня. Солнечное утро. Везде одуванчики — целое войско парашютистов, собранных в одном пупочке. Чудо природы (кроткий смиренный образ мудреца смирения, чудесной повседневности).

В моей крови (помяни, Господи, во Царствии Твоем мать мою Марию, отца Михаила...) есть неприязнь к учительству, я могу быть самим собой только с людьми равными. Но где они, равные? И вот почему, встречая человека нового, я мгновенно нахожу в себе в нем такого же, как я, отбрасываю из себя все лишнее и великолепно беседую, как с равным. Эту же эластичность чисто русскую, а может быть, и татарскую (их поговорка: если твой товарищ кривой, старайся поджимать глаз ему под пару) я наблюдал у Розанова, Ремизова, Репина и многих других выдающихся русских людей.

Ляля привезла газеты, и с удивлением читал я напечатанные в «Правде» (!) требования поляков: свободу религии, непринуждаемость к колхозам, свободную торговлю. И так со времени «вторжения» возник в «Правде» новый дух: запахло Америкой. Еще немного, и коммунизм будут все понимать как систему необходимого для русского человека принуждения. Боже мой! Как верили наши простые люди, что немцы избавят их от этого страшного принуждения. И как долго не хотели верить в союзников. По-моему, до последнего часу не верили. Но вторжение в Европу произошло, и сразу повеяло свободой.

Разгорайся же сильней, огонь в этой печке, а я смотаю все свое барахло в узел, и когда разгорится сильный огонь, все швырну, оденусь в новые одежды и еще поживу. И как хочется! И знаю, что так точно каждому хочется. <*Зачеркнуто:* И время, в точности повторяющее <*вымарано:* распятие>, тем-то и есть новое время, отличное от того, что тогда <*вымарано:* Христос> только что пришел, а теперь

после двух тысяч лет [христианства] все смутно чувствуют факт: Христос был.

15 Июня. Вчера вечером массовый вылет комаров. Над нашим домиком все небо гудело, и мы думали о вылете 11 тыс. самолетов, сопровождавших союзников при переправе через Ла-Манш.

Приезжала бывшая хозяйка нашей дачи Караваева, женщина, покинутая мужем, и Ляля, утешая еще не старую женщину, сказала: — Помните, что жизнь всегда впереди. Вот вам пример — мы: и поздняя любовь уже не обманывает.

А если бы я Лялю не встретил, то так бы и ушел из жизни, не узнав того, что впереди.

Мне казалось всю жизнь, что в природе хранятся неисчерпаемые сокровища радости, и втайне, подсознательно, я чувствовал в этом путь бессмертия. Мать моя тоже так понимала жизнь и умерла внезапно, не дожив до старости, когда природа становится для тебя равнодушной. Я в этом, конечно, дальше пошел через любовь свою к Ляле и стою на какой-то границе в раздумье, как Сима...

А кто это, Сима?

Это был красивый великан, лет двадцати пяти, в селе Глинково, где в то время переживал беду своего дворянства Лопухин, бывший богатый помещик, с женой своей, урожд. баронессой Мейнсдорф, подарившей ему 12 человек детей. Лопухин, очень добрый философ, на чулочной машине весь день плел чулки и за плетением ухитрялся каким-то образом читать «Добротолюбие». Жили они в небольшой избе, баронессе хватало работы с утра до ночи с двенадцатью. Лопухин с утра до ночи плел и читал. Чулок выходил из-под Добротолюбия единый и не разрезался до тех пор, пока не наступал конец материалам и необходимость кормиться не заставляла хозяев разрезать его и делать из длинной чулочной кишки пары для человеческих ног.

Сима часами сидел иногда здесь и молча следил за работой. В часы эти Лопухин толковал Симе разные примеры Добротолюбия, и тот с благоговением слушал, и мудреные слова, мудреные мысли ему представлялись бесконечным чулком. Он был огромный парень, сам, один без всякой помощи выстроил этот дом, где жил на одной половине Лопухин со своей семьей и на другой он сам со своей матерью. У него было самое нежное сердце, и мать свою он почитал, как святую, и ухаживал за ней, как за ребенком. Он удивленно смотрел на Лопухина, стараясь понять и размотать на свой моточек бесконечно огромное сплетение мыслей философа. Сима служил семье верой и правдой, и к нему относились в семье Лопухина как к родному.

Однажды случился в деревне пожар, дошло до Лопухиных. Сима прибежал с полевой работы, когда уже дом его занимался, и едва успел вытащить впавшую в обморок мать. И понес ее на руках из горящего села, а впереди его далеко нес машину свою Лопухин и не замечал, что чулочный клубок все разматывался сзади него и длинной кишкой волочился. Так они и шли из села, впереди баронесса со своими двенадцатью несла все, что могла нести, за ними философ, за философом длинный чулок волочился, и в конце кишки великан, взвалив на плечи мать, усердно мотал кишку обратно в клубок...

16 Июня. Ездил к Пете за автолом. Возился в дороге с машиной 3 часа, после чего болезнь моя прошла. Так что увлечение, как на охоте, входит в состав моего здоровья.

Вспомнилось время, когда поэт Сологуб женился на Анастасии Чеботаревской. Эта поздняя любовь была похожа на нашу, и Анастасия Николаевна была похожа лицом на мою Лялю. Во время гонений на таких писателей, как Сологуб (первые годы революции), Анастасия своим мистическим путем пришла к тому, что она должна стать искупительной жертвой, как в античные времена, бросилась в Неву и утонула. Испытав теперь любовь, я вполне допускаю, что Анаст. Ник. правильно поняла свое чувство,

и гибель ее была необходимым звеном в движении ее чувства. Но вот что ужасно: через два, кажется, года ее родная сестра Анна Николаевна тоже бросилась в воду и стала такой же добровольной жертвой. Никаких следов не оставили после себя эти жертвы, булькнули в воду, как гирьки чугунные, и врач дал точное латинское название роковой болезни, т. е. древний Рок определил как болезнь.

Странно, что вспомнилось это мне сегодня в цепи размышлений моих о вторжении союзников в Европу. Можно сказать, весь народ не доверял союзникам, все говорили, что 2-го фронта не будет. Факт 6-го июня, казалось бы, должен бы убедить в обратном. Нет, на днях Сережа-столяр пришел и говорит: — Если союзники так медленно будут продвигаться, то война очень нескоро кончится, какой это второй фронт! — А сегодня у Пети Вячесл. Павл., его тесть, старый коммунист, горячо говорил, что союзники сейчас должны выбросить всю армию из Англии и тогда только у них дело выйдет и немцам придется отозвать дивизии с нашего фронта, и если нет — то какой это второй фронт!

Теперь наконец-то я понял причину скептического отношения к союзникам. Причина заключается в моральном чувстве от ужасных страданий, принятых на себя народами России. Мы ищем компенсации нашей жертвы, а союзники вместо жертвы берут в руки карандаш, вычисляют и вместо жертв людьми дают машины, делающие жертву ненужной, бессмысленной. — Как бессмысленной! — орет душа российская. Между тем это факт: все величие, вся необычайность и особенность исторического вторжения состоит в том, что человек США сделал машину орудием спасения людей.

Так ли я думаю? Увидим.

Моя ошибка в задаче аргументировать перед светом (письмо Рузвельту) фактом страдания наших детей («Рассказы о прекрасной маме»), нашего народа («Повесть нашего времени») была именно в том, что этим никого теперь не удивишь: это должно быть лишь материалом в

построении разумного действия любви, — и материалом, тщательно скрываемым.

Ах, так вот почему мне вспомнились напрасные жертвы, две сестры Чеботаревские.

Ох, Михаил, пересмотри свой душевный багаж, не отстаешь ли ты от времени, как гусь, отстающий от стаи. Гусь-то ведь потому отстает, что болеет, устал, и ты, может быть, лишь воображаешь, что впереди, а сам лишь просто отсталый и самоуверенный.

Очень возможно, что с такой точки зрения Калинин и назвал мою «повесть» слабой.

Сегодня в пути я лазал под машину, вылезал из-под нее в пыли, в грязи, палец поранил, но машину исправил и покатил вперед с большим удовлетворением. Мне кажется, что как я под машину лезу, то и Толстой по тем же мотивам пахал. И вот что Петя ходит в рабочем виде с шоферским ключиком, — все это картина толстовской пахоты. Вот анализ этого опрощения. Хочется взять на себя труд рабочего человека, чтобы сделаться морально независимым. Это благотворнейшее стремление каждый для себя и осуществляет по-своему. Толстой как пахарь стал смешным лишь потому, что на интимное движение души каждого человека ставил свой толстовский штамп: он не просто пахал для себя, а учил этим других... Но в общем, когда зерно перемелется и толстовство войдет составной частью в дело русской национальной культуры, мы все будем восхищаться, что старик граф, великий писатель когда-то пахал.

Вспомнив по случаю «машины вторжения» времена Мережковского, увидел себя самого собакой, умными глазами следящей за речью людей. Стыдно и больно! А между тем, если переживу наше время, то опять окажется, что тоже собакой ходил. Недаром же я и люблю так собак, и так страдал в молодости от «собачьей» любви.

Отец Иоанн. Ляля, как землеройка, копалась в земле возле решетки и вдруг бросилась к моему окну: — Отец Иоанн! — Я увидел, возле наших ворот шел старичок в скромнейшей штатской одежонке, в мятой шляпе. Это был о. Иоанн из церкви в Филиппьевском переулке, у которого я говел, когда мы с Лялей сошлись. — Зови его! — сказал я. — Отец Иоанн! — крикнула Ляля и сама себя испугалась. Ляля пошла к нему и все рассказала. А я второпях надел куртку с орденами, которые меня часто спасают в Москве при поездках на автомобиле от милиционеров. — Вы не смотрите, батюшка, на мои ордена, — сказал я. Мы обнялись. Ляля просила его нас навещать. На своей бумажке он записал мое имя. Тем все и кончилось, но вечером в постели Л. сказала:

– Ты заметил, что он нас записал на бумажке?

– А как же...

– А я думала, ты не заметил.

– Старый человек. Такого человека надо героем считать: вышел священником из такого времени.

– Да, конечно, только все-таки надо бы знать, каким способом он вышел. А впрочем, Гаврила Алексеевич о нем очень хорошо отзывался.

Мы продолжали разговор:

– Рузвельт все-таки в молитве своей не упомянул Христа.

– Довольно и Бога...

– Нет, не довольно, боги же бывают разные, и Гитлер тоже ведет именем Бога. Только в Христе истина.

– Так что же, хорошо это, что Рузвельт упомянул в молитве Бога?

– Не знаю, увидим.

17 Июня. Стоят великолепные дни. Поспела редиска и салат. Посадили вчера помидоры и капусту. Обозначились плоды на яблонях. Ляля безумствует с поливкой огорода. У этих нервных людей откуда-то берется такая большая сила, даже пугающая. Одно успокаивает, что усилие в природе всегда благотворно.

Сегодня едем с Лялей в Москву на машине за тещей и на собачью выставку, регистрировать Норку.

– Сделай это для меня.

– Конечно, сделаю, я люблю тебя: я должен.

– Знаю, что любишь.

И мы заговорили опять о ее «любвях», почему она всех бросала и непрерывно, мучительно искала: с ними она не могла никуда себя поместить. Сколько ни думала о себе, что ни на чем не остановилась. Казалось бы, доктором сделаться, как хорошо! Но теперь смотришь на докторов, какие они, и удивляешься, откуда это явилась нам такая идеализация дела доктора. А инженеры? Что может быть ужаснее. — Поэтом? — Ну, это дается Божьей милостью. В конце концов, оглянешься, и лучше того, что есть у меня, служить тебе, воплощая в тебе свою личность, нет ничего на свете.

Дела в Москве: 1) отвильнуть от собачьей выставки. 2) Вызволить мебель у Мар. Вас. и отвезти сюда вместе с тещей. 3) Сменить масло в машине и получить бензин (книжку в понед., бензин — вторник). 4) Заявление Преферансову. 5) Смазку машины у Васи.

18 Июня. Проснулся в Москве. Норка приехала на выставку в ЦДКА*.

Есть чувство жизни, как погода, не зависящее от себя. Это нечто совсем новое для русского человека времен царства.

Сейчас я чувствую американского «частного» человека источником капитала. Это неправда, что Америка находится в руках 100 семейств (капиталистов). Коммунизм сталкивается с капитализмом именно в вопросе принципа частного человека в возможности <u>каждому</u> проявить свою инициативу и тем обойти принудительно нивелирующую силу государства.

Свободна ли частная инициатива в Америке, т. е. обладает ли частный человек действительно моральной не-

---

* ЦДКА — Центральный дом Красной армии.

зависимостью? Неизвестно. Величайшей моральной независимостью обладал частный человек у нас в царское время, на этой почве возникла, с одной стороны, богатейшая в мире литература, с другой — революция. И вот почему революция, овладев государством, набросилась на частного человека и совершенно истребила моральную независимость литературы. А в дальнейшем, когда будет жить хорошо, просто некогда будет людям заниматься раскопками в области морали, и литература в России будет, как везде, средством развлечения и информации.

Может быть, думая о частном человеке <*1 вымарано*>, мы смешиваем независимость моральную (<*неск. вымарано*>) с независимостью материальной (<*неск. вымарано*>).

Вот теперь есть чувство такое, что ничем не прошибешь эту условную броню <*1 или 2 вымарано*> морали — что это значит? Там работает ум в ум, и так создается для каждого необходимость: никаким талантом, никакой молитвой этого не обойдешь. И что значат слова о свободе как сознании необходимости: осознал и сиди и тоже думай ум в ум — в этом ли свобода? — А в чем же? — В проповеди Христа.

Почему Рузвельт в молитве своей не упомянул имя Христа? И что ближе к Христу, американский Бог или русское безбожие?

19 Июня. Москва. Дела делаем.

Бывает, точит, точит тоска, будто ручей бежит и вода набегает куда-то. И где-нибудь под вечер чувствуешь, что все кончилось, шлюз закрыт. Тогда ляжешь где-нибудь на диван, и нет ни одной определенной мысленки, но знаешь — спроси кто-нибудь о чем угодно со стороны, найдись мудрый человек, задай любой вопрос, и на всякий вопрос из тебя выйдет ответ. Но нет вокруг никого, и в тебе все так лежит, как зерно в земле в ожидании дождя или солнца.

А то выспишься, и станет на душе прочно, хорошо, и ты идешь по улице, как все идут, и только чуть-чуть удивительно, как это вышло, что наконец-то и [я] живу, как все.

Друг, не находишь ли ты, что в нашем возрасте, при нашем опыте, в нашем с тобой положении пора наконец смотреть на всю массу встречаемых за день людей как на детей, снисходительно и с улыбкой.

Каждый о себе что-то думает и так о себе творит легенду свою и старается людям таким показаться, как ему хочется. Только дурак о себе ничего не думает. И вот, наверно, эта-то творческая мысль о себе и есть наше «Я». <*Приписка:* По Толстому: числитель дроби, знаменателем которому служит мнение о нас на стороне.>

20 Июня. Какие люди есть! Вчера пришел А.М. Коноплянцев, когда-то написавший монографию о Леонтьеве, и, оказывается, он вовсе ничего не слышал о вторжении союзников в Европу. — Да как же так? — А откуда же мне знать? Радио у меня нет, газет не получаю. Под конец рассказал Ляле, что один его знакомый священник хочет взять его к себе на помощь. — Псаломщиком? — Ну, не сразу... — Отчего же не сразу? Вот хорошо. Немедленно поступайте, и для души хорошо, и, конечно, всего будут носить: яичко, творожку. Старик ужасно обрадовался и повторял Ляле: — Утешила, утешила меня!

Очень боюсь, что ему не дотянуть до псаломщика, да и духу не хватит.

Вдруг увидел, что в Москве везде наши прежние, только переодетые мужики, кто милиционер, кто лейтенант. Один добродушно назвал меня: «Гвардии дедушка».

21 Июня. Благословенный летний дождь. От семи до 8 утра в очереди за хлебом, до девяти готовил машину, к 12 д. привез тещу в Пушкино.

Запись в очереди за хлебом на тему инженера в МОГЭСе*, который сказал, наверно, спроста: — Закон для того и существует, чтобы его обойти, — я же подумал о том «законе», против которого восстал Христос.

Все законы в мире — это законы необходимости (смерти), а для свободы нет закона, для личности свободной и сама смерть не закон. Большевики правы в ссылках своих на законы научные управления обществом («законная власть»), потому что общественная жизнь действительно подчинена закону необходимости (смерти). <*2 строки вымарано.*> Эти свои законы необходимости они распространяют на личность: мы же верим, что для личности закона (смерти) нет, что личность бессмертна.

Итак, существуют законы падения (тяготения?), но законов жизни нет и быть не может: жизнь в существе своем бессмертна и беззаконна.

Каждое живое существо, если внимательно всмотреться в его жизнь, являет собой сущность единую и неповторимую, возникающую в борьбе с законом повторения, падения, смерти. Наше изучение природы должно быть не изучением законов, а сосредоточением родственного внимания с целью открытия во всем и везде бессмертно-личного начала, не подчиненного законам необходимости.

Поколение за поколением, проходя, передавало своим наследникам веру в законы смерти как в средство спасения. И так при моей жизни было открыто радиовещание и воздухоплавание, осыпавшие всю Европу бомбами. В существе вера в эти законы давно уже опровергнута, но инерция массовой жизни так велика, что все вокруг говорят и живут по-старому. Но старые мехи треснули, и весь ужас нашего бытия теперь в том, что приходится в бес-

* МОГЭС — Московская государственная электрическая станция.

силии смотреть, как новое вино выливается на землю напрасно из старых мехов.

– Да плюнь же ты, Михаил, на все эти события современности, отдайся верному творчеству жизни радостной и небывалой.

– Рад бы, друзья, отдаться, но не могу найти в себе силу равнодушно глядеть, как льется напрасно новое вино из старых мехов.

И вы, кто мне так говорит: «плюнь!» — убедите меня чудом жизни своей. Но я знаю, вы не борцы и говорите как беспомощные. В том-то и дело, что «плюнуть» и закрыть глаза на события в законах смерти невозможно, и я думаю, что даже напротив: чтобы войти в строительство жизни вечной, надо понять законы падения, необходимости, смерти. Надо проглотить внутрь себя все виды гадов, отравляющих жизнь, и уцелеть.

За это время, пока я учился ездить по Москве на машине, я переменил свое отношение к милиционерам. Пока я был неуверен в своей езде, как я боялся их, как ненавидел, с какой грубостью обращались они ко мне, когда я нарушал уличные законы движения. А теперь в милиционерах я узнаю наших прежних русских мужиков, и если даже и случится, нарушу закон движения, прокачу под красный фонарь, то, состроив русскую морду, копаю пальцем в затылке, и милиционер, русский мужик, понимает меня и не ругается.

Да и как-то везде и во всем покидает меня неприязнь, злоба, подавленность от тесного соприкосновения с «низостью». Что это — влияние летнего солнца или вторжение союзников в Европу и близость конца войны? Или, может быть, русский человек наконец проглотил, пережевал, переварил всех предназначенных ему гадов и теперь начинает от них освобождаться?

Помню, было это чувство в день, когда свергли царя и на улицах кончилась стрельба. <*1 строка вымарана.*> Но все-таки был же хоть один день сознания себя в обществе

людей без гадов. Иллюзия? Если это иллюзия, тогда ведь и чудо цветка на лугу только иллюзия, и не одного цветка, а всего на свете, что выступает лично, не подчиняясь законам необходимости (смерти). Нет! В тот великий день нам на мгновенье показалась возможность жизни вечной, прекрасной и радостной. Да так и вообще, может быть, нет иллюзий, а это мы сами, слабея и падая, начинаем понимать чудеса как иллюзию.

22 Июня. Четверг, тот самый: «после дождичка в четверг». Весь воздух насыщен водяными парами, и солнце их прогревает, и летняя птичка поет.

Вчера привезли тещу. Комнатная старушка.

– Как хорошо, — говорит она, — здесь, наверно, было, когда малина цвела.

– Чем же так хорошо?

– Вся была покрыта цветами розовыми, белыми и голубыми.

– Что вы говорите, в этом смысле малина вовсе не цветет.

– Ах, я не знала.

– Да она сейчас только зацветает, подите посмотрите: никакого цветка не увидите.

– Ах, вот как! А какая это птичка поет?

– Сорока.

– Неужели так может петь сорока?

И так без конца. Начинаю верить, что мне, охотнику, в наказание за всех убитых мною птиц и зверей Бог наказал такой тещей.

Ляля молодец, держится и больше не спорит с матерью. Теперь вся наша жизнь будет под пятою... Ах ты, воля, моя воля! И только теперь стала понятна невозможность жить на два дома. Ах ты, воля моя! А к этому создавшаяся безвыходность «творчества»: к прежнему невозможно вернуться, новое, если по правде писать, не напечатают. Вот отчего и бывает, при полном счастье грызет тоска. Основная причина, конечно, в поражении творчества, а теща, конечно, возникает на этой почве, будь я занят по-настоящему,

тещи бы я и не заметил. Теща — это веха моего падения: смотрю на эту веху и вижу, как я понизился!

Ну, так встряхнись же, Михаил, берись за первую работу, хотя бы за тот же Канал, и поднимайся, лети.

Под непрерывный крик молодых грачей, при постоянном дневном пении маленькой летней птички и крик соседских петухов летим мы во времени.

... Христос есть начало всех изменений...

Ляля ни на кого из христиан не похожа: ее сущность и ее особенность — это движение. А может быть, и все истинно верующие христиане именно тем и христиане, что каждый из них особенный и верит по-своему, и только одно общее всем, что все движутся (как-нибудь на досуге расспросить Лялю о лицах христиан).

Розанов восставал на Христа как декадент, извращенно. Христос есть начало изменений, а бояться движения может или совсем примитивный человек, или потерявший смысл. Ведь в мире так много покоя, так много молчания, что нечего за это беспокоиться, и если бы даже и победило Слово и род человеческий бы прекратился, то ведь это и слава Тебе, Господи (так и Толстой говорил о прекращении рода).

А вот еще что в Ляле, кроме движения: бесконечное сопротивление насилию.

NB: Помню «акт» с теми всеми, как с безликими, я мог тогда, как конь, прыгать на зад, не видя лица. И вот это одно (пусть язычество, и так у попов, у купцов было, и так раньше замуж выдавали).

А то «акт» не просто как захотелось, а еще для каждого раза найти надо любовное соприкосновение душ и потом почти в забвении совершить. В первом случае — род, природа, во втором — лицо человека.

И так, догадываюсь, происходит и в самой природе: один способ размножения как восстановление типа, другой как изменение («беззаконная любовь»). Происхождение видов имеет своим источником именно любовь как начало изменений, а не любовь родовую. Так что рядом с борьбой за существование действует еще неведомая сила изменений, у человека называемая любовью.

Ездили с Лялей по Акуловскому шоссе за палочками для гороха, малины и помидоров, приехали в поле, и впервые в этом году увидел я рожь в полной силе, в колосьях, и по ржи вспомнилось сразу, что сегодня 22-е Июня, третья годовщина войны.

– И в голову тогда не приходило, что выдержим три года войны с немцами! — сказал я.

– Кто мог знать! — ответила Ляля.

– Один Бог знал, — заключила Марья Васильевна.

С нами ездила в лес и Норка. Ляля странно так глядит то на меня, то на Норку.

– Что ты, Лялечка, так глядишь?

– Да так... Странно как-то на вас глядеть: ты и Норка! А между тем и у нее тоже, как у тебя: и глаза, и уши, и нос.

Сегодня перешел работать в садовую избушку, но она не спасет меня от тещи, если не возьмусь за большую работу. Но как знать? Вот сейчас наверху видна темная-темная ель, и одно светлое окошечко в ней пересекает черный сучок, и по сучку сейчас прошла какая-то птичка, — до чего хорошо! Или вот перед самым окошком моим молодая зеленая елка концевыми своими кривыми светло-зелеными пальчиками показывает силу роста, и от этого вся природа мне является в формах роста или тайного движения.

Собирая в лесу шишки для самовара, нашли вчера шампиньон и первые два масленка — грибы-подколосники.

Хищник, ястреб, промахнувшись по дикому голубю, сел, расстроенный, одурелый, против меня на сучок, сутулый, с отвратительным кривым клювом и желтыми глазами. В этом хищнике, исполненном зла, я увидел всех хищников, и прославленного подхалимами орла, и Наполеона, и всех вообще властелинов, все это одно и то же начало зла, форма явления необходимости, смерти. Было же время, были же люди, помещавшие свои лучшие чувства в эти образы власти и зла.

Знаю, конечно, что так надо, что без них на земле невозможно добро, как и свет почернеет, если нечего будет ему освещать. Но моему-то голубю ведь только бы укрыться от злодея, только бы затаиться от него где-нибудь в густели, — какое мне дело до роли злодеев в природе.

Вот он, вижу, мой дикий голубь, затаился на сучке под лапками ели. Сиди, сиди, мой друг, вместе, может быть, и пересидим, ты своего кривоклювого, мы своих. И когда он улетит и мы расправим свои крылышки и увидим мир под солнцем таким прекрасным, каким он для нас, может быть, никогда не бывал, будет мой голубок благодарить вечного Бога, Творца неба и земли, но не хищника, от которого мы ускользнули.

23 Июня. Мелкий окладной дремотный дождь в полной тишине шевелит трепетные листики моей яблонки, трава седая, орут молодые грачи. А мне вспоминается в каком-то году (чуть ли не 18-го Августа, день авиации) Тушинский аэродром и нашу машину, зажатую сотнями других. Рядом в другой машине дремлет И.М. Касаткин. А дождик, точно как теперь по избушке, стучит по машине. — Вы тоже задремали? — вдруг открывая глаза, спрашивает Касаткин. — Дождик! — говорю я. — А почему это? Вы замечали, как это бывает в дождик в природе: не только нам, но всем дремлется. Что это?

Сколько воды с тех пор утекло, а сам Иван Мих., я слышал, расстрелян, кажется, за троцкизм. И самое главное, сколько я с тех пор всего перезабыл, сколько даже к себе-то самому обрел равнодушия, но лицо Касаткина, когда

он говорил о мелком дождичке, такое усталое, такое дремотное, такое измученное вижу теперь, и мне кажется, оно упрекает меня за живость мою, и как-то не он один, Иван Михалыч, а с ним целый мир мертвецов сквозь хмару дождя глядит на меня в удивленном ожидании с вопросом: все кончается в мире одинаково, из-за чего же он бьется?

24 Июня. Еще слышно кукушку, еще прибавляется день, но завтра (25-го) время остановится, и потом мы перевалим во вторую половину года, день пойдет на снижение.

Цветет малина, и тут же цвет поедается коричневыми жучками.

Христос и Христова любовь как начало всех изменений в природе (и происхождения видов). Все на свете течет, изменяется, но само действующее начало, любовь, неизменно. Изменение происходит от борьбы любви, образующей личность, с любовью родовой. Из действующих в природе сил самая близкая к любви человеческой — это вода, и вот почему детей у нас крестят водою. В природе вода и ветер создают изменения, и вот почему крестят человека водою и «духом».

Вода и ветер в природе создают изменения.

Поют зяблики с незапамятных человеком времен, но все-таки было же время, когда их не было. Это нам кажется в отношении нашей жизни, что зяблики пели всегда. На самом деле, т. е. в отношении вечной личности, жизнь всего рода зябликов — одно мгновенье, и за это мгновенье возникали и у зябликов, как и у нас, личности, изменявшие и направлявшие движение их родов. Христос как начало изменений действовал и у них, но пришел Он только к нам, людям, и мы были с Ним, и Он оставил нам свои Слова как путь к божественной жизни.

Вчера мы ходили к начальнику узла Дмитровского канала (Георгий Петрович Никулин). Он и жена его — вот

диво! Чисто помещичья пара, притом, как это часто прежде бывало, он под башмаком у жены. Обещал дать нам постоянный пропуск в свои рыболовно-охотничьи угодья. Так я замечательно устроился под Москвой, ничем не хуже, чем под Переславлем в Усолье.

Я рассказал Никулину о своих разных трудностях, что, например, в писательстве не могу писать, как теперь надо, и мучусь. — Чего же мучиться, — ответил он, — теперь же все определилось в политике, все ясно. Остается немного подождать — вот и все.

25 Июня. Кажется, это сегодня такой день равновесия: ни на лето, ни на зиму (день весеннего равноденствия?). Утро после вчерашней грозы солнечное. Но, конечно, попрежнему обрадоваться такому утру теперь невозможно: такой радостью мертвецов не подымешь. Но мы надеемся, придет какая-то иная радость, и мертвецы ей не помешают.

Вот вспомнился главный родник моей поэзии и писательства. Я окончил в Лейпциге агрономический институт, готовился служить в России агрономом, и ни малейшей мысли не было у меня о писательстве. Я тогда даже не вел и дневник. Поехал поглядеть на Париж и влюбился не потому, что был прельщен красотой или добродетелью, а потому что время пришло. И вот когда эта слепая любовь взрывом своим отбросила меня далеко в сторону, то, очнувшись где-то, я нашел у себя в кармане какую-то бумажку, какой-то карандашик и начал на ней записывать свой роман по главам: было тогда-то (в такой-то день недели, во столько-то часов) и там-то, без всякой лирики, без всякого личного отношения, раздумья, оценок. Это была регистрация места и времени (даты) непонятного огромного события в моей личной жизни, меня куда-то повело по пути страданий к блаженству.

И вот эта-то первая попытка регистрировать даты события и была началом моего писательства, началом борьбы за виденный мною и ускользнувший от моей неумелости и преступной слабости настоящий мир блаженства.

Природа мне откликалась на этом пути: я стал просто записывать эти отклики и тем удостоверять других в действительном существовании страны непуганых птиц. Есть такая страна! — вот и вся тема моего писательства.

Ляля появилась как сильнейшее доказательство существования открываемой мною страны. После того как она пришла, весь вопрос свелся к способу обнаружения чуда, к чему-то похожему на операцию снятия катаракты с глаз у людей. И прежде всего я набросился на пелену ложной науки (хуже всякой схоластики!), закрывающей людям мир живой природы.

Христово начало в природе как начало всех изменений, личное начало везде и во всем.

Вульгарное мироощущение учит нас, что Пан умирает во Христе, а надо показать людям, что Пан, вступив на путь изменений во Христе, обретает независимость своей радости даже от смерти.

Приезд всех Барютиных. Четыре сестры, и все такие разные: Катя, Зина, Женя и Людмила. Евгения, красивая и умная, полная добродетелей женщина еще не могла преодолеть свою индивидуальность. Зина же святая и перешагнула через себя. Катя — это у них Марфа, но с большими капризами («камень преткновения»), женщина — так и сяк. И Милочка, младшая, как Иван-дурак: «младший вовсе был дурак», и тем не менее она первая попала ко мне в повесть (нашего времени).

Перечитал новые газеты. Покатал Барютиных до воды.

Боюсь, как бы не прозевать грибы. Уже должны показываться подколосники.

26 Июня. С рассвета окладной дождь.

Последнее немецкое изобретение, управляемый по радио самолет, имеет форму сигары, летит прямо, как его запустят, и не может уклоняться при нападении, не может защищаться при скорости меньшей, чем у истреби-

телей. Весь немец сказался и кончился в этом последнем выпаде.

Русские пережили такое отчаяние, о каком и не снилось союзникам, и этим — странно! — именно этим они и сильны. Частная воля, за которую стоят союзники, для русского что-то вроде забавной игрушки для взрослых. И так хочется поиграть каждому, и с такой завистью смотрит русский на частника. Но разве можно в это упираться в серьезном деле, этому можно только улыбнуться, как счастью. И вот нате вам, русские, вторжение союзников в Европу: чем это не серьезное дело, чем это не организация, в которой не люди служат машине, а именно машина в руках человека является спасительным средством.

Победил русский народ немца, и, конечно, в состав народа этого входит как часть организующая воля большевиков и *<1 вымарано>*. Победа приводит эти внутренние споры к концу, теперь, конечно, и грузин Сталин, и еврей Эренбург — русские люди. *<2 строки вымарано.>* Итак, в грядущем торжестве русских оставляю им все свое русское, сбрасываю с себя его, как Илья Пророк сбросил свою мантию, а сам я...

До чего проста, прекрасна и необходима человеку его древняя вера в бессмертие души, сливающейся в жизненном подвиге своем с Богом.

Христианская кончина есть величайшее усилие человека, величайшее его движение и последнее изменение (всю жизнь двигался, стремился, старался измениться и наконец-то достиг: изменился и сбросил с себя ненужную ему больше «мантию»).

Как может победа наша коснуться души моей своим свинством, если в личной жизни своей я не попался на крючок славы и вообще не «прославился». А может быть, Бог даст, и весь русский народ, обрадованный тем, что можно будет полегче, получше пожить, не забахвалится

своей победой, не одуреет, как немцы в старое время одурели и теперь стукнулись в стену лбом.

Падение Жени Р. Ее брак вышел как падение: испугалась безумия охватившей ее страсти и монахиней стала через неделю после брака. Так страсть, доведенная до своего предела, открывает нам, что девственность есть нечто вроде страсти в состоянии пересыщения. Вернувшись к девственности, Ж. оставила своего мужа возле себя... Так и сложилась у Рождественских жизнь как ее отрицание. Вот где бездна оказывается.

27 Июня. Раз отмерь и семь раз примерь, т. е. семь раз усумнись и раз утверди, семь раз подумай «нет!» и один раз скажи «да». И так точно в религии на семи сомнениях утверждается Бог. Вот почему произнести на людях слово «Бог» или «Христос» бывает трудно, кажется, еще не все семь «нет» пережил, чтобы сказать свое «Да».

Вчера ко мне подкралась тоска и перешла в скуку невыносимую. Кот ночью кричал вне дома, пытался бросаться на окно, падал, опять кричал, и мне это было так, будто смерть моя ломится в меня, и оттого мне так больно. Ни попытки молиться, ни войти в близость с Лялей не помогли.

От этой гостьи ночной все усилия ломались, как прутики.

Утром я сказал, обнимая Лялю:

– Прости меня, я тебя потревожил, но мне было трудно: за мной смерть приходила. — Не верю, — ответила она спокойно, — это мистика: я в это не верю. Сказал бы ты это Жене, может быть, имел бы успех. Я же думаю, что «смерть» твоя сложилась из разных неудобств, что поздно дали поужинать, расстроилась машина и т. п. Я даже не думаю, что у тебя какая-нибудь серьезная болезнь. Если же болезнь, то надо обратиться к доктору.

Так не удалась моя «смерть», и утром я раздумывал о семи «нет» перед тем, как сказать одно «да».

Еще я думал о своей матери, которая в 74 года не дожила до старости и внезапно умерла ребенком. Я помню, однако, ее мрачные часы и, может быть, дни, когда она глядела не такими, как всегда, глазами, как пыталась заговаривать о страшных вопросах по Толстому, по Евангелию, и ничего не могла сказать своего, только виделся в глазах ее страх перед этим «чем-то». И по правде сказать, недалеко я ушел от нее, и страшно мне теперь думать о том, что я-то, может быть, должен дальше идти и болеть. И вот, мой друг, совет мой, не очень-то жалей ты болезненных людей: они ведь постепенно приготовляются своей болезнью к концу. Жалей больше здоровых людей, конечно, хороших и в своем здоровье наивных. Что больные, они подготовлены болезнью своей, а вот как ...

После обеда поехали к Пете и вечером около 10, возвращаясь, в 5 кил. от дома потерпели аварию машины: отказалась работать коробка скоростей. Нашли сторожа и сами пешком, голодные, пошли домой. По пути у нас был спор: Ляля, как всегда после аварии, накинулась на машину, что вот сколько зла ей принесла эта машина. — Так мама твоя, — отвечал я, — всегда нападает на погоду, если дождь идет или ветер, или холодно. С дачной точки зрения она права, но попробуй она пожить на даче без дождя, без ветра, без холода — врага вредителей насекомых: огородов не будет, теща помрет с голоду. Так тоже, что бы это была у нас за жизнь, если бы не было машины: может быть, мы не пережили бы голод, когда немцы были под Москвой. — Ничего неизвестно, может быть, пережили бы и еще лучше. Я смотрю на машину как на твою игрушку, и очень дорогую. — А я смотрю на твой огород как на игрушку, и это уже бесспорно: если бы ты вместе со мной огородное время посвятила нашему основному ремеслу, литературе, мы бы купили овощей в сотни раз больше, чем наработаем сами.

Так мы спорили, а между [тем] сквозь нас и через наши слова проходили идеи, движущие всю великую современность...

Конечно, если бы Ляля захотела одуматься, она бы вспомнила все добро, полученное нами от машины. Но она не хотела это вспоминать, потому что добро это нечто совсем несущественное в сравнении с ее идеалом жизни молитвенно-пустынной. В этом смысле машина является основным врагом жизни гармонической, благоговейной. Машина с ревом врывается в человеческое время, переиначивает его, насилует и под видом свободы личной создает людям рабство людей и форму мужской заносчивости, насилия и высокомерия в личности. Напротив, огород приводит человека к смирению, к служению, к долгу, может быть, и к тому самому долгу-терпению, которым теперь Россия побеждает цивилизаторскую надменную Германию. — Все это верно, моя милая, о твоем долге я слышу на каждом шагу: ты мне вечно читаешь мораль, как ребенку, в точности как читают нам ее 27-й год большевики. Отдаваясь своему огороду, ты воспитываешь в себе мысль служения и для себя находишь лишь сладость помещения себя в другом, или в любви, как ты называешь. И такая вся Россия, заменившая икону Иверской Божией Матери лозунгом: «религия — опиум для народа». Вся ты такая, в вечном служении, как в Боге, так равно и в безбожии, никогда не спящая Дева в вечном чаянии Жениха своего.

Но ведь должен же он когда-нибудь и прийти и сказать: это Я! И может быть и Предтеча Его, как могут быть и тропы и пути к Нему, и силы, утверждающие в человеке сознание свободы и священства своей личности, определенной творить на земле жизнь милостью Божией.

Помню, Рязановский (†), прочитав мою первую книгу, сказал: — Вы, конечно, не натуралист, вы символист. В действительности ваш помор и вонючий и грязный, но какой он у вас. — Слова его тогда пронзили меня, как стрела, и я долго болел душой, отстаивая действительность своего помора. И я был прав, а не Рязановский: в действительность моего помора все поверили, и он остался жить, и он действительно был такой, каким я его описал. Вот почему

я и сознаю себя реалистом, а не символистом. Реалист пишет, как верует или догадывается, а значит, свое частное (малое) определяет и растворяет в великом. А символист всю великую действительность видит сквозь очки своих домыслов.

Теперь я точно так же, как и тогда с Помором, дивлюсь явлению возле себя таких людей, рассматривая которых, я понимаю мировые события. Теща моя — это в точности Германия (да она и есть полунемка), Ляля — это Россия, и вот именно в движении своем, революционная, и я, очень близкий своим идеалом к тем англичанам («союзникам»), кто подчинил машину и сделал ее орудием победы добра в смысле явного сохранения человеческой жизни посредством организации (машиной) людей при вторжении в Европу. Но в этой оценке вторжения, очень возможно, я ошибаюсь. Может быть, я не Англия, а какой-то будущий русский, определяющийся не в служении, а в личности.

В 9 утра пошел к Никулину за помощью взять машину. К счастью, оказалось, что не коробка скоростей пострадала, а шпонка. Часа в три я приехал домой на машине, и Ляля засияла от радости. — Чем же ты была так огорчена? — Тем, что тебе трудно, а потом, что нельзя привезти высечку для забора из Клязьмы. — А как же ты мучила меня за машину и проклинала ее. — Мало ли что...

Конечно, женщина... Но и нужно к этому сказать, что именно православная женщина, особая порода людей, имеющих отвращение к машинной технике и занятых исключительно устройством внутреннего мира в человеке, согласно которому организуется и мир внешний. И так мир внутренний сходится с миром внешним в любовной встрече (праздник). Этим людям кажется, что машина насилует внутренний мир человека, порабощает его себе, как внешняя чертова сила. И они правы в существе, но неправы во времени: ведь применяют же они охотно любой ремесленный инструмент. Значит, стоит только заставить себя согласоваться с требованиями времени, и автомобиль

сделается таким же священным орудием, как топоры, которыми было срублено столько деревянных церквей. Но они тут чего-то боятся, у них какая-то физиологическая мистика в отношении инструмента более сложного, чем топор и пила. Впрочем, многие женщины, как женщины, не склонны работать топором — это дело мужское. И сопротивление машине, конечно, отчасти есть сопротивление женщины началу грубо-мужскому, насильственному.

Познакомился у Никулина с неким инженером Вольфом. Он мне открыл глаза на наше время так, что я и рот разинул. Разговор начался с того, что я рассказал о своем впечатлении от встречи в кабинете Никулина его самого как начальника с каким-то ничтожным на вид рабочим: оба сидели друг против друга, у рабочего руки в карманах, глаза смотрят дерзко в полном сознании своего достоинства, авторитета. И у свидетеля является вопрос, из каких же источников исходит авторитет начальника? — Ни из каких, — ответил инженер, — не только рабочий, а даже сторож, если он обратится к партийной организации, может не подчиниться начальнику. В военном деле, там это устраняется иерархией власти: солдат подчиняется офицеру безусловно. А здесь в производстве нет этого, и дело очень страдает. Так воспитывался советский человек четверть века, и это привело к особому советскому мещанству. Хватились, но уже поздно: поколение будет мещанское, а там кончится война, и все набросятся на эту жизнь для себя...

Много и еще такого наговорил инженер, и вспомнился мне майор Дима с его денщиками, и суворовские школы (кадетские корпуса), и назревающая необходимость воспитывать в детях уважение к женщине. Но самое главное — это чувство своего личного демократизма, народничества, русскости в противоположение неметчине (гимназия). Казалось бы, вот этот самый живущий во мне самом «народ», именно он и победил немца, а все опять как-то обертывается к немцу. И так на смену внешнего прусского немца является свой внутренний. И вот начинается война

с этим внутренним немцем, и тут этот немец (американец для нас тот же «немец») уже наверно победит. Но так говорить об этом вслух уже нельзя. Вот то-то и поразило меня, что инженер вслух говорил о таком внутреннем немце. Поговорил бы он так немного лет тому назад!

То, что государство осуществляет только принудительными мерами, семья и церковь делают при личном радостном соизволении. Там для «казны», тут для себя в Боге: делает как будто для себя, а выходит для всех. Раньше государство у нас на церковь смотрело в этом отношении как на корову: доило ее в пользу себя. И церковь, священная корова, в полном послушании давалась и в каком-то православном сознании оставалась праведной: давала все, и народ жил этим молоком, весь народ, и в своей революции, и в своих войнах.

Ах, как же далека моя «Повесть» в своем пафосе от современности такой, и как я этого не понимал, когда ходил с ней в Кремль. Вот дурень-то!

Священная корова! И врата ада не одолеют ее...

29 Июня. Вечером с Лялей и Петей на машине приехали в Москву. Внешние события охватывают нас, и трагедия германская явно подходит к концу. Да молчит всякая тварь! И только один Эренбург выступает четко в злобе и мести.

30 Июня. В Москве.

Новые мучения с машиной: отказалось работать динамо. Моя борьба за машину становится такой же фантастической, как борьба Германии за гитлеризм. Начинаю серьезно подумывать, не поставить ли ее в гараж...

Вот сейчас только понял, о каком «мещанстве» говорил инженер Вольф и о каких ошибках в политическом воспитании: он говорил о растущем антисемитизме...

Утро провел на заводе, отремонтировал машину, беседовал со многими мастерами: как они ждут конца войны, как удивляются немцам, что те не сдаются.

Удивительно, как я беседовал с рабочими, умаляясь до их развития, при этом совершенно бессознательно учуивая человека и становясь как он.

1 Июля. Окладной дождь. Несколько раз вчера я слышал мнение рабочих на заводе о машине М-1 в сравнении с иностранными: М-1 нетребовательная в отношении качества бензина и все может терпеть. Так точно говорят и о корове Ярославке, и об армии, и о всем русском. Это мнение народа о себе самом. К этому еще надо присоединить «на миру и смерть красна», и вот все.

Конец войны кажется по всему смыслу событий очень близким, но «близок локоть» <*зачеркнуто:* а не укусишь>. Всем кажется странным упорство немцев. И вот напр., что Финляндия не имеет ни малейшего желания сойтись с русскими и остается с Германией. «Что-то у них есть, чего нам не говорят».

Все ждут-ждут и знают, что конец, а дождаться конца не могут.

2 Июля. Окладной дождь.

3 Июля. С утра очень пасмурно и парно, как на Дальнем Востоке у моря.

Переживание Кремля.

Кот Василий Иванович Некачалов, когда я утром резал хлеб, сунулся было к куску, но я щелкнул его по щеке тупым концом ножа. Так ни разу не бывало, и Васька не счел это за обиду, а подумал на самый нож, осел и насупился и так сумрачно глядел тусклыми глазами на нож. Вот и нам бы так сносить обиды, а то мы обыкновенно наоборот: ткнет, бывает, что-нибудь прямо в себя и нечаянно,

а ты переносишь на человека и сам тоже его чем-нибудь ткнешь.

Сейчас меня через Калинина ткнуло ЦК ВКПБ, а я на Лялю валю, и если не обижаю словом, делом, то помышлением, бывает, обижаю, и это, конечно, даром не проходит, и в чем-нибудь сказывается.

Так щелкнуло меня по щеке тупым концом, и я, как кот Васька, насупился и чувствую удар, а разобраться никак не могу в том, кто тут виноват: не я ли сам виноват в том, что сунулся в Кремль.

Ждал, ждал, терпел, терпел, гордыбачился, самохвалился, кичился «народным» признанием, и вдруг сунулся в Кремль в чаянии обойти «бюрократию» и получил тупым коном даже не по щеке, как кот, а прямо по переносице. Калинин сказал: — Слабая вещь. Отложите ее к посмертным сочинениям. И я должен был помолчать, хотя было на языке: — Ваше заключение остается в значении для таких же смертных, как Вы, а я же не имею никакого дела с тем, что останется у вас после меня.

Сам по себе никакой удар не чувствуется сразу и во всяком случае не так болезненно, как это мы себе представляем. Хватило меня, и все зазвенело, но никогда не чувствовал я в себе так отчетливо свое бессмертное «Я», и именно так, что это убить нельзя. Но со стороны это совсем нельзя понять: со стороны кажется, человек пораженный упал, а внутри там, где таится человек сам по себе, там он оживает.

Тяжело, ничто не радует и ничего не хочется делать, но знаю, что если я вернусь к прежней деятельности, то вернусь другим человеком, и у меня все будет лучше.

Ангел. Птица радости

Одно время у нас во дворе и в домовой конторе, и у лифтерши внизу, и во всех квартирах, где бывала Мар. Вас., только и говорили о ней и с большим ожесточением ежеминутно повторяли по русской привычке «черта». Мало

того. Мы сами, для кого именно она и была Ангелом-хранителем, не раз и мы тоже при разговоре о ней очень досадовали и пользовались недобрыми словами. (Всегда действует по воле Божьей, не считаясь с людьми — записочки. Вот почему люди недовольны.)

NB. Запевка: Раньше я ни в какие чудеса не верил, хотя и не протестовал и не выставлял чего-нибудь от себя против, если кто-нибудь о них заявлял. Должен сказать, что и весь коренной русский человек относится к сверхъестественному точно так же, как я. Взять хотя вот самое простое, лешего. Не только степняки какие-нибудь, которые ясными глазами далеко видят вдали, а сами полешане на людях смеются и считают разумно все рассказы о лешем суеверием. Но когда выходит в лес полешанин один с ружьем и собачкой, тогда тот наш общий разум покидает его. Вот собачка его тявкнула, а на той стороне отвечает его собачка. По общему обычаю пускает он туда ему свое матерое слово, а он сам отвечает... И пошло, и пошло...

Да так и мы, люди образованные, мало ли чего бывает непонятного такого, странного, что на людях сказать никак нельзя: не поверят, засмеют. Сколько, бывало, такого всего таишь про себя и разве только близкому другу шепнешь под рюмочку на закуску. Так мы все в разной мере таились на людях, и вот пришло для всех небывалое и неслыханное в веках и никому непонятное. Удар по нашим головам был так силен, что разум наш прежний, принимавший вызов борьбы с чудесами, нас оставил. Обычным нашим прежним разумом невозможно было понять эту дьявольскую затею, в которой танковые бомбы сотрясают землю, хороня под кирпичами без разбору всех, и матерей с детьми, и беременных, и хороших наивных людей с ясными глазами.

Помню, один старичок, отпивая по глоточку чай из термоса, четверо суток просидел в [каменном] своде под обвалившимися кирпичами, пока его выкопали.

4 Июля. Продолжается парная погода. Перемежающиеся дожди, выглянет солнце и опять дождь. Все буйно

поднимается. Поспела в лесу земляника, поспевает у нас клубника. На малине формируются зеленые ягоды. Ляля сидит на корточках пока глазам видно, как жук на малине. — Что ты там сидишь? — Собираю жуков. — А зачем здесь сидишь? Уже темно. — Еще видно: я разрыхляю землю под огурцами. А как очнется от огорода, начнет утешать мать и разгонять ее вечные страхи.

Вчера ездили на Клязьму к Беляеву (управляющий дачами). Застали дома одну тещу. — Мне кажется, — сказала Ляля, — вы в молодости были очень красивая. Есть у вас карточка? — Сейчас принесу. И мы увидели красавицу. Подкупленная вниманием к тому, что было, старуха в короткие минуты проболтала нам все семейные тайны. Советские годы один за другим лущились и падали, как лузга с гречихи, свалились 27 крышечек с зернышка, и вот наконец показалось оно: полуголодный управтрестом Беляев — это бывший мануфактурист «Беляев и Карташов». И так вся подноготная и даже, что она верит в «Живые помощи» (зашить в одежду), а Беляев этим неудовлетворен и чего-то еще ждет в теософии. Когда все было рассказано, то эта теща оказалась копией с нашей тещи. Конечно, есть на свете чудесные старухи, но, как правило, теща — это эгоистическое существо, гусь, отстающий от стада в убеждении нелепом, что стая возьмет отстающего гуся себе на крылья и понесет. Но гуси и сами едва могут летать. Гуси, по жестокому закону природы, окружают свою тещу и забивают. Наша человеческая теща вопит против этого закона, но голос ее не слышен, потому что ведь не во имя правды, а за себя вопит, притом здоровые сильные люди дело делают, летят на место гнездований, а мораль тещи вся от себя...

– Дочь меня очень любит, — рассказывает бывшая красавица, — но с какого-то времени, когда пришла крайняя нужда, она похолодела и так осталась: огрубела.

– А зять?

— Ничего, только я для него не существую, часами сидит возле меня и ни слова.

И как же это зятю не огрубеть, если он в вечной борьбе: ему 63 года, у него склероз, голова кружится, без палки ходить не может и с утра до ночи в борьбе. Его бы надо ободрить, а теща может с ним говорить, только опираясь на свои страхи. Он только и живет надеждой, что этим летом кончится война, она же пользуется всяким случаем сказать наперекор ему, что война [нескоро] кончится и много впереди всего худого.

Ездил на Клязьму за штакетником для забора. При пробуксовке в правом заднем колесе срезало шпонку. Провозился я с ней часа три. Шпонка — это небольшой железный квадратик, наполовину толщины вставляется в ось, другая половина квадратика выступает и этим выступом удерживает колесо от свободного вращения вокруг оси: движение всего автомобиля обеспечено шпонкой. При большой вращательной нагрузке, перед тем как разлетелись бы шестерни, срезается шпонка и движение машины прекращается. Значит, шпонка является предохранителем, как в штепселе с электрическим током, прежде чем сгореть пробочке, сгорает тонкая проволочка. Когда у меня срезало шпонку, я отправился в военные мастерские, и там мне сделали шпонку из штыка. Когда выпиливали квадратик, я думал о нас всех таких как я разных художниках, артистах и вместе с тем вообще о человеческой личности и роли ее хотя бы вот теперь на войне: весь ход государственной огромной машины опирается, конечно, на личность как на шпонку. При напряженности движения личность как шпонка срезается. И вот я, Михаил Пришвин, что я сейчас, держу ли я на себе какую-нибудь рабочую тяжесть, или меня уже срезало?

Вся германская мораль «большой войны» зиждется на мысли: вначале было дело, не Слово, а именно дело (Фауст). И всякая революция начинается: вначале дело, без всякого «во имя». «Дело» — это значит воля, вытекающая не из представления (Слово), а из разума практического, определяющего границы действия. В этом смысле «идеал» достижим, как разумная цель.

Немцы провалились в своем порыве по тем же причинам, как и Раскольников в своем преступлении. Причина эта заключается в подстановке частного вместо Целого: человек в своем Racio есть частное, Целое — Бог. И это рассуждение выражается одним единственным, пошлым, но полным глубочайшего значения словом «просчитались».

Вечером лейтенант поманил меня с дороги: «Подойдите на минуточку, папаша». И когда я подошел, он рекомендовался: Николай Иванович Вознесенский. Оказалось, что он ежедневно проходит мимо моего дома и всегда видит меня занятым уходом за машиной. Так вот, он может мне предложить переноску, молоточек, конденсатор, шину.

— Давайте, — сказал я.

И через $^{1}/_{2}$ часа он явился на велосипеде с вещами и уже подвыпивши. Я спросил его, сколько стоят вещи.

— Выпить с вами по 100 грамм и побеседовать.

Мы так и сделали, и после он обещался дровец привезти. Так что вроде ангела. Да и вся наша жизнь с Лялей стоит на ангельских крыльях. На этой почве и я у Ляли с одной стороны явился на ангельской (служебной) почве. Но в конце концов мне думается, то она у меня состоит в ангелах...

5 Июля. Утром ездили к Никулиным, застали одну Ольгу Семеновну. Очень милая и достойная женщина (не первую встречаю такую грузинку). У нее сын в партизанах, мать в параличе (только голова движется и рука), а она вся отдалась огороду и уходу. После рассказа ее о сыне (жив ли?) я, стараясь утешить ее, сказал: — Мы ждем конца. — Ждете? Вот хорошо бы. Но вот был Папанин, у нас много бывает таких людей, я его спросила, и он мне ответил, что скорее всего кончится в 45 году. Это, конечно, правильно, если спокойно рассчитывать. Но ведь смерть как хочется конца, не терпится, и возможность быстрого конца, конечно, есть.

Перед самой дверью моей летней хижины в саду веточка и на ней растет яблочко. Каждый день я смотрю на

него и что-нибудь замечаю, то раз заметил на его пупочке пучок уже засохших тычинок, когда-то опыливший материнский пестик, то на яблочке, как на черепе ребенка, определятся выпуклинки и ребрышки, то явится белесый пушок, то заметишь, как под тяжестью плода сгибается дужкой ножка, соединяющая его с веточкой. А вчера Коля Воскресенский, садовник, занимающий пост начальника гаража, подвыпив, сказал: — Нужно только слушать, понимать, а то ведь деревья все говорят о себе...

Мое страшное безделье, порой порождающее мучительную тоску, наверно необходимо, как переживание, возможно, придет время, и окажется, что в моем продвижении оно было необходимо, как необходимо время, чтобы копилка наполнилась монетами.

Они, конечно, все верят: и философы, и поэты, но только не знают об этом и занимаются делами случайными. Вот почему Сократ и наставлял людей, чтобы каждый из них стремился познать себя самого.

Мы ведь все жили в благополучии и, если с кем-нибудь случалось несчастие, старались помочь и иногда тоже в несчастии помогали. Но случилось так, что все мы, прежние благополучные, попали в несчастье, и некому стало помогать. Между нами и вами теперь разница лишь в том, что мы никого не виним в несчастье и только хотим сами себе помочь. Вы же, беспомощная, все время держите в уме нарушителей вашего прежнего покоя и тем отводите себе душу. Помните, что есть только два способа, чтобы не отстать от времени: первое — это борьба, второе, если этих сил нет, надо вызвать из себя силу смирения, чтобы не мешать собой людям, которые всегда жить хотят.

Полушутя я сказал: — А если я так мешаю, так возьму и уйду. Полушутя Ляля бросила: — Попробуй-ка, уйди.

6 Июля. Вчера Ляля уехала в Москву за продовольствием, я один с тещей и думаю о ней, как о человеке до-

стойном, но который вышел из времени. Почему человек выходит из времени, иначе говоря, преждевременно умирает (духовно). Только временный человек может выйти из времени: сколько у нас было таких писателей! Так и все люди, одни выходят при жизни своей, другие остаются после смерти в памяти очень надолго.

«Временные» люди — это иначе назвать эгоисты: думают только о себе. Как бьется Ляля, чтобы не попасться в эту ловушку времени!

Ловушка времени — смерть.

Перед человеком стоит задача великая: не попасться в ловушку времени. Жена спасается любовью, муж — творчеством.

Итак, «современный человек» — это не тот, кто приспособляется ко времени, меняется сам как хамелеон. Современный человек — это кто мысль своего поколения узнает в другом, держится за нее и не отстает в новом времени от молодых. Человек, выходящий из времени, всего боится — это раз, и второе, от чего он боится всего нового, это гордость, основанная на предрассудке старого времени.

<*Зачеркнуто:* Физиология любви.> Бог мой, да я разве посягаю на нее: она спокойно прошла, даже не взглянув на меня, и наверно я больше никогда не встречу ее. Но после нее во мне осталась форма стана и ослепительное на солнце раздолье ее белой груди. Что-то вспыхнуло во мне, и весь мир со звездами и паучками, и ландышами, и козявками всколыхнулся в едином чувстве любви обнимающей. И почему это грех?

Нет. Но если я отдамся этому чувству и войду в него не поэтом, а всей личностью, оно неизбежно приведет меня к долгу Адама обрабатывать землю в поте лица, к тому долгу, который поглотит собой то первое чувство любви. Есть одно-единственное средство сохранить навсегда чувство радостного объятия всего мира первой любви. Это средство при первой вспышке добровольно взять на себя немедленно страдание жизни (крест) и обратить страсть смертных в Христову страсть бесстрастную. (Так поэты и делают, как Лермонтов.)

Теперь, когда подходит конец нашего пятого года любви, бывает, представится, что нашему ребенку было бы скоро четыре года. Тогда у меня это становится полувопросом, полуупреком (я-то ведь за нее боялся и делал не для своего удовольствия). Для нее же это не вопрос, а только болезненный упрек: от кого-нибудь — нет, но от меня, ей кажется, она должна была иметь ребенка.

Ляля приехала из Москвы, там она встретила Елену Исааковну Уфлянд, и та ей рассказывала о нравах на фронте («Одна только я устояла»). В конце войны этим летом совершенно уверена и даже больше: — На фронте везде идут разговоры, что немецким семьям пощады не будет от «русского» солдата.

Гитлер правильно говорил, что это будет большая война. В том смысле большая, что в нее включаются идеи всего мира или что в ней участвуют все боги. И по числу жертв (относительно числа составных единиц народностей) и по роли еврейских капиталов в Америке видно, что еврейский вопрос (и смежное с ним христианство) является коренным вопросом войны (все вертится где-то около этого). Тайные пружины войны скрыты от нас, возможно, что и сами коммунисты идут, как коровы...

И вот опять еврейская черта. Помню, как я у себя под диваном во время нашествия Мамонтова упрятал Розу. А когда казак за 100-рублевую керенку подал мне в окно рулон ситца, вылезла Роза и сказала: — Нельзя ли и мне тоже за керенку? Точно так же и теперь в лимитных магазинах жидовочки как ни в чем ни бывало на высоких каблучках юлят-роятся возле продуктов, что-то смекая, кому-то подмаргивая.

– Это герои, — говорил Вальбе, — евреи, только евреи спасут русских. — От чего спасут? — Осталось без ответа.

Может быть от христианского идеализма? Но разве русский кулак хуже еврея чувствует материю?

Несомненный факт, однако, что Эренбург является виднейшим писателем нашего времени, и по заслугам. По

существу, как художник, он совершенно ничтожен: нет в нем ничего. Но он знает, о чем пишет, и ему можно писать о мести, не пишет, а скрежещет, как шестерня при неправильно включенной скорости.

Можно ли представить себе Пушкина с больной женщиной на руках, пусть даже мать, и что ему приходится своими руками ежедневно ставить ей клизмы? И то же самое, взять преп. Серафима, чтобы тоже и ему в этом копаться. Нет! И поэзию, и молитву охраняет от житейского долга атмосфера долга пустыни. Поэт и молитвенник в своих пустынях видят жизнь в миражах. А социалисты и нигилисты, с Базарова и до Ленина, всем поэтам и святым предлагают взять в руки клизменное дело и проверить всю поэзию и религию на уходе за ближним.

Сосед мой, Яков Дементьевич, мужик длинный: живал на хороших местах. Сегодня я начал прибивать к слегам решетник, он подходит и говорит: — Вот, М. М., прошлый год не стали бы на такую работу: все еще разбирали готовое, а не собирали. А теперь вы не один начинаете прибирать возле себя. — Выходит, — сказал я, — мы с вами теперь самые передовые люди.

– А как же! Мы начинаем, и вот погодите, кончится война, валом повалит на землю народ: жить-то ведь теперь каждому хочется.

Правда, будто теплым ветром повеяло, и каждый это чувствует.

7 Июля. Слышал кукушку — еще поет, но траву в саду скосили.

Пришиваю палочки к слегам забора личного моего участка земли с яблонями, ягодами, огородом и чувствую, что в этом деле я начинаю такое, чем скоро будут все заниматься и о чем сейчас все мечтают.

Как назвать эту грядущую перемену жизни? У нас было время прямого разрушения старой жизни, после того началось время строительства, которое сопровождалось строи-

тельством личной жизни и относилось исключительно к государству. Теперь, только теперь после 27 лет личного разрушения на пользу государства (в этом-то ведь и есть наша сила) начнется время личного строительства. Мне кажется, что после такой революции и такой войны презрительное название «мещанство», в русских условиях применяемое к личному материальному устройству, отпадет.

8 Июля. Эта суббота была вчера, я ничего не записал и теперь в воскресенье не могу уже вспомнить, чем отметился во мне этот день. А ведь было непременно что-то... Ах, вспомнил, как трудно мне было разогнуться после работы на солнце над забором. И что вечером, сидя с Лялей на крылечке, слушали салюты из Москвы (Барановичи). Еще помню, как мальчик Боря в это время, как я работал над забором и тяжко вздохнул под тяжестью адамова труда, тоже взял пример с меня и тоже так тяжело вздохнул. И я (старик оказывается!) с улыбкой подумал о тех нас, кто в прежнее время, сам лично не зная тягости физического труда, вздыхал и сочувствовал, сколько нас таких было, и все это теперь прошло!

Ну вот, слава Богу, этим вздохом ребенка отметилась моя пропущенная суббота. И да, какое это большое дело взглянуть в лицо проходящего дня.

Ия сколько лет была руководящим лицом в комсомоле, но когда услыхала о новом законе о материнстве, что за 10 человек детей женщина получает звание матери-героя, сказала: — Мне бы стыдно было получить такое звание. — За что? — спросят. — И я должна буду ответить: за то, что рожала.

Но, конечно, стыд выходит не через рождение: оно — священное событие в личной жизни частного человека. Стыд происходит от вмешательства государства в интимную жизнь человека, из-за чего рождение человека приравнивается к любому производству. Какая-то последняя грань русского нигилизма, за которой остается лишь воскликнуть по-русски: — Хуй ли, еб вашу мать!

Николай Иванович Вознесенский из села Воскресенского, молодой человек (27 лет), садовод по профессии, ныне лейтенант, заведующий каким-то гаражом в Москве. Проходя ежедневно мимо моей дачи, он видел, как я шкурил столбы, как ухаживал за машиной: смазывал, надувал баллоны, мыл. Подумал, что я это для кого-то делаю это все. Недавно, проходя мимо меня навеселе, он поманил меня пальцем и спросил:

— Ты, дедушка, кому это помогаешь?

— А я сам себе, — ответил я, — помогаю: я писатель и стараюсь все для себя делать своими руками.

— Разрешите мне вам помочь, — сказал он с большим почтением, — у меня есть замечательная лампа-переноска, есть конденсатор, молоточек для трамблера, хотите я сейчас вам привезу на велосипеде.

— Привезите, — говорю, — только не знаю, как я расплачусь.

— А ничего не надо, поставьте 100 гр. вина, распейте сами 100 гр. со мной, и я буду очень доволен: я больше всего дорожу хорошим обществом.

- Ляля, — объявил я дома, — к нам прилетел ангел: и шофер, и садовник. Сегодня «ангел» явился с женой и девочкой и начал нам служить. О каждой яблонке, вишенке, о смородине и малине рассказал, что нужно делать, выслушал мотор, опять очень неглупое сделал замечание. Осмотрев хозяйство, обещал дров привезти и, когда уходил, попросил разрешения привезти сейчас на велосипеде молочка.

Вечером в постели я сказал Ляле:

— Ты, живя со мной, была не раз свидетельницей явления подобных неведомых друзей, вспомни Митрашу. Вот за это я и живу в России и люблю русский народ.

— Почему же русский, — спросила она, — разве англичане или любой народ хуже?

— Наверно, не хуже, — ответил я, — но ведь это отвлеченно и неощутимо для меня: ни языков как следует не знаю, ни какого-либо соприкосновения не имею. Вывод, конечно, делаю: человек везде человек. Но как я могу лю-

бить «вывод»? Люблю я только русского человека и только на основании этой фактической любви делаю заключение о том, что у всех народов есть свои хорошие люди.

Подвез из Зверосовхоза двух женщин до пушкинского базара. Это были хорошие отшлифованные советские женщины и понимали, что неудобно предложить нам за провоз плату. Вот почему, выходя в Пушкине из машины, они сказали нам на прощанье: — Благодарим вас за сознательность.

Карьера Вознесенского. Был ранен по рукам и ногам осколками, и постепенно все раны зажили. Определился начальником гаража в Москве: дело само по себе пустое. Но он женился, и в эту семью в Пушкине очень нужна была помощь машиной. Хозяйство деревенское сложилось с городской машиной и процвело. Теперь у них две коровы, свой дом, поросенок и все блага.

10 Июля. Едим клубнику, в лесу черника поспела и земляника, завязываются помидоры. Где-то из окна машины видел рожь, — хороша ли? Не удалось рассмотреть.

Только то, что я делаю сам, значит, с чем я соприкасаюсь целой своей личностью, связано со мной бесспорно и образует мою собственность. (Единственный и его собственность и все, чему учит Л. Толстой...)

11 Июля. К 10 утра приехали к Никулиным и в 11 выехали в Москву все, с тещей. Узнали, что сбавили бензин до 70 литров. Ночью вся моя жизнь мне представилась, во-первых, как одинокого человека (монаха), выплачивающего налог тоской и поэзией и, во-вторых, в старости получившего встречу с другим человеком. Эта тема у Дефо изображена в отношениях Робинзона к Пятнице, т. е. в подавлении высшим существом низшего (рабство). У меня же происходит встреча равных людей, и в этом любовь, как борьба за равенство, достигаемое служением друг другу (кто больше сделает для другого?).

Во всяком случае после встречи с Лялей жизнь моя переломилась, и мой любимый «Лес» заменился «Садом». Мой лес был в том, что насаждения его все были сделаны не человеческой рукой, а родились и выросли сами. И мой рай в этом лесу был в том, что хожу в нем без своего «дела», рассматриваю все, удивленный, раздумчивый, восхищенный и, в конце концов, благодарный. А этот Лялин сад, который она называет для себя тоже раем, состоит в постоянном делании, в тревоге за жизнь существ живых, в помощь им, в тревоге за них, заботах. И потому жизнь в саду — это совсем другая любовь, чем в лесу.

Ляля потому расточает себя в саду, что эта работа с заботой о растущих существах заменяет ей материнство.

Выходя утром в этот садик, я иногда чувствую тот сад, где я родился, и это чувство к родным деревьям оказывается совсем не то, что я нажил к диким деревьям в лесу.

Лялина материнская нервная, сверхделовая работа в саду под предлогом обеспечения нас овощами иногда подавляет меня, и кажется, что если это исходит у нее из «вечно женственного» начала, то и во мне есть вечно мужское («Лес»), которое должно стоять за себя. Чувствую себя в этом саду-раю как младенец в материнской утробе: тепло и светло и хорошо, но все-таки надо и вылезать на свет Божий из этой утробы.

Эта поздняя любовь имеет ту особенность с точки зрения среднего здорового человека, что слишком приподнята, что все обыкновенное «естественное» преувеличивается, но с другой стороны посмотреть в наше-то время на все «естественное» — что это?

12 Июля. Вчера вечером, постояв на дворе Лаврушинского переулка, продолжал вести машину в гараж на Якиманке. Вдруг милиционер останавливает и отбирает права. Оказалось, на запыленной машине дети, пока машина стояла на дворе, написали пальцами «почти что фашистские знаки». —

Выйдите, поглядите. Я вышел и увидел на машине «хуй». После долгого спора права получил обратно. И думал о матерях-героинях. За рождение 10-ти вот таких негодяев: родила 10 — и героиня, а о той, которая воспитала 10 чужих — кто она?

Предложил этот вопрос А. Н. Раттаю, и он ответил:

— Это вы с моральной точки зрения, а государству просто люди нужны.

– Пушечное мясо?

— Пусть хоть пушечное. Обучат, и воевать будут тоже герои.

Ни малейшего противоречия он в этом не видит.

Возишься иногда целый день над технической работой, чего только ни придумаешь, чего ни сделаешь, и сам от этого не поднимешься. Внутреннему человеку от технических работ ничего не прибавляется. Так что технический ум изобретателей, инженеров, строителей работает независимо от нравственного сознания. Это всегда понимали люди религиозные. Удивительно лишь, как могли массы людей уверовать в такого рода «прогресс», так очевидно опустошающий внутреннего человека.

Техника в руках некультурного человека так же действительна, как и в руках культурного. Техника аморальна. Техника завлекательна и затягивает в себя человека подобно болоту (берешься на досуге чего-нибудь починить и «незаметно» проходит большое время). В технике ты тратишь время не для себя: ты делаешь машину, другой, ничего в ней не понимающий, садится в нее и едет. Связь этих двух людей не нравственная.

Машина — это организованная для полезного действия материя.

Современное государство — это машина.

Приходил Володя, коммунист из бывших беспризорников. Пробовал с ним говорить о личности вне государственной организации, личности «бесполезной». Он понял это, как свободу делать, что хочется.

— Это индивидуум, — сказал я, — человеческая особь, а то личность, как ощутимый нравственный идеал человека.

Он не понимал меня, и мне думается, что у советской молодежи, пожалуй, даже вовсе и нет сознания потребности в этом. Скорее всего, это личное сознание у них перешло в бессознательное действие (делается нечто само собой «нутром»).

В машине приятное — это когда все слажено. Думаю, это чувство приходит от компенсации беспомощности, когда что-нибудь ломается. Машина вообще учит порядочности.

13 Июля. Затащили в ЦДРИ «в гости». Думал, правда, в гости, а оказалось на выступление о Чехове в комсомоле. Говорил хорошо, но им малопонятно.

И опять навертывается мысль, что, пожалуй...<*Далее текст вымаран.*>

И мы теперь сравниваем общество высококультурных людей нашего времени с этими массами. Ну конечно...

А я что говорил? Что Чехов — поэт нежных прикосновений к страдающей душе человека, что ему не хватает героических порывов, подобно Горькому. Но ведь кто из нас не пробовал героический путь? Всем хочется быть героем, попробуешь и останешься ни с чем. Бывало, в юности едешь домой героем: чего-чего о себе не надумаешь и везешь показать домой. А когда приехал, всего-то тебя рассмотрят, и тебе самому станет стыдно за свой надуманный героизм, за свою позу. Среди родных, просто любящих людей ты проверяешь себя и сбрасываешь все лишнее.

Вот Чехов и был у нас таким раздевальщиком «героев», читая Чехова, становится стыдно позировать. Чехов своим искусством давал нам образцы поведения, он был в числе десяти, двенадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. И это было согласно простому народу, который в наше время верил, что книги не пишут, а они падают с неба. Вот почему в наше героическое вре-

мя и выдвигается Чехов, как великий писатель. В наше время героических требований к личности Чехов, яркий представитель нашего русского родного дома, каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет, или пустоцвет.

Недаром Калинин, восхвалив Чехова, вдруг сказал: — А Горький ведь был не так велик, как его представляют, он больше был публицист. — Правдоискатель? — поправила Ляля. — Публицист, — повторил Калинин.

И теперь становится ясно, что героическое время Горького прошло, все исчерпало себя.

Сегодня я Ляле сказал: пять лет мы живем вместе, и с первых дней я ежедневно молюсь. И еще я выполнил долг для тебя: бросил курить, было мне очень трудно, а для тебя бросил.

– Скажи, чем ты можешь похвалиться?

– Всем, — ответила она, — меня же нет, я все свое тебе отдала.

— Но в саду ты работаешь для себя?

– Это совпадение: я работаю для вас, но мне эта работа самой нравится. А впрочем, уже и кончается увлечение.

– Кончается? А что же остается?

— Остается работа для тебя и для мамы.

Если бы у Ляли были дети или она бы могла быть артисткой, что бы это было! Как бы она тогда жила для себя?

Нет! Как бы ни был хорош человек, трудно удержаться от самости, когда человек говорит, что он живет не для себя.

14 Июля. Впервые ощутимо понял, что Наполеон уже содержится в <*1 вымарано*> и предусмотрен, и меры против него приняты, он осознан, заключен и им хорошо пользуются.

15 Июля. В 6 утра привел машину. В 10 наливали бензин. Потом вылавливали ордера на материалы по ремонту дачи. (Встреча с читателем. — Хорошо вас знаю и люблю. — Как вы

узнали меня? — Начал в военной школе, а после сам следил и покупал книги. — А за что вы цените меня? — За то, что вы пишете только о том, что знаете, т. е., виноват, переживаете.)

Мне было встретиться с читателем очень приятно, тем более, что получение войлока зависело от него, и он мне дал в три раза больше, чем я просил. Да, это счастье! И его хватит мне на всю жизнь. Так точно вот и с машиной: сейчас бы научиться ездить по Москве — не мог бы, а вовремя научился и теперь езжу. И то же писать — написал когда-то и создал себе продолжение жизни. А если эти примеры к чему-то свести, то все сводится к делу любви: вовремя надо начать и с этим выступить в старости против смерти. Мучения стариков в том, что поздно спохватываются в деле любви: видят, что это начать, а уже поздно и не могут.

Ремонтировал ручной тормоз у Н.И. Вознесенского. Успел с полчасика соснуть и отправился в Большой театр на Чеховский юбилей.

Волк-одинец проф. Гроссман
Москвин
Качалов (шпонку срезало)
Конец Бунина
Ольга Леон. Книппер-Чехова
Тенор Козловский
Речь Леонова и Тихонова
Старики: Вересаев, Шишков, Телешев
Скорость? На машине и жара, 40 минут, надо успеть к вечеру.
Журавлев
Козловский «Средь шумного бала»

Бодрил, бодрил Чехов и вдруг «Три сестры».

На самом деле Чехов — это предчувствие революции, как смерти. И жалкий лепет человека и потом (в будущем) счастливая жизнь.

Конечно, Чехова выставили на смену Горького: Чехов в Большом театре — это конец Горького.

Какое это большое дело работать теперь над своими дневниками!

16 Июля. Выехали на дачу в обед. Авария с гудком и пожар в динамо: там подогнулось и замкнулось реле, здесь потерял провод. Итого подсчитал аварии выхода машины из завода:

1) коллектор выхлопной трубы,
2) прокладки выхлопной трубы,
3) шпонка лев. колеса,
4) шпонка прав. колеса,
5) ручной тормоз,
6) гудок от сдвига реле,
7) пожар в динамо,
8) реле в динамо от провода,
9) аккумулятор сел,
10) погнута тяга передняя.

17 Июля. Читал «Монну Ванну», никак раньше не думал, что это так хорошо. Только боюсь, что уход Ванны не похож на современную правду, неестественный, тем более, что сам же автор «спасенных людей» представляет ничтожностью. У современного читателя является вопрос: стоило ли Ванне отдавать свою «честь» за жизнь столь низменного общества. Да, конечно, уход Ванны взят напрокат из классической трагедии. Давно, давно уже нет в жизни этих подвигов.

18 Июля. Усталость от убийственного безделия (внутреннего) и московской суеты, а может быть отчасти и оттого, что питанье неважное (картошка кончилась, есть новую жалко).

Вчера заходил Коля, опять выпивши, и порол нам без остановок и поправок о том, что после войны «того что теперь есть» не будет. Главные свои точки он ставил на этих начальников. — У нас, — говорил он, — там, на войне те начальники приказывают согласно с нами. Если командир видит, что такой-то солдат знает в чем-то больше его, то с

ним посоветуется и потом всем уже прикажет, и каждый из нас понимает, что приказ этот нужен. А здесь эти начальники приказывают только потому, что они начальники. И этого не будет после войны.

А вспомнишь, как говорил инж. Вольф о необходимости военно-иерархического начала в тылу и ликвидации левой болезни.

Так, еврей Вольф и полуинвалид русский Коля — это острие против острия, и только сходятся в одном, в отрицательном отношении к партийному вмешательству в деловые отношения.

И так все держится у нас тем, что держится немец как враг. Только наличие врага обеспечивает наш нынешний порядок. А что будет без немца?

Чеховский вечер в Москве — это рассказ о том, как бабушка по сусеку мела, набрала муки горшни с две. Да, всего только горшни с две старой подопревшей муки. И колобок из этой муки не побежал...

Из кожи лез Леонов, хотел потрясти и потрясал только себя, да и то плохо: в тайне тоже маловерный.

Узнал о Бунине, что он выступал в Париже против Гитлера, был посажен и выпущен, а потом по пути от Женевы до Парижа схватил воспаление легких и умер. Телешев и Вересаев говорили, что перед войной он просил устроить ему возвращение в Россию. Почти то же рассказывали и о Шмелеве. Вот кому, значит, по настоящему-то плохо пришлось за эти четверть века <*вымарана строка*>.

Самое же плохое в этом, что и Телешев и Вересаев друг перед другом старались представить обращение Бунина как радостное событие, чем-то вроде торжества святого чувства родины. Родина, родина! А где же сам человек? И не потому ли у них возвеличивается родина, что ты-то сам ногами на ней стоишь и, поднимая ее, ты сам поднимаешься?

А впрочем... вот и Шаляпин тоже умер в тоске на чужбине и пусть даже в сознании неправды своего поступ-

ка (эмиграции). Но из этого никак не следует, что мы-то <*1 строка вымарана*> можем кичиться своей какой-то правдой перед теми страдальцами.

– Куда память девалась! — воскликнул Вересаев, ища сочувствия у глухого Телешева.

— А я не слышу, — ответил Телешев, — вы что говорите, Викентий Викентьевич?

– Память, память!

— Ах, память, а я вот глух.

— А я вижу плохо, — говорил Шишков. — Куда что девалось?

Москвин один, совсем молодой говорил о Чехове в свете любви. Он тронул меня. Я обнял его, и мы сели, за минуту незнакомые, в одно кресло: я в кресло, он на ручку: и говорили, говорили, как юноши.

Да, старик должен быть идеалистом, в этом может и быть весь смысл жизни, чтобы за время ее течения в человеке размылась материя и осталась чистая идея.

– Так вы говорите, что мне речь моя удалась? — спросил Москвин.

– Единственная речь.

– И так вот вся жизнь: сколько выступал, сколько учился и ничему не научился: каждый раз выступаешь с волнением и с тревогой спрашиваешь: ну как?

– И так надо, — ответил я, — в этой тревоге таится бессмертие.

Нас перебили, и я теперь не знаю, понял ли Москвин мои слова. Но я из беседы с ним унес полное убеждение в том, что старец необходимо должен быть идеалистом.

Акуловское водохранилище схоронило в своих водах Акулову гору, упоминаемую в стихах Маяковского. Под горой были деревни и села с их полями, стадами. И хороводы водили когда-то под Акуловой горой, и дрались на улицах до смерти в годовые праздники пьяные мужики. И митинги были в начале революции, выступали всякие

ораторы. Теперь все под водой, и только сети рыбаков приносят иногда какие-нибудь предметы хозяйства, утварь, инструменты, и кое-какой хлам прежнего схороненного мира.

Мы сидели сегодня на песчаном берегу с прекрасным пляжем. Ляля пошла купаться. Я смотрел на воду. Легкий ветерок рябил. Но вдруг ветерок повернулся, рябь стала против солнца, и каждая маленькая волнушка сверкнула, как будто миллионы рыбок прыгнули из воды на солнце.

Ни та, ни другая плотина не были мне видны. Только большая вода, и леса вокруг, и дерево сухое на берегу, полузасыпанное песком. Казалось, сотни лет прошли, пока все так сложилось вокруг, выросли эти леса, нанесло водой столько песку. А между тем я сидел на вершине Акуловой горы, этой самой, под которой какой-нибудь десяток лет тому назад крестьяне пахали и Маяковский писал стихи. Казалось как прежде, будто это большое озеро в лесах или само создалось, или Бог его сотворил. Но я в то же время знал, что не само озеро делалось и не Бог его творил, а делали люди, имея в виду свою частную пользу. Впрочем, это знание не расстраивало привычного мне чувства благоговения перед лицом природы.

– Почему это, — стал я доискиваться, — такое знание в этот раз не расстроило моего чувства благоговения? И вскоре доискался я причины. Я имел в кармане постоянный пропуск в запретную зону этого водохранилища, и никто здесь не мог помешать предаваться своим думам и мечтам. Как хорошо! И вот это именно, что я мог, что я имел законное право во всякое время здесь на залитой Акуловой горе оставаться и быть самим собой, это именно и не расстраивало моего благоговейного чувства даже при знании того, что озеро это искусственное. Даже напротив! Имея пропуск в запретную зону водохранилища, я чувствовал себя здесь отчасти хозяином и в этом чувстве обретал свободу, подобную той свободе, которую всегда чувствую, управляя своим собственным автомобилем. А когда я свободен, я добр, я для всех хороший человек.

И вот на вершине Акуловой горы мне чудится будущее,

когда все машины, сквозь которые рычат на нас теперь все дьяволы нашего века, перейдут на службу хорошим людям на добро и на счастье людей.

И почему же нам теперь, людям, преданным идеалу свободной богоподобной человеческой личности, не начать сегодня же, сию же минуту суровую борьбу за обладанье машиной?

Но не это ли самое говорили нам коммунисты, принимая в свои руки государственную власть, и действительно, все они были «хорошие люди». Почему же это несомненно хорошие люди сделались просто шоферами огромной государственной машины.

<2 строки вымараны.>

19 Июля. Сижу в нашем садике по три дня без газет, не хожу к соседям справляться о событиях по радио. И не потому, что нет интереса, а не хочу тянуться за яблоком, если знаю, что оно рано или поздно поспеет и тогда само мне в рот упадет. Ох, и яблочко, яблочко!

Война еще не кончилась: под конец ее людей убивают еще больше, чем раньше. И нужно же до того перестать чувствовать жизнь, чтобы вот именно когда женщины плачут и стонут о любимых утраченных, назначить им награду, если они опять народят и так заменят утраченных новыми. *<3 строки вымараны.>*

Вспоминается А.С. Яковлев на чеховском вечере: подошел к Ляле и стал восхищаться Чеховым и вечером, когда Ляля плакать хотела за Чехова. Сколько лет глядел я на Яковлева, подумывая, уж не убийца ли он какой-нибудь, уж не скрывает ли он от нас в себе какое-то непростимое преступление. И вдруг вся тайна открылась: Яковлев это человек, почти гениально скрывающий от нас свою глупость.

Профессор Бродский, литературовед, стал похож на серого волка-одинца: старый, зубы потерял и в стае больше ходить не может. Серый костюм на нем висит, как на вешалке: куда что девалось. А между тем повадки все прежние, та же манера деланной экспрессии, с таким напря-

женным выговариванием слов, что слушатель удовлетворяется этим усилием и смысла за словами не ищет.

Певец Рейзен сравнительно с Бродским в блестящем состоянии, но почему-то легко представляешь его в будущем тоже голодным старым волком.

Какая ягодка выглянула из-под листика, столько ухода было за грядкой, чтобы она так выспела. Гляжу на нее, раздумывая о том, что трудятся люди почти все одинаково, разве только что один поусердней, другой поленивей, но глотают ягодки по-разному. Бывает, жрет как свинья, распуская слюни, и похрюкивает. Бывает... а впрочем, разве перечислишь всех потребителей. Но бывает среди них прекрасный человек, получающий наслаждение и награду себе в том, что угостит меня, и я, поэт, глотаю ягоду с восторгом и благодарностью.

Под вечер стих ветер, солнце за озером, прищурясь, глядело красным глазом.

– Александр Васильевич, — сказал я, — приехал я к вам сюда по старинной дороге, обсаженной старыми березами, куда ведет эта дорога?

– А вот она ведет под воду, глядите.

И указал эти старые березы у самой воды.

– А на другой стороне озера, глядите туда, видите: выходит из воды и продолжается.

Дорога была затоплена. И с ней вся тысячелетняя, а может быть, да и наверно еще много глубже во времени, жизнь человеческая.

Село называлось Проскурово, как в «Дубровском». Вот и церковь была, теперь развалины. Взорвали в 31 году ни для чего: железо и сейчас так лежит. Кладбище осталось беспризорное, вода подмывает, подмывает... нет-нет, и увидишь, как по воде гробик плывет.

Да и мало ли чего! На обыкновенном озере лодку поставишь, она и стоит себе, а здесь вода самая тихая, а лодка уйдет, да еще и так: сегодня в одну сторону, а завтра в другую. В этом озере, кажется, живет беспокойная рас-

строенная душа, сегодня берется за одно: размывает этот песок, а завтра это бросит и начнет с другой стороны.

– Это озеро все из слез человеческих.

– Но так ведь и вся земля, и все мы выживаем на кладбище.

– Пусть! Там же тысячи и миллионы лет проходят, а тут ведь все было в 31 году. Там все успокоилось, здесь все бродит. То люди ушли в неведомую сторону, а то откуда-то гроб приплыл.

– Ну, а как эти куличок, трясогузка?

– Разве их поймешь? С виду все такие же кулички как кулички, но так ведь и все озеро: с виду как будто озеро самое настоящее, а вглядишься...

– Только что сам сделаешь, только то и радует тебя и в этом только и чувствуешь ты себя свободным. Согласны, Александр Васильевич?

– Совершенно с вами согласен.

– Тогда чего же долго думать о свободе и о путях к ней: свобода таится в себе самом, и путь к свободе старинный: познай самого себя. Согласны, Александр Васильевич?

– Вполне согласен, но вон, видите, тоже старинный путь был по тем березкам, и нате вот: ушел под воду и все, кто шел по нему, остался под водой. И мы по этой воде и нашим слезам плывем теперь на лодочке и рассуждаем о свободе. Правда ваша, конечно, свобода в себе, но ведь они тоже так думали, жили, догадывались, выдавали дочерей, женились, и вдруг — нате! Неправильно! Идите рыть канал. И весь их старинный путь ушел под воду. Как с этим помириться, как соединить Ленинград с Петром, и град Петров с бедным Евгением, и как согласиться с пожеланием Пушкина: «Да умирится же с тобой и покоренная стихия».

Это искусственное озеро слез, из которого пьет воду вся Москва, эта покоренная стихия про себя никогда не мирится, и если выйдет такой тихий вечер, как сегодня, то нельзя верить даже такой тишине и доверить свою лодку

воде, оставь ее без привязи — и лодка уйдет, и ты догадаешься, что стихия ничуть не умирилась, а только пережидает и втайне действует.

Выкатилась на шкуренном еловом столбе золотая капля ароматной смолы и так осталась.

С малознакомыми людьми, конечно, и не надо бы затевать об этом разговор, но они сына потеряли единственного, люди страдающие, и с ними осмелился.

– Сознаю, что и после войны диктатура должна нарастать, тирания усиливаться, но в то же время жду какого-то света.

– А я не жду ничего, — ответил хозяин, — свет, это, конечно, это вполне понятно: все войны были полезны человечеству.

Он хотел, я понял, сказать: — А мне-то что? И всем, кто потерял на войне любимое единственное существо — им-то что этот «свет» скажет?

Глядя с лодки на развалины храма, он сказал: — Никто и не приказывал его взрывать, наверно оставался аммонал, захотелось побаловаться, взяли и взорвали. Сказать, чтобы я очень этим печалился, не могу: я неверующий.

– Совсем?

– Да, совсем, я ведь из старообрядцев, мы, староверы, вымираем. Одно в этом плохо, что жена была очень верующая, и я не мог ее тогда поддержать, напротив, подавал собою пример возможности неплохо жить и без Бога.

– Вот теперь бы, — сказал я, — она бы жила надеждой и даже уверенностью в будущей встрече. — Конечно, жила бы. А вот теперь жена тоскует, и не знаю, чем бы ее успокоить.

По Москве провели 56 тысяч пленных немцев с 20 генералами, и Леонов в усердии своего подхалимства увеличил эту цифру вдвое, написав — не людей, а ног: 114 тыс. ног. И такая вся его статья: старается, из кожи лезет. Почему мне так особенно неприятна его статья, и вообще все его ста-

тьи? Потому что в глубине души моей, как и Леонова, чисто русской, живет где-то там, в складках обоев самый паршивый бесенок, соблазняющий меня написать что-нибудь приятное для начальства. Мне кажется, этот бесенок близкий родственник тех бесов, которые сманивали Пушкина и Лермонтова держаться все-таки несмотря ни на что светского общества. Впрочем, с точки зрения религиозного подвижника или соответственно серьезного человека, все наше стремление сделать что-то «для всех», прославиться, исходит разве не из тех же самых источников?

Вспомнился брат Саша, какой-то артист по природе своей, которого нравственная Дунечка сделала доктором. Есть целый класс таких людей, класс артистов, служителей искусства, как все равно есть класс (каста) духовенства, торговцев, служащих, техников, ученых, земледельцев. Касты наверно так и строились на основе природных способностей людей. В марксизме классы тоже очень похожи на касты: феодалы, буржуазия, пролетариат, у нас в социализме теперь тоже касты рабочих, служащих, интеллигенции. Все отличие кастового общества от классового в том, что в кастовом делении считаются с природой человека и даже, пользуясь родовой силой, создают эту природу (пример: наше духовенство). А в классовом предполагается идеал человека в движении его к единству: предполагается, что человек каждый способен на все (и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник, он всеобъемлющий душой...), всеобъемлющая душа — вот современный идеал.

20 Июля. Читал статью Леонова в «Правде» о пленных немцах и вспомнил слова Калинина о Эренбурге: слова Калинина совершенно расходятся с действительностью. Вот вспоминается и как Тихонов в своей первой речи на посту председателя ССП говорил о каких-то «крылатых словах Эренбурга, облетевших весь фронт». Очевидно, наверху происходит какая-то борьба...

21 Июля. Недавно узнал от Пети, что Лева глубоко обижен на меня за то, что я не поздравил его 3 июля

(именины). Известие это меня ожгло и вернуло меня к той боли, которую чувствую я еще со времени выступления Ефр. Павловны и Левы против меня. Что это за боль, какое ее происхождение? Мне кажется теперь, что во время семейной драмы моей эта боль только реализовалась, но была она всегда, как в отношении Е. П., так и в отношении к Леве. Боль эта в отношении Е. П. была оттого, что я всегда жил в ожидании «настоящей женщины» и Е. П. понимал как ее заместительницу. И от этого происходила боль в душе, та самая, о которой я писал: «охотник, охотник, отчего же...» и пр. Перед Левой в связи, наверно, с этим отношением к матери его, как «заместительнице», я чувствовал постоянно свою вину. После его энцефалита, эта боль стала постоянной и все усиливалась при Левиных неудачах.

Но в чем же сейчас могу я себя упрекнуть? Если в том, что не помогаю им, то как помочь, если сам мало сыт и работать для еды (в 71 год) противно, не могу, устал. Напротив, думаю, мое отстранение идет им на пользу: не балуются, а работают, как надо. Единственно, что не очень хорошо, это мое равнодушие к их жизни, к детям. Но ведь всю тоску по человеку, порождающую интерес к жизни внуков, взяла у меня Ляля. Ну, так брось все это, Михаил, поступай как надо.

Петя зовет на утиную охоту 31 августа (через 10 дней) с Левой на два дня. За поездку: 1) приятно бы поохотиться, 2) хорошо компенсировать Леве его обиду, 3) хорошо успокоить несколько ту свою боль.

Против: 1) не хочется огорчать Лялю, потому что трепка в течение 2–3 дней не доставит ей удовольствия, 2) не хочется расстраивать машину, с таким трудом налаженную.

Итак, решаю: не ездить. В Москве немедленно объясниться с Левой и позвать к себе удить рыбу.

Итак, весь мой день этот посвящаю деловому раздумью о своей жизни. И так вместе с тещей — и коммунизм, и во-

йна, и суета в поисках продовольствия, все это до конца моей жизни, и что ничто не придет ко мне после войны, и что вовсе даже и не будет для меня этого блаженного времени «после войны».

Мало того! Отбрасываю от себя и ту обманчивую сладость, которая появлялась у меня раньше при мысли о перемене жизни: от «тещи» (понимая в ней всю сумму глупых и недобрых сил) никуда не уйдешь, пустыни где-то на стороне вовсе не существует. Мало того! Эта пустыня есть мираж, порожденный утомлением и отчаянием. А настоящая пустыня это не где-то в некотором царстве и когда-то при царе Горохе, а вот здесь, где я живу и вот сейчас, в это мгновенье. Моя пустыня — это вечная борьба за вечное мгновенье.

– Но, позволь, Михаил, вспомни Толстого, как он всю жизнь мечтал уйти в пустыню, наконец, решил бежать в нее. И мы все тогда считали непонятным для себя, почему Толстой не мог раньше спокойно устроить где-нибудь в крестьянской избе или уединенном хуторке свое желанное одиночество. Очевидно, Толстой был просто привязан к жене, к своему положению и в трудные дни семейных раздоров гвоздил себя к месту своему в Ясной Поляне точно таким же моральным рассуждением, как ты, Михаил, что, мол, «пустыня» — это соблазн, это уход к легкой жизни. Нет, брось эту лживую мораль, которой держат в руках хороших людей все попы. Будь здоров, Михаил, не поддавайся Лукавому и знай, есть на свете прекрасная пустыня со всеми условиями для твоего полного творчества.

Когда я это писал, в мою хибарку через дверную щель влетел и тукнулся со всей силой о стекло в окошко шмель, толстый с маленькими прозрачными крыльями, взлобок у него оранжевый, верх и низ брюшка черный, а зад белый. Ползая по стеклу, он срывался, падал, становился на крыло, летел внутрь хибарки, но, облетев ее, пятном света он видел окно, летел на стекло, ударялся, падал, поднимался, опять облетал и опять ударялся. Так длилось очень долго, и я загадал, что если он останется и погибнет

на моем окне, то правильно будет первое мое положение в рассуждении о пустыне, если же вырвется, то, значит, и я когда-нибудь вырвусь с Лялей от тещи («теща» опять в общем смысле). И только поставил вопрос, шмель чуть ли не в сотый раз облетел избу, вдруг заметил светлую щель незакрытой двери, через которую он влетел. Он, конечно, вылетел в щель и понесся в бесконечном голубом пространстве, счастливый и свободный.

Не на смерть ли намекает этот бесконечно радостный выход шмеля на свободу? Но может быть и в отношении к смерти мы находимся в таком же гипнозе, как в отношении пустыни? Исстрадавшийся, измученный, заговоренный, запуганный человек вымечтал себе смерть, как сладостный выход из жизненной тюрьмы, и уже больше не хочет, не может рук приложить к своему освобождению здесь на земле на пользу и радость людям другим.

Нет, Михаил, не складывай рук в ожидании смерти-выхода: это ведь не что иное, как форма самоубийства, использования самой смерти для своих эгоистических целей. Не позволяй себе никогда так думать, помни, что смерть твоя находится в руках Божьих и является орудием Его непостижимых тобою целей. В отношении смерти у тебя должна быть одна забота, оставаться бодрым, радостным, деятельным, как будто ты рожден бессмертным существом. И оно действительно так: ты существо бессмертное, а то, что остается от тебя на земле — это и есть земля.

Делаю вывод из этого рассуждения, что, как и для шмеля, для меня в моем положении есть тоже где-то щелка и надо тукаться о стенку, надо ждать, надо надеяться увидеть где-нибудь щелку в двери.

Моя мать, и братья, и сестра считали меня фантазером, мечтателем, при мне говорили, что если я найду себе женщину, то это будет на неделю, я брошу ее непременно, и никогда не устроюсь, и никогда из меня ничего не выйдет. А когда я нашел себе женщину и жил с ней год, два, три,

и дети у меня стали рождаться, как у настоящих людей, то стали говорить, что мне эта женщина не пара. Только уже, когда я стал «известным» и все стали признавать меня, тут и домашние меня возвели на трон необыкновенного человека, для которого все пути ведут в Рим.

Так я вышел из домашнего недоверия не домашним путем, следуя примеру достойных людей, а на стороне. Но Ляля в глазах своей матери ничем не оправдала своего «фантазерства», свою мечту о пустыне и сама застряла на этом неверном пути: просто рассуждением доказать недоверчивой старушке преимущество своей мечты перед ее обывательством. Казалось бы, эта наша любовь в течение уже пяти больших лет, внутренний расцвет Лялиной души, успешная борьба наша за жизнь, исключительное сравнительно с другими положение, всеобщее уважение и т. п. должны бы доказать недоверчивой старушке правоту мечты ее дочери, но ничего не помогло, и спор их по-прежнему продолжается. Мать считает нас фантазерами и под предлогом тревоги за любимую дочь пользуется всяким случаем, чтобы критиковать наши замыслы. И когда напрягаешь все силы, чтобы в наше-то время остаться человеком и не впасть в равнодушие, эта ежедневная критика во всех отношениях беспомощного существа, ограниченного, почти глупого воротит всю внутренность. Конечно, Ляля виновата, но, впрочем, разве можно это назвать виной: она не может на мать посмотреть со стороны и все пытается ее сделать своим единомышленником. Разве можно упрекать Лялю за любовь к умственно и нравственно недалекому человеку, ограниченному любовью для себя. Да и как еще для себя! Ведь нет ни одного на свете человека, кроме Ляли, с кем бы она могла быть в дружбе и согласна хотя бы на месяц!

Вечером поехали в «Домик на пенечке». Н. В. была в Москве. А. И. сказал, что у Никулиных беда: пришла похоронная ее сына (ему он не родной). Мелькнула сложность положения: у него есть свои дети на стороне. У нее — единственный убит, ее горе не совсем его (сын от другого мужа,

ревность). Мы поехали на лодке к Никулиным. Ляля хотела пойти, чтобы поцеловать молча. Но А. Н. отверг: сочувствие очень трудно. Сделав у Никулина свое, А. Н. вернулся. — Ну, что она? — Ничего. — А он? — Поливает огород. — А что было у вас в прошлом году, когда Борю убили? — Н. В. сразу же затосковала и все спрашивала: — За что его убили? — А вы? — Я все придумывал, как бы ее успокоить. — Она неверующая? — Нет, она раньше была очень верующая, но я неверующий и постепенно и ее привел к этому. — Что же вы могли придумать к ее успокоению? — Ничего, только пожалел, что лишил ее веры.

На возвратном пути на лодке я спросил его: — По вашим частным соображениям (то ведь у нас есть у каждого): когда война кончится? — А вы знаете о покушении на Гитлера, он получил ожоги, легкие раны, чуть бы немного — и конец, и война бы окончилась. Но если не считаться со случайностями, я думаю, кончится года через два...

Его аргументы: в Финляндии продвижение остановлено, п. что война уже не на своей земле. Так остановимся и у границ Германии, перейдем к позиционной войне. Союзники тоже застрянут (плацдарм для наступления мал). Нам и надо подождать: потери очень велики, пусть подрастут наши карлики.

Говорили о том, что колхозы посредством их «партийных прослоек» просветлили темные массы крестьян, которых боялось царское правительство и на которые опирались эсеры (и народники). Тайна «сфинкса» была разгадана. Историческое значение колхозов в народном хозяйстве можно сравнить в духовной области русского народа лишь с расколом.

Женщины вечно болтают, как ручьи, и не могут без этого жить. И еще женщины в существе своем не могут укладывать свое дело во времени.

Православие падало в обрядности, раскол падал в «духовности» и оттого попадали в безвыходное положение с финалом безбожия.

То, что я перед этим писал о теще, о Толстом, о шмеле обнимает всю русскую историю и, как понимаю теперь, занимает один из планов моей последней повести: один мой герой застывает в обрядности, другой ищет выхода в революции.

Люди, замкнутые в обрядности (православие), ровно, как замкнутые в духовности, одинаково питали революцию, как движение в сторону материального выхода. Все сошлось в личности Льва Толстого. В нем открывается вид и на последствие отрыва духа от материи (его личная жизнь), и на православие, и на революцию.

Каждая встреча одного человека с другим есть представление: каждый разыгрывает себя самого перед другим, но непременно бывают двое, один актером, другой зрителем. Точно так же оба Мужчина и Женщина друг перед другом представляются.

Чудо есть событие в материальном мире и потому в сектантском мире, в толстовстве, заключенных в стоячей духовности, чудес не бывает. Церковные люди само собой должны верить в чудеса, и этот долг приводит к формальности. Революция, т. е. общее усилие переделать к лучшему материальную жизнь людей из-за борьбы с суеверием церкви (формальность, обрядность) отвергает чудеса.

Деньги, бывало, полученные мною за сказки, всегда принимались мною как чудо (потому что сила духа моего воскрешала материю). И всякое художественное произведение есть чудесный переворот в материи. И каждый человек, любовью своей поднимающий другого, совершает чудо. И так все творчество человека в сторону добра не «разумно», не причинно, а чудесно.

22 Июля. Переночевали в машине возле «Домика на пенечке», я ездил на лодке, Ляля бродила по берегу. Вернулись к обеду с рыбой. Вечером варили на кирпичиках уху и угощали автомобильного ангела Н. И. Решено ехать во вторник 25 в Москву на автомобиле с А. В.

С детства наверно в гимназии это родилось, что кто-то откуда-то следит за тобой на стороне, спокойно и холодно оценивает твои поступки и принимает меры против тебя, и ты бойся: захватит тебя вдруг и на чем-то поймает. В гимназии «учительская» была тем же самым, что при Ежове ГПУ, что теперь в литературе ЦК. Неприязнь к учительской поддерживалась товариществом, как потом неприязнь к государственному деспотизму (та же «учительская» вызывала из народа загадочного и страшного «Сфинкса»). В этом Сфинксе, казалось нам, таится и справедливость, и защита, и прибежище для тебя (субъекта) от холодной и беспощадной силы со стороны.

Революционеры, взявшие гос. власть в свои руки, это те же школьники, овладевшие «учительской». Аналогия продолжается вплоть до того, что бывшие школьники переодеваются в те же самые прежние учительские синие фраки (нынешние погоны) с целованием рук у дам. Вот, значит, почему у меня с Фадеевым или с Тихоновым не могло быть товарищеской искренности в отношениях: для этих новых людей не существует теперь «учительской», как для меня, для них и Сфинкс вполне разгадан, и вообще они учителя в синих фраках, если хотите господа-социалисты.

Когда пришли большевики, была уверенность, что это они на три дня пришли, потом выходило — на месяц, на год и т. д. и наконец: во всяком случае, не навсегда. И сейчас у всех, кто говорит решительно, что после войны «того что теперь не будет», это чувство будущего происходит из того же старинного чувства протеста школьников руководству «учительской», и «фронт» у них тот же — «Сфинкс».

Все эти новосформированные понятия: народ, родина и т. п. — ничем не похожи на прежние, п. что в тех понятиях содержалась самодеятельность (Сфинкс), а теперь, если говорить, напр., о добрых свойствах русского народа, то в совершенно том же смысле, как, например, о свойствах уральского железа или марганца. А достигается это посредством уничтожения личного начала (сам человек).

Н. сказал: — Церковь, пусть она даже в грязи на коленках стоит перед государством и за него молится, все равно она в самом существе своем служит каждому, как государство назначено для всех, и потому, когда вся сила собралась в государстве и все там, то каждый может найти себе прибежище только в церкви. И сколько бы ни выставили государства от себя взамен личности (каждого) отличников, орденоносцев, стахановцев, все равно, на каждого оно не может обратить, как церковь, свое внимание. В государстве все для всех, но для каждого нет надлежащего органа внимания, как в церкви.

– Видите, А. В., я проделал всю революционную работу раньше, чем пришла революция 1917 года. Как старого воробья, меня ничем не обмануть, п. что я держался правила в практической жизни не вступать ни в какие организации, прикидываясь чистым художником (т. е. дурачком). Я всегда понимал, что для умного филера единственная ценность, за которой он охотится, это найти у жертвы своей прикосновенность к какой-либо организации.

– Понятно, — ответил А. В., — но если филер не очень умный и оказывает внимание к самой вашей личности?

– Ну, тогда пори, что вздумается. Однажды я, по пути из Москвы в Загорск, два часа доказывал филеру глупому, что Маркса вовсе не было, и его выдумали.

Пусть у нас не умеют носить погоны, ничего. Были бы погоны, а время придет и соответствующий погонам устав свое сделает: офицеры будут дамам и руки целовать, и защищать честь офицерского мундира на дуэлях. Так будет и с колоколами: вначале будут плохо звонить, но погодите.

23 Июля. — Прячась от других, кончаешь тем, что не находишь более себя [самого]. Метерлинк. «Аглавена и Селизетта».

Пришел Андрей Федорович (починил кадку) и сказал, что по радио сообщили сегодня, будто Гитлер казнил 100 генералов. Наш старикашка разохался: жалко.

— Чего ж их жалеть, — удивился А. Ф., — мы же с ними в войне состоим?

– Мало ли что, — хлестнул старик, — генералы-то против Гитлера за народ, хорошие люди, жалко. Я-то ведь не знаю, за что они стоят, за что вообще немцы стоят. Нам говорят, а мало ли что говорят.

И подмигнул мужику, и умный мужик сам подмигнул, а думал Бог знает о чем. И я дивился старику: какой умный, наблюдательный и живучий, и вот никак не может одолеть в себе былую приязнь к мужику, это народничество... что за дурь!

24 Июля. Завтра вторник, поездка в Москву на машине.

Дела: 1)Получить материалы для ремонта
2)Созвониться с Левой
3)Охотничье свидетельство
4)Книги из библиотеки

Разве не красив был вечер, когда мы на лодке возвращались от Никулина. Тихая гладь озера, и солнце садилось спокойно, и леса дремали у воды.

Но Ляля сказала: — Это не настоящее озеро: не вода, а слезы.

— Охота вам думать об этом, — ответил А. В., — вода, лес, солнце, чего вам больше? А ведь если думать как вы, так и ягодку не съесть в саду: кто-то около нее трудился, мучился, а пришел я — и хоп! — в рот. Так у нас русских вся история культуры нашей проходила: и видишь глазами, что хорошо, а отдаться прекрасному боишься и оглядываешься в ту сторону, где живут «трудящиеся».

События в Германии приблизили нас сильно к концу. Старик воспламенился и предсказывал возможность революции в Германии и коммунизма. — При таких-то событиях, — воскликнул старик <*1 строка вымарана*>.

– О, Мелеандр, быть правым — такое жалкое преимущество. Мне кажется, что лучше всю жизнь самому ошибаться и не заставлять плакать тех, кто неправ. (Метерлинк: «Аглавена и Селизетта».)

Утром встал — нет мысли в голове, чтобы развить на бумаге, как это обыкновенно бывает. И за чаем тоже ничего не наплыло своего, вероятно, потому, что не мог оторваться от ужасного факта, сообщенного мне вчера вечером, что будто бы расстреляно в Германии 100 генералов. Факт давил на меня, выжимал из прошлого своих «генералов», и я говорил Мелеандру из Метерлинка: «О, Мелеандр, быть правым...» (см. выше).

С пустой головой и стесненным сердцем взял перо и не мог ничего написать. Тогда в отчаянии стал чистить машину и в ужасающей пыли и грязи провел три часа, и мне было хорошо в этой работе, потом я делал ведро, столик и еще какие-то полезные дела, которыми Ляля занимается весь день. В этой работе для пользы, для ближних, время незаметно прошло, и так я убил в себе совесть, мучительно упрекавшую меня за что-то. В это время я смотрел на Лялю и, казалось мне, понимал ее суетливую нервную работу с утра до ночи в огороде... Этой работой на пользу ближним она убивает в себе совесть. Не на этом ли пути подмены труда во имя Божие успокоительной работой на пользу ближнего произошел весь этот суетливый женский домашний труд?

И как в этом свете понятно мужское стремление нового времени (революция) к общественным столовым, детским яслям, женскому движению. Ведь это не женщина создает женское движение, это мужчина ведет за собой женщину.

Сколько раз теперь приходится вспомнить свою несправедливость к работе Ефр. Павл. Ведь не один раз я говорил ей, что вся ее работа стоит 100 рублей в месяц (оплата домработницы). Ужасно, что таким точно образом и брачные ночи можно расценить. (Впрочем, ночей-то и не было.)

А впрочем, Ляля — это другой разговор. Беда ее в том, что она вкусила от понимания творческого труда и участия в нем через любимых мужчин. Она презирает бабий

труд, но, будучи не в силах по тем или иным причинам отдаться ему (м. быть потому что я не даю), подменяет его бабьим трудом.

25 Июля. После грозы и дождя утро влажно-туманное, насыщенное, как в субтропиках. Собираемся в Москву. Пришел Николай Иванович Вознесенский, извинился, объяснил: «газовал» по случаю личному: берут в армию. Он мне напомнил описанного в «Кащеевой цепи» Гришу: тоже так приходил, играл на дудочке, и вдруг пришел городовой и увел навсегда Гришу.

Какие бы ни были у Ляли недостатки (их много), но все это частности, не имеющие никакого отношения к главному: это что она в конце концов самоопределяется по высшему началу, которое у нее остается несломленным.

Думаю о положении Гитлера: человек всем светом заплеванный, израненный, неудачливый ефрейтор. Завтра он своим же народом будет уничтожен, но сегодня он должен сознавать себя возможным властелином мира и живет еще этой легендой о себе. И наверно! Иначе не мог бы он убить 100 генералов (слышал что-то по радио). Итак, он все еще прав, и сомневаться в этом не может, и умрет в сознании своей правоты.

Будь он хоть дьяволом, но талантливым стратегом, как Наполеон, и все-таки поэты и все возносили бы его. Но он при вере своей, правоте и прямоте оказался бездарным, «не за свое дело взялся», и это ему не простят и сделают всемирным «козлом отпущения» («авантюрист», жертва Наполеоновской мудрости: «от великого до смешного один шаг»).

Главное даже не в таланте, он есть, несомненно, какой-то немецкий талант счета, считал гениально, и что же делать, это бывает: раз просчитался. Главное — в его личности нет чар за пределами немецкой законности. Он похож на растение, которое от земли не поднимается и не цветет.

К чему-то подумалось так, что если на Христа посмотреть с человеческой точки зрения, то Его-то величайшие

в мире чары исходят в процессе отрыва Духа Его от родового потока. Так что гений преодолевает национальность и не стремится к ней.

Вот теперь выступают на историческую сцену два лица: новый германский пораженец (генерал) и русский генерал-победитель. Не знаю, кого мне выбрать, оба мне приятны в их положениях: забронированный в истории патриот пусть сделается пораженцем, а вечный пораженец русский пусть испытает победу, то и другое хорошо, в том и другом положении трудно. Я хочу верить, что русский человек, искупавшийся в бездне пораженчества, не будет в победе так заноситься и глупеть, как немец.

В 9 утра приехали в Москву, и до половины пятого я не вылезал из машины. Ездили по складам и достали за целый день богатства для зимнего утепления дачи: войлока 50 кг, рулон толя, гвоздей, шурупов, две плиты, две вьюшки — и все!

Прошлый год до 5 июля Россия и Германия находились в состоянии магического перемирия, как это бывает у дерущихся петухов. Потом произошла драка, и германский петух стал с боем отступать. Сейчас мы ждем, когда немец побежит опрометью, лишь бы спастись.

Позвонил Курелло, который работает с военнопленными. Прошлый год, помню, он говорил: — Тяжело работать, немцы не поддаются, упрямы и невежественны. Но есть молодые, живые, с университетским образованием, возьмите наших вузовцев, и немцы точно такие же. Сегодня же Курелло сказал по телефону: — Читали сегодня газеты? — Нет еще. — Прочтите же скорее, там помещено воззвание немецких генералов. Прочтите, это наша работа.

Мы прочитали, и впервые поднялась завеса над немецкими делами и их нынешним положением. Мы поверили словам старых немецких генералов и «наша работа» поняли в том смысле, что К. был посредником между генералами и правительством.

По телефону неловко было спросить Курелло о конце войны (как спросишь?). Но мы вместе с К. перед войной сговаривались уехать в пустынную долину реки Псху на Кавказе и там устроиться жить. Теперь мы спросили: — Когда же мы поедем на Псху? — Осенью, — ответил К. — На будущий год? — Нет, теперь.

Мы подумали, он шутит, но когда потом прочитали воззвание немцев, то подумали, что может быть и всерьез говорил.

26 Июля. Позвонили нам зайти за американскими подарками. Мы проехали в Литфонд. На лестнице у последнего пролета перед «американской дверью» сидел на подоконнике старый, бледный, измученный тягостной жизнью писатель Сергей Тим. Григорьев. Он сказал нам, что «туда» так просто не пускают, велят подождать очереди. Ляля справилась, и там очень вежливо попросили нас немного где-нибудь подождать. Было понятно, что, как у нас водится, и подарки получают по чину, и один чин не должен был знать, что получает другой. В ожидании зова из американской комнаты мы завели с Григорьевым интересный разговор. Вдруг дверь оттуда открылась, и нам сказали очень любезно: — Михаил Михайлович, пожалуйте. — Как же так, — спросила Ляля, — Сергей Тимофеевич ведь раньше пришел? Но там, наверху на ее голос не обратили внимания, а С. Т. сказал: — Ничего, я подожду, ведь М. М. постарше. По торопливости, по рассеянности и еще почему-то, не знаю, но я не обратил на слова Ляли и на слова С. Т. никакого внимания и побежал по лестнице за американскими подарками. Меня встретили очень приветливо, как встречают счастливца, выигрывающего в лотерее сто тысяч. — Пальто, пальто, — повторяли мне. И указали на серое американское пальто из чистошерстяного материала на подкладке из настоящего шелка. После того мне дали отрез на костюм, подчеркнув, что из английского материала дается только немногим, а всем похуже, из американского. Еще дали мне ботинки на кож. подошве и даже принесли другие, на резиновой подошве, чтобы показать, какие дают всем. О следую-

щих вещах ничего не говорили: наверно они были такие же как всем: серые чулки из 40% шерсти, шерстян. перчатки, голубую полотн. рубашку, пару егеровского, теплого белья, шарф, джемпер и еще что-то, всего девять вещей. Получая вещи, я старался делать вид равнодушия. Ляля была из-за меня в упоении и не скрывала своего блаженства. Мне кажется, я гораздо больше радовался ее радости, чем вещам. Когда вещи унесли в машину и я расписывался в их получении, сзади себя я услышал голос Григорьева: он восхищался шерстяными перчатками. Выходя, я успел разглядеть, что в его вещах не было совсем пальто, отрез был из шерсти плохенькой, башмаки на резиновой подошве.

И вдруг мне что-то укололо на сердце: — Боже мой! — вспомнился мне весь крестный путь писательства Григорьева. Умный человек, рассчитанный на большое дело какого-нибудь технического руководителя, предпринимателя, инженера, быть может министра, взялся за детское дело писательства и наверно испуганный бездной [труда] и муки настоящего художника взялся писать книги для детей. Всю жизнь мучила его зависть к настоящим писателям, и мне он тоже завидовал. В болезненном самолюбии он до того доходил, что не посещал собрания, как он сам говорил, чтобы не быть в числе безымянных, когда перечислялись имена, кончая словами: «и прочие».

— Я бываю, — говорил Григорьев, — всегда в числе этих «и пр.».

Все пронеслось в голове в это мгновенье, когда я увидал подарки Григорьева: распределялись, видимо, хорошие вещи поименно, а что похуже, то шло в «и пр.». А кольнуло меня, и понял я, за то, что когда меня позвали вне очереди, когда даже Ляля нашлась, я не обратил внимания и ринулся за подарками. Мне бы надо было сказать просто: С. Т. пришел раньше, я подожду. И сколько бы хорошего чувства я вызвал бы в нем, и ничего бы мне даже это не стоило. Так это же, думал я, рассеянность?

Но не совсем так: при одной рассеянности меня бы не укололо: забывчивость, невнимательность, легкомыслие?

Все не то, все не то.

И вдруг к этому уколу в сердце я вспомнил такой же укол в детстве у себя, когда читали мне из Евангелия о том, как Христа увели на истязание, а Петр остался у костра и когда три раза отрекся от Христа, то закричал петух, и тут Петр заплакал.

И вспомнились слезы Петра, я все понял в себе.

Сколько раз, начиная от самого первого раза, когда я взялся за перо, давал я себе клятву на случай, если слава придет и всякие удачи, не изменяться в себе и в этом не забываться. Помню, даже Ремизову высказал это, и хорошо помню горькую улыбку на его лице, как теперь понимаю только, выражавшую святые слова: «Прежде чем петух пропоет, ты трижды отречешься от Меня». А сколько раз в своей писательской жизни за 40 лет я встречал знаменитость и провожал ее, гордо думая о себе: вот я-то не попадусь на удочку славы и успеха. И вот пришло время, пришло... я не выдержал испытания на американских подарках. Мой петух прокричал, и это меня укололо.

Когда я дома рассказал о своем петухе, теща ответила на это:

– У кого же из людей нет своего петуха, разве у святых.

— Вот Зина Барютина, — сказала Ляля.

Подумав, я сказал, что едва ли даже и Зина живет без своего петуха. Надо уйти в пустыню, куда бы люди лишь изредка заглядывали и рассказывали бы, вернувшись, о жизни святого человека. Вот этот святой, кому люди верой своей помогают, этот святой и то уже после смерти своей, лет через 50, остается жить среди нас, как святой без сомнения, а живой человек, пусть даже и святой, непременно живет с каким-нибудь своим петухом.

27 Июля. Трое суток без перерыва льет дождь.

Большинство народа в зверства немцев не верит. Заявление немецких генералов, прочитанное мною три раза, в народе и не производит никакого впечатления: вспоминают старые процессы и не доверяют.

Петя сказал, что взяли Двинск, Белосток, Ивангород.

— Похоже немца добиваем, и как раскатали!

– И все русская смекалка.

Намедни шофер Маруся застряла в пути и просидела полсуток: оторвалась фибровая прокладка в ротаторе. Что делать? «Что делать», — передразнил ее Борис, приехавший выручать. И оторвав у нее пуговицу, ножичком сделал прокладку, и Маруся поехала.

Вот эта смекалка и победила, а ее происхождение в земледелии. Немецкий индустриальный ум русский человек называет «хитростью», т. е. низшим умом, а земледельческий труд порождает смекалку.

NB. С какой быстротой земледельческий ум освоил современную технику. Интересно подумать, в какой [степени] исход войны был определен народным характером и в какой — свойством ума аграрного (русского) изворотливого и индустриального (немецкого) — прямого.

Наталия Георгиевна приехала из Ефремова и зовет нас ехать туда на базар: накупить всего, меду, сала, баранины, половину продать здесь и все затраты окупятся.

– Три года нет вестей от мужа, — сказала Н. Г., — и все-таки я думаю, что он жив. Так он мне и говорил, уходя: — Если не буду писать, считай, что все равно жив. — И я думаю, жив, где-нибудь с немкой живет. — А что, если он с немкой-то и явится? — А ничего, пусть она живет, я ведь знаю, как он любит наших детей, а мне бы только дети. Пусть же с немкой живет, если бы я этого желала, я это везде могу найти, но он отец моим детям — кроме него одного я не могу найти.

— Это прекрасно, — воскликнула Ляля, — хорошо, что вы так ясно высказываетесь: материнское чувство, конечно, выше этого.

Когда Н. Г. вышла от нас, Нат. Арк. сказала: — Я не совсем понимаю Лялин восторг. Ведь это только слова, только высказывания. Неизвестно, что бы сделала Н. Г.,

если бы эта немка действительно явилась. — А я думаю, — возразила Ляля, что вот это-то и неинтересно и неважно, как бы она поступила, важно то, что она высказала.

Слушаю, как они спорят, сталкиваясь началами своих натур: верой в первичную нравственную основу Слова (вначале бе Слово), нашей русской верой; и в основу Дела, как у Фауста (прагматизм).

Так в нашем маленьком мирке скрещиваются могучие силы, да так наверно и в каждой капле все океаны земли, и в каждой семье, если собраться и все насквозь просмотреть, виден весь человек. Вот отчего моя Ляля, такая умная, такая способная, никакого дела не может довести до конца? П. что она необходимую для дела охоту непременно хочет сочетать с центральной мыслью (словом, смыслом), ей это мешает, и если у нее что-нибудь выходит, то только с огромным трудом, поглощающим всю ее личность («принципиальная»)? Работать бессмысленно, как техники — люди чистого дела, она не может. Мать ее не понимает, почему такая умница Ляля ничего не может делать как следует, и старается поправить ее на каждом шагу. Технически она совершенно права, но беда в том, что это низшее, практическое начало, это Дело она ставит в основу вместо Смысла (Слова). Учуяв это, Ляля обнажает шпагу за первенство Мысли, а теща выступает за Дело. Но так как шпаги у них не стальные, твердые, а мягкие языки, то Лялины умные слова как горох отскакивают от деловито-логического упрямства тещи. За время войны, четвертый год слушая ежедневно эту борьбу на шпагах матери с дочерью, я до того слил ее с борьбой России и Германии, что часто Германию зову тещей, а Лялю Россией.

В юные годы Ляля на всю жизнь включилась в религиозную жизнь православной церкви. В нравственный состав православного человека входит, конечно, деятельное начало преображения жизни творчеством, это «дело» трудное, п. что оно исходит из молитвы, тогда как у обыкновенных людей это дело исходит из охоты или традици-

онного долга. Вот я и сам, как писатель «серьезный», на всю жизнь обречен этой радостной муке.

Подумать только, как бы сложилась наша жизнь с Лялей, совсем по-другому, если бы мы сошлись и остались вдвоем, что какая-то старушонка держит в руках своих судьбу нашу и обрекает на... не знаю, как это назвать. Вижу, как Ляля слабеет и падает в этом утомительно-добром и трудном уходе за матерью, как она мучается за меня, за мечты свои, за идеи. И что делать, как ни храбрись, Михаил, но ведь это арифметика: 71 год. Не водить машину по Москве в поисках гвоздей или войлока для ремонта дачи, а сидеть бы тебе спокойно и приводить благоговейно свои мысли в порядок для посмертного действия. (На очереди серьезно этот вопрос — разрешить в ходе событий.) Чувствую, что для того нужно только решиться на что-то одно и достигать.

28 Июля. В сумерках услыхав наши позывные, казалось, недалеко, пошел на них в туфлях, с непокрытой головой. Чем дальше я шел, тем дальше отходили от меня позывные. Возле ж. д. стоял какой-то пожилой гражданин, тоже с непокрытой головой, и мы вместе услыхали с ним, что взяли Седлец. — К Варшаве подходим. — Ну, конечно, подходим, а вчера взяли 5 городов: Львов, Нарву, Ивангород, еще... во забыл, да что говорить: немцы в упадке, а мы на подъеме. Что тут. Сами понимаете по себе, как начнешь день с охотой и так оно идет, а как если в упадке, в этом весь секрет.

Конечно, в этом секрет всей жизни: остарела Европа, в упадке она, а тут у нас жить еще не начинали.

А сердце мое, натруженное колкой дров, все продолжало болеть, и ночь болело, и утром встал — все чувствую.

29 Июля. На большой глубине душа защищена от случайных событий, как дно океана — от влияний бури (Н. Минский в предисловии к Метерлинку).

Символ — это указательный палец образа в сторону смысла. Искусство художника состоит в том, чтобы образ

сам, своей рукой указывал, а не художник подставлял бы свой палец. Настоящему художнику незачем об этом заботиться: живой образ непременно родится со своими ногами, чтобы странствовать по свету, и со своими руками, чтобы указывать путь.

30 Июля. Купил на барахолке разводной ключ и три маленьких очень дешево, п. что слесаря на войне, а жены продают без понимания их инструменты. Фотографировал семью Вознесенского. После обеда ездили с Вознесенским в Зверосовхоз и там в гараже до ночи занимались перетяжкой подшипников коленчатого вала.

Символизм в искусстве того же самого психологического происхождения, как в религии сектантство: то и другое несет в себе один и тот же порок (грех), сопровождающий познание добра и зла. На каком-то этапе растущего сознания является соблазн подменить свое удивление (чудо) объяснением, пассивное восприятие целого действием частного вместо целого (рационализм). Толстовство, сектантство, символизм, а может быть и весь исторический рационализм с его технической цивилизацией начинается вместе с потерей чувства младенческого удивления при восприятии мира и заменой его потребностью объяснения.

Я не знаю и не могу знать даже отчасти моих жизненных возможностей, и на что я способен, и что будет со мной впереди. Это зависит от того, в какую среду войдет моя душа на своем назначенном или случайном пути, и как встретят ее существа, составляющие среду.

Все великие завоеватели, от Александра Македонского до Гитлера, как это ни странно, из-за недомыслия, из-за ограничения духа своего своими домыслами о своих высших достижениях...

31 Июля. Десятки лет я мечтал растить себе садик, чтобы вернуть себе самое прекрасное в жизни моей из детства: сад.

Случилось теперь — я в саду, и сколько забот с этим садом. И я понял, что не сами яблоки, вишни, груши и сливы манили меня в далеком прошлом, а что не понимал я тогда труда, связанного с выращиванием деревьев, что я был тогда совершенно свободен, и жизнь моя была тогда праздником светлым.

1 Августа. Сделал усилие над собой, пешком сходил к Бусыгиным в «Домик на пенечке» и вылечился.

Все наши люди разделяются надвое: одна часть ждет страстно конца войны в чаянии, что после конца жизнь будет лучше. Другая часть людей после всего, что было, не ждет лучшего и даже вообразить себе не может нравственного мира людей, строящих свое лучшее на гибели других. Впрочем, есть еще и третья часть людей, вроде меня, кто как у Гомера вспоминает милых умерших, втайне радуясь сердцем, что сам остался в живых.

Начинает мелькать перспектива на будущее: наши победы за границей будут сопровождаться формированием новых членов СССР: Польши, Чехии, Румынии, Югославии и самой Германии. Войска союзников станут постепенно убежищем контрреволюции, и так возгорится новая война, быть может, и до конца столетия.

При таком предположении исчезает все непонятное, — и вопрос о сотрудничестве капиталистической Америки с социалистической Россией, и вопрос о причинах победы «глупой» России над немцами умными.

И вдруг все стало ясно: надо помнить, что мостиком к этому сознанию были два разговора с Н. В., в первом две-три недели тому назад она сказала: «Во всяком случае, после войны будет не так, как теперь», а вчера: «Будет не лучше, если не хуже, ведь немцы хитрые, они устроят революцию и так выберутся». После того я стал раздумывать, почему же у нее мысли так переменились. И вдруг понял, и это, конечно, под влиянием приближения Красной Армии к границам Пруссии. Так мысль-догадка пришла и в мою хижину...<*5 строк вымарано.*>

И как тоже совмещается в ней теперь решительное неверие в возможность улучшить жизнь людей на земле внешними средствами с неослабевающим никогда оптимизмом? В настоящее время, напр., она ничуть не надеется на что-нибудь хорошее после войны, кроме разве того, что нам явилась какая-нибудь счастливая случайность. Значит, пессимизм ее устремлен в сторону «всех»: нельзя изменить смертную природу людей, а оптимизм обращен в сторону каждого: каждый обладает бессмертной душой и во власти каждого достигнуть не только бессмертия, но даже и возвысить себя до Богочеловека.

Пишу в машине, а вокруг в малине везде шныряют и раскачивают листики синички, — как там хорошо. Туда, туда! Туда!

Вот, вижу, одна села на жердочку забора, прибитую моими собственными руками, села, и спустив крылья, трепещет ими. Другая, мать ее, с малининкой в клюве, подлетает и сует ей ягоду из клюва в клюв. Разве это не трогательно? Соберись же с духом, Михаил, этими глазами своими погляди на людей, как на птиц.

2 Августа (Ильин день). Бывало, с этого дня охота. Теперь смотрю назад и дивлюсь, в какой пустоте вырастали мои цветочки, и как это далеко, и как много вошло в меня после встречи с Лялей.

3 Августа. Берусь за перо и не вижу длинных темных коридоров, стенок каменных и железных, через которые должно пройти мое слово и там постучаться в сердце моего читателя.

<*Зачеркнуто:* Чудо в том, что слово проходит через железо и камень.>

Приезжал Елагин с женой — какие-то коммунисты-некоммунистные.

В 6 вечера поехали с Лялей в Москву, она за лимитной книжкой, я по делам фото.

4 Августа. Весь день занимался фотографией и в этом деле хорошо забылся от переживаний — тоски по литературной деятельности.

Как-то случилось вдруг после «Повести», что исчезла всякая охота писать для печати. Раньше в этом писательстве таилась игра, в которой я всегда надеялся выиграть или сделать такое, чего раньше никто не мог сделать. А тут открылось, что или никакого и нет сюрприза в этой игре, или вообще это не игра, а расчет, на который нет у меня ни ума, ни охоты. Утешенья мало. Ляля этой ночью мне говорила, что если бы оставил литературу и с таким же жаром стал делать жизнь, как ее делали святые, то не страдал бы от утраты. Задушевные слова любящего человека так меня обласкали, что я и в самом деле некоторое время мечтал о возможности какого-нибудь чудесного дела, заменяющего мне служение слову. Очень похоже было на то время в молодости, когда я надеялся чем-нибудь заменить утрату невесты. И ведь заменил! Ведь что в моем писательстве ценное? Только любовь, направленная словом к сердцу неведомого друга, заменившего невесту. Почему же теперь писание слов нельзя заменить молитвой и любовь к неведомому Далекому не обратить к ближнему? ... Кажется возможным, но... нет ли в этой замене скрытой усталости, желания зарыть свой талант в землю: Пушкин не написал бы «Медного всадника», не было бы молитв Лермонтова, симфоний Чайковского.

Искушение...

Сколько ума в стихотворениях Лермонтова, того ума, с которым борется каждый поэт и подчиняет его, как служебную машину. Этот ум у поэта, как кость у борца, как сталь у кинжала.

5 Августа. — У нас нет наследственной собственности.

– Что вы говорите! Какая же другая сила движет у вас жизнью людей?

– Трудно ответить, что именно вместо этого, но на этом у нас и вслух и молча все сошлись: не материальное наследство будет у нас соединять поколения.

– Если не материальные, то какие же блага будут наследовать дети от своих отцов?

– Сейчас мы еще не знаем, какие это блага, но предчувствуем их, как нечто лучшее, чем наследственная собственность.

6 Августа (Борис и Глеб, в Хрущеве ярмарка).

– Помните, друг мой, как вы рассказывали о лихорадке, бившей вас перед дверью известного вам кабинета? Вы дрожали, п. что в это время у вас отнималась та личная сила, из которой путем отчуждения складывается власть государственная. И каждый из нас, поступая на службу, в чиновники, отдает себя в распоряжение десятирожного зверя, как называли раскольники у нас государственную власть.

А помните время, когда каждое деловое собрание оканчивалось выбором лиц, направляемых для заключения к дверям того кабинета. И сколько раз в личной борьбе вам хотелось броситься для жалобы туда, но вас не пускали туда потому, что вы хотели воспользоваться силой того кабинета для себя лично. И каждый, такой как вы, способный живой человек, имевший мнение о царственном значении своего личного начала, «раскулачивался» и уничтожался бесполезно, если не хотел хотя бы «для виду» сложить себя «добровольно», чтобы проползти через порог того кабинета. В этой борьбе за себя нет спасения в обмане. Обманывая, попадешь в ту же гибельную борьбу за себя с другой стороны. Единственный выход — это посвятить себя служению тому высокому духовному началу, во власти которого находится и сила «того кабинета».

Никогда я не был так чужд и поэзии, и природе, и людям, как теперь. Единственное, что есть у меня — это Ляля. Томлюсь, тоскую в безделье полном, все не мило, ко всему равнодушен, кроме одной Ляли. И она говорит мне, целуя, перед тем как уснуть ночью:

– Помни, что ты — это веселый дух, и если ты в печали, то это не ты.

– Кто же?

– Никто. Вернись к себе и будешь веселым.

Накануне своих именин вчера приехал к нам Борис Дм. Удинцев и сказал нам, что А. Н. Толстой тяжело болен. При всей отчужденности моей к его личности, если он умрет, я буду чувствовать утрату, какой бы он ни был как человек, но он – писатель. Слышал, будто он хлопотал о возвращении Бунина, и ставлю ему это в заслугу...

Помню Елецкого махорочного короля, Ник. Ив. Романова, небольшой человечек с острым лицом, высказывается бросками, по-суворовски. Он в молодости жил «в каменьях» (последнее место в Ельце), занимался починкой гармошек и вышел в короли – от махорки в миллионеры. Как это случилось, какому богу он молился – не знаю. Конечно, была в нем немалая страсть к тому, чтобы отстоять себя, немалый ум и особая воля к тому, чтобы усиливаться, вкладывая в себя воли других людей, которые, в конце концов, на него и работали (талант организатора или собирателя чужих воль). Трудно сказать, какому богу он молился, создавая из ничего миллионное состояние. Может быть, тому же самому Богу, которому и мы молимся. У него во дворце в особой комнатке стоял даже аналойчик с духовными книгами, по которым он читал вслух. В этой самой маленькой, самой безопасной комнате уединялись ребята, его сыновья, для тайной выпивки и в аналойчике прятали пустые бутылки. Вот эти бутылки и были теми гранатами, которые потом взорвали царский трон...

Я сейчас вспомнил ход мыслей, который привел меня к убеждению в том, что подобные бутылки и взорвали царский трон. Романов-то, Николай Иванович, накопляя состояние, должен был иметь в виду и наследника этой собственности, иначе трудное накопление было бы бессмысленным: собственность в движении рода, наследство содержит в себе мечту родового продолжения личности: Авраам родил Исаака и вместе с тем передал ему свои стада, и сам Бог Израиля участвовал при этой передаче так же реально, как участвует у нас при утверждении в наследстве

нотариус. Но что это за отношение собирателя наследства к Богу и наследнику, если самый аналойчик, за которым молился Ник. Ив., сын наполнил пустыми бутылками.

Так, я думаю, и царство наше русское в своем наследовании попало в руки Распутина. Недаром я помню так хорошо во время свержения царя поведение Николая Ивановича Романова. В то время, когда масса людей, даже богатых, в положении Ник. Ив. чему-то радовались — как глупо! — он один в Ельце ясно и твердо знал, что с падением царя падет все. — Чувствую, — говорил он, — земля под нами колышется, и скоро мы все полетим в пропасть.

Говорят, он узнал, в конце концов, о пустых бутылках, наполнявших его аналойчик, и должен был некоторое время вести свое огромное хозяйство в пустоту, не имея в виду наследника. И не ему ли было предвидеть судьбу беспредельно разросшейся империи, когда царь отдал царство брату, а тот, умница, передал наследство в пользу народа. Николай Иванович вышел из самого простого народа «в каменьях» и хорошо знал, как поступит с наследством этот народ, если останется без царя в голове.

Вот теперь после всего на развалинах прошлого у подножия каркаса Дворца Советов стоишь в раздумье о будущем. Что же, так это и останется, что весь русский человек свою личную волю будет складывать вечно у подножья каркаса, чтобы раствориться в безликом наследстве, как исчезает капля воды в океане, как жизнь пчелы переходит безлико в собранный мед, как все живое в природе обречено стать навозом для будущего? Или опять понемногу под разными предлогами из общего безличного народного наследства будут оседать личные материальные образования, скопляясь расти и связывать наследственно поколения?

Едва ли последнее, едва ли и первое. Мы знаем твердо теперь, что землю нельзя отдавать в личную собственность — это раз. Также знаем, нельзя передавать крупные государственные сооружения. Знаем, что нельзя развращать детей, скопляя для их благополучия чужой труд. Знаем, что не всякой женщине назначено быть домашней

хозяйкой, и много всего такого мы знаем, разбив «буржуазные предрассудки». Но мы также узнали, что не должен человек всю творческую личность свою складывать, как жертву идольскую перед «тем каркасом» человеческого благополучия. В дальнейшем, перед нами все ясней и ясней будет открываться путь приятия наследства нематериального, в котором личность человека бессмертна.

Приезжал автоинспектор Сладков Иван Васильевич с Папановым, обещал привезти на грузовике конский навоз из Москвы и горбыли.

Ночью во сне писал «Раздел», т. е. о старом времени в новом освещении, — признак того, что во мне происходит писательская внутренняя работа. С этой стороны смотреть — как чудесна молитва моя: «Научи мя творити волю Твою».

Из Метерлинка «Жизнь пчел»: «Человек действительно становится господином пчел, господином тайным и неведомым, который всем управляет, не давая приказов, и держит все в повиновении, оставаясь неузнанным».

Читал где-то, что в какой-то оккупированной зоне немцы убивали всех стариков за 75 лет. Со стороны глядя, т. е. с государственной точки зрения, это совсем даже неплохо — убивать бесполезных стариков, имея в виду полезную жизнь молодых. Но с внутренней стороны, т. е. со стороны тех, кто любит этих стариков — какой ужас такое убийство! Итак, вся жизнь человеческая со стороны государства — добро, со стороны самих людей — зло. И наверно в перспективе схождения такого добра и такого зла говорится о времени, когда лев ляжет рядом с ягненком. Единственное, что государство могло бы без вреда людям делать в отношении стариков, это взять на себя исполнение воли всех тех из них, кто захотел бы сам умереть. Но и то вероятно, если такие найдутся, то не захотят пользоваться государственной помощью и все сделают сами.

7 Августа. Три дня стояли очень холодные, как в конце сентября. Сегодня теплее, но ветер шумит.

Чувствую, как унизительно мне унывать и непристойно мне, написавшему такие радостные книги.

В своих руках, в своей силе... Но если руки отваливаются? Уходи из дому, подвергни себя испытанию. Люди огорчают, — пропусти это.

Федина озлобленно ругают за книгу о Горьком. Обвиняют в обдуманной проповеди аполитичности художника. Меня злобит в этом согласованность пигмеев. То же самое было, когда я направил свою повесть Калинину и Жданову, и мне сказали: — Вы увидите, что у них все сойдется в одно: двух мнений не выйдет. Что-то сектантски упрямо-единое. Похоже на немоляк, толкующих св. Писание на свой «дух». Так точно мы, юные марксисты, занимались сведением всех «надстроек» к экономическому основанию. Так теперь во всем написанном ищут политику и если не находят, то обвиняют в аполитичности.

Итак, писатель, ты обречен, напишешь на заказ, как надо (говорят, в один сезон явилось шесть «Грозных») — тебя снисходительно похвалят, дадут орден и тотчас обратят тебя в мебель советского строя. Напишешь искренно, как сам понимаешь время — изругают за индивидуализм, взлетишь выше всего временного, напишешь то, что переживает душа человека — тебя обвинят в аполитичности.

Ляля мне сегодня говорит: — Ты так печален, нехорошо, ты — это Веселый дух, ты в печали — это не ты. Давай думать, чем жить, если оставить литературу.

Меня передернуло. Сколько раз мне было трудно, как писателю, и я переживал время, и писал лучше. Так я боролся один, а теперь мы вдвоем и сам друг меня искушает.

Да, конечно, легче вдвоем, но эта легкость относится к жизни, но не к искусству...

А впрочем, если б я серьезно взялся за перо, чем бы Ляля мне помешала? Нет, я просто сам пал, и Ляля меня утешает, все равно как если бы я заболел, она бы ухаживала за мной, сострадала.

Мне самому надо без нее что-то выдумать и взяться.

8 Августа. Истинный художник не может быть аполитичен, но политик редко имеет хоть какое-нибудь внутреннее соприкосновение с искусством. В наше время политик вообразил себя хозяином и руководителем искусства. В результате получается басня о медведице и пустыннике. Политик, как медведь, охраняя искусство, бьет по мухе и разбивает череп. Теперь если бы даже и дали свободу художнику, он не встанет, п. что после такой горечи никакой мед сладок не будет.

– Удивляюсь, — сказал я, — почему это у нас так носятся с писателями, чего ни попросишь — все дают. Раньше я этим гордился, относил к себе, а потом узнал, что заслуги мои тут не при чем, дают не за то, что я стою, что я — это я, а за то, что я вообще писатель.

– Понятно, — ответил А. В., — кто дает-то? Положим, Калинин, а что сам Калинин — слесарь. Пусть он президент, в существе своем он остается слесарем и к писателям питает особенное, рабское почтение. <*3 строки зачернуты.*>

– Но, если так, А. В., то откуда же берутся эти пытки писателю, устраиваемые через особые организации критиков-подхалимов?

– Это, М. М., другая сторона. Раз уже мы взяли тебя, как балерину, платим тебе, паек даем, то, пожалуйста: обнажайся, танцуй.

Еще А. В. вчера говорил:

– Не знаю, что-то решиться не могу на землю сесть. Время-то, ничего не поймешь, что будет после войны. Разоренные страны потребуют больших средств — откуда их взять? Если в Америке, то надо что-то уступать и граждан приводить в приличный вид. Или, напротив, придется еще крепче зажать. А вот маршал Жуков сказал, что года через два опять будет война. Скорее всего, крепче зажмут.

– Ну, а если у немцев произойдет революция?

– Вот это-то и страшно: из-за этого может все и произойти худое. Немцы разыграют революцию, как в 1918 году, а наши обманутся и ввяжутся.

Думаю, что если уже А. В. догадывается о том, что немцы надуют, то наверно они не надуют.

Конечно, в Пушкине плохая природа, но есть ли она теперь где-нибудь в России такая, как нам хочется? Дело в том, что природа, как мы ее понимаем, это не только леса, озера, моря. Над этим хаосом, казалось нам тогда, носится Дух Божий. Теперь этого Духа нет, и остается хаос, от которого укрыться хочется где-нибудь, в том же Пушкине <*зачеркнуто:* в своем садике под яблоней>. Скамеечку я себе вчера сделал около яблонки, сяду на нее, густые ветки с яблоками защищают глаза от солнца, свет проходит зеленый, на яблоках показывается розовый рисунок в росе, и хорошо.

Нет, раздумывать о будущем нечего и, главное, не надо этим будущим смущать нынешний день. Мы не должны, главное, рассчитывать на то, что война скоро кончится. Надо жить так, будто война никогда не кончится и что не нам суждено поднять и оправдать прошлое: не нами начиналось, не нами и кончится.

С точки зрения художника, праздник есть высшее достижение творческого духа. — («Приидите, празднолюбцы».) С точки зрения политика, праздник означает просто день отдыха.

Все дни проходят рабочие, и только один день в неделю празднуют. Так точно и люди, по способностям своим определенные на черную работу — их сколько! А людей, определенных на праздник, горсточка. Пушкин, например, истинный празднолюбец, Лермонтов, Гоголь, Чайковский... их по пальцам можно пересчитать: все празднолюбцы.

Вздумалось взять Григорьева в соавторы по написанию «Падуна», рассказал Ляле об этом и, конечно, она согласилась сама взяться за эту работу. Так нашлось средство отвлечь ее от садоогородного запоя, грозящего ей полным одурением, как было это у сестры Лидии.

9 Августа. Развернув книгу, прочел:

– В мире пчел, очевидно, все подчиняется будущему (Метерлинк).

Мы, люди, сейчас точно в таком положении, хотя при полном отсутствии добровольного согласия, единодушия.

Сын Удинцева, Глеб, мальчик, воспитанный в православии, в учении своем на летчика дошел до такой степени увлечения, что теперь, назначаемый на фронт, написал отцу: — Поскорей бы добраться до фронта, а то боюсь, война кончится.

Совершенно как пчела, и вот всем бы так, все бы хорошо было, но весь наш тыл посвящает себя не будущему, а настоящему. — Успеть бы на войну, — говорит один. — Поскорей бы война кончилась, — молится другой.

– А вы как относитесь к словам сына? — спросил я Удинцева Бориса Дмитриевича. — Я смотрю на них, — сказал он, — как на обреченных, охваченных пламенем смерти.

И правда, они уже обреченные люди на смерть и живут среди нас в том же отношении, как крылатая бабочка в отношении гусеницы: чтобы возникла из гусеницы бабочка, ей нужно искать пищу и потом грызть капусту с утра до ночи, от росы до росы много дней. А у бабочки, порожденной этой гусеницей, крылья, и вовсе нет даже и кишечника, и вся жизнь совершенно другая: там долго, тут один день, там жизнь вся в капусте, тут хоть бы день, да на цветах.

Прослушав эту запись, Ляля сказала: — Это верно, только ведь не вся жизнь этим захвачена: сейчас мы знаем людей, верующих в божественный путь человеческой личности на земле.

У Никулиных бывает всякий народ и больше советская знать. Она грузинка, дама приятная во всех отношениях, он мужчина удивительно спокойного характера (служил начальником угол. розыска). Человек, впрочем, настойчивый и с кем добряк, с кем может быть и жестоким (советская выправка). — Образование его, — сказала Ольга

Семеновна (жена его), — среднее, но он много читал и понимает (впрочем, сына своего назвал Владленом). Вот у них всегда чувствуется дух улья, и можно легко ориентироваться в политических настроениях. Так вот, слушая салюты, можно бы, кажется, радостно ждать скорого конца, но тут дух улья отвечает, что конец еще будет не скоро. Вероятно, этот дух улья, распространяясь широко в народе, и является тем таинственным источником понимания в народе общей политической линии.

— Видите, вон идет молодой человек, похрамывает. Это счастливец. Он уже третий раз возвращается с фронта, первый раз был 5 дней и ранило, второй раз неделю, третий тоже несколько дней и вернулся на одной ноге.

Были у Никулиной Ольги Семеновны (потеряла сына). Женщина, которая спасается от горя на людях. Другие в таких случаях уединяются. Первые глубже, вторые милее и легче. Восхищается своим мужем, изображая его извне, как если бы он был жеребец.

11 Августа. Щекин-Кротов хороший работник на пользу ближнего, делая свое учительское дело, втайне через это хочет быть, как артист. Любой великий артист, видя доброго человека в его деятельном добре, позавидует ему, скажет со вздохом: «Вот мне бы так!» А Щекин, добрый человек, все ждет, когда наконец его признают артистом. И вечно непризнанный, околачивает пороги искусства. И всегда и везде какой-то вечный смешной провинциал.

Пришел Г.Э. Бострем, очень, очень постаревший. Он принес нам в своей личности трагедию художника. Его рассказ о том, как он, убежав от семьи, жил в колхозе сторожем и писал Христа (наконец-то вырвался от семьи, бросил писать Ленина и взялся за Христа. А завет старца ему был: «слушайся жены и пиши Ленина»). Писал Христа, поглядывая в окно на лошадей (взялся их стеречь). Писал мазками под Поля Сеньяка, беспредметно, и только был намек на Христа. И вдруг

все распалось и показался лик Христа на небе (сам сказал: «это была галлюцинация»). И начал писать этот лик (икону). События семейные к этому времени: умерла зловредная безбожница теща, дочь Галя стала церковницей, приехали к нему с матерью, и он возвратился и опять стал писать и Ленина, и Сталина в маршальских погонах. На днях берет отпуск на месяц, чтобы закончить Христа. (Жизнь беспредметник!)

Натуральное х-во и кустарничество, как идеальная экономическая система православия. С точки зрения большевиков — это возвращение кулаков: утопия взад, апология мещанства.

Если бы с нами здесь за столом сидел Рузвельт, он о будущем немного больше нас мог бы сказать.

Вся мораль, которую он проповедует, в сущности, исходит из его опыта, как неудачного художника: он этим критикует свой собственный путь. И это был бы нормальный здоровый путь, если бы он оставался внутри художнического процесса. Борьба со своим злым гением (живопись) — искусителем. А у жены гений — музыка: два гения в жизненной борьбе и между ними еще теща. Теща умерла, дочь стала работать между двух гениев...

Сальери, спасающийся от зависти к Моцарту в православии.

О, я знаю это существо и знаю спасение от него путем расширения души: охватывает как бы милость Божия, и ты получаешь дар творческого смирения.

Бострем — это немец в православии, смиряется деловито, но вдруг все разрывается, и показывается «Соблазнитель» (напр. крест, горящий в луче вечерней зари). У меня же, напротив, разбивается европейская оболочка и показывается «Иван-дурак».

Малые дела, и молитва о единственном шаге в кротком свете у Бострема, и невозможность сделать этот шаг, если бы сделал, то и совершил бы великое («я избегаю резких движений»).

Но как же все-таки выйти из заколдованного круга? Взять Нестерова — он вышел, Бострем не может. — Почему? Скажут: талант. А что это талант? Значит, способность сделать «один шаг в кротком свете» и перейти роковую черту. Если ты способен и тебе дано Божиею милостию сделать этот шаг — ты счастлив: Нестеров, Репин, Васнецов — это все таланты счастливые. Пусть. Но есть такие, как Горшков, никакой не художник, но Репин сказал о нем: «гениальный», т. е. что художник плохой, а сам гениальный, т. е. великодушный и понимает художество, и любит великих художников, забывая себя.

А может быть все православие Бострема порождено великодушием гения всеохватывающего...

И весь Бострем в намерении сделать тот малый шаг в кротком свете (какой же это Сальери).

12 Августа. Получил с фронта еще одну благодарность за «Синюю стрекозу» и теперь на четвертом году войны устанавливаю преступность Фадеева, который отказался печатать ее в начале войны.

Сущность артиста в том, что он сам себя разыгрывает и делает все для себя, а почему-то выходит на пользу ближнему. Просто чудо: метил в себя, а выходит для всех.

Начинаю сочинять «Падун» по завету старца Бостремова: «Слушайся жену и пиши Ленина».

Любовь, всю любовь надо понимать как временное перемирие в борьбе настоящего (личности) с будущим (в будущем ведь лица нет). Любовь — это брак настоящего с будущим, из настоящего в этом браке определяется личность, из будущего — дети. Идеи будущего, не встретив живого настоящего, блуждают бесплодно, как старые девы и холостяки. Нас в юности пичкали этим.

На днях тягость на сердце давила, в голове шумело. Вышел из дому в надежде разгулять нездоровье в лесу. Шел по пыльной дороге, навстречу танки, пыль поднялась, свету не видно, грохот. Свернул от них в картофель и шел полями-огородами полчаса до лесу. И лесом долго шел в поисках глухого местечка. И наконец мне понравилось огромное поваленное дерево. Я лег на него спиной как на постель, головой к выворотню. Постепенно заботы мои отходили в сторону и с ними страшный человек современности, служитель и раб в борьбе неведомых злых сил. И только-только начала было раскрываться душа моя в глухих зеленых недрах леса, как вдруг среди кривых сучьев разглядел я прямую черную, все пересекающую нить. Это была проволока военного телефона...

Вот до чего слаба была искра жизни в душе моей, что довольно было этой проволоки — и все погасло. Я встал.

13 Августа. Вступая в борьбу, ты вызываешь неведомые тебе самому духовные силы, дремлющие и прикрытые силами физическими. Чем больше враг, тем духовнее сила, и если враг твой сама смерть, то без Бога эта борьба невозможна. Так вот почему Бострем, будучи схвачен смертью и в этот миг вспомнив о камфаре, после так горевал, так горевал о себе...

К счастью, у Пети в отношениях с начальником подлец не родился (начальник его броней не распорядился). Но потребность армии в рядовых так велика, что м. б. не поможет и броня. Во всяком случае в понедельник Петя захватит вещи и простится.

Не будь со мной Ляли, я сейчас бы очень страдал за Петю, вернее, не самого Петю, а за то охотничье место в себе, которого был бы лишен. Сейчас же при несчастьях с сыновьями я почему-то чувствую в себе нечто вроде боли упрека. За что? Не пойму.

Вчера читал Падун и был очень обрадован. Если бы мне удалось сделать из этого фабульную вещь, вроде «Всадника без головы», это было бы превосходно.

Ездил с Н. И. выручать Петю, которому завтра являться в военную комиссию. Решено, если бронь не поможет...

14 Августа. Тихий и ясный задумчивый день в осеннем предчувствии.

Ходили к Никулину просить печника. Сговорились ехать в среду в Москву (с Никулиным). Приглашен на завтра садовник устроить нам маленький рай. В Леспромхозе выпросили 5 кбм дров. Итак, зимовка на даче мало-помалу обеспечивается. Установилось, что Лева вчера украл у меня то самое яблочко, возле которого я устроил себе столик, писал и наблюдал его. И так опять оборвалась возникшая было к нему жалость, и опять упала на него тень 1940 года, когда он орал, что лишит меня ордена.

Петина участь решена: нестроевой. Теперь успеть бы с бронью.

Рассказ Пети о некоем Борисе Павловиче: это тип распада коммунизма, молодой человек, начинающий не только быть как множество «коммунистов», но и сознавать себя анархистом (совершенно как будто по Штирнеру).

— Мне нужна электрическая лампочка, я не буду ее воровать у бедной женщины, моей соседки. Я обращусь к представителю нашей власти, к директору, и беру у него, а он пусть достает. Я осторожно подрезаю провод, и у директора электричество гаснет.

— Лампочка перегорела, — говорю я и вывертываю у него.

— А у вас горит? — спрашивает он.

— Сейчас посмотрю, — отвечаю. И с его хорошей лампочкой отправляюсь к себе, соединяю провод, ввинчиваю директорскую лампочку себе.

– У меня горит, — говорю директору. И передаю ему в руки свою собственную перегоревшую лампочку.

И так в большей или меньшей мере живут все, считая себя вправе при всякой возможности все тащить из казны. И вся страна, как великий лагерь беспризорников.

– Но позвольте, — спросил я Н. И., — как же при таких условиях мы побеждаем?

– Так у них же там на фронте все есть, все готово, отчего бы им не побеждать? Ведь это у нас здесь работают и как работают. А они на всем готовом.

– Значит же все-таки работают, а вы говорите, всякий норовит стащить в казне что-нибудь для себя.

– Ну, так что. Он норовит, а ему не дают.

15 Августа. Встал рано, вскоре после восхода солнца. Но было, как будто кто-то заботливый и добрый встал еще раньше меня и перед самым восходом солнца полил всю землю и все цветы и листья теплым дождем. На малине одна большая капля дрожала и на солнце в ней вспыхивало так, что слепило глаза, но может быть это не капля дрожала, а само солнце между клочками рассеянной тучи то покажется, то спрячется, а кажется, будто это капля дрожит.

Появление елецкого садовника.

Бергамот, Тонковетка, Бессемянка, Груша ананасная.

Яблоки коробовка, малиновка, коричневое, апорт, плодовинка, Буль, грушовка. Розы чайные, махровые. Жасмин, сирень. Карликовая вишня и слива. Спаржа, цветная капуста. Шампиньоны.

Лицо яблони. У каждого дерева есть свое лицо — оно на восток, а зад — на север. Елецкий садовник (служил у Стаховича) Семен Федорович появился и будет мне сажать сад. Вот чудо-то.

Молиться — для этого надо устроить внимание.

Завтра в среду в 9 утра едем с Никулиным в Москву.

Дела: сердце, сад, бензин, ордер на горбыли, блесна, зап. книжка (сменить блок), Федин, бумага, чернила, занавески к машине.

16 Августа. Три дня, усиливаясь ранним утром, шел дождь, а потом омытый день на солнце сверкал до ночи, и наступала светлая звездная ночь до утра. Сегодня утренний дождь перешел в окладной, и сейчас в 7 утра не знаю, будет ли солнце.

Едем в Москву на несколько дней.

Собственность и семья создаются на праве наследства: семья воспитывает наследника. А мы, русские люди, до того начисто сумели разрушить принцип собственности семьи, что наивно радуемся освобождению от обязанности воспитывать наследников своей собственности. Подготовкой к этому служило вековое расшатывание уставов дворянской, купеческой и крестьянской семьи. Теперь советский гражданин почел бы обеспечение имущественное каким-нибудь отцом своих детей, пожалуй, делом безнравственным.

Нынешний русский анархист (Борис Павлович) из пролетариев (до сих пор анархисты выходили из дворян), пожалуй, близехонек в своих социальных возможностях к среднему американцу.

Зонтик — собака Никифора. Как я купил ее. (Никифор — вор — украл трубку у меня.) Зонтик перегрыз веревку у основания цепи. Никифор вернул. Посадил на железную цепь. Сторож, лает. Я попробовал спустить его на ночь. Простерег ночь, другую. На третью ночь убежал. Пошел к Никифору, и тот убежал. — А Зонтик? — И Зонтик с ним. (Почему пришло в голову? П. что сам себя чувствую в чем-то как Зонтик: хочется цепь перегрызть. Это вот и надо изобразить особенно, как грыз он цепь, ломал зубы, и вдруг что-то понял.)

17 Августа. Когда поминаешь своих покойников («за упокой»), то, конечно, стараешься воскресить перед собой благодарно то лучшее, что они дали при жизни и что сам от них получил. И вот это ощутимое на молитве, что получается от нее и за что благодаришь, и есть наследство твое. Всякое материальное наследство постольку лишь есть ценность, поскольку отвечает тому, за что ты потом (нескоро) будешь благодарить на молитве.

(Когда матрос бросает брань в «душу», в Богородицу, он выключает себя из связи с прошлым.)

– А что вы, Семен Федорович, как относитесь к религии, верите в Бога? Скажите без опаски нам, мы верим. – Верю ли я, – ответил садовник, – не бывает утра с тех пор, как я себя помню, чтобы, встав от сна, не прочел Отче наш и не помянул Владычицу нашу Царицу небесную, Матерь Божию.

– Какое это наследство, мой милый, если я оставлю тебе дом свой и после меня он сгорит, а ты пойдешь по миру. Не дом я тебе оставляю, а мысль: пусть дом сгорит, а ты мысль мою возьмешь, свою прибавишь, и когда дом наш сгорит, даже сделаешь новый дом, куда лучше прежнего.

Каждый человек идет и видит небо вверху и земля у него под ногами, и мысль, если рождается на ходу, тоже двоится – мысль небесная о том, как хотелось бы жить, а земная о том, как придется. Так мечется мысль между небом и землей, и вдруг на что-нибудь обратишь особенное внимание. И тогда вот это самое, что вдруг нашел, если вспомнишь, окажется плодом борьбы твоей между тем, что небо сулит, чего хочется, и тем, что на земле под ногами. Всякий человек так борется сам с собой и находит, что ему надо.

Приходил доктор Олег Ипполитович Сокольников (профессор), исследовал мое сердце (по требованию В. Д.). Нашел, что в моем возрасте недостатки моего сердца бывают у 99 или 100, что вообще организм на редкость хороший.

18 Августа. Мне мелькнула сердечная мысль, что собранное вокруг одной какой-нибудь мысли действие, называемое у нас идеей или принципом, не характерно для одного человека, что и природа тоже так действует, и разница лишь в том, что в человеке мы видим и понимаем, а в природе все совершилось до нас, и нам оттого кажется, будто там силы действуют «стихийно» (без идей).

Вот Ляля забрала себе в голову, что она должна служить моей личности, и так эта идея стала в ней руководящим началом, и я сам, как живая личность, требующая к себе неустанного внимания, исчезла (в какой-то мере), потому именно исчезла, что стала материалом («жертвой») идеи служения. И правда, с тех пор как Ляля забрала себе это в голову, она облегчила себе труд внимания: ей теперь не надо больше, как в начале любви, трепетать в тревоге и открывать во мне новое, теперь я нахожусь для нее не в себе, а в ее принципе (в идее), она стала властью, я — жертвой.

NB. Ляля не вся в этом, но черточка эта в ней есть, и я развиваю в ней лишь эту черту ее характера: этим самым она и мать свою мучает, и отсюда берет мораль свою и читает ее иногда даже Норке, даже коту («А Васька...»).

А что, может быть и природа (стихия) так жестока и совсем не внимательна к личности, к особи, к индивидууму, что эта истинная живая жизнь (отчего все движется, растет) из века в век становится жертвой того, что природа «забрала себе в голову».

И вот она, смерть, вот по бревнышку, перекинутому людьми через ручей, переходит куница с загрызенной белкой в зубах... Куница держит в голове одну мысль, она забрала себе в голову, что ей надо накормить свое семейство, и белка стала жертвой ее «идеи».

Так и немец забрал себе в голову, что ему нужно «жизненное пространство», занимаемое русскими.

И помните, как бывало с вами, кто-то, какой-то ваш друг когда-то излагал вам свою мысль. И вы вдруг, поняв несоответствие этой мысли с натурой самого человека, остерегали: — Нет, нет, это не твое, это ты надумал.

Так и Раскольников забрал себе в голову (надумал) убить старушонку.

Так происходит в мире как бы трансформация тока жизни из личной формы в общую, и каждый из нас становится жертвой (удобрением) всех.

И может быть так и стихии все, и гром, и вода, и огонь, и вся «природа» образовались путем этой трансформации личности каждого в безликое общее. Ветер, ветер, вспомни себя, и ты, солнце, и ты, месяц, как вы были...

Друг мой, бойся «идей», не забирай их себе в голову: это ангелы смерти носятся в воздухе.

На тротуаре лежала железная решетка, чтобы рассеянные или пьяные не падали вниз. Под решеткой был подвальный этаж и окошко. Теперь за войну решетку убрали может быть сами хозяева, чтобы прямо из окошек вылезать и по стенке выбираться на улицу, и, обратно спустившись, стучать в окошко, открывать и входить. За время войны между кирпичами выросли лопухи, крапива, даже маленькая березка.

19 Августа. Тайна Евстолии Васильевны или дружба женщин. Дружба разрешилась признанием, что ее муж был известный контра и был расстрелян. Он как мужчина был занят «делом» и не обращал внимания на жену и дочь, открыто изменяя жене, и не придавал этому значения. Когда его расстреляли, то в доставленных вещах (окровавл. рубашка) была записка о том, что он умирает спокойно, в сознании, что правильно делал, а любил только ее и дочь. Эта записка внесла радость, и всю жизнь Евст. Вас. теперь живет этой радостью. В своем признании она была так чиста, что Ляля чувствовала себя «грязной». И вообще, романы утонченные происходят между женщинами (а как они следят друг за другом в отношении внешности, тут неустанная работа).

20 Августа. На днях, в ожидании бензина, сидел в машине и глядел на площадь Революции. В толпе я заметил, важно шел мальчик-кадет (суворовская школа) в новом мундире, с погонами и постоянно отдавал честь вправо и влево. После царства головорезов-мальчишек на наших дворах, этих червивых мальчишек с ножами в карманах, с

тусклыми глазами, определяющими мгновенно глупость «старших», этот мальчик в своей форме, в своем необходимом поведении — знамя нового времени. Вот когда можно сказать, что «революция», как мы ее понимали, свое дело сделала и теперь, пусть война еще гремит, — началась мирная жизнь.

Вчера Давыдов чинил пишущую машинку, рассказывая, как одна девушка ездила в Вашингтон машинисткой и как она там скоро соскучилась по родине. Вот и все! Ничего таинственного в этой силе родины, скорее таинственна сила, могущая держать человека независимым от родины.

Два обстоятельства держат меня на родине, первое — это, конечно, язык, второе — ландшафт, который не делается, а возникает сам собой. Лес, напр., у нас прямо под Москвой растет сам, без ухода. И так мне кажется, что только у себя на родине я чувствую тайну жизни, незахватанную разумом («...странною любовью, ее не ...рассудок мой...). При нынешней-то механизации! И вот именно при ней-то я и начал особенно ценить «бесполезное», что где-то само живет и, кажется, только у себя, на родине. Что же это такое?

При встрече с Бостремом я попробовал оглушить его признанием в том, что я стал христианином и почти что остался с открытым ртом, как окунь на сухом берегу. Глядя на него, я почувствовал пустоту моих слов и что есть люди, при которых эти слова не произносятся.

Б. — неудачник (художник), пустивший в ход все человеческие средства, чтобы преодолеть зависть и боль сальеризма. Взамен пути художника он взял себе путь святости и, вероятно, не может на нем справиться, потому что этот путь взят им не сам по себе, а как заменитель. Старец, когда давал ему совет «слушаться жены и писать Ленина», понимал его в художестве его как в искушении и предлагал это средство, чтобы можно было ему стоять хоть на чем-нибудь. Время от

времени он срывался [срывался с места] и бросался в художество, всегда прикрывая его религиозной темой (звездное небо, бриллиантовый крест), и возвращался неизменно к жене и к Ленину. И, наконец, убежал от жены в Туркестан. Отказался от всех благ, чтобы писать Христа. И говорит теперь, что его заставили замазать Христа (?), и он вернулся к жене (кажется, жена за ним приехала). Теперь пишет Сталина в маршальских погонах. Говорит, что на днях отправится в санаторий и там восстановит Христа.

Ляля к нему очень хорошо отнеслась, но потом через неделю сказала: — Его путь от нас очень далек.

И я ей ответил: — Да, это верно: ты далека от него, потому что по природе своей очень добра, а я живу тоже в таланте.

Вчера были у Курелло.

21 Августа. Приходила монахиня М. А., и я подумал, что вот, пожалуй, в человеческом мире монах — это единственное положение, в котором человек живет сам от себя, т. е. свободен. В этой мысли нет ничего нового, в мире вообще нет ничего нового вне времени и места. Вот было во время царское, время нашей распущенности, когда каждый жил сравнительно с нашим временем, как ему хочется, тогда и в голову не приходила мысль о монахе, как самом свободном существе. Только теперь годы неволи подготовили меня к новой мысли о монахе.

Вчера у Курелло гость его, раненый лейтенант без усов и с белой бородкой, очень картинно изображал действия русского организатора-производственника. Человек ложится спать с определенным планом в голове на завтрашний день. Вдруг по телефону говорят, чтобы он завтра изменил в основе все производство. И вот как он выходит из положения. В этом и есть гениальность русская, увенчанная победой над немцами. (Эту мысль изобразить в «Канале».) Сущность, значит, в том, что человек не от себя ставит цель или план, а выходит из положения, созданного извне.

– Значит, — сказал я, — просто выражаясь, русский человек прекрасно работает в неволе, но как он делает от себя, как выражается его личность?

– О, для себя эти люди тоже плохо не делают, не забывают себя.

Как я ни повертывал вопрос свой, эти коммунисты личность человека, его самородное начало творческое иначе и не могли понять, как жизнь личную, жизнь для себя. И такие все коммунисты, и что-то им отвечает в русском народе, и это самое даст нам победу.

Курелло изображает Гитлера пристрастно, только как идиота. Все поражения немцев он объясняет только тем, что действия всех частей германской армии определяются только его волей, что это будто бы началось под Москвой, когда немцы хотели бежать в панике. Тогда Гитлер ввел эту систему «ни с места», тут это удалось, а дальше везде это «ни с места» губило инициативу.

Итак, русские тем победили, что оказались исключительно способными к организации.

— А что это, организация?

— Способность расположить материалы в данное время и данном месте для наиболее выгодного их содействия.

В наше время у большевиков понятие организация имеет, кроме общего, еще специфическое большевистское моральное значение в том смысле, что человек организованный есть истинный человек. Этот истинный человек — сам человек или весь-человек вполне вытесняет собою и делает ненужной химерой личность человека. В этом и есть весь наш спор с большевиками. Их организованный «весь-человек» и есть их такое же нравственное начало, как у нас Христос.

Трагедия Бострема состоит в том, что он, исповедуя Христа, пишет Ленина (написал 5000 и теперь пишет Сталина в погонах, а в свободное время Христа).

22 Августа. Вечером вчера перед сном через деревья увидал Большую Медведицу и вспомнил, сколько я в жиз-

ни своей вложил своего в эти звезды. Теперь я больше не вкладываю своего в звезды.

– Ляля, — сказал я об этом ей в постели, — мне сейчас немного грустно: не могу больше отдавать себя звездам.

– Есть о чем грустить: ты им отдавался потому, что ничего лучшего, кроме звезд, над собой ты не видел. Ты именно от грусти по ближнему им отдавался, так чего же теперь тебе по грусти грустить?

Сейчас, беседуя с Лялей за чаем, понял основу происхождения своей неприязни как писателя к современному положению вещей. Основа состоит в том, что я, наивный художник, веривший в существование какого-то читателя («друга»), которому можно было открыть все, что есть на душе, приведен поведением наших властей к новому пониманию жизни: существует и должна существовать для каждого тайна тайн, которую он открывать не может. Вот эта-то тайна образует из хаоса всех людей — каждого из нас, хранящих эту тайну. Может быть, впервые только теперь я почувствовал свое приближение к тайне, и это приближение дает о себе знать толчком извне в мою душу, когда я раскрываю рот, чтобы высказать тайну свою всем. (Сумбурно выражено, переделать.)

Тайну эту нельзя осознать: осознание и есть рационализм, антропософия и весь страдальческий путь к истине любимейшего у Бога ангела Сатанаила.

– Но ведь Христос нас спас. Вы это чувствовали хоть раз в жизни? Если он спас, тогда нужно лишь верить и жить верой, любовью. И вот это состояние души остается тайной каждого, образующей его личность.

– Если ты падаешь, друг мой, то ведь это значит, что я не держу тебя, это значит, я виноват.

– А если ты грустишь о высоких звездах, что не можешь туда к ним, это значит, я держу тебя и не даю свободы лететь к ним?

24 Августа. В пять утра стало теперь «до восхода солнца». И вот оно светлое холодное росистое утро, «осенняя пороша». Пробовали за грибами — ничего не вышло: грибов нет.

Кажется, такая тишина в лесу, только внизу по стволу старой березы будто мышки перебегают: это самый легкий ветерок далеко наверху играет с веточкой, и тени внизу от этого перебегают по березе, как мышки.

Тихо, прозрачно, еще незаметно пожелтение зелени, но кусты на опушке леса начинают задумываться.

И вот еще бывает перед началом осени, а потом все сильней. Это вдруг где-нибудь почувствуешь, обнимет тебя какой-то непонятно от чего исходящий аромат. Сколько раз, почуяв его, я останавливался и старался по этому запаху приблизиться и никогда не мог, как будто на неведомом привлекательном существе была надета шапка-невидимка.

Хорош ли этот первый аромат осени — я не знаю, ведь это запах не прекрасного цветка, а близкого существа: быть может, только мне одному оно пахнет прекрасно. И такая вся весна и вся осень: весна прекрасна для всех, осень — для каждого, и кажется нам, будто весной Бог любит всех, а осенью... да, и осенью всех, но каждого больше. И каждый по-своему выделяется из всех и цветами своими и ароматом.

Дятел стучит, и я думаю, — какие мы, люди, все разные. Вот дятел стучит, и одному кажется, будто это плотник новый дом сколачивает, а кто-то жизнь начинает. А другому, когда дятел стучит в лесу, кажется, будто это покойнику в гроб вколачивают гвозди.

На столе моем лежит небольшая коричневая книга с золотым тисненым крестом. Это книга тайн для каждого человека: каждый из нее должен взять свою тайну, носить в себе и раскрывать людям только своими делами. Я знаю, Ляля взяла себе тайну «любите врагов», а я взял: «Вначале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог».

Бог знает, с каких времен у канав этой старинной дороги растут березы. Одна, по которой [по стволу] перебегали мышки-тени, была особенно древняя, вся в глубоких тем-

ных морщинах, и белого березового на стволе совсем ничего не осталось внизу. Но вверху сила жизни поднимает березу к солнцу, и там у нее в куще было и бело и зелено.

И я думал о себе: сколько темных морщин у меня на душе и на теле, и в то же время чувствуешь, что нельзя на них останавливаться, перебирать их отдельно, что кто-то в себе повелительно требует выйти из этих морщин. Вот и сейчас чувствую, что стоит мне усилиться, написать «Былину», и все вопросы жизни, о которых я так много и мучительно думаю, исчезнут, как не были.

Это значит, надо скорей писать. Это значит, что вершина, куща моей березы древней еще зелена и бела.

25 Августа. Вчера за все лето первый раз был в поле, полудремал на копне ржи, передо мной на обрезанной соломинке переливалась всеми цветами росинка. Было прохладно, росинка просияла весь день, и, вернувшись к той же копне вечером, я узнал ее. А когда стемнело, вдали между двумя тесно растущими соснами блеснула звезда. Я смотрел на нее неподвижный, и она уходила, и я, двигая головой, возвращал ее на место между двумя соснами, холодно понимая, что не звезда, а я движусь вместе с копной и всей нашей землей в неведомом пространстве, в неведомом мне назначении.

Мы вспоминаем Дуню усольскую, несознающую, чего она стоит, если она от обслуживания своей семьи переключится на общественную работу.

Перед моим окном близко друг к другу стоят две сосны, одна смотрит на восток, другая на запад. Когда солнце склоняется к западу, большой сук от западной сосны дает черную кольцевую тень на оранжевом стволе восточной сестры. И потом эта тень, по мере того как солнце снижается, поднимается вверх от сучка к сучку, так что можно время считать в солнечный день до заката. Когда же стемнеет, между двумя соснами-сестрами показывается знакомая звезда, и тогда, чтобы иметь эту звезду между ствола-

ми, приходится невольно самому передвигать голову и так быть стрелкой часов, указывающей движение моих сосен, и всей земли, и себя самого в небесном пространстве.

Не каждый день бывает солнце и ложится кольцевая тень у сосны, не каждый вечер бывает видно звезду между соснами, не каждый раз у меня бывает чувство себя часовой стрелкой в мировом пространстве. Но когда я себя чувствую стрелкой, мне всегда кажется, будто я нашел себе вечное место спокойствия, что пусть с утренним светом померкнут звезды, я буду указывать время по солнцу, считая сучки на сосне, пусть солнце сядет, я опять вернусь к звездам, и так навсегда, на все времена я сделаюсь стрелкой.

Читал Метерлинка «Жизнь пчел». Нашел опору постоянному моему чувству природы, не имеющему разумного оформления: мне часто кажется, что единственное наше превосходство в отношении животных — наш разум — в действительности не есть лучшее качество, что может быть они и видят мир лучше и радуются лучше.

26 Августа. Ночью был дождь, утро пасмурно-теплое, с надеждой на солнце.

Никакая власть не дает утешения, и победитель, если не совсем глуп, победу не берет на себя. И как радоваться победителю, если именно он-то единственный знает и таит в себе, что не сам он победил, а какой-то глупый случай (какой-нибудь камешек под ногой неприятеля) помог ему.

И так, наверно, у людей всегда и во всем так, что ни труд, ни счастье не создают желанного праздника.

Ручей знает одно: надо бежать, чтобы соединиться со всей водой в океане. На пути этого ручья человек ставит мельницу, и ручей теперь, чтобы попасть в океан, должен вертеть эту мельницу.

Трудно выдумать «технику» (так теперь стали называть машины), но раз она выдумана, то пользоваться ею

может каждый и не нужно для этого никакого развития, кроме как выучиться там нажать, там отвинтить, там начертить...

Хорошо, если машина заменяет только рабочую силу, но время, когда машина заменяла только силу, давно прошло, в машинный век машинные отношения стали заменять прежние человеческие отношения. В этом, конечно, не машина виновата, как не виноват самолет в данном ему назначении швырять бомбы на город.

Читаю Метерлинка о молчании, понимаю — все правда, но стыдно: только ведь игрой слов своих на бумаге для далеких друзей и повседневной болтовней с близким другом своим облегчаю себе жизнь. Отнимите эту игру, и какой непереносимый останется ужас. И что я! Сам Господь не выдержал своего молчанья и сказал нам: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное».

У каждого яблока на одной и той же яблонке такое разное выражение. Есть яблоко умное, выглядывает из-за листика выпуклинами своего лобика, а есть наверху любимое мое круглое, с круглыми дольками, всегда мне сверху смеется весело. И бывает, я ему даже пальцем погрожу и скажу в присутствии кота Василия Ивановича и Норки: «Ну, погоди ты у меня!».

Нет, нет, благодарю тебя, Господи, за язык мой, спасающий меня от тяжкого молчания, вызывающий мне друга даже и с яблонки.

Произносимые нами слова имеют смысл только благодаря молчанию, в котором они плавают. (Метерлинк.)

В то далекое время я не мечтал о писательстве, но когда безумно влюбился, то в разгар чувства где-то в вагоне на бумажке пытался записать последовательно этапы моей любви: писал и плакал. Для чего, зачем, для кого я записывал? Боже мой! А пять лет тому назад, когда начинался роман с Лялей, не то же ли самое, приобщаясь душой

к тайнам жизни, не водил ли я тоже своей сивой лапой по бумаге?

Жалкое существование людей, живущих в забвении своих вечных прав (Метерлинк). Да, да, вот именно это! Все, все кругом не помнят своих вечных прав.

Он сказал: «наша душа», и я внезапно почувствовал существование единой души всего мира, прикосновение к которой мы чувствуем как свою <u>личную</u> душу.

Помню, в юности приехал к Семашке, который был врачом в селе Покровском под Орлом. В дружеской исповеди я признался, что, кажется, начинаю теперь веровать в Бога.

— Как в Бога? — воскликнул изумленный и сбитый с толку марксист. — В какого Бога?

Я даже испугался и сказал:

— В личного.

— Ах, в личного, — ответил он, и молчанием дал понять: это ничего, личный Бог допустим.

Так точно у них личные души. Но именно вот Личного Бога, личную душу понимать как простое прикосновение свое к существующей целой душе, к целому любимому Богу, — это недопустимо.

27 Августа. На всех фронтах немцы разваливаются, нависла катастрофа над всем гитлеровским делом.

Мужики говорят: «С дураками свяжешься — дураком и сам будешь. Вот за то и немец пропадает, что он с нами, дураками, связался». И это правда: немец именно за ум свой пропадает: перемудрил.

Чувство своей национальности в существе своем дает, по меньшей мере, сознание особенности своего народа, какой нет у других. И это вполне здоровое сознание. Порок национализма начинается с того момента, когда национальная особенность превозносится как превосходство

над всеми, дающее право господства. Вот тут-то и выходят «дураки» против такого умника. Культура русского национального «дурака», вероятнее всего, происходила в земледелии, где дурак мужик обыгрывает умного барина, часто даже прямо и немца. Так сквозь этих «дураков» фильтровалась и вся русская интеллигенция, в свою очередь превращавшая «дурака» в сфинкса. В конце концов, профильтрованная интеллигенция, большевики, стала народной интеллигенцией, так что «сфинкс» остался сам в дураках.

Немец теперь, однако, недаром борется и погибает, после немца национальное самоопределение в смысле сознания своего неоспоримого достоинства не должно наконец прятаться, как у нас, за «дурака».

А вот еще, сколько лет прогресс цивилизации у нас проповедовался как нравственный закон, как движение высшего разума, в то время как «темный» русский народ исстари считал это просто хитростью (немец хитер).

В этой войне вся цивилизация была продемонстрирована как «хитрость».

Вчера «тесть» при разговоре о «дураках» вспомнил сказку, кажется, Льва Толстого о черте, которому дали говорить, но отказали в пище.

– У Толстого эта сказка? — спросил тесть.

– Нет, — ответила беременная жена лейтенанта, — это скорее всего не в книгах.

— А где же?

— В Евангелии.

Подозреваю, что и сам лейтенант не выше развитием своей жены, и хороши наверно тоже многие наши генералы! Вот если на эту почву невежества да ляжет победа, как легла она на немцев в 1870 году, не выйдет ли из этого русского новый немец?

Побеждает ведь все-таки «дурак», т. е. прежний, слежавшийся как торф, русский человек: его вынули из болота, как торф, подсушили, и он загорелся. Но оформляющийся <u>советский</u> человек — это же никак не дурак. («Он

себя не забывает», — сказал военный у Курелло.) Именно этот человек на каждом шагу проповедует культурность (т. е. цивилизацию).

Советская культура — это, верятно, новая, близкая к ...

Никогда, наверное, не было так остро сознание своего незнания «к чему все идет», как теперь. Никто не дивится, если сказать ему, что посади Рузвельта или Сталина с нами за стол, и окажется, что они знают не много больше о «к чему все идет», чем мы. И в то же время все мы чувствуем, что не само же оно идет, что кто-то знает и ведет. «Жиды знают» — многие скажут. Но это, конечно, неправда: «жиды» тоже не могли знать, что выйдет с немцами в России после Москвы. Мы сейчас очень похожи на умную собаку, которая всматривается в лицо хозяина, стараясь угадать его мысль.

И в старости можно себя исправлять путем осознания в себе чего-нибудь лишнего, мешающего здоровью физическому и душевному. Школой для этого служит молитва, собирающая внимание.

Есть даже некоторая приятность при отпадении естественном всего внешнего. Так и дереву приятно, когда сваливается спелое яблоко, даже заметно, как обрадуется освобожденная веточка. Так и листья отпадают: дерево о них не жалеет.

Листья мои — это разного рода увлеченья.

Михаил, будь счастлив тем, что твой ландыш простоял за каким-то листиком, и вся толпа прошла мимо него. И только под самый конец только одна женщина за тем листиком открыла тебя и не сорвала, а сама наклонилась к тебе. (Во время чтения книги Федина «Горький среди нас».)

28 Августа. И солнечное утро, а роса холодная, седая. Кот выбрал на полу облученное место и улегся на теплом.

Написал Федину.

29 Августа. Перечитал письмо к Федину о Горьком, в котором называл Горького резонером и дьяконом от культуры. Так пришло само собой время мое быть строгим к людям, как и к себе, и не потакать им.

То внимание к себе, которому я теперь учусь каждый день, должно между прочим оберегать меня и от снисхождения, п. что при том внимании я должен прежде всего оберегать свое положение, а мое положение должно исходить из сознания, что в годы ужаса для всей интеллигенции я умел писать о любви.

30 Августа. Ляля привезла из Москвы рассаду клубники и теперь садит. Очень скоро она сделается отличным садовником и огородником.

Детский журнал с моим рассказом «Лесной доктор» — какая прелесть! Вот как надо писать и «Падун».

Сила Горького вся состоит в приспособлении, а не в вере и знании. Он силен был тем, что постиг слабость основ самодержавия, ровно как и русского мужицкого быта. В то же время он понимал, что революция приведет наших людей к хорошему. И так всю жизнь провел не как работник искусства и знания, а как наивный посредник между народом и интеллигенцией. В этом посредничестве он весь разлился у нас как весенняя река на лугу, но весна проходит, и вода сбегает в обыкновенную речку. Время Горького теперь проходит. Федин опоздал со своей книжкой.

Все чувствуют уверенно наступающий конец войны, и после Румынии — уж не знаю, как дальше будет — меньше стало тревожного ветра из будущего. И как бы ни было трудно, все-таки ведь долго же не будут выстреливать <*зачеркнуто:* в воздух > труд человеческий, чтобы разрушать жизнь.

Нет ничего более чуждого для интеллигента, как крестьянский родовой эгоизм, да еще заключенный на хуторе.

Народники и толстовцы...

После победы так или иначе тем или другим способом облегчится наказание всех за мечту и распущенность колхозами. Если же колхозы будут богатые, и любитель-частник тоже не стесненно может работать, то чем же плохо? Так, все, устраиваясь и складываясь, после великого бедствия придет в равновесие и «да умирится же с тобой и покоренная стихия».

Победа примирит, потому что каждый осознает в себе необходимость неволи своей для победы.

– Да, ты не знал, ты не верил в победу, тебя гнали, и ты страдал. Но знал ли тот, кто тебя гнал, будущее?

– Нет, он тоже не знал.

— Так почему же он тебя гнал?

— Потому что его самого гнали.

– А тот?

— Его тоже гнали.

— Кто же в конце концов начинал это гонение?

– Гнал один другого, но начало теряется во времени, и сам-человек не тут.

– А где же сам человек?

— Это каждый сам в себе, это его, каждого, тайна. И никакая сила не может раскрыть ее, кроме любви.

— Если сила любви способна раскрывать тайну каждого, то почему же ею не пользуются?

– Потому что эта сила действует за пределами полезного и не дается тому, кто приходит к ней за пользой.

— Но как же все-таки любовь становится полезной?

— Это есть тайна каждого.

31 Августа. Победа нарастает не по дням, а по минутам. И вместе с тем начинает колыхаться туман, в котором жили мы, ослепленные и придавленные.

Может быть и ничего это, что сгорели в Москве документы истории? Батюшки мои, какая ценность! Лет десять тому назад я написал кому-то письмо, которое теперь считаю глу-

пым и даже не своим: я нынешний теперь такого письма за собой не признаю. А он, глупый историк, хранит его как документ и делает выводы о моей личности. Глупец, да моя-то личность не в том, что в таком-то году в такой-то день и час у меня случился понос. Если же ты хочешь быть настоящим историком, то вглядись не в документы, а в живого человека, открой для него внимание слуха твоего и глаза, и ты увидишь тогда по живому человеку всю историю, со всеми ее документами. Истинные документы истории не пропадают, п. что истинный документ носит в себе каждый человек настоящего.

Огниво ее ослабело, и мой кремень больше из него не высекает огня. На какие раздумья и воспоминания наводит меня этот уже незначительный факт нашей совместной жизни: даже не факт, а почти что смешок. Зачем теперь мне искра? Зачем зажигать дрова и топить печь, если пища сварена, а в доме и так довольно тепло? Дрова должны гореть, когда еще пища не сварена, тогда кажется, будто все дело в дровах или в искре огнива от удара кремня. И сколько в этом ожидании пищи! Кажется, все тут, и весь мир человеческий в жизни начинается искрой...

Как будто везли нас, везли 27 лет в запломбированном вагоне с закрытыми окнами, и вот теперь наконец после победы мы выходим и оглядываемся. Оказывается, что на кого мы сердились, кто нас сторожил и не пускал, кто гнал паровоз, и все вообще наши начальники так же, как и мы, ехали не по своей воле, и еще больше! В конце концов, никто не знал, куда мы несемся.

Самое странное, что многие из нас чувство своей личной свободы каким-то образом вкладывали в идеалы дореволюционных мужиков и, становясь на их место, ненавидели колхозы. Между тем теперь после победы так ясно видно, что никто больше не сделал для победы, как эти колхозы.

И взять хотя бы Горького, и что он был в свое время в своем роде единственным, как и Сталин в своем роде — по-

чему это? Только потому, что они были именно послушны своему чутью времени и, отлично разбираясь в способностях людей, не имели даже понятия о личности, смешивая идеал богочеловека — Его Личность — с личными претензиями человеков, соединяемых механической силой, как воздух под давлением в жидкое состояние государственного Всего человека.

Сколько свободных воздушных частиц (вспомнить только!) обратилось под давлением в жидкое безликое состояние, и теперь, живые или мертвые, участвовали в победе... А помните самых способных русских людей, кулаков, на строительствах заводов и каналов, — разве не на них...

1 Сентября. Первая молитва его была к небу: — Отец наш небесный. Вторая к земле: Богородица, Дева благодатная.

Сестра Лидия много раз говорила о матери: «Это ребенок». Как это могло быть: ребенок в 70 лет! И что значило этот «ребенок». Я думаю, это значило вот то именно, что Ляля называет во мне «юношей». И это «ребенок» в душе есть, вероятно, живое чувство радости жизни. И вот это в Зуйке, который именно этим «ребенком» преодолевает трудности, которые иначе преодолеть невозможно. И это то, что любит и ценит большинство людей.

Весь этот день с 4-х утра (поездка в Москву) был отдан, чтобы сделать три удостоверки* Н. И., которому я обязан за ремонт машины.

2 Сентября. Когда Ефр. Павл. варила для меня пищу, а я сам только писал и охотился, то совесть ни капельки не упрекала меня. Теперь, когда М. В. уезжает за продуктами в Москву и Ляля готовит пищу в неудобных наших условиях, мне всегда бывает неловко и писать, и есть, не говоря об охоте, которую я совершенно забросил, и больше не получаю впечатлений от природы.

---

* Удостоверка — здесь: маленькая фотография для удостоверения.

Страстное занятие огородом у Ляли есть сублимация материнства. Если дать ей возможность заниматься огородом и садом, она только и будет этим заниматься, а мне грозит в точности участь Афанасия Ивановича из «Старосветских помещиков».

Вчера узнал, что увеличили наконец ставки за лит. работы: за рассказ в детском журнале платят 1500 р., за которые можно, впрочем, купить только два кило масла. Но и то! А знаменитый «лимит», в сущности, и есть виновник моей несвободы. На эти 500 р. лимита можно бы хорошо жить одному, но четырем, как у нас, это значит быть полуголодным, и то при условии, что не будешь никуда от семьи уходить в сторону. Вот отчего ни разу не был на охоте и даже на рыбной ловле (под боком). Для этого нужны силы питания, а куда тут идти и расходовать силы, если взять-то с собой нечего. При этих условиях и наша дача тоже уклон от линии и расход. И пусть даже Ляля дает летом к столу картошку, лук, помидоры, все равно, ее жизнь, посвященная только этому, — чистый убыток.

Вот почему я думаю в скором времени переехать в Москву, не предпринимать работ по устройству зимнего жилища и ездить из Москвы обыденкой иногда лишь на дачу. И заняться: писательство — с одной стороны, и с другой...

А как оглянешься на себя, то видишь ясно, что не сам делаешь (как хочется), а все выходит (как «надо»).

Есть мелочи жизни, с которыми приходится считаться всем на свете, и каждый выходит из них по-своему, от обывателя до Наполеона: за то ведь только он и Наполеон, что из этого почти начисто вышел — Идеал в этом отношении монах-пустынник. Комично бывает (чего мы боимся), когда человек, в общем признании достигший относительной свободы от этих «мелочей», на самом деле путается в них (Сократ и Ксантиппа).

Есть что-то неладное и у меня в этом отношении: я просто неловок, ленив и часто смущен; в моем положении другой как-то бы устроился! А я переношу тягости обыва-

теля далеко не по своему положению. Вот бы как Горький или А. Толстой. Они эту нашу растерянность и застенчивость глубоко презирают, а мне в обществе этих плутов тревожно за себя, и я сам собой при них не бываю, а кого-то разыгрываю.

Эта видимая небрежность в отношении ко мне таких людей, как Фадеев и Тихонов, происходит оттого, что они отсюда (т. е. от таких людей, как я, ими уже примеченных и взятых под «тип») ничего не ждут. Может быть, они даже и так думают, что если бы и мы соприкоснулись с тем, с чем они волей-неволей спаяны, то и нам бы наше своеволие показалось смешным. Они правы, конечно, поскольку в отношении видимости более прав тот, кто стал выше и тем самым кругозор его стал шире. Это правильно, только ведь мало того, чтобы стать выше. И осел тоже часто поднимается шаг в шаг с альпинистом и на все смотрит и знает, что он высоко, но понять из того, что видит, ничего не может. А у людей очень, очень часто бывает, что дурак-осел выше стоит, а умный альпинист ниже, и дурак учит умного.

И еще бывает, что если по тропинке у края бездны идешь, то надежнее смотреть на тропинку и не заглядывать в бездну: глянешь — и голова закружится.

Русская «смекалка» означает ни что иное, как способность к технике, т. е. полезной организации материалов.

3 Сентября. В эту ночь (с 3-го на 4-е) у Ляли погиб отец. Мы сегодня ходили к обедне в Новую деревню.

Известные мысли, что победа над кем-нибудь или над чем-нибудь есть победа над собой, т. е. над своим стерегущим твои промахи внутренним врагом, распространяется и на государственную жизнь. Победе над немцами предшествовала победа над внутренним врагом, над тем, кто назван в «Медном всаднике» Евгением (умирилась «природа», но Евгений?). Но личность?

Победителя не судят. Горе побежденным.

Да умирится же с тобой и покоренная стихия (стихия, а личность, Евгений?).

– Миша! — в отчаянии воскликнул Мартынов, когда понял, что его пуля попала в цель, и Лермонтов умирает.

Прошу прощенья, — сказал студент раненому на дуэли, в то время как доктор зашивал ему широкую рану. И в ответ на просьбу о прощении...

Луначарский сказал: — Мы взяли дубинку Петра Великого.

И оказывается теперь, что не было иного средства, что ее надо было взять. И мы ненавидели это «надо» и были как Евгений возле «Медного всадника».

А вспомнить в Кабарде встречу Бетала с разъяренной из-за нового курорта беднотой.

Мы сочувствуем Беталу, строителю курорта (Медный всадник) и мелкоте, поскольку среди них есть Евгений (личность).

Так вот, значит, приступаем к анализу нового события во вне нас (победа).

4 Сентября. Победа (государ.) оставляет после себя вечно непримиримое начало (Евгений), о чем точно сказано: отдай Богу Божье, а кесарю кесарево. Так этому личному началу и государственному нет примирения. Необходимость примирения (видимость) разрешается подменой личности отличником (стахановец, орденоносец). И может быть чем больше в государстве отличников, тем больше общество нуждается в личностях (общество состоит из личностей, государство из отличников).

Видел во сне Перовскую Ольгу Васильевну: она показалась среди людей и шла даже рядом со мной, но ничего не сказала и ко мне не прикасалась. И я не спросил о главном, т. е. что она, как все говорят, умерла. Так снятся только мертвые.

Когда хор запел вчера в обедне «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный», Ляля закрыла лицо руками. Я поду-

мал, что она это об отце, и сам едва удержался от слез. А когда потом ей об этом сказал, что едва удержался, так мне ее было жалко, она сказала: — Глупенький, но я же от радости — меня слова поразили чудесные, и что их все-таки, несмотря ни на что вокруг, произносят, что если есть место на земле, где произносят, и если теперь в наше-то время все-таки произносят, значит, всегда это будет. Как это чудесно! Я от радости, а ты вздумал меня жалеть. — А мне, — ответил я, — теперь тебя в твоей радости еще больше жалко: ведь эта радость не от мира сего.

5 Сентября. Победа наша в перспективах своих неимоверна: (проливы, славянство), ослабление политвоинствующих соседей, немцев и японцев, покорение всей Прибалтики, Финляндии.

Сегодня в «Правде» цитируют какого-то иностранного корреспондента, который встретил в Италии «оптимистов», уверенных в том, что через 15 лет Европа пойдет войной на Россию при поддержке Англии и Америки.

Ничего нельзя сказать вперед на 15 лет, и как это сказать после московского «чуда».

Недавно поймал самого себя в чем-то, не помню: сознательно был, казалось, вполне искренним, а подсознательно вел в противоположную сторону. Вспоминаю свои речи в двух планах: как даровитый актер играю свою роль, положим, Гамлета, и, войдя в роль, бываю совершенно уверен, что я — Гамлет и есть. Но я не Гамлета играю, а роль совершенно искреннего друга всех (присутствующих)...

Увы, кроме как в обязательном, необходимом труде, мы все непременно в жизни что-то или кого-то разыгрываем. Вот и Ляля, она особенно интересна в саморазделении своем на идеальную небесную девственницу (Христову невесту) и на самую обыкновенную женщину, мать и хозяйку. И в этих двух состояниях она может жить одновременно.

Тысячи раз, например, она признавалась мне, что мать свою она не любит не только в мысленных (невыносимых ей), но и в физических прикосновениях. Но вот стоило мне их разлучить на какую-то неделю, и ее тянет к матери. А

духовный мир! Вот уже месяца 4 или 5 ни одной книги, ни одной даже прогулки, а только вот точно как сестра Лидия сидит на своих помидорах. Впрочем, тут я смотрю, как может быть на результат своего собственного падения (писатель в своем неуспехе может жаловаться на что угодно, только не на домашнюю обстановку).

Если ангел спустился и начал служить тебе, осмелишься ли ты думать, что это так вышло тебе одному, и ты единственный в мире, кому Бог послал своего Ангела? А если ты не один святой, то значит, так бывает, ангелы к людям спускаются и есть между ними любовь.

Буллит — имя того журналиста, который писал об «оптимизме» (т. е. что через 15 лет Европа выступит против СССР).

– А что ты, Буллит какой-нибудь, можешь противопоставить социализму — твое личное мнение? Это мы, батюшка мой, поумнее тебя, с самого начала противопоставляли... что сила власти этой на три дня, потом на месяц, потом на год, на два, на три, потом, что немцы придут. А из-за чего же мы старались предсказывать: из-за своих собственных идеалов? Как тетки наши носят свои старые моды и хвалятся еще ими? Нет! Мы-то испытали все, весь ад, всю каторгу жизни, можем по опыту нашему вам кое-что сказать и даже совет дать. Большевики ясно сказали в отношении всей современной цивилизации (они это называют «капитализмом»): нет! А вы на это отвечаете не личным мнением, а всеобщим «да», отвергающим это всеобщее «нет». Боюсь, что когда вы соберете это свое «да» и обратитесь к «нет», то его нигде не найдете, ни в большевиках, и нигде. <*Зачеркнуто:* Скорей всего так и будет, как было во времена вторжения американцев в Европу.> Вот почему мы здесь, пережившие каждый свое воинственное «нет», на всеобщее «нет» большевиков и собираем не войну, а молитву.

6 Сентября. Норка имеет такую повадку: дашь ей корочку хлеба — есть не станет. А захочешь назад брать — не

дает, и рычит, даже и укусить может. Если не побоишься или как-нибудь приладишься палкой изо рта корочку выдвигать, то в последний момент, когда корочка станет падать, схватит ее и съест. Так я могу заставить ее иногда съесть что угодно: горох, бобы, свеклу, малину и всякую ягоду.

Замечательны у нее отношения с котом Васькой: росли они вместе, привыкли друг к другу и чуть поел получше — спать. Не раз заставал я Норку на сундуке, свернется клубочком, а поверх нее комочком Васька лежит тоже калачиком. Случится в это время, позвонит кто-нибудь, Норка соскочит с сундука и к двери: гав-гав. Кот сонный стоит на полу, дожидается, зевает в ожидании, открывая розовый ротик, и только кончиком хвоста повиливает в неудовольствии. И как только у двери кончится представление, и Норка свернется клубочком на сундуке, кот прыгнет к ней и тоже свернется.

Год назад я привел Норку на собачью выставку. Судьям собачьим она очень понравилась, и ей назначили восемь кило пшена ежемесячно. Ну, тут жизнь пошла! Норка поправилась, и кот с ней тоже повеселел: вместе едят кашу. Конец: Норка есть не хочет, тогда тащим кота (всегда голодный), только начнет кот есть — сейчас все [съедает]. А все думаешь, иные люди не умнее... Пример человеческой жадности.

7 Сентября. Какие, какие дни стоят! Читаю на восходе «Отче наш» и тут же, окидывая взглядом, проверяю все небо и замечаю — на востоке притаилась кучка облаков, как забытое с вечера на небе неучтенное стадо барашков.

Читаю «Богородицу» и с удивлением разглядываю, что против востока между черными листами яблони везде росистые паутинки, и на каждом зубчике светила капля росы, и между листами черными везде паутинка с каплями, как жемчужное ожерелье самой Богородицы.

Молюсь о вмещении в себя человека, образ которого мне видится в последние дни. Этот человек внутри себя находится в состоянии полного равновесия сил и законченного сознания в этом своем внутреннем достоинстве.

Как на дне моря — там никогда не бывает бурь, а к жизни обращен такой человек, как моряк у штурвала обращен к морю.

Может быть, этот образ мужественного спокойствия и молчания по контрасту возникает во мне от вечной суетной взволнованности этих удивительных женщин — Ляли, тещи и Марьи Васильевны. Эти женщины, как волны, вечно шумящие галькой. Пусть же они вечно шумят камешками, но самому хочется быть большим и таким тяжелым, чтобы не могла шевельнуть никакая волна, и так глубоко лежать, чтобы волна даже и по спине [прошуметь] не могла.

И одно только к этому идеалу человеческое дополнение: чтобы, лежа в тяжести на глубине, сознавать, что это именно ты в своем тяжелом молчании определяешь суетливое движение волн, и только ты и равные тебе понимают, для чего и для кого действует вся видимая суета океанской волны. Вот бы и писание свое туда перенести, в ту подводную морскую пустыню, в мир благодатного молчания.

И так бы смотреть на людей и на дела свои с ними — чуть-чуть с улыбкой вечного спокойствия, как выглядывает иногда у берега спокойный камень-великан, не желающий даже вынуть руку из-под волны, чтобы отереть мокрое лицо. Бывает на севере так тюлень или морской заяц с такого камня выглядывает как человек.

Одному не дается внутреннее достижение от утомления (скоро утомляешься), другой, напротив, возгораясь в работе, остановиться и оторваться не может от дела вовремя, чтобы одуматься. Мы ограничены природой своей и нажитым характером. Но почему же мерещится возможность и теперь, в свои годы и во всяких трудных условиях жизни, найти в себе внутреннюю силу, организующую внешнюю жизнь без утомления, без раздражения. Бывает, вот-вот кончик показывается, и только бы ухватиться за него, как он ускользает, и вот теперь крутишь-крутишь клубок и знаешь, что есть где-то кончик, но не можешь найти, и как покажется — опять проморгаешь.

Толстой, по-моему, именно в таком состоянии схватился пахать, и сколько глупости дал людям своей пахотой и себе самому не нашел никакого спокойствия. Неужели же этот самый «кончик» есть тоже обман?

Нет, я помню, было раз, я ухватился тогда когда-то за него и начал писать, и какой славный клубок навертел!

Толстой бросился в сторону <*зачеркнуто:* и сорвал себя с корня> или брошен был налетевшей волной и покатился вместе со всей галькой к берегу, и разбился о камень, зашумели друг о друга толстовцы.

Вот зачем, значит, и дается мне теперь образ внутреннего спокойствия, чтобы не сорваться с места. Разве это не дар богов, не милость Божья, что я почти видеть могу образ идеального моего человека.

И вот тебе кончик, Михаил, хватайся за него и делай не дом, не книгу, не сад или, вернее, и дом, и книгу, и сад делай, но помни всегда на всяком месте и во всякой вещи, что ты своего внутреннего человека строишь по данному тебе образу и подобию.

Такая молитва моя в это утро, теперь дальше начинаю дела.

Дай Бог памяти и внимания на весь день, чтобы завтра на этих листах дать отчет.

8 Сентября. Именины Нат. Арк.

Вчерашний день я был настороже и единственно немного забылся при встрече с Комановым Василием Афанасьевичем. Этот человек — тип современного директора, великий жук, но делец: себя не забывает, но дело делает. Тип служебного коммуниста в новых условиях (коллекция жуков). Для таких людей сущность моя непостижима и безумна, мне из-за страха обнаружить себя приходится разыгрывать лицо высокое (в существе, такое же как и он, но имеющее возможность быть во всех отношениях «порядочным»). Эта игра всегда неприятна, выводит из себя и закручивает голову. Но сегодня я врал с достоинством и не расстроился: это необходимо.

Вечером по делу пошли к Вознесенскому. Норку оставили и дом стеречь, и не хотелось лишний раз мучить

Мурку. Каждый раз Мурка, завидев Норку, бросается на крышу домика, взбирается по шесту на самый верх антенны и в крайне неудобном положении пребывает, пока мы не уйдем и с нами не уйдет Норка. Теперь мы пришли под вечер, вся семья от самых старых до самых малых сидела на огромном бревне против домика. — А где же Норка? — встретили нас дети. — Норка? — переспросил я. И только успел выговорить эти слова, вдруг откуда-то выбежала Мурка и на дом, и опять наверх по антенне, и горбатая, черная на фоне озаренного неба взволнованно медленно, как умеет это делать кошка в сознании страха и злобы, водила по голубому небу черным хвостиком.

– Понимаете?! — вскричал хозяин.

– Я-то понимаю, — ответил я, — а вот как вы это понимаете?

– Я понимаю, — ответил хозяин, — так, что Мурка ваш голос услышала, и через это ей вздумалось о Норке.

– Это называется, — сказал я, — условный рефлекс.

И рассказал им, как под Загорском учат простых собак искать дорогие, растущие под землей грибы трюфели. Трудность вся состоит в том, что для начала надо самому найти трюфель. Для этого надо иметь очень хорошее обоняние и, конечно, потом счастье. Бывает, идешь по лесу, и вдруг пахнет знакомым запахом трюфеля. Пахнет, и пролетит ветерок, и ничем не пахнет больше. Вернешься назад, быстро пойдешь опять к этому месту, и вот опять, как Руслан ищет Людмилу в шапке-невидимке. И вот теперь нужно счастье: наклоняешься к земле, станешь на четверенки, сам сделаешься как собака: туда прополз, еще прополз, там рукой покопал, там ногой, и вот он подземный ароматный кудрявый гриб во всей красоте у тебя в руке. Тогда дашь его понюхать собаке и после того дашь ей чуть-чуть хлебца только затем, чтобы собака по запаху трюфеля догадывалась о хлебе, как Мурка догадывается по звуку моего голоса о присутствии Норки. И так вся природа, звери, птицы, рыбы, насекомые, растения даже разговаривают между собой, и этот язык природы называется условным рефлексом.

Язык природы — условный рефлекс (пример: ворона и лисица, сорока и заяц) .

Приехала теща, и цветы привез нареченный муж ее Александр Николаевич. Мы сидели с Лялей за столом и все время были как за штурвалом: так цеплялись за слова, чтобы уколоть друг друга старички, нареченные муж и жена. Между тем сущность его души героическая, несомненно, по героизму он отдал свое имя женщине, муж которой умер в немилости. И сущность ее души — благодарность и готовность отдаться. Но между ними разделяющий их идеал: и не то, чтобы это был покойный муж Нат. Арк., а скорее всего вознесенное в идеал свое личное неудовлетворенное «я». Впрочем, это она, а он, вознесясь к этому идеалу, вечно получает оттуда щелчок и вечно возвращается к своему неизменному холостяцкому эгоизму.

Получил письмо от неведомого друга, похожего на Лялю, женщины — художника и пчеловода.

«Мне очень пришлось по душе правдивое письмо: Вашим словам я вполне верю. Всего пять лет тому назад я было взялся за пчеловодство (теперь мне 71), выписал из Сибири десять замечательных ульев, с Кавказа маток пчелиных и т. д. Я мечтал именно о кочевом пчеловодстве (расставить в соответствующем сезону месте ульи и жить в автомобиле). Меня интересовали в этом опыте не так пчелы, как цветы и м. б. больше всего, и пчел и цветов, личная пустынная жизнь. Но случилось в моей жизни событие, «роковое» как говорят. С тех пор все мое (о чем Вы так хорошо знаете), мои леса, мои реки, луга, заводи, дали, звезды — все это сложилось, свернулось и улеглось в маленьком и столь вместительном человеческом сердце. Теперь я больше не завишу от внешних положений; нет и не может быть на свете таких лесов, какие по моему желанию выйдут из сердца, станут вокруг меня и зашумят. По старой привычке мне и теперь иногда резко захочется вдаль, но друг мой напомнит мне о моей волшебной шкатулочке, и я опять нахожу эту даль возле себя. Мы живем теперь с этой весны недалеко от Мо-

сквы, в Пушкине (и, конечно, есть жилище в Москве). Тут у нас хороший участок, где мы насаждаем яблони, кустарники ягодные (16 яблонь были до нас, и малина, и смородина, и крыжовник, и вишни — все до нас). Мы мечтаем о пчелах и о друзьях. Пишите и приезжайте к нам. Посылаю Вам, вероятно, незнакомую книгу, которая создана при участии Валерии Дмитриевны Пришвиной.

Теперь перехожу к ответу на Ваши практические вопросы. Я вполне понимаю, что Вам невыносимо жить на фабрике пчел и что для вас есть все возможности устроиться более независимо. Не знаю, что будет завтра, но на сегодня очень трудно жить в тех лесах, где Вам хочется, на Нерли. Мы жили там два года войны и в конце концов решили, что пока жить, имея связь с Москвой, спокойней и выгодней. Очень возможно, что в отношении Вашего устройства я могу вам быть до некоторой степени полезным. Хорошо, если Вы возьмете отпуск и приедете в Москву посоветоваться. Приезжайте. До свиданья! Посылаю Вам мою книгу, в которой есть много личного из последних пяти лет моей жизни».

9 Сентября. В каждом из нас есть не все, что в природе: не у всякого душа прекрасна как бабочка, не у всякого низка и зла, как змея. Но если бы мог человек всех времен встать, сложиться и каждый из нас мог бы войти в него, как капля воды в океан, тогда бы этот большой Весь человек смотрел на природу как на себя, и вся природа была бы в нем, и он обнимал бы ее...

Вот почему все мы, стремясь к единству всего человека, высшей нравственностью считаем отдать душу свою за друзей своих. Это мы слиться хотим в одного человека подобно тому, как сливаются капли воды, стремясь в океан. (Акуловское водохранилище.)

Волны, ласкаясь так нежно о берег в жаркий час, потихоньку размывают его.

А бывает, вода вступает в прямую борьбу, волны хлещут всей силой о скалы, но горы стоят и как будто им эта

война — просто игра. Проходит буря, и опять вода ласкает нежно, размывает твердыню. И так бывает, самый маленький ручеек за большое время рушит скалу. Смотришь на эти волны и не можешь не думать о себе: что вода и берег — это наша душа в борьбе за свободу. Вечно бьется наше сердце как вода о берег, раздвигая границы нашего разума. Широко расходятся берега в устьях рек, впадающих в океан, но все равно ведь и сам океан в берегах. Так наверно и вся наша борьба за свободу лишь в том, чтобы раздвинуть законы разума так далеко, чтобы они стали невидимы, как берега океана.

10 Сентября. Я сказал, что мы, русские, приближаемся к осуществлению старинной мечты о проливах и воссоединении славянства.

— Читала у Достоевского: «И се буде, буде!»

— Да, читала и удивляюсь большевикам, начиная с «мир без аннексий и контрибуций», помнишь, и погоны срывали, и церкви ломали, а теперь сами на себя надевают погоны, открывают церкви, метятся на проливы, откуда они ума набираются?

— Это, дорогая моя, не ум, а история: между нами, личностями, есть умные и дураки и так, что один чуть-чуть поумней, другой чуть-чуть поглупей, а в истории ум один, и его люди получают не от природы, а входят в него. Вот мы с тобой сейчас ничего не знаем о политике, живем глупенькие, а войдем в тот ум и какие еще будем умные-разумные!

Такие типы, как тесть лесничего (кондитер Юшков), как «Борис Палыч» Петин — это собранные со своих социалистических гнезд анархисты. Думая о них, вглядываешься в деловых коммунистов, директоров фабрик, больших совхозов, трестов и начинаешь понимать сущность социализма, как со-анархизм: союз анархистов.

Нет, евангельское учение ничего общего не имеет с этими системами общественности, социализмом и анар-

хизмом, а если хочешь, то оно вмещает и то и другое, и что только вздумается, как «кесарево» начало, «отдай кесарево» и т. д.

Мой образ спокойствия, в который я смотрю, содержит в себе это «отдай кесарево».

К детскому рассказу «Наказанная ель» конец: задалась безветренная дождливая грибная осень, ветка не качалась целый месяц и за это время пустила корешок и проросла.

– Помните, друг, хаос революционной жизни с выстрелом матроса в актера, который читал стихи о Христе. Это означало, что божественное начало мира берет в свои руки человек, в душе которого открывается отныне беспрерывная борьба кесарева начала с боговым. И вот теперь это опять разделяется и будет разделяться больше и больше.

– Можете быть спокойны, добрые граждане, большевики теперь стали не те, и будут делать и что надо, и что вам тоже хочется.

Огонь и вода в природе, как мужское и женское начало в душе человека и как часто вода гасит огонь, так женщина подчиняет себе мужа, и как от огня вскипает вода и обращается в пар и дождь, пробуждающий жизнь на земле, так и...

Сегодня мелкий теплый дождик идет, по [тонкой] наклонной проволоке электропровода тихо катятся светлые капли, некоторые на минуту останавливаются, но [их] настигают другие, сливаются, и общая капля бежит до следующей и тоже поглощает ее и так дальше, пока наконец большая тяжелая светлая огромная капля не падает с проволоки на землю и там начинает долгий и сложный свой путь в океан.

Я очень рад, моя капля, что видел сейчас на фоне темного дерева твой сверкнувший серебряный путь падения на землю и вспомнил себя самого, что тоже и я когда-нибудь упаду

и тоже непременно, как и ты, приду в океан, где все души сливаются в одну единую мировую душу. И вот ты, капля, в океанской [воде] предстанешь всем океаном перед солнцем.

Каким словом я назову тот огонь, перед которым предстанет моя капля мировой души?

Этот огонь, это солнце мировой души у нас, людей, называется Богом.

Мне жизнь надо устраивать себе так, что если вот вкопаешь столбик в саду для стола, на котором под яблоней буду писать, так чтобы этот стол стоял так до моего конца, и забор так, и все, все делать раз навсегда.

11 Сентября. Ляля трудится над устройством «чая», только если наезжают гости. Для себя же дома со своими она не потрудится чайник [крышкой] покрыть, да и стоит другой раз чайник, остывает, и не нарежет хлеба, и не разложит на тарелки — ломает пальцами и откусывает. Этим самым объясняется и война ее с тещей за порядок нравственный против порядка формального и тоже неприязнь ее к церковникам, удовлетворяющимся исполнением обрядов. Она стоит на страже духовного движения на всяком месте, во всякое время, во всякой вещи — она истинный революционер.

Раньше я мысли свои нераздельно помещал в свои литературные вещи, теперь в них попадает лишь третья часть: первая часть направляется к Ляле, вторая войне и только третья литературе.

Видишь человека, какой он со стороны, только пока не вошел с ним в короткие отношения. Когда твой внутренний мир слился с его внутренним миром, тогда прощай тот человек, каким он существует между людьми. Ты видишь тогда своего человека и ценишь его, поскольку тебе самому с ним хорошо или плохо.

Истинного реалиста можно узнать, перечитывая его какую-нибудь вещь до тех пор, пока, если он не реалист,

а придумщик, не откроется читателю сюжетная канва, по которой он расписывал. Если же он действительно реалист, то сколько ни читай, никогда не найдешь канвы: или она так искусно выдернута, или художник сам поверил в правду своего изображения, забылся от себя совершенно. Вовсе и не надо для реалиста, чтобы в действительности было то, о чем он говорит. Нужно, чтобы он верил в действительность того, о чем он говорит, и обладал способностью уверить в этом читателя. Того, что у Гоголя нет в действительности, но он всех уверил, что это так есть. И вот он реалист.

Утописты (мы в 19 в.). Раз человек какой-нибудь способен, кроме себя, еще думать о счастье другого, далекого и отвлеченного человека, то он уже не естественный массовый человек, жизнь которого определена потребностью питания и рода, а человек-полубог, вроде Михаила Бакунина. Однако и тот тоже будет утопистом, кто вовсе откажется от божеского начала своей природы и будет оперировать массами людей, исходя из двух этих потребностей.

Реальная жизнь общества состоит именно во взаимодействии Я и Ты. Ты голоден — Я тебя накормлю. Ты одинок — Я тебя полюблю, — вот действительно реальные основы общественности.

Если ты пришел к тому, чтобы строить возле себя внешнюю жизнь так, чтобы поставленная вещь оставалась на своем месте до конца твоей жизни, то в области духа тоже все должно устроиться и расставиться на свои места. По-видимому, вот это и есть христианская кончина живота, непостыдная, святая, мирная и безгрешная.

Что, если променять машину с резиной (два комплекта) и гаражом в Москве на корову с сеном? А ведь променяют...

12 Сентября. Начитался газет. В Болгарии «свобода» как у нас в 1917 году. Новая идея, определяющая новое сознание гражданина всего мира, это что после войны

останется весь мир под влиянием только двух государств: США и СССР. США выступит на мировой сцене, как охранитель частного интереса, СССР — общественного.

Нам же, физическим носителям интересов частного и общественного, остается мечтать, как Гоголь, о том, чтобы нос Ивана Ивановича перешел бы к Ивану Никифоровичу, а губы Ивана Никифоровича, или что там сказано у Гоголя, перешли бы к Ивану Ивановичу. Но оно так и будет, так или иначе, а носы должны перемещаться, то с дракой, то вежливо раскланиваясь.

Но во всяком случае после войны, конечно, жизнь, хоть физически-то сделается легче, да и нравственно, конечно, то, что было, то было, и больше к нам не вернется.

Итак, достижение этой войны есть приближение всех нас к идее единства управления мировым хозяйством при наибольшей свободе личного интереса и национального самосознания. В том, или другом, или третьем отношении каждая из трех идейно воюющих стран принесла свою жертву...

Но вот вопрос: национальное самоопределение из этих трех начал, вступивших между собой в борьбу за единство (личность, коллектив, нация), — одно только оно является предохранением от механизации как личности, так и общества. Следовательно, Германия, выставившая идею нации, должна бы явиться нам, стерегущим личное начало в человеке, наиболее близкой... и вот вопрос: почему же так выходит? На этот вопрос один ответ: теперь подумайте сами, а в следующем номере (журнала) будет ответ этой загадки.

13 Сентября. Сентябрит. Окладной дождь. У Ляли болит сердце от неумеренной работы на огороде. Ох, и дорого мне обойдутся ее помидоры! Поскорее бы ее оторвать от «природы» в Москву, а на весну м. б. куда-нибудь увезти и на даче посадить тещу.

Читал в Лит. газете нападение на Федина за книгу о Горьком. Читал почти без неприязненного чувства к напа-

дающим: до того уж в прошлом и сам Горький, и его барабаны. Может быть, очень бы кстати было бы выступить мне со скандальной речью вроде такой: — Вы нападаете на Федина, который отдал должное писателю А.М. Ремизову, вы понимаете защиту Ремизова, как уклон от современности к прошлому. Но Ремизов ведь единственный из русских писателей, кто сознательно писал о родине нашей, о лучшем и низком в России. Вспомните, что революция в этом отношении не развязала рук писателю, а как раз наоборот, связала. В то время даже в анкете нельзя было назвать себя великоруссом. Но вот пришло время великих испытаний России, и вспомнили родину, и забили барабаны о родине, воины надели погоны, в церкви стали Богу молиться за спасение родины. Не пора ли вспомнить Ремизова?

А что Горький у Федина изображен как робот мудрости, распределявший ее в тысячах писем малообразованным и простодушным пишущим гражданам, то ведь это же и правда: Горький был именно роботом пропаганды. И почему нападают на Федина, если мне же самому в личной беседе в Кремле по поводу чествования Чехова М.И. Калинин сказал: — А Горький вовсе не был так талантлив, как Чехов, как вообще об этом говорят: он был «публицистом». — Может быть правдоискателем? — возразили мы. — Да, да, публицистом, — ответил М. И. — Так вот Калинин в Кремле может искренно высказываться, почему же писатель не может и не должен исходить из своего мнения, а танцевать от печки?

И вот за то, что Федин не танцует от печки, вы называете его несовременным. Увы, сам Горький давно уже в прошлом, и если вы хотите быть совсем современными, то возьмите лучше не Горького, а боевого генерала в орденах за литургией в церкви Ильи Обыденного. Генерал этот молится Богу за спасение родины. Быть может, он поминает своих родных и умерших близких, узнавая в них те добрые силы, которые создали и его самого в лучших достижениях. А Ремизов разве не похож на этого генерала, не он ли единственный всю жизнь писал, предчувствуя ужасные страдания родной земли?

14 Сентября. После двухдневного сплошного холодного дождя пришел день сплошь серый, холодный. Мы, бывало, в такой день в такие числа дупелей били.

Робот мудрости (Горький). В свое время и Толстой был роботом мудрости, и Гоголь хотел. Чувствую, что и мне это грозит, и понимаю ее происхождение. Существует философский хаос, в котором рождаются художественные произведения, что-то вроде тучи, из которой может выйти живительный дождь или тупое стеганье града. «Мудрость» Горького, Толстого, Гоголя — это все град. Первая особенность этой эрзацмудрости, заменяющей поэтические произведения, что она очень обильна.

15 Сентября. Позавчера проводил громадный караван журавлей и подумал: вот они летят, и я когда-то летал, а теперь я уже не перелетная птица.

Холод в доме застал нас неожиданно, ни печки, ни завалинки, а между тем все лето об этом только и говорили, и в этом была вся суета.

Не было и, вероятно, не будет такого героя и даже святого, кто бы обходился без нужника. Для двух эта встреча небесного духа с земным мирно разрешается в спальне. Для общества пытаются разрешить в коммунизме, где каждый будет как «свой», но мало кто в это верит. («Чемреки» — Новый Израиль.) Однако этот вопрос разрешили и стало едино тело. Почему это мы делаем одно, а выходит другое. Не потому ли, что «другое» исходит из нашей природы, а одно — это наши «добрые намерения». Мы намеревались с Лялей устроить себе пустыньку для уединенной литературной работы, как место, где можно спасаться, а вышло место беспрерывной суеты и забот: «природа нас одолела».

Ходили к директору зав. №2 благодарить за аккумулятор. Ходили к Никулину, просили...

16 Сентября. Во всеобщем русском народном понимании закон стал теперь в советское время каким-то природно-необходимым препятствием, которое каждый достойный гражданин должен преодолеть (переступить, или преступить).

Закон это что-то вроде девственной плевы, предназначенной для пробы на мужскую мощь.

Что, казалось бы, хорошего в состоянии невесты (не ведает грядущих страданий) или ребенка, играющего в неведении того, что в 18 лет его застрелят, как собаку. И все-таки эта жизнь в неведении страданий у нас на земле самое лучшее. Так что же делать? Ясно, что надо охранять неведение, оберегать детей и невест.

У Никулина его грузинка разболталась о том, как мелки все женщины и как хороши мужчины.

— Но женщины духовные? — спросила Ляля.

— А где вы их видели? — ответила она и начала перебирать уничтожающие качества женщин.

– А как же ваша матушка? — спросил я. — Она тоже...

И тут оказалось, что «мама» это не женщина. И она опомнилась: она ведь тоже мама и сын ее недавно убит.

У Бусыгиных оба супруга с возмущением говорят о «несчастных» 300 миллионах, взятых с Румынии.

— Столько страданий и всего только 300 миллионов.

– А если этой уступкой покупается победа?

– Что мне победа, если мой сын убит, какой ценой вы меня вознаградите?

По пути домой от Бусыгиных женщина говорила другой: — А мне все равно, кончится война завтра, или еще будет 40 лет: ждать мне некого и нечего, с маленькими детьми мне все равно не подняться.

– Как вы не понимаете, что перед каждым из нас выросла стена: у меня сын убит, и никакая победа меня не обрадует, вы писатель, у Вас наверно тоже стена, — какой вы писатель, если этого не чувствуете.

– Ляля, — сказал я, вернувшись домой, — ты помнишь эллинскую сказку о героинях-матерях, отдававших своих сыновей радостно на смерть за родину? — Помню, но может быть и у них ничего такого не было. Вот если через тысячу лет археологи выкопают «Правду» и по ней будут представлять себе нашу жизнь...

Вчера в лесничестве выправил себе ордер на дрова. В углу сидел с «Правдой» в руке и читал ее какой-то мрачный гражданин.

– У вас свежая «Правда», — сказал я, — разрешите...

И высмотрев, что Прага взята, неестественно, как это бывает среди незнакомых, обрадовался. Впрочем, я и вправду радуюсь победам, может быть оттого, что сам не сильно страдаю. Я обрадовался, а мрачный подозрительно поглядел на меня:

– Чему вы радуетесь? — спросил он. — Может быть Вы думаете, что это Прага в Чехословакии?

– Нет, -- сказал я, — эта Прага ключ к Варшаве.

Понимаю его: моя радость была ему подозрительна.

– Вы что же это, — спросил он, — видно, очень ждете конца войны, пожить еще хочется?

– Да, ответил я, — надеюсь дождаться своих.

Первый мороз. До восхода еще не было мороза. Вот только когда солнце взошло, то в тенях стал холод усиливаться, и трава белеть все больше и больше. И когда солнце взошло и стало выше подниматься, то все тени стали белыми, и в лесу каждое дерево давало белую тень.

17 Сентября. Вернулся Коля из Старой Руссы. Вот и «зона пустыни»: до сих пор все вокруг минировано и трупы лежат. А начальство уже давно возникло, [везде] орудуют, ныряют, облагают данью и пр. По правилу: кто смел, тот два съел.

И вот когда от встречи с матерью, потерявшей сына, встает с поля битвы завеса победы и кажется, будто живые победители по ту сторону завесы сочиняют историю и ее героев. Мертвые во все времена молчат.

Ляля ответила: — Ничего нового, вся земная жизнь на этом стоит обмане: я это раз навсегда поняла, когда... <*Зачеркнуто несколько слов.*>

Две силы: одна сила жизни, другая сила сознания, первая известна из Библии и потом из биологии, другая из Евангелия и истории культуры, т. е. связи между людьми.

Все действующие силы способны переходить одна в другую, так наверно и сила жизни способна переходить в сознание («бытие определяет сознание») и обратно: сознание переходит в силу жизни. Вот о последнем, как переходит сознание в жизнь, и говорит Евангелие и все творения отцов церкви. И там это превращение жизненной энергии в энергию сознания, энергии сознания в жизненную силу изложено с убедительностью не меньшей нисколько, чем в законах техники, т. е. использованы силы сознания силой жизни, в целях [сохранения] жизненных сил (изложить ясней).

Шпенглеровская история культуры и есть именно история превращения жизненной силы в силу сознания, а история цивилизации обратно: превращение сознания в жизненную силу. История цивилизации сводится к истории войны (разделения). История сознания — есть история мира (связи).

Вот и понятно теперь, что Весь человек, обнимающий собой всю природу, конечно, и должен неминуемо определить в себе самом достойное место и каждой блохе, и клопу, потому именно, что их жизненная сила превратится в силу сознания.

NB: Моя задача состоит в том, чтобы сделать философию Всего человека мудростью простейшего существа (Данилыча). И первый вопрос на этом пути — это упростить и облагозвучить понятие «Весьчеловек» (то было Сверхчеловек хорошо, стал Христос — прекрасно, а как Весьчеловек — не Хозяин ли?).

Вл. Серг. Трубецкой («князь») в Загорске нанял себе квартиру с условием, что если хозяин будет продавать дом,

то он ее очистит. Князь прожил в этой квартире 10 лет. Приходит хозяин и говорит: «Дом продаю, прошу по договору очистить квартиру». — У князя десять человек на руках, сам играет на дудочке по кабакам, денег нет, квартир в городе нет. Князь находит в подвале прачечную и перевозит семью свою в подвал. В городе князя осуждают: князь виноват в том, что не мог победить в себе гордость, постыдился не сдержать княжеское слово. А между тем князей уже нет, и слова такие честные потеряли всякое значение. Мало, что, мол, я обещал десять лет тому назад, за 10 лет у меня родилось пять маленьких, не могу же я губить их из-за своего княжеского слова.

– Как бы ты поступила на месте князя? — спросил я Лялю. — Я была бы в трудном положении, — ответила она. И подумав, сказала: — Я бы постаралась поближе узнать, зачем хозяин хочет продать дом, и если бы поняла, что никакой особенной беды не будет, если он дом не продаст, то не посмотрела бы на княжеское слово. А если бы ему без этой продажи нельзя бы было обойтись, то поступила бы как князь. Одним словом, я бы не согласовалась ни с честью, ни с удобствами моей семьи, а только с истиной, которая открылась бы мне при честном и внимательном отношении к его жизни.

Этот рассказ вызывает из моей памяти много подобных с моральной каверзой: напр., что Игнатов не принял белой муки от большевиков, и жена его, еврейка, обманом кормила его до смерти этой белой мукой.

Андрей Федорович (тесть) вчера копал нам сад и за обедом рассказывал о маленькой внучке своей, что когда была совсем маленькая, то не станет есть, пока дедушка не съест, и когда ей дадут что-нибудь, даст из этого съесть вперед дедушке и поцелует два раза. Теперь, как постарше стала, заметно стала скупеть и часто получит и съест сама, и поцеловать забывает.

— Почему это? — спросил я.

— Наверно на других глядит, — ответил тесть.

Все в семье боятся, что вернется с войны зять. На сторону этот зять очень хороший человек и охотно все сделает, если его попросить. Но ему ничего нельзя сказать поперек (в семье без этого нельзя), готов за топор взяться. Жить из-за этого невозможно. Эта болезнь очень распространенная (а теща, а Раттай). Это болезнь есть лишь обнажение основного провода человеческой личности и даже является с какой-то точки зрения источником войны между индивидуумами (и романтизм беспризорников).

18 Сентября. Едем в Москву.

Из рассказа Н. И. о своей побывке на родине в Ст. Руссе. Город — не узнать: землянки и блиндажи. Все минировано, по дорогам не ходят, а по особым тропинкам. Идет старушка, узнал, но не открылся. Почему? Страшно узнать о родных. Она узнала. И тут слезы. Ночевал в блиндаже: потрогал — не взрывается, и уснул.

Приехал один местный человек на родину, взглянул, повернулся и ушел. И больше о нем не слышали.

Приходили неизвестные люди и делались начальниками, и выдавали бумаги, не имея даже печати. Любой дезертир может сделаться начальником милиции.

Вот оно: «ужо тебе». Евгений из «Медного Всадника». Почти нет семьи без «ужо», и рядом величайшая победа.

В этом свете Гитлер, как Медный всадник: и все увидели на этом коне соломенное чучело.

Судьба поэта, как человека, предопределена поэзией... Особенно ярко было это, когда она дала согласие и передала письмо родителям о том, что она выходит замуж. Прочитав письмо, он покосился на нее и вдруг увидел чужую ему и мало интересную девушку. Она инстинктивно это поняла и вдруг, вырвав письмо, разорвала его на мелкие кусочки и бросила в Сену. Тогда чувство вернулось к нему с большой силой, и человек опять вошел в судьбу свою, определенную поэзией.

19 Сентября. Вчера пошли на завод к директору Соколину (еврей Семен Лазаревич) просить заменить поломанный карбюратор. Он немедленно велел принести новый. Пока сидели в ожидании, Ляля стала ему жаловаться на мелочи жизни. — А что именно? — спросил он. — А вот, напр., стекло, имею ордер три месяца и не могу получить. Соколин берет трубку: — Товарищ Рывкин, у тебя есть стекло? Нет? А для меня? Вспомни, у меня в починке твои тележки, они скоро будут готовы. Есть? Ну, хорошо... пол-ящика, а за тележками можешь завтра прислать. — Спасибо, большое спасибо, — обрадовалась Ляля. — А еще какие мелочи? — И так устроил баран для печки*, духовку, чернил для меня, и когда Ляля сказала, еще вот забор на даче, и он взял трубку, я вмешался и остановил «эксплуатацию» директора. Так вот у нас недовольны евреями, а как без них жить? — Спасибо, спасибо, Семен Лазаревич, — пожимали мы с чувством руку любезного еврея.

Военные горизонты проясняются: немцы, очевидно, спускают на себя Западный фронт в опасении, что русские будут мстить за их зверства своими зверствами. Война кончается.

Страдания жен и матерей создают в душе у нас такое темное покрывало, через которое невозможно проникнуть чувству победы. И вот эта военная операция под Яссами, отнявшая у немцев в одну неделю Балканы, и пусть она будет величайшей операцией в мире: и все равно, мы, современники, не можем и не имеем нравственного права радоваться ей и от души превозносить ее, мы, современники, ведь нравственно ограблены. Вот когда время пройдет, позабудется, тогда будут радоваться и прославлять вождей и героев. Истории нет, но ее необходимо сделать, и сделают.

---

* Баран для печки — шибер (заслонка), вращающийся вокруг проходящей через его диаметр оси, называется «баран».

Но ведь так и вся жизнь: разве она стоит того, чтобы жить? Но мы сами надеемся сделать ее и верим в то, что с Божьей помощью сделаем.

И радость жизни наша переносится...

20 Сентября. Ночью плохо спалось, и я с горечью думал о делах Ляли за пять лет нашей жизни, что в отношении дачи и кухни она ребенок в сравнении с Аксюшей, в отношении литер. архивов ребенок в сравнении с тем даже, что сделал Разумник всего за 2 месяца. Так что с деловой стороны моя встреча с Лялей была действительно, как написала Ефр. Павл., неразумной: Ляля убивается на деле, но не деловой человек в своем существе. Зато если подумать о духовной стороне, о строительстве самой души, то мне кажется, будто я со встречи с ней все летел и летел ввысь, и оттуда с высоты дивлюсь на себя прежнего: как мог я тогда удовлетворяться такой простейшей жизнью — почти юноша, почти монах. И конечно, мы были слишком заняты собой для того, чтобы мне двигаться в литературе. Но зато я по своей жизни теперь узнал то, чем все люди живут, то самое простое, естественное, о чем не говорят или называют неопределенно любовью. Ляля, только одна Ляля мне открыла, что такое любовь, и показала и дала ее мне.

Конечно, война не дала возможности писать в это время и печатать, силы уходили на поддержание существования, и спрашивать с нас нечего. Но почему же из молодых-то, свободных никто не сделал ничего ...

21 Сентября. Вчера и сегодня до обеда провел на заводе, чинили непочинимую машину мою несчастную.

22 Сентября. Мелькнуло на молитве, что тема, вокруг которой вертелся Горький, его «человек» — нашего русского происхождения, интеллигентско-сектантского. Происхождение этой темы, захватившей сознание больше чем на столетие, вероятно, коренится в истории французской революции: с тех пор русская интеллигенция, дворянская,

разночинная и народническая только и занималась тем, что ищут божественные атрибуты в человеке: мол, не Бог это, а человек. Рационализм — это есть мост, по которому... Не то, как-то... В сущности, тут не народ, не Горький, а я сам такой и постоянно ловлю себя на деле рационализации или «объяснения» принятого «на веру». Простейшим образом выражено это у немоляк, занятых «переводом» Библии «на разум». В нашем простолюдине это совершается по формуле «хочу все знать». Горький как будто смущен фактом своего дарования: удалось написать, и потом вся жизнь на объяснение в мудрости по теме «как это мне удалось», объяснение же для ближнего: раз это мне удалось, то если объяснить, и все могут сделаться писателями. В существе своем Горький — наивнейший немоляка.

– Нет, мой друг, природа, мой талант и мы с тобой, и все такое чудесное, что и мы творим, начинается в Боге, а не в нас. И мы с тобой творим лишь поскольку в тайне души своей, которая похожа на весеннее дерево, зелеными листиками своими вечно лепечем: Господи, научи мя творити волю Твою.

Я это почувствовал, когда давно взялся за перо, и это чувство питало всю мою дальнейшую жизнь.

Горький был самоучка, что-то вроде неразумного разумника.

Вчера мальчуган Вася занимался внизу колодками колес моей машины, а другой рабочий, контролер, стоял незанятый и глядел вниз на него. Девушка, рядом на соседней машине, кисточкой мазала по черному красные полоски.

Вася, вечно улыбающийся, сказал:

– Вот эта девушка кончит колесам маникюр и нам тоже пятки замажет.

— Что же она, — спросил я, — у вас только и занимается маникюром?

— Нет, — ответил он, — есть слесарь.

— А есть, — спросил я, — у вас такая женщина, чтобы лучше делала все, чем мужчина?

— Нет, — успел было только начать Вася.

— Есть, — перебил контролер, раздумчиво и с доверием глядя куда-то вдаль. И вдруг, как будто он там, вдали увидел что-то, догадался и, схватив за руку проходившего мастера, спросил: — Саша, ты не достанешь ли мне поллитровку?

- Выпить захотел?

— Нет, завтра рожденье жены своей буду справлять.

— Можно, достану, — ответил Саша.

На заводе рабочие и все относятся ко мне, как к писателю, с величайшим уважением, и мне было это приятно, а Горький этим всю жизнь наслаждался и не мог насытиться. Тут есть какой-то соблазн.

Завод получил красное знамя. — Что в этом знамени? — спросил я у директора. — Все, — ответил он, — в нем человеческое самолюбие.

По-видимому, «соревнование» в социалистическом строе вполне заменяет конкуренцию в капиталистическом.

NB: Об этом нужно особо подумать: не в самом ли деле тут «все». А вспоминаю сам, с каким страхом ищешь свое имя в газете, как неприятно, если пропустят... А ведь у нас все на газете (стенгазета чего стоит!).

Вчера был Елагин. Вспоминали время, когда я выступал против Маршака. — Сколько вы этим сделали, — сказал Елагин. Ляля помолчала недовольно. В это она совсем не верит, что так можно сделать. В этом она права, что жить надо так, чтобы само складывалось... не складывать, а жить. Но живем ли мы так? Нет ли в этом отмежевании себя от общественной деятельности претензии, самомнения, гордости? А если и нет на самом деле, то как не усомниться самому в себе и не нагнуться тоже к земле, чтобы посильно помочь складывать жизнь. И если даже и не сомневаешься, то все-таки как-то совестно. Да и святые, как Зина Барютина, пожалуй, посовестились бы.

Письмо в «Дружные ребята» по поводу конкурса на лучшего охотника.

Дорогие товарищи юные охотники, пишу вам в связи с конкурсом на премию лучшего охотника, с желанием вступить в соревнование, имея в виду идеал нашего охотника, созданный в веках народами нашей страны. Русская литература, как никакая другая во всем мире отразила это народное творчество. Вспомните имена Аксакова, Тургенева, Толстого, Некрасова и множество других деятелей литературы и искусства. Если вы хотите представить себе ландшафт нашей родины, обратитесь к названным писателям, прочитайте у них все про их охоту, прибавьте к этому имена менее известных писателей, но в отношении охоты не уступавших им (напр. Дрианский), и у вас составится глубокое убеждение в том, что всех этих охотников можно назвать родиноведами. В далекие времена, когда вас и на свете не было, не только вас, но и многих отцов ваших, меня в гимназии учили пониманию родины. Представьте теперь себе эту родину, как готовый пирог: лежит на столе огромный пирог, шестая часть земли нашей, а взять нельзя, вокруг охрана — и нас не пускают, а только заставляют твердить: вот пирог, вот хорош, лучше нет на свете пирога, чем наш этот пирог.

Я не утерпел в то время и мальчиком убежал из гимназии на охоту. И вот теперь в старости ясно вижу и берега родной речки Сосны, и чистую воду ее, бегущую в Тихий Дон, и чаек, и гусей на лугах, и неожиданный всплеск крупной рыбы в тихой заводи. Со временем, когда я прошел все необходимое ученье, я понял, каким богатством познания своей родины обладает охотник, и стал этим пользоваться, как изобразительной силой.

Огромное большинство моих сочинений, понятых читателями как родиноведческие, обязаны своим происхождением охотничьей страсти.

<*Зачеркнуто:* Но рассказывая так о себе, я совсем не хочу сказать, что охотник непременно должен делаться писателем или художником. Чувство родины может ска-

заться не только в слове и красках, но и в делах десятков, а может быть сотен...>

23 Сентября. Утреннюю молитву свою начал с благодарности за посланного мне друга. — Ты мой друг, — говорил я, — есть свидетельство о бытии Божьем, ты со мной, значит, Бог со мной.

Вчера, зайдя в «Детиздат», перед маленькими людьми Пискуновым и Максимовым, самыми маленькими, больше часа рисовался и кокетничал своими мыслями. Вышел с большим стыдом. Ляля объясняет такие неудержимые душевные поносы недостатком общества. Вспомнился покойный И. А. Рязановский, приходивший к такому поносу при встречах с каждым, кто располагался его слушать. Такой понос есть выход из вынужденного молчания. Но и писательство есть тоже выход, и у некоторых, даже очень крупных (Метерлинк, Мережковский), этот выход носит признаки неудержимости как при поносе.

Из всех писателей, по-моему, круче всех ходит Лев Толстой.

24 Сентября. Вечером вчера приехали в Пушкино складывать печку.

Совесть

Итак, хожу по земле и гляжу на людей и вижу: у каждого вокруг лица, как у святого, нимб: то покажется, то исчезнет. И каждый, делая что-то хорошее для нас, не знает, что делает все в нимбе Всего человека, и только чувствует перемену в себе, когда нимб исчезает или сияет вокруг него — и это он называет совестью.

Вот один раскрывает свою добродетель в том, что он остается верен данной им клятве: какой-нибудь немецкий генерал, умирающий в своем Pflicht. Другой такой же немецкий генерал сообразил время и, напротив, добродетель видит в том, чтобы узнать свою новую Pflicht в спасении народа. Или взять наших староверов и большевиков, или

парламент с их правыми и левыми, или наших славянофилов и западников, или наши нынешние мечты на будущее: куда уехать? Одни хотят, немногие, в Югославию, другие в Америку. В этой борьбе прошлого с будущим заключена жизнь (настоящее) человека и в этой борьбе осуществляется божественное творчество.

1. Как согласно кажется шумят нежные зеленые листики, но если поближе всмотреться, все они разные, и каждый листик, стремясь для себя больше захватить свету, затеняет другой. Может быть, если бы прислушаться ближе, то и согласный лепет их оказался бы шумом войны между ними. И так тоже на большом расстоянии и наши невыразимо мучительные человеческие стоны, и крики, и скрежет железа, и грохот машин, и взрывы, и выстрелы оказались бы тоже гармонически согласным лепетом, как на деревьях лепет бесчисленных листиков.

2. Мы в этом уверены, что да, да, — есть на какой-то большой — большой высоте место, куда борьба человеческой жизни доходит, как нам доходит согласный лепет бесчисленных зеленых листиков лесных деревьев, и мы называем это место согласия небесами, и молимся туда: «Отец наш небесный, да будет воля Твоя на земле как на небе».

Так вот один кто-то из нас молится: да будет не моя воля, а Твоя. Другой свою волю не хочет отдать и, напротив, утверждает именно волю свою среди грохота взрывов.

1. Основная черта тех, кто отдает себя строительству будущего общества, что они верят в изменение души человека к лучшему от перемен внешних (материальных) условий...

2. Основная черта тех, кто занят самой личностью человека — это их вера в независимость души от внешних (общественно-материальных) условий.

Я так живо помню еще то время, когда вокруг меня все верили в то, что технические изобретения ума человеческого изменяют к лучшему нравственную жизнь человече-

ства, и эта их вера называлась прогрессом, и сами люди, участвующие в прогрессе, назывались людьми прогрессивными. Тогда Лев Толстой, возражавший этой вере, казался чудаком: до того много было этих прогрессивных оптимистов. Наши большевики эту наивную веру отцов в технику перенесли на технику самого общества и тоже верят, что будто бы знают научные основы нового общества, которые изменят нравственную жизнь человека к хорошему.

25 Сентября. С утра густой туман и тепло. Перед обедом пришло солнце, и вышел редкостный осенний тихий день. Я собрался в лес, Ляля одобрила и напутствовала: ступай, придешь в себя. И я заметил эти слова, подумал об этом «придешь в себя» и пошел. Избегая дорог, свертывая с тропинки в тропинку, я пришел в настоящий лес, где росло все от себя, без руки человеческой. На одной еловой лапке, опущенной вниз, лежал упавший листик осины, красный как бочок сентябрьской упавшей груши. На этом круглом красном с зубчиками листе лежала крупными как жемчуг каплями свежая роса. Я взял этот красный листик, слизнул роску и не бросил его, а совсем бессознательно уложил его точно на то самое место, где он был: на елке у сгиба спущенной лапки.

И вот после того, как я слизнул росу, вдруг, как это бывает со мной только в лесу, вдруг открылись мои глаза на какой-то празднично-радостный мир возле меня. В этом мире нет дорог в будущее, куда так все стремятся, не помня себя, в этом мире нет путей в прошлое, о котором вздыхают. Передо мной, перед самими моими глазами был тот самый желанный мир, в котором все прекрасно, совершенно и просто.

Оказалось, та спущенная лапка, на которой лежит красный листик осени, принадлежит огромному дереву, завладевшему в лесу большим пространством. В лиственном лесу, овладевая пространством для себя и для своего потомства, это гигантское дерево осыпало светолюбивые травы своими ядовитыми иглами и сыпало неустанно семена. И так за много лет у осин и берез это мощное дерево

отвоевало себе много места. Далеко вокруг засел теперь частый ельник, и багряные осины, и золотые березы, прощаясь с летом, осыпали своими цветистыми дарами весь этот мощный род.

Я сел на уступ огромного корня дерева-родоначальника, и на что бы только теперь ни упал мой взгляд, все свободно входило в мое внимание и открывало мне душу, как будто сама душа моя открывалась здесь, как особенно мощное дерево победитель, которому весь лес вокруг, все деревья, все существа, празднуя и подчиняясь, посылали, осыпая, свои дары. Никуда мне больше не нужно было стремиться, я пришел. И мне радостно было вспомнить, как друг мой сегодня, провожая меня в лес, сказал, ступай, ступай, придешь в себя. Так вот что, значит, и было: я пришел в себя.

26 Сентября. Встал, когда на небе оставалась еще одна звезда (5 у.).

Колеблюсь в решимости начать вплотную писать «Былину» с тем, чтобы закончить к 1 декабря (на конкурс).

27 Сентября. Продолжение от 25-го (пришел в себя).

Но что же это значило окончательно? Какое это такое «в себя», предпочтимое такому же «в себе» всяких разбойников и жуликов жизни? Несомненно, это мое «в себя» не есть моя собственность. Напротив, потому только я и заявляю о ней, что «в себя» является лишь по выходе меня из меня — собственных, единственных, мне только единственному принадлежащих качеств и свойств. Вернее, все мои индивидуальные свойства остаются со мною, как остаются у реки ее берега: но я выхожу из этих берегов моих, как река во время разлива.

Говорят: «пришел в себя» и говорят «вышел из себя», причем первое — хорошо, второе — дурно.

Скорее так, река вошла в свои берега, и человек пришел в себя (тоже в свои берега).

Да, берега... пришел в себя, значит, вошел в свои берега, получил свое назначение, как река в берегах получает свое назначение бежать к целому воды, к океану. Мы выходим

из себя двумя путями — путем бунта, как вода в половодье, и путем раздробления своего назначения, потери себя в мелочах жизни, в борьбе с запрудами.

Разбираюсь в этой путанице и вижу, как по стволу дерева бежит большая синица (pinus major), и восхищаюсь ею. Почему я восхищаюсь? Потому что она живет сама по себе, независимо от человека. Стоит эту синицу поставить в какую-нибудь зависимость от человека, сделать «домашней» птицей, и все очарование исчезнет. И думаю потому, что при зависимости являются у нас обязанности (надо кормить, чистить клетку и т. п.) и вообще, надо трудиться. Между тем при независимости от нас мы можем врожденное нам радостное чувство праздника жизни вложить в образ крылатой свободной птички. («Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда».) Такого же происхождения в нас и вся наша тяга к дикой, девственной, первобытной и т. п. природе, вплоть до представления о рае, как саде, в котором человек не работник, и все живое состоит в Боге.

Возвращаясь к «пришел в себя», понимаешь, что это за счет избавления от трудовой зависимости, раздробляющей душу человека. Пришел в себя, т. е. к праздничной сущности своей души (освободился впервые от давления времени и места).

Поэт — это вольноотпущенник, это устроитель праздника жизни.

Вот почему поэт в вечной вражде с государством: государству подчинена работа людей, поэзии — праздники.

28 Сентября. «Золототканые» дни (Клюев) проходят один за другим, и вот сегодня не кончилось еще одно погожее прекрасное утро, такое долгое, золотистое до восхода солнца, что кажется, будто солнце забыло время и не встает.

Вчера в такой день под конец, когда солнце и еще не было ни месяца и ни одной звезды, было какое-то время в этот

цветистый день совсем бесцветное, и небо безоблачно-серое и такое, что даже не можешь сказать: закрылось оно все сплошь ровно-серыми облаками или же такая вышла серая минута. Вскоре, однако, определился восход луны и нашлась первая звезда.

Сколько жил и не знал такой серой минуты в природе осенью в золотые сентябрьские дни.

Был у Никулина, выпрашивал у него горбыли на завалинку, опилки и машину дров привезти. Он обещал нехотя, и я ушел в знакомом мне состоянии духа, которое не нахожу слов, как назвать. Мне кажется, так должны бы чувствовать себя цветистые подвижные волны, когда они, налетая на камень, разбиваются в белые брызги: камню бы век стоять, волнам бы вечно двигаться, но вот они встретились. Стыд мой постепенно перешел в боль и тоску, и тоска встретилась с гриппозным состоянием Ляли. Боже мой, как тяжело иногда думать и чувствовать, что корабль твой плывет в необычайных широтах, а ты должен невылазно сидеть в кочегарке.

Петя приехал, передавал все хорошие новости, и что мы достойно ведем себя в Румынии, что по разделе Германии у нас будет Пруссия, и что цены падают, и жалование увеличивают, и говорят, будто скоро отменят карточки...

— Ты, — сказал я, — наверно теперь скоро богатеть начнешь.

– Да вот начинаю: покупаю корову, покрытую телку за 11 тысяч: всего только, и другие разные надежды.

И вот если уж Петя примиряется, то значит и все («да умирится же с тобой»). Да, жить хочется человеку, и это больше всего. И вот человечек, оставшийся жить, как паучок раскидывает в темном углу сетку свою и ждет мушку. И в таком виде жизнь принимает, и хуже, куда хуже, есть слепые кроты под землей, есть землеройки, есть ползающие гады и всякая невозможная дрянь, видимая и еще больше невидимая, и все это из нас, из нас тех, кто отдал все свое человеческое за это «только бы жить».

Ляля вчера, закончив чтение книги: «Может быть очень трудно, если и невозможно, но если мы кое-что продадим или заведем корову, обеспечимся материально, то почему бы не написать?»

Книга о канале им. Сталина с фактическими материалами.

Осударева дорога.

29 Сентября. И еще одно утро светлое, с легким морозцем на восходе.

У Ляли грипп, и мне кажется, никогда я не видел ее такой от себя отчужденной и, глядя на нее, я думал, что болезнь у человека, как в природе мороз осенью — там вестник, у нас — состояние, идеже несть болезней печали, воздыхания. И даже, я думаю сейчас, высшая форма человеческого сознания, любовь, в конце концов тоже питается жизненной силой. И мертвые показываются нам тоже только действием лучей жизненной силы. И вера наша в то, что будет Страшный Суд и мертвые встанут из гробов, — и это произойдет только действием жизненной силы, постоянно прерываемой смертью и постоянно вновь возникающей.

Итак, решение такое, что писать на конкурс для меня невозможно. Расставаться же с темой не надо. Эта тема есть плод всей моей жизни, и встречу раскольников с большевиками придумать невозможно. А если мне это дано в моем таланте, если это есть мой талант, то нельзя зарывать его в землю.

NB. Кстати, в притче о талантах, когда зарывший талант ругает своего господина, «неудачник» представлен как неверующий, достойный не сожаления, а осуждения, презрения. Отсюда же начинаются все злые люди, успевающие не в той области, которая их могла бы лично удовлетворить (зарывшие таланты), а в какой-то смежной, питающей гордость и злобу.

1 Октября. Вчера в Литфонде (ходил за карточками). Ряд прекрасных сентябрьских дней закончился суточным

теплым дождем. Стою на крыльце Литфонда, пережидаю ливень. Сильный ветер срывал желтые листья деревьев, бросал их вверх, но тут же на них лилась вода, и они падали на землю, как убитые птицы.

Почему так особенно больно бывает и еще хуже — пусто, когда (очень редко) я вижу, что Ляля поступает неправильно, нехорошо? Потому что я в нее поместил все свое лучшее, и ее недоброе бьет в меня самого. В этом и состоит плен любви, что ты живешь не в себе, а в том, в другом, и значит, зависишь не от себя. И вот почему не человека надо, а Бога в человеке любить. Когда любишь Бога в человеке, а не творишь из человека кумира, то самого человека можно поправить и наказать.

Сегодня приедет N., работавшая инженером на двух каналах — Беломорстрое и Днепровском. Надо сообразить главное, о чем бы ее спросить.

Простые люди все свое лучшее относят к Богу, точно так же как мы, любя, помещаем свои идеалы в любимого: самих себя мы возвышаем в любимом человеке и в нем образуем себя как личность. Вот почему каждый любящий человек в любви своей празднует и свое рождение.

Так рождается Сын Божий в любви своей к Богу.

— Вы хотите сказать, что мы сами делаем Бога?

– Нет, я верую, что Бог существует Сам по себе, но, встречая Его в себе самих, мы стремимся сложить себя по Его образу и подобию.

Бывает такое наивное сомнение во время молитвы: да не я ли сам делаю своего Бога? Но оно сейчас же исчезает, когда подумаешь, что это «я сам», творящее образ Божий, и есть действие предсуществующей Божественной силы.

Ляля сказала:

— Я смотрю на это внешнее строительство, положим, канал твой, в лучшем случае, как на игрушку: дети ломают ее.

Я ответил:

— А я как на форму вроде пчелиных сот, в которую люди как пчелы вливают свой мед.

— Значит, сущность-то в меде?

— В меде, но мы создаем формы для его хранения: в этом и заключается воздействие наше в целях преображения мира. И вот мой первый вопрос <*2 слова зачеркнуто*>.

2 Октября. Валентина Сильная сказала, что канал и победа имеют общим то, что являются следствием организации.

Читал в газете у Эренбурга сочувствие французской толпе, которая самосудом убила певца Шевалье (?) за то, что он, будучи под немцами, пел и немцам. Будь я как Эренбург евреем, я ненавидел бы так всякие погромы и самосуды, что никогда бы не мог так написать. А куда девать теперь таких людей, как Кнут Гамсун, Андре Жид, Жан Жионо?

Вспомнилось из дневника Достоевского, как он, прочитав в газете о том, что где-то в Азии один князек поймал другого князька, своего врага, и с живого снял кожу, вышел погулять и, увидев разодетых на сквере девочек, успокоился: — Это еще остается где-то в Азии, у нас живого человека уже не обдерут. Но потом, подумав, сказал: — Нет, нельзя успокаиваться: придет какой-нибудь благорасположенный господин и во имя <u>общего</u> дела обдерет.

Вот и думается теперь, читая об Андре Жид[е], Жионо, Гамсуне, что будто бы они виноваты в том, что поддерживали Гитлера в его грабежах — верно ли это? Разве я не могу среди наших граждан назвать человека, ободранного исключительно только ради общего <видимо, уничтожена страница> ...выражения, воздействия, аргументации. Личность без чудес ее и пророчеств повисла в воздухе, а на земле стала смешиваться с особью капиталистического, фашистского или социалистического характера.

3 Октября. Ясный восход с морозцем.

Если глядя на представителей стороны «личности», мы судим сторону советского коллектива, то попробуем и обратное: попробуем прислушаться к суду конкретного коллектива над конкретными представителями «личности». И вот именно конкретными, п. что отвлеченно ни личность, ни коллектив не судимы.

Берем самый близкий пример: художник Бострем, отдавший свое призвание религиозного художника стандартному производству портрета Ленина, читающего «Правду».

Перечитал «Повесть нашего времени», отброшенную мною после визита к Калинину. И вот решение поставленного вопроса: каждый из нас должен иметь ответ в совести своей: все ли силы я исчерпал свои в деле творческой борьбы с коллективом за выражение своей личности. И если я могу сказать свое «да», то [зачем] же мне так выступать против коллектива (политически): политика — это оружие коллектива, а личность борется творчеством.

Вас, милые мои, за то именно и бьют большевики, что вы берете в руки оружие коллектива, политику, и тем самым выступаете против нас, как коллектив. Мы не с личностью вашей боремся, а с вашим коллективом. Наша борьба не имеет никакого морального значения: мы должны бороться за жизнь всего человека так же, как борется вода за свое движение, земля за покой, мы как стихия боремся в пределах данного нам места и времени. Но вам, только вам одним дано в руки оружие, моральная сила, не имеющая никакого преткновения в стенах пространства и времени...

И вот, прочитав свою повесть, я говорю себе в своей совести: да, спокоен в своей совести, я проявил независимость от политики, пространства и времени, свойственную только личности — сделал, что мог. <*Далее вымарано несколько строк.*>

Вспомнилось, как издатель Сойкин искренно просил меня не спорить за гонорар: «Это меня может беспокоить вопрос о гонораре, а вам же достается много больше: вам слава». Мне показалось это цинизмом, а теперь, в свете

предыдущей записи, я вижу — он был прав в существе (NB: развить).

4 Октября. Ясно с морозцем. Лунные теплые ночи. Вчера Варв. Сем. Кацаурова приехала из Тарусы из-под немцев и рассказывала нам: 1) Свист в потолок офицера с банкой масла под мышкой. 2) День св. Николая: комендант с конфетками. 3) Фотографии родных все показывают; плюнет и тут же говорит: если бы я так дома плюнул, так... 4) Трубочист и взрывчатое вещество. 5) Безумная мать бежит, прижимая к груди грудного ребенка, а сзади 5-летняя девочка тащит за руку 3-летнюю и все отстает, отстает. 5) Ребенок пропал. Через месяц на крыше нашли: волной откинуло. 7) Наивные, глупые, нахальные. 8) Радость освобождения и расплата: палач-калмык 20 лет. 9) Убить евреев конкурентов, коммунистов и женщин в военной форме. Занять места управления жизнью. Страх перед партизанами. Сознание ошибки: сначала надо было победить Англию. 10) Немец вел себя как маленький хозяин на слишком большой территории. Он умен у себя, маленький хозяин, но он наивен и глуп на огромной чужой территории. 11) Варвара Семеновна почувствовала, что через ее личность проходит извне как бы так — нечто высшее. «Не это ли Бог?» Да, я признаю, что есть нечто высшее. 12) Русский засучивал рукава, чтобы расправиться со своим, немца поджидал на помощь. Но когда немец пришел и показал себя, стал бить немца. 13) А может быть глупый немец есть продукт технической переработки человека, что-то вроде сухой перегонки. Завлекающая и одуряющая сила техники: человеку кажется, будто он умнеет, а для других видно, как он дуреет. 14) Смотри на Варвару Семеновну и учись — тому, как надо себя вести, попав к неприятелю в лапы (спасенные русские военнопленные). 15) Ходили жаловаться коменданту на грабежи. Он отвечал, что если увидит, собственноручно застрелит. (Н. сказал: «это пахнет нашими приемами», т. е. пользование официальным планом, как отговоркой.)

Пишу вам, дорогие товарищи, юные охотники, по случаю конкурса на лучшего охотника.

Из рассказа Кацауровой Варвары Семеновны самое важное вышло, когда немцы ненавистные ушли. — Вот тут-то и началось! — сказала она, — на кого укажут, к тому приходят и без суда сведут к Оке, и так было целый месяц. При этом она обрисовала палача, калмыка с раскосыми глазами, на кого глянет — нет спасенья. И вот вся эта вторая часть рассказа, несомненно более страшная по существу, чем первая, немецкая, оставалась у рассказчицы без соответствующей моральной оценки, как будто это свое и судить тут нечего, это есть — это мы. Ненависть ее вся опрокинулась на немцев, п. что она, как большинство в России, верила, что это «высшая раса». <*Далее вымарано несколько строк.*> Но они показали пример высокомерия, пошлости, глупости, жестокости, и тогда русский человек, такой как Варвара Семеновна, луч своего морального фонарика перевела на немцев. Все дело кончено в этом освещении. Вот почему раскосый азиат-палач в ее рассказе останется неосвещенным, а в темноте мало ли чего не бывает.

5 Октября. В тишине и ясности утренней бледная луна встречается с торжествующим солнцем. И днем и вечером тепло как летом, и так каждый день. Написал хороший рассказ «Кащей».

Вечером, прогуливаясь, забрел к Ивану Воину. Там почти пусто было и пели «Свете тихий». Вошли дети, мальчик и маленькая, тонкая, как спичка девочка. Мальчик держался за рукав старушки, сказал нетерпеливо: «Пойдем, пойдем». Старушка перекрестилась и вышла. А девочка, молясь, поклонилась в одну сторону, низко поклонилась в другую, подошла к иконе на этой стороне — приложилась, пошла к другой стороне — там приложилась. Было немного смешно все это, девочка явно ничего не понимала и делала все, подражая старшим, но после всего она подошла к своей бабушке и стала возле нее, а бабушка, осмотрев ее, погладила по головке. Тогда стало все понятно в девочке

и не смешно. Она все делала, любя бабушку. И я про себя подумал: ну, а я-то что понимаю по сравнению с настоящими верующими и понимающими веру свою людьми, что я понимаю? Но я тоже молюсь, крещусь, кланяюсь, по любви к кому-то: люблю и молюсь. Вот и все.

6 Октября. Утро серое.

Думал о Леонове, что какой же он писатель, пожалуй, и не останется. Дело в том, что у каждого писателя есть страшная опасность сорваться со своего корня. Трудность писательства в том именно, чтобы вертеть слово, не отрываясь от места. А как сорвался — писать очень легко, и вот это соблазняет. Леонов сорвался, — ему легко.

Глухари. Дед со внуком. Дед стал уступать внуку на глухаря: глаза слепнут, а ухо яснеет у старика. Пришла война. Внук на войне оглох, а старик ослеп. Кончилась война: дед и внук соединились (глухой и слепой). Стали больше убивать, чем раньше.

Муж (Алекс. Вас. и секретари). Интересные женщины. Все они устремлены к Жениху, только одна удовлетворилась мужем, которому она служит, другая мужем-секретарем, третья — остается христовой невестой. Мужья-секретари, случается, по 20 лет добиваются (вот тоже типы!). Валя, догадываюсь, сочеталась с Сережей гражданским браком без согласия на физическую близость. И теперь они (через 20-то лет!) венчаются в церкви с тем, что она решилась его наградить. Ляля напротив, уступила мужу физически, не нашла в этом ничего и секретарем тоже не удовлетворилась. Ей нужен был муж, который имел бы в себе самом (как она говорит) упор и в обществе бы ее поднимал, но не унижал. Ей в муже нужно было связать свою свободу.

7 Октября. Новая прислуга Наташа. И как прислуга, так опять теща — вот уж Кащей! Прислуга в своих условиях или товарищ, или это категория безнравственности. Передал в редакцию рассказ «Кащей». Писал это и думал о немцах и теще.

Немцы теперь стали так же навязчивы, как евреи, и может быть те и другие дразнят нас противоположными свойствами: евреи заинтересованной любезностью, немцы — претензией ограничения человека на господство и надменностью.

8 Октября. Слава Богу, с утра дождь, и холод в квартире отсрочивается.

Есть общий ум, который образуется в народе от поколения к поколению, от человека к человеку. Этот народный ум, как «здравый смысл», привлекает нас и завлекает необъяснимостью своего происхождения, своего начала, как и все живое на земле. Напротив, есть еще партийный (политический ум), определившийся в своем происхождении на нашей памяти.

Так вот я помню, году так в 1896 или 7-м я пришел к студенту Горбачеву в Риге, у него был весь марксистский кружок, в который я собирался войти. Они говорили намеками. Услыхав намеки, я просто сказал: «В чем дело?» Тогда Горбачев, улыбнувшись моей простоте, сказал: «Миша, думать надо, догадываться». Оказалось, они намекали в тот вечер на выступление с расклейкой прокламаций... С тех пор так и пошло: все время нужно было догадываться. И вот в этой догадке формировался ум заговорщиков или партийно-политический. В настоящее время этим умом живет множество людей у нас и в партии, и вне партии. Вместе с этим умом укатался и сам политический человек, весьма понятный в своем идейном происхождении.

Итак, человек теперь показывается в трех умах: 1) в народном (общем), 2) в политическом (партийном), 3) и личном.

9 Октября. Вчера лил дождь весь день теплый, и несколько раз показывалось солнце. Сегодня тоже небо висит над землей, как на охоте в «Войне и Мире».

Как сотворил, Отец наш, Ты меня на небе, так волею Твоей творю образ Твой на земле. Господи, научи меня творить волю твою.

Он стоял в переходе из зимней церкви в летнюю на левой стороне, а с правой стороны большими глазами под тремя лампочками на него смотрела Богородица. Заметив эти глаза, он перекрестился и мельком подумал: хороший живописец делал эту икону, но ведь Бог-то был раньше живописца, это Он научил человека творить волю Его... Значит, эта вот женщина, молящаяся на коленях перед этой иконой, действительно молится Богу, и Бог в этой иконе...

Нетрудно поэту и философу научиться молиться Богу, трудно прикладываться к образу, как это делают простые люди. А можно ли этому научиться и нужно ли делать тому, кто может сам участвовать в творчестве образа Божия? Да, нужно ли это? Вот тут-то и смешны те интеллигенты, которые смущаются своим неверием в образы и образа: эти люди находятся на границе между... богоискатели...

Вычитал я в «Правде», что кто-то в заграничных газетах предложил послать в Германию энтузиастов дела союзников, чтобы они там, на месте могли воздействовать на немцев идейно. Над этим предложением у нас смеялись, но все-таки невольно думается: значит, не совсем же немцы такие звери, как их представляешь по их делам, значит, сохраняется же у каких-то людей доверие к их независимой душевной жизни... не звери же немцы, как нас учат их поступки, значит они думают, совершая свои злодеяния, о чем-то хорошем? И приходит в голову, что если бы не большевики победили немцев, а напротив, немцы их победили, то по делам их осталась бы к ним ненависть никак не меньшая, чем теперь поднимается к немцам... у победителей нашлось бы довольно материалов, чтобы нас тоже представить зверями. И, значит, моральную окраску той или другой сказки сделает победа.

Победителя почему не судят?

<u>В победе</u> таится та самая сила жизни, которая, исходя из нас, отстраняет нас же самих от участия в ней и делает нас же самих удобрением будущего. Победа, как сила жизни безликая в существе своем, отстраняет все личное: победитель все личное вбирает в себя: совершается что-то вроде казни лиц... Так это и фактически было.

Перебили мысль, но раз пришло в голову — это проверено — не пропадет и вернется назад.

Мы поехали за стеклом, и в ожидании стекла на Курском вокзале я записал: «То, что называется жизнь для себя — это жизнь потребителя, а для других — производителя. Женщина в существе своем потребитель, значит, живет для себя, но... Мужчина же производитель, живет для других. Хорошая женщина потому всегда морализирует и настаивает на жизни для других, [что] назначение ее «для себя». А мужчина говорит о себе, но тащит, делает как производитель для других».

10 Октября. Едем за саженцами в Тимирязевку. Человек весь из гвоздей — и его уважение к войне: война всем «гвоздям» место находит.

Встал в 5 утра, в 7 привел машину, в 7 1/2 поехали. Солнечное утро. Осень в Петровско-Разумовском, сквозь золотую сеть берез на опушке стало видно все в лесу.

Актер Башилов навязал нам свои саженцы. Долго его ждали.

Ляля встретила актера Башилова и прямо же предложила везти его саженцы. И вот сидим, ждем, пока он выкопает... И сама не рада, что сорвалось с языка и все из-за этого спуталось. Бабья болезнь неудерживаемости слова в сопровождении особой тревоги при выполнении нужного дела. И мало того, тревога! Тут развивается у нее в каждом деле необыкновенная торопливость, причем инерция делового движения становится так велика, что не дает остановиться для отдыха, для праздника. Впрочем, эта повышенная нервная торопливость (во всем «как на пожар») свойственна всем советским работникам. Советский работник похож на деревянную статую Гинденбурга, в которую граждане вбивали золотые гвозди. Только у нас не статуи, а живые люди и гвозди не золотые, а железные и очень острые. Так вся тыловая работа у нас на гвоздях, а на войне уж и говорить нечего.

Столько ужасно несчастных людей, и все эти горя как реки вливаются во всенародное горе-море, в войну.

Как бы Ляля не раздосадовала меня своей ужасной торопливостью, я не могу на нее сердиться и, если бывает осержусь и скажу лишнее, то сразу же охватывает жалость и я сдаюсь.

Приступаю к варианту отвергнутой повести. Первое, надо выбросить первые «генетические» главы и сделать так, чтобы читатель, вовлеченный автором в сотворчество, сам для себя создавал генетику. Именно вот эта [преднамеренная] генетика (главы, объясняющие прошлое героев) является единственным слабым местом повестей Тургенева. Так это первое — устранить генетику. Второе, напротив: оба главные действующие лица должны быть представлены как антитеза.

11 Октября. Еще золотой день с морозцем.
Поехали в Пушкино. Началась у Ляли посадка.

Под вечер обогрелось. Высоким серым столбом поднялись в брачном полете какие-то насекомые, похожие на комаров, только раза в два больше их. Близко перед закатом вышел я со своего двора в проулок и увидел в косых лучах на фоне темных деревьев над лужей летающие золотые мелкие листики. Это были те же комарики, но до того в луче они были похожи на листики золото-осенние, что я остановился и стал всматриваться. И понял, что насекомые поднимались вверх от лужи, поднявшись, каждое из них находило пару и, соединившись с ней, обратно падали в лужу. «А разве у нас-то не так?» — спросил я себя. И сам ответил себе: «Нет, у нас тем от них отличается, что некоторые не падают в лужу обратно. Может быть, только мечтают об этом. Пусть даже так. Пусть хоть мечтают, но отличаются». Так, разговаривая сам с собой, я смотрел на золотой танец и, чтобы рассмотреть какие же они, стал рукой хватать их, как хватают в комнате моль. Мне это не сразу удалось, и когда наконец поймал и покончил с насекомыми, вдруг увидел, что против меня и против солнца, откуда танцующие в брачном полете насекомые не только не золотые, но может быть их и вовсе

оттуда не видно, собрались люди и с удивлением наблюдают меня, как я наблюдал насекомых.

— Что с вами, — спросили меня, — вы здоровы?

— Совершенно здоров.

– Что же вы за пустое место хватаетесь?

— Оно не пустое, — ответил я, — там, где я стою, в солнечных лучах, видны золотые насекомые в брачном полете. Они поднимаются с грязной лужи вверх, становятся в луче солнца золотыми, потом соединяются в воздухе и обратно падают в грязную лужу. Увидав это, я подумал о нас самих.

И рассказал, как я подумал.

– Ну, конечно, — сказал один, — у нас тоже так. Мы тоже все, поднявшись на мгновенье в молодости, скоро падаем в лужу. — Нет, — ответил я, — это вы так говорите тоже потому, что стоите против солнца и не видите тех, кто поднимается вверх и не падает.

12 Октября. Листопад. Вечером или ночной туман каплями собрался на уцелевших желтых листьях, у почек голых веток и некоторым листикам вот-вот бы упасть от тяжести капли, но мороз на рассвете схватил каплю, и она связала ветку с черенком листика. Когда солнце взошло, все деревья золотые и багряные засверкали твердыми каплями самой чистой небесной воды. Но мало-помалу горячие лучи стали согревать капли, и, распускаясь, они освобождали сначала скрепленные ими листики, потом сами стали падать и сталкивать собою нижние листики. Так больше и больше, и так листья на деревьях везде с шумом потекли. Скоро белое от мороза поле в лучах солнца стало черным, и еще немного спустя с черного стал подниматься пар, похожий на дым, и этот дым от неуловимого телом движения воздуха везде по земле побежал.

В лесу на полях на одном корне стояли две белые березы, родные сестры. На них тоже оставались еще листики, как золотая сеть, сквозь которую можно было видеть свободно все подробности леса. Вокруг берез была полян-

ка, ставшая белой от мороза, и на белом лежала от белых сестер-берез длинная двойная черная резкая тень. Когда же солнце разогрело капли на березах и потек лист, то и внизу на поляне стало все больше и больше темнеть. И когда стало везде на поляне темнее, то в тенях, падающих от белых берез, мороз не растаял. И так на темной поляне с двумя белыми березами лежали белые тени, как будто не тени, а чистое отражение белых берез.

Нет у меня ни к чему в природе такого сочувствия, как к капле воды на росистом восходе солнца. Найдет горячий луч солнца в траве, в цветах, на листе дерева свою капельку, и засверкает она и заиграет всеми цветами: вдыхаешь воздух — она красная, чуть колыхнулся при выдыхании — она зеленая, чуть сердце толкнет тебя вправо — она золотая, влево — глядит на тебя фиолетовый покойный огонек.

Тогда, заглядевшись на игру этой капли, с тревогой жду, чем кончится эта игра: сохранится ли такая тишина воздуха, чтобы эта святая капля всей великой воды, принявшей личную форму капли, успела в горячем луче подняться на небо, или дунет на каплю легкое утреннее движение воздуха, и она упадет на землю и соединится там, в земле со всей работающей водой и долго-долго будет трудиться и мучиться, пока наконец не придет в океан.

Я сочувствую капле и сам себя понимаю, душу свою, свою личность вижу как каплю, висящую в воздухе в красном страхе упасть на землю или в зеленой надежде подняться на небо. Красным, зеленым, синим, золотым светом играет капелька моей души, и когда приходит на зеленое, это значит, я живу в надежде не упасть, не умереть, а может быть прямо подняться и улететь.

15 Октября. Два эти дня туман не расходился. Небо висело над самой землей. И нельзя сказать, что из этого выйдет, то ли туман разойдется и объявится солнце, то ли надолго пойдет дождь. Вчера после обеда определилось: вышло солнце, и сегодня в белом морозе встал золотой день.

В пятницу вечером были у Никулина и в первый раз в жизни я выслушал исповедь чекиста. А на другой день утром в субботу пришел Бострем и до обеда я выслушивал исповедь интеллигента-христианина.

Вечером праздновали рождение девочки в семье «тестя», и так хорошо было и просто сидеть, выпивать и петь песенки в дружной семье.

Исповедь чекиста. Он участвовал в расстреле семьи Романовых.

– Это всего несколько секунд.

И постоянный упор на гуманность чекистов: «Во Франции, например, там гильотина, народ, а у нас в подвальчике и всего несколько секунд. Исключительная гуманность». Точно так же было и с князем*.

Ужас от них (к рассказу Чекиста) не в том, что они убивали, а что они все одинаковы в чем-то, и это что-то направлено против твоей души, и тебе душу твою приходится от них укрывать.

То, что он рассказал, каждый из них мог бы рассказать: этим они связаны все ум в ум.

– Надо всех уничтожить, кто посмел бы крикнуть: «Убийца!» Когда все погибнут дерзкие, тогда осмиренные люди убийцу назовут победителем.

То, что я делал хорошего, то стало для всех хорошо, и я в нем умер, из моего «Я» это ушло навсегда, и если получаются теперь от читателей хвалебные письма о том, я отсылаю их туда, где я когда-то был. Все действительно ценное для меня, это оставшееся живым в моем настоящем «Я». И

* В машинописной копии приписка рукой В.Д. Пришвиной: «Дальше страница явно уничтожена, но я помню рассказ, как Никулину было поручено уничтожить арестованного князя (не то Оболенского, не то...). Словом Н. его успокоил, расположил к доверию и повел, идя сзади. И неожиданно в спину расстрелял».

пусть теперь лысина, а когда-то кудрявые волосы, пусть зубы вставные, живот, все равно только то, что теперь... Нет, нет, прошу...

Бострем вдруг благодаря Ляле вскрылся. Он потому так много говорит, что дома в семье молчит. И он мечется в богоискательстве, потому что лично не удовлетворен в любви (пантеизм — не выход). Гете — это старо, новая проблема. Это не борьба добра и зла, а борьба злых духов между собой и т. п.

16 Октября. Опять безоблачный восход и мороз, и опять белые тени. Вчера на ночь думал, что нет дела мне до того меня, когда я был в кудрях — это прошло, это мертво, я теперь лысый и что есть во мне лысом, то и есть и живет, а что было, того и нет. Из этого сознания мне выступает героический путь борьбы за жизнь. В том именно героизм, что чем меньше остается жизни, тем больше требуется силы сознания в борьбе со смертью за жизнь и так вплоть до решимости свободно, охотно и радостно жизнь свою отдать и тем самым утвердить волю Божью над смертью. («Смертию смерть поправ».)

Но сегодня я молился утром в сторону востока, перед моими глазами были черные колонны деревьев, и между ними золотом разгоралось небо. Сколько раз в жизни своей и теперь, и когда я еще был кудрявым, обращался я радостный на восток и с трепетом смотрел на небо, и разве это небо на востоке не соединяет теперь меня лысого с тем кудрявым, и разве не тот же все это странник, был кудрявый, теперь лысый и старый, с посошком, идет туда на восток...

Нет, мой друг, конечно, страннику старому труднее идти, чем молодому, и он должен беречь остатки сил, чтобы выйти к золотому пути на восток, но сила его именно в том, что он может оглянуться на весь свой жизненный путь, и лысый может вспомнить ошибки, сделанные им, когда он шел кудрявым, и теперь, соединяя жизнь в один путь, не делать этих ошибок.

Рассказывала Ляля: Лосева Вал. Мих. встретилась с ней и поздравила. — Как, — сказала Ляля, — я все время думала, что вы осудили мой поступок и не хотели меня знать. — Это вам неправду наговорили, — ответила она, — я не могла вас осудить, напротив, приветствовала, п. что я доверяю вашей личности.

А вот Бострем не доверил моей личности и теперь, когда узнал, какая Ляля, просит у нее прощения. Значит, есть грех недоверия (Фома неверный).

17 Октября. Капитальный переезд в Москву с Норкой и Васькой. Мороз на крышах в Москве даже и на солнце среди дня лежал. Крыши будто пудрой посыпаны.

На воскресном базаре в Пушкине — картина скрытых, сдавленных извне индивидуальных инстинктов. В ворота народ не идет, а вваливает, и там за воротами битком набито. Тут у ворот дрались два пьяных инвалида Отечественной войны. Молодой летчик в голубом картузе стал их разнимать. Летчику немного попало. Он отошел, вынул спокойно пистолет, прицелился и убил одного инвалида. Другой пьяный кинулся к нему и свалился, получив удар рукояткой пистолета в висок. После того летчик спокойно положил в карман револьвер и совершенно спокойно продолжал свой путь (милиционеры вероятно спрятались, опасаясь получить тоже заряд). Всех удивило именно спокойствие, с которым летчик совершил свою операцию и удалился.

18 Октября. Страх смерти всего живущего является основным материалом власти. Один человек — Пятница, боится смерти. Другой, Робинзон, пользуется этим и заставляет на себя работать, т. е. обращает в раба.

Лев Толстой путем своих писаний хотел сам для себя уяснить нравственный смысл жизни. Природный художественный талант пришел ему на помощь. И так «Война и Мир» стали картиной толстовского нравственного сознания.

Наполеон у Толстого представлен, как если бы коренной русский человек представил бы нам большевика, т. е. человека, верующего в возможность путем изменения внешних условий жизни сделать человечество счастливым. С точки зрения коренного человека (например, Кутузова), счастье человечества находится в руках Бога и человек в этом не властен. Толстой эту мысль только и преследовал, изображая с положительной стороны Кутузова, с отрицательной Наполеона. Но Кутузов Толстому удался, а Наполеон в романе является не живым человеком, а чучелом. Спрашиваем, почему Толстому не удался Наполеон? Отвечаем: потому что, изображая нравственную (душевную) жизнь человека, Толстой недооценивал деятельные усилия человека (Наполеона) изменить внешние условия, в плену которых в какой-то степени находится жизнь духовного человека. Эта ошибка, развиваясь в дальнейшем, привела Толстого к идее пассивного сопротивления, непротивления и земледельческому ограничению личности («толстовцы»). В конце концов, получается так, что от чего бежал Толстой — от порабощения или ограничения личности человека внешними условиями его жизни, к тому самому приходит он, ограничивая личность всем тем, что называется «толстовством».

Моя мысль «Повести нашего времени» заключалась в том, чтобы <*зачеркнуто:* оправдать Наполеона> поставить на должное место в нравственной борьбе Наполеона-большевика. Я эту мысль пытался раскрыть, обрекая «Кутузова» на косность (не будь Наполеона — Кутузов объелся бы на именинах блинами и умер) и утверждая нравственность личности Наполеона в движении.

– Как же так? — спросили мы.

– Я революционер, — ответил Никулин, — я должен был исполнить свой долг.

— Хорошо, вы убили, кончено. Ну а дальше чем вы живете?

— Сознанием выполненного долга.

— Вот тут-то мы с вами и расходимся, п. что сознание выполненного долга является последней чертой нравственного движения, дальше движения нет и дальнейшая жизнь есть лишь «прочее время живота». <*Зачеркнуто:* Жизнь пьяницы, героя Ермакова, убийцы царя Николая II, ставшего пьяницей.> Тут нечего говорить, эти герои мертвы. Но Сталин-то жив и живет, и с ним живет и Наполеон, и Робеспьер, и Бакунин. (В «Повести» именно это и надо дать: оправдание движения и утверждения высшего мира, раскрытия чуда в природе и т. п.)

Итак, 1) движение осуществляется властью над движущей силой. 2) Эта власть ставится на убийства (сдвинул с места, значит, раздавил червяка). Вспомни Машу, сгоревшую при заполнении формы чугуном. 3) Взявший меч (сдвинувшийся с места) от меча погибнет (Наполеон, Гитлер). 4) Вывод.

19 Октября. Ходил на газовый завод просить новый счетчик. Начал работать над вариантом «Повести».

20 Октября. Доставал на заводе винтик под трамблер и пробовал устроить машину на профилактику в гараж НКВД.

Меня спрашивали на заводе, почему я не возьму человека водить машину и хлопотать. — Потому, — ответил я, — что испробовал это. Никто из шоферов не хочет быть со мной как товарищ, а если стать к нему в отношения начальника, то ездить неинтересно. Все это хорошо поняли и многие сочувственно улыбнулись. Машиной очень мучусь, но почему-то держу ее, и, вероятно, не из-за пользы. Чувствую, что она остается для меня единственной игрушкой (символ мужской воли и свободы), после того как я из-за близости к Ляле все игрушки свои забросил (охоту и пр.). Ляля вытеснила фактом своего бытия доброго из меня всякие охоты, как из полного стакана кусочек сахара вытесняет чай и он переливается на блюдечко.

21 Октября. По радио было, что Черчилль, уезжая из Москвы, назвал Сталина своим другом, который выведет Россию к солнечным дням. Воображаю себе, в какой тупик

попадают теперь все, все наши неверы, кто не мог принять конкретный исторический путь России в советское время за истинный путь. Эти неверы вышли из уверенности в нравственном пути человечества... И они не могли жизнь советского времени признать за истинный путь человека. Их ошибки вышли из их детской наивности, воспринимавшей нравственность от «хорошей жизни» (видимой или внушаемой), а не из внутреннего своего личного пути, согласованного с волей Божией.

Этот тупик «неверов» теперь оказывается очень выразительным.

В метро передо мной поднималась небольшая полненькая молодая женщина с обильными волосами на голове, распушенными еще прической Permanent, в короткой военной куртке с четырьмя золотыми пуговицами на задней большой подушке. Очень смешная и очень обыкновенная.

Глядя на золотые пуговицы на заднице женщины, я думал, что это так и останется: женщин у нас не вернуть в семью на прежние условия, и что это хорошо. Но мысль наша при этом внешнем равенстве полов еще отчетливей приходит к разделению полов в существе своем и там ищет много больше, чем раньше, решения некоторых загадок нашего земного бытия.

Когда личность в своем высшем развитии выходит за границы своего национального происхождения, то ведь это нация цепляется за него и венчает «национальным» поэтом или артистом, ученым или что там еще. И личность сама по себе в творчестве освобождается от этих национальных уз, Шекспир становится похож на русского, Толстой на англичанина, Моцарт, Чайковский, Бетховен... Да, мы люди, наши личности в творчестве своем, как вода: каждый ручеек стремится преодолеть косность условий своего происхождения и уйти в океан.

Леночка сказала, что Г.Н. Игнатов умирает от рака и его богатые сыновья не хотят ему помочь, зарабатывает только его жена уроками немецкого языка.

– Зачем, Леночка, вы за такого эгоиста (Андрея Игнатова) замуж выходили?

– А как же, разве я знала, брак это ведь лотерея.

– Но любовь, разве любовь не устраняет игру (лотерею)?

– Нет, до сближения ведь ничего не видно, люби, не люби.

(И это верно: потому что самому действительно не видно из-за страсти, нужен кто-то со стороны, это может быть умные родители и сваты.)

Мысль у меня приходит, как комета в тумане светлом с хвостом: когда «мелькнет» мысль, в самом начале я ее чувствую: приходит чувство мысли, как светящийся кометный туман. Бывает «мелькнет» это чувство мысли, но самая мысль не покажется, забудется. Но это неверно: раз чувство мысли показалось, то и сама мысль рано ли, поздно ли непременно придет.

«Мелькнуло». Это, бывает, приходит чувство мысли: самую мысль еще не можешь оформить словами, но ее чувствуешь, как раннее утро видишь по свету. У меня так всегда.

Вчера в женском обществе почувствовал происхождение личного начала от женщины.

Мужчина всегда в схеме, всегда отвлеченный и он такой всегда, стремится уйти куда-то на сторону, на работу, на базар, на войну, [в академию]: он туда отвлекается [и оттого всегда отвлеченен]. И там далеко, в отвлечении, он уходит от всего личного: в революции друг его не Иван, а «беднейший из крестьян», не Михаил, а «пролетарий», на войне даже имя Фриц становится отвлеченным. Государство, работая на средне-арифметического человека, не существующего в действительности, всегда химерично.

И вся эта отвлеченная деятельность во имя всего человека всегда жестока к человеку конкретному, к личности. Вот тут-то в отстаивании всего личного и начинается власть женщины.

И я думаю, друг мой, вот почему две розы, цветущие рядом, никогда не сложатся своими лепестками, и каждый лист на дереве не точь-в-точь как другой, и так все раз-личия на земле, и все формы, и наше искусство, направленное к творчеству форм, — все это сводится к деятельности одной богини, в ее небесном почерке. (Богиня плетет кружева.)

Черчилль в прощальной речи своей сказал, что его друг Сталин выведет Россию к знойно-солнечному счастью. — Да, ответит ему какая-нибудь Надежда Васильевна, потерявшая единственного сына, — пусть когда-нибудь и наступит это солнечное счастье, а мне-то что? Верните мне его (личность), и я буду в состоянии принять участие в радости о будущем счастье.

Шурка встретился, позвал меня к себе на охоту в Орехово-Зуево. В точности сговорились — и он обещал мне сегодня позвонить. И не позвонил. Коля Вознесенский обещал тоже и забыл. И так множество людей милых и как будто хороших обрели манеру не всерьез говорить о всем личном — серьезно только все служебно-общее: не опоздать бы на службу и т. п.

Тип государственного торговца, например, В. А. Команов, так и всякий директор, всякий хозяйственник («он и себя не забывает», с уважением говорят о нем).

Итак, если война, мужское (отвлеченное) дело, есть школа обезличения, то весь женский мир, отделяемый от мужчины во время войны, он-то что?

Круг. Мужская центробежная (отвлекающая) сила, прямая.

Женская центростремительная, личная.

Общее движение жизни по кругу.

Помнишь, мой друг, когда с тобой произошел этот переворот в сознании: то тебе была жизнь как прогресс по

прямой, и все к лучшему, к лучшему. А то будто сук под тобой подломился, и когда ты выправился, то почувствовал себя и весь мир в круговом движении.

Итак, из этого вывод: если ты хочешь увидеть невиданное и сказать о том, чего не было, смотри теперь, во время небывалой войны на женщину, как на хранительницу личного начала.

22 Октября. Читал «Раки» в Колонном зале детям. Это были не дети, а такие же хулиганы, как уличные: руки в карманы — ходят или развалятся в креслах и снисходительно слушают писателей. А те-то стараются! Вспомнил далекие уже времена 18–19 гг., когда мы так читали в собраниях рабочих, прилаживаясь к демократии. Теперь в детях видим взошедшие семена посева того времени. Но тогда ничего нельзя было сказать против посева, а теперь слова осуждения у каждого на языке. Уже действуют суворовские школы, еще чуть-чуть времени — и дети будут взяты в работу так же, как в свое время были взяты крестьяне и рабочие.

Итак, мой друг, возвращаясь к движению жизни по кругу, сложенному борьбой центробежного начала (мужского идейно-отвлеченного) с центростремительным (женским лично-бытовым), признаем общее правило для понимания жизни людей на земле:

1) Основная сила жизни протекает в напряжении силы на мужском отвлеченном полюсе жизни и на женском конкретно-личном. 2) Расстройство в этой борьбе бывает двух родов: а) мужская отвлеченная идея, как комета летит и сила ее есть то самое «<u>оно</u>», которое чувствует Пьер в «Войне и Мире» (безликое, аморальное). б) Личное начало без идеи — это есть то самое, что мы называем презрительно «женщина» или попросту «баба».

Теперь попробуем применить к жизни эту «теорию» (возьмем войну), где женщина остается в тылу, а мужчина на фронте.

23 Октября. Мужчина убивает, Женщина рождает, и так в этом вся жизнь и в этом объяснение страшного противоречия: наступают «солнечные дни» (Черчилль) для России, а Надежда Васильевна, потеряв сына, видит вечную ночь впереди. И если взойдет солнце, сказала Надежда Васильевна, я отвернусь.

И «не убий» (и на войне и всюду закон жизни «не убей»), этот закон исходит от Женщины.

24 Октября. Смазка. Пришел человек (Камер), которого я видел в Ельце 50 лет тому назад, мы не могли друг друга опознать при встрече в передней. И просидев целый вечер — тоже не узнали.

Замошкин приехал из Крыма, говорит, что ходил по пустым садам и питался фруктами. Выселение татар и будущее заселение русскими.

Рассказывал гостям о своих впечатлениях от детей в Колонном зале, вспомнил, как я несправедливо выступал в «Кащеевой цепи» против учителей в Елецкой гимназии. Нужно было пройти <u>таким</u> 60-ти годам, чтобы учителя были поняты мною, как хорошие учителя.

Все 27 лет советской жизни я жил среди взрослых людей, как в детской комнате и как детям писал охотничьи и детские рассказы.

И вот теперь от этих детей вышли их дети. Вот эти дети, которых столько лет развращали и соблазняли свободой!

Сегодня у меня в гараже завалилась дверь. Нужен был лом. Пришли три мальчика. — Мы вам дадим лом, если вы нам дадите по три конфетки и довезете до Калужской.

— И как вам не стыдно, — сказал я, — торговаться со мной! Я старик, вы должны уважать стариков, у меня есть ордена.

— А какие у вас ордена? Не Тютюлькины? У нас мальчишка Тютюлькин ходит весь в орденах. У вас наверно Тютюлькины ордена.

Что делать — я принес им три конфетки (сволочь какая) и еще обещал по две, если они будут других детей гнать от машины. Они вооружились палками, и так за 6 конфеток я нанял себе сторожей.

Дом писателей или читателей

Это отличный дом в 10 (11?) этажей в Замоскворечье, между Полянкой и Ордынкой, в Лаврушинском переулке, 17/19, как раз почти против Третьяковской галереи. Из южных окон своей квартиры я вижу бесконечный поток людей, идущих в Третьяковскую галерею. <*Зачеркнуто:* Люблю я свою квартиру.>

Ампир. Коты. Путешествие кота по крыше. Бабушка с самоваром и ампир. Гуляю по балкону и пускаю бабочки. Одна падает возле Норки. Она нюхает, она не может оторваться. На нее орут. Ее тащат. Она вернулась, вынюхала и прочитала носом своим о том, что это мои пальцы. В это время другая бабочка опускалась, она понюхала другую, вдруг поняла и подняла вверх голову. — Норка, — крикнул я с 10 этажа. И она все поняла. И вслед за Норкой поняли дети, что это я. А я у детей — это от школы о собаке.

Помнить надо, что в самые страшные минуты испытания моего я вспоминал, что враги мои — не враги, а дети, что они не знают, что творят, и, вспомнив это, я им улыбался. Вот откуда происходит мое писательство, и эта моя улыбка в писательстве пронесла меня невредимым сквозь советскую печь огненную.

Был у Чагина и узнал, что свыше повелено издать однотомники по 30 листов 5 писателей: Тихонова, Серафимовича, Леонова, Пришвина и Шолохова.

NB: на ходу. Итак, все великое в исторических лицах, например Наполеона, Александра I (по Толстому), есть как бы лишь имя тому, что делается всеми sic!

– Но что же есть не все, а «я», единственное мое «я», какого не было на свете и не будет?

Это «я», эта личность, есть не что иное, как явление Бога в каждом из нас. Бог есть любовь, Бог любит всех, но каждого больше: вот это «больше» и чувствуется нами как «я», и это есть личность и богочеловек.

25 Октября. Толстой в сущности своего ученья поднимает войну против значения личности в истории: не личность, не гений, а действие масс. Этой стороной толстовство близко к учению экономич. материализма. Но дальше расхождение враждебное: у Толстого единичное существо, личность действует волей Божией и его сознание растет в эту сторону: в осознание воли Божией. Напротив, в марксизме сознание единичного человека массы определяется знанием научных законов.

«Война и мир» кончается счастьем семейной жизни, Наташа и кн. Марья делаются самками.

– Но почему же, — спросил я Лялю, — семейное счастье как радость жизни не может завершить религиозную жизнь человека?

— Потому нет, — ответила Ляля, — что религия есть движение, а семья неподвижна.

Так ли?

26 Октября. Колобок. Сборник 30 листов.

Первым моим произведением в художественной литературе было описание путешествия на север в 1905 году. В этой книге автора ведет по суше и воде сурового севера сказочный веселый колобок, представляющий собой как бы средоточие бессмертной радости жизни. Теперь, почти через 40 лет после этого путешествия, когда жизнь на севере так изменилась, я перечитал «Колобок» с целью проверить, не устарел ли он, можно ли дать его современному читателю. И прочитав, конечно, нашел в «Колобке» много несовершенств с точки зрения моего нынешнего литературного мастерства. Но сама радость жизни, исходящая от «Колобка», осталась во всей своей начальной свежести, да это, по-моему, и не может никогда устареть. Вот хотя бы монахи на

Соловках, нет и духу их теперь там... И мало того, прочитав «Колобок», я почувствовал, что потом, все сорок лет моей литературной деятельности, я, может быть иногда спотыкаясь, иногда падая, все-таки шел и шел за своим Колобком.

Вот почему я приглашаю снисходительного читателя начать знакомство с моими сочинениями с «Колобка» и так мысленно идти со мной за Колобком до конца, то есть до наших дней, 1944 года, отображенного особой повестью. Книги мои на этих [днях] останавливаются, и в свое время и я сам, конечно, остановлюсь. Но Колобок мой, твердо верю, не остановится. Знаю даже наверное, что за ним пойдет кто-то после меня. Кто-то пойдет в семимильных сапогах и в конце концов...

27 Октября. Настоятельно нужно дать разграничение понятия индивидуальности и личности. Постоянно употребляют одно вместо другого. Например, когда говорят «личная жизнь», этим хотят сказать, что это «личное дело» и не имеет отношения к высшему делу, общественному. А между тем без истинно «личной жизни» не может быть никакого истинно общественного дела.

Сборник закончен и вот мелькает мысль, что нет! Это не 40 лет жизни писателя дают ему право говорить в 3-м лице. Не годы, а бывает, одна минутка такая, что все вдруг поймешь. (Вот улыбка, Горький: чему они улыбаются?), вот было, мы ехали с Горьким на извозчике в 1917 году, в первые дни революции, когда только что стащили с крыши последнего фараона.

— Вот меня удивляет, — говорил мне Горький, — чему это люди наши иногда улыбаются. Намедни иду по улице, вдруг с крыши пулемет. Я за стену. И вижу, наши стрелки живо обежали место выстрела и в дом, и на чердак. Стрельба кончилась, и гляжу — стрелки тащат фараона и все смеются и сам фараон тоже улыбается. Чему же он-то улыбается? Вы как думаете?

То, о чем говорил Горький, я знал, но ответить могу только теперь, после опыта небывалой войны. Представь-

те себе, что как сейчас часто бывает у нас на улицах, вы попали под обстрел насмешек уличных мальчишек и чувствуете, что их ничем не возьмешь. В это время вы вспоминаете, что ведь в сущности дети они. Какой все это вздор! И вдруг вы улыбаетесь. И тут кончено все. Иногда, увидев эту улыбку, дети вдруг смолкают и даже, бывает, останавливают других. И все только из-за одной улыбки такая перемена. И вот это надо знать.

В русском народе, как у детей... Сколько раз меня самого выручали игрушки: покажешь игрушку, и вдруг тебе все.

Раз стоял я в московской милиции в очереди бесконечной, можно было бы, конечно, воспользоваться преимуществом, но не люблю. Зажигалка. Охотники. Автограф, председатель утонул в газетах.

28 Октября. Сумрачные морозно-ветреные дни, но, слава Богу, вчера начали топить, и это тепло вместе с теплом от издания однотомника греет хорошо.

Ляля уехала в Пушкино доставать овощей. Ночью вспоминал о Елецком расстреле себя и видел ясно, что последнее спокойствие перед расстрелом приходит как разоблачение обмана, живущего страхом смерти. Так в отношении того, кто умирает. Тот же, кто убивает, тоже освобождается от внушенного страха перед убийством. Не страшно умирать и можно убивать. Вот что остается после убийства. В момент смертельный охватывает то же легкомыслие, как если что-нибудь ценнейшее потеряешь: столько труда, столько сил, столько любви затрачено, и, казалось, это что-то ценнейшее скопляется в себе, а тут, оказывается — ничего нет.

Еще виделось мне о немцах, что есть у них какая-то идея, за которую они умирают, но польза этой идеи достанется не им. И что вот в этом-то и состоит трагедия гения, поднимающего идею всеобщего блага: оно является, это всеобщее благо, но только достается не тому, кто стоял за него. И вот этот «закон», содержащийся в душе простеца, именно он и смущает теперь нашу русскую совесть, ведь мы это подняли мысль: социализм и коммунизм.

Сущность этого закона в том, что высшее определение исторической жизни народа лежит в руке Божией и если человек определение берет на себя, то из этого самоволия не выходит добра. При том и то надо брать, что нет правила без исключений, что раз какой-нибудь воля Божия может совпасть с волей человеческой, все равно как это постоянно бывает на яблонке: созрело яблоко и ему надо упасть, тут кстати и ветер.

29 октября.

Напоминаю себе отношение:

Личность равняется Собор

Индивидуальность — Коммунизм

Индивидуум умирает, поднимая личность (нашу духовную сущность). Так может быть и коммунизм в своем трагическом конце поднимает собор — коллектив личностей.

Читал эпилог «Войны и Мира» (философия истории) и вспоминал, что после чтения всякой философии остается между прочим некоторое смущение: потихоньку от философа спрашиваешь себя: не в том ли цель философии, чтобы простую ясную мысль, действующую полезно в голове каждого умного человека, вытащить как пружину из часов и показать в бесполезном состоянии. Это можно видеть по «Войне и Миру»: автор в эпилоге взял и вытащил всем напоказ пружинку, приводившую в движение художника, и читатель дивится, как могла такая жалкая пружинка приводить в движение такую чудесную жизнь.

Вот к чему и сказал мудрец: «бойся философии», т. е. бойся думать без участия сердца (любви), и хорошо сказано, что «бойся» — это значит: думать надо, думай, но бойся.

Сегодня должна вернуться Ляля из Пушкино.

Я мудро поступаю, что дружескую близость с ней предпочитаю работе. Она питает мой дух, а чему надо сделаться и само сделается.

Начинаю понимать Бострема, «беспредметника» и его Христа. Он страшится в себе той злобности, которую производит в нем непризнание обществом его художества. Реагируя на непризнание, он уходил от «мещанства» в беспредметность с одной стороны и с другой в религию, где он мог растворять свою личную обиду и неприязнь. На этом пути он подменил искусство ремеслом (написал несколько тысяч портретов Ленина, теперь пишет Сталина). На этом пути подменил любовь к женщине искусственной семьей. И вот сделал теперь попытку, бросив все: и семью, и религию, и беспредметничество — написать икону Христа, обычными средствами (раньше пробовал написать беспредметно, пятнышками). — Не напишет, — сказала Ляля.

30 Октября. Холодный нерасходящийся весь день туман, вода курится. Пароходик тащит по Москве-реке огромную барку с капустой.

31 Октября. Пережив обиду весной с повестью, теперь осенью хватился за ум, увидел слепые места, слепые лица, поправил и теперь хоть куда, и обижаться не на кого, и даже название вместо «Повесть нашего времени» — «Мирская чаша» куда лучше.

Какие переживания! Сам же в калитке своего дома просверлил дырочку, пропустил шнурочек к задвижке, чтобы можно было взять с улицы за узелок и самому открыть калитку. А когда пришлось из дому убежать и после вернуться, то забыл про узелок на калитке и не мог открыть. И так вся жизнь с этой женщиной за 30 лет остается теперь мне закрытой. Бывает, по привычке человек возвращается к своему прошлому, потянет в ту сторону и не может войти: сам жил, сам делал входы и выходы, а войти не может.

Садовник не может быть благостным существом, п. что он в постоянной борьбе с волчками, с дикой порослью, с вредными насекомыми. Он как и учитель находится в вечном состоянии борьбы с природой. И нужно видеть мичу-

ринские яблони, чтобы по этому до конца изуродованному деревцу понять, в каком беспокойстве пребывала душа садовника, в такой борьбе с природой. Сад, как благодать Божия, это только тот дворянский запущенный сад, который мы когда-то получили по наследству, сами не прикладывая к нему рук, точно как и Адам получил рай от Бога.

1 [Ноября]. Перед восходом первые узоры мороза на окнах, а снегу еще нет и в помине.

Отделываю для печати «Мирскую чашу». Составляю однотомник (с неба упало).

2 [Ноября]. Есть психофизическое состояние у человека, когда женщина как личность не существует, и лишь сбыть бы нужду. И вот проститутка. Но стоит человеку насытиться этим, как хочется в женщине найти личность, как нечто единственное в мире, через что он и самоутверждается. Тут высокая лестница от земли и до неба. Но, позвольте вам сказать, разве не то же самое происходит у людей с вещами. В любви проститутка, здесь стандарт и ширпотреб. Вот этим удовлетворением ширпотреба и занят социализм и это очень хорошо. Нас не удовлетворяет социализм лишь тем, что он склонен этим и ограничиться, и, мало того, иметь претензию морального влияния на движение личности в обществе.

Переживая любовь, человек переживает всю историю культуры человечества, начиная с каменного века и кончая возможностью, заложенной в его личности.

Природа в Ноябре.

За ночь потеплело, и в туманное утро сегодня асфальт показался таким мокрым, будто ночью был дождь. Над Кремлем небо держалось двумя высокими опорами: не виден был крест колокольни Ивана Великого и пятиконечная звезда Спасской башни. Все другие башни, церкви, дворцы едва выступали из-под низкого неба. Москва-река текла черная, и маленький пароходик тянул по ней огром-

ную баржу с капустой. Я стоял на Москворецком мосту, смотрел вниз на пароходик, и когда баржа дошла, стало так, будто капуста остановилась, а наш Каменный мост двинулся вперед. В этот миг почему-то вдруг представил я себя таким, как был в первом детстве, и что мне казалось раньше, будто я все время изменяясь, куда-то по жизни иду. А вот теперь вдруг это мое движение оказалось как мнимое движение моста со мной, я же сам каким родился, таким и стоял, и тоже как теперь смотрел на какую-то капусту и воображал себе, что куда-то иду. Я стоял, а все что было, то мне казалось. Я как теперь стоял всю жизнь и глядел на какую-то капусту в движении, и мне казалось, будто движусь я. Не может быть!

Перечитывая старые писания для сборника, заметил неуклюжую свою игру в какого-то мужицкого Пана с самооправданием в Шекспире. Вот когда только заметил!

4 Ноября. Тепло, и по-вчерашнему серое небо сидит на Кремле, поглощая кресты церквей и звезды башен. Ляля поехала в Пушкино доставать овощи. Я пойду в ГИЗ заключать договор на сборник и доставать деньги. В воскресенье в 6 вечера намечено чтение «Мирской чаши». Приглашены Игнатовы.

Понятие «человек», «человечество», «по человечеству», «по-человечески» и т. п. означает обращение именно к тепло-хладному состоянию души. На этой размягченной почве и выросли цветы цивилизации. Наша революция и германская агрессия — родные сестры восстания против серединного (тепло-хладного) состояния души человека и выросшего на нем гнилого мира.

5 Ноября. Как и вчера, висит над Москвой небо, седое и желтоватое и чуть-чуть моросит из него.

Вчера был Цветков, преодолевший немецкое пленение в Тарусе. Немцы, по его словам, даже грабя у русских вещи их и продовольствие, делают это, как будто они доставля-

ют ограбленным удовольствие (наивный немецкий эгоизм, раскрытый до преступления).

Пишу все это механически, чтобы чем-нибудь успокоить себя... И довольно! Немедленно надо переписать повесть и не самому читать, а отдать в редакцию.

Нравится или не нравится — все равно социализм сделался исторической темой, над которой работают все государства, все народы, и, само собой конечно, и Бог. Вот почему каждый из нас волей-неволей согласует с этой темой свое поведение.

Интуиция — это, конечно, есть как начало всех начал, лучшее дарование человека. Но кто может сказать о себе: я интуит? Почему это, ясно: потому что интуиция есть откровение Божие, уничтожающее наше конкретное «Я». Воля Божия — скажет простой верующий человек, а богоискатель Бострем вместо этого скажет: интуиция.

7 Ноября. Победа над немцами есть утверждение факта социализма во всем мире, факта, с которым каждое государство теперь должно считаться, и каждая личность при построении своей свободы должна учитывать как обстоятельство места и времени. А разве я когда-нибудь не признавал этого? Всегда признавал <*Зачеркнуто:* но именно не больше как обстоятельство>. Точно так же как и женское движение (феминизм) в отношении самой женщины (ее личности) всегда мне было лишь обстоятельством... Вот почему настоящая победа, которая является победой социализма, нас таких не может поднять на высоту чистой радости: потому что эта победа есть дело времени, а не личности. Но, конечно, вместе с тем мы искренно радуемся...

Подвели в этот день итоги и пришли к тому, что теперь начинается жизнь все-таки полегче, п. что теперь можно думать, все государства мира на новый лад будут переживать влияние коммунизма, и когда переживут и усвоят его,

то коммунизм сделается общепризнанной экономической системой и выйдет из сознания как моральная система.

8 Ноября. На рассвете повалил снег. Думал я, что у женщин растратчиц, блудниц всякого рода есть свое назначение высшее: вывести мужа из его ограничения, из его деловой колеи. Надо об этом крепко подумать — что даже и у блудницы! И как же счастлив я, что меня вывела из моей упряжки на волю не блудница, а почти святая...

И еще надо подумать об этом, как о русском мотиве романа (Берг у Толстого и множество всего у Достоевского). И это в точности совершалось на полях сражения у нас с немцами. Немцы имели в виду «женственную нацию», но шли по расчету, шли за приданым. И вот женщина эта им показала. В этой невольно создаваемой исторической сказке находишь себе какое-то большое удовлетворение и, как ни неприятен себе самому большевик, чувствуешь, что немец еще неприятнее, что в немце тупик и что вся Европа под немцами пришла в тупик... пришла в тупик. Пусть немцы разбиты, но может быть, именно потому, что немцы разбиты, Европе открывается теперь путь на Восток: не люди пойдут (а может быть, даже и люди), а их мысль, покидающая изжитое тело Европы. И еще думал я, что Америка и Англия сознательно предпочли владычество социалистов владычеству немцев. Тут была действительно большая война, т. е. какая-то высшая идея (может быть идея мирового единства в управлении хозяйственной жизнью) пробивала себе путь. И в этом смысле Америка могла рассчитывать на возможность какого-то движения в союзе с социалистами, тогда как с немцами, «высшей расой» они приходили в тупик.

– Знают ли они (Америка), что у нас делается?

Вот обычный вопрос и обычный ответ:

– Знают.

После того наступает тупое молчание *<4 строки вымараны>*.

Разговор этот самый обычный и происходит оттого, что обыватель, переносящий жизненную нужду на себе

самом, не может подняться в ту область, где боги воюют. Там боги, обеспеченные в ежедневном питании: им не надо читать ежедневную молитву о хлебе насущном. Боги там смотрят на все с высоты, им слезы невидимы («Москва слезам не верит»).

В 33-м году, когда вышел «Жень-шень» на английском в роскошном издании, помнится, кто-то где-то окатил меня холодной водой и так сказал: — А теперь в высших кругах считают, что пора бросить эту привычку смотреть на «заграницу», как на пример чего-то высшего для нашей культуры, что у нас должно быть выше и лучше.

Мне тогда казалось это наглостью, а вот теперь, после победы и последнего унижения Европы сам чувствуешь, что там действительно уже нет прежнего высшего примера для нас окаянных.

И вот время какое: почему-то приходит в голову, и носишься весь день с мыслью об этом, что потомок браминов к современности нашей ближе и выше, чем какой-нибудь самый потомственный лорд.

Немцы это «язычество», эту самость земную окончательно раскрыли в своей звериной сущности. Материальное личное счастье, корысть так вырывается со зверской настойчивостью, что хорошему человеку остается только плюнуть туда и передать свои личные аппетиты в этом отношении большевикам на пользу общего дела. Вот наверно почему и потомки браминов сейчас так высоко поднимаются над потомками лордов.

9 Ноября. Вчера был очень злой день: с утра посыпало снегом и пятнами побелило Москву, и так осталось сухоморозно с сильным северным ветром. Треплется весь день на веревке белье. Тащит еще что-то пароходик по черной воде.

Спросил Замошкина:

– Что такое фашизм?

– Это все, что собрано против коммунизма, — ответил он.

– Все глупое и зверское? — спросил я.

– Не все же немцы в этом зверстве участвовали, — ответил он.

Да, конечно, переносить вину за войну на немца, как на человека, это значит делать то обычное смешение стихийного и морального, какое делается всегда и везде в истории человечества. Делается это потому, что человек не может жить без козла отпущения.

Вы спрашиваете, мой друг, как мы живем и вообще просите написать о себе. Отвечаю вам о себе, что я отступаю, это значит, что в наступающей на меня жизненной суете я отхожу в более спокойное место. Вчера с этими чувствами иду по улице Серафимовича мимо дома Правительства, где и сам Серафимович живет и есть очень популярное кино. Перед дверями кино вся площадь была забита мальчишками нахальными, дерзкими, некрасивыми, нечищеными и как-то червивыми. Одни из них стремились купить билеты в кино, другие купили и спекулировали ими. Я шел через эту страшную толпу и думал о том, что какой-то счастливый Серафимович укрылся в этой крепости недоступной, невидимый, и может даже совершенно и не знать, что делается на улице Серафимовича. Но как ни скверны червивые мальчишки, все-таки в таком хулигане жизни сохраняется правда наступления, а в благообразном достопочтимом Серафимовиче грех отступления и настоящий грех, п. что он один из тех, кто в свое время обожествлял наступление революции.

И вот, мой друг, я отступаю и в то же время сознаю это: шаг назад в пространстве и времени, шага два вперед к царству вечности. И в то же время очень чувствую зависимость одного от другого в этом отношении, этого Серафимовича и этого червивого мальчишки.

Хорошо бы начать писать исторические картинки начала революции, вроде «Памятника Александру III», когда его разбирали, и собрался митинг, и вышел немец с

квадратной бородой и стал говорить: «розги нужно, розги нужно», и все на него заорали.

Собственно противно отставшее от жизни теперь ухаживание за беспризорниками, и вспоминается это из Достоевского (Илюша и Алеша) и ШКИД (школа им. Достоевского). И как измученный мальчишками я прибег к хитрости (конфетке), и как они мой прием обернули против меня: когда из-за белья я высадил дверь и нужен был лом, они за лом содрали с меня. Тут в этих ссорах с детьми есть что-то неверное с моей стороны и это коренное относится вообще у меня к обществу (с детства): это я, как галка с котом или как белая ворона. И вообще, это гораздо глубже, чем вопрос о хулиганстве мальчишки, так что не так мальчишки виноваты, как я сам.

Пригласили географы на 17-е выступить у них.

Есть люди, характерные своей устремленностью к центру (Горбов), и есть люди, напротив, центробежные, стремящиеся убежать (Я — мое путешествие в Азию).

Новый взгляд на вещь — как открытие вещи (личность).

Не знаю, повторение ли чего-нибудь частое, постоянное вызывает скуку, или напротив, если скучно, то, кажется, будто все на свете повторяется, а если весело, то и самое старое с какой-то стороны показывается в первый раз. Трудно решить этот вопрос. Но не раз замечал я, что выходишь из дому в чудесном настроении, только бы радоваться, и вдруг показывается то самое, о чем я начал говорить: нечто в своем повторении, в своей пошлости. И вдруг от этого вида переменяется все твое настроение. Наоборот, выходишь в тоске, и вдруг кто-то встречается, кто-то сообщает тебе известие, или просто любимый человек приехал, или какая-нибудь березка в чьем-нибудь садике показалась тебе райским деревом, и тоска переменилась на радость.

То и другое бывает, — и от себя вещи тебе так представятся... и бывает вещи тебя самого переменят. Но в своем

личном хозяйстве я отбрасываю все, что не от себя бывает, и отношу это в книгу случаев — хорошее в приход, дурное — в расход. И так веду я свой рассказ в пределах своего личного хозяйства.

10 Ноября. Вчера за день зима напала, и был холодный ветер с северным ветром. Но к вечеру тучи на небе пожелтели, ветер переменился и сегодня весь зазимок с утра уже полетел.

Вчера Асеев читал свою «Чистопольскую поэму», за которую его так били, а мы поняли ее, как истинно патриотическую вещь, и шевельнулось в голове, что если за это бьют, то что же сделают со мной за «Мирскую чашу»?

Если бы Мичурин был поэтом, не стал бы уродовать дерево из-за одного только раннего плодоношения.

Боже мой, как страшно забвенье: был человек, и я его забыл, ведь так близко к этому: убил.

Уважаемый т. Вишневский, повесть «Мирская чаша» под другим названием была мною предложена для прочтения М.И. Калинину весной этого года. М. И. в общем не возражал против напечатания повести, но сделал мне относительно некоторых мест замечания в том смысле, что они могут вызвать кривотолки. Теперь мне удалось эти места или выпустить, или заменить. Не хочу больше затруднять М. И. вторично чтением и прошу прочесть вас, как редактора, с большой просьбой не передавать рукопись в коллегию или куда бы то ни было. Вы мне просто скажите свое мнение, и я после подумаю, печатать ли мне свою вещь теперь или отложить на <*зачеркнуто:* до «после войны»> какое-то время.

Мы с Лялей обладаем общим свойством тонуть в дураках: евреи тоже эластичны, с умными — умны, с дураками — дураки, но евреи это только разыгрывают, а мы все-

рьез из умнейших делаемся дураками, и те всерьез нас за своих принимают. Похоже, что это высокая степень снисхождения и демократизации, высшая моральная скидка, если бы не болезненное чувство... опустошения.

11 Ноября. Рождение Ляли. Подумать только, в какое жуткое время года родилась моя суженая!

Рассказы для детей: 1) Как я научился заводить машину. 2) Рвачи.

Не знаю, есть ли в Москве шофер более старый годами, чем я: не видал старше и пока не увижу, буду считать себя старейшим шофером в Москве. Я хорошо помню то время, когда в Петербурге прочитал в газете «Новое время» корреспонденцию о первых двух «автомобильных каретах», которые показались на Невском. Помню разговоры в деревне о «безлошадных телегах», как называли первое время автомобили крестьяне. И уже лет десять прошло с тех пор, как сдал экзамен на шофера-любителя. Впрочем, хвастаться временем прожитой жизни нечего: это приходит каждому без особенных заслуг. А вот что удивительно даже мне самому, что за 10 лет езды без шофера я не научился заводить машину ручкой, и если откажет аккумулятор, — я не мог до последних дней двинуться с места без помощи.

12 Ноября. Туман, мокрота, угловая засыпь в переулках, вспоминается Петербург.

Ляля — это все в любовь, но не в такую любовь, которая вводит в быт, а напротив, любовь, как движение, как брачный полет. Вот почему она и мать свою любит и в то же время ненавидит: любит, значит, раскрывает крылья, чтобы вместе взлететь, но мать бескрылая, неподвижная, и за это она ненавидит ее.

Вот сегодня ей бы в церковь идти к Ивану Воину: она любит эту церковь, но идти в нее сегодня не может: вспомнила, что такие же попы, как были, один с сиплым голо-

сом, другой с лошадиным лицом, и за ящиком та же старуха и те же сухие розы у Казанской Божией Матери: — Нет, пойду в другую церковь.

Закончен второй вариант повести («Мирская чаша»). В политическом отношении осталось одно возражение в том, что одна из героинь остается неверна своему мужу. Но попытаемся, отдам на чтение Вс. Вишневскому («Знамя») и второй экз. Розенцвейгу (Вокс*).

Шевелится повесть-комедия-фильм о женихе, который заочно влюбляется на фронте, прочитав письма, направленные к его убитому другу. Заочная любовь: переписка. Открывается возможность сопровождать генерала в Америку. Жених привезет из Америки подарков, а м. б. и ее возьмет с собой. Все население большой квартиры ждет жениха. Приходит срок, но он не является. Волнение в квартире (жильцы все наши знакомые: смешные диккенсовские люди: Елена Констан., Алекс. Ник.). Вдруг появляется жених вместе со своим другом: оказалось, они дожидались, когда портной сошьет форму. Невеста некрасивая, но в процессе любви расцветает. Мечтают, собираются в Америку.

И вдруг все изменяется: не в Америку, а на фронт, на верную смерть. И вот тут впервые девушка влюбляется и делается красавицей.

Ел. Конст. и Ал. Ник. старые люди, интересны тем, что, критикуя во всем большевиков, живут и действуют, как великие патриоты. И может быть они не одни, а большинство (их критика — это жужжанье пчел: жужжат, а мед носят).

Обстановка московской квартиры и московской бомбежки.

Были у Никольского в Измайлове (встреча через 35 лет), и ели весь день, и удивлялись корове и благополучию.

* ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925–1957).

13 Ноября. Пришли слухи из Восточной Пруссии, что наши приступили к возмездию. И как подумаешь, то почему бы и не так, раз они вели себя, как палачи и грабители: война и война. Но почему и тогда, когда мы в Польшу вступили в союзе с Германией, и теперь, после Польши, мы обманывали себя возможностью особенного благородства Красной Армии. Почему рядом с разрушением образа честного и умного немца возникал, как бы в компенсацию потерянного, образ великодушного и мудрого русского?

Казалось, столько примеров было дурного, почему же не иссякает потребность веры в добро? Я думаю, что на этой неиссякаемости веры в добро держится сотрудничество наших стариков с советской властью, — такие как Раттай и Ел. Конст. ворчат, ругаются, но работают и становятся славными патриотами (разобрать этот патриотизм).

NB. Начинаю этот патриотизм чуть-чуть понимать в том, что личность, имея свойство веры в добро, в этом случае как бы снимает с себя это добро и отдает его, как снимают одежду, и она висит на вешалке, а не на себе: государство делается вешалкой добра, и вот это состояние называется патриотизмом.

Установление родства возвращает нас к натуральному хозяйству. Так вот я вчера нашел Никольского, отец которого был мне близок: через отца, — родственное отношение, мне дали бидон молока, а я, подумав, чем возместить, предложил горбылей для забора и т. д. Так что если кто-либо мечтает о возвращении к натуральному хозяйству, то тем самым он хочет возвращения к родовому строю.

Приятно иногда подумать о человеке, как родственнике, но иной бежит от родных и в чужом человеке стремится найти себе родственника.

Мораль партии в наше время именно и была в том, что отношения членов партии возникали на почве замещения чувства родства.

14 Ноября. Рассвет в ноябре, — туман, слякоть, как это похоже на бессилие болезненной старости. Сколько раз, помнится, в Ноябре я давал себе слово в будущем году убежать на юг от нашего ноября и все не мог. Но до сих пор, слава Богу, мой ноябрь еще не пришел, и я все еще надеюсь от него улизнуть и каждое утро молюсь: — Оправдай печаль и радость мою, Господи, кончиной моей, дай мне кончину живота моего безболезну, непостыдну и мирну...

В «Правде» передавали о великой роли колхозного строя в деле победы над немцами. Вот тоже «оправдание» всего победой. А кто это знал из нас, кто из колхозников не проклинал про себя колхоз, кто бы из него не убежал, если бы это было возможно. Каждый хотел своего: уйти из колхоза, но не мог и делал то, что надо, и вот из этого Надо родилась победа. Все произошло оттого, что каждый о будущем судил по себе, по-своему, «кажется» и «хочется», судил лично заинтересованный, и это личное должно было умереть и народиться другое личное. И так в душевном мире человека совершилось то же самое, что ежегодно бывает в природе: одно умирает, и на смену его рождается другое. Так очевидно, что душевный мир человека вращается в тех же, разве только очень расширенных кругах, что и природа. Но спрашивается, где же было в это время бессмертное начало человека?

И вот в этом-то и была моя ошибка, начиная с первых моих статей при выступлении большевиков. Я, чувствуя в себе это бессмертное начало жизни, судил смертную жизнь по бессмертию и частно-проходящее принимал за цельно-враждебное. Я, может быть, про себя всю земную жизнь отвергал и цеплялся для выражения этого за такое обстоятельство места и времени, как большевики. И самое интересное, это что я свое pars quo totum* видел в большевиках и их за то осуждал.

Теперь становится ясным, что эта война, как может быть и все войны и все способствующие войнам науч-

---

* Pars quo totum — часть за целое, претензия на универсальность.

ные и всякие открытия в своем нарастающем этапе, была борьбой за единство материальных условий существования всех людей на всей земле, т. е. за коммунизм. И, как по закону Либиха, определяющим началом в жизни растений является то питательное начало, которое находится в почве в минимальном количестве, так и в жизни человечества коммунизм был этим началом, и война была за коммунизм, как за начало, находящееся в минимуме всех питательных средств всего человечества.

И разве азот не безмерно дороже и важнее для жизни растений, чем фосфор? Но если азота много, а фосфора мало в почве, то жизнь растения определяется не азотом, а фосфором.

Так точно и бессмертно-личное начало человека, распределенное в каждом, разве не это самое главное в мире? Но оно, самое главное, и доступно всем, как воздух, и неограниченно, как Бог. Однако мы не пользуемся ничем этим великим и важным только потому, что материальные условия жизни человека на земле в нарастающем размножении его находятся в минимуме. Мало фосфору — оттого не мил и не нужен азот, и оттого люди сердятся, если им вместо хлеба предлагают Бога и еще говорят из Евангелия, что не единым хлебом жив человек.

Мелькнуло: — а что если написать Сталину, что я хочу вступить в партию как христианин.

– Что это?

— Голгофа.

Зина сказала о вере, что вера является делом смертной борьбы, подвигом...

— А вот мне, — шуткой сказала Ляля, — просто дано это от рождения и без всякого подвига.

Зина обняла ее.

– Не надо, не надо, Ляля, так говорить.

– Нет, отчего же не говорить, у меня даже чувства такого никогда в жизни не было, чтобы жить для себя. Я даже книгу интересную не могу дочитать до конца, если инте-

ресно: я отдаю ее кому-нибудь — на, почитай, а потом я докончу.

– Ну, как же так, Ляля, — сказала Зина, — а тайны, ведь ты же должна все отбросить от себя, как неважное, чтобы лично в тайну войти. В церкви мало ли кто стоит рядом с тобой, ты же не смотришь.

– Раз удается, два удается — не посмотришь, а третий — я уже вижу и обыкновенно из этой церкви перехожу, чтобы не видеть, в другую. И не укоряю себя: я хочу, чтобы не я только, а и другой молился, я хочу строить церковь и от этого дела никуда не могу уйти. Недаром некоторые коммунисты говорят, что я кончу тем, что уйду в ГПУ. И это неглупые люди говорили, потому что я рождена не для себя, а для другого, и такими были наши революционеры в прошлом.

Когда Ляля вышла, Зина спросила меня:

— Как вы это понимаете?

— Так понимаю, — ответил я, — что Ляля рождена служителем, она — дьяконисса по призванию и без этого служения, без разрешения священника она не считает для себя возможным выход свой личный к тайне через Царскую дверь.

Ляля — не священник, а дьякон, и через это она понимает и всю революцию, и коммунизм тоже, как служение. И вся разница ее дьяконства с дьяконством революции в том, что она, не скрывая презрения к попу, признает в нем священника, а революционер, будучи по духовной природе своей дьяконом, хочет стать на место попа.

15 Ноября. Та же погода. Вчера были в театре на «Месяце в деревне». Похоже было на любительский спектакль в губернии, перенесенный в наше время. Публика смеялась в самых патетических местах. Карцев этот смех объяснял некультурностью общества. Но мы стали на точку зрения современного зрителя и фигуры мужа и любовника стали и нам смешны, а героиня Наталья Петровна очень неприятна. При Тургеневе Наталья Петровна как умная и сложная женщина вызывала к себе интерес. Теперь ее выпусти-

ли в более поздней моральной приправе: «эту прекрасную по натуре женщину заела среда». Наделав невероятных гадостей в отношении всех окружающих ее людей, мужа, любовника, учителя, воспитанницы, она заявляет: мы все прекрасные люди.

Итак, кто же виноват в этом смехе? Автор, актеры или сама публика? Публика сама по себе не может быть виноватой, потому что даже единственное возможное обвинение ее, что она публика некультурная, что вообще она не та публика, на которую рассчитана пьеса, то и тут виновата не она, а те, кто направил эту пьесу в эту среду.

Русский народ крестили водой в Днепре, и с тех пор, кончая Толстым, Достоевским, Лесковым, если хотите даже и Чеховым, русский народ воспитывался идеями православной церкви. Ныне крестили народ не водой, а огнем...

Как писатель, я имею дело с личностью читателя: пусть это будет даже один единственный — и я буду писать. С него начнется мое дело, и этот единственный приведет другого, тот третьего, и так отберутся в порядке времени личности, объединенные духом моей книги. Напротив, актер обращается не к единственному, а к толпе и хочет всю толпу единовременно и в одном месте связать своим духом в единство. В первом случае автор более свободен и почти независим от читателя: ему довольно единственного. Во втором случае автор имеет дело не с личностью, а с коллективной душой. В первом случае мы не имеем права требовать нравоучения, но пьеса, рассчитанная на служение коллективу, должна...

16 Ноября. Последний номер журнала «Знамя» «зарезали в сигнале» (т.е. зарезали, когда уже готов был сигнальный экземпляр).

— В другой раз будьте осторожны, не решайте сами, а потихоньку посылайте материал тем лицам, от которых все зависит.

— Но ведь именно из-за этого узкого влияния и предоставлена журналам свобода.

— Свобода, вспомните Андерсеновского «Соловья», которому дали свободу, привязав ниточку к лапке.

17 Ноября. Вчера стало морозить с ветром, а в ночь чуть-чуть попорошило. На рассвете пошла снежная метель, и так весь день. Вчера был гимназист Абакумов с рассказом об ослепленном на войне молодом человеке. Рассказ без всякого сюжета, но с жалобными стихами, которые автор недурно пел. Посоветовали ему прочитать всего Толстого и Достоевского, усвоив все поставленные ими нравственные проблемы. Приходила скульпторша Герценштейн, еврейка, но похожая на эстонку или латышку. Согласился позировать, если будет лепить вместе с Валерией Дм.

Привели наконец машину, и стало легче на душе. Не совсем понимаю в себе зависимость свою от машины.

Думаю о пьесе «Месяц в деревне» и понимаю смех публики, как наказание за игру Тургенева с молодежью. Учитель Беляев в пьесе — это будущий Базаров, а Базаров реализовался теперь как общественный администратор. Вот у нас секретарь Союза Поликарпов — это и есть нынешний Базаров. На него повисла материальная жизнь писателей, их жен, их теток, всех надо кормить, одевать, обувать. И когда я принес в эту толчею свою повесть, то этот Базаров-Поликарпов даже не принял меня, и оказалось, он даже и не знал о существовании писателя Пришвина. Так точно вчера поступил и редактор журнала «Знамя» Вишневский. Я сам поднялся к нему, оставил у него записку с просьбой позвонить, согласится ли он прочитать мою повесть с тем, чтобы посоветовать мне, стоит ли ее печатать при наших условиях войны. Мы думали, что Вишневский, как молодой писатель, будет польщен, а он ничего не ответил. И вообще, им, устроенным Базаровым, до искусства, как средства выразить личную душевную жизнь опекаемого

им общественного человека, нет никакого дела. Между тем они почему-то чувствуют непорядок в этой области. Почему? Первое, это «посравнивать век нынешний и век минувший», второе, отсутствие дрожжей, на которых нужно воспитывать молодежь («не о хлебе едином жив человек»).

Итак, «Месяц в деревне» надо было ставить с комментариями в антрактах. Перечитать «Отцы и дети».

Так собираются светящиеся токи переживаний: 1) Дети на дворах. 2) Дети в Колонном зале (лишены удивления). 3) Дети тоже, конечно, кто смеялся на «Месяце в деревне». 4) Засмыслились и отургенились ... 5) Мысль о шекспировской пьесе. 6) Конец отношениям на «честное слово». 7) Ник. Ив. Вознесенский как «американский деятель» ... выпьет, и... звонит, и все «как пьяные». 8) В сигнале зарезали, т. е. что надо найти тех, от кого зависит искусство и дело иметь непосредственно с ними, а не с редакторами. Или продолжать писать, как «живой классик».

Сегодня выступление у географов.

18 Ноября. Вчера выступал во 2-м МГУ и болтал несколько часов. Мне удалось, мне кажется, дать им понятие о личности. А это не мало. Профессор сказал, что этот вечер надолго останется в памяти слушателей.

Везде о Крылове, даже на улице идешь, слушаешь по радио о Крылове, и в парикмахерской, везде. Это хорошо очень, своего рода поминовение усопших.

Образование вводит в круг культурного обслуживания новых людей, и это все равно что и размножение. Так что люди размножаются двумя средствами: путем физическим и путем народного образования. Этим и вызывается необходимость радио и других технических средств общения людей. Понятно теперь, почему наши предки соединяли свои нравственные понятия с техническим прогрессом: это исходило из естественной заботы о будущем, из того же инстинкта, который побуждает собаку зарывать в землю недогрызенную кость.

Вчера ходили жаловаться на инженера Володю в ВАРЗ и вспомнил, что один мужик назвал свою лошадь Володей.

— Почему же Володя? — спросил я.

– А поглядите на него — сказал тот, — как он стоит, как пойдет, как ушами поведет, как хвостом махнет, — приглядитесь. И сами скажете, что он Во-ло-дя. И, понаблюдав огромного вислоногого, меланхолического коня, вспомнив одного мужика в этом роде, промяв несколько раз по слогам Во-ло-дя, я понял, почему серый конь носит эту кличку...

К 2 дня покончил с машиной на ВАРЗе и поставил в гараж. Еще бы какой-нибудь час и машина пропала. Вода уже замерзла и едва разогрелся радиатор.

Вишневский согласился послушать мою повесть вместе с Чагиным. Вишневский — серьезный мужик, является маленькая надежда.

Из хаоса вчерашнего вечера моего в университете только теперь начинает показываться мне самому, о чем я говорил: тема моя была о личности. Я им говорил, что пережил революцию много раньше 17-го года, и оттого, когда пришла настоящая революция, то я не сомкнулся с нею, как в юности, а совсем напротив: я принял ее, как вызов себе самому. Революция, говорил я себе, но кто же ты сам, с чем ты можешь выйти к людям, кто ты? Революция была мне хлыстом, подгонявшим меня к выявлению личных сил. Я был довольно чувствительным, нервным и горячим конем, и достаточно умным, чтобы не сердиться на хлыст, который висит надо мной... В этом пробеге теперь, оглядываясь назад, я ясно вижу путь личности...

19 Ноября. Сегодня тоже большой мороз, как вчера. Ляля собирает жильцов обсуждать катастрофическое состояние дома писателя.

Ляле: — Твоя болезнь видна на бумаге, которую ты переписываешь. Стремясь сделать работу поскорей, ты за-

хватываешь букву, которая расположена впереди той, которую надо пристукнуть, и выбиваешь ее раньше, чем следует, а заднюю букву выбиваешь вперед. Так получается на бумаге картина твоей души: стремясь перескочить время, соответствующее данному месту, ты получаешь обратный удар и заднюю букву ставишь впереди. Вот отчего и говорится для таких как ты: тише едешь — дальше будешь.

Даже прекрасная церковь Ивана Воина Ляле прискучила и она переходит молиться в другую. Это наводит меня на тяжелую мысль, что столь привлекательное в Ляле движение духа имеет такую же отрицательную сторону, как косность духа ее матери. И так же как мать не может сдвинуться с места, так дочь не может остановиться, когда это надо. А раз одна не может сдвинуться, а другая остановиться, то значит, обе несвободны. Но спрашивается, если это действительно так, т. е. что одинаково несвободен, и тот, кто стоит, и тот, кто бежит, то спрашивается, кто же свободен? Я отвечу на это: тот, кто стоит, тот подвластен законам места, тот, кто движется, подвластен времени. Свободен тот, кто не подвластен ни законам места, ни законам времени. И я думаю, что творчество, как я понимаю, и есть путь выхода из нашего места и времени в свободу, пусть хоть в некоторое царство при царе Горохе. Да так же ведь и кончается молитва утренняя: «И введи меня в царство Твое вечное».

В борьбе с неизбежной для человека в естественном состоянии инерцией духа нужно постоянно блюсти волю, и не только волю Божью, а и свою собственную. Именно вот с этого и надо начинать, чтобы учиться все выполнить, что задумал, и если для этого не хватает сил, обращаться к воле Божьей (Бог, Бог! Да и сам будь не плох). Как я благодарен своей борьбе с табаком.

Супруги могут сохранять свою любовь только в детях. Иначе они из любви супружеской неизбежно должны выйти в товарищи... После мира с женой... но чем же верный товарищ жизни хуже добродетельного супруга.

20 Ноября. Продолжается мороз с порхающим снегом. Вчера на собрании в доме писателей вскрывалось воистину катастрофическое положение нашего дома при полном упадке энергии писателей.

Сегодня пробуем собрать на чтение «Мирской чаши» Чагина, Вишневского и Михалкова.

Чувствую, приближается грипп.

Читаю «Отцы и дети» Тургенева, и у хорошего счастливого когда-то автора до того плохо написано, до того выдуман Базаров. Еще неприятна легкость французская и щегольство стилем.

Неколебимые остаются: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гоголь, Достоевский, Крылов, Грибоедов, Тютчев, Фет и, надеюсь, что Блок, Розанов, Бунин, Горький. И кто еще? Чехов. Пересмотреть иностранцев. Начинаю с Диккенса.

21 Ноября. Вчера читал «Мирскую чашу» Чагину и Всев. Иванову. Убедился окончательно, что написал хорошо. Буду ловить редактора «Знамени» Вишневского. Затащу к себе, начитаю его. Быть может, он влюбится в вещь и примет на себя борьбу за нее. Так вот и подумаешь: и русская вещь, и советская, и «высокохудожественная», а напечатать трудно только потому, что не похожа на другое ни на что.

Вчера, прочитав «Правду», мысль в мысль подумал с В. Ивановым, я — по поводу событий в Бельгии (коммунисты не признали закон о разоружении), он — по поводу статей о Крылове, именно, что он восхваляется не как патриот, а как сатирик. Иванов делал заключение, что внимание политиков переходит от родины снова к интернационалу.

22 Ноября. Гость мой (вам не нужно знать его имя) сказал так: — Если побитые немцы оказались дурными людьми, то из этого не следует, что побившие их русские

хороши. Между тем, кажется, будто мы должны быть непременно хороши. На этом и основана была наша уверенность, что во время Союза с Германией в Польше мы будем особенно пристойны и что тоже в Восточной Пруссии покажем пример великодушия и благородства. Ни там, ни тут наши нравственные чаяния не оправдались, п. что мы судили по себе, как нам хотелось, а не как бывает на войне. И так мы ничего не можем сказать...

23 Ноября. Дождь успел за ночь так смыть снег и намерзь, что утром даже при сильном морозе в ветре не было гололедицы.

Заключил договор на издание сборника в 30 листов, всего за вычетом налога тысяч на сорок.

Вишневский огорчает: уклоняется от чтения повести.

Розенцвейг (председатель ВОКСа) сообщил мне, что они издают мои книги за границей. Издают, не спрашивая моего согласия, поправляют, как им хочется, и ничего не платят. Обирают по всем правилам, давая, впрочем, минимум существования. Плохо, но многим хуже, очень и очень, очень многим. С унынием борюсь, но и жизнерадости нельзя чувствовать. Насчет же повести надо помнить, что зачем соваться-то.

Вечером был А.А. Птицын и забавлял моих дам.

Никогда не выдумаешь такого, что в жизни самой обыкновенной бывает. И потому — выдумал или сказал — это как серебро, а что было — и ты промолчал, а оно само сделалось — вот это золото. И в этом смысле пословица «разговор хорошо, а молчание золото» справедлива.

Можно ли выдумать историю Бострема. Художник, кончая 5-ю тысячу Лениных, вдруг бросил семью, убежал в Среднюю Азию, чтобы остаться с самим собой и написать Христа. Он поступил в колхоз стеречь лошадей и начал писать, и уже кончил икону. Вдруг опасно заболел и стал умирать. И в тот момент умирания, когда надо было готовиться к доброму ответу, он не выдержал и закричал:

«камфары». Ему дали камфару, он выздоровел. Приехала дочь, увезла его и теперь он опять в семье, пишет, только не Ленина, а Сталина в маршальском мундире.

А накануне встречи с художником слушали исповедь чекиста, как он расстреливал царя, Долгорукова и др.

Может быть, и выдумаешь такое, но будет заметно, что выдумал, а в жизни было...

24 Ноября. Опять ноябрьская слякоть. Рыбников объявился: вернулся из Люблино (реставрировал спасенную от немцев картину). Рассказал нам события: Третьяковка вернулась в полной сохранности. Мы еще помним, как ее увозили. Человек он хитрый и карьеру свою еще сделает (на реставрации икон), но, в конце концов, легкомысленный.

25 Ноября. Вася Веселкин. Слесарь. ВАРЗ. Б. Полянка, 42, кв. 1, жена... Матвеевна.

Слякоть. Встал в 5 утра. Прибирался в гараже. В 8 утра был на заводе до 3-х дня. Вскрывали мотор. Оказалось компенс. жиклер втянулся/втянуло под крышку блока, из-за него заело клапан и машина хлопала и не тянула.

Вечером с Асеевым были в ЦДРИ и видели замечательный фильм Диснея «Мельница».

26 Ноября. Посадить рядом Бострема с немецкой кровью и Рыбникова. Бострем покажется дураком. Но ведь Б. глуп от твердости в вере своей, а Рыбников умен именно от сокровенного легкомыслия. И так вот русский умный хитряга — русский тип — в значительной своей доле создается на неверии, и это встает как «ум» против «глупого» немца. И теперь вот русский, ведь нет ничего, а победил.

Плохо выразил, но пусть останется для раздумья эта пара: Бострем и Рыбников.

Смотрел американский фильм и понимал в себе, что там у них совсем иная жизнь, чем наша, или вернее — может быть, не в жизни дело, а что их публичное искусство

имеет свои определенные формы, для всех обязательные, но для нас чуждые и неприятные. Наше искусство таит в себе надежду автора открыть всем на что-то глаза.

27 Ноября. Пусть и стар я годами, но не от старости просыпаюсь я до света: меня будят мысли. Сегодня меня разбудила мысль, как мне кажется, самая острая, самая главная мысль нашего времени. Основная нравственная проблема нашего времени — это вопрос о том, как снять с глаз черную повязку у человека, потерявшего близкого: мать — единственного сына, жена — мужа, сестра — брата; и как и чем заменить эту утрату, чтобы страдающие утешились и радовались жизни? В «Рассказах о прекрасной маме» я этот вопрос опускал в детское сознание и предоставлял замену утраченного росту, как делают доктора при лечении ран.

Да, вспомни, Михаил, свою душевную рану в 1902 году, утрату невесты, как и надо понимать встречу в Париже с Варварой Петровной Измалковой. Страдая душевно, я смиренно предался росту: женился, работал и наконец написал свой «Жень-шень», и тогда, значит, через 38 лет после утраты, могла в мою душу войти другая невеста и вытеснить собой ту.

Итак, только почти через 40 лет после утраты я перестал о той первой невесте видеть мучительные сны и мог впустить в свою душу другую женщину. Стало быть, ты знаешь по себе, как происходит в жизни замена утраченной навсегда личности, и если знаешь, то для чего же ставишь ты, как современную проблему, эту замену у других людей? Нет в этом никакой общественной проблемы, каждый в своей беде должен определиться сам, и значит, широкая форма «познай себя» будет единственным возможным ответом каждому в его личном пути спасения.

И вот, поверьте мне детки, что нет на свете лучше счастья, как поймать мысль свою коренную, и она бьется часто, часто, как сердце маленькой птички. Как хорошо, какое это все-таки счастье в заутренний час старому человеку вспомнить себя в то время, когда пришла неизбежная беда и как десятки лет заживала эта рана, и наконец-то те-

перь зажила и ты, старый человек, можешь теперь посмотреть на мир теми же глазами, как глядел на него ребенком и юношей до встречи со своей личной бедой. Хорошо заслужить эту радость и уже больше ничего не бояться на свете, чего боятся молодые и богатые годами и будущим.

Рано встаю, до рассвета, спешу пройти в кухню на цыпочках, пока еще никто не встал, наливаю чайник из-под крана и ставлю на газ. Пока помоюсь, расправлюсь, оденусь, чайник вскипит, и вот я сижу у себя в комнатке за чаем, когда не слышно еще и дворников, и в окно на белой крыше еще не углядишь даже и черного кота.

«Но я пастух, наемный у другого:
Не я стригу овец, пасомых мной».
(*Шекспир: «Как вам это [по]нравится».*)

28 Ноября. Вчера по ужасной гололедице ездил далеко на годовой осмотр машины. Ночью подсыпало снежку, но утро кислое и за день наверно растает...

В наше время все личные обязательства потеряли прежнюю силу уже по одному тому, что каждый служит и не от себя зависит. И глуп, конечно, тот, кто до сих пор верит, когда кто-нибудь обещается. Но я не оправдываю, конечно, неверных людей, я только хочу причину назвать, а ведь не каждый поддается духу времени, другой...

Я передавал Н. А. содержание американского фильма, в котором показывалась домашняя жизнь миллионера. — Интересно было, — сказал я, — видеть богатую обстановку: какие зеркала, какие картины, какие обои, какие разодетые дамы. — Настоящая жизнь, — сказала Н. А. таким тоном, что нечего и рассказывать, это известно ей хорошо: настоящая жизнь, какой она была.

Но дальше я должен был старушке рассказать, что семья миллиардера была в разложении: сын бездействовал, лежал в креслах, жена занималась спиритизмом, и в конце концов миллиардер сына выгнал и жену побил.

— Вот вам и настоящая жизнь!– сказал я.

— Но не все же богатые люди так поступают, — ответила она.

И, конечно, осталась при своем постоянном убеждении в том, что настоящая жизнь осталась позади.

Машина не заводилась. Опасаясь полной разрядки аккумулятора, я стал на улице искать шофера и скоро нашел мальчика в ЗИСе.

Всеволод Витальевич Вишневский и Анатолий Кузьмич Тарасенков сегодня в 7 вечера назначили мне чтение «Мирской чаши». За час до них явился Бострем и, узнав, что я намерен отдавать в печать повесть, стал меня отговаривать: начинаются будто бы опять крутые времена, обостряется борьба с религией, и пошел, пошел, не забыв опять намекнуть на то, что в далеком будущем погибнет машинный мир и вернется натуральное хозяйство и кустарничество. — Вы повторяетесь, — сказала Ляля, — вы ведь и в прошлый раз говорили об этом. — Да, да, Валерия Дмитриевна, что делать. Говорил, говорил, и не могу не говорить...

Опасаясь «флюидов» коммунизма, наш «интуит» отказался остаться и вместе с коммунистами слушать чтение.

Военные люди пришли минута в минуту в 7 часов, и через 5 минут я начал читать. Тарасенков первую половину повести спал, но потом проснулся и слушал внимательно. Вишневский после чтения: вот придут с фронта и прорвут, да, прорвут, и будет настоящее, чувствую, назревает что-то новое.

Тарасенков с точки зрения современных журналов легко представил два возражения, первое — это религиозные символы, второе, что война дана, как страданье:

— Война же не только страданье, — сказал он.

— Пусть, — ответил я, — но у меня взята война в своем отражении в тылу: это не страданье, а сострадание.

– Совершенно верно, — ответил Вишн., — у нас же об этом был спор с Симоновым. Он хочет после войны дать прямо радость, но это невозможно.

— Да, — повторил я, — сострадание не выкинешь, без этого длинного и трудного моста не перейдешь к радости. А что вы говорите о религии, то в повести религия дана как символ: мы же в этих символах вырастали, и если вы хотите изобразить русскую жизнь, то вам никак не обойтись без этих символов.

NB: после этих моих слов Тарасенков спохватился: — Так разве хотел я вас упрекнуть в религиозности? Я говорил с точки зрения тех, от кого зависит печатание повести. Кто же не знает, что Пришвин к религии не имеет никакого отношения, что он пантеист и охотник.

В конце концов, я решился отдать им повесть для чтения в коллегии журнала из шести человек. На разбор позовут меня. Остается от этих разговоров впечатление чего-то юношеского, как будто вернулся в старшие классы гимназии. Так на все и будем смотреть, как на проволоку, развешанную в темной комнате для испытания чувств осязания летучей мыши. Я должен тоже познать эти проволоки, чтобы научиться писать в советское время. А впрочем, может не надо и знать об этом вовсе: мышь-то летает, разве она что-нибудь знает?

Коммунисты сказали, что православная церковь причислила комсомолку Зою Космодемьянскую к лику святых. Правда ли это?

29 Ноября. Такая же вялая погода, как и вчера. Снег все тает, тает, и все-таки белеются пятна на крышах. Вишневский говорил, что на фронте все пишут дневники («это что-нибудь значит»).

Вечером были в Союзе на чтении дневника В. Инбер... Вишневский сказал весьма приличную речь, в которой он заступался за писателя и, грозя кому-то, требовал отношения внимательности к нему. После этой речи я подошел к нему, очень поблагодарил. На это Вишн. ответил, что слова его имеют определенное направление. Через несколь-

ко минут умный и ядовитый Вальбе перешепнул мне, что вчера Вишневский имел большую схватку с Поликарповым, и слова его гневные направлены к Поликарпову.

Ленинградская страда перешла в народе из уст в уста и стала фольклором. Так и я написал «рассказы о маме» в переславской глуши.

Предвижу следующие возражения опубликованию повести моей «Мирская чаша».

Первое возражение, это что война представлена не как борьба за правое дело с изображением мужских героических личностей, а как у Гомера или Толстого, с исключительным состраданием к погибающему человеку. Вследствие этого в наши дни, требующие особого мужества, повесть может показаться вещью «не от мира сего». Направление ее морального воздействия обратно необходимому направлению победы.

На это возражение отвечаю, прежде всего, тем, что автор показывает не фронт, где борются герои, а женщин в тылу, и притом женщину не в труде, а в ее чувстве любви и сострадания. Ограничив свое изображение узким кругом, в дальнейшем автор представляет сострадание не [почившим] и безвыходным, а напротив, выводит читателя из заколдованного круга сострадания к удовлетворению себя чувством возмездия. Изображаемое в повести чувство сострадания — именно оно-то и выставляется моральной почвой возмездия: («Не мир, но меч»).

Второе возражение может относиться к увлечению автора народно-религиозными символами, напр. в его раздумье у иконы Скорбящей Божьей Матери. Или толкование евангельского рассказа о блуднице и сеятеле (кажется и все). К этому надо прибавить может быть и сам гармонический тон рассказа, расходящегося с диссонансом современности.

На это возражение отвечаю тем, что изображенный мною старик, народный читатель, не учился в университетах, происходит он от тех старых начетчиков русских, которые верили даже, что книга падает с неба. Кроме того,

русская народная старина, выходя за пределы «тайны», ничем не может вредить никому. Висит же в Третьяковской галерее среди современных картин икона Владимирской Божьей Матери или «Троица» Рублева.

Третье возражение опубликованию повести во время войны возможно с точки зрения современных нравов. Мужчина на фронте должен быть особенно чувствителен к вопросам семьи, и некоторый намек на неблагополучие в этом отношении среди женщин, описываемых в повести, может повести читателя к моральным кривотолкам. Это возражение, по-моему, самое наивное, самое простое, является и самым серьезным. В самом деле, какому солдату на фронте придет в голову упрекнуть автора, что он символом женственности берет не египетскую Изиду, а родную Богородицу, кто станет там сомневаться в том, что картина страдания приводит к возмездию. Но многим, многим солдатам будет тяжело читать, как изменила Милочка своему мужу. И я считаю это возражение самым серьезным, п. что автору в этом случае нечем защищаться. Единственным выходом я считаю для себя, как автора, то, что м. б. таких глупых солдат, из-за которых должна быть приостановлена мысль, вовсе и не существует, особенно в наше время, когда все так поумнели. По-моему, каждый, даже самый простой человек, поймет, что «измена» Милочки, ее «любовь» для себя изображается как невольная уступка.

1 Декабря. Счастье тем оно счастье, что собирает вокруг тебя людей, как друзей твоих, и ты сам веришь их дружбе. А в горе они покидают тебя. Раньше ты на них полагался, и часто их мысли и советы заменяли тебе собственную твою мысль. Теперь ты должен положиться лишь на себя, и это не всякому по силам. И так остается в горе у тебя черная повязка на глазах до тех пор, пока ты не познаешь себя, не остановишься на своем, как стоит дерево на корне своем, врастая в землю. И пока ветви твои собственные не разрастутся до того, что схватятся с ветвями других деревьев, ты все будешь жить с черным по-

крывалом горя на своих глазах. Вот наше время тем оно и тяжело, что каждый даже самый маленький человек, кому жить бы и жить до конца без горя мыслями и советами других людей, должен выполнить Сократов завет: познай самого себя.

Самая правдивая поэзия — самый большой вымысел (Шекспир: «Как вам это [по]нравится»).

С утра валил снег. Мы выехали к Пете и среди дня приехали к нему. Тут оказалось, что уже совсем настоящая зима.

В совхозе никто не может укрыть свою интимнейшую жизнь. Так, стало известным, что почтеннейшая Нина Портнова не устояла, когда у них в совхозе стояли танкисты.

Чем больше стесняют письменную словесность, заставляя ее врать, тем шире и острее словесность устная. Шекспировская грубость этого фольклора, напр.: одна девушка измучила письмами танкиста, когда он оставил ее и уехал на фронт. Он попросил товарища написать ей, что ему оторвало «весь низ», и спросить согласна ли она продолжить их любовь. Получив письмо это, девушка перестала писать.

2 Декабря. С вечера сильно морозило. На ночь вышла луна. В предрассветный час от луны было так светло, что видно было, как землеройки черные и полевки выпрыгивали из-под снега и лисицы охотились за ними.

В зимнем лесу я почувствовал всю свою охотничью жизнь разом: раньше та радость раскрывалась в длительном опыте, надо было ехать, везти собаку, охотиться, мориться до смерти. Теперь только вышел в лес и все сразу без всяких трудов.

Вот такая и Ляля: мы радуемся тому, как постепенно природа раскрывается в опыте. Ей же скучно преодоле-

вать труд опыта, она забегает вперед и уже, зная все, там стоит и дожидается.

3 Декабря. Вот уже на наших глазах поступили в партию И.Ф. Попов, Вера Инбер, С.В. Бородин. Причина их поступления в партию в пожилом возрасте объясняется, конечно, их жизненным приспособлением и ни о чем не говорит. Но верующий в партию и неверующий в Бога коммунист, скажем, «настоящий» коммунист — это есть претендующий на первенство служебный по природе своей человек. Коммунист настоящий, если смотреть на него извне, является носителем высшей морали, отдает душу свою за други. Но если смотреть изнутри на личность человека, то коммунист — это человек, не только отдающий первенство свое (личность) за чечевичную похлебку (партии), но и утверждающий в этом положении новое свое первородство. Это похоже, как если бы дьякон, т. е. служитель, заступил бы место священника. И вот почему, между прочим, все коммунисты (вижу Щербакова, Ставского, Вишневского) вовсе даже не политически, а органически ненавидят религиозных людей.

Правда, что и церковники тоже м. б. только извне носят имя Христа, как и коммунисты извне утверждают высшую мораль человека.

Но если бросить вовсе людей и взяться за богов, то на одной стороне будет богочеловек, на другой человекобог.

Если, по словам Вишневского (правда ли?), Зою Космодемьянскую церковь причислила к лику святых, то почему бы не провозгласить тогда и Сталина царем, как помазанника Божия («богоизбранный вождь» разве не то же, что и царь?).

Сколько должно быть у машины служащих ей рабов, чтобы она сама начала служить свободному человеку. И кого же больше, тех, кто ее сделает и ей служит, или тех, кто ей пользуется, кому она сама служит?

Если современное государство понять как машину, то... какой тут разговор. Каждый коммунист даже признает,

что государство-машина есть лишь орудие в руках строителей будущей свободной и не машинной жизни.

Так давайте же сейчас начинать строить эту жизнь.

Вот в этих словах и таится наше расхождение. На эти слова нам ответят:

— Поступайте для этого в партию.

Значит, ответят совершенно то же самое, что ответил инквизитор Чана (Легкобытов, секта «Новый Израиль») Александру Блоку: — Бросьтесь в наш Чан. Или что Дьявол Христу: — Бросься...

(NB: Вишневский и Вера Инбер на последнем выступлении утверждали — героизм писателя в том, что он на войне и в голоде остается служителем слова. А я напротив, утверждаю, что на войне писатель должен бросить свою службу слову и служить непосредственно самому человеку.)

Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне:

- Вы достигаете понимания природы слиянием с ней? Если да, то как вы можете туда броситься?

- Зачем бросаться, — ответил я. — Броситься можно лишь вниз, а то что я люблю в природе, то выше меня: я не бросаюсь, а поднимаюсь.

Все живое в природе поднимается от земли к солнцу: травы, деревья и животные, все растут. Так точно и человек, сливаясь в этом с природой, тоже растет, возвышается.

NB: Разве я не признаю дела Коммунистической партии? Напротив, я близок к уверенности, что все народы мира должны через это пройти. Но я не знаю, для чего я эту уверенность должен распространять на себя как обязательство быть тоже партийным. Я знаю, что у партии есть своя великая служебная роль, что даже ее претензии быть высшим определяющим поведение людей моральным началом играют тоже служебную роль. Представляю даже себя на честной службе партии, сожалею, что до сих пор мало сделал для нее хорошего. Но я не обязан, я, больше

того, не должен и не имею никакого нравственного права поступать в партию. Хорошо, если бы в новой повести, в одном из ее планов можно было поместить такую борьбу матери с дочерью, какая ведется в нашей семье.

В молодости я не думал никак, что дураки могут длительно действовать и влиять на дела серьезных умных людей, мне казалось, что первое же слово «дурак» их устраняет от дела. Но теперь я стал понимать жизнь так, что лучшие силы умных людей уходят на борьбу с дураками.

4 Декабря. Вечером был у Игнатовых.

– Ну, а если нет детей, не вышло семьи, можно же человеку найти какую-то связь с миром, с обществом?

— Не можно, а должно. Семья складывается из простых элементов: вначале эгоистическое счастье или жизнь на занятые средства, а потом постепенная более или менее заметная или незаметная расплата с долгами, борьба за существование, воспитание детей. И все делается в каком-то «порядке вещей», согласно природным склонностям и воспитанию. Сам человек, вся его личность в этом процессе не проявляется. Смысл этой жизни рассказан в Ветхом Завете, и ни самолеты, ни радио не выводят ее за пределы древних законов размножения. Умирает в бою солдат, — какое особенное значение это событие имеет для государства и общества, умер один, на его место становится другой. Но для матери этого воина движение рода с утратой этого единственного сына прекращается. Тут вместе с сыном (все равно и жениха или кого бы то ни было, за кого держится она) прекращается и то естественно спокойное соотношение счастья и долга: «ладно, мол, потерплю, когда-нибудь выплачу». Вот тогда на место долга становится смысл жизни, и без этого смысла становится жить невозможно. Долг сменяется смыслом и то, как о долге этом рассказано в истории человечества — это есть Ветхий Завет, а движение человека к смыслу открыто в Новом Завете.

– Вот, Наташа, я этим отвечаю вам на вопрос об утрате семьи. Ваш долг, обычный долг всех нас за наше счастье, в

этом случае превращается в смысл или тоже долг, но особенный: вы должны проникнуть сквозь хаос жизни, ее стужу, и ветры, и бурелом, чтобы там найти свое место в порядке, и чтобы оттуда понять необходимость этих ветров, стужи и хаоса.

5 Декабря. В небе метель снежная и ничего не поймешь, разве вспомнишь о «мчатся бесы». Но в растерянности собираешь внимание и видишь, как злые белые струйки перебегают по черному асфальту. Струйку белую догоняет машина, за машиной летит какая-то бумажка и падает. Я поднимаю бумажку — это обрывок газеты с портретом моим. Так вот и все труды мои: летят где-то в вихре, и это уже не я.

Милые люди друг для друга никогда не стареют. Любимый человек, старея, не становится хуже, чем был.

Красота существует, только чтобы милый заметил и полюбил: заметил — вот и вся роль красоты. Заметил — она хороша. Не заметил — дурна.

6 Декабря. Ветер с морозом, злая погода. В лимитном магазине Шишкова рассказала Ляле, что Толстой лежит в Кремлевке, что он в хорошем настроении, но от него скрывают доктора смертельную болезнь: саркому легких.

– Обаятельный человек, — сказала Шишкова.

– И добрый? — спросила Ляля. Клавдия помолчала.

– Я добрых люблю, — сказала Ляля.

– Вы сама добрая.

– Мало, мало добрых осталось, — вмешалась третья незнакомая женщина.

Вообще А.Н. Толстой непопулярен, его не любят. Напротив, все любят Шишкова. Нелюбим тоже Бородин.

На нашей лестнице вчера в квартире Герасимовой повесилась сестра ее Марианна. Она была следователем при Ежове, за это была наказана ссылкой и теперь, освободив-

шись, приехала к матери и сестре и повесилась в уборной. Так злая сила владела самоубийцей, что, вешаясь, она не подумала о своей матери. Какой чертовский эгоизм. Недаром же таким церковь отказывает в христианском погребении. И еще бы! Даже собака, зачуяв смерть, уходит от хозяев и скрывается.

7 Декабря. Воробей. Злая погода была вчера, мороз, ветер резкий. Воробей сидел на столбике, весь нахохлился, ветер заламывал на его темени перышки. Он близко подпустил нас и перелетел, только когда Ляля протянула руку к нему.

— Если бы он мог знать, — сказала Ляля, — какую бы он жизнь получил, если бы дался нам в руки.

И мы стали говорить о том, где бы он жил у нас до весны, чем бы мы его кормили. — А кот, — вспомнил я. — Мы бы в ванной воробья держали, там кот не бывает. Эх, если бы он только знал. — Да, если бы он знал!

И, вспомнив себя, когда я тоже так в непогоду сидел как воробей, на столбике, и Ляля протянула мне руку, и я ей дался с доверием, подумал: «Какое мне выпало счастье». Но нельзя же из-за этого рекомендовать вам, воробьям, даваться в руки врагам.

Черный араб. Редактор Петров рассказал мне по телефону, что из материалов, представленных мною для нового сборника, он хочет по совету «большого человека» выбросить «Черного араба», потому что там не русские описываются, а киргизы. — А в «Жень-шене» китайцы, — сказал я, — значит тоже снимать? — Нет, «Жень-шень» остается. — Большой человек неправ, — сказал я по телефону, — сейчас я к вам приду.

И по пути в «Госиздат» стал заговаривать свою бессильную злость против «Большого человека». Столько зла он причинил мне только одному, этот невидимый большой человек, ведь все эти 27 лет борьбы за слово я ненавидел его и бился, бился. Однажды на каком-то заседании я даже пошептал Ставскому:

— Чувствую врага, но не вижу его. Думаю иногда, что это Сталин меня не любит.

— Что вы, что вы, — ответил Ставский, — Сталин вас любит.

– Сколько я зла получил от врага, — продолжал думать я, — сколько сил истрачено на борьбу с ним, сколько им отравлено моих замыслов, но почему я все-таки его никогда не видел?

Успокаивая себя, чтобы не разбраниться с Петровым, я вдруг прозрел и в первый раз в жизни понял, что персонального врага, собственно говоря, вовсе и нет. Разве Щербина, редактор «Нового мира» виноват, разве он враг мой? Щербина, маленький человек, просто увидел, что «Рассказы о прекрасной маме» написаны мною не как пишут все. Маленький человек струсил и послал тайно большому человеку, Александрову. Немыслимо большому человеку все читать, он направил рукопись другому своему маленькому человеку, и тот, боясь Большого, видя, что дети написаны явно не как все пишут, с отрицательной надписью направил обратно к Щербине. Тогда я пишу жалобу персонально Александрову, он читает наконец-то сам и приказывает печатать. Значит, моя беда вся в том, что Большой человек сам не может читать, отдает этот труд маленькому, и тот из-за страха за свое существование запрещает печатать меня. Таким образом, складывается в госаппарате тяготение к шаблону и враждебное действие не ко мне именно, а ко всему личному. И вот почему, когда я путем жалоб, просьб и т. п. добиваюсь печатания моей вещи, то воображаемый враг исчезает, и вещь мою принимают и хвалят. Рассказав теперь редактору Петрову, «маленькому человеку», последовательный ход анализа сил, создающих в моем представлении врага, я спросил его:

— Вы по своему почину отвергли «Черного араба» или по приказу большого человека?

— Нет, — ответил он, — Большой человек имел в виду представить Вас в Европе (сборник делается для заграницы) русским, особенно русским, обратил внимание на

«Черного араба», на киргизов и посоветовал снять. Если вы с этим не согласны, я, пожалуй, оставлю.

— Оставьте, — ответил я.

Тем все и кончилось, и не пойди я к Петрову, не заговори себя на ходу этим разбором, так и носил бы в себе личную обиду, воображая себе личного врага в каком-то Большом человеке.

Выйдя от Петрова, стал разбирать создавшееся положение литератора, исходя не от себя, а вообще. И я увидел, что не одни литераторы находятся в трудном положении лично, а все. — Но почему же в других областях жизни что-то все-таки создается? — Создается победа на войне, потому что там с каждой личности, солдата или маршала, снимается все это личное, как шинель, и вешается на общую вешалку славы под именем Сталина, и это имя Сталин есть общее имя над братской могилой миллионов убитых неизвестных людей. Так, обезличиваясь, ложась в могилу, каждый содействует росту государственной власти. И эта власть, снимая с каждого его живое, его личное, точно так же предстоит и художнику, не понимает того, что искусство и есть тот храм, в котором по древним законам мог укрыться даже и обреченный по закону на смерть.

Помню на весеннем разливе мелкота разная: паучки, блошки в поисках твердой земли находили себе уточку и, принимая ее за твердое убежище, лезли на нее всей массой. Уточка, облепленная мелкотой, на глазах моих толстела. И когда она поднялась на воздух, то и вся эта мелкота с ней поднялась и полетела. Каждая блошка мечтала на этой утке спастись, и таков художник, и таково искусство. А государству нужна полезность от каждого, мораль государства: смерть каждого в его полезности всем.

Характерно, что современный человек не держит слова. Сегодня мы сговорились с ним завтра встретиться, но назавтра он не пришел. Есть что-то важное, чему он подчинен, какая-то общая сила, а слово другому человеку, личные отношения — это не существенно. Безликое начало господствует над ним и он во власти его. Это безликое начало есть

обреченность, есть смерть. Что такое личные отношения в тылу? Лейтенант вынимает наган и начинает вокруг себя расстреливать людей. Он ничего не боится, самое худое — это его возьмут на передовые позиции. Расстреляв людей в тылу, он отправляется туда и, развивая беспредельную храбрость, скоро становится героем Советского Союза (такой случай рассказал мне Вишневский).

В комнате было холодно, но мы отлично грели друг друга. — Как хорошо, — сказал я, — как трудно найти себе человека, чтобы с ним можно было погреться. С кем бы ты могла так лежать, как со мной? — С совершенно чистым, — ответила она. — Молодым? — В пушке бы. — С усиком? — Нет, ни с усиком, ни без усиков, а в пушке. — Так не бывает. Скажи, однако, с кем бы могла? — Наверно с маршалом, — ответила она. — С Рокоссовским или Жуковым? — Ни с тем, ни с другим, а просто с маршалом.

Очередные дела: 1) Профилактика машины. 2) Деньги по договору. 3) Уплата в ЦДРИ. 4) Поездка в Пушкино. 5) «Знамя».

Мои племянницы Наташа и Таня Игнатовы теперь, старея совсем и духом и телом, становятся непохожи на полукровок: просто очень интеллигентные русские женщины. Эта ассимиляция, однако, удалась благодаря искренним совместным усилиям в этом направлении и Герценштейнов и Игнатовых. Племянницы теперь как доказательство возможности ассимиляции евреев. И наверно и Игнатовы, и Герценштейны не одни. Очень возможно, что было движение в этом направлении среди евреев. И можно себе представить, как им было, когда внезапно весь жид хлынул на русского человека.

8 Декабря. Ночью преследовали кошмары, встал весь поломанный. Может быть, и пройдет, но может быть (и это надо в моем возрасте всегда иметь в виду), что и заболею и даже умру. При мысли о смерти в первый раз в жиз-

ни предвижу возможность того, что называется кончиной христианской. Не очень беспокоюсь даже и о Ляле, потому что как бы там не сложилась ее материальная жизнь после меня, она высоко поднимется. Ляля — источник веры моей, и в серьезных случаях не может быть малодушной. В Боге мы с ней сошлись и в Боге останемся.

Художник не только на каждого человека, но и на каждого воробья глядит, как на новость, встречает все и провожает удивлением.

Из школьного возраста вспоминаю слово «олицетворение»: мы учили тогда и не понимали великого смысла, вложенного в это великое слово.

Немного захворал: ночью вчера были кошмары, не спал. С утра сегодня до обеда занимался профилактикой машины. Великолепно наладил и счастлив, что машина проверенная, смазанная стоит в своем гараже и что у меня в кармане ключик и в ключике этом — моя свобода. Но, конечно, только обладая чем-то независимым в себе самом, какой-то внутренней свободой, можно тешиться этим техническим средством свободы — машиной. Вот мой двоюродный брат Григ. Григ. Игнатов (на днях умер от рака), он всю жизнь носился с машинами, ездил в Крым, на Кавказ и вез с собой машину и тоже тешился ключиком свободы в кармане. (Не забыть рассказ о том, как он приехал на свидание к влюбленной в него женщине и, узнав, что у нее испортился сложный радиоприемник, весь вечер просидел над починкой.)

«Ключик свободы», между прочим, имеет своим началом и другую область. Средний мужчина, не поэт, не пророк, а просто здоровый человек в половом отношении настроен так, что его пол, его орган является тем самым «ключиком свободы». Конечно, он где-то в глубине себя чувствует смутно возможность для себя бездонного счастья жизни; но он думает, будто он, имея при себе «ключик свободы», является обладателем этого счастья, что стоит ему вложить этот ключик в скважину и... Но в этом

самообмане и таится вся трагедия мужчины: женщина это знает и в большинстве случаев его «водит за нос», если только не глупа, так же как он, и не делается сама жертвой «иллюзии».

Завлечение в технику у мужчины начинается игрой («ключик свободы»). У женщины техника эта — продолжение ее деятельности в кухне и в детской.

9 Декабря. Изо дня в день так пошло: мороз с ветром, в уличном заветрии хорошо, попал на ветер, зло хватает мороз и за нос, и за уши. Ночь опять пришла в кошмарах, горло болит, буду сидеть дома.

О войне такое чувство, что она до тех пор не кончится, пока мы будем ставить свой дух в зависимость от конца. Кончится, когда мы помиримся с мыслью о том, что на наш век войны хватит, что для нас она вовсе не кончится.

Ляля переписывает усольский дневник — сколько там всего написано хорошего, какое богатство накопил я за время германского нашествия.

Ляля отнесла в «Знамя» в дополнение к повести «возражения ревнивому гражданину». Пожалуй, этого и довольно, и сам я не пойду, потому что возражать мне могут лишь люди, которые понимают литературу как орудие пропаганды, притом пропаганды антирелигиозной. С их точки зрения моя проповедь любви есть, может быть, такое же вредное явление, как ссылка Черчилля на «добрую старую Англию». (Сегодня знаменательный день: Палата общин провалила распоряжение Черчилля применить вооруженную силу британских войск для подавления восстания в Греции.)

10 Декабря. Когда перевалит за 70, то кажется, будто смерть людей так и косит, так и косит, и мир мертвых становится больше намного мира живых; так оно и есть в

действительности. И вот по мере того, как люди, мои сверстники, отходят, мне кажется, будто они поручают мне сказать о них оставшимся, и своим писанием я выполняю их поручение. Мне кажется, я даже и знаю, что именно мне надо сказать, а тревожит одно, сохраняются ли среди живых еще такие, кто может понимать мой язык о мертвых.

Почему не испорченная, а только здоровая натура человека обычно не с благоговением встречает святых, а сопротивляется? Вот дядя Ив. Ив., разве он был плохой человек? А помню рассказ матери о поездке ее вместе с братьями Ив. Ив. и Григ. Ив. в Оптину Пустынь. Приехали с икрой, с вином. Братья в номере выпили, сестра отказалась и собралась идти к старцу Амвросию. — Это святой человек, — сказала она, — вот бы и вам тоже со мной пойти. — Мы пойдем, — ответил И. И., — если ты, седая, вернешься от него черная, тогда поверим.

Что-то детское в этом ответе, как бывало в детстве, не хочется в церковь, а тебя тащат. И вот тоже так брат Николай в силу этого же самого ненавидел попов. Я так это понимаю, что Николай в душе своей таил возможность явления святости, а поп, внешне изображая святого, отпугивал и видом своим предупреждал самую возможность чудесного. Да, конечно, живая жизнь содержит в себе Бога, и живой человек бессознательно Его охраняет и защищает. Тут малейшее нарушение соответствия внешнего с этим внутренним вызывает насмешку, а то даже и брань. Вот почему и святые уходят в пустыню, не потому, что мир во зле, напротив, в мире, именно в мире живьем содержится Бог, но через большие испытания нужно каждому лично пройти, чтобы бессознательно живущий человек увидел в другом, как в зеркале, лицо этого своего Бога и через это сам стал не особью только, а личностью. Так что часто это сам Бог через своих сторожей издевается над своими представителями, попами.

Мало того! Я думаю, что и в Ляле вся «интересная» революционная часть ее религиозной души исходит из тех

же непорочных недр, как у примитивных людей их неприязнь и смех над попами. Так вот, Михаил, и ты тоже не повторяй Гоголя в его падении, а постарайся узнать в другом человека, как в зеркале, истинного живущего в тебе самом Бога. Узнай и помолись, чтобы Он помог и другим, кто достоин узнать своего Бога в тебе. И если ты этого достигнешь, то, не надевая на себя рясу с крестом, оставаясь на земле веселым и свободным сказителем, в Царстве Божьем ты будешь священником.

За чаем я говорил, что в революционные годы вылезли к нам на свет по неведомым лесенкам подпольные люди, беспризорники, бывшие воры и убийцы. Живут они ничего, как все, женятся, растят детей, ходят на службу, но особая печать беспризорника так и не сходит с их лиц, хотя бывают из них и хорошие люди.

– Вот, — сказал я, — Володя Елагин, с тех пор как он рассказал у нас здесь за столом об участии своем в убийстве мальчика, не могу никак это забыть, когда с ним встречаюсь.

– Что же тут такого, — ответила Ляля, — они все такие, у каждого коммуниста в прошлом есть что-нибудь в этом роде.

– Жалко же, — возразил я, — помню, мы с братом поповского гуся зарезали за то, что он поповский, и как теперь страшно вспомнить, и как жаль этого гуся.

– Гуся, — ответила Ляля, — конечно, жалко, ты бы еще вспомнил какого-нибудь умученного воробушка или галчонка: это ведь жальче чем человек.

– Ну, это уж ты, — возразила мать, — фигурничаешь, у человека душа бессмертная, а ты гуся выставляешь, воробья, галчонка.

– Невинные они, — лукаво улыбаясь, повторяла Ляля, а теща продолжала всерьез доказывать свое уважение к бессмертной человеческой душе.

– В человеческой душе Бог содержится, — говорила она. Ляле это прискучило.

– А может быть и в их душах тоже содержится, — вызывающе сказала она.

– В них же разума нет.

– А тем и жальче их, что беззащитные, бедняжки: разума нет, а у другого человека и разум какой, а вовсе не жалко когда ущипнут. Мало того! Самой хочется присоединиться.

Извне смотреть или по словам понимать, что позиция Черчилля в вопросе отношения к греческим коммунистам та же самая, что и Керенского перед захватом власти большевиками. Но у Керенского слова были без материального основания, а у Черчилля, под его словами содержится абсолютная необходимость для Англии держать в своих руках Средиземное море (т. е. берег Греции или что-то в этом роде).

11 Декабря. Дачу мою в Пушкине обокрали и правильно сделали, потому что надо было в ней оставить жить М. В., а Наташу держать прислугой в Москве. Такой был мой план, но Ляля сделала по-своему. Я же ей уступил, потому что предвидел неприятности с прислугой. И сейчас думаю, что пусть лучше обокрали дачу, чем выносить неприятности с прислугой.

События в Греции происходят для нас, как что-то знакомое, пережитое. И правда, если греческие революционеры стремятся выискать и наказать гитлеровцев, то это ведет к перемыванию костей каждого, как было у нас при наказании «буржуев». А гитлеровцы еще поглубже буржуев, разбирая гитлеровцев, как виновников, можно легко прийти к англичанам. Неужели же англичане и этого не предвидели, вступая в союз с СССР против немцев?

Если повесть провалится в «Знамени» или создастся неохота писать серьезные вещи, то буду писать «Ключик свободы» – книгу на детский конкурс к июлю 45 года. Это будет смешной рассказ о машине, о том, что у меня в кармане будет ключик от машины и я тем буду свободен: захочу и поеду; я достал машину и мучился с нею до тех пор,

пока не поставил в гараж и не езжу, но живу так, что захочу — и поеду. Мораль же та, что сколько надо помучиться, потрудиться, чтобы мечты превратились в реальное чувство свободы.

Начало рассказа: «Ключик свободы», или как я научился заводить машину от ручки.

Со мною всегда и везде теперь ключик свободы.

Это обыкновенный медный маленький ключик от машины марки М-1. Чувство свободы, соединяемое мной с этим ключиком, бывает наиболее приятным и действительным, когда машина вымытая, смазанная, проверенная во всех отношениях, стоит в моем маленьком гараже на Б. Якиманке. Тогда с ключиком свободы в кармане я могу выносить всякие неприятности. — Ладно, — говорю я воображаемым своим врагам, — мучьте меня, но помните: захочу, и вы меня не увидите и следа моего не найдете в Москве.

Но я честно скажу, что настоящую приятность от свободы своей я испытываю, только если ключик лежит у меня в кармане, смазанная, вымытая, проверенная машина стоит, а сам я хожу пешком или пишу. Стоит только мне этот ключик вложить в замок машины и нажать на стартер ногой, как начинается настоящий экзамен моему чувству свободы.

Так вот я начинаю рассказывать: я нажал ногой на стартер.

Коленчатый вал на холоде как мертвец со скрежетом зубовным, с проклятиями начинает повертываться. Раз повернул — вспышки нет. Два — нет, три, четыре... Аккумулятор сдал. Вал остановился. И вот исчезла моя свобода, все кончилось — машина не заводится, и я не хозяин, а пленник. Вот теперь давайте разберемся, по чьей вине я сделался пленником машины. Большинство шоферов всегда сваливают вину с себя на кого-нибудь: на завод, на гараж, на бензин. Я знаю только одного шофера, который эту утрату свободы принимает всегда на себя. — Нельзя, — говорит он, — предусмотреть капризы погоды, но машину делал человек, и шофер всегда может предусмотреть. В моем случае, что машина не заводится от стартера, спора

этого быть не может: тут я сам виноват. Сколько раз бывало, сядет аккумулятор, не повертывается вал. Тогда вынимаешь пачку папирос, поднимаешь руку с папиросами вверх, появляется парень и начинает вертеть. Страшно глядеть, как вертит русский парень машину, раз бы так в мои годы повернуть — и больше бы не поехал. Так вот, посмотрел я и решил, что вертеть не могу. Если сил не хватает, всегда может выручить ум. И вот тут-то и таится моя вина, вина моя в том, что я сдал.

– Что же мне делать? Выхожу из машины, подливаю под свечи бензин и в карбюратор, проверяю зажигание. Нажимаю. Вал еле тронулся, но вдруг: — Пах. Пах. Отпускаю подсос. И пошло: пах-пах-пах. Завелось.

Я опять свободен. Я опять хозяин машины. И выезжаю, куда мне надо по Якиманке до конца, повертываю по набережной канавы, по Москворецкому и на площадь Свердлова, останавливаюсь у колонки. Мне нужен бензин. Вот подходит моя очередь. Мне махнули рукой, кричат: — Подавай!

Нажимаю — ничего.

Аккумулятор сел совершенно. Какой-то сочувствующий мне шофер выходит из кабины. Подошел, поднял капот, проверил, как водится, искру.

– Искра мировая, — говорит он. И, закрыв ладонью патрубок карбюратора, говорит мне: — Ну, вертани. Я нажал — раз. Трудно. — Верти еще. И опять ничего. — Верти. Машин множество, из каждого окошечка глаза глядят. Стыдно както сдать, а в глазах уже зеленые круги. — Верти, верти. И вот я как-то растроился: одному стыдно сдать, другой зеленые круги видит, а третий оглядывается и думает.

Вот этот третий и помог. Вижу я — из карбюратора льет бензин и понимаю отчего: шофер держит...

12 декабря. Мороз. Пробую выйти на воздух. Вчера вечером мне позвонили с тем, чтобы я отправился с делегацией просить Поликарпова принять шефство над домом. Бес схватил меня за ребро, и я ответил, что к этому я мальчишке не пойду, пусть он идет ко мне и т. д. Услыхав

это, Ляля чуть в обморок не упала. Мне теперь кажется глупым мое выступление, я мог бы просто сослаться на свою болезнь. И кроме того, неприятно очень, что привел Лялю в дурное расположение: ну будь прав, туда сюда, а ведь глупо же. Почти готов ехать к Поликарпову.

13 Декабря. Сильный довольно мороз с сильным южным ветром. И скажу, тихого морозного дня со свежей порошей еще не было ни одного.

В ближайшее время дождусь тихого дня, поедем на пушкинский базар за картошкой, за инструментом, дачу осмотрим, навестим Андрея Федоровича. Покончим с Петиной лисицей.

14 Декабря. Морозище страшный с ветром (еще, кажется, не было ни одного мороза без ветра). Сдав «Мирскую чашу» на растерзание, я как поршень достиг своей «мертвой точки», и мне кажется, будто и писать-то мне больше нечего, и не нужно это, и я не буду больше писать, п. что больше и читателя моего нет.

Мало кто понимает это состояние души писателя, когда у него отнят читатель. Обыкновенно говорят: — Пиши для будущего, кончится война, все напечатают. Это все равно что актеру в пустом театре говорить: — А ты представляй.

Не понимают как писатель, когда пишет, то чувствует себя тоже, как и актер в обществе, что творчество происходит непременно в атмосфере незримого присутствия и неслышимого созвучия...

Вчера взял в библиотеке книжку одного иностранного писателя об Индии, увлекся и, вспомнив, вдруг увидел, как глубоко мы пали и как тупы стали к восприятию своего падения.

А между тем, как вспомнишь наше историческое прошлое, то все это «падение» произошло на каком-то моральном пути, на пути, скажем, сердечной заботы не о себе, а о всех. Совлекая с себя все личное, наш правдолюбец всего себя отдает тому, что есть Весь-человек. Но мало-помалу Весь-человек

оказывается в точности тот человек, которому надо только два глагола: есть и любить. И в конце концов оказывается — это «большинство» есть вовсе не моральный Весь-человек, а тот средний обыкновенный человек, для которого существует государство. (Тихонов, Поликарпов и др.)

Ефим Несговоров в «Кащеевой цепи» или Семашко в действительности был в то время цельным моральным существом, теперь это Поликарпов-чиновник, Тихонов... поэт плюс чиновник плюс добродетель. Хорошо, очень хорошо досталось Фадееву от «большинства».

«Большинство», как таковое, т. е. в двух глаголах, может существовать лишь как разрушительное начало: в революции, на войне, тут под сжатием оно загорается от искр, называемых вождями. Но вся моральная жизнь состоит в том, что большинство, не удовлетворяясь своими естественными «глаголами» (есть и любить), потихоньку, волей-неволей впитывает в себя идеалы меньшинства и создает устойчивую среду мирного времени, «мещанство».

15 Декабря. Крепкие морозы с поддуваном.

Бострем Ляле сказал, что из писателей только Гоголь возвысился до религии.

— Не возвысился, — ответила Ляля, — а пал. Дело в том, что художник вообще стоит перед Богом непосредственно и как бы меряется с ним силами: в этом трагедия его положения. Вы же хотите соединить оба эти пути и оттого вам не удается ни то, ни другое.

Замечательно, по-моему, отрезала! В Бостреме непротивленческий сон, исходящий не от Толстого, не от индусов, а от мягкосердечия. На этой почве разгорелся разговор в отношении Ефр. Павл., что никто из друзей не осмелился ей сказать правду. И тоже еще Ляля успела ввернуть горькие слова о том, что вот он, друг Мих. Мих., и мог усомниться в его личности и, не выслушав его, принял сторону его врагов. Мы рассказали о том, что пережили 5 лет тому назад, и Б. был совершенно смят.

Их было двое художников из Мюнхена, и оба с «фон». Фон Бострем и фон Бирон. Один всегда говорил о натуральном хозяйстве и кустарничестве, другой старался ввернуть слово за мир, как органическое целое. Но когда, бывало, приходил федоровец, ныне покойник Александр Константинович Горский, то перебивал того и другого, проповедуя идею Федорова о воскрешении отцов.

Силюсь представить идейно-нравственные возможности безбожника-коммуниста, который отдает всего себя на служение ближнему.

16 Декабря. То же безоблачное небо, тот же мороз, тот же ветер. Электричество 3 раза в день выключается, моторы водяного отопления плохо работают, московский уголь дает мало тепла. В комнатах холод.

Вспоминается проволока электропроводки в Пушкине перед моим окном. Идет летний дождик, по слегка наклонной проволоке катится капля и останавливается. Ее догоняет другая, настигает, и две капли, сливаясь в одну, падают на землю. Да, они падают вместе, и как великолепно их падение.

Падают на листики, с листиков на стебельки, по стебелькам в корешки, по корешкам поднимаются внутрь стебельков, выше, выше, в листик, из листиков вверх к солнцу.

Если Бог есть Творец или творческая сила, то мне-то какое до Него дело, разве что открыть эту силу, этого Бога и воспользоваться Им, или попросту поработить Его. Правда, если весь смысл человека есть свобода, и свободой обладает лишь Бог, то надо отнять ее у Бога, и так кончается у человека борьба с Богом за свободу: богоборчество.

– Позвольте, но что это значит свобода, за которую человек открывает борьбу с Богом?

– Свобода это есть возможность быть самим собой, иначе говоря, свобода — это я.

– То есть «я» как форма божественной сущности. Значит, борьба за свободу — это есть борьба за форму.

– Вот именно, человек в борьбе за свободу обретает лицо (форму) и тем самым становится Богом, потому что лицо человека есть Бог.

И тут узнал Бог в лице человека Сына Своего и обрадовался Ему.

И человек, глядящий на капли, бегущие по проволоке — каждая капелька разная: у каждой своя судьба, узнал в капельках Бога Творца и в Творце мира Отца своего, создателя различий и форм.

Получил отказ от «Знамени», теперь уже, чувствую, окончательный, потому что больше уже духу не хватает лезть к господскому столу со своей повестью. Заканчиваю эту эпопею мытарств письмом к Вишневскому, письмом, которое ему не пошлю.

Всеволод Витальевич!

Эта повесть в своем первом варианте называлась «Повестью нашего времени». Ее гражданский план был противопоставить достойного гражданина православной культуры достойному гражданину революционной культуры, как богоборца. Я предложил прочитать повесть Калинину, в надежде, что он поймет меня и признает, как русский человек. Но К. был смущен моим терпимым отношением к церкви и недвусмысленно дал мне понять мое заблуждение в понимании отношения партии к церкви. После того я действительно понял свое заблуждение и написал новый вариант, в котором выбросил план противопоставления церкви и партии и поставил свою карту счастья на чувство родины. Если Россия, думал я, им дорога, если родина, столь часто произносимая, не есть понятие, так же как церковь, принимаемое временно в политических целях, то вещь моя будет признана. Увы! Из рецензий членов Вашей коллегии я убедился в том, что мое чувство России, ее языка, ее народа не вызывает созвучия, что «родина» принимается исключительно в смысле политическом, так же как и церковь.

17 Декабря. Заплеушина продолжает гореть. Началось это резкое гонение с тех пор, как в своих писаниях я приблизился к человеку (совпало с приходом Ляли), первый удар был по «Лесной капели», второй в «Прекрасную маму» и третий в «Мирскую чашу». Это и понятно: приближение к человеку означает приближение к человеческой личности, между тем как на время войны вопросы, связанные с человеческой личностью, исключаются. Говорить о личности во время войны это все равно, что говорить о веревке в доме повешенного.

– Так зачем же ты, глупец, говоришь?

Повторяю, что гонения совпали с приходом Ляли, но приход ее не был его причиной. Первый удар (Лесная капель) был нанесен с мотивировкой, что можно ли писать о любви и природе в то время, как самолеты германские бросают бомбы на Англию. Значит, причина гонений – война. Ну, а тут надо подумать и о своей вине (не я ли виноват?): именно, что если бы у меня, вот как у Фаворского Никита: погиб бы мой сын, мог бы я так написать, как сейчас пишу о войне? Я бы не мог вообще тогда ничего написать. – Не мог, так почему же теперь можешь? Не потому ли, что ты лично благополучен и что ты поднимаешь словесно, тогда как страшный вопрос о человеческой личности должен сам собой выйти из молчания. Ты очень нетерпелив и тебе хочется лично самому выскочить в литературе, занять во времени то место, которое ты по своему таланту чувствуешь, тебе принадлежит, и ты еще хочешь быть сам хорош на том месте, где вообще нехорошо. Так вот же, Михаил, отбрось всякую мысль о том, что с тобой поступают несправедливо и кого-то недостойного предпочитают тебе. Это очень хорошо во всех отношениях, что ты попробовал испытать свой голос сострадания и гнева, но дальше ты должен с улыбкой смотреть на себя, как на очень наивного человека, почти ребенка и стать несколько выше того места, на котором стоял до сих пор.

Конечно, это не сразу дается, чтобы подняться и посмотреть свыше. Когда вышибают из рук возможность рабо-

тать в свободе (от себя), меня охватывает тоска, и делать я ничего не могу. Сегодня я, даже подойдя к храму, не мог войти в него. Меня пугала там какая-то предустановленная гармония, и я боялся, что моя тоска вступит в борьбу с тою гармонией.

Сегодня значительно потеплело и ветра этих дней почти что не было. Приходил д-р Махов из Ельца и определил мое давление 180/100, т. е. для моего возраста хорошее. Приходила Елена Исааковна с фронта и смешно рассказывала весь вечер о полковнике-врале, у которого она работала машинисткой.

18 Декабря. Тот же ветер, но мороз слабый. Вот эта боль от удара по сердцу (думаю о «Повести») — эта боль того же происхождения, как от утраты близких людей на войне. Тоже война и тут — война с разными мыслями разных людей за единство воли в государстве. — Мы знаем, что делаем, — говорят нам. — Пишите себе в стол. Так дух, как газ в автомобиле, попадает в компрессию, сжимается и вдруг является искра. Очень похоже, что и мы так находимся в состоянии компрессии в ожидании искры.

Читал Р. Роллана (мистический том о Вивекананде и Ганди), Жан[а] Жионо «Песня земли» (как это манерно и как уже старо!).

Читая о йогах, в этом свете увидел свой вдохновенный порыв (любовь к Ляле), как мне казалось, порыв как бы обязательный на человеческом пути, составлявший момент моей высшей гордости. Но в свете йога — это вовсе не высший момент в жизни человека, п. что все-таки же это прыжок с закрытыми глазами («а если?»). Но во всяком случае «а если» и его преодоление может и должно быть у меня предметом глубокого анализа. «Прыжок» по существу своему есть своего рода метод преодоления слабости, спасение сильным действием от страха перед раздумьем. Прыжок-то ведь у меня противопоставляется состоянию нерешительности, раздумья, какое бывает у старой девы.

Но ведь можно представить себе и действенное раздумье. Вместо «прыжка» я мог бы все умно устроить, никого не обижая.

19 Декабря. Наконец-то тихий мир и светло. Заключенный в нашей квартире кот орет, то сидит на окошке и вертит головой, следя за полетом ворон и галок, то совсем уж не зная, куда девать избыток сил, разбежится в коридоре, прыгнет до полстены и отскочит от нее как мяч, и заорет во весь дух. Смотрю на кота, заключенного в камне и стекле, и сам себе думаю, что и ведь тоже так в Советском Союзе и мои писания не больше как прыжки на стену: тоже прыгнешь и потом орешь и дожидаешься, когда придет охота еще прыгнуть.

Разве описать для детей машину?

Возможное начало рассказа о машине.

Прежде чем жаловаться на машину, надо вникнуть и в положение Семена Лазаревича, директора ремонтного завода автомобилей марки М-1 («Эмка»). Запасных частей во время войны вообще у нас в Союзе кот наплакал, а есть и такие, что достать вообще невозможно, скажем, например, хвостовик, соединяющий трансмиссию заднего моста. И вот приехал с фронта генерал, присылает на буксире свою машину и требует, чтобы через три часа был поставлен новый хвостовик. — Будет сделано, — отвечает С. Л. и зовет главного инженера. — Есть хоть один хвостовик? — Нет, но мы сделаем, какой срок? — Три часа!

Нельзя писать: на заводе не может не хватать запчастей, и мое начало — есть новый прыжок на стену.

20 Декабря. Небо уже светилось, но последняя звездочка еще не угасла. Бледный свет уже входил в мою комнату, но тени моего ночного огонька на стенах еще были заметны. Я думал о моем писательском труде, что весь успех, все достижения мои исходили только от того, что я вверялся своему таланту, и мало того! Верил, что если каждый в отношении своего таланта непременно в каком-

нибудь роде, ему присущем, тоже поступал бы как я, то мир человеческий был бы благополучен и счастлив. И вот довольно было моего зернышка чисто наивной веры в себя, в свое дело, свой труд, чтобы я выделился из массового безличия и на меня обратили внимание.

Теперь я вижу из этого примера первое, как мало у людей творческой веры в жизнь, раз уж такое зернышко, как у меня, обращает их внимание. Второе же о себе: что эта наивная вера моя в талант личный, как средство спасения себя и людей, должна ли она неминуемо пройти, как проходит например цвет лица, и смениться более глубокой верой, или же эта наивная вера в жизнь как вместилище неоткрытых гениев есть вполне достаточное основание и выражает собой осуществление заповеди: будьте как дети.

Решаю этот вопрос так, что «будьте как дети» не должно смениться более глубокой верой, а само из себя, как из зерна, разрастись в глубокую веру. Я думаю, что не только мой талант, но и талант Шекспира и Бетховена, и все искусство всех времен и народов исходит из единственно своих истоков и протекает до впадения в океан в этих берегах: будьте как дети. Мы все знаем катастрофу в творчестве Л. Толстого и Гоголя и понимаем ее в крушении этой веры «будьте как дети» силой гордости. Падение в мораль Толстого и Гоголя в существе ничем не отличается от вознесения Ивана в Костроме: Иван забрался на колокольню и бросился сверху, чтобы вознестись, — и упал, и разбился.

На плохой дороге хорошему шоферу всегда больно за машину.

– Машина чихает, машина ехать не хочет, — говорил Генрихсон. — Машина ваша любит раннее зажигание. — Каждая машина так? — Нет, каждая машина любит позднее зажигание, и когда поставишь рано — толкается обратно: ваша не толкается.

Надо написать рассказ «Капитальный ремонт» с тем смыслом, что машина — это сам человек и что мы ее очеловечиваем.

21 Декабря. Стоят ровные морозы. Вечером с запада разгорится оранжевое небо, и с высокого этажа смотрит вниз человек на Москву: там внизу сливаются контуры домов в светлых морозных дымах, и под этой намерзью внизу на оранжевом небе показываются тысячи черных птиц, проносятся с шумом и криком, слышным через двойные, замазанные на зиму рамы. — Вот одно это, московские галки, осталось от прежнего уюта зимнего московского, — думает у окна человек. И тут же поправляет себя: — А небо оранжевое, а дымы, и вот там огонек у земли перекликнулся с первой звездочкой. — Нет, нет, — говорит он, — это не там: это я сам другой, это я не могу поднять свою радость навстречу заре.

Начитался вчера Роллана о Ганди и сегодня утром просидел с болью в сердце и с мыслью на фоне этой боли: где наш Ганди, почему у нас нет своего Ганди? И тут же ответил себе, что он был, но его расстреляли, и он есть — его тоже завтра расстреляют, и их много, много легло в жертву победы над немцами.

Ганди — это английское попущение, как и Лев Толстой — попущение царского правительства.

Большевизм и непротивление — это прямо противоположно друг другу.

Поэзия — это путь к свободе, вот почему в биографию поэта иногда входят хулиганство (Есенин, Лермонтов) и даже разбой (Павел Васильев). Да, поэт как ребенок хватается за все средства, лишь бы только скинуть с себя жизненные пеленки и пробиться к вечному свету свободы («Ангел» Лермонтова).

Разговаривал с Казиным о том, что у нас теперь некому постоять за свободу. — Вот бы вы начали, — сказал он, — и, конечно, все бы сказали: ну, это патриарх, как же ему иначе сказать. — А Тихонов? — спросил я. — Это холодный ангел, — ответил он. — Поэзии внутренней, за которую горячо стоит поэт, у него нет. Он все описывает извне. И как

того, за что ему стоять, нет вовсе, то он всего себя отдает общественному благу: это общественный человек и за личность стоять не будет.

Казин рассказывал о П. Васильеве, что может быть, он погиб вовсе не за поэзию, а как бандит. Раз было, он с ним попал в профессорский богатый дом, и Васильев сказал Казину: «У хозяйки все внима́ние на тебя, а у дочки на меня. Давай с тобой украдем меха». Когда Казин это рассказывал о мехах, мы с Лялей дрогнули вместе: так это было неожиданно и чем-то, как ни странно, хорошо. Вероятно, хорошее было в чувстве, подобном оправданию разбойника на кресте или блудницы Магдалины. А может быть и то, что... хороший пример выходил происхождения поэзии не из морального благополучия, а из жизненной суровой борьбы.

Принесла сестра Перовской радостную весть о спасении Ольги Вас. Началось у меня в квартире с того, как бы проникнуть к Толстому за помощью. Решили было через Шишкова. Но Толстой трус, и мы решили обратиться к Михалкову в том расчете, что раз Михалков так высоко вознесся, то кто-нибудь тайно ему помогает, что ему «бабушка ворожит», и он может быть посмеет на большее, чем Толстой. Я позвонил и послал Софью Васильевну. Михалков написал Тихонову, и тот по письму этому написал от Союза В.В. Ульриху, председателю ревтрибунала. И когда С. В. проникла к Ульриху, то увидала у него на стене гимн Михалкова, собственноручно подписанный и поднесенный Ульриху. — Вот она, «бабушка», — подумал я. А потом В.В. Ульрих рассказал, что в «Кащеевой цепи» Пришвин описал его родителей «и мальчик Вася — это я».

22 Декабря. Когда Фадеев был секретарем ССП, к нему в кабинет пришла Софья Вас. Перовская просить за сестру, обвиненную в содействии немцам, когда они пришли в Пятигорск. Увидав Перовскую, Фадеев встал сам и, не приглашая ее сесть, спросил:

— Как вас пустили?

– Сама вошла, – ответила Перовская. И рассказала о деле сестры.

— Она должна была умереть у фашистов, — сказал Фадеев.

— Да, она не хотела умирать, но она и не помогала немцам: ее обвинили напрасно.

– Она должна была умереть, – повторил Фадеев и откланялся.

<*Зачеркнуто:* Прошло два месяца, Фадеев в отставке.>

С. В. после того пришла ко мне, я по телефону попросил Михалкова, тот любезно принял ее, дал письмо Тихонову, тот написал Ульриху, вытребовали дело и, разобрав, установили, что Перовская не виновата. Какими глазами теперь, когда приедет Перовская, будет смотреть на нее Фадеев? Дело в том, что положение Фадеева было положение защитника личного начала в человеке, положение адвоката, он же поступил как заступник общего человеческого перед претензией личной, т. е. как обвинитель личности, как прокурор, радетель добра всего человека. Сделал он это по трусости, слабости, невниманию, эгоизму. Так поступает множество «начальников», и множество невинных людей умирает от их невнимания. В этом случае начальник попался и потому я очень, очень радуюсь. Тихонов так не сделает, он человек скромный, он служащий в высшем смысле этого слова. Возможно, что и Поликарпов тоже в этом роде, и все те, о которых беспартийные говорят: «он коммунист, но человек хороший».

– Так что я скажу вам, человек партийный, или коммунист, это есть служебный человек вроде дьякона, поставленного на дело священника без посвящения. Это дьяконство произошло на наших глазах из признания за большинством решающего значения. Личность, которой пришла в голову какая-нибудь идея, нравственно обязана довести ее до большинства, которое даст ей полезное назначение в интересах всех. Делается это в борьбе с эгоизмом, ради добра для всех (раскулачивание). Высшей добродетелью признается...

Итак, два намеченные в повести лица — одно делает добро вовне («Холодный ангел» Тихонов), другое реальностью считает свою личность и подходит к внутреннему миру человека. Из одной психологии — государство, другой — церковь.

Человек, потерявший чувство времени (Марья Васильевна).

23 Декабря. Говорят (М. В. до свету с Норкой ходила), что на дворе помягчело. (Никольские морозы миновали.)

Из жития блаженного Василия.

... Так Василий совершил свое первое убийство для блага своих сограждан, и все были удовлетворены. Так было и во второй раз, и в третий, а дальше Василий, начав сам, передал это палачам. И вот когда все увидели пользу от этих казней, то стали чтить и бояться палачей, и палачи уже стали казнить, уже больше не спрашивая Василия. Случилось однажды, жена одного приговоренного обратилась к Василию за милостью. И тот, разобрав дело, увидел, что человека обвинили напрасно. И велел казнь отменить. Узнав об этом, жены и матери других осужденных стали обращаться к Василию, и тот стал разбирать дела. Да так вот и пошло, так и разделилось: те, кто раньше не имел права убивать и содрогался от этого — стали убийцами, а тот, единственный Василий, кто имел право и кто начал, стал миловать людей и так много, что не хватало у него времени и он брал себе помощников. После блаженный Василий, отстранив от себя царство, удалился в пустыню. И начались тогда суды после Василия: каждый раз, когда человек совершал преступление, и его, как раньше, следовало бы убить, теперь дело его разбиралось на суде: один обвинял, другие защищали.

Этот скелет рассказа произошел от раздумья над поступком Фадеева в отношении Перовской (добровольный убийца) и В.В. Ульриха (невольный защитник): кто по

своему положению должен убить — помиловал, кто защищать — убил. Вот почему и Бога и Царя сопровождает эпитет «милостивый».

Усердия ради в убийцы попал, и сколько уж их возле меня прошло: Ставский, Мстиславский, Гронский... теперь выходит Фадеев и вот еще кандидат Бородин.

Вывод такой, что казнить может человек другого человека только по воле Божьей, но если одному человеку дается счастье другого спасать. Он же вместо этого по усердию на службе убивает, то...

Фадеев кончит плохо.

В сумраке вечером шла впереди меня женщина в изодранном коротком пальто. На ногах у нее были валенки, между концами их и началом юбки кольца ног в нитяных штопаных чулках, в руке тяжесть (картошка) [тянула ее] всю вправо, а на левом плече висела рыжая лисица, мордой назад — единственное украшение.

Панферову. Дорогой Федор Иванович, один из планов моей повести — это что жена изменяет своему мужу на фронте и получает от автора моральное оправдание. Изменить этот план невозможно и печатать повесть, если бы и согласились, я бы не стал. Установив это твердо, я решил отменить чтение, назначенное на вторник. Вам не стоит тратить время (два-три часа) на бесполезное дело и мне тоже еще раз напрасно волноваться. Твердо говорю: до конца войны я не буду делать попыток печатать эту вещь. Жму руку.

Ездил за бензином на пл. Свердлова. Проскочив поворот направо, повернул возле гостиницы «Москва», так что на площади к колонке пришлось свернуть влево. Почуяв, что так нельзя, а надо свернуть вправо и объехать кругом, я услыхал: Мар. Вас. уверенно сказала (она всегда говорит, знает — не знает, уверенно): — Поезжайте налево через площадь. — Где наша не пропадала, — сказал я и свернул влево прямо к колонке. Милиционера, к счастью,

не было. — Как хорошо вышло, — сказал я. — Бог помог, — ответила Мар. Вас.

24 Декабря. Яркий солнечный день и мороз не больше как градусов на –10. Мы все и с тещей ездили в Измайлово. Выйдя из метро, там почувствовали зиму в ее прелести, будто проснулись. Это было началом весны света.

25 Декабря. Солнцеворот. Небо везде ровно закрыто и тепло.

В ночном тяжелом раздумье о братоубийственной войне я вспомнил о «Страшной мести», вклинившейся в мою повесть «Мирская чаша». И подумал я, что не намекает ли этим моя повесть на понимание войны с немцами, как на войну гражданскую. Утром я усомнился в своих сомнениях, но в то же время почувствовал, что теперь каждое сильное чувство, каждая новая мысль, независимо от того, что хочет сказать ею автор, намекает на что-нибудь недозволенное.

Ляля, я просмотрел эту книгу Роллана об индусах, вспомнил попытки читать Рамакришну Тагора и, знаешь, я почувствовал не их, а какую-то нашу правду, русскую, православную, литературную и всякую. Мне так представляется, будто в нашем сектантстве только начинается то, что давным-давно продолжается у индусов и там увековечилось. Мне неприятна у них, как и у наших сектантов, претензия выдавать свою мысль или заключать свою сердечную мысль в аллегорическую броню. Это не живая свободная сердечная мысль нашей европейской поэзии и не железной волей ума отстраненная от сердца мысль нашей европейской философии.

26 Декабря. Солнце повернуло на лето. И зима, слава Богу, не спешит на мороз — сегодня оттепель. Утром вставал при электричестве. Может быть, домоуправление забыло выключить, а может быть, наше ходатайство достигло своей цели, и наш дом писателей постановили в

Моссовете не выключать. И так вот и надо помнить правило советской жизни: если тебя подвели под какой-нибудь общий закон и тебе стало плохо, то вини не закон, а себя: ты должен стараться сам за себя, добиваться, чтобы тебя лично закон обошел. На этом энергичном обходе закона и утверждается советская личность: все идут под законом, но каждый должен для себя его обойти, пройти и стать проходимцем. Вот на этом-то проходимстве и ломается у нас старый интеллигент: ему нельзя быть проходимцем, а новому интеллигенту это не вменяется во зло, с него и не спрашивается.

От саркомы в легком, как говорят, умирает А.Н. Толстой в Кремлевке. Похороны устроят ему великолепные, но сейчас сочувствия нигде не слышно. И это едва ли будет в наше время, потому что ... вот именно, почему? Очень возможно потому, что не угасла у нас общественная совесть или тайная вера в назначение писателя, как борца за человеческую личность. И еще важное, что сами высшие носители власти у нас наверно не очень-то верят в нравственное происхождение этой власти и в глубине души несут ее как тяжелый крест. И вот, если ты настоящий писатель и понимаешь, как же тяжело нести этот невыносимый крест власти, то ты не власть восхваляй, а усмотри в ней распятую личность человека, если уж так тебе хочется брать на себя эту тяжкую тему. Если же она тяжела тебе, не по силам, то не пиши о ней, обойди и так останься самим собой. А.Н. Толстой — талантливый писатель, но не глубокий, так и не мог понять своего положения. Проще сказать, неминуемый закон государственной обезлички ты обходил как все для себя и умел пройти через все рогатки как проходимец, но не как писатель, скажем, Лев Толстой, за которого простой народ часто и принимал Алексея Николаевича. Впрочем, А. Толстой слишком наивен, чтобы нам о нем говорить такие злые слова: нельзя, взаправду говоря, угодить тому, кто сам себя в существе своем отрицает и, начиная злом, кончает добром. Всякая власть такая, и ты, писатель, восхваляй ее не когда она входит во зло, а когда выходит в добро.

Две девушки везли тележку, которая время от времени визжала, как свистят милиционеры. Две женщины, простые работницы встретили такую же и та сказала: — Богатая невеста. Тогда обе первые работницы бросились вперед. Выйдя на Серпуховку, я увидел их на паперти ободранной церкви в очереди перед кассой кино: на стене была афиша «Богатая невеста». Тогда мне вспомнились слова Ленина о кино, как о высшем искусстве. Только теперь я понял, почему Ленин кино признавал искусством высшим: п. что в этой форме искусство служит массам, п. что Ленин ценил все служебное. Да, конечно, от Ленина — одну сторону, назад, скажем до Новикова, и вперед хоть до нашего Тихонова — все стремились служить «массам» («он, голод, собрал эти массы народные»). На этом пути службы народу произошли современные чиновники. Так что каждый революционер во времени оседает чиновником из власти предержащей, делается властью придержащей, как вот у нас теперь: слова не пикни.

28 Декабря. Каждый день теперь прибавляется минутка света. Вчера ездили на базар в Пушкино узнать цену картофеля и капусты. Невероятные трудности в поездке при возвращении: каждый день человеческие жертвы. Тоже своего рода борьба за принцип: нельзя быть базару в Москве, и пусть вся бедная Москва ездит в Пушкино за 40 километров. Скопление людей в Пушкине так велико, что в воротах базара страшнейшая давка и вынести крупную покупку невозможно. На эти базары пр-во смотрит как на отхожие места столицы.

При возвращении в поезде неосвещенном, в темноте теснил наши коленки некий гражданин, приговаривая: — Люди вы или не люди? От скуки жизни кто-то зевал со звуком, похожим на рычанье. Женщина рассказывала, что муж у нее убит и она осталась с четырьмя детьми и теперь под Можайском бесплатно работает в колхозе, что ездила продать шерсть и не продала.

29 Декабря. Хотя по словам Панферова в ЦК на совещании будто бы постановили «расширить тематику» (врет

наверно), сам он второй раз надул и не пришел слушать повесть. Целые сутки теща готовила пироги. Ляля в отчаянии легла на телефон и звала, чтобы хоть кто-нибудь поел пирогов. А в общем эта игра в литературу опротивела мне и больше читать не буду.

Несмотря на победы (вот-вот возьмут Будапешт), со всех концов сбегаются в душу мутные ручейки. Это наверно влияет усталость всеобщая в борьбе за существование (вот когда наконец узнали то, что значит «борьба за существование»).

Проф. Магницкий рассказывал, как и у них тоже, у ученых, практическим коррективом обсекается творчество.

30 Декабря. После Никольских морозов стоит погода на легких морозцах, и то хмуро — вот-вот снег пойдет, то солнце сияет весь день, и все, кто любит природу, чувствуют солнцеворот и радуются будущему через два месяца.

Ляля просила Чагина возбудить ходатайство в Моссовете о продаже нам дома в Пушкине. Ищем, где купить четыре мешка картошки подешевле (в Москве 12 р. кило, а на месте 6 плюс бензин, т. е. или 2000 или 1000 плюс 900).

Какая-то старушка через «Новый мир» прислала мне, как любимому писателю, трогательное поздравление с весной света. И сколько писем таких я получаю, и сколько людей таких не могут собраться написать, или написали, да не дошло, или не послали. Стали считать: у Ляли друзей, каких она могла бы к себе собрать, 18 человек, а у меня тысячи. Ну разве это плохо? Но она может позвонить, позвать и посадить возле себя и, отдыхая душой, рядом с ними сидеть. (Это друзья, а родные — весь их смысл — сиденье вместе.)

Вот это (сидеть с родными) невыносимо для Ляли — ей бы артисткой быть на людях, но нет искусства, и для какой-то высшей связи с людьми она пользуется религией (и не удовлетворяется, и вот откуда броски в свет и слова Магницкой: вы ближе к нам, чем к ним).

31 Декабря. Прощай, Старый год! Свет уже прибавляется и опять, не помня зла, встречаю Новый год, и опять жду и себе чего-нибудь хорошего и всем хорошим людям желаю счастья возвращения близких.

Купил на базаре на Пятницкой картошку по 10 р., 5 мешков.

Просмотрел фильм «Заключенные» (Беломорстрой), в котором Погодин изображает героических воров и великодушных чекистов.

Заходил на завод сменить перегоревшее реле, разговаривал со слесарем Васей Веселкиным. Подошел инженер Лещинский, отвел в сторону: — Подарите мне ваши книги, мне книги до смерти нужны: жить не могу без чтения. А я вам все достану, что вам надо, все сделаю. Только не вяжитесь вы с ними (рабочими): они много о себе думают. В этом есть большая правда, необразованные люди, потерявшие веру в Бога и получившие индивидуальный навык к технике (новое мещанство), все о себе много думают.

М.М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1944

1945

1 Января. Позвали встречать Новый год людей, известных Ляле, но я не помню даже, как их зовут, и только знаю — он Сережа, она Валя. Сережа спросил меня о моем выступлении в МГУ:

– О чем вы говорили?

– О себе.

– Что именно?

– Я им говорил, что в свое время я был рядовым марксистом, пытался делать черную работу революционера и твердо верил, что изменение внешних условий (материальных) жизни людей к лучшему непременно приведет к их душевному благополучию. Проповедуя эту мысль идейной надстройки над экономическим базисом, я воображал, что проповедь и есть самое главное в жизни.

Когда же пришла общая революция, и я услышал, что моя родная идея о незначительной роли личности человека в истории в сравнении с великой силой экономической необходимости стала общим достоянием, и этому научают даже в деревенских школах детей, то спросил себя: «Чем же ты, Михаил, можешь быть полезен этому новому обществу и кто ты сам по себе?»

Так вопрос о роли личности в истории предстал передо мною не как догмат веры, а как личное переживание. Мои сочинения являются такой попыткой определиться самому себе как личности в истории, а не просто как действующая или запасная часть в механизме государства и общества.

Таким образом, юношеский вопрос о роли личности в истории стал для меня живым вопросом о своей собственной роли в текущей жизни.

Так, разбираясь, я открыл в себе самом талант писать. И мне через это открылось, что в каждом из нас

есть какой-нибудь к чему-нибудь талант и в каждом этом таланте скрывается как нравственное требование, т. е. требование к себе самому: вопрос о роли личности в истории.

Перечитывая свои дневники, я узнаю в них одну и ту же тему борьбы личности за право своего существования, что существо личности есть смысл жизни и что без этого смысла невозможно общество.

С другой стороны, прямая заявка личности на право своего бытия невозможна, потому что нет объективного нравственного критерия личности, и заявка личности является заявкой индивидуальности, т. е. всеобщего своеволия, вульгарного анархизма.

Остается признать два параллельных процесса в постоянной борьбе:

1) процесс олицетворения как нравственного требования в самоопределении каждого (тут заключено творчество или производство в широком смысле),

2) процесс механизации или потребления и распределения, в котором субъект (каждый) превращается в объект (все).

Итак, есть два рода людей, одни стоят за личность человека, другие за всех.

Найти характерные черты тех и других и понять их в происхождении.

2 Января. Как и вчера погода: март в январе.

Как только станешь выбирать людей и показывать как образцы, так начинают возражать: это вы поэтизируете, идеализируете, в самой жизни эти люди как исключение.

И то же наоборот возражали и Гоголю, когда он давал отрицательные типы.

Если то и другое «не то» и самая жизнь не поддается искусству, то что же есть самая-то жизнь? Самая жизнь, по-моему, или, вернее, неизобразимая ее часть состоит в пережевывании пищи всякого рода и усвоении.

Взять льва — разве это не царь природы, когда он, подняв голову к луне, ревет на всю Африку! И разве это не дьявол, когда он, схватив грациозную антилопу, разрывает ее когтями и пожирает? Но это лишь моменты в жизни льва, подлежащие изображению художника, огромную часть своего времени лев лежит, дрыхнет.

И Весь человек в данный момент в своем социальном разрезе — сколько малых процентов он дает того, что подлежит искусству, того, что движется, что есть сам человек или сверхчеловек, и какие огромные проценты Всего человека в рабском труде отдают свое сознание неведомому будущему, сколько таится между светом и тенью, сколько спит, дрыхнет и воняет, как насыщенный лев.

3 Января. День в день — сиротская зима, дай Бог! В новогоднем номере «Лит. газеты» новогодние статьи некоторых писателей с такими тончайше-скромными намеками на бедственное положение в литературе, что эти намеки в будущем никто не поймет, и сами статьи будут загадочными.

Мы говорили о том, как выросла власть женщины за время войны, что это самое характерное теперь. Доктор Бодрова похожа на сыроежку, пробившую лбом своим землю, мох, осыпанный хвоинками, прутиками. К этому Андрианова Мария Ефимовна, спасающая детей в Ленинграде.

И вообще, на место героизма становится выносливость: женщины вынашивают новую жизнь.

(Уплотненность жилищная — обстановка борьбы.)

Соберитесь в себе до конца в лесной тишине, и тогда, может быть, усмотрите, как, напрягаясь лбом своим белым и мокрым, сыроежка поднимает над собой земляной потолок с мохом, хвоинками, веточками и ягодами брусники. Ждите, вглядывайтесь и вы непременно, глядя на гриб, вспомните, как у нас, у людей, в тяжкое время, когда гибли герои на полях, на горах, в воде и воздухе, женщина незаметно для глаза выходила из-под земли и поднимала над собой крышу тюрьмы своей и брала в свои руки...

Вечером были у Асеева, слушали поэта Мартынова. Поэты столько вкладывают себя в чтение, что, услышав, вовсе не можешь судить: кажется, все хорошо. А тут еще Маяковский, которому и Асеев, и Мартынов так привержены. Мартынов даже нижней челюстью действует под Маяковского. Это движение челюстью являет собою у Маяковского усилие высказаться так сильно, чтобы слово подействовало на всю площадь людей — это у Маяковского, а у Мартынова пока еще челюсть действует для себя: вот, мол, какой я сильный варвар.

В этой школе Маяковского несомненно хорошо, что поэт делает усилие выйти из пошлого круга мелодийных чувств в сторону мужественного действующего слова. Эти поэты выводят поэзию из свирельного назначения привлекать [к поэту] женщину-самку. Однако я это понимаю только умом, а не сердцем. Вот если бы в этих Маяковских рычаниях была бы и сила звуковая, и сердечная нежность, как вот хотя бы у Фета в стихе: «Травы в рыданиях».

Асеев видел югославского генерала Махова, друга Тито, приехавшего в Москву с делегацией. Махов этот был не то у Колчака, не то у Юденича, но удачно бежал и таился в Сербии, пока не пришло его время в партизанской борьбе с Гитлером. Теперь началась ему вторая жизнь. Он говорил хорошие слова Асееву и высказался резко против Симонова, посетившего недавно Югославию. — У нас, — говорил он, — женщины дерутся наравне с мужчинами и им не до ласк и сердечных чувств.

4 Января. Так все и стоит мягкая погода, хотя послезавтра рождественский сочельник. После страха замерзнуть людей охватывает легкомысленная уверенность в том, что морозов больше не будет.

Разыгралась катастрофическая битва за Будапешт: если и тут немцы будут разбиты, можно надеяться, что это будет началом общей немецкой катастрофы.

Асеев, благополучно до сих пор проводивший в жизнь идею действия поэзии (по Маяковскому) непосредственно на массы (а не от головы к голове, как мы думаем), вдруг осекся: массы его «разъяснили». — Кто эти массы? — спросил я его. — Вот тут-то и я вас спрошу. Массы представляет правительство, а я уверен в том, что правительство меня бы поняло и признало. — Да и меня тоже, — сказал я, — и не только меня: все мы советские люди... — Ну, да, конечно... — замялся он. Но тут наш разговор перебили, потому что поспели пельмени.

Я думаю, что в поэзии Маяковского так много со-воюющих рядом с ней и за нее гражданских начал, что под знаменем Маяковского другому поэту можно очень долго и благополучно жить и писать, не чувствуя на себе силу заменителей и масс и правительства (бюрократия). Но вот поэт коснулся сам от себя подлинной жизни этих масс, замкнул собой ток высокого напряжения и штепсель его перегорел. Но по существу это лишь кажется бедой, как при авариях с электрическим светом в квартире: вызывают мастера, он вставляет новую проволоку и вот опять свет, опять все радуются, поздравляя друг друга словами: жив, жив, Курилка!

5 Января. Почти оттепель. Научился заводить машину ручкой в мороз, без горячей воды и одним движением ноги с лесенки. Когда научился, то понял по себе ум, как заменитель молодости и силы.

Сегодня слушал обычный спор дочери с матерью и наконец-то понял свою ошибку. Я, дурак, верил по этим спорам в то, что Ляля мученица с такой мещанственно-глупой матерью, а теперь наконец-то понял, что вовсе она не мученица и мать не так уж глупа, а что это у них такой характер любви и что всякая любовь имеет у каждой пары свой характер.

Задумал достать себе машинку пикап Додж, $^3/_4$-ной.

История человечества начинается жертвоприношением Богу барана и приходит к жертве себя самого Богу за

други своя. Какое же это движение вперед человека. Так можно ли унывать даже во время такой войны.

После встречи с Лялей я отбросил парижскую любовь к Варе, как свою глупость. Но теперь, с Лялей будучи, я научился себя уважать, и с удовольствием вспоминаю то время, и вижу себя как героя, борца за Варю свою с Варварой Петровной. Да, была, была эта Варя, заключенная в Варваре Петровне, и я от нее родился, как поэт «в естественном виде», как личность.

6 Января. Сочельник.

Увлекаюсь машиной как охотой, бывало. Это увлечение исходит из потребности играть. (Если одному хочется спать, а другому играть, то, конечно, настроенному на игру придется потерпеть.) Так вот и нам, художникам и всяким игрунам приходится теперь потерпеть и жаловаться нельзя: другому не только играть или спать, а и жить просто трудно...

Лейтенант Вознесенский сказал: — Разве это жизнь в тылу: каждый о себе думает, и ты между ними идешь, как в театре между рядами, только и думаешь, как бы кому не наступить на ногу. Только что вот семьей обзавелся, а то бы часу не остался в тылу. — Ну, а там? — Там на самых передовых позициях в огонь, в атаку и... — И что же дальше? — Ничего: или бы погиб, или... — Что «или»? — Или бы вышел в люди. — Грудь в орденах? — Ну, орден это само собой, а так, вышел бы...

Он выпил еще стакан, и я больше не стал допытываться, куда бы он вышел.

P.S. Между прочим, постоянные автомобильные аварии у военных объясняются именно тем, что человек под действием вина не чувствует рискованной скорости и летит все скорей и скорей до катастрофы. Так точно у них вся психология складывается на войне — на больших скоростях.

Пытался проникнуть за Лялей в церковь на всенощной и не решился: она пошла вперед, а я ушел. И мне было груст-

но дома... Молиться у русских в церкви — значит выносить пытку: тебя жмут, а ты рад... Вот сладость этого подвига мне и непонятна и тем отличается интеллигент от масс. И если хотите, вся революция, все 27 лет — это давка и тоже «во имя» чего-то (мой рассказ «Сыр»).

7 Января. Вот и Рождество, и все нет рождественских морозов... Хорошо!

Вошел в церковь с великим трудом и эгоизмом, потому что работал локтями. Но этот эгоизм мой люди прощали, потому что это было место, где все эгоизмы прощаются. Вот почему ценитель простора и света не может просто расплеваться с этой толпой: попробуй плюнь и тебя сейчас же в совести спросит голос, во имя кого и чего ты плюнул и кто ты такой. Если же ты бессовестный, то, конечно, можно расплеваться и жить в свое удовольствие светлых пространств.

<*Зачеркнуто:* Дорогому Вячеславу Яковлевичу Шишкову от автора: пусть наша с Вами жизнь в советские годы останется нашим детям, внукам и правнукам и всем их потомкам навсегда, как школа мужества, а мой «Жень-шень» Вам лично на долголетие и радость.>

«Дарю мой Жень-шень дорогому Вячеславу Яковлевичу Шишкову на радостное долголетие».

Героическая Ляля поехала в Соломенную сторожку читать друзьям мою повесть, а я, чтобы скоротать без нее время, пошел к Шишкову. И вдруг у Шишкова впал в безостановочную болтовню, как, впрочем, изредка бывает со мной во все времена. Это болезненное состояние тоже как всегда кончилось, когда я вышел на улицу, таким чувством стыда и боли от самоутраты, что тут же на ходу и стонешь, и жалуешься кому-то, как маленький, если его ушибут.

Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется только бледной щелкой, я знаю, что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот Васька.

Он знает, что столовая без меня пуста, и боится: в другом месте он может продремать мой вход в столовую. Он давно сидит тут, и как только я вношу чайник, с добрым криком и перпендикулярным хвостом входит.

Когда я сажусь за чай, он садится мне на левую коленку и следит за всем, как я колю сахар щипчиками, как режу хлеб, как намазываю масло. Мне известно, что соленое масло он не ест, а принимает только маленький кусочек хлеба, если ночью не поймал мыша. Когда он уверится, что ничего особенного нет на столе (как изредка бывает корочка сыра или шматочек колбасы), то он опускается на коленке, потопчется немного и засыпает. После чая, когда встаю, он отправляется на окно и повертывается головой во все стороны, вверх и вниз, считает пролетающих галок и ворон. Из всего сложного мира жизни большого города он выбирает себе только птиц и устремляется весь целиком только к ним. Днем птицы, а ночью мыши, и так весь мир у него: днем при свете черные узкие щелки его глаз, пересекающие мутный зеленый круг, видят только птиц, ночью открывается весь черный светящийся глаз и видит только мышей.

Ляля назвала поэзию Хлебникова — Маяковского «школой мужества», а Шишкова «прозо-поэзией». Я думаю, что Маяковского не понимают, потому что слова Маяковского не слова в обычном смысле, а скорее ноты для музыкального произношения. — Вот вы любите оперу, — сказал я Шишкову, — чтите, конечно, Вагнера в борьбе его с итальянцами, представьте себе Маяковского, как Вагнера в борьбе с мелодийной пошлостью.

Возродился в моем доме Д.П. Зуев (56 лет) — русский человек, играющий роль охотничьего шута в Сов. Союзе. Он выхватил тему «записки фенолога» и своим зуевским стилем начал шпарить статьи в «Вечерку». Он рассказывал, что в его календаре опять стали вычеркивать имена святых, с которыми русский народ связывал календарное движение природы. Он указывал знакомого Лежнева в

агитпропаганде, который высказывался против усиления церкви и дерзнул назвать усвоенный русским человеком образ русского солдата кулаком.

Интересны в этом рассказе и Зуев и Лежнев, Зуев — как тип древней русской культуры, Лежнев — как еврей-политик. — Я всю жизнь раболепствовал, — сказал Зуев, т. е. пользовался такой формой бытия. Лежнев жил как газетная пыль, составляющая атмосферу политики. Впрочем, конечно, и Зуев пыль, но мне, русскому, эта пыль сродни, а Лежнев — это злая пыль, международная. Сейчас поднимается пыль лежневская, но завтра ветер может поднять и зуевскую...

Зуев, как и все такие, поворот политики объясняет победой: «родина», мол, сыграла свою роль на войне, а теперь наступило время удержать естественное национальное движение фронта и дать ему новое назначение. — А как же иначе? Дай теперь свободу калекам, они все измолотят своими костылями.

Рузвельт в своей новогодней речи сказал: 1) Что капитуляция противника будет только первым шагом в деле восстановления мира. 2) Что этот год может быть и должен быть решающим поворотом от войны к миру.

Машина не заводилась. Проверил: искра хорошая. И нажимая на ручку еще и еще, думал о себе как писателе: тоже, чувствую, искра есть и еще какая. А знаю тоже, что и горючее, народ мой, читатель существует, но далеко: искра моя той среды не достает. И сколько есть сейчас даже святых людей, и тоже искрят, но среды возле них нет — и оттого они только искрят, но не святые. А вот был святой Серафим.

9 Января. У Ляли воспаление надкостницы. Большая операция в Кремлевке... Бессонная ночь.

Были Игнатовы. Мы читали им из дневников начало нашего романа.

Человек обыкновенный в массе своей действует бессознательно до тех пор, пока ему не блеснет: так вот это что! Почти всегда это «блеснет ему» после того, как ему кто-нибудь перешепнет свою мысль, и так эта мысль перебегает от одного к другому, и люди начинают сознавать свое положение.

Оделся в новый костюм, как именинник, и остался в нем ходить и в будние дни.

Облекся во власть, как в новый костюм именинником, и стал в нем ходить во все дни. Много лет пройдет и скорее всего не сам именинник обносит власть так, чтобы она ему не топорщила грудь и не торчал бы от нее подбородок вверх.

10 Января. Мороз усилился, и сильный ветер поземкой бежит по асфальту. На полях и в лесах везде снегу мало и сплошная гололедица, голый наст.

Узнал от Левы, что Фадеев читал в Союзе свой новый роман «Молодая гвардия» и с большим успехом. А между тем я думал, что ему ничего хорошего не написать. Скорее всего, это что-нибудь все-таки не настоящее, не верю!

Федин читал новый роман в Союзе и не позвал меня, и он вообще не обращает на мое бытие никакого внимания, то же как и Вс. Иванов. Бог с ними, не в них дело, а в каком-то совершенном отрыве от литературной среды, никакой связи с писателями — ни с одним человеком, хоть шаром покати.

Если хорошенько вспомнить, однако, когда же на всем моем литературном пути был у меня хоть один единомышленник, друг из писателей? Ремизов разве, но он любил меня, сколько мог, а единомыслия не было никакого. И везде во все времена мне казалось, будто это я, как рак-отшельник, живу в норе, а где-то у настоящих писателей есть общая жизнь, какие-то постоянные отношения...

А если хорошенько вспомнить себя, то так точно было и в гимназии и еще дальше. Даже чудесное дворянское гнездо, в котором я родился, мне казалось не настоящим, и все

родные, самые близкие люди, казались не такие у меня, как у всех, и даже сама мама — разве у других настоящая мама такая?

Из этого ничего родилась моя вера в социализм (как новая жизнь после катастрофы), родилась Варвара Петровна (как Недоступная) — все как недоступное, как невозможное для бытия и в то же время истинное...

Из ничего, как стремление сделать далекое близким, из любви к Небывалому, к невозможному родилась моя литература.

Вокруг меня создавался мир, какого не было... И вот Ляля...

11 Января. В Москве. На рассвете, когда в Москве перед окнами у всех галки летят куда-то по своим делам, кот мой садится на подоконник и начинает, следя за галочьим полетом, водить головой вверх и вниз и в стороны. Сегодня — счастье! — радиаторы совсем теплые, и оттого окно сильно запотело и коту очень плохо стало галок считать. Так что же он, шельмец, выдумал. Поднялся на задние лапы, передние на стекло, и ну протирать, ну протирать. Когда же протер и стекло стало ясное, то опять спокойно уселся, как фарфоровый, и опять, считая галок, принялся водить головой вверх, вниз и в стороны.

Давит на сердце так сильно, что при разговоре перехватывает дух. Как ни таился, Ляля это усмотрела и теперь гонит в Кремлевку. Только я думаю, что это у меня просто от спокойной жизни, от безделья и нечистой совести... Совесть же задета у меня тем, что не могу пересилить апатию, даже отвращение к литературной общественности — это раз, а второе, самая болезнь эта, торжество плоти, сопровождается упреком духу: «как мог ты это допустить».

Инженер обещался мне за мои книги достать мне части машины. Книги взял, но намекнул, что на зарплату никто не живет и он тоже. И все воруют, от рабочего до директора.

Человек дышит ненавистью к тем, кто его сделал рабом, спрашивает:

– Ведь я же гораздо бы лучше и больше делал, если бы работал над тем, что мне хочется и где мне лучше, так почему же не дают мне такую работу?

– Каждый солдат, — ответил я, — при уважении его воли бросил бы войну и стал бы пахать землю, сознавая, что растить рожь — более нужное дело, чем убивать человека. Вопрос, который подлежит решению многомиллионным потоком человеческих жизней в течение многих тысячелетий.

– Но я-то должен же найти себе какой-нибудь выход?

– Конечно, вот я спасаюсь культурой русского слова, а вы?

– Я потихоньку ворую казенные вещи и продаю, и совесть не упрекает: все воруют, от рабочего и до директора.

Он сказал: — Сопротивление немцев нам непонятно, тут от нас что-то скрывают.

Но теперь все уже тут что-то подозревают, и просто по-дурацки радоваться победам перестали. И тоже такие векселя, как «родина» и «отечество» начали терять свое полезное значение для государства, около этих векселей теперь государственные люди подумывают, нельзя ли как-нибудь взять их обратно. (Так думал Зуев, когда у него начали в его календаре вычеркивать православных святых.)

Мысль на этот четверг: отмечая добродетели, тем самым утверждать их в сознании людей — вот и все дело писателя, все остальное — форма, влияние, слава зависит от таланта и ухода за ним.

<u>Предвесеннее оживление воробьев.</u> Одни старики, вроде Коноплянцева, как выражаются, «сдают» или просто на людях разваливаются, другие <u>отходят</u> в сторону, долой с глаз человеческих. Я принадлежу к числу этих последних, чувствую, как отхожу, но в то же время отхожу с решимостью непременно, если только Бог даст, вернуться к людям

с любовью и милостью. Я иногда прямо чувствую минутами, каким я к людям приду совершенно спокойным, совершенно уверенным. Вот теперь бывает, в луче зимнего солнца на московском деревце соберутся тесно воробьи и, чувствуя в зимнем луче поворот солнца на весну, щебечут все до одного так мило, так мирно. И, бывает, я это услышу, прислонясь к стене разбитого дома, и так мне станет чудесно, и я тогда знаю и вижу, каким я к людям вернусь.

Елочка, кажется, так проста в своей форме, но поди в лес с топором, где растут одни только елки, и попробуй выбрать себе для праздника. Тогда окажется после многих поисков, после многих неудачных порубок, что во всем лесу нет той идеальной формы, казалось, столь простой и обычной. Совершенная форма, окажется, живет только в душе самого человека. Но делать нечего, приходится мириться с той в лесу, которая ближе всех к совершенству.

Так вот выбираю себе среди женщин свою единственную, совершенную, с мечтой о которой, как о правильной елочке, родился и рос и ждал, — сколько их нарубишь, пока не найдешь самую близкую к своему идеалу.

У меня в городской квартире есть венецианская люстра, похожая на цветок, но такой совершенной формы, какой не бывает в природе и какую мог создать только сам человек.

А бывает, усталый, где-нибудь присядешь на опушке леса и влюбишься в какой-нибудь простейший цветок вроде гвоздички, и думаешь, разглядывая его проникновенно, что никогда-никогда человек не создавал и не создаст такой живой красоты.

А когда наступает зима, вернешься к люстре, и вечером в хрустальных листиках загорятся огоньки, опять думаешь: нет, такой совершенной формы не существует в природе.

Но как же так — гвоздичка летняя? Вспомнишь и начинаешь разбираться, почему же так летом думал о гвоздичке, как высшем совершенстве, а теперь зимой считаю

выше цветка вот эту дивную вещь, этот созданный руками человека цветок в хрустале.

И, вспомнив гвоздичку, спрашиваю: где она теперь? Глубоко под снегом в могиле лежат ее истлевшие лепестки и не найдешь их даже весной. И не заменит мне ее новым летом другая: мало ли что теперь я подумаю и почувствую, встретив новую гвоздичку.

Напротив, может быть, встретив другую взамен той, я загрущу и отвернусь совсем, сказав на прощанье: дайте мне мою единственную, и тогда только я вам обрадуюсь.

А мой цветок в хрустале не умирает. Даже пусть разобьют ее — не в том дело.

Прелесть полевого цветка подчеркнута непременной близкой смертью его.

Эта красота должна обращаться красотой своей, как словами: возьми меня, человек, я тебе отдаюсь и вверяюсь, возьми и спаси от неминучей смерти.

И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрусталя. Пусть он разбит — все равно: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию.

Мастерская природы тем замечательна, что творения ее выпускаются сразу массами, но в массах каждое отдельное творение имеет свое единственное лицо.

В нашей человеческой мастерской при массовом выпуске отдельная вещь не имеет лица и потому не возбуждает у нас мысли о возможности бессмертия.

Творец в природе, кажется нам, любит всех, но каждое творение любит больше.

А творец в нашем искусстве любит из всех вещей единственную и ей одной только сообщает бессмертие. Человек не может, как Бог, распространять любовь свою на всех и на каждого.

12 Января. В 8 ч. вечера повязал Нору с Джерри. Опять потеплело, чуть-чуть подсыпало снегу, и сейчас идет понемногу снег.

Так что это верно оказалось по Гитлеру: это большая война. Большая же не в том смысле, что долгая и жестокая, а что в ней боги действуют (идеи). Ясно также становится, что какой-то бог тоже стоит и за Германию, и расчет его в том, чтобы, отступая, уничтожить Красную Армию и вколачивать клин раздора между Россией и союзниками.

Странно становится тем, что наше правительство превратилось в какую-то пробку, закупоривающую огромную всенародную бутыль с газами; что если вышибет пробку эту, то другой не найдется... Когда вдумаешься в общее положение, то понятным становится отказ печатать мою повесть: ведь она же направлена к тому, чтобы вызвать сострадание к человеку на войне. А разве это можно теперь? Теперь нужна тема мужества...

Догадывался, но по М-ву окончательно понял, что каждый видный писатель имеет через кого-нибудь связь с руководящими органами правительства (открывшаяся связь с Ульрихом). И вот эта их тайная связь и является связью между ними, каждый из них знает это про другого, и через это боится и уважает его. И вот это-то самое и есть то, чего нет у меня и без чего я — писатель, чудак-одиночка, поскольку талантлив, и ничто, если бы еще не оказал свой талант. Даже самые честные — Федин и В. Иванов, конечно, за кого-нибудь держатся.

13 Января. Вспомнилось время, когда писатели у Горького братались с членами правительства. Я не был в числе их не потому прямо, что сам принципиально был против братания, а просто меня не звали, и я не навязывался, не попал по гордости и дикости, по ревности к своему делу. От этого мне вышло только лучше: меня и читатели уважают и по своему положению состою в числе «ведущих».

В сущности, теперь происходит то же самое, только «ведущие» братаются не открыто, как у Горького, а каждый для себя имеет лазейку наверх и там закрепляется. А я по-прежнему на диком положении, только теперь я еще

богаче и выше: у меня теперь не природа только, а и женщина, и какая женщина!

Неудачи мои в сов. литературе начались с «Фацелии» в «Новом мире» (Ставский), потом «Синяя стрекоза» (Фадеев), потом «Рассказы о маме» и, наконец, «Мирская чаша».

Причина неудач:

1) предвоенная и военная обстановка,

2) тема страдающего человека и личности.

Между тем, правительству требуется тема мужества, как делал это Маяковский (без подхалимства). Мне кажется, если поискать в себе, то можно доискаться этой темы. Начинаю думать об этом, потому что мне теперь, не имея лазейки, можно двигаться вперед как писателю только в признании своей полезности

правительством. Вот пусть и будет личным коррективом моей теме о мужестве этот временный переход от страдающего человека к победителю.

NB. Мужество будет в том, что человек принимает чашу или не принимает. Принимает чашу как мужественный акт, потому что она противопоставляется американскому счастью.

Если до Христа люди рождали детей в чаянии Мессии, то когда Мессия пришел и люди спасены от змия, то для чего же рождать детей, вернее, какое остается моральное основание для деторождения.

Ответ: да, Мессия пришел, и все изменилось для избранных, кто имел очи видеть и уши слышать.

Те, кто уверовал, тем брак есть путь к единомыслию, те, кто «не может вместить», тот остается в Ветхом завете до конца и к нему не придет Мессия.

К этому еще: в св. Писании забыли или не пришло еще время дать понять, что Христос постигается только лично, значит, постепенно во времени, от человека к человеку, и это есть истинный Христос и единственный, как истинно и единственно мгновение Его постижения («уверовал»).

Когда же всех сразу, как славян, крестили в Днепре, то это действие скорее против Христа, чем за Него.

Христос, как творец личного в человеке, есть тем самым разрушитель массового, стадного и родового начала.

Почему в русской жизни культивируется «простота» и что она значит?

Простота у нас означает условие понимания личного начала наиболее широкими слоями людей.

Эта простота церковного происхождения и была усвоена искусством.

Может быть, и Ленин воспользовался этой простотой народа, использовал ее...

Сегодня ворвался в мой гараж автоинспектор и потребовал убрать бензин (куда я его дену!) и сделать ремонт гаража (кто мне будет делать?).

Составил протокол, вручил мне копию. — А вас как зовут, — спросил я, — Антоном. — Иванович? — Откуда вы знаете? — Да так, хорошие русские люди все больше Ивановичи да Михайловичи. — А вас как? — Михаил Михайлович. — Тоже хорошо. — Конечно, хорошо, Михаил Архангел, знаете какой? — Слышал, а вот св. Антоний, я тоже слышал, за райской птицей ходил. — Какая-то ошибка вышла: это я, писатель Михаил, за райской птицей хожу, а вы, Антоний смиренный, стали воином: ворвались в гараж, напугали. — Ничего, ничего, не пугайтесь, не сделаете вовремя — позвоните, отсрочим. Между прочим, вот мой телефон. — А вот мой: приходите в гости. — С большим удовольствием.

Тем все и кончилось.

14 Января. Рождение тещи. Вторая вязка Норы.

Вчера было –15, самый сильный мороз за всю зиму. Сегодня окна что-то сильно намерзли. Близость крещенья и волчьи свадьбы дают о себе знать. В пятницу во время вязки Норы спросил профессора, хозяина кобеля: — Всю жизнь охотился и не видал повязанных волков. — А я видел. — При луне? — При солнце, и так было ярко, что трудно было в бинокль разглядеть.

Сегодня буду пробовать сделать вторую вязку.

Ляля переписывает дневник. Я читаю и размечаю переписанное. Не удовлетворяет меня эта работа, чувствую себя немного похожим на Вертинского с его манерами в социалистическом обществе. Хочется быть во времени, как было прошлый год с «Чашей». Вот-вот решусь писать «Амазонку». Хорошо, делаю тетрадь и так напишу, что останется на руках весь процесс творчества.

В 7 ч. вечера повязал второй раз Нору с Джерри.

Вечером в честь тещи у нас собрались: двое Удинцевых, двое Барютиных, двое Оболенских и с Удинцевыми какой-то сибирский инженер. Все это Лялины друзья и прекрасные люди. Но только благодаря именно тому, что все очень хорошие, и не хватало грешников, за которых и приходилось отдуваться нам с Лялей. Так наверно и всегда добро становится красивым лишь в своем накале в момент борьбы его со злом.

Говорили о предсказании Флоренского о грядущем веке амазонок, о том, что теперь отношение полов м/ж = $^1/_4$, что показываются особенные женщины, амазонки, на фоне обычной женской серости. Героизм женщин в том, что они преодолевают в себе обычную женщину.

Одно время Москву наводнили женщины в военной форме, коротенькие, курносые, остролицые с прической перманент под военной фуражкой. Потом схлынули и стали показываться там и тут красивые, стройные, преодолевающие военную форму лейтенанта, начальника станции в метро или милиционера. Наряду с этим в учреждениях умученная женская теснота с огромной нагрузкой (не до того).

Сущность современной амазонки это есть выход из женской ограниченности как таковой; вот напр., Зина молилась в такой-то церкви среди людей, организованных старцем, и когда пришла в обыкновенную церковь с обык-

новенным священником, то вдруг почувствовала океанскую ширь православия.

И вот еще: Наташа, Женя и подобные, равно как и наши партийцы: они все содержание своего личного зла складывают в партии – или у своего старца, а перед людьми ходят смиренными, но как члены партии, они и горды, и заносчивы, и нетерпимы.

Ограниченное физической природой и общественными установлениями материнство – вот в чем плен женщины, и в чем выход (амазонка): духовное материнство.

– Мужчины на фронте все герои, тут нет ничего удивительного.

– Как же так все: там есть и плуты, и негодяи, и всякие.

– Да там это не считается, главное, там существует для всех определенное положение героя и по данному положению все должны равняться и в нем не отличаться, а напротив, исчезать: быть, как все герои. Напротив, в тылу герой должен оказаться личностью, т. е. определить положение в отношении к своему духовному материнству (любовь).

Любовь как духовное рождение человека или формирование личности.

Есть способность иногда на всяком месте, в лесу, на поле, на улице уйти из мира в себя, как говорят, забыться (только бы в этот миг не наехал автомобиль) и вдруг вернуться к действительности, в которой все действуют или испытывают на себе чье-то действие. В этот миг, когда человек возвращается, он в первое мгновенье как будто успевает застать мир, каким он был – без себя. Вот это мгновенье жизни «без себя», если человек обладает искусством показать его, и есть все, чем обогащает художник культуру.

И так можно понять происхождение творчества в человеке, как предельное нарастание в себе личного начала, до того стал личен, до того ушел в себя, что забылся и соб-

ственно умер для мира (только бы трамвай не задавил, как Верхарна). И когда опять вернулся к себе (только бы не автомобиль!), то как будто вновь родился, выглянул из себя первым глазом и застал мир врасплох. Вот этот неожиданный мир и является материалом настоящего художника.

Не унывай же, мой друг, мы не знаем, откуда мы выросли и куда мы растем. Бог с тобой, забудься, отвернись как-нибудь от себя и потом вернись и застань мир врасплох и погляди на чудеса его первым новым глазом.

И опять сломило мороз, чуть-чуть только что не тает.

Грибоедовский вечер в Большом театре. Леонов говорил речь свою по жестам, по ударениям с большим пафосом, но неумело пользовался голосом, и понять его было невозможно. Тем чуднее были его жесты и выкрики. Сюжетом для своего подхалимства ему послужила грузинка Нина, с которой жил Грибоедов: этот брак позволил Леонову сказать сначала о близости России с Грузией, а потом и о «будущем сталинском гуманизме».

После Леонова проф. Пиксаков вернул мне далекие гимназические времена и говорил нисколько не лучше учителя словесности тех времен.

Третий оратор говорил с таким грузинским акцентом, что ничего совсем нельзя было разобрать. Четыре пробы (дать по-разному отрывки из комедии) навели на мысль, что она — увы, умерла.

Чагин подсел ко мне. — А вы знакомы, — спросил я, — с идеями Федорова о воскрешении отцов? — Через Толстого знаком, — ответил Чагин. — Вот бы сюда теперь Федорова, попробовать силу идей по воскрешению Грибоедова? — Чагин помолчал. Я же наклонился к нему и тихонько прошептал: — Это может сделать только общественность. — Чагин вполне согласился.

Но почему-то официально и эта казенная попытка воскресить Грибоедова считается тоже делом общества.

А с Лялей мы говорили:

– Помнишь, — сказал я , — на всенощной в Обыденом был воскрешен св. кн. Владимир. Так вот бы и Грибоедова...

– Да, наверно, церковь будет обновляться не со стороны древнего православия, а со стороны культуры.

Итак, в этой серии явлений «сталинского гуманизма», вечерами о Чехове, Крылове и Грибоедове, худшие сомнения возникают на вечере Грибоедовском. И может быть именно потому, что когда Чехова дают под советского оптимиста — это только смешно. А когда преподают Грибоедова, как революционера нашего времени — это страшно и вот почему. Ведь Чацкий восставал против крепостного права и т. п., но не восставал же он, как теперь, против самой личности человека. Вот тем-то и страшно, что притягивая в наш день Грибоедова, делая его создателем этого дня, не воскрешаешь его, а второй раз умерщвляешь.

Вчера, когда Норку водил к Джерри, подумал о крайней простоте акта: из квартиры Северцевой до выхода на двор было всего 6 ступенек, и я едва успел на поводке вытащить Норку, чтоб собаки не повязались тут же на лестнице. Однако я успел заметить, что Норе хотелось играть и бегать перед тем, как отдаться, но я задержал ее, и в этот момент задержки Джерри успел кончить и единственный проблеск в собачьей любви — игра предбрачная превратилась в мучительную связанность. Нора и тут еще, уже повязанная, пыталась вырваться, разорвать эту связь. Но я крепко держал ее и через 10 минут она вышла покорная, готовая носить щенят и кормить. Вот из этих двух моментов всей вязки (первое — играть, второе — разорвать связь) и выросла вся человеческая любовь. И, сообразив всю любовь человека от Песни песней и до себя, подумал я: «Ну, мог ли бы сделать это человек — акт, как животные, путем какого-то подбора для каких-то своих полезных целей? Нет, конечно, человек это сделал только лишь в том случае, если ему в этом Бог помогал». И вот в ту же ночь

случилось самому попасть в это животное положение и почувствовать себя вполне и до точности собакой, т. е. в том смысле, что я делом совершил то же самое, что и они, и в то же время, Боже мой! За пять лет какое небо вырастили мы с моей подругой над нашей постелью.

16 Января. И ночь, и весь день — все двадцать четыре часа сыплет мелкий метельный снег в тепле и тишине, наконец-то!

Приходил Никольский и говорил, что он от культуры овощей переходит на цветы: овощи теперь остановились в цене и даже будут дешеветь. — А если что-нибудь изменится? — А чему изменяться? Германское отступление с одновременным уничтожением противника в значительной степени удалось: у нас остается очень мало людей. После больших битв при помощи союзников пусть Германия будет побеждена, мы же все равно не в состоянии будем с оружием в руках защищать наши права. Нечего ждать от мира хорошего...

17 Января. Грохнуло наступление наше в Польше: Кельце, Радоме, под Варшавой.

– Ляля, могла же Ермолова, актриса знаменитая, быть православным человеком. И я уверен, что она не одна из тех, кто культивирует свой талант в границах христианства, и эти границы дают таланту и глубину, и силу.

Не находишь ли ты, что в наше время следовало бы церкви не укрывать бездарных и дураков крестной копеечной традицией, а напротив, спрашивать с прихожан жертвы развитием их талантов и всякого рода способностей?

Не находишь ли ты, что церковь своей упрямой, навязчивой политикой поповства останавливала и закупоривала движение творческого духа и что ее возрождение связано с освобождением духа?

А если это верно, то не думаешь ли ты о том, что в наше время надо собирать монастыри не из нищих бродяг, как

в древнее время, а из нищих духом, т. е. настолько одаренных людей, что их тяготит принудительная зависимость от цивилизованного мещанства.

Не в этом ли состояла сущность вашей с Олегом революции?

Еще вот что я хочу сказать, церковь с древних времен привлекала к себе простеца, которого поощряла она христианским смирением, как высшей добродетелью, а он служил ей своими средствами простого работника. Не находишь ли ты, что этот простец, ныне вышедший из-под влияния церкви, нашел себе пристанище в социализме? И вот самое главное, обеднела ли церковь, как тело Христово, тем, что из нее выпал этот «простец»?

Сколько исчезло людей! Жизнь отдельного человека как будто вернулась к своему естественному мгновению, которое мы, люди, продляем силой мечты своей о бессмертии.

В обычной жизни обычных людей эта идея дает иллюзию длительности жизни. Но вечность далека от этой иллюзии длительности.

Вечность ближе к мгновению, и вот почему вечность сейчас приблизилась к сознанию даже обычного человека. Вот почему появилась в народе жажда религии с ее главной мыслью о бессмертии.

(Дать этому содержанию фенологическое обрамление — в Пушкине, осенний вылет комара, и я против солнца.)

Коля Вознесенский приходил пьяный, не мог выправить зажигание, сказал:

– Под газом лишаюсь точности.

Вот-вот провалится и попадет на передовую.

Мой забор на даче спилили. Завтра еду проверять.

Вдруг взяли Варшаву... Чувствуем, пошли на Берлин, двинулся весь фронт.

– А ты как думаешь, возьмут Берлин союзники? – Вполне возможно.

И это необходимо, иначе будет плохо.

18 Января. Снежная метель. Утром ездил в Пушкино смотреть, сколько вырезали воры жердей из забора. Оказалось, только две, и очень обрадовался.

В голове кружится мысль о победах, возвещенных вчера (Варшава – Ченстохова и вообще Польша). Так представляется, что это ва банк* на Берлин, чтобы попасть туда раньше союзников. Вот теперь подходит конец игре.

Немецкий план теперь совсем ясен: ввиду того, что наступающий теряет больше, чем отступающий, они, отступая, били нас и думали, что пока попадут к себе, выбьют нас, и все развалится. Оно и правда, становится тяжело: трудно представить себе жизнь такую еще на год (а там Бог ведает).

И вот теперь последний удар и победа, или опять сидеть у границы в тревоге... Как будто наступили решительные дни.

Если немцы провалятся, то будем судить Гитлера за умысел (говорится злоумышление), но не говорится доброумышление: умысел содержит в себе зло.

19 Января. Пробовал зайти в церковь, правда, без особенного чувства, только на минуточку, перекреститься. Нищих было длинная аллея, а в церкви битком, толчея и тоже много убогих, кто трясет головой, кто без остановки бормочет. Было тяжко глянуть, тяжко вздохнуть. Но в то же время нельзя было осудить и просто уйти на свободу. Если бы просто выйти, вдохнуть воздух с белого свежего снега, и все бы, как раньше – нет! Ведь это было бы мое чисто скотское «я» при лимите в 500 р., при чудесной жене и здоровом желудке: а завтра отнимут лимит, умрет жена,

---

* Ва-банк (*фр.* va banque) – в переносном смысле действие, сопряженное с риском.

заболит желудок, попробуй тогда вдохнуть воздух со снега! А то, что я видел в церкви, похоже на ад, но этот сознательно принимаемый на себя ад находится в каком-то прямом отношении к аду, в котором живут все, весь народ, и народы, и весь мир.

Мы сегодня говорили о нашем наступлении, о генералах — откуда взялось? И откуда взялись строители промышленности? И о том говорили, что нам не дано право судить большевиков и дела их. Все, кто за 27 лет ни пробовал судить, погибал от суда над собой. Приспособление же в большинстве случаев выходило подхалимское: сам человек, приспособляясь, снижался (Леонов, Толстой и имена их...). Оставались люди героического приспособления, т. е. те, кто делал свое дело, и оно выходило полезным (больших писателей не было, а среди маленьких — это я: храбрый заяц).

Под выстрелы салюта завоевателям Кракова читаю речь Черчилля о том, что Сталин поспешил с наступлением, о том, что Англия пошла на коммунистов в Греции, чтобы избавить от выборов под давлением террора вооруженного меньшинства. И что палата осудила статью в советской газете, назвавшей польское правительство в Лондоне лакеями Гитлера. В общем, выходит так, что Германию надо добить, а дальше точки зрения расходятся.

Сегодня в Крещенье был небольшой, градусов в –10 морозик, вечером на закате небо было зеленоватое, на нем большая широкая розовая полоса, и на розовом спокойные голубели дымы.

Крещенье вышло не водой, а огнем, весь вечер, час за часом гремели пушки салютов по случаю взятия Кракова, Лодзи, почти всей Польши и началу окружения Восточной Пруссии. Повеяло концом войны и чуть-чуть шевельнулись, казалось, умершие надежды на лучшее. Если этот удар при зажиме с Запада приведет к капитуляции немцев, то Сталину смело можно будет приглашать иностранных

свидетелей на свободные выборы: не за страх, а за совесть под звон колоколов выберут Сталина. И тот интеллигент N., о котором я всегда думаю, еще с тех пор, как мальчишкой в гимназии пел «Марсельезу», закончит свой русский путь в согласии: отдай Богу Богово, кесарю кесарево.

20 Января. Небо чистое, мороз небольшой, не крещенский, так вся зима проходит милостиво и холод только в домах.

21 Января. Взят Тильзит и мало ли еще чего! Все это входит в историю, и мне записывать незачем. Я только о себе могу записать, что как бы там ни было, а «патриотизм» какое-то стадно-баранье чувство и в моей душе при победах не поднимается. Впрочем, ясно вижу тип нашего гражданина, который теперь думает так: «Было бы лучше, если бы немцы перебросили все силы с Запада в Польшу, отлупили бы наших как следует, а союзники бы тем временем заняли Берлин и все кончили».

На исход войны, между прочим, как думается, сильно может повлиять паника, произведенная беженцами с окраин Германии от большевиков. И, конечно, принята во внимание эта «рабочая ценность» зверств.

Занятие с механизмом автомобиля открывает мне, что это занятие противоположно занятию литературой. Автомобилем можно заниматься с совершенно пустой головой, а выходить будет хорошо.

Читаю записки Витте о министрах царского времени, о том, как мало в дворянстве было дельных людей — генералы без конца, а людей не было. И вот создали в обществе противоположный образ «мужика», в котором все содержится: и люди хорошие, и генералы, и ученые. Тут в этом «мужике» и таится наш патриотизм. И вот вспоминаю, как говорил Трубецкой: «Маршалы, генералы! Какие у нас маршалы, какие генералы». А вот в пожаре военном из того же мужика вышли и маршалы, и генералы.

Да вот, милые генералы царского времени, то-то и плохо, что в вас мужика не было, и вы носили генеральские мундиры, а генералы были все в мужиках.

Как это правильно, как войной все доказано, и все будет скоро оправдано. На днях приходил кто-то к нам (писатель?) и рассказал, что был на фронте (в Прибалтике?):

– Я там получил от людей хорошее впечатление.

– В каком отношении?

– Да вот думал до поездки о героизме: будешь героем, когда нет выхода. А там убедился, что нет! Это неправда, не по безвыходности герои, а сами.

Понимаю, что он хотел сказать: что принудительная безвыходность есть нечто несущественное, не определяющее – в сравнении с тем, что содержится в душе этих людей.

Втайне этой записью хотел сказать, что народ побеждает, а не партия.

Ляля вычитала в моем дневнике, где-то я написал о Христе, что каждый, кто идет за Христом, должен пострадать. – Это неверно, – сказала Ляля, – это рационализм, математика, протестантизм. Страданье надо принять во Христе, но оно вовсе не обязательно. Есть благодатное состояние души во Христе, когда человек только благодарит Бога. – Это похоже, – ответил я, – на Моцарта и Сальери, я написал о Христе, как Сальери, а ты стоишь за Моцарта. – А и правда, – ответила Ляля, – я всегда чего-то недопонимала в этой поэме, теперь понимаю.

Читал Витте о министрах, дивился, какие они суммы получали, например, министр внутренних дел, кроме жалования, имел 50 тысяч. А у нас теперь разве не так, каждый директор имеет свои особые средства, каждый представитель власти. Деньги вообще входят в состав власти. Все куплю, сказало злато, все возьму, сказал булат.

22 Января. (Похороны Ленина.)

Мой друг молился о душе Владимира, чтобы Господь оправдал ее, и все верующие познали в себе ее благое

присутствие. Молясь, он записал при этом на стене своей хижины мелом: «Может быть, так всегда и бывает, что душа умершая распределяется между живыми и те ее вынашивают: души праведников дают благодатную жизнь, души грешников вынашиваются в труде, и заботах, и болезнях».

Читал у Витте о том, что все вельможи того времени молились, и так усердно, что один министр выжил своего товарища (товарища министра) из квартиры, расположенной рядом с его, и в ней устроил для себя церковь. Мне думается, что такое моление само по себе приятно и успокоительно и пришло к нам от немцев. (Ведь и царь, и большая часть этих вельмож были немецкого происхождения.)

Вчера вечером обсуждали с Лялей вопрос, будем мы продолжать возиться с дачей или бросим. Мне хотелось бы бросить ее, потому что, как я убедился, теща неотделима от Ляли, и значит жизнь эта в тесноте сплошное мучение для меня. Но что сделаешь?

Раньше Ляля поселяла во мне мечту о том, что я куда-то с ней уеду от тещи, что она сама рада уехать, только бы уехать. Теперь же говорит, что она ее не оставит и должна ей «закрыть глаза». Тут, конечно, все нереально, все в истерических завитках, и вполне даже возможно, что теща нам обоим закроет глаза. Но Ляля безумно любит копаться в земле, любит мать — так вот и пусть себе живут! У меня же наладится машина, наладится со временем жизнь так, что можно будет отрываться от лимита и покупать продукты у крестьян.

– Куда же это ты без меня поедешь? — спросила Ляля. — На войну, — ответил я, как Афанасий Иванович. — Ну, а если без шуток? — Если без шуток, то мне трудно даже представить себе возможность прежней охотничьей жизни. Я теперь, как мужик, обращенный в швейцара у вельможи: поди, заставь такого швейцара с булавой* взяться за соху. — А что такое булава? — А разве ты не видала? — Нет,

---

* Булава – жезл, длинная палка с шаром наверху – принадлежность парадной формы швейцара в знатных домах и учреждениях.

при мне уже их не было. — А я застал еще в Петербурге в дворцах и музеях: их всех называли патошниками*. И я теперь как патошник при твоем дворе.

Ляля стала меня теперь звать очень нежно Мишей. И вышло это у нее естественно, т. е. само собой, как имя новых сложившихся более спокойных, чем раньше, отношений. Мы теперь больше с ней почти никогда не спорим, как раньше, хотя во всем советуемся и раскрываемся.

Вчера по радио передавали о продвижении в Пруссии по пути к Кенигсбергу, о вторжении в Пруссию с юга, о вторжении в Силезию. Возможно ли немцам остановить такое наступление? Трудно ответить, но, кажется, невозможно, если не снять все дивизии с Западного фронта. Да так бы и надо было сделать в заключение войны: тех пустить, а этих задержать. Это было бы благодеянием для населения, потому что союзники не то что благороднее наших, а просто не столько мучились, не так разозлены. Только едва ли Гитлер способен обратить теперь внимание просто на жизнь человеческую при тотальной войне.

– Знаешь, Ляля, милая, такая безобразная жизнь, а другой раз вспомнишь хороших людей и обрадуешься, и подумаешь, и поймешь в мелькающих мыслях сердечное участие к ним, и воскликнешь: до чего же может быть хорош человек! И тут же спохватишься и спросишь о том, что раньше говорили и называли как известное о человеке: «по-человечески надо», или «люди же мы», «человек — это звучит гордо» и много, много такого. И вот пришло время уничтожения этого человека таким же человеком, вот и спрашиваешь себя: а что же это значит, этот произносимый человек, как образец всем человекам?

– Это Бог, — ответила Ляля, — это существо, в нас живущее, то, которое называют в Евангелии Сыном Чело-

* Патошник – ярыга, ярыжник, низший служитель в полиции, приказах.

веческим. Сокращенно Его стали называть сначала просто Человеком, а потом о Сыне Человеческом забыли и остался просто человек с маленькой буквы, возбуждающий в тебе недоумение. А когда ты, усвоив себе этого человека, вспоминаешь хорошего, то ты возвращаешь ему невольно имя Сына Человеческого и дивишься: до чего Он хорош!

Это был яркий день весны света в Москве, глянешь из тени дома в переулок, откуда хлещет свет, и вспыхнут там в серебре снега на зданиях.

Еще лучше из окна, разговаривая с кем-нибудь, сначала рассеянно глядишь, как свет обнимает собою какое-нибудь высокое здание, как будто силясь поднять его и унести вверх, и через это тебя самого изнутри обнимает радость, и вдруг захочется путешествовать.

А если бы он был такой великий грешник и душа его не доспела на земле, то кому же как не нам, верующим в бессмертие души, придется ее донашивать и переносить тем самым на себе последствия его грехов. (Вот что значит «единым человеком грех в мир вниде».)

А разве не то же самое дело Сына Человеческого на земле, «распятого же за ны» (за наши грехи).

Это смутное чувство не сразу оформишь.

Наш дом разваливается (вчера на квартире Власова лопнула труба, и пришлось выключить воду во всем доме: слесаря своего нет). Никто не хочет браться за дело. Я сказал: «Если и теперь комиссия не возьмется, то я возьмусь, и увидите: через неделю наш дом заиграет».

Когда я говорил, то чувствовал и знал, что сделаю, и все молча меня выберут как представителя всего дома, и больше! Выборы уже произошли: я сам себя выбрал тем, что взялся за дело. А так, может быть, в существе своем происходят всякие выборы: ведущий сам себя выбирает, а демократия с ее плебисцитом есть лишь оформление акта, что-то вроде брачной записи. И вот говорят: «Мы выбра-

ли». Это значит, мы собрались, назвали людей тех, кто уже вызвался раньше, т. е. выбрал себя, стоял за себя, агитировал, дрался с соперником. И большинство подняли руки за того, кто энергичней всех стоял за себя. Плебисцит означает то же самое, т. е. борьбу на более широком пространстве с заветом: кто смел, тот два съел.

Значит, «народный вождь» — это не тем народный, что народ избрал его, а что он «богоизбранный вождь»: заставил народ признать себя как вождя. Так у нас на глазах происходило со Сталиным. Машину власти понимает у нас теперь каждый, и эта механика у нас называется «правдой» демократии с ее народоправством (народ есть красавица, которую надо взять, и кто взял ее, то он и взял. — А разве не она его прельстила и, значит, не она его взяла? — Конечно, и она: это с какой стороны посмотреть. Сущность — борьба, а не выборы).

Сильного мужа искала себе наша красавица-родина и сколько расшвыряла она претендентов на свою руку, пока не нашелся... Жестока была его борьба и ужасно насилие (море крови, а вы говорите — выборы!). У нас в старопрежнее время благодушные люди выборы противопоставляли насилию и понимали не только как более современную форму борьбы вроде «идефикс»: вместо «не обманешь — не продашь», и как нравственность против разбоя. В этой-то нравственности народных выборов и заключалась мягкотелость интеллигенции, разбитая в пух и прах большевиками.

Вечером был у Н.В. Власова, там встретили ботаника проф. Баранова с женой, Нестерову (старуху) и скульпторшу Лебедеву, огромную и симпатичную бабу-амазонку. Лебедева собирается меня лепить (если дамся, а я, должно быть, не дамся). Баранов подал мысль закончить мое 27-летнее заключение поездкой с какой-нибудь экспедицией на Амазонку или на Тихий океан, или в Индию.

Эти приятные разговоры прервались салютами: 5 салютов за вечер.

Баранов – советский профессор, втайне тоже не совсем, но ему хорошо (ergo sum*, как сов. профессор): таких хоть пруд пруди во главе с самим Комаровым.

Сноска: Ergo sum – часть известного утверждения Рене Декарта cogito ergo sum – я мыслю, значит я существую.

Это было так естественно, так здорово, что народ (спящая красавица) ждал от своего правительства (царя) силы. Так и всякая нормальная женщина ждет мужской силы. А немцы из этого вывели сказку о женственности русских (в смысле пассивности: приди и возьми). И вот она, эта женщина, двинула ногами – и полетели немцы со своими царями и рыцарями ко всем чертям.

Анархизм – это женщина.

– А что же это, женщина?

– Это причина, от которой все зависит и которая сама ото всего зависит.

Народ – это женщина, правительство – муж.

Художник – женщина. Мыслитель – муж.

Профессор Баранов интересно рассказывал мне о своих опытах акклиматизации растений на Памире. Оказалось, к условиям холода на Памире легче приспособились растения, выросшие в тропических странах, чем в северных. Это доказывает, что не холод или тепло играют первую роль в деле приспособления, а то усилие, которое требуется в борьбе за жизнь, все равно, с холодом или теплом. Я вспомнил при этом рассказ Мантейфеля о том, что в Зоопарке вылечили туберкулез у страусов эму морозами, и одежда из перьев, предохраняющая от жары, помогла и от морозов. И то же люди в жарких странах носят ватные халаты.

23 Января. Мороз средний, солнце, ветер с юга. Ходили вечером к Магницким (по пути туда салют, и там салют, и оттуда салют).

---

* Ergo sum – часть известного утверждения Рене Декарта cogito ergo sum – я мыслю, значит я существую.

Жмут Германию, Силезию, к Познани движутся, режут Пруссию.

Можно себе представить, что там делается.

Гитлер с самого начала до того навязывал свое «Я» в этом деле, что оно переходило какую-то черту и становилось как бы «не-Я», и сам Гитлер выступал как приказчик и когда в своих речах говорил о себе, то будто приказчик отчитывался перед хозяином. Конечно, если бы его сейчас убили, то все бы у них рушилось, потому что все зло народа вошло бы в Гитлера (козел отпущения).

Но, в конце концов, гитлеризм — это дело народное, и то верно тоже, что не весь народ германский — гитлеровцы, но им не зачтется их разномыслие во благо, судить будут по делам: что молчал, что не делал против, что не умер в борьбе — значит, ты был с ними.

Так вот и у нас все, кто молча выживал, считая себя врагом большевизма, тот будет взвешиваться на тех же весах, как большевики.

Вот теперь эти два народа, самые близкие и по территории (соседи) и в истории, режут друг друга на истребление. А далекие и чуждые стоят близко на границе и дожидаются, когда они так обессилеют, что можно будет взять их голыми руками.

24 Января. «Мы, русские писатели: А. Толстой и я, Илья Эренбург» (из вчерашней статьи в «Правде» «Нет, этого не будет»), т. е. не будет у нас такого милостивого обхождения с немцами, как на Западном фронте.

Хороший настоящий мороз, но уже после полудня смягченный солнечным теплом.

25 Января. Сильный мороз в полдень и солнце.

Две недели наступления и занята вся Польша, почти вся Вост. Пруссия и в Силезии вышли на Одер. И уже везде шепотком все о союзниках: «А чего они-то стоят?»

Откуда взялась эта сила России, столь очевидная в борьбе с немцами? Первое, конечно, сила эта родилась из мужика, жил на черном хлебе, а, конечно, мяса хотелось. Вот этой-то силы черного хлеба и боялось наше разбалованное дворянство: одно падало, другое росло и множилось, вот откуда вся революция и война: движение от хлеба к мясу.

Ляля прошлый год впервые осеклась на агрономии: познакомилась на себе, как это трудно, грязно и невыгодно работать самой на земле. Так наверно отпадет 80% картофельных аграриев. Теперь овощи уже не дороги на рынке. Кто запас избыток на продажу – не разбогатеет. Между тем недавно было время картофельных миллиардеров, и у многих мечта о личной независимости поглощалась мечтой о корове. Все толстовство на этом было построено: путем личного труда на земле отсечь управление жизнью своей общими экономическими законами.

26 Января. Мороз. Электричество, отопление, водопровод – все на волоске. Между тем мы сейчас у правительства, как цыплята под курицей.

С шумом, треском и блеском мы наступаем, но на Западном фронте мрачное молчание, и в такой-то момент! (8 км от Познани, 200 км от Берлина.)

Зашли к Григорьеву поздравить с премией и нарвались на выпивку с Елагиным, Халтуриным и девицами.

Книга смешных рассказов, начиная с запевки о русском смехе, с поездки с Горьким по Марсову полю в Петрограде на извозчике. Смеются, как дети.

27 Января. Танасиенко Фед. Сем. рабочий поселок Алексеевка Воронежск. обл. Эфирокомбинат, инженер-химик. Приходил с рукописью. Написано неумело, примитивно. Я пробовал внушить ему, что стиль – это сам человек, и чтобы найти этот свой стиль, надо добраться до себя самого.

— Вот как сделал Михаил Михайлович, — сказала Ляля, — генерал-попечитель сельскохозяйственной научной станции обидел его, а он бросил станцию, бросил все, чему учился, ушел пешком на север, собирал сказки, былины, написал об этом книгу. И так сделался писателем.

Ляля хотела удивить инженера этим рассказом из жизни писателя, а он, выслушав, сказал:

– Ну, до чего же в то время легко было жить.

И вдруг мы как бы очнулись от себя, от своего времени, и что для того времени казалось подвигом, в наших условиях представлялось прихотью. Будь это можно, так он, этот инженер, без рубашки и без штанов на морозе побежал бы за моим волшебным колобком.

И так теперь каждый. Вот почему, Михаил, никогда всерьез не обижайся, если тебя жмут в литературе разные начальники, всегда помни время и свое счастье.

Мороз-то не очень большой, градусов –15, но ветер злой. Женщина простая бежит по скользкому, обеими руками прижав к груди бутылку, заткнутую бумажкой. Наверно постное масло получила и жмет теперь к душе бутылочку, чтобы в случае упадет — так пусть уже руки переломает, а бутылочку бы не выпустить.

Завтра придет «Октябрь» слушать повесть: Панферов, Ильенков, сестра Жданова, еще будут Реформатские, Замошкин. Буду держаться холодно, строго, ни малейшей игры. На предложение Панферова взять рукопись для попытки напечатать, вежливо ответить, что печатать до конца войны не намерен, и никаким уговорам не поддамся, даже если будут авансы давать (в эту сделку можно и после войти).

28 Января. Не остави меня во всякое время и во всякой вещи!

Усилие соединить разлучаемых смертью людей — вот социализм религии.

Вечером был «Октябрь», читал им «Мирскую чашу». Говорили самое лучшее. Панферов берется проталкивать. И так надо сделать, сдать Панферову... и браться за другое.

Вот, оказывается, как ненавидят Эренбурга. И за что именно. Это никак не за жида, а за скрытое ни во что неверие.

Христианский «подтекст» (шпионаж душ) — вот вина моей повести. И вот почему писать не могу: ведь все равно и в другой повести будет то же самое, раз уже взялись читать сквозь текст, кончено.

Все-таки дам повесть Панферову, пусть хлопочет, но дам без всякой надежды на хорошее.

– Ляля, — сказал я, — эта повесть нравится всем христианам, а коммунисты ее отвергают за этот «подтекст». Значит, кончено: на этом пути у нас никуда не уйдешь. Писать для христиан не дадут.

– Видишь, а ведь это я тебя к этому привела. Вот и О. тоже через меня к этому пришел. Я к страданью привожу.

– Неправда, я всегда шел к радости и без тебя, но при тебе лишь несколько обнажил свой «подтекст» и попался. Надо просто взяться за что-то новое и опять обмануть их, как обманывал охотничьими рассказами.

А про себя думаю, что шпионаж душ теперь до того доведен, что м. б. и не выскочить.

29 Января. Изо дня в день метели, и так зима выправляется. Только вот под снегом над растениями остается ледяная корка. А впрочем, то ли мы пережили, и то ли еще предстоит пережить. Наша страна теперь не только земледельческая, а и промышленная, и военная.

Слухи ходят в народе, что Жуков сказал, будто ко дню Красной Армии он поставит наш флаг на Берлине.

Панферов, прощаясь в передней, отозвал меня в сторону. — Поздравляю, — говорит,– у вас все так благопо-

лучно. И, кивнув в сторону Л., сказал: — Умница! Я потом передал ей и она о нем так сказала: — Ничего он, светский, молодец-хват из породы Фадеева, только сортом пониже, видно ужасно необразован...

Усилие душевное соединить разлучаемых смертью людей, вот «естественный» социализм религии. И вот теперь в этой победе очень и очень надо разобраться в причинах: может быть эта победа пришла к нам в результате молитвенных усилий всего народа в течение многих веков...

Моя повесть, «Рассказы о прекрасной маме» и несколько военных рассказов являются, конечно, результатом моего личного душевного усилия соединить разлучаемых смертью людей.

Вот это усилие смутно почувствовал Вишневский, когда после чтения сказал Тарасенкову:

– Вот это и есть, о чем мы спорили в редакции, вот оно самое. Симонов говорил, что этого ничего не надо, что жизнь новых поколений после гибели на войне старых сама себя выправит. А мы утверждали, что в художественной литературе мы должны показать не «само собой», а наше усилие к этому, мы должны оправдать радость жизни грядущих поколений.

Вишневский не так точно говорил это, я записываю лишь смысл его мыкания: он именно это хотел сказать.

Леночка по женской слабости каждому отдавалась, кто у нее это спрашивал. И каждый брал свое, обирал ее и уходил. Гордая Галя, напротив, раз вышла за американца. Он пожил с ней и уехал в Америку (так американцы часто делают). Галя после этого замкнулась в себе, стала жить уроками англ. языка и гнать от себя женихов. В НКВД пронюхали связь Гали с американцем и предложили ей быть филером за иностранцами. Галя отказалась. Ей грозили. Она плакала, мучилась, но, пережив все искушения, сумела отказаться. На днях обратили внимание на Леночку и предложили филерство ей за писателями. Она согласилась, за-

вела сейчас же интригу со следователем и дома всех предупредила, что она — филер. Так вот обе женщины, одна, как была гордая в любви, такой осталась и в обществе, Леночка же всем отдавалась и, конечно, и тут отдалась.

У Леночки мать — чистая француженка, Галя русская, но до того похожа на англичанку, что каждый при виде ее сомневается в ее отце (на самом деле нет никакого сомнения). А впрочем, в русском человеке как в природе есть все, что только нам самим вздумается: тут и англичане, и французы, и немцы, и татары, и финны, есть и семиты, и арийцы, и пассивные, и активные — все, все есть. И в этом всем — наша сила, впрочем, оговорюсь: только та сила, которой вот теперь берут города.

30 Января. Вторглись в Померанию.

Был д-р Мануйлов, родом из Вятки, охотник. Он хороший хирург, великолепно долбит черепа. Страстно любит родную природу, в этой охотничьей любви у него весь его патриотизм: в этом чувстве своего места родного он может слиться со множеством себе подобных и за это легко, как пить дать, положить свой живот. Большой труженик в нем питает страстного охотника. Он прост, как тростник, но если самому упроститься и дойти, как я это умею иногда, до полной пустоты в голове, то можно почувствовать Ефима Николаевича как тростник мыслящий.

Это состояние слитной с духом материи, думаю, свойственно нашему земледельческому народу, и очень возможно, что у пастушечьих народов, например в Монголии, является беспримесно частным.

Прежний университет наш, бывший питомником западничества, являлся отбором личного из аморфной массы, и мы почитали «университетского» человека и отличали не за его знания, а как носителя именно личного, европейского начала. Впрочем, наше наивное общество того времени приписывало это добро, т. е. личное начало, именно знанию.

Теперь партийное воспитание, усиленно-техническое образование, военное время вышибло в русском народе это личное начало (интеллигент) как роскошь старого времени, как бархат, как блажь. Народился массовый индивидуум, от-личник в орденах, гос-герой, гос-лауреат. И вот тут-то прежнее понятие ума как личного свойства распалось, личное осталось при себе: думай про себя и для себя, сколько хочешь, — нас это не касается. А подавай нам ум, полезный для общества.

И вот тогда оказалось, что этот полезный общий ум может быть свойственен таким индивидуумам, которых мы в прежнее время считали круглыми дураками. И самое знание, которое в нашем прежнем представлении требовало особых способностей, особого ума, стало доступно всем: 12-летний мальчишка ведет сложнейшую машину, чудо ума человеческого, и кухарка управляет государством вполне по Ленину. Раньше возможность такого явления нам казалась чудесной, потому что мы думали, будто для высокого знания не может так быстро подняться простак. Но оказалось, не простак к знанию поднялся, а знание как техническая полезность спустилось к простаку, и земледельцы-пастухи в несколько лет стали механиками, сохраняющими всю примитивность пастушечьего, охотничьего и земледельческого ума.

На этой почве и возник такой чудо-хирург и охотник-доктор Ефим Николаевич Мануйлов.

Сегодня он взял мою книжку «В краю непуганых птиц», читает, и вижу, как ребенок хохочет, заливается смехом. — Что вы нашли, Е. Н.? — спрашиваем. — Да вот, — отвечает, — вы тут описываете охотника Мануйлу. — Так чего же в нем смешного? — В нем-то ничего, а вот что он Мануйло. — Ну? — Значит и моя фамилия происходит от этого имени, как-то смешно, когда подумаешь об этом.

Детская простота юмора в моих рассказах и успех их — такого же происхождения, недаром Фега Фриш писала: «В Европе нет вам брата». Мои устные рассказы о примитивных начальниках («Зажигалка», «Автограф» и др.) надо непременно превратить в литературу: успех обеспечен.

Поди-ка, убей человека для своего благополучия и попадешь в положение Раскольникова. Но стоит это же самое сделать для партии — как будет все хорошо. Неплохо тоже и для Бога...

31 Января. Вторглись в Бранденбург. Народ немецкий переживает то же, что и мы пережили.

1 Февраля. День хорош, мороз маленький, тихо, свет обнимает каждый дом и все хорошее показывает, а мы от этого радуемся, на плохое сами не глядим.

Показалось начало разгрома Германии. И вот вспомнилось начало революции, погром благополучия, в котором жили и хорошие люди. Так жалко было хороших людей. Моя «Кащеева цепь» началась из души, из необходимости нравственной оправдания их. Страшнее того, что было, казалось тогда, нет ничего на свете, и что это только нам так, а в культурных странах этого быть не может. И вот пришли немцы, показали себя. А теперь вот то самое страшное, казалось, только наше, теперь к ним пришло.

Я одно время мечтал, что мы придем в Германию и покажем себя как джентльмены. Теперь странно представить, как я мог это думать. Кто мог бы после немецкого погрома России настроить армию русскую на великодушие и милосердие. Разве Сталин. И вот теперь только видишь, как мало может сам Сталин, как сам он связан, назовем это хоть «волей народа», или потребностью — самой живой — солдата послать жене своей немецкие туфли. Так и разрешено теперь, это и значит, разрешено грабить.

Дорогая Зоя, особенностью моей является то, что свое прошлое я всегда считаю несовершенным и всегда мне за него стыдно... Меня спасает от этого угнетенного чувства то лучшее, в котором я нахожусь в настоящее время, и еще вера в будущее.

Пишу это по поводу присланного Вами через Петю письма. Мне теперь стыдно в прошлом вспомнить себя в отношении Вас, Зоя, столь одинокой и, думаю теперь, не-

счастной во всей загорской семье. Я это стал понимать, к сожалению, уже после того, как моя загорская семья распалась, и я стал на нее смотреть со стороны. Я в то время был совершенно уверен в том, что если я лично буду вести себя хорошо, то мой пример совершенно достаточен для воспитания семьи: пусть смотрят на меня. И правда, я ли не давал пример осмысленного труда, вечно боролся за свободу и личность. Только теперь я понимаю, что наполненность собой даже при хорошем содержании еще недостаточна для хорошего воспитания. Это для общества убедительны труд и пример, а для воспитания семьи нужна любовь, создающая дом. Любви не было в основе моей семьи, и потому ничего не сложилось. И потому Вы были несчастны, и потому мне стыдно вспомнить себя, что не мог Вам помочь.

2 Февраля. Даже из «Правды» кое-что вычитываешь. Вот пишет из-под Кенигсберга один корреспондент, что немцы все ушли с мест в Кенигсберг и дальше. Только вот идет один старый немец со старухой, идут обратно и у них санки, и в санках ребенок. Это они опоздали уйти и их вернули обратно, и вот они теперь идут, и им недолго идти...

А вот в Силезии какой-то буржуй в котелке стоит у забора своей дачи и, снимая котелок, приветствует идущих по шоссе победителей. Войска бесчисленны — одни проходят, другие появляются, а он все снимает и снимает котелок перед всеми и не устает, и как будто деревянный, и кто-то сзади дергает его за веревочку...

Или один крестьянин надел на шест белый платок и, когда его спрашивают, чего это он трудился так, дергает шестом, он отвечает: «Hitler caput».

Но это редкие остатки, вся же масса людей раздетая, голодная бежит. Они переживают то самое, что переживали у нас более благополучные во время революции.

Помню, как шел я, бросив свой хутор, оврагами, чтобы только не заметили и не убили. И встречается мне лично сочувствующий мне «беднейший из крестьян» (где-то за-

писал, как его звали) и, жалея меня, утешает: — Не горюй, не сердись, а понимай, что хорошо пожил — пожил и будет: другой и дня такого не прожил, как ты жил годами. — Вот то самое чувство Неминучего тогда охватило меня, и в свете этого чувства смешной и жалкой показалась жизнь людей, построенная на каком-то праве на личное благополучие.

И сейчас вот слышу, больная теща готова даже Бога винить за безобразную жизнь: — Ну, как это Бог допускает? — Мама, — отвечает Ляля, — при чем тут Бог? Разве Бог определил, чтобы ты строила свою земную жизнь на идеале благополучия? — Какое же особенное благополучие имела я в жизни? — Не то, что имела, а о чем мечтала. — Но как же это можно жить без надежды на лучшее? — Лучшее надо понимать как случайный дар, но не цель.

Вот в этом разговоре и все наше время, и вся масса немецкого простака шла в Россию за кусочком этого земного лучшего при глупейшем сознании, что если ему в руки попадет это лучшее, то от этого всем лучше будет. И они жгли, стреляли, душили славян, воображая, что вся эта казнь имеет целью лучшее для всех в мире людей.

Гитлер вовлек немецкого простака в эту человеческую трагедию. А разве не той же силой обмана поднят был и наш пролетарий? Вся разница была в том, что наш простак не так был прост и, главное, не так благополучен, как немец.

И встреча нашего победителя с побежденным, как было лично со мной в овраге, когда я убегал из имения, имеет совершенно такой же смысл: пожил, и будет, другой и дня такого не провел, как жил ты всю жизнь.

Гитлер вот этим лучшим на земле для немца и ввел простака в обман. — Чем же отличается тогда русский простак, соблазненный социализмом, от немецкого? — Только тем, что русский простак менее прост, что у него никогда ничего не было, и терять ему пришлось мало, несравнимо меньше, чем немцу. И благодаря этому русский ближе немца на пути к истинной человеческой радости.

Ну вот, теперь вспоминаю и понимаю момент моего крещения: это было в 1905 году, в то время, когда у нас

была революция, и я писал книгу радости «Колобок». Я именно тогда встречал радость, думая так, что эта радость не обычная животная, а что я принял уже смерть и страданье, я на все готов и тем радуюсь, именно этой силой, что на все готов.

А впрочем, стыд личного счастья — есть основная черта русской культуры и русской литературы, широко распространившей эту идею. Тут весь Достоевский и Толстой.

У русских, бывало, стыдятся даже, когда счастье само приходит, а там, у немцев, не стыдно даже открыто и принципиально — достигать своего счастья и при этом чувствовать себя так, будто своим счастьем делаешь счастье всем на свете.

Итак, мысль оправдания земной радости, легшая в основу «Рассказов о прекрасной маме» и «Мирской чаши» и есть та трудная мысль, о которую спотыкаются наши моральные невежды, поставленные судьями поэтических произведений.

Сознание каждого из нас в отдельности похоже на тоненький серпик новорожденного месяца с дополнительным к нему туманным окружением целого месяца. Вот это смутное чувство целого человека, как целого месяца, сопутствует нам в жизни, и каждый из нас более или менее чувствует себя маленькой частицей какого-то неведомого ему целого. Есть из нас немногие большие люди, сознающие себя без колебания и догадок ничтожным явлением или только свидетельством целого огромного блестящего диска всего божественного существа человека.

Огромное же большинство людей, не сознавая Целого, чувствует в себе нечто, называемое совестью, и эта совесть, скопляясь создает возле каждой отдельности человеческой, как возле серпика новорожденного месяца, дополнительный круг. Вот в этом и есть задача каждого из нас, кому дано ясное зрение сей божественной сущности человека, указывать маленьким людям на их совесть, что

в совести их заключается свидетельство бытия Божия, обнимающего всего человека.

Рузвельт великий человек потому, что на него глядят миллионы светящихся глаз и освещают его.

Рузвельт велик, но не свободен: стоит ему по личному желанию выйти из поля зрения светящихся глаз, как он теряет все свое величие и погружается во тьму. Вот почему я предпочитаю Рузвельту жизнь ивановского червячка: светляк совершенно свободен: его свет исходит от своего фонарика.

Но это все не то, все не то, о чем мне хочется сказать...

Я хочу сказать не о свете, а о тьме, без которой не может быть света.

Нет, и это не то!

Я о том своем дополнительном круге хочу сказать, в чем и как я чувствую его в данный момент моей жизни. Сердечная мысль моя сейчас бьется над возможностью и необходимостью оправдания тьмы, поглощающей невинных не за их собственные, а за чьи-то грехи, и оправдание света, поднимающего своей щедрой милостью злых, как и добрых. Я требую суда над самим управлением силою света и тьмы, силою добра и зла, силою Бога и дьявола.

И вот удивительно, куда бы ни взметнулась моя дерзкая сердечная мысль, всюду она встречает своего предшественника. И сейчас, подняв сердечную мысль свою дерзкую до суда над самим Богом за Его кару над невинным человеком за чужие грехи, как является Тот, Кто необходимость страдания за чужие грехи снял с человека. И Сам Бог послал Его к нам и тем самым суд мой снимается.

3 Февраля. Оттепель. Вечером даже и капало.

Смотрел на карту нашего наступления в Европе и вспомнил слова Розанова после его поездки за границу. Он говорил мне, что сидел он как-то в Швейцарии в каком-то ресторане и глядел на людей, на горы и думал: не будут они долго сами жить эти люди, все изжито. И все это будет наше, и Швейцария будет какой-нибудь нашей губернией. Слушал

я тогда Розанова, как чудака: мало ли что придет в голову, а вот теперь самому эта мысль вовсе и не кажется дикой.

Теща недавно сказала: — Все допускаю, все признаю новое, но порядок должен быть у всех людей во всяком деле, во всякой вещи. — Вы совершенно правы, — ответил я, — во всяком деле, а если, например, не в деле, а в праздности? — И в праздности тоже... — Ну, а в мыслях? — В мыслях особенно. — И в чувствах, напр., если влюблен? — Ну, так это же бывает временно.

Да, у нее порядок — это ее бог (бог ограничения) и это ее склероз и склероз немецкого народа: они все поклоняются не ритму божественного порядка, а метру.

– Не ритм, но метр! — вот лозунг немецкой цивилизации.

По пути в гараж зашел в церковь, людей было мало и так хорошо. Вот тут был порядок, происходящий от ритма — так было ясно, что тот, кто имеет в душе этот порядок, тому тот другой порядок метра, расстановки вещей сам собою дается. И понятно, потому что внутри порядка ритма таится живая душа, внутри же машинного порядка нет ничего...

Ночью думал о проститутках, что они могут *это* делать без всякого участия чувства и отдавать свои чувства, как целомудренные девственницы (Соня Мармеладова и Раскольников, св. Магдалина). Сам из студенчества помню: в публичном доме девушка «блядь» пожелала навестить меня. И когда пришла, то вся красная от волнения едва решилась отдать мне подарок свой, это был перочинный ножичек.

4 Февраля. Званы к Шахову. Вечером зачем-то пошли. Много пил, не опьянел. И ушел от умных людей дураком. Нужно сказать, что из ученых мало интересных людей: они целиком уходят в свою специальность: там где-то умные, и вид получают умных, а среди жизненных людей — дураки.

К счастью, мы захватили с собой О.А. Немчинову и оттого вышло, что все-таки недаром сидели: покормили старушку оладьями.

5 Февраля. День моего рождения.

Приглашены Игнатовы, Удинцев и Немчинова.

Приходил Громов М.Г. с просьбой помочь ему вызволить квартиру: выросли сыновья и живут, опираясь на писателя. Вспомнился Толстой Лев, и так показалось правило, что у писателя дети непременно балуются, и основная причина этому очень глубокая.

Самая близкая причина — это, конечно, что преимущества писателя благодаря его славе направлены к личности самого писателя и не должны распространяться на род его, между тем как дети с женой во главе пользуются этим положением, и семья стремится обратить в родовую собственность то, что принадлежит всему обществу.

В процессе творчества писателя чужие люди становятся для него ближе, чем самые близкие. Одним словом, писатель, сам того не сознавая, работая, тем самым уходит от семьи, и семья стремится его удержать. (Пример Льва Толстого и мой личный.) Впрочем, тут действуют причины, свойственные всему человеку: одна сила центростремительная или родовая действует в направлении движения рода, другая центробежная действует в направлении движения сознания.

И вот сейчас, если я иногда чувствую смутную тоску, вызываемую мыслью о Ефр. Павл. и Леве, то это вот и есть действие на меня той центростремительной силы, создающей привычки.

NB. Это надо особенно заметить, что родовая сила создает привычки, а сила сознания (центробежная) направлена против привычек.

Пришли вечером Игнатовы, Удинцев и Немчинова. Лева прислал телеграмму, Петя забыл. Было хорошо.

Любить врага — это значит бороться с тем, что враждебно в нем Богу, или просто: любить врага, значит бороться с его бесом. Так это можно теперь отнести и к войне с немцами: мы боремся с бесом Гитлера (любя немецкий народ). И точно так же они, любя русских, борются с боль-

шевиками. Но русский народ, побеждая Гитлера, сделал большевиков своим орудием в борьбе, и так большевики стали народом. Эту смутную мысль надо развить.

6 Февраля. Дня четыре стоит хорошая оттепель, без грязи, вероятно, на нуле. Недели две я понемногу разрешаю задачу — завести расстроенный автомобиль без шофера. Нужда заставила изучить машину, и меня теперь очень радует, что, кажется, прихожу к концу своего трудного испытания. Надеюсь сегодня кончить.

Наладил зажигание — завелось, спустилось колесо — надул колесо, насос отказался работать. Вывернул насос (лягушку), пришел к шоферам.

Воспитание человека — это действенная любовь, значит, борьба со злом (грехом), которым окружено каждое живое существо.

7 Февраля. Продолжается оттепель. Продолжаю заниматься страстно подготовкой автомобиля.

Вчера прорвали фронт под Бреславлем и вышли за Одер. Тотальная война падает на немцев, на их дурацкие головы. И «Большая война», провозглашенная Гитлером, скоро поставит их всех на колени (и Гитлер будет как Раскольников, заумный человек, принужденный стать на колени перед своим народом).

Каждый человек теперь становится нам как прохожий и совершенно исчезает иллюзия личной вечности, с которой каждый, бывало, приходил в этот мир. Все умирают, знал каждый из нас — но для себя думал втайне души, что «я-то, может быть, еще как-нибудь проскочу».

Вот это чувство жизни как вечности в наивном сознании очень похоже на тот дополнительный бледный круг, с которым приходит иногда на небо новорожденный месяц: сам как проволочка тоненький, а мнит себя законченным кругом. И мы знаем, что это мнение у месяца неложное.

Так и это чувство вечности личной жизни у человека тоже означает ее наличие: каждый из нас проходит по жизни со своим дополнительным кругом. Теперь же, когда каждый стал скорым прохожим по жизни, не успевающим дать свой дополнительный круг, над этим полем живо-мертвых людей, как полная луна, все ходит кругом в сиянии круглая вечность сама по себе.

Сейчас думаю, что ведь и не езжу я на машине много и не чувствую от езды особого удовлетворения, но почему же я так страстно ею занимаюсь. Только потому, что, как и с охотой, и с фотографией, так и с машиной связана у меня мечта о свободе: захочу — и уеду из Москвы. И пусть даже не захочу, и машина будет стоять — пусть! — я все равно буду тешить себя... тем, что если захочу, то уеду.

Когда я рассказал о своей будущей работе о женщине и Ляля вспомнила о предсказании Флоренского века амазонок, Татьяна Игнатова сказала: — Понимаю, но только это другое, не амазонки. — Верно, — ответил я, — но пока не явилось еще новое слово, приходится называть хоть амазонками.

И рассказал о двух девушках: Гале и Леночке.

Так вот, Галя — ее мужественная женственность есть черта характера новой женщины, а женственность Леночки — это черта характера женщины прошлого бабьего мира.

8 Февраля. Смотрели в Большом театре балет «Лебединое озеро». Ляля видела балет десятки раз и на нем воспиталась, а я на «Тангейзере». Я же видел в первый раз. Мне кажется даже, что я вообще в первый раз видел балет. Впечатление такое же, как от «Песни песней», именно то впечатление, что бешеная стихия включается в состав мировой гармонии и представляется в целом как священное начало, как «страсть бесстрастная». В «Песни песней» так преобразуется половая любовь, в «Лебедином озере» я почувствовал женскую ногу, как священную часть тела (она

во время объяснений в любви под-носит ногу, т. е. поднимает ногу под нос возлюбленному и выходит ничуть не смешно).

По Чайковскому земная страсть приводит к гибели лебедей, и влюбленные встречаются в потустороннем мире. У нас же теперь дается «Лебединое озеро» так, что святая любовь побеждает страстную здесь на земле. И правда, так и надо представить любовь, как путь земной и возможный.

Раздумывая об этом, вспоминали с Лялей ее падение и вслед за тем гибель Олега, и нашу любовь, как спасение. Было же ведь это у нас на земле, для чего же нам возможное на земле в пределах нашего места и времени переносить на небо?

Как произведение искусства «Лебединое озеро», помоему, очень растянуто и перегружено, и расплывчато.

9 Февраля. Снег идет. Вчера прочитал в Правде о конференции «в районе Черного моря» президента США с двумя «премьерами». Чувство такое, будто каждый из нас живущих дотянулся, наконец, достал и пальцами ухватился за конец войны.

10 Февраля. Отпраздновали мы пятилетие нашей встречи и жизни, которая извне покажется тяжелой и трудной, а внутри нас, нам самим была непрерывным счастьем. Даже в наших буднях я всегда, все пять лет испытывал постоянное довольство Лялей. А какие и сколько было у меня праздников. Из них один праздник, когда я думал, что я недостоин ее, а другой, когда я чувствовал, что я, только я один- единственный достоин ее.

Вчера мы вспоминали за столом предсказания Флоренского о наступающем веке амазонок. Говорили о том, какие это будут новые амазонки и, далеко не заходя, брали женщин из времени обороны Ленинграда, когда мужчину видели только, как он рыдал на плече женщины или она увозила его, всего закутанного в больницу, или везла его

мертвого из больницы. Почему же так уступили мужчины? Да очень просто, потому что ведь врагом-то был не мускулами или разумом сильнейший враг, а тем, чем силен голод. И женщина, вековечно обреченная на черную домашнюю упорную работу, на рождение и уход за детьми, понятно, оказалась устойчивой в борьбе за жизнь. Согласно с назначением к рождению детей и заботе о их пропитании и здоровье, у женщин выработалась особая материнская психология...

– Да вот, — сказала Галя, — смотрите сейчас на детей. — За столом были Лева и Леночка, и оба они получили по шоколадной пластине. Лева на несколько лет старше Леночки не мог удержаться и мало-помалу съел всю свою шоколадину. Напротив, маленькая берегла свою и не трогала. — Ты почему же не ешь свою? — спросили ее. — Как же я ее съем одна: дома же у нас еще Дина, надо с ней поделиться.

А вот еще к амазонкам. У Ляли есть врожденно-враждебное чувство ко всему специфически «мужскому» в смысле половом, хотя тоже враждует она и с женским специфическим, бабьим началом. Мужчина для нее — творец, а женщина — любовь. И вот в наше время там и тут, на улице, в театре изредка стали показываться мужчины с уцелевшими прежними толстыми усами. Мне самому теперь после того, как вся Русь обрилась, усы эти были неприятны. — Потому, — пояснила Ляля, — что такие усы действительно неприличны теперь: это признак права мужчины на грубое насилие.

Новая амазонка не усам будет покоряться, не мускулам. Новое время потребует от мужчины творчества личности. Общий ум (тут и техника) останется при женщине, а личный — при мужчине. «Амазонство» будет не в подражание мужчине, а в требовании общего женского ума от мужчины ума личного.

Так что в новом веке мужчина не ослабеет, а только перестанет насиловать; это насилие, чем теперь гордится мужчина («Пан»), будет немодно, как теперь немодны усы.

Так вот как это было (не перестаю думать): мальчик вмиг съел подаренную ему шоколадку и был от этого весь вечер радостным, а девочка не ела и все скучнела и скучнела. Под конец вечера сидит, чуть не плачет. — Скажи, Леночка, — спросили мы, — отчего ты такая сидишь скучная? Она заплакала. — Ну, скажи. — Хочется шоколадку съесть. — Так ешь же, вот она. — Нет, я одна не могу: я принесу домой и вместе с Диной съем.

После этого я почувствовал жизнь свою, как этого мальчика с шоколадкой: съел свое, был этим доволен и радостью жизни своей делился с людьми, и люди мне были благодарны за радость. А жизнь Ляли я почувствовал как жизнь этой девочки сегодня вечером: не может насладиться одна и все ждет кого-то, чтобы вместе съесть свою шоколадку.

Да и свою ли только жизнь понимаешь по этому примеру, разве не весь мужчина, как творческий деятель такой, как этот мальчик, и разве не вся женщина в своей любви такая, как эта девочка? И разве вся современность не в том теперь состоит, что на первое место выступает девочка?

И вот отчего неприятно бывает теперь среди массы бритых мужчин увидеть какого-нибудь с большими толстыми усами, чувствуешь в этих усах былое мужское самодовольное насилие — и в древнем завете: жена да покорись своему мужу.

Очень возможно, что в усах-то и заключается происхождение собственности: тут в мужском насилии над женщиной это начинается, а женщина, отдаваясь, лишь включается и охраняет начатое усами, и в этой охране-то и рождается именно собственность.

11 Февраля. Не поймешь, я ли сам вхожу во время, или время входит в меня, все равно: ничего не зная в политике и дипломатии, чувствуешь себя современным. Мне только надо дождаться своего срока, чтобы схватиться за ручку времени, привеситься к его поезду и помчаться.

Каждый день в «Правде» печатается что-нибудь о православной церкви, и становится ясно, что церковь окрепла и близко время, когда мы услышим звон.

– Это радостно, — сказала Зина.

– После всего, что было, — ответила Ляля, — не могу радоваться звону, не могу просто радостно и в церковь войти, как было в детстве. Входишь, все как было раньше, лампады и свечи горят, отражения в окладах и в стекле, возглас священника из алтаря, певчие. И в то же время чувствую в себе не прямое, а сумеречное, и в тревоге ждешь, что из всей этой привычной церковной гармонии покажется какая-нибудь страшная рожа.

– Я это тоже чувствую, но это личное чувство, я выхожу из него и радуюсь, что народ делается причастным к таинству.

– Народ, какой народ. Те личности, которые несли муку за церковь.

– И радуясь, готовы принять новую муку на себя.

– Народ-то потребители.

– Нет, народ как собор личностей.

Ляля на этом сдалась, но тут же заметила:

– Я ничуть не отрицаю современной церкви, признаю... но не могу радоваться предстоящему звону...

– Не только ты, — сказал я в заключение этого разговора, — даже десятилетний мальчик чувствует разлад в душе, противоречия на каждом шагу.

Начиная с этих мальчиков, мы все стали теперь Старшими. И как вспомнишь детское чувство к Старшим, чувство страха, неимения права допытываться у них о своем, или судить их по себе. Но вот мы теперь узнали эту тайну, взяли на себя это бремя, и по непривычке и сомнениям мучаемся. Но, вероятно, и к этому можно привыкнуть, как привыкают к хронической болезни. Нам пришло время не радоваться самим, а с улыбкой радоваться на детей, узнавая в их радости свое детское прошлое. И к кому же, как ни к таким Старшим, обратился Спаситель, указав им: «Будьте как дети».

12 Февраля. Две девочки вошли в мой гараж. — Здравствуй, дедушка. — Здравствуйте, девочки, как вы пожи-

ваете? — Хорошо. — Что же хорошего? — Ничего. — А сказала, хорошо. — Конечно, хорошо, нам ничего больше не нужно.

13 Февраля. Москва знала вчера вечером, но мы рано легли и радио не слушали. Узнал я о Крымской конференции только утром и, очухавшись от волнения, пошел Ляле рассказал. И мы радовались с ней согласной эгоистической здоровой радостью, как радуются узники, подмечая признаки близкого освобождения.

Но когда принесли газету, и теща прочла и стала радоваться за будущее человечества, то мы оба восстали на нее, уверяя, что хорошему человеку в будущем нельзя будет принять счастье, купленное такою ценою: кусок поперек горла станет. Теща, по обыкновению, стала спорить, не понимая возражения. И Ляля ей сказала, что вера ее в будущее человечества как раз и есть то, о чем говорят большевики.

И все-таки это есть у людей, как у тещи, какая-то рационализированная или приспособленная для практической жизни религия человечества, составленная из идеи бессмертия, заключенной в чувстве движения рода.

Я спросил: — Вы чувствуете страх смерти?

Я понимаю этот «страх» в смысле страха перед совмещением точного знания о своем уничтожении с верой в бессмертие своей души. Она мне ответила прямо:

– Нет, страха смерти нет у меня, меня беспокоит лишь вопрос: в чем бы так себя продолжить, и что свое дать людям.

Она была художница. После того, как она ушла, я сказал Ляле:

– Вопрос, который она подняла, это вопрос раскрытия своей индивидуальности, особенно острый у нас в принудительном коммунизме.

В начальное время представители нашей власти (партийцы) были худощавые люди, устремленные подбород-

ком вперед, теперь же показались плотные важные люди, которых почувствовать можно по себе, если на умеренном ходу приподнять немного вверх плечи и так, сознавая через мускулы свою силу, идти, соразмеряя шаг с легким покачиванием рук.

Помучился я с машиной, и наконец после мук она заработала, и я, как всегда бывает в таких случаях, очень обрадовался. Да, я радовался, ехал, а му́ка моя работала, и так всегда му́ка работает, и мы так легко, так охотно о ней забываем. Вот моя машина: над ней сколько [людей] ученых мучились, — имена их, Господи, веси. Какие тут му́ки ученых вспоминать, когда я даже свою собственную му́ку забыл, лечу, свищу!

14 Февраля. Конец Сретенья. Погода так давно стоит на маленьких морозиках, что о больших никто и не думает.

Есть две основные власти, это власть мысли (логос) и власть бытия.

Степень преобладания той или другой силы определяет характер исторической эпохи.

А то, что мы называем культурой — это, вероятно, есть сумма редких моментов согласия власти мысли с властью бытия.

Библия потому величайшая книга, что жизнь человека в ней представлена под влиянием этих двух сил: в Ветхом Завете преобладает власть Бытия, в Новом — власть Мысли.

Социализм — это новая эпоха, потому что по-новому властвует в ней Бытие. Что же касается Мысли, то она почти совершенно не движется. Если так будет долго продолжаться, то движение сознания прекратится и наступит одичание. Сейчас еще теплится Мысль возле страдающих, но если новая эпоха принесет освобождение от голода и страха, то человек обратится в скотину. Мы этого, однако, не думаем, потому что «праведников» (т. е. личностей) достаточно в обществе, чтобы в решительный момент сила Мысли удержала Бытие от разрушения.

Вчера Ляля нашла в моих дневниках вещь необычайной поэтической силы.

Неужели я, такой глупый, мог так написать, думал я, спрашивая: откуда взялось. Впрочем, и все настоящее, написанное мной, удивляет меня. На этот вопрос «откуда берется?» Ляля ответила, что берется, конечно, из того великого багажа, который находится за пределами нашего обычно-рассеянного внимания... С ней это было после трагической кончины ее отца: вдруг открылся целый великий мир, о котором раньше она и не подозревала. Из этого мира, напр., она сразу почерпнула себе силу для борьбы с собой в уходе за больной матерью и много всего. Что же касается художников, дивящихся своим собственным открытиям на взлете, то эти взлеты наверно зависят от свойственной им способности сосредоточивать свое внимание.

Мысль эта о творческой силе сосредоточенного внимания была у Олега. Но и у меня независимо она была, и я называл ее родственным вниманием. Немного сбивает определение «родственное» тем, что оно повторяется не совсем в том значении в биологии («химическое сродство») и в быту. Я хотел этим понятием «родственное» определить эту силу, связывающую в один луч все разбегающиеся в разные стороны лучики нашего внимания. Не родственное надо бы сказать, а любовное внимание.

Между прочим, я много лет пытался осознать условия возникновения этого любовного внимания с тем, чтобы им управлять по своей воле. Но сколько раз я ни пробовал, всегда в моих опытах выходило, что воля моя в сосредоточении любовного внимания сводилась к выбору благоприятных условий, так, напр., я заметил, что только ранним утром это у меня бывает, ранней весной и в момент разрыва с привычками (напр., в путешествиях).

Я набрал в свою память множество такого рода благоприятных предпосылок внимания, тихий шаг в лесу, затихание вблизи дерева, мучительные охоты с пропаданием сознания и последующим возрождением и обогащением его при отдыхе.

Итак, множество условий, которыми наверно каждый художник окружает себя для собирания внимания. На мельчайших удачах я старался анализировать приход этого внимания с тем, чтобы, раз поняв приход этой силы, пользоваться только ею во всякое время и в отношении всякой вещи. Я помню, однажды стоял под ольхой на снегу в страстном ожидании, под лай гончей, появления лисицы. Мое внимание было направлено на тропу и вдаль. Но здесь вблизи мой взгляд проходил через веточку, на которой висел зимний крестик будущего ольхового цветка. Глядя на этот крестик, я подумал об ольховой шишечке, которая бывает тоже зимой на таких веточках. И вдруг увидел, что шишечка уже отвалилась, упала на снег и лежала черная.

И вот была сложная охота, лисица оказалась на озере, ее турнул рыбак один, перетурнули другие, собака то теряла след, то находила, и много всего. Но единственное, что мне дало мое любовное внимание в эту охоту, был крестик будущего цветка и на снегу черная ольховая шишечка.

Так и всегда, внимание сосредотачивается на чем-то не том, что тебе надо, скорее, отводишь его, а тут благодаря этому, тут, возле тебя, нечаянно показывается то дорогое, что тебе нужно. И так, может быть, все наши приемы для нахождения любовного внимания состоят в том, чтобы отвести в сторону, освободить себя от рассудочного волевого внимания.

Для того-то вот так и полезно художнику действовать в природе, охотиться, рыбу ловить, грибы собирать, чтобы отвести от себя обычное рабочее внимание и остаться с любовным, праздничным.

Сам того не зная, может быть, и Лев Толстой для того и землю пахал. И вот именно, в чем упрекают Толстого, что он не всерьез пахал и мог во всякую минуту по своей прихоти бросить пахоту, — это именно и доказывает, что пахота его была тем же самым, что для поэта в лесу собирание грибов или охота: способ освобождения любовного праздничного внимания от рассудочно-рабочего.

Рабочее внимание, однако, освобождает празднично-любовное внимание только до какого-то момента его напряже-

ния, после чего всякое внимание кроме рабочего поглощается. Это легко проверить, если взяться с утра идти и на ходу думать: в конце концов, бросишь думать и будешь только идти.

Итак, любовно-праздничное внимание сопровождает рабочее внимание, скажем, — освобождает, иначе, любовное внимание делается жертвой праздности.

Впрочем, я имею в виду только себя, потому что есть благодатные души, пребывающие в состоянии почти постоянного любовного внимания (Моцарт, Пушкин). Точно так же, как есть люди по природе рабы.

Не судите молодых людей нашего времени строго, помните, что вы судите, меряя всех их на свой аршин. Вспомните свою школу, много ли было среди вас выдающихся: два-три у вас, два-три в другом классе, в другой школе тоже так, тоже столбики, на которых опирается купол времени, а между столбиками все пространство наполнено массой потребителей, равнодушной во все времена к мучительным вопросам создания новой культуры. И вот вы теперь, судя строго, подменяете творческие единицы среднеарифметическими единицами масс. Вам надо для суда, не забыв свое время, сделаться современными.

15 Февраля. Сретенье. Пришел общественник, интеллигент, я спросил его мнение о Крымской конференции. И он ответил, что конференция его удовлетворяет с двух сторон: 1) несомненно, что после конференции показался конец войны; 2) конференция показала, что наши коммунисты считаются с обстоятельствами времени и самовольно никаких новых экспериментов делать не будут. (Видно по отношению к Польше.)

После объявления в Крыму разгрома Германии во всей силе стал вопрос: за что же умирают немцы, какой смысл их героизма?

Б.Д. Удинцев рассказывал о духовном концерте в Консерватории после избрания патриарха. Все патриархи в

белых клобуках сидели в одной ложе, в партере священники, епископы и среди них всякие дамы. На сцену вышла дама в белом длинном эстрадном платье, с крашеными губами, конферансье, и объявила программу, начиная с «Ангел вопияше».

Еще он рассказывал, что избрание патриарха в храме (Елоховском) сопровождалось непрерывной киносъемкой, патриарх блистал и грелся в лучах юпитеров.

Идея социализма актуальна как таковая, и для некоторых страшна в своем потенциальном состоянии, но раз она стала жизнью — конец. Жизнь выправляет идеи.

16 Февраля. Второй день голодаю. На досуге читаю Степуна о Шпенглере и дивлюсь, как после всего сказанного Ницше и Шпенглером, о чем, конечно, было же мне известно, я мог столько лет жить с мыслью о жизни как органическом вызревании, а не борьбе за существование... Как это могло произойти? А вот я думаю как...

Всякая идея имеет свое качественное бытие, привлекая нас или отталкивая, или пугая. И так она зреет до своего выхода в жизнь, т. е. выхода из сферы влияния в сферу воздействия. (Вероятно, у Шпенглера идея в состоянии влияния называется культурой, а в состоянии воздействия — цивилизацией.)

Но раз уже идея вышла из своей оболочки влияния и вошла в жизнь как действие, тем самым перестала быть [идеей] как таковой, и, действуя, подвергается сама воздействию всевозможных факторов жизни.

Так вот идея социализма привлекала к себе своим гуманным влиянием, других пугала и отвращала «дурной бесконечностью воли к власти во имя власти». А вот когда идея социализма перешла у нас из сферы влияния в сферу действия и вошла в нашу жизнь, она перестала нас и привлекать, и отталкивать. Мы теперь все вовлечены в действие, в борьбу, в войну. И значит, если я мог столько лет прозябать во время социализма под раковиной идеи мира как органического вызревания, значит, не вся же совокуп-

ность жизни была заполнена механизацией и борьбой за существование.

Словом, мы теперь переживаем идею социализма, превращая ее тем самым в нечто иное.

17 Февраля. С наступлением социализма у нас исчезло чувство пространства, как изображено у меня в книге «Колобок»: «уйти» стало некуда, потому что везде одинаково, и на базаре в Москве, и в Кабарде, и в Грузии торгуют изделиями одного и того же ширпотреба. Путешествовать стало незачем, и начали просто ездить по делам, по командировкам. Возрождение начнется, конечно, разнообразием местной жизни.

Пишешь ты плохо потому, что боишься оказаться глупым на людях и пыжишься выйти умником. А надо стремиться к тому, чтобы самому быть собой, и помнить надо, что ты не глупости своей боишься, а себя самого. Возможно, окажется тогда, что именно то, что ты в себе за глупость считал — то есть именно ум, а где ты у всех ум видел, то именно и есть глупость. Будь самим собой и это значит будь не как все.

Вечером были на «Жизели» с Улановой — это второй балет вижу в своей жизни («Лебединое озеро»). Вот куда направлено слово волшебства, и Уланова — это, конечно, волшебница. Хотя Ляля и называет возбуждаемое чувство «целомудрием» (а сама вся горела), но на самом деле это очень тонкая эротика, какую испытывали мы детьми, читая, например, сказки Кота Мурлыки («Молли и Нолли» — это настоящий балет для детей).

Чувствую полный разрыв со средой писателей, ни одного человека, ни одного проводника от своей души к какойнибудь другой. Начинаю думать, что и все так, и особенная развязность пишущих (как будто все знают) именно тем и объясняется, что они на «проводников» давно махнули рукой и действуют так, будто это наше прежнее отно-

шение к «святому ремеслу» давно умерло. И в этом новом чувстве свободы от старой морали наверно и питается их развязность и уверенность.

18 Февраля. Был директор школы в моем охотничьем районе И.И. Фокин (30 лет учил детей, большие липы вырастил). Он бросает свой родной край: «какой-то вампир выпил всю кровь из народа и жить там больше незачем».

19 Февраля. Устраиваем художницу Нину Евгеньевну Пославскую. Вызвали Рыбникова, сидели вечер и разговаривали о трех стариках, управляющих жизнью всего мира, о патриархе на концерте, о балеринах Семеновой и Улановой, о возможности построить дачу в каком-то хорошем месте.

20 Февраля. (Похороны Черняховского.)

Весна света разгорается. Ляля уже начинает говорить о семенной картошке, а я – тревожиться за нее (истерическое хозяйство, сверх сил).

Рыбников предложил молодой художнице реставрировать плафон в Нескучном дворце. Художница замялась. – Это очень хорошо оплачивается, – сказал он, – тысячи три в месяц, обед, ужин. Художница молчала.

– Понимаю, – сказал он, – вам хочется заняться творчеством, но кто же творчеством зарабатывает деньги? Спросите М. М., творчеством ли он живет. И это старый прославленный мастер, на вашем же месте лучше с легкой душой трещинку заделать в старом храме, чем плакать о своем нераскрытом таланте.

NB. Между прочим, это очень красиво и верно (объективно) с точки зрения Старшего (а кто наши Старшие?), но с точки зрения молодого таланта: не заделывать трещины в старых зданиях: пусть в них вырастает молодая трава.

И в этом протесте просияла моя жизнь, и тем тяжелее мне было, что всю жизнь выставлял себя (таково творчество!), я в то же время другой стороной души знал о существовании святой трещинки, для которой надо отдать свой талант.

Дело в том, что заделывать старую трещинку — это хорошо рекомендовать другому, а втайне каждый стоит за себя. Так точно складывалась и «Жизнь за царя» и образовалась «святая родина».

21 Февраля. Скульптор Лебедева Сарра Дмитриевна начала лепить с меня голову. Часа три она, грузная женщина в 50 лет, танцевала вокруг меня, как балерина. Работала страстно, сильно, в один раз столько сделала, что уже можно было хорошо меня узнавать всякому. Я вышел подавленный сравнением ее работы со своей: какая моя работа. Вот уже год я ровно ничего не делаю, и что самое дурное: начинаю ссылаться на внешние условия, т. е. на требования к литературе во время войны.

22 Февраля. С утра мороз, каких еще не бывало за эту зиму. Но и солнце тоже такое в этом году еще не бывало. Я утром ходил в гараж с мыслью об изображении Москвы в новой повести и дивился чудесам света. С завтрашнего дня буду записывать такие впечатления и сюда же впечатления от художников (Лебедевой, Нины и др.).

23 Февраля. Мороз как будто всю зиму проспал и вдруг теперь проснулся, хватился, но уже поздно: у него осталась только ночь и раннее утро. И какие встречи сейчас солнца с морозом. Какое торжество, какая радость!

Вчера были Чагин и Григорьев. Принципиально решено выпустить альманах стариков и редакцию поручить мне. Вопрос о продаже мне дачи в Пушкине, по словам Чагина, решен, остается только оформить.

Что мне дает личный опыт кого-либо в деле спасения души, и не знаю — нужно ли это. Ведь людей в веках проходит, как тучи комаров. Не проще ли прожить лично не спасенным. Нет, если поднялся вопрос о спасении, то можно понимать его лишь в смысле общего спасения.

Нельзя разделять спасение на личное и общее, потому что нет спасения в одиночку, равно как нет спасения об-

щего без личного усилия. Но, конечно, если станет вопрос о том, как лучше, то лучше кто-нибудь лично станет спасаться, не обращая на всех никакого внимания, чем будет пассивно ждать спасения всех и себя в том числе.

Альманах стариков: Пришвин, Серафимович, Шишков, Григорьев, Вересаев, Игнатьев, Телешев, Кончаловский, Матвеев (скульптор), Качалов, Книппер.

Приехала из Загорска Галина и сказала по телефону, что никакого воспаления нет у Ефр. Пав., а в больницу ее положили для исследования.

Ходил на ВАРЗ чинить бензонасос и карбюратор. — Это настоящий ремонт, — сказала девушка, — мы это делать не будем.

– Не будете, — сказал я, — война не кончится.

– А когда кончится?

– К маю.

Она повеселела и стала работать. И когда кончила, то просила опять приходить, и все только за то, что помолодил их обещанием конца.

Из «Правды» узнал, что умер А.Н. Толстой. Так еще один мой спутник ушел. — Не печалься, — сказала Ляля, — он тебе был далек, а так чего же тужить: мы все умрем. — Все умрут, а я не умру. — Понимаю тебя: это «я» у тебя душа? — Конечно! И это не я один, а каждый о себе это думает и живет, как бессмертный.

И вот такое чувство жизни бессмертной — это реальность, а что все умрем — это феномен, это не существенно.

– Все это верно, а как же я для тебя?

– Ты — это я: мы, вероятно, вместе умрем, но какое нам дело до «всех»: все умрут.

– Как до всех дела нет: мы обязаны в жизни отбирать к себе души, соединять их, для этого же и создана церковь.

Душа соц[иалистической] революции — это, конечно, идея спасения не себя лично, а спасения всех бедных лю-

дей, поставленных судьбою в положение рабов. («Вставай проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов».) И это спасение становится делом: революция – это дело спасения. А дело это, конечно, действие разума («кипит наш разум») и раскрытие разумного начала, рационализация на всю жизнь.

И так мало-помалу бедный раб, из-за которого началась революция, вовлекается в дело спасения рабов, и каждый становится рабом механизма спасения, и личность становится стахановцем и отличником. На этом пути механизации некоторые уже начали опасаться судьбы превращения в рай.

Но тут на нас немцы напали, и явилось живое понятие родины. Тогда организация спасения бедного человека превратилась в организацию спасения родины. Проснулись первичные инстинкты борьбы, овладевшие для этого всем механизмом спасения бедного человека. В этой борьбе появился органический смысл бытия.

NB. (Анализировать процесс рационализации.)

25 Февраля. Лютый мороз, как вчера.

Сегодня позировал Лебедевой – один долг, и другой долг – похороны Толстого. Хотел отменить скульптуру, но, узнав, что Толстого не в Союз понесут, а будут показывать всем в Колонном зале, решил не ходить, а помянуть новопреставленного на молитве и поручить Ляле отслужить панихиду.

Вчера приезжал из Перми Микитов Иван Сергеевич, сидел весь вечер и нового ничего не сказал: жизнь в Перми та же самая, что и в Усолье. Москва на фоне этой бесконечной лесной пустыни горит как огромная красная пятиконечная звезда.

– Как мы ошиблись, Иван Сергеевич! – Да, кто бы думал! Между тем мы такие в дураках остались далеко не одни.

И все произошло оттого, что нам с малолетства внушили какую-то нравственную правду в истории. Оказалось же, что история – это сказка, и ее люди придумывают.

Ляля сказала: — Так вот нам Александра Македонского представили как героя, а на самом деле может быть он был просто разбойник или хулиган.

Да, конечно, история исходит из факта, но моральное освещение факта дает победитель: мораль рождается в силе, и поколения вырастают, питаясь этой моралью.

Помню, даже усольский лесничий, почти необразованный комсомолец, узнав о нашей победе и поражении немцев, сказал: — Я перестаю понимать историю: выходит совсем не то, чему нас учили.

– Как же вы думаете, — спросил И. С., — будет дальше.

– Это вот что мужиков-то ваших любимых перебили? Об этом нечего тужить, бабы целы. Вот если бы баб перебили, то был бы вопрос, а бабы целы, значит, опять народят мужиков.

– А большевики?

– Они свое большое дело сделали.

26 Февраля. 4-й раз позирую Лебедевой (у нее большие, как небо, голубые глаза). Вчера у нас за чаем глядит она на меня и улыбается: я думал, это она мне. Вдруг вскочила, убежала в другую комнату, что-то примазала к портрету и вернулась совсем другая. Оказалось, это она не мне, а себе улыбалась. Такое вот и небо голубое, какое ему дело до тебя! а кажется, будто оно для тебя. И сколько ни видел плутов, большею частью все они с голубыми глазами.

С другой стороны, она похожа на Деву, наполненную собой и живущую в переменах. Встречаясь с живыми людьми, она порождает образы их. Очень искушает подумать, что и бессеменное рождение Богочеловека произошло на этом пути, тоже так Мысль воплотилась в глину, и Слово стало Бог и обитало (как там сказано?) среди нас, полное благодати и истины.

Сегодня Лебедева (в четыре утра) по существу закончила мой портрет, в среду назначила контрольный сеанс. Между прочим, в больших разговорах во время работы мы с ней вспоминали 19-й век, как век приятных иллю-

зий, и она мне сказала, что теперь впервые поняла сцены жестокости в Библии, напр., продажу братьями Иосифа и др. — Вот это реальная жизнь, а не то, что мы намечтали себе в 19 веке.

Часто в установке своих отношений к человеку надо глядеть на животных: все равно — человеку или животному нельзя показывать свою робость, все равно, человек или животное, раз вкусив твоей робости, в другой раз будет ее требовать.

Похороны Толстого. Вот только после смерти его понял, что нельзя было мерить подхалимство Толстого общей меркой: ведь он же эмигрант, ему нужно было примирить с собой советскую власть. Но между прочим, когда осуждали Толстого, я никогда не присоединялся к этим осуждениям. И все только потому, что сам себя в своем отчуждении от власти советской никогда не чувствовал убежденным: ведь я не из-за идеи, не из-за глубокого чувства уклонялся от общества деятелей, а только из-за своей неспособности к политике и дипломатии, от вкусовой какой-то неприязни и может быть от неспособности и утомляемости в необходимости хитрить и что-то устраивать...

27 Февраля. Вчера с морозом было немного полегче, и среди дня полегче, а потом пошел снег, но сегодня опять очень холодно.

Нет, нет, я не был врагом Толстого, но у меня свой путь, противоположный его пути...

28 Февраля. На улице теплеет, в доме холоднеет: писатели знают, что опасность замерзнуть миновала, и не беспокоятся.

Толстой, как и Горький, в чем-то сходственно вызывают меня, и в том их свете я в собственных глазах своих ущемляюсь. Может быть, я пишу и не хуже их, но мне мои

писания стоят моей жизни, они же и пишут хорошо и живут хорошо. Одобряя меня официально, мне кажется, оба они косятся на меня, как на чудака. В точности как в романах Тургенева и Гончарова светские люди, помещики глядели на какого-нибудь приглашенного в их дом учителя из «третьего элемента». Те же чувства, как и я к Горькому и особенно А. Толстому, испытывал Достоевский к Тургеневу (тоже так: Достоевскому — подвиг, Тургеневу — счастье). А еще, проще говоря, оба они, и Горький, и Толстой плуты-политики. Горький — плут не очень для себя, Толстой вполне для себя. Я же возле них вроде князя Мышкина, хотя, впрочем, в большой литературной среде, как было, напр., у Мережковского, мне за себя не стыдно.

Этими свойствами светских людей и политиков раньше обладали у нас крупные публицисты, газетчики, Меньшиков, Суворин, Дорошевич и т. п. Мы же, собственно писатели, могли жить в своих углах, как ученые, художники, вся умственная аристократия. И так было с Пушкиным. Светскость писателя открывают у нас официально Горький и Толстой, и за ними dii minores*, такие, как Фадеев, Тихонов становятся вполне естественными писателями-политиками и танцуют вместе со всеми. Вот Толстой-то и косился на меня...

Когда Толстой приехал из-за границы (эмиграции), то нас тогда, людей никуда не бежавших от сов. власти и сохранивших свою личную независимость и достоинство, в первое время он боялся и ухаживал за нами, очень даже.

Так точно наверно и какой-нибудь аристократ Михаил Стахович стал просто «Мишкой» у Горького: наверно Стахович попал в лит. среду, в этот круг, где царствовал Горький, и там на каком-нибудь вечере сделался «Мишкой» (все светские люди на это очень податливы). А между тем я, ничтожный землевладелец, сосед по имению, находился от него в ущемлении. И вообще «ущемление» есть своя болезнь, вернее, свойство дикости, самолюбия...

---

* Dii minores – младшие боги.

В 6 вечера в Лит. музее было заседание, посвященное памяти А. Толстого. Перед началом погас свет, и мы остались в темноте. По левую руку от меня была первая жена Толстого Наталья Васильевна, по правую вторая — Людмила Ильинична. Один из ораторов Анциферов называл вторую, Людмилу, Натальей Ильиничной. Я говорил о Ремизове и направлял слова к сердцам жен. Обе они отозвались, Людмила аплодировала, Наталья обняла. Но для других речь моя была очень неудачна, первое, тем, что я был «как ошпаренный», второе — что слишком поднял Ремизова. И самому мне почему-то до сих пор очень стыдно.

1 Марта. Положение Леонова, которого теперь выдвигают, а он против всего своего таланта лезет угодить, мне теперь открывает перспективу и на карьеру Толстого: он тоже, только гораздо успешнее, стремился угодить.

Какое вышло доброе дело. Художница Нина Евгеньевна Пославская написала из глуши мне хорошее письмо. В ответ я послал ей свою книгу. Месяца через два после того явилась к нам девушка кое-как одетая, без калош и с подарками: привезла картошки, мед, сушеную вишню. Мы побеседовали с ней, она переночевала. Через некоторое время я попросил Рыбникова устроить Нину на работу по реставрации. И вот теперь она звонит к нам, что Р. ее отлично устроил по реставрации Нескучного дворца, что работает она в прекрасном коллективе, ей хорошо платят, отлично кормят.

2 Марта. Мысль о независимости добра, о том, что добро осуществляется добролюбием, но не добродетельностью, перекинулась на положение искусства в Сов. Союзе. Вспомнилось, что А. Толстой в своих произведениях не оправдал независимость слова от политики, напротив, особенно в повести «Хлеб» ярко показал, что не от себя пишет, а по заказу. И то же, и еще много горше делает Леонов, продавая первенство за чечевичную похлебку.

Таким образом, встала перед глазами во всей видимости драма советского писателя как драма отцов и детей: отец, под-

нимаясь выше времени, должен отстаивать независимость от временного — вечность, добро и красоту. В советской власти, говорит он, вечности нет. — Оставайтесь, отцы, со своей вечностью, отвечает сын, в вашей вечности движения нет.

Перекидываясь от мысли об отцах и детях к замыслу «альманаха стариков», вдруг понял я, какое рискованное дело предпринимаю — собрать в один том наших стариков. Чагин сразу понял, в чем тут дело, и прямо воскликнул: — Нужно показать, как старики вначале не признали сов. власть, а потом вошли в нее и стали «беспартийными большевиками», т. е. что они сохранили свою независимость в области постигаемой ими как отцами «вечности», вошли в движение, поднимаемое сынами.

– Теперь, — спрашиваю, — есть ли в таком смысле у нас хотя бы один такой «старик» и, с другой стороны, есть ли хоть один партийный большевик, действительно уважающий первенство такого «отца»?

Несколько раз встречал читателей, признающих меня за первого писателя нашего времени. Я думаю, они этим хотят почтить меня, как отца, охранителя первенства и независимости личности деятеля искусства слова в суете движения времени.

Положа руку на сердце, я могу сказать, что да: я в этом первый и равного себе назвать не могу. Но вот где стоит вопрос для меня:

1) Могу ли я сказать, что вошел в движение из вечности или хотя бы сделал по совести все, чтобы в него войти.

2) Если смотреть объективно, обладаю ли я достаточной серьезностью таланта, чтобы глядеть на себя с высоты такого суда?

На второй вопрос самому невозможно ответить, да и не стоило бы его поднимать: ибо, взявший перо, от пера и должен погибнуть. Что же касается вопроса первого, то именно вот этот-то вопрос и является источником моих сомнений и слабости.

Утром с Лялей был у портного, потом получили книжку лимита и с 11 ч. до 2-х я позировал в последний раз у

Лебедевой. Портрет Ляле показался значительным, но я на нем совсем не тот, каким она меня любит и знает.

3 Марта. Три дня уже в природе повело на весну: тепло, только не тает и снег валит, то сыплет пылью, то прямо валится лавина белых крупных хлопьев. Утром встаешь на рассвете, луна совсем на свету, и массы московских галок облетают дома. При первом намеке на свет, кот взбирается на подоконник и начинает о стекло протирать лапки. Благодаря этому оттаявшее стекло прочищается, кот видит галок и начинает как фарфоровый с приставленной головой вертеть ее за галками: вверх, вниз и в стороны.

Вчера сошлись у слепленной моей головы две женщины: Ляля моя, христианка, и Лебедева, язычница.

– Слишком умен, — сказала Ляля. — Это классический русский писатель-мученик, вроде Достоевского. Михаил Михайлович прозрачный, акварельный, веселый человек.

– Что же ты, Ляля, — сказал я, — сбиваешь художника.

– Нисколько, — ответила Сарра, — если бы раньше, то может быть, но бывает время, когда художник пассивен в отношении модели: тогда опасно слушать, что говорят, но проходит время, когда активным становится художник, а пассивной модель. Сейчас это время наступило: теперь я хозяин моей работы и никакое мнение меня не собьет.

– Выходит, — сказал я, — что-то вроде египетских ночей: ночь приходит, и Клеопатра швыряет голову своей жертвы. Я уже видел, как из головы Игнатьева и Тихонова сделали глину для моей головы, и вот-вот моя голова станет глиной для какой-то другой головы.

Когда меня лепила Сарра, я понимал ее воодушевленные движения рук, как наиболее яркое выражение того сокровенного чувства бессмертия и вечности, которым живет каждое существо на земле, человек, животное и даже растение. Все живут как бессмертные, несмотря даже на то, что у всех на глазах царит смерть. И даже теперь на войне, где на глазах уцелевших единиц ежедневно умира-

ют тысячи, все равно, каждая единица действует в надежде уцелеть, подчеркивая этим, что это «я», эта бессмертная душа утверждает собой бессмертие всех умерших. Так рыбы лавиной идут на пороги, тысячами гибнут в верховьях рек и воскрешают рыбий род новым усилием.

Вот искусство в существе своем и есть экстракт и концентрация этой воли к бессмертию жизни... И моя Сарра с большими голубыми глазами, конечно, язычница, но тоже, конечно, с некоторым в себе ущемленным христианством. — Как я вам завидую, — говорит Ляля, — ваша женская самостоятельность является моим недостижимым идеалом. — А что, — возражает ей Сарра, — разве вы находите вот это, что я делаю, чем-нибудь таким, на что можно твердо опереться? — Не думаю, — отвечает Ляля, — но не могу отказаться от мысли, что на земле это лучшее.

Так вот оно, как сходится христианство с язычеством: язычник наивное существо и в сравнении с христианином живет как Норка в сравнении со мной. — Какая умница, — говорю я, когда она глядит на меня с немым вопросом. Так и христианин, глядя на художника, живущего в творчестве, как бессмертный бог, тоже восхищается и тоже говорит: какой умник. Так что язычник только живет чувством бессмертия, а христианин в чувстве бессмертия утверждает смысл жизни.

Метод древний, сохранившийся до сих пор: метод убеждения в христианстве язычников пугалом смерти, в конце концов, потерял свою убедительность, и вот с тех пор христианство разлагало язычество пугалом смерти, а язычество разлагало христианство скепсисом. Новый метод христианского убеждения, по-моему, должен направить внимание язычников к познанию того естественного чувства бессмертия и вечности, которым движется всякая жизнь на земле.

Пора понять, что язычник — бессознательный христианин, а сознание необходимо язычнику именно для борьбы со смертью за вечную жизнь.

4 Марта. Вечером пришла М. А. Я ей рассказал о своем новом понимании Христа для людей: т. е. что пора бросить пугать людей необходимостью страданий, ведь за то и Христос, что Он спас людей от страданий и смерти, христиане должны жить, как бессмертные, или как все и нехристиане и язычники живут: каждый из них, бессознательно чувствуя вечность, живет, как бессмертный.

Истинный христианин именно это чувство и должен сохранить в себе и в своем ближнем, прибавляя к этому лишь христианский смысл. Так даже если безобразник радуется безобразию, вор и разбойник своему успеху, не пугай их смертью и геенной, а укажи им путь Христовой радости, и он, узнав ее, бросит разбой и безобразие.

На эти мои слова М. А. ответила, что она чувствует в моем этом понимании Христа стремление служить ближнему. Раньше было: «бегай людей и спасешься», а православные святители (и Тихон Задонский, [и] Серафим Саровский, и все) требовали: «служи ближнему». Между этими двумя пониманиями лежит такая же пропасть, как между пуганием смертью и завлеканием радостью жизни.

У Достоевского, как пугало («бегай людей»), изображен о. Ферапонт, но карикатурно. И вообще, у Достоевского монастырь и старцы изображены плохо и удивляют непосвященных людей лишь новизною темы. Я это почувствовал после чтения Исаака Сириянина.

У Григорьева разговаривали об альманахе стариков, и я предложил тему «отцы и дети». — Отцы и внуки, — сказал Григорьев, — дети — это слишком близко. У нас с вами теперь внуки. Вспомнив своих внуков, детей Левы, я сказал: — Ничего я к своим внукам не чувствую: больше тридцати лет жил с семьей и когда разошелся, то ничего не осталось, как не было. — Это вам только так кажется, но оно было, и это мы все видели. — Но я-то ничего не чувствую. — А это уж так всегда: тут все сразу для себя разрушается. Я это по себе сам испытал.

Это правда: это что-то вроде репетиции смерти.

М. Чагина позвонила в 11 утра: вчера умер Шишков. Значит, когда мы были у Раисы Як. и он еще был жив, то это были последние часы, а может быть и минуты. (Сейчас узнал, что он умер сегодня в 1 ч. ночи, мы были около десяти.)

Вымирает гнездо писателей школы Ремизова. Это было в то время, когда уже прискучил декадентский звон прославления в лице своем сверхчеловека, и стало зарождаться движение, теперь можно назвать его своим именем: движение патриотическое. Историки литературы может быть сказали что-нибудь об этом движении или собираются сказать, я же могу говорить о нем лишь по себе и тем немногим друзьям, которые были со мной. В то время, не мечтая о худ. литературе я занимался пешим хождением по стране с целью записывания фольклора. Мои записи народных сказок чрезвычайно понравились Ремизову (Фиу, фиу, Хабар-бар). Скандал в Аполлоне. Обезьянья палата, как насмешка над декадентами. Маяковский, Каляев, Ремизов, Толстой, Замятин, Шишков, Пришвин, Хлебников.

Ремизов, Каляев — религиозный эстетизм. Между ними Пришвин.

– Вы нам близки!

Православные люди, революционеры типа Каляева, антропософы типа Белого. Бонч-сектанты.

Толстой: я патриот.

Розанов: судьба патриота.

Каждый из нас — деятелей искусства немного пересиливает смерть: карта им дана, смотря по таланту, общество считается с покойником, как с живым. Чувство вечности и бессмертия основная сила всех.

Толстой — патриот. Садок судей и Толстой. Мой фольклор и Толстой.

Вечер состоялся. Еврейский актер Михоэлс назвался ближайшим другом Толстого. И вообще, все оказывали себя друзьями (Игнатьев, Симонов — директор Вахтангова и др.). Я говорил хорошо, но, назвав «заумниками» других, судящих Толстого, как дурака, я превознес его, как ин-

туита. За интуита я схватился, чтобы смыть дурака, и Ляля сказала, что смыть мне не удалось, и пускать дурака на поминках было рискованно. Михоэлс десятки раз называл Толстого последним «классиком» и великим писателем. Словом, все искренно старались сделать умершего великим, а там как Бог даст. Жаль, что упустил я сказать о том, как боялись помещики мужиков, как по-иному чувствовали себя зависимыми интеллигенты (революционеры) и как то и другое прошло мимо Толстого (хитрое дитя).

Игнатьев — это распустившийся в сов. обществе аристократ. Говорил неглупо.

Тоже и на этом вечере были обе жены — Нат. Вас. была с сыновьями. Людмила Ильинична подала ей руку: «Здравствуйте, Наталья Васильевна!»... Но, похоже, что Н. В. готовится к борьбе за наследство. Общее сочувствие старой жене. Молодая — женщина завлекательная.

Драма в семье Толстого до капли воды похожа на мою: тоже старая жена одеревенела в претензии сделать наивного как ребенка художника своей собственностью, а ребенок оказался... Тут что-то современно-законное, похожее на встречу Марии и Марфы возле Христа.

7 Марта. Ночью в полусне услыхал слова: «умер Каменский». И так это было явственно, что, очнувшись, решил утром записать и проверить здоровье Каменского. Но утром была возня с машиной (отдал в ремонт) и записать не успел. В обед Ляля пришла откуда-то и между прочим сказала: я слышала от кого-то, что умер Каменский. Я похолодел. — А вот что... и рассказал. Теща начала, было, по ее трафарету: — А вот теософы говорят, что нет ничего. Я же всегда говорила, что есть, есть нечто... — Мама, оставь эти глупости праздных людей, мечтающих о загробной жизни. Нам и так остается мало сил, чтобы оставаться в пределах своего разума, мертвые и так слишком уже хватают нас, и нелепо теперь нам хвататься за мертвых.

8 Марта. Похороны Шишкова. Хороший был человек, прямой, честный, добрый и с юмором. В семье полное бла-

гополучие (вот пример: мужу 72, жене 37 — чуть не вдвое!). А как любит-то! Эта кончина похожа на христианскую, к сожалению, только не безболезненную.

Проделали церемонию прощания с Шишковым в Союзе писателей. Музыка играла нарочито чувствительные миноры. Писатели пребывают в нарочито тупом и неподвижном состоянии. Никто из нас не перекрестился, не сказал от души. Неплохо сказал официальную речь Бахметьев и потом еще кто-то из ленинградских друзей Шишкова, говорил, укрывая в словах, притянутых к случаю, «вечную память».

Третью речь сказал друг Шишкова адмирал от ЭПРОНа* Крылов. Он закончил слова пожеланием, чтобы все писатели, подобные Шишкову, занялись не только надземными характерами людей, но и подводниками. Это слово вызвало чуть заметную саркастическую улыбку генерала Игнатьева. Чувство мучительной пустоты не оставляло нас...

Там и тут в толпе показывался Поликарпов, похожий на какого-то хищного зверя, белого с розовым ртом, как у кота. Советские похороны самое слабое место в сов. быту: демонстрация рабства мысли и чувств. Обдумывая завещание, надо непременно подумать о том, чтобы избавить близких людей от несчастья плакать в такой обстановке.

Был на проверке у Лебедевой, она отправляет мой бюст в формовку. Чувствую, что недаром сидел: все-таки какая-то частица меня побольше побудет с людьми, чем мое тело.

Читал в «Очарованной душе» Р. Роллана о своей невесте, названной у него именем Аннет. Мне было тогда 28 лет, и вот только теперь, через 44 года после опыта с Лялей и встречи с Ролланом, понял я, чего хотела от меня моя невеста. И теперь могу твердо сказать, что хотя я был глуп и не мог, не понимая себя, с ней объясниться, но раз

* ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения.

почти полвека с тех пор двигался к этому сознанию, то, значит, было же во мне в кладовой души моей то содержание. И надо всей душой благодарить Бога, что продлил мою жизнь до моего «ныне отпущаеши». Ляля была моим святым Ангелом-хранителем.

Животной природе самки свойственно убегание, ускользание от преследования самца. У человека это ускользание продолжается дальше: женщина, даже отдавшись, может дальше бежать и делается совсем недоступной преследованию. В этом и состоит сила, смысл и душа всего женского движения.

Итак, друзья, если вы указываете на разложение семьи в России, как на разложение всей страны, то разве не во всем мире происходит это разложение, как движение вперед к свободе порабощенной нашей матери? И пусть в России разложение семьи и собственности дальше ушло, чем в других землях, то это значит тоже, что Россия тем самым ближе к началу чего-то нового и лучшего.

9 Марта. Стоят по утрам крепкие морозы, но их уже не боятся: скоро все кончится. Так и война, и эта убогая жизнь в тылу: тоже теперь уже не боятся и не так тяготятся, знают все, что скоро все кончится.

– Брось эти мысли, — сказал один приятель другому на улице, — вот скоро кончится война и то кончится. — А прочее? — И прочее все кончится.

Да, это правда, мы все стоим у конца и в природе, и в обществе, но в природе после зимы новая жизнь начинается весной света, когда мороз по утрам расписывает окна узорами и солнце потом их топит и сушит, и воробьи оживляются, и вороны орут.

Но как начнется новая жизнь в обществе («во что это выльется»), никто не может сказать.

Все размышляю про «Очарованную душу» Роллана: с одной стороны, понял себя, как мужчину-эгоиста в своей пер-

вой любви, и невесту свою, как Аннет, и это в точности все верно. А другое, просится суд над самой Аннет с точки зрения Розанова, т. е. отрицательного пола. У Розанова ошибка в абсолютном утверждении пола (мужского) и вместе с тем родового строя. Между тем «отрицательный пол» розановский есть тоже пол (женский) в момент борьбы его с Мужчиной (самка убегает), а теперь время новое есть утверждение Женщины.

10 Марта. Все мороз, и крепчайший, и солнце яркое. Наговаривали с Лялей пластинку для радиопередачи (в среду). Ляля — конферансье, я — рассказы: Филин, Лягушка, Раки. Наговорив, выслушали себя, и очень понравилось. Приехал Митраша и поселился у нас.

За время войны Мужчина физически утратился и едва ли обрел что-нибудь духовно. Напротив, Женщина и физически ничего не потеряла и духовно утвердилась в независимости от Мужчины. Может быть сущность жизни нового наступающего времени и будет в этом новом соотношении Мужчины и Женщины.

И еще новое грядет в отношении человека к пустыне по словам «Бегай людей» и «Спасайся возле ближнего». «Бегай людей» — это пустыня, пространство, определяющее душу Фауста. «Спасайся возле ближнего» — это вот то, что проповедовали оптинские старцы и все православные, тут и женщина, и социализм. То что было пустыней, теперь становится просто тайной личности или всего того, что не делается, а что само вырастает. Современный пустынник спасается, может быть, в автомобиле, или в самолете, или в кресле президента США.

Ходили ко всенощной слушать «На реках вавилонских», но минут на 5 запоздали (завтра Масленая).

Узнал, что Рузвельт с 1914 г. живет без ног и его переносят с самолета в автомобиль шесть постоянно с ним следующих людей. И так живет и сейчас управляет миром

одна из светлейших голов. Вспоминая конференцию, и как Рузвельта чудесная голова поднялась над толпой, вспомнил сейчас «яко до Царя всех подымем» и подумал, что не всех, а каждого, что всех поднять нельзя (это социализм), но каждого по очереди его готовности во времени можно. И как это чудесно думать, что каждый человек таит в себе возможность быть поднятым «яко царь».

Сегодня с Лялей наговорили пластинку и, прослушав наговоренное, я весь день чувствовал удовольствие, до того вышло просто, что как будто не я читал с листа сочиненное, а сказочник из народа на досуге рассказывал.

Митраша прочитал повесть мою и, обсуждая ее вместе, я говорил ему о будущем (я-то говорил по догадке и намекам и мутно, а он, конечно, осаждал все себе в душу навсегда). Да, я говорил о том, что в эти последние дни нет-нет и блеснет мне, как свет из тумана несущихся событий.

Мне чудится вместе с «закатом Европы» как бы закат самого героя: ничего не возьмешь больше геройством, и даже можно сказать, что на героя сейчас кто-то смотрит секретно, как на очень наивное существо, вроде собачки на веревочке. Их, этих героев, переколотили, а женщины в это время вырвались на свободу [из бабьего положения], из спальни и кухни и овладели мужским делом. Мужчина потерял физическую власть над женщиной, и так вышла женщина из определяющей ее положение половой зависимости. Наступило время господства женщины и обнажения ценностей, укрываемых женщиной от поработителей, [с их] силой мужской самости (на наших глазах «баба» во всех слоях общества становится пережитком...).

Ах, вот не забыть! В доме Соллогуба, где теперь Союз писателей, на лестнице вестибюля с давних времен стояла Венера. Во время похорон Шишкова по распоряжению Поликарпова эту Венеру завесили. И так коммунист Поликарпов, закрыв Венеру, обнажил свою мещанскую душу архаического времени.

В отношении смерти люди бывают бесстрашные — это те, кому терять нечего и некого. А то есть, кто боится смерти, как животное боли и потерь нажитого. А то есть страх не за себя, а за ближнего. И вот это единственный страх, который непреодолим и является единственным целебным источником жизни.

11 Марта. «...в условиях, которых первые меры порядка и самой строгой справедливости могли быть иногда поняты, как непорядок и несправедливость (из Декларации Югосл. Врем. прав-ва)».

Вспоминается Шишков на его юбилее, когда он говорил о себе, предвидя свою близкую кончину. — Я жил, не думая об этом, но вот это произошло, и я теперь нахожусь у границы...

Никогда ни мне, ни Ляле не было так ясно, что смерть себе не очень страшна и в иных случаях даже и желанна, но страшна она себе должна быть в отношении близких: близким она страшна, и умирающему надо вперед подумать о близких, принять это как долг в отношении их. — И если, — сказал я за столом, — ты это исполнил, то, может быть, в тяжкую минуту свою чувство оставления долгов облегчит уход свой...

Разговор у нас каждый день о Людмиле (Толстой). Интересная завлекательная женщина, но со всех сторон все против нее: это будто бы она разлучила Толстого с друзьями, она скупая, она хищница и т. д. Усвоенная всеми легенда о начале разрыва Толстого с семьей, это что Нат. Вас. нашла на столе у Толстого письмо от «красивой женщины» («Тимоша») и, устроив ему резкую сцену ревности, забрала детей и уехала в Крым. Уехала уверенная, что без нее Алексей не проживет (обычный самообман прочных жен). Но к Алеше в это время пришла подруга Тимоши, эта Людмила... Вот тут-то и мелькает подозрение: про Тимошу-то всем известно и никто не сомневается, но не является ли и

Людмила тоже чьим-то орудием контроля над личностью писателя... (а разве, когда Ляля пришла ко мне и о ней не возник вопрос: «а если?». И сколько тут вариантов, возможно, и самый интересный из них это, конечно, жизнь в двух лицах вплоть до признания: «за тобою гляжу, но ты не бойся: мы вместе извлечем из этого нашу пользу»...).

– Но почему же, например, на вечере Игнатьев именно ей выразил явное предпочтение? — А может быть тоже боится...

Мякина. (Так называть впредь все слухи.)

И. И. [Фокин] принес новости, первое, что демобилизуются старшие три года, второе, что закрывается доступ евреям в партшколу и что евреев будут выселять из Москвы. Говорит, что слышал «из верных источников». — Возможно, — сказал я, — евреев трогают, как жертву фронта. — Нет, — говорит он, — за то, что они неустойчивы в госуд. делах. — Но ведь за это же их и Гитлер гонит. — Это не противоречит ничему, напротив: недаром же немцы бьются и трясут свою яблонку: плоды валятся на наш огород.

12 Марта. Утром был очень сильный мороз, а за день разогретые солнцем улицы к вечеру подмерзали, и так без дождя образовался только от одних солнечных лучей лед на улицах. И пахло к вечеру старинным великим постом, когда, бывало, начинали на рынках продавать моченые яблоки.

Были на Варзе. Машина готова. Завтра, вероятно, обкатка и прием.

Были у Чагина. Решено дня за два-три найти 25 знаменитых стариков, найти мне «поддужного» и начать альманах стариков.

NB. Сейчас три старика управляют всем миром. Почему старики? Потому что вообще миром управляют мертвые. И потому старики сейчас у нас, что они ближе к мертвым.

Чагин к завтраму добьется ответа о даче (продаже мне).

Сказал Ляле: — Я первый раз в жизни встретился с такой женщиной, как Людмила. — Какой? — А хищницей. И их наверно много, и они в сильной степени влияют на ход жизни. Ни одной я такой не встречал. — А на что ты им был нужен, чем ты мог их заинтересовать?

Да, конечно, не богат, не славен, не очень-то и красив или знатен. Надо бы радоваться, что не подошла акула, а между тем почему-то было неприятно, когда Ляля сказала, что я им вовсе не нужен. Жизнь в такое время, с такой чистой славой чуть ли ни единственного независимого поэта, жизнь с такой прекрасной женщиной, как Ляля, и вздыхать о женщине-акуле («интересной»)? Как это может быть? Моя мама сказала бы на своем старинном языке: «Тебе хочется фигурировать в светском обществе, как было у Пушкина (камер-юнкер), особенно у Лермонтова (гусар), как тянет каждого поэта в бездну. — А как же святые-то жили? — А думаешь, их не тянуло? Да еще как! Вот и я для вас всю жизнь истратила, на работу на Банк, а думаешь, меня-то не тянуло быть светской женщиной?»

13 Марта. Утренний мороз. Светообнимающее утро. С чистого неба слетают медленно редкие снежинки, как будто их сметают откуда-то невидимые ангелы. Тихо поднимается вверх дым из трубы. Души тоже как этот голубой дым поднимаются вверх в согласии с небом. Есть такая радость на свете! И хочется ясно показать тем, кто не может.

Утром Норка начала рожать, сейчас в 8 утра пока вышли из нее два пестрых, белое с черным.

Солнце еще только-только встает, и снежинки слетают оттого, что небо перед восходом очищается: там свои нам неведомые дворники обметают путь грядущему светлому дню.

Были на «Грозном» Толстого, афиши были в траурной рамке, намекая этим, что пьеса, снятая со сцены, ставится лишь по случаю смерти автора. Снята пьеса, говорят, была из-за того, что Сталину не понравилась любовная сцена царя с грузинской княжной. Можно догадаться, что привлечение грузинской княжны и ее брата слишком грубо намекает на Сталина. Говорят, что с Толстым от недовольства Сталина сделался припадок, и его увезли из театра. Все очень правдиво, тем более что Сталин действительно не любит явного подхалимства (так были угроблены Лахути, и Ставский и наверно многие). Этим людям вообще малопонятна непригодная для сказки моральная серьезность таких людей, как Ленин, Сталин и той революционной интеллигенции, из которой они вышли. Вот почему и вышел у Толстого такой ляпсус с грузинской княжной.

Пьеса не имеет единства драматического и потому распадается на картины, сюжетно сцепленные между собой. Всего восемь картин, но можно навязать таким образом и восемьдесят. Картинно-анекдотическая яркость, свойственная Толстому, и легкость характера выступают и здесь, но глубины никакой, все мелко, все работает на необразованного зрителя. Одним словом, эта пьеса о Сталине, написанная его современником по материалам эпохи Ивана Грозного. В результате нет ни Сталина, ни Грозного.

Лев Толстой отстранился от Петра I, как безнравственного человека.

Алексей Толстой попытался брошенное великим писателем поднять, разохотился, поднял Грозного.

Думаю, что старик Толстой был прав, устраняясь от изображения тиранов, и думаю не как Лев Толстой, по моральным соображениям.

А вот мне представляется, что некоторые стороны жизни общественной, как и личной — не подлежат раскрытию. Рузвельт — человек безногий, не ходит, а его носят. Когда его пересаживают из самолета в машину, между ним и киносъемкой становятся ширмой шесть человек. И, узнавая об этом, радуешься, что так делают.

Так точно и такая особенно интимная сторона жизни, как борьба за власть государственную. Надо же понять, наконец, что личность человеческая в борьбе за власть исчезает, становится невидима, как человек, защелкнувший за собой внутренней щеколдой свой нужник. Государство есть нужник общества, перед которым стоит длинная очередь. Единственное моральное отношение художника к этой царственной очереди, это как к жертвам неудержимого движения жизни людей, как лососей, прыгающих через водопады. Так описываются короли у Шекспира. Но А. Толстой именно самый нужник (чего стоит грузинская княжна!) делает предметом искусства... И это, конечно, Сталину не понравилось.

14 Марта. Евдокия (1 старое Марта, «обсери проруби»).

Мороз был с утра небольшой, а днем солнце в Москве наделало лужи и к вечеру, когда чуть-чуть подморозило, запахло во всей силе первой весной и началом поста (идет масленица). В это время в деревне глухие начинают лучше слышать, как было это и с нами: мы все немного глохнем зимой. И вдруг услышишь по-иному голоса вдали, или шелест падающих капель вблизи. Я это назвал весной звука.

С утра до обеда носился по заводу, выпрашивая у всех чего-нибудь для машины. Около полудня ремонт был закончен, но только поехали, что-то затрещало под педалью сцепления. Пришлось еще на одну ночь оставить машину на заводе.

Слушал выступление наше по радио (наговоренное раньше на пленку). Это было приятно: какое-то дело.

В Кремлевке проверили очки у проф. Павловой. Докторша оказалась такой восторженной моей почитательницей, так внимательно все мое прочла, что я очень обрадовался и почувствовал себя хорошо.

Сегодня 9-й день смерти Шишкова. Зашли к его жене. Все не унимается, плачет. Вот как любят настоящие-то

женщины. Ясно, что у Толстого с его Людмилой была, может быть, какая-нибудь милая охота, но никак не любовь. А впрочем, в этих вещах не суди.

Опять звонили к Чагину о даче (хотим купить) и опять он ничего не узнал. Надо добиться.

15 Марта. В Москве начало весны. Везде лужи. Закончен ремонт машины, стоит в гараже.

Просят написать о Шишкове. Пробую.

Писатель начинает писать, как ребенок ходить: поднимается на ножки, рученьки вперед, с восторгом проходит несколько шагов и валится на пол.

Я помню свое начало в этом роде...

И в то же время начали подниматься на ноги В.Я. Шишков, Ал.Н. Толстой, Е.П. Замятин, И.С. Соколов-Микитов. Тут были, конечно, и другие писатели, много их поднялось, чтобы вскоре упасть.

Сравнительно с нашим временем, столь наполненным внешними событиями, писатели тогда в относительной пустоте, мне кажется, больше удивлялись и радовались друг другу. Но после Горького не могу назвать ни одного писателя, кто бы мог сорадоваться в такой степени и так же по-детски чисто, как покойный Вяч. Яковл. Шишков.

Вспомнил одного замечательного писателя, который был так сосредоточен в себе, что на других его не хватало, для других был рассеян и сорадоваться им не всегда мог. Но он был замечательным писателем и я думаю, поэтом, что эта способность сорадоваться есть способность человеческая, но не специфически писательская. С тех самых первых школьных наших лет писательства, когда мы собирались в одной комнате и читали друг другу свои опыты (лет так без малого 40 тому назад), я помню расцветало лицо Шишкова, а потом в советское время в Детском селе за большим столом у А.Н. Толстого — много людей, но нет такой радости другим.

И так недавно, кажется, в январе этого года один писатель при мне читал Шишкову свою еще не напечатан-

ную вещь и, прочитав, взглянул на него. И вот тут-то окончательно узнал я и понял человеческую способность Шишкова сорадоваться жизни. И юмор, стиль характера Шишкова того же самого происхождения, он происходит из основного его чувства сорадования жизни. «Хороший человек!» — хочется сказать. Но мне, живущему долго, столько пришлось испытать не хорошего, чтобы понять и оценить, какая это редкость, что такое хороший человек. Для всех же он был писатель...

В то время, когда мы с Шишковым начинали писать, декадентский Петербург в отношении русского слова временами был похож на Париж. Столица Франции собрала в себя все французские слова и литературу, незачем было выезжать из Парижа за словами. Так и Петербург в это время превратился в Париж (я знал одного писателя — Даль). Но это было только поветрие, эстетическая реакция на гражданскую поэзию народничества. На самом деле огромная страна жила устной словесностью.

Митраша за обедом доказывал страстно, что до колхозов крестьяне жили гораздо хуже: все дрались между собой за землю. Впервые услыхал это от самого крестьянина. И он же потом сказал, что рабочий был всегда более похож на человека, чем крестьянин. И потом сказал еще: — Насколько в городе жизнь здоровей, чем в деревне.

При получении машины узнал от окатчика (квалиф. рабочий, на весь завод их четверо), что денег он может заработать в месяц — всего 300 р. (чистых, после вычетов). Значит, он, как и все, должен воровать. И все воруют: дашь папироску, а он уже вынимает из кармана лампочку и тоже дарит тебе. Но если все тащат, а завод выпускает норму машин, то, значит, каким-то образом воровство ограничивается. Каким образом? Вот это и есть главный вопрос и об этом расспросить ребят в субботу. Но это не просто воровство, а скорее похоже на форму дележа общего добра.

16 Марта. Лучезарное утро с легким морозцем, чисто прекрасное, как «Слава в вышних Богу и на земле мир».

Заказано от Литературки написать о Шишкове — пишу.

Обе статьи, моя о Шишкове, Валерии о Пришвине сданы в газеты.

Устраивают сток воды из гаража. Новый мотор завести не могли: тяжело.

У Ляли определился грипп.

17 Марта. Побелели за ночь крыши. Но по вялым контурам под серым нависшим небом, по ленивым дымкам, даже по скоплению галок на крестах прямо глазами понимаешь весеннее тепло.

Начинаю только теперь отделываться от влияния толстовства, только теперь сознавать, что даже колхоз есть лучшее положение крестьянина, [чем] в царское время на его полосках в общине. Все это старое рушится во мне. Большевики и тут побеждают.

Помещичий идеализм стоял на завете крестьянину: ты работай на нас, а мы тебя будем любить. Эта формула паразитизма, во всей чистоте сохраняемая где-нибудь при дворе царицы, чем ниже, тем сильней размывалась временем и в революцию рушилась. Вот и удивительно, что теперь после всего моя теща, в сущности, живет по формуле этого идеализма, и любой проходимец, оказав ей малейшую услугу и внимание, может с ней делать, что захочет. Вся ее огорченная душа только и ждет этого умиления.

И вот если хочешь вполне понять мораль советского обхождения, то имей постоянно в виду: 1) формула прошлого: вы — труд, мы — любовь. 2) направленный против этой формулы грубый корректив револ. интеллигенции (нигилизм).

Сегодня вечером рабочие придут пить водку, поставить им все вопросы: 1) анализировать факт расхищения всего

казенного и отношение тех, кто берет и кто охраняет и чем определяется мера хищения, т. е., что рабочий не разграбляет всего созданного. И главное, отношения между расхитителями и охранителями (что, напр., Коле можно тоже украсть?). «Я за тобой гляжу».

Переход к весне в этом году начался сильнейшими мартовскими морозами (наверно, больше 30). При сильном теплом свете эти морозы проходили как утренники. Но пришло время, с вечера и месяц, и звезды, и все условия оставались для мороза, но мороз перестал ночью назревать. И так без сильного мороза днем стало таять.

Нарастающие события требуют от тебя нарастающего внимания, а ты отстаешь все больше и больше. Так если жить, то непременно устанешь и кончишься. Но есть глубина жизни, как в океане, не поднимается волнами. Мудрый человек опускается туда, набирается силами и снова поднимается вверх внимать нарастающим событиям.

В «Правде» наивно (а писавший, может быть, и умышленно) пишут о некоем американце Липмане, который во время войны писал, как жестокий враг фашистов, а теперь, когда фашизм кончается, пишет, как враг большевиков, и рекомендует Америке подобрать упавшую Германию в свою атлантическую зону и не отдать ее на гибель в зону советскую.

Вот еще в доказательство того, что природа девственна сама по себе, без человека не существует, — это наше время: жить стало можно только в Москве, и вот подумаешь, как там, в девственной-то природе теперь люди живут, так взмолишься: не дай-то Бог туда попасть. Значит, тогда жилось хорошо — вот и строили мечты гармонии в девственной природе. Радость жизни — вот корень мечты о природе.

«Ты на меня работай, а я тебя буду любить» — вот семейная формула, М(ужчина) + Ж(енщина), переходящая в со-

циальную Р(обинзон) + П(ятница) = Господин + Р(абочий) = Б(арин) + М(ужик) и т. д. Но вот пришло время, женщина берется за работу, измученный войной Мужчина на костылях сидит и отдается чувству любви. И то же в социальной формуле: Пятница сбрасывает любовь Робинзона... И начинается то, что теперь у нас. Ничего как будто не останется другого, как рационализировать самое рождение человека, сделать его производством. Так выходит, если по-нашему; а по-иному: охрана личности с ее самородностью.

Днем шел дождь, то снегом, то каплями очень мелкими. По улицам в Замоскворечье стало трудно ходить: путь везде пересекают ручьи.

Вечером у Ивана Воина служил о. Александр. Возвращался в темноте под дождем, угадывая, где ступнуть, как бы не обдала машина, но на душе было хорошо: ведь не одна эта весна, а все весны шли со мной по улицам от всенощной.

18 Марта. Неожиданный мороз, и все небо горит. Вчера весна вырвалась из рук Мороза и бросилась всеми ручьями бежать по всем улицам, по всем крышам. Но в те часы ночью, когда мы спали, мороз расшвырял тяжелые сплоченные облака, дождь превратился в снег, и когда засияли звезды, все крыши стали белыми, и карнизы всех домов покрылись сплошными рядами длинных сосулек.

Утром встало солнце во всей славе мороза, и засверкали всюду по Москве на всех домах сосульки. Не помогло и солнце весне, даже и в полдень не потеплело, и сосульки даже все остались, выражая собой всем москвичам несчастье побега весны: по усам текло, а в рот не попало.

Такая точно и Ляля моя, как эта первая весна: все время на гранях своих душа ее переливается, и на часу бывает сто перемен. И такая глубокая душа, как море: на поверхности волны, в глубине тишина.

Душа, как море! И я, мальчик-водолаз, спускаюсь через волны в глубину и держусь там, где уже тихо, но прозрачно

еще и видны бегущие волны. Но есть и у Ляли моей глубина, где темно, и я этого боюсь и не хочу туда спускаться. Мы вчера на ночь об этом говорили. И то, что мне кажется там, в глубине тьмой — она называла светом, а где я видел свет — она называла тьмой.

Вечером пировала у меня вся бригада: Василий Веселкин и Ваня за столом долго рассказывали о себе, как он был колхозником, как бежал из колхоза в Самарканд на кузнечные работы, как взяли его в Красную Армию и после ранения закрепили на бронь на Варзе.

– Жизнь твоя, — сказал я, — похожа на тех мужиков, которые задумали узнать, кому живется весело, вольготно на Руси. Ну, скажи, Вася, где же лучше всего сейчас жить на Руси?

– Лучше всего, — сказал он, — конечно, в Красной Армии. Я бы и сейчас ушел туда, да не пускают.

– Ну, а как же не страшно, там убить могут?

– А это не важно.

Я посмотрел на плечи Вани, похлопал по ним:

– Хорошие, богатырские плечи, — сказал я. И он мне ответил с гордостью: — Нормальные.

Есть тишина в морской глубине такая, где еще не темно и можно видеть из нее, как вверху ходят и бьются между собой и рассыпаются волны. И в жизни тоже есть такая прозрачная тишина и в ней живут мудрецы.

19 Марта. Мороз продолжается. В полдень видел, как из самого низкого желоба возле самого льда тротуара понемногу начало капать и сверлить во льду дырочку. И потом со всех сосулек на солнечной стороне закапало ненадолго. Неприятный северо-восточный ветер. Зябко. Ходил один (у Ляли проходит грипп) к вечерне слушать канон Андрея Критского.

20 Марта. Ездил с Митрашей в Пушкино смотреть дачу: не поездка, а разрыв (все пуговицы оборвали и чуть

только не задушили, вся Москва едет в Пушкино на базар). Снега там нетронутые. Мартовские морозы держат.

Вечером спор Ляли с Удинцевым о церкви. Я сравнил их «умонастроение» в отношении сергиянской церкви с душевным состоянием молодой женщины, потерявшей на войне любимого мужа и встретившей нового, за которого и надо бы выйти замуж, но совестно ввиду близости кончины любимого человека.

Вечером на минуту пришел в военной форме Петя, улетающий завтра в Померанию за лисицами. Узнал от него, что Катынский тоже едет за ружьями.

Узнал от Бор. Дмитр., что речь моя в Литмузее о Толстом за упоминание Ремизова подверглась в партии особому разбору и осуждению. (Раз Ремизов в «Правде» разъяснен как эмигрант, то как можно упоминать его имя, и Толстого называть учеником Ремизова!)

И теперь вспоминая прошлые свои выступления, я делаю вывод, что мое особое мнение, производившее шум, в конце концов, приносило мне пользу, создавая хорошее положение советского юродивого, и обеспечивало тайное уважение всех. Я сделал в советское время редкую карьеру независимого человека. И в этот раз после криков против меня были и такие голоса: «Пришвин завоевал себе право говорить независимо от “Правды”».

Так теперь сложилось, что любить женщину нельзя, не подумав о том, что она подослана от НКВД, равно как нельзя и Богу молиться в церкви и говеть без мысли о том, что священник — филер.

– Ну, и что же из этого, — сказал Н., — если женщина такая филерствует в пользу любимого.

Да и вообще филеры неприятны для политиков (интеллигенции «честной»). Действительно же независимый человек (взять И.П. Павлова) вовсе не боится филеров, скорее они его боятся. Так что нынешнее явление

двуликих людей есть явление формы среднего человека. Что же касается независимых единиц, то они в одном и том же числе пребывают всегда. Скорее всего, независимые личности похожи на семена в разных стадиях: лежат они, как зерна, в амбаре в ожидании сева, или пребывают в состоянии «спящих почек», или брошены в землю, прорастают.

Новые сказки.

Письмо опоздало. Женщина получила с фронта от мужа в подарок ящик туалетного мыла. Мыла мне выдают довольно, — подумала она, — продам-ка я. И на базаре продала весь ящик, оставив себе три куска. А когда пришла домой, получила от мужа письмо об этом мыле: внутри мыла — золото. Она вскрыла один кусок — золотые часы, вскрыла другой — золотые серьги, третий — цепочка.

Продолжение мое: купив кусочек мыла столь хороший, некто его не тратил, а менял на что-нибудь и пустил дальше...

Началась борьба с Ватиканом, заступником фашизма под предлогом христианской помощи побежденным. Н. сказал, что католичество и социализм сходятся в отношении устремления к внешней организации, тогда как православие устремлено к первичной силе, к личности. Говорят, что православная церковь в наше время вопрос об отношении церкви к государству решает так, что в России церковь и государство всегда были в единстве.

Вчера Ляля выскочила против книжных людей, а книжный человек Удинцев вступился за образованных людей и доказал (цитируя Шпета), что книжностью русская интеллигенция прикрывала свое невежество.

21 Марта. Бессознательное и Внесознательное (из Шпенглера).

Ветер начал меняться с севера к юго-западу. Вероятно, это будет началом конца мартовской серии морозов.

Продвигается дело по закреплению пушкинской дачи в собственность.

Перечитывал мною записанное в дневниках.

Вспоминал, соединял, останавливался у границ опыта...

Ход революции с самого начала был дроблением пространств в России: мужики землю делили, и вместе с тем одновременно дробилось пространство России на клеточки. И когда дошло до того, что клеточки земельного пространства соединились в колхозное единство, это единство не стало духовным единством.

Поэтическое пространство России раньше возникало из разнообразия местностей.

Теперь однообразие жизни людей уничтожило интерес к разнообразию ландшафта: стало везде одинаково и тем самым пространство исчезло. После войны самолетное продвижение добьет чувство пространства, и даль перестанет манить человека.

Этот процесс сопровождается во мне привыканием к городу и критикой толстовства, наверно, бессознательно определившего мое влечение к природе.

Недавно еще в разрушении городов бомбами я понимал возмездие за нарушение жизни природы человека. Я понимал город, как болезнь. Теперь это сектантское чувство прошло у меня, и деревце в городе мне становится выразительней, чем лес в деревне, и цветок на окне сладостней целого луга.

Митраша, никогда не выезжавший из деревни, очень доволен городом и уверяет нас, что жизнь в городе куда здоровее деревенской.

22 Марта. (Сороки ложные.)

Юго-западный ветерок вчера не напрасно дунул. Сегодня ринулась в Москве вода и какая: сверху дождь целый день, внизу ручьи. В развалинах разбитого бомбами дома между ручьями играли две девочки, побольше и по-

меньше. Та, что побольше, развела широко в стороны руки и так стояла на камнях. — Что это? — спросила девочка поменьше. — Вода! — ответила старшая.

– Когда я, — сказала Ляля, — встречаю иногда твои сомнения во мне и, хотя всегда потом читаю о твоем раскаянии, мне бывает тяжело: я-то в тебе никогда не сомневаюсь. — Не во мне ты, а в Боге не сомневаешься. — Конечно, это у меня соединилось: ведь я же тебя в Боге люблю. — Конечно, и я ведь тебя тоже так. Но мне тяжелей. Тебе нельзя в Боге сомневаться и незачем: Бог у тебя независим. А я через тебя пришел к Богу, и когда я осмелюсь усомниться в тебе, то рушится все нажитое за пять наших лет, и все мои молитвы и писания теряют смысл.

Сороки получились в этом году классические — Сороки (9 Марта) русской весны. Теща, конечно, как всегда весною больна. И у нее так было с детства: когда приходит весна — всем радость, ей — душевное страдание. Тут, может быть, что-то от буйства, беспорядка, своеволия, грязи, сырости, обращенных против порядка комнатной женщины. А может быть, просто есть люди такие, такая болезнь. Ляля, напротив, как и я, больна весной в другую сторону: хочется сорваться с места, лететь куда-то.

Вот и проповедуй всем радость жизни, счастье, весну, когда один при первых шагах весны стремится вылезть из своей раковины на простор, а другой, напротив, спешит крепче закрыть свои створки.

Б.Д. Удинцев рассказывал, что жена его, Ек. Як., страдает особой болезнью любви к своей матери: любит и ненавидит ее бытие возле себя. Услышав это, я подумал о Ляле, что и у нее ведь точно так и что значит, если у той и другой одинаково, то это есть и у какой-нибудь третьей, четвертой, и требует к себе углубленного внимания...

Между прочим, общим признаком в том и другом случае служит: у обоих матерей (а взять тоже мою маму и Лидию) их склонность на чем-то успокоиться, к чему-

то прийти. (У тещи «порядок» — покой), напротив, у дочерей разбить всякую косность (порядок) к движению вперед.

Тут две разных морали, и может быть таким путем любви к человеку и ненависти к быту образовалось на Руси ее сектантство — революционная интеллигенция и все женское движение?

(В себе — любовь, в делах — неприязнь.)

Все больше и больше загадочным становится безумное сопротивление немцев и непонятный их фашизм. Немцы всегда были нашими учителями вплоть до последних дней: воевать-то они же нас научили. Вот и страшно теперь: а ну как они и своему фашизму тоже научат, и что это такое фашизм? Ничего-то мы не знаем, и что самое удивительное, это что узнавать-то не очень и хочется, чувствуешь, что ни к чему это. Вот хотя бы взять в пример Эренбурга: он все знает, во все сует свой нос, а между тем пишет очень плохие стихи. Видно, эта суета не в пользу поэзии.

Мы русские, и западники, и славянофилы в истории одинаково все танцевали от печки — Европы, а вот теперь эта печка, этот моральный комплекс не существует. Будем теперь мы танцевать от другой печки (Америки?) или же, наученные, будем танцевать свободно от себя, а не от печки?

Личность породила пространство или наоборот?

Нет! Наверно личность. Ведь Колумб открыл Америку, а не Америка открыла Колумба.

С приходом социализма у нас в России исчезло пространство — везде одинаково?

Нет, исчезла личность, а вместе с личностью исчезло пространство.

Самолет — это пожиратель пространства.

Пешеход творит пространство: чего только ни увидит странник, пока не дойдет до Святых Островов на Белом море! А самолет пожирает пространство.

А вот об этом тоже надо подумать: конечно, исчезновение пространства это факт нового времени: не завлекает меня ни Кавказ, ни Памир: но человек без пространства в своих переживаниях тайных является теперь таким же таинственным и неразгаданным, как прежнее пространство (ландшафт).

23 Марта. (Настоящие Сороки.)

В этой ранней весне постоянно так бывает: заметишь — дымок повернул, и сейчас же бывает, через несколько часов весна повертывает. Вчера к вечеру я заметил, дымок потянул с севера, а сегодня утром куда девалась весна. Такой морозище хватил! И только к полудню нехотя закапало.

Комнатный идеализм (сказал Р. Роллан).

Социализм, в смысле соединения людей — это, что ни говори, а есть мировая тема нашего времени. Соединение всего разрозненного человека в единое существо стало настоятельной необходимостью, как будто человечество теперь подошло к потоку, через который для дальнейшего движения необходимо перекинуть мост. Этот мост в человеке... тот поток — это смерть близкого, а мост — к дальнему... Вот в церкви при утрате близкого этим и заняты верующие: возместить утрату близкого Дальним (Богом) и через это перекинуть мост к новому ближнему (то есть сделать Дальнего ближним).

Фактический наш «социализм» есть лишь внешний двор соединения, имеющего смысл жизненной постановки вопроса. Вот теперь и привлекается церковь, наша старая (царская) церковь к устройству внутреннего двора социализма (соединения людей).

Видел на улице старого милиционера с хорошим лицом и чувствую, мертвые останавливают меня: — Разве может быть полицейский с хорошим лицом? И так от умершей интеллигенции перескочил к раскольникам и возвратился к себе с вопросом: — Неужели же я кончаю с этим на-

следством вражды своей, как потомок староверов и револ. интеллигенции с государством? Да, вероятно, кончаю, но еще не покончил совсем...

24 Марта. День начался обещанием тепла: дымки с юго-запада и за день к вечеру опять пришло к северу. В полдень таяло немного, к вечеру подмерзло.

Был Цветков и так говорил: русский человек хороший и средний тем же хорош, чем хорош англичанин и вообще хороший человек всякой национальности. Но поганый русский человек поган по-своему, и эта русская дрянь в соединении с дрянью еврейской дает нестерпимый букет коварства, измены, обмана.

Единый образ добра это Бог, но единого образа зла не должно быть: зло тем и зло, что оно и раздельно и неслиянно. Атрибут Божий — единство, атрибут Дьявола — множество, дробность. Так ли это? Разве нет соединений и слияний во зле?

Выход к мосту и «мост»: кто-то берет на себя нравственную ответственность за совершенное и другие за это отдают ему свою любовь и с любовью этой за вождем переходят на ту сторону. Таким образом «вождь» является жертвой и «мост» есть путь Христов.

25 Марта. С утра от небольшого морозца день постепенно сходил к теплу. Все крыши стали сухие и ни одной сосульки по всей Москве. Вечером на чистом небе явилась луна и все звезды, и все-таки мороз не пришел, улицы были черные с ручьями и лужами. Народ высыпал, гомон стоял, парочки везде в тенях, притаенные, шептались.

Думал о Цветкове: вот русский духовный аристократ из разночинцев в отличной шлифовке.

– Конечно, если есть какая-нибудь церковь, пусть даже все попы станут шпиками, надо идти в церковь. Но если

бы можно было у нас иметь дело с католической церковью, я пошел бы туда.

– Завидую вам, — ответила Ляля, — я лично не могу, мне там все непривычно.

26 Марта. Безоблачно-солнечное утро, но лужи только чуть подернуты льдом. И весь день прошел такой светлый, яркий. Местами улицы были вовсе запружены и на узких проходах устраивались везде очереди. Я заканчиваю все дела с машиной, распределил бензин. Заказал очки. Вечером вдруг заболел гриппом.

Пришел дитя природы Чумаков и нам исповедался, как 30 с чем-то лет тому назад он кончил школу живописи, нечаянно попал в имение под Костромой, увлекся лошадьми, как свояченица помещика влюбилась в него («а я был убежденный холостяк»), и когда он ей отказал в браке, выстрелила в себя. Этот выстрел определил жизнь на 30 лет. И теперь все открылось: жену представил нам совершенно как нашу тещу. Вспомнилось, как Бострем, послушав вечер охотников, ночью подумал: «Мир спасут охотники».

Легкий утренник, жаркий полдень.

Вчера сливал бензин в компрессоре, работающем на мостовой. Разговорился с мастером о своей машине. — Второй день такой прекрасный, вот возьму, сяду в машину свою, вложу ключик, дуну — заведется, и поеду. Как хорошо! Больше нет, по-моему, счастья, да, это счастье! — Ну, не скажу, есть большее счастье. — Какое же? — А пешком идти, все вокруг рассматривать, о всем думать. — Правда и то хорошо. — Куда лучше. Вот погодите, скоро придет время, все будут на машинах ездить, и только самые богатые будут располагать временем ходить пешком. Да, вот придет время, все бедные будут ездить на машинах, а богатые будут ходить пешком.

28 Марта. Опять крымский воздух и солнце с легким утренником. Второй день гриппа. Слышал от Цветкова, что «Севастополь» Ценского хорошая книга. Очень этому рад.

29 Марта. Весна воды.

Пасмурно. Вероятно, пойдет снег. Грипп проходит. Но еще один день просижу. Пошел окладной дождь.

Милая моя, так Вы ухитрились в Москве просидеть и не знаете, как Россия немца ждала. И как ждала-то! А когда немцы обманули, тут уж Америка не купит нас консервами... На каждой улице теперь мальчики гоняют и гремят консервными банками. Это не банки — это русские косточки гремят. Нет, теперь уж больше не обманешь, не купишь. Русский народ впервые понял себя: не на стороне спасение, а в себе.

Наступает эпоха духовного материнства, я хочу сказать, что...

Передовой авангард. Помню, один лесопромышленник в Ельце (не Меркулов?) ориентировался на «передовой авангард» (интеллигенцию). И вдруг однажды (в 1905 г.) эту свою святую мечту увидел на практике и отряхнул прах. Но ведь в этот «передовой авангард» была вложена лучшая сторона его души, куда делась эта душа, когда прах с нее слетел?

Мне кажется, этот купец ту лучшую часть своей души просто вернул себе самому и стал действовать от себя. И точно так же все русские лучшую часть души своей вкладывали в Европу («заграница»). Последние агенты Европы у нас были наши пленные из Германии после войны 1914 года. Они были уверены в превосходстве Германии, и они были ее пропагандистами. И вот теперь весь русский человек, как тот лесопромышленник, и вся Европа и Америка ему, как тому купцу «передовой авангард». Теперь больше не на кого надеяться, какие мы есть, такие и будем жить, и со стороны нам никто не поможет.

Поддай же, друг мой, похлеще ногой вот эту пустую консервную американскую банку, пусть летит она ко всем чертям и гремит: это косточки гремят тех, кто жизнью своей заплатил за эти банки.

И вот баба идет, подавленная жизнью, и говорит:

– Помни, попадешь в беду, и все от тебя отвернутся и никто тебе не поможет. — Никто! — подтверждают другие.

Это они еще не до дна выпили чашу, это им только горькое дно показалось, и они еще способны горечью жить.

– Милые, да как же вы раньше-то жили, на кого надеялись, на что рассчитывали?

— А глупые были: на людей надеялись.

– А теперь?

– Теперь только на себя.

И так вот Россия вступила в новую жизнь для себя, без расчета и упования на что-то хорошее где-то там, за границей нашей бедности, худобы и мерзости.

30 Марта. Серые слезы весны.

Ночью шел дождь. Утро пасмурное, и все небо серое висит и покапывает. Что теперь делается там!

– Дождь, — говорит теща.

— Как хорошо, как весело!

– Кто дома сидит — весело, а кто под дождем...

– Кто здоров, тому и под дождем хорошо.

– А кто больной?

– Тому плохо.

И действительно ей плохо, потому что не о чем больше думать: никакого дела и только мысль о своей болезни.

– Как она несчастна! — говорит Ляля.

– Чем? Отличная комната, отлично питают, доктора, любящая деятельная дочь, общество лучших людей, собачка, кошечка, возможность заняться, чем хочешь. Чем она несчастна? Только тем, что дочь не может ей целиком принадлежать и что вообще она сама лишняя. Но она с этим и родилась: всегда чувствовала себя лишней: это и есть истинная нравственная болезнь этой барыни.

Боюсь, что Митраша опротивеет Ляле, потому что православный из него никогда не выйдет и всегда он останется сектантом толстовского толка. Для всех сектантов (раскольников, староверов) характерно упрямство, по-

рождаемое ограничением умственного кругозора. У них деятельность ума ограничена моралью, и живая мораль заключена в рамки рассудка.

Если удастся написать «Падун», то освобождение ума и сердца старухи-староверки оправдает ее переход в православие.

Всякое сектантство, толстовство, раскол и т. п. интеллигентские секты (народничество, марксизм, большевизм) таят в себе семена ГПУ.

Православие может быть тем-то и хорошо, что его принудительная сила (ГПУ) вынута из него расколом с одной стороны, государством с другой. В православии можно быть каждому универсальным человеком.

31 Марта. Серое небо, туман и чуть отделяется в тумане прямой дымок. Надо бы на берег речки куда-нибудь, а то в Москве не слышно ни скворцов, ни зябликов, и тут не весна воды, а весна грязи.

Вчера видел сон, будто по теплому морю плыву без усилий, на легких парусах. Полнеба горит в заре и на оранжевом гуси летят. Но не в том было, что паруса, гуси и море, а какое тут было вино! В этом вине была душа весны.

Вчера вечером Нина пришла в валенках мокрых (сверх них мелкие калоши). Она расписывает потолки в Нескучном Дворце. Ее там кормят, но не прописывают, и родственница гонит: жить негде. Когда она вышла от нас, Ляля сказала: — Может быть, ее надо было оставить ночевать? Я бросился на лестницу: — Нина! Вернулась. — Вы не останетесь у нас ночевать? — Я вас стесню. — Нет, ничего. — Благодарю, нет: я пойду. Мы помолчали и отпустили ее. — А что если она с собою покончит? — Так чего же ты не настояла? — А ты? — Я боялся за тебя: ты устала. — Так это непонятно! Из-за тебя же я не настояла: ты не любишь, когда у нас ночуют. — А я из-за тебя.

Да, конечно, все произошло потому, что мы хотели сделать лучше друг для друга...

А помнишь, Михаил, когда ты мотался по свету и любящие друг друга люди тоже так закрывались от тебя в свои створочки.

И вот весна — это контроль такому благополучию, проверка совести и всему. Весна воды — это революция, радостное разрушение.

Что же будет с Ниной? Отчего мы не удержали ее у себя?

Да, мой друг, есть райская или какая-нибудь Жар-птица что ли, и мы как охотники: на быстром лету надо мгновенно схватиться, целиться некогда — раз! Без прицела и выбить драгоценное перо. Вот тут и вся проверка на человека, и вся жизнь, и все счастье в этом мгновенье, в этом пере.

Никакого механизма, никакой философии невозможно человеку придумать, чтобы каждый мог спокойно рассчитывая выбивать себе из птицы волшебное перо.

Весна — это время, когда над нами пролетает Жар-птица, и одни в тревоге за свое будущее: боятся пропустить, другие, кто уже пропустил, в тревоге, переживая прошлое.

1 Апреля. Все крыши в Москве сухие. Совсем тепло. Высыхают площади. Сбегает последняя вода в грязные переулки.

– Брось весеннюю тревогу, ты можешь успокоиться: ты своего достиг, свою весну ты догнал.

– Нет, мой друг, истинная человеческая тревога только тогда и начинается, когда ты догнал весну и достиг своего. Ведь пока ты один, с тебя и спросу нет: ты один, что с тебя взять! Налог на холостяков — это явно разбойничье действие государства. Налог должен быть, прежде всего, на тех двух счастливых, кто живет для себя, и нет у них третьего, для кого они живут...

2 Апреля. Все впереди. И вот надо бы каждый день проводить как будто он единственный.

Свез Лялю с тещей к обедне, потом по Калужской их привез на Воробьевы горы и видел, как последний снег из-под березок сбегает в Москву-реку.

Вечером были Яковлев, Замошкин, Бострем, Нина. Все напрягают последние усилия, чтобы пережить последние дни войны, особенно трудно Замошкину (за лимит 300 р. в месяц в плену у глупого Щербины).

Когда ум устал и может работать только что ему прикажут, а сердце не в силах даже в траур одеться, человеку иногда приходит на помощь жизнерадостная дурь. В этом состоянии Яковлев пишет роман, а Лидин покупает ружье и собирается на охоту. И так многие живут, не цельной личностью, а своими остатками.

Сельвинский в ЦДРИ* имел неосторожность сказать, что наступает время, когда можно будет писателю быть не только социалистическим реалистом, но и соц. символистом, соц. акмеистом и т. п. Теперь Поликарпов тащит Сельвинского за эти слова на суд писателей.

2 Апреля. Вчерашний день, 1 апреля, прошел как на Пасхе: светло, тепло и в Москве быстро сохнет. Ночь опять без мороза, а между тем до мая целый месяц! Значит, будет много всего. Весь день дождь.

Тема жизни, которую теперь развивает история — это, конечно, освобождение женщины от власти мужчины. Эта власть была основана только на том, что мужчина как более сильный и способный работал на стороне, а женщина дома. Благодаря этому закрепилось у всех сознание, что такое разделение труда, на стороне и дома, соответствует природе вещей. И оно может быть и правда соответствует в какой-то мере. Беда выходила только из-за того, что эта «природа вещей» была принята как закон жизни для всех

* ЦДРИ – Центральный дом работников искусств.

и на все времена. Так создалось рабство женщины и ее тайная порочная власть.

Голод в Ленинграде вскрыл большую выносливость женщин, война взяла себе для уничтожения все преимущества мужчин (мышцы, смелость, широта и т. п.).

Материнство как сила, создающая мост от настоящего к будущему, осталось единственной движущей силой. Новое время характерно величием материнства. Это победа женщины.

С Лялей и Никольским ездил на машине сначала к автоинспектору (регистрация ремонта), потом в Измайлово. Снег в парке сбежал, осталась только ледяная корка.

Никольский рассказывал, что два солдата-бандита на суде за какие-то особенные злодейства их в Германии ответили: «мы эренбургцы» и занимались местью в точности, как он этому учил нас в «Правде». Рассказ этот, понимаю, скорее всего выдуман антисемитами.

При нынешних темпах наступления с Запада все стали ждать конца войны со дня на день. — С Германией, — сказал *N*., — а потом начнется с Англией. — Нет, — ответили ему, — с Англией не будет. — Почему? — Да так, просто не будет: надоело. — Мало ли что надоело, а бросят на войну — и пойдешь. — Это-то пойдешь.... Только войны все-таки, пожалуй, не будет.

3 Апреля. С утра летний дождь, и все форточки у нас открыты. Сильный западный ветер, вскрылась Москва-река, так пришло вдруг желанное счастье, а сам в тревоге: кажется, что не сумеешь взять его, и оно растает, как снег у тебя на глазах.

Наши берут малые города и каждый вечер по нескольку раз гремят малыми салютами. Интерес к этим продвижениям исчезает: теперь не от этого придет желанный конец, а от продвижения Западного фронта: нам двигаться больше некуда.

Черный передел Европы

Новая эпоха после войны началась разделом земли в Польше, в Румынии, и так, вероятно, и дальше пойдет: черный передел Европы.

В жизни своей не ел такой вкусной капусты и такой моченой антоновки, как у Никольских. Это далось им от поповского происхождения, от близости к земле. Тут, чтобы создалась такая капуста, нужна концентрация духовных и физических сил, недоступная интеллигенту. Не может сотрудник книжной палаты Удинцев сосредоточиться на какой-то капусте.

Итак, очевидно, что искусство, поэзия, наука исходят из этой силы земной: на капусте, на моченых яблоках вырастают поэты, и одно переходит в другое, как навоз переходит в цветы. Но почему же у людей раскалываются два завета и спорят за первенство: спор начинается из-за претензии капусты, как собственницы поэзии: я тебя породила — ты моя. — Нет, — отвечает поэзия, — я существовала прежде всех век и снизошла до тебя и воплотилась в тебе.

Этот недостойный спор слова и дела был у нас чуть ли не с Грозного и продолжается до наших дней. Большевики в существе своем идеалисты.

Приходил Лева и говорил, что он собирается в Воронеж фотографировать (он этим живет) и может заедет в Елец, в Хрущево. Мы представили себе с ним, какое теперь Хрущево, сады и парки, конечно, вымерли и следа от них не осталось. Известно, что пруд спустили и на дне его огороды. Постройки частью сгорели, частью разрушились и разобраны. Вот если только церковь уцелела, то по церкви бы можно узнать, но едва ли...

И так приедешь на родину — и родная земля от тебя отвернется, и ты не увидишь лица ее и не узнаешь. А между тем, когда мне не спится, то, чтобы заснуть, я мысленно беру палочку и отправляюсь из Ельца пешком в Хрущево и на том месте, где теперь нет ничего, я воссоздаю все точно, как было. Послушайте, деточки, какое же это чудо:

нет для вас ни для глаза, ни для слуха и воображения ничего: все прошло, а я вам в точности могу поведать, как оно было... Так вот, выхожу я из Ельца через Черную слободу на большак. Возле чернослободского кладбища выходит старичок с колокольчиком. Он собирает на благоустройство кладбища. Верст через 7...

Зовут из Союза почитать на литературном понедельнике, но в первый раз в жизни чувствую, что нечего читать мне. Раньше двигательной пружиной таких выступлений был страх отстать от людей. Теперь же мне кажется, весь этот Союз писателей с их пастухом Поликарповым до того далеко отстал от меня, что не грех мне и посидеть на пенышке, пока все подойдут. Допускаю, что есть и талантливые кое-кто, но их отдельные усилия — это их личное дело, домашнее, вроде как Яковлев с увлечением пишет роман, а я знаю, что в этих условиях роман нельзя написать.

4 Апреля. Мелкий теплый дождик весь день. «Интуит» вчера выкладывал свои догадки и пророчества, оперируя понятиями культуры и цивилизации. В этот раз я решился сказать ему: — Вы нам говорите все по Шпенглеру, а может быть за эти скоро полвека народился новый пророк, и передовые люди современности думают иначе.

Над Европой нависают грозно две противные силы — Россия и Англия. И явно определяется для Англии необходимость поддерживать Германию. «Интуит» пророчит эпоху господства мирового жандарма.

Судьба антимиров Троицкой лавры.

5 Апреля. Теплое моросливое утро, как и вчера. Вчера мелькнуло желание при виде освобожденной реки взяться за Падун — и в этой работе покорить эту весну.

Поехали с Никольским в Пушкино обрезать яблони. Благополучно довел машину до своего домика. Снегу нигде ни

клочка. Моросил дождичек. Пока наши обрезали яблони, я побывал в лесу. Видел вдали, как перелетали тяжелые грачи. Возле новых скворечников на березах пели скворцы. Жаворонок опустился у моих ног и, повернув хохлом, пустился пешком в сторону, чтобы меня пропустить. Другой жаворонок пел в воздухе над моей головой. Озеро все синее, лед, как синяя вода и большие забереги. На кромке льда бегали трясогузки. В лесу во множестве пели зяблики. Такая дружная весна. Я срезал елку на палочку, сел на пенек и, зачищая палочку, в сырости падающего снежного дождя, в сырости, исходящей от тающей земли, от стволов деревьев, совершенно один среди зябликов, переживал такое же сердечное восхищение, как Ляля постом при пении «ныне силы небесные». И кому-то я начал свой рассказ такими словами: — Сейчас, когда я говорю о нем, его на свете нет, но несколько минут назад он был. Я видел, как он с песней спустился к моим ногам, как побежал по дорожке с задорным своим хохолком, как опять с песней стал подниматься в воздух и вдруг в это мгновенье был схвачен ястребом и унесен. Теперь его больше нет на свете, но в сердце моем он остался, и может быть мне удастся прославить его, и сотни тысяч детей будут, встречая весну, в каждом новом жаворонке узнавать того, схваченного ястребом на моих глазах и сохраненного моим сердечным участием.

Ляля обрезает малину, а Митраша шепчет ей текст из Евангелия. Я попросил его поднять колесо, он бросился... и тем выдал себя... Думаю, что Митраша это сектант без секты, пастырь без стада и ближе всего стоит к толстовству. В сущности, и Толстой был пастырь без стада, не могущий примкнуть (по гордости) ни к церкви, ни к революционной интеллигенции.

Припадая к нашим стопам, Ляли и меня, втайне хочет нас покорить, все равно как Легкобытов когда-то хотел повергнуть в свой «чан» Мережковского, Блока и всю интеллигенцию.

Смотрел, как обрезал Никольский яблони, и тут подошел Попов, и думал я об этих умных цельных людях, пе-

режевших все трудности революции, что вот это-то и есть новая русская демократия, это поповичи и мужики, пережившие в себе и попов, и кулаков, мудрецы. Вот эти люди, умно делая для себя, в самых тяжелых условиях обеспечат свободу другим, п. что индивидуальность в обществе может быть обеспечена лишь в пределах разумной организации. Так вот и вырастает новая Америка, в глубоком самосознании и точном учете внешних условий.

Наступают торжественные дни мировой борьбы за мир (война с Германией кончается). Хуже всего положение Англии... Еще немного — и все повязки упадут с наших глаз.

Зачем я записал, что Митраша, когда Ляля малину обрезала, ввернул ей... клятву в том, что он: «все за ночь обдумал и не отступится теперь от текста Евангелия». Я записал это потому, что Л. передала мне это с усмешкой и досадой, и я подумал тогда: — На что уж Л. религиозна, а вот ей было досадно во время дела слушать Евангелие. Так не досадно ли революционеру, взявшемуся всю жизнь переделать, внимать словам Церкви? И не из-за дела ли лучшего устроения жизни людей Толстой отказывается от церковных форм. И не виновата ли была церковь в том, что она в такой момент не бросается от старых форм к новым, соответствующим новому делу?

Надо наконец понять мне, что моральная основа человека определяется силой его внимания к современности, что этой силой должен и может владеть человек (Развить).

Личное соответствие свойственным человеческому разуму категориям времени и пространства есть чувство современности, которое можно назвать одной из категорий личного сознания.

Конечно, «познай самого себя» есть первейшая категория личного сознания, но этого недостаточно. Можно познать себя в совершенстве, и с тем остаться ни при чем в мире, с презрением даже к себе самому. «Познай себя са-

мого и освободись от себя» — вот будет полная категория самопознания, обеспечивающая творчество, п. что первая ступень всякого творчества есть самозабвение.

Категории творчества: 1) Познай самого себя. 2) Познав себя, освободись от себя: забудься (самозабвение). 3) Устрой свое внимание в современности.

6 Апреля. Утром морозец все высушил, все вычистил, но вода в машине не замерзла. Потом было солнце и тепло. Возил тещу ко всенощной (завтра Благовещение), но в церковь пробиться она не могла. В память Благовещения тихонечко шел по берегу реки по Крымскому мосту, и редко плывущие льдинки, как все равно вчера зяблики в лесу, поднимали во мне знакомое остро радостное чувство природы, в котором личность освобождается от боли и душа становится большой как мир, великой душой. В темноте потом мне светила благовещенская зорька и громадные дома с огоньками. В таком состоянии великодушия я на место этих домов ставил прежние береговые березки и елки (их нет, но я-то их помню!) и дивился трудной службе этих великанов-домов.

Так шел я по набережной, понимая и принимая к сердцу весь труд управления водой. И сравнивал эту быстро бегущую воду весны с потоками нашего сознания, и берега реки сравнивал с делом тех, кто управляет потоками и строит берега, чтобы сделать полезным движение всего потока сознания. Какие великие дела берут на себя эти люди, думал я. Но сколько среди них есть таких, кто посягает на самую воду, на чистоту самого потока сознания. И в такой великой глубине своей предстала мне детская сказка о золотой рыбке.

– Так растите же, — говорил я береговым домам, — выше и выше. Золотая рыбка вам положила их вознести хоть до небес. Но только будьте мудры и скромны, не посягайте на свободу самой золотой рыбки.

7 Апреля. Благовещение. Солнечно, холодно и ветрено. Хотя на Благовещенье и птица не вьет гнезда, мне пришлось помочь устройству чужого гнезда: родила Т. В., и я

возил ее из больницы домой. Т. В. девушка в 32 года, родила случайно от случайного военного. И как же она рада ребенку: вот счастливец-то будет Андрей.

8 Апреля. Ночью выпал глубокий снег и утром хватил хороший мороз. Вышло на синее небо золотое солнце, и потекло с крыш, и полетела с сосулек золотая капель. Вечером придется идти слушать Шахова.

Полировал машину.

Пришла старушка из очереди. — Как живешь, бабушка? — Живу. — Хорошо? — Все болею, а умереть некогда.

Пришел военный с войны инвалидом. Определился на гражданскую службу. Жена его родила ребенка, назвали Андреем, и умерла. Отец стал его кормить из рожка. На службу идет и берет с собой Андрея. А там в это военное время рады ребенку. Только бы донести до службы, а там уже все по очереди кормят и нянчат. Так и выходили Андрея.

8 Апреля. (Крестопоклонная.) Морозное утро. Солнце. Господи, Владыко живота моего... Были у Шахова.

9 Апреля. Морозно. Снег от субботы на крышах еще не совсем растаял. Отдан первый щенок (сучка лучшая) Сергею Серг. Турову. Отставка Чагина. Привлечение меня в журнал «Колхозные ребята».

Утром рано нечто произошло, недопустимое великим постом. — Это грех. — Нет, у нас не грех. — А вообще? — Не существует «вообще» греха в самом факте: грех есть наше личное отношение к факту. В этом случае для меня нет греха: ведь я-то не для себя делала. И для тебя нет: тебе нужно было освободить из плена мысль.

10 Апреля. Оставшийся на северных крышах снег за день растаял. Совсем тепло. С утра солнце, к вечеру дождь. Нахожусь накануне решения взяться за Падун. Пора!

Молящиеся окружили о. Александра (Иван Воин) со своими записочками о живых и мертвых. Среди них был один с седеющей бородой и бородавкой на левой скуле. Я заметил его, и он стал мне попадаться в толпе раз, два, три... Наконец вдруг я узнал его. Такой человек уже довольно давно мне встречается, и я всегда при встрече́ с ним думаю: — Вот ведь человек, какой уж он там, совсем маленький, незнакомый, ненужный никому с виду, а между тем я думаю о себе так, будто все лучи солнца мира в меня собрались и от меня расходятся. Но ведь и он точно так же чувствует свое «я». Тогда у меня бывает какой-то миг замешательства, и в этот миг я чувствую его «ты», как свое «я».

– Л., — сказал я, выходя из церкви, — помнишь, в моем дневнике описан старик нищий, в которого перешло мое «я», это мгновенное чувство другого, как себя, у меня сегодня в церкви повторилось.

– Я это знаю, — ответила Л.,– но ты-то сам, когда пришел от «я» к «ты», ты ведь в то же время оставался как-то и для себя.

– Да, конечно, я был такой же я, только в другом, так почему же некоторым и многим даже трудно представить себя сохраняющими свое личное сознание после смерти.

Шахов читал свою вещь, написанную явно под моим влиянием, и я очень злился, видя и слушая себя в обезьяньем состоянии. Разобравшись, однако, дома в этой неприязни к Шаховской вещи, я понял, что недостатки ее происходят от моих недостатков, и вся разница у меня с ним лишь в том, что я эти свои недостатки умею закрыть, как закрываются в живом организме кости и обнажаются, когда весь организм умирает. Так, слушая Шахова, я почувствовал кости своего скелета и со страхом подумал: — Может быть иным моим читателям кончики моих костей тоже видны. И очень возможно, иначе как бы мог Шахов им подражать.

Мне кажется, что главное в моих произведениях — это философия случайного и неповторимого, постигаемого удивлением. В этой философии или поэзии самому нельзя

повторяться и пользоваться раз найденным, как приемом. И это понятно, п. что удивление предполагает встречу единственную и случайную. Из этого следует, что может быть я и не виновен в Шахове и очень возможно, что это он сам повторял полезно меня для себя, обезьянствуя...

Ах, вот и Митраша! Конечно, я потому и чувствую к этому «святому» неприязнь, что он тоже в отношении меня находится в обезьяньем состоянии, т. е. удивляется моим удивлением и мое случайное превращает в закон для себя. (Так вот почему, вот где тайный смысл «не укради!»: в том именно, что ты, украв у другого, становишься обезьяной. И вот тоже тайный смысл слов «собственность есть воровство»: надо понимать в этом собственность капитализирования, узаконения, унаследования.)

Но если нельзя моему случайному подражать, то можно мне создать свою школу. Конечно, можно, п. что худ. школа есть путь каждого к божественной своей сущности, но не обезьянству.

В тоске по воле. Сегодня у нас разбирают щенков. Кобелька сильного оставляю себе и даю ему имя Крузик (Робинзон Крузо). Над Москвой нависли теплые тучи. Видно уже и капает, и на больших стеклах серые следы весны. Вот наверно сильнее каплет. Вот заблестели окрайки сухих крыш. Осмотрю сейчас крыши из всех комнат, не найдется еще где-нибудь от вчерашнего клочка белого снега. Осмотрел, и на крышах нигде ничего не нашлось. Снег лежит только кое-где в затененных дворишках.

Дождь пошел. Заблестел всюду асфальт. Мечется во дворе между высокими стенами как угорелый дым из маленького домика. А что теперь делается там, где я всегда встречаю весну. Там теперь поет глухарь и столько надо почувствовать жизни в себе, чтобы ночью идти иногда выше колена в воде и, все преодолев, на рассвете в безумном восторге услышать тихое щелканье, называемое глухариной песнью.

Щенки распределены: 1) Роби – кобелек, мой. 2) Сучку дали Чагину. 3) Кобелька второго прокурору в Москве Васильеву. 4) Сучку проф. С.С. Турову. 5) Сучку психиатру Довбне.

Настя, жена Митраши, казалась такой незначительной у них дома в Хмельниках, а Митраша был герой на словах. Но когда мы его посадили стеречь дачу, то оказалось, что для себя он ничего не может делать и все ему делала Настя. Вспоминается Молочников в Новгороде, еврей, хозяин слесарной мастерской. На него работали тоже его теща и Лев Толстой, идеи которого он распространял в письмах губернаторам, министрам («дорогой брат мой...»). Сам же Молочников глядел в особое окошечко на рабочих в его мастерской и ходил чай пить в трактир «Капернаум», где вел споры на религиозные темы.

Так была спрятана жизнью «Настя» и вот теперь она впервые вышла из-за ширмы, и все увидали, какая она. Смотри, Михаил, в эту сторону, пиши об этом и будешь богат и славен.

Две птицы. Митраша (Манная каша) пробуждает во мне чувство уважения ко всем деловым людям. Митраша похож на птицу, которая вечером вылетает и кажется такой большой, но когда убьешь и возьмешь в руки, то окажется это сова, состоит из одних только перьев: у совы перья, у Митраши слова. А Никольский Н.Н. полная ему противоположность. Еще в то время, когда все жили в мечтах революции, он выбрал себе пищевой факультет Коммерческого института. Благодаря такому выбору теперь он контролирует столовые и магазины Москвы, дегустирует вино в Кремле, имеет собственный дом, сад, корову и чего-чего только нет у него. Он похож на хорошего крепко собранного крутогрудого ястреба с острым крючковатым клювом. И все он может делать, и все у него выходит, и ни у кого так не сделана кислая капуста, и в жизни я не ел таких моченых яблок, как у него.

Сравниваешь этих двух птиц – мягкую сову с ястребом и понимаешь происхождение деловой суровости людей, понимающих время, как деньги.

11 Апреля. Все было на дню, и град, и крупа, и солнце показывалось, и опять исчезало в быстро гонимых бурей тучах, и снег валил.

Вечером пили с Чагиным водку. Я понял его совершенно: это еврей, сросшийся с русской литературой. Сейчас он в ЦК бросил мысль, что нельзя дальше ехать на «живых классиках», что надо рискнуть. Но, конечно, он говорит о риске в пределах допустимого, в существе же его живет драгоценный еврейский компромисс. После выпитого литра я спросил: — Ну, как в ближайшее время после войны, будет писателю легче? На этот вопрос он помолчал, а жена ответила: «Нет, нет!»

– Ну, а зачем это с попами так у нас возятся, вот опять Сталин принимал патриарха? — А как же, первое, государственные идеи нашего времени проникают в такие слои, куда они могут проникнуть только этим путем, церковным. Дальше идет объединение славянства, дальше борьба с Ватиканом.

Писатель — это свободный человек. Нет ничего труднее, как сделать себя свободным. Вот почему так трудно сделаться хорошим писателем.

12 Апреля. День неустойчивый. Приезжал психиатр Сергей Александр. Преображенский. Рассказ доктора о своей эвакуации вместе с заводом ЗИСа. Как рос на его глазах завод его, какие «львы» рабочие. Доктор (из поповичей) явно подкоммунивает. Но мне было жаль, что я не имел такого опыта.

13 Апреля. Утром по радио: умер Рузвельт. Что сказать? Этого он заслужил.

Сегодня за год единственный раз я утром без чаю: идем к Воину.

А зависть моя к доктору, что не с заводом эвакуировался и жил для себя, того же происхождения, как с давних

времен страх, что революция обойдет меня, и я останусь ни с чем.

Мое старинное наблюдение происхождения своего греха и своей радости: чувство греха у меня бывает, когда я, сделав какое-нибудь обобщение, узнаю потом, что я из-за этого обобщения пропустил мгновение живой жизни, ускользнувшее от меня в момент обобщения. А радость бывает, наоборот, когда я, как бы сбросив с себя нечто закрывающее от меня жизнь, выхожу на волю и встречаю живое мгновение (это может быть бледно-желтый росток под водой, или прорастающая почка, и мало ли чего).

Мар. Вас. стоит в церкви в состоянии постоянного засыпания — клюнет головой, оправится и перекрестится. А то бывает — и ноги отказываются, подтянется вся и начинает усиленно креститься. Глаза же мутные и бессмысленные. И все-таки эта физическая борьба за право человеческого общения с Богом достойна... молитвы: одному мысль, другому только усилие, и то, и другое, направляясь ввысь, сливается. Так и в лесу, если изнутри смотреть, каждое дерево по-своему стремится к свету, а выйти и посмотреть со стороны — это так весь лес растет.

Рузвельт умер. Берет раздумье о политике. Первый вопрос: 1) Почему Англия не согласилась с самого начала с Германией? — Не верила Германии и боялась Америки. 2) Какой план был у Америки, когда она выступила в союзе с СССР? — План был разбить Германию и так ослабить Россию, чтобы ее политику, как и английскую, подчинить своей.

Теперь Германия разбита, но Россия не ослабела, а нависла над всей Европой. Первая трещина — Греция, потом Польша, скоро Италия и т. д., везде пролетариат будет землю делить. Еще остается время Англии взять у немцев идею фашизма себе и с остатками немцев пойти на Россию. Но это только для Америки будет подрывом демократии своей. Одна же Англия с Россией не справится главным

образом из-за идейной стороны дела. Так что Америка не пойдет на нас войной, оберегая свою демократию. Англия тоже не пойдет, оберегая демократию и лордов. Установится худой мир (лучше доброй ссоры).

Надо заняться анализом домашних отношений, спросит, напр.: — Вот умер А.Н. Толстой, талантливый писатель, но нелюбимый, п. что отношения его с сов. властью шиты белыми нитками: писал не от себя. — Но ведь так и каждый писатель не от себя и только глубже плывет и не видит, а Толстой эмигрант бывший, ему труднее, он виднее... Единственный пишет от себя и для себя это Эренбург. Он может, кажется, сделав из «фашиста» абстрактную цель возмездия, писать свои злобные еврейские статьи, пока вся Европа не станет коммунистической. Но шиш! Уже сегодня в «Правде» есть статья, организующая эренбургово возмездие. Не так-то все просто. И не можем мы явиться перед лицом Европы в том же виде, когда землю делили свою.

Лев Толстой внушал нам в то время, что основной труд, на котором поднимаются все иные менее значительные формы труда — это земледельческий труд, и основной человек, хранящий в себе основы нашей морали — это пахарь. Мы теперь, глядя на современного колхозника, не можем себе даже представить, как это мог Толстой выбрать себе такой идеал нравственного человека. Надо было ему взять в пример не того, кто пашет, а кто молится. Так я думал в пятницу, глядя на молящихся в церкви.

14 Апреля. Говорят о встрече еп. Вениамина (Канадского) со своей сестрой в России во время его поездки для избрания патриарха. И говорят именно, что будто бы она ему пересказала всю правду, и он теперь все знает. — Почему именно сестра его, — спросил я, — знает нашу правду? Вот вы двое — мать и дочь попробуете об одной правде нашей сказать одинаково... Так мы не знаем, а почему же должна знать ее сестра Вениамина.

Помню, Ценский рассказывал, как он добивался встречи с Горьким после его приезда из-за границы, и что когда, наконец, сам Горький, обманув свою свиту, пришел к Ценскому в Алушту, то говорил Ценский: — Я ему все рассказал. С тех пор я спрашиваю себя и не могу ответить себе, что именно мог он рассказать Горькому.

Этот вопрос не оставляет меня в последние дни: почему А. Н. Толстой, несомненно искренний патриот, несомненно даровитый писатель, оставил в своих сочинениях налет пошлого «подкоммунивания». Отвечаю: — П. что он желал служить, прислуживаться. — Почему же прислуживался? — Трудно было ему в его положении оставаться верным себе.

Но это не все, и вопрос остается.

Итак, говоря словами Достоевского, наша Церковь продолжает быть в параличе. А некий Синод на это отвечает: — У нас церковь всегда была в единстве с государством. А женщина? Разве не была женщина русская всегда рабой мужа, и все-таки могла она рожать детей и готовить будущее, создавшее свободу и величие женщины. Так и церковь, будучи во временном подчинении государству, почему она не может готовить своих детей к великому их будущему духовному.

15 Апреля. Сегодня рано утром, когда еще люди спали, я вышел на Якиманку в гараж, и как только вышел из дому, с неба снег пошел. Такой густой и крупный был снег, что на Якиманке один человек шел впереди меня и на асфальте сером оставил черный след. Пока я заводил машину, снег кончился, и когда выехал, солнце показалось. А потом опять, и так весь день до вечера.

На ходу сегодня мысль моя вернулась об арийском (античном) понимании мира и семитическом (внутреннем). Внутреннее постижение мира (через себя), привитое нам, славянам, отцами церкви, не придает никакого значения строительству внешнего мира (лучшей жизни, чем она есть, мы своими руками сделать не можем).

Напротив, арийское (античное) представление обращает наше внимание на природу, и это оно приводит нас к познанию законов природы, к технике, к государственному строительству, общественности и, главное, к вере наивной в то, что своими руками люди могут создать себе счастье. Христианин находится между этими двумя пониманиями с уклоном больше то в одну сторону (в античную, в католичество), то в семитическую (православие).

Это так явно, что даже и по отдельным людям видно: я, например, сравнительно с Лялей ариец, Ляля сравнительно со мной семитка. Но во мне очень остро всю жизнь с первых моментов сознания проходит борьба того и другого начала. «Личность», к которой я в конце концов пришел, оказалась Христом, и эта Личность есть гармоническое сочетание (в творчестве) внутреннего начала (Бога) с миром, воспринимаемым органами наших чувств.

Вечером состоялся домашний юбилей А.М. Коноплянцева и встреча моя с его женой Софьей Павловной. На этом вечере Ляля, кажется, была первым лицом. С. П. потихоньку меня спросила: — Вы, М. М., наконец нашли то, чего искали? И я в счастье жестоком ответил: — Нашел. Потом на улице Ляля сказала: — Софья Павловна хорошая женщина, только едва ли она тебя понимала. — Нет, к философии и поэзии она неспособна. — Так что же она находила в тебе? — Она была в чувственном состоянии. — Это бывает, но в этом-то состоянии, что она могла найти в тебе... — А как же ты? — Я другое, я не с этого начала, ты весь мой, а как она? — А может быть и женщина чувственная начинает, как мы с тобой, под влиянием каких-нибудь чар: ты знаешь, я такой живой рассказчик. Вспомни Отелло, ужасен видом, взял Дездемону своими рассказами. А соловей — серенькая птичка, вспомни нашего соловья на Ботике.

Слышал по радио образцовое выступление какого-то учителя перед школьниками, учитель начал: — Ребята, война кончается.

Да, это теперь все чувствуют. Ехал по Москве, и радость была разлита на лицах людей. Как апрельский свет на зданиях. Молоденькая девушка милиционерша стояла на посту, улыбаясь, и напевала. Я дал ей сигнал. Она вздрогнула, спохватилась и, увидав меня, указала мне своим жезлом путь. Но она это сделала с испугу: ехать еще было невозможно. Я ей улыбнулся, она растерялась.

Да, вот поет девушка на посту, улыбается мыслям своим апрельской улыбкой. И сколько их! И сколько они детей опять народят с одобрения апрельского света и майских цветов. И все страдание будет предано забвению. Ах, ты сопротивляешься, ты ворчишь. Ну, тогда посмотри на землю, пока она не покрылась новой зеленью: вся она лежит серо-желтая, покрытая гниющими листьями, сломанными старыми былинками, навозом и грязью. И выбирай себе участь: оставаться удобрением или самому расти вверх, поднимаясь к солнцу. Вот в этом колебании, в этой борьбе ухода в себя, в болезнь свою, в дух свой, в страданье и радость нового роста пришел на землю с особенной улыбкой Христос. — Пойми это чувство и сам улыбнись!

Мне это пришло в голову, помню, именно в то время как я глядел на улыбающуюся и поющую милиционершу. И подумав об улыбке Христа, я дал ей сигнал. И она испугалась. Тогда, заметив, что в растерянности она сделала неверный жест, я тихонечко подъехал к ней и улыбнулся той улыбкой. И она, смущенная, как самарянка, ответила мне улыбкой, спрашивая глазами: — Кто ты? И я, сочувствуя ей, понимая ее, как зеленую травинку, выходящую на свет из желтого весеннего хлама, говорил ей мысленно: — Я послал вас жать то, над чем вы не трудились. Другие трудились, а вы вошли в труд их.

Да, да! Эти апрельские лучи и улыбки именно и зовут жнецов войти в труд сеявших. В этом вся тайна жизни и тайна причастия: причащаясь, мы вовсе не обрекаем себя на страдание, напротив, мы, не сеявшие, входим в труд их, сеятелей.

Так что война кончается, и самая современная теперь тема жизни — это как войти в труд их, кто сеял, для чего мысленно собрать всех сеявших и понять их.

16 Апреля. Апрель приходит с утренниками, а часто и дневными легкими морозцами и снегопадом. Мы ждем начала теплых дней, чтобы поехать в Усолье за вещами.

Есть слова, которые, сцепляясь одно с другим и повторяясь, ведут как тропинка внутрь себя самого...

17 Апреля. Ждем тепла. Это каждую весну бывает, такое ожидание решительного поворота и тепла. По радио грохнули утром об отказе союзников принять в С.-Франциско представителей современного польского правительства с заключением, что наше правительство настаивает.

Так смерть Рузвельта и этот отказ соединяются, и радость конца войны омрачается. Но говорят, новая война будет скоро, только никак не теперь.

Был у тещи новый психиатр Довбня, внушал ей — ничего не бояться, сказал нам, что она «ушла в болезнь». Я подумал об этом бегстве в болезнь, что и все мы так живем, теща в болезнь, я сейчас — в машину, в охоту, кто-то в политику, кто-то... и так все во что-то уходят. Только дети живут всегда здесь.

Как это можно смотреть на выразительные, старые, высокие деревья и не увидеть в них жизнь всего человека, каким он смотрится из-за нашей спины в тихие заводи ручьев, рек и озер.

18 Апреля. Солнце с морозом, как и раньше, но к вечеру стало мягче. Как потеплеет, так и поедем в Переславль. После ухода Чагина почувствовал приближение денежной нужды и необходимость писать или что-то делать, чтобы из нее выйти. Это значит, что я возвращаюсь к своему при-

вычному состоянию здоровой борьбы за жизнь, прерванную войной (жизнь «на лимите»).

В Сов. Союзе каждый служащий и рабочий находятся под угрозой замены другим. При этом нет никакого спасения в том, что ты сделался единственным и незаменимым. Напротив, «Единственный» в этом случае вступает в борьбу с каким-то принципом высшим, Неличным, и, как правило, «Единственный» заменяется. И очень часто на место незаменимого работника ставится совершенный дурак, ничего не понимающий в деле, который, наделав вреда, прогоняется тоже и заменяется в конце концов средним работником. Так все общество перемалывается в аморфную среду, как зерна кофея в ручной мельнице переделываются в кофе. Благодаря этому процессу вырастает диктаторская власть огромной силы, п. что, конечно, всякая незаменимая личность на сколько-то ослабляет центр власти. Нам остается осознать необходимость (необходимость нельзя обойти) положения и через это стать свободным в силу диалектического понимания свободы (личности), как осознанной необходимости.

Между прочим в конкретной действительности русский человек давным-давно таким образом преодолевал свое рабство. Так и церковь воспитывает у нас православных христиан, так и раба жена рождала великих людей. Вот против этого обхода необходимости становится Америка, ее капитализм против нашего социализма, острие на острие. И если ты, чувствуя свою независимость, хочешь спасти ее, то будь мудр как змий и ни в коем случае не соблазняйся заманкой Америки, роскошными общественными молитвами ее президента.

Вот у нас отняли единственного близкого самим писателям работника, отличного издателя Чагина и заменили его дураком. Наивный человек из Америки спросит: — Почему же вы, писатели, не заявите купно о нарушении условий вашей работы? — П. что, — отвечу я, — боюсь: высуну нос, а мне по носу. И так думает каждый «Незаменимый» и

предоставляет дело на усмотрение Председателя Союза и секретаря, которые действуют согласно внешней политике наверно правильно.

Детские рассказы: 1) Ворона и грач, 2) Мухомор и боровик, 3) Соня и Боря, Блудово болото, Весенняя клюква (пейзаж).

В гараже под Каменным мостом в ожидании инженера развернул лежащий у него на столе том сочинений Ленина и вдруг понял Ленина как писателя: слово было для него только как средство общения в деле. Так гуси летят, редким криком помогая направлению полета всего каравана. Так рабочий запевает Дубинушку, чтобы всем разом «ухнуть». Этого и Маяковский хотел, не знаю только уж, чего у него вышло. И этого именно ждут от нас вожди, но у нас ничего не выходит. И нам даже кажется иногда, наше положение похоже на положение золотой рыбки, получившей приказание служить старухе.

19 Апреля. День простоял как все эти дни еще холодный, но по дыму — что он начал клониться с запада, по клочкам перистых облаков — можно ждать перемену. Решаю в ближайшие дни ехать в Переславль.

Может быть так: он влюбился, и ей это приятно, и она его полюбила. И он ее полюбил за то, что она его полюбила, и она страстно и глубоко стала любить его за то, что он так сильно ее любит. И так они жили, сильней и сильней любя друг друга, готовые один ради другого и хранить свою жизнь, и если понадобится для другого, от своей жизни совсем отказаться. Чудесная любовь, и если вспомнить, как началось, то ведь было так, что она его полюбила только за то, что он полюбил: это было эгоистическое чувство — любовь для себя, и точно так и он от физической влюбленности перешел к духовной любви только потому, что она его полюбила, и у него тоже вначале была любовь для себя. Теперь же, глядя на них, никто бы не по-

думал, что и их любовь друг к другу произошла тоже от любви к себе самому.

Ляля на это мне сказала: — Господь с тобой, Миша! Да разве все любящие для себя любят? Пусть даже начинается для себя у каждого, но от каждой большой любви что-то выходит, что-то рождается: дети, книги, картины. А в нашем случае ведь нам только война помешала.

20 Апреля. Солнце роскошно показывается утром, и вскоре все небо затягивается серыми сплошными облаками. И это серое небо, и ветер с запада — думалось — вот перемена, но нет никакой перемены, и мороз остается на весь день и ночь. Мороз весной — это ясная радость, я не помню долгих серых морозов, а в нынешнем апреле таких морозов и снежных дней уже теперь наберется с полмесяца.

Удалось задержаться еще на один день, значит, на один день ближе к теплу. Постараемся выехать завтра и прямо в Хмельники.

В Германии мы и союзники похожи на два крыла невода: мы около Дрездена, они — в Лейпциге, вот-вот, сблизившись, вытащим на берег карпа.

Неверующие люди наконец-то поняли, для чего нашему государству понадобилась церковь. — Это второе НКВД, — сказал мне вчера шофер. Но ничем не лучше сказал и Чагин: — Церковь очень полезна, с помощью ее можно привлекать государству к себе совершенно неуловимую иначе часть населения.

Это, конечно, очень наивно, очень!

Филер, распахнувшись, вчера мне сказал: — Мне 37 лет, я, прочтя весь рабфак, вчера сдал экзамен за десятилетку, был в Германии и вообще хватил культурки.

(О границе духовного и физического материнства.) М. Алексеевна.

22 Апреля. Вчера днем было совсем хорошо, тихо, тепло, и мы твердо установили на сегодня день отъезда дней на пять в Усолье и Хмельники.

6 утра. Белье на веревке сильно колышется, рвется, взлетает и падает — ветер с юго-востока и заметно переходит влево с запада к востоку.

В рассказе «Весенняя клюква» описать компас (для детей) как упрямую стрелку (гордость Бори).

С нами едет в Пушкино Нина, придет ровно в 9 утра. — Если не приду, — сказала она, — то, значит, со мной что-нибудь случилось. — Что же с вами случиться может? — Могу, например, попасть под трамвай. Намек на выход из трудного положения.

Какой сволочью представляется человек, чувствующий в такое-то время радость жизни. А между тем этот человек существует, и он же первый есть аз. И никогда в жизни я не чувствовал такой неприязни к падающим и кающимся. Пожалуй, даже теснящие в очередь к жизни подлецы не так противно активны теперь, как нытики.

Помни сегодня каждый час, каждую минуту завет: «во всякое время и о всякой вещи».

23 Апреля. Утро в Усолье.

Встреча с деревьями. Дереву долго тянуться к солнцу, сто лет и больше, человеку не дождаться, пока оно вырастет.

По крику ворона узнал любимое место.

Часов в 11 вышли пешком в Хмельники. Обрадовались Митраше? — Не очень. Разговор о картошке: смешанная. — А отбирать? — спросил Митраша. — Чужими руками, — ответила Настя. И правда, это черный труд у земли, рабский и требовательный к другому работнику, именно он порождает абсолютный закон. (Трудовая теория жизни.)

Птичья литургия (см. записи «Солнечно-морозное утро»).

24 Апреля. Серое утро: пять рядом скворцов на березе и шестой их гость. Как только я вышел из дома, все пять остались сидеть, а гость улетел к своим.

Серое утро, а все мороз: лужи мелкие на рыжем лугу побелели. (Никто этого не знает: ветер целую неделю юго-западный, а холодно.) Обедня ранняя на Семине.

Сегодня 24-е, но ночью после полуночи явились тучи и остановили силу мороза. Успели замерзнуть только самые тонкие лужицы на рыжих лугах. Солнце вышло из-за туч к 10 утра, и наконец-то запели дрозды, вечные спутники летающих вечером над лесом вальдшнепов.

Под лучами полдневного солнца таял снег надо льдом, и лед, обмываясь всей водой, голубел, и так озеро, все покрытое льдом, стало все голубое.

Вода, скатываясь со льда, наращивала на пологие берега тонкие лужицы, и они по ночам замерзали, и озеро ширилось. Кое-где на этом береговом льду торчали лохматые кочки, и на них охотно садились вороны. А чайки садились прямо на лед и отражались в нем, как в голубом зеркале.

Чайки, раздраженные отсутствием воды, летая над голубым льдом, кричали резко. Тетерев-токовик, как дьякон, твердил свою ектенью. Селезень, с высоты узнав в береговом болотце свободную воду, скосил крылом и плюхнулся.

Ольха еще не цветет. Помнишь то утро, когда лед-тощак с треском падал в ручей?

Вдруг журавли закричали, и даже мороз по коже подрал от радости.

Сидят на березах перелетные птицы, не поют, не клюют, а так все сели толстые на березы, и сидят, греясь в лучах.

– За глухарями? – Нет. – Рыбу колоть? – Нет. – А может быть послушать скворцов? – Не скворцов, а зябликов.

– Все, что я здесь получила, – сказала Ляля, – это... При этих словах с подвала раздался голос: – Война кончилась! Я бросился на голос. – Кто говорит, что война кончилась? – Солдат приходил, говорит, всю ночь по радио передавали – кончилась война.

Ляля продолжает: – Все, что я здесь получила, это воздух и молоко.

– Ну, а вот это узнала, что война кончилась? – Ну, это еще вопрос, – может быть и не кончилась.

На тяге: в лесу еще много снега, а на песчаных холмах по дорогам летит пыль. В лучах солнца идешь – жарко, в тени холодно. Я выбрал себе в лесу около Новоселок хорошее место. Вдоль низкого моста стеной стоял рослый осинник с редкими елками, против осинника холм, покрытый орешником, с высоко торчащими в нем сухостойными соснами. Я стоял на верху холма, чтобы видеть далеко вокруг вальдшнепов. Рано появился на небе бледный месяц, и все яснел и яснел, пока солнце спускалось. Когда солнце село, вдруг стала холодом дышать еще мерзлая земля. И сразу по чувству пришло, что в такой ветер вальдшнеп не прилетит. Но певчие дрозды тихонько пели до темноты.

Ночевали у Настасьи Максимовны Фокиной в школе. Пока я ходил в лес, Ляля развивала мысль о веке амазонок. В ответ на эти речи Н. М. сказала, что и она, старуха, со взрослыми сыновьями и дочерьми, когда спала с нее забота о семье и остались только заботы о школе, почувствовала, будто гора с плеч свалилась. Впрочем, когда я ей сказал по Энгельгарду («Письма из деревни»), что в тех деревнях, где женщины берут верх, там всюду плохое общественное хозяйство. – Правда, – ответила Н. М., – женщина всюду собственница.

Радио в школе не оказалось, но пришла почтальонша и опровергла слух о конце войны: слух этот, сказала она,

пошел от одной-единственной женщины и наполнил сразу всю округу. Новость верная одна: наши войска вошли в Берлин.

Ночью думал о деревенской женщине, что она, чуть погуляв, бывает, поглощена материнством так, что жизнь «для себя» у нее остается навсегда сокровищем, зарытым в земле. И если случится «любовь», то это значит «сокровище» пущено в ход. И тогда-то вот раскрывается вся женщина в ее возможностях, начиная от бешеной страсти, кончая духовным материнством, в котором мужчина со своим семенем поглощается и наступает... вот тут-то и рождается Новый завет, несущий в глубине своей будущее господство женщины (новый матриархат).

Еще слух пришел о том, что в угоду Америке празднование 1 мая переносится на Пасху.

40 мучеников.

Ни одной ночи без мороза, и днем каждый горячий светлый луч сопровождается морозными тенями. Если только чуть движется вода — не замерзла ночью, а мелкие лужи все превращаются в лед.

В Терибреве. Вас. Алекс. рассказывал, как они на дому собираются молиться Богу, и так будут говеть и Пасху встретят, как надо. Вместе с тем он с гордостью сказал, что сын его назначен в Ярославле комиссаром безопасности. Так счастливо слилось поколение старое и новое, история государства и церкви.

В Усолье я проверил все следы пережитого, от пенья зябликов до ямок, в которых закопаны были вещи от немцев, и все это пережитое привел в оправдание.

Когда слушаешь великую симфонию в концерте, то, сознавая величие, бывает, ловишь мысль свою, грызущую какой-нибудь мелкий вздор, — и устыдишься. Но теперь,

когда вокруг меня совершается это великое весеннее действие природы, мысль, пойманная на мелком деле, только радует. Я больше не стыжусь ее, п. что в наличии ее содержится моя уверенность в том, что все существа живые вокруг — птицы, звери, насекомые, все стихии, земля, свет, вода, воздух исполняют великую симфонию.

В Усолье я пошел к тому месту, где в хвойном лесу собрались березки с осинками, и я в этой лиственной беседке столько раз отдыхал от мрачных елок. Теперь неодетые лиственные деревья затаились, и я не мог их узнать до тех пор, пока не раздался особый струнный крик черных воронов, как они кричали на этом месте и тот раз...

Тетерева где-то в лесу варят и варят себе кашу, а деревенский петух, как топором вырубает...

Вспомнил, что Ляля к утру хорошо уснула, и мне теперь хорошо... забота о друге — забота о себе.

Встретил Ивана Кузьмича, отчаянный политик-контра, и, думая о победе, говорит: — Кто мог поверить!

Нашел три белые кочки на Лялиной тропе, от них свернул в лес и нашел корень, под которым были зарыты тещины ложки. Как все заросло!

25 Апреля. Утром рано вернулись от Фокиных и разбирались в семейных отношениях Митраши. Ляля возмущалась, как часто с ней бывает, не разобравшись, что М. балует любимую дочь Клавдию. Но он доказал, что он ее не балует, а создает ей возможность заниматься уроками. Мало того: он доказал, что действительно воспитывает свою семью.

Были у Аграф. Дмитр., ели блины из крахмальной муки (избыток картофеля превращают в муку и едят вместо хлеба). Ее приятная невестка Ксения.

Как земля берет в плен женщину, обращая ее в рабу будущего, так и мужчину завлекает техника, превращая его в раба настоящего. В технике есть своя завлекающая сила, как и в земле.

На Семине-озере (25 апреля): обтаивая под лучами солнца, лед своей собственной водой обмывался и так промытый, прозрачный принимал свет небесный и голубел. А вода скатывалась по льду к берегу, разливалась по земле, ночью замерзало, и так озеро все росло и росло каждый день.

Журавли потрубили, и от радости даже мороз по коже подрал. И я подумал, что ценится людьми по-настоящему только то, что бесценно.

После обеда заволокло все небо, стало тепло, хорошо, вот-вот дождь пойдет. Но к вечеру наверху посветлело, и дождик не пошел. Вечерняя заря была теплая и такая тихая, такая охотнику прекрасная. Мы вечером стояли на тяге возле Семина, видел вальдшнепа, со всех сторон утки звали селезней, и много их летело, и все шваркали. Это была первая теплая заря.

26 Апреля. Утро пришло серое, теплое — вот-вот дождь, но наверху появился подсвет, и так остановилось. — Началось тепло, — сказал лесник, — вчера в лесу был пар. Встретился Сергей Петрович из матросов. О его жизни рассказывали, как он с матерью своей (баба-Яга) заели жену. Вот жена и ушла (ей присудили 1 удой, а два Сергею с матерью), и эта замученная женщина на одном удое стала скоро здоровая и сильная, а Сергей опустился. И когда это стало всем очевидно, жена пожалела Сергея, вернулась и стала госпожой в доме (одна голова не бедна, а бедна так одна). И свекрови сказала: — Ты лежи на печке, ешь, а в мое хозяйство не мешайся.

- Ты не смотри, — сказал я Ляле, — что они ссорятся. Ты смотри на деревню, будто все в ней родные, будто одна семья, и в семье не без уродов, и всякая семья живет осо-

бенной жизнью борьбы составляющих ее единиц. — Но тогда и на каждого отдельного человека можно смотреть, как на движущий элемент Всего человека.

Есть люди, которые живут без понимания высшего закона и остаются сзади, составляя хвост человечества. Можно истратить всю свою жизнь на спор с ними о необходимости высшего закона, на это и тратит свою жизнь Митраша. Сергей Петров тогда был еще матросом Балтфлота и приехал в родные Хмельники, когда Митраша проповедовал под влиянием чтения Евангелия Слово как причину всей жизни духовного человека. И однажды, встретив на опушке леса Сергея, стал ему об этом горячо говорить: — Сережа, — говорил он... — Нет, — отвечал Сергей, — все эти слова, о которых ты говоришь, висят на нашей шее, все эти писатели... — Господь с тобой, и Толстой, и все висят?

– Я тогда был глуп, — сказал теперь тот же самый Сергей, и опустив голову, как будто внимательно разглядывая травинку, сказал: — Теперь я понял: кроме всего, как нам говорят, электричества, радио и всего прочего, еще что-то есть. — Митраша, — сказали мы дома, — твой старый враг Сергей признался нам, что в то время он был глуп и что кроме всего, чем люди себя показывают, еще что-то есть. — Это он к людям неизвестным ему и высшим: пришел, сказал и ушел. Но он лукавый, и про себя высшего закона никогда не признает. — Нет? Зачем же ты тратил жизнь, убеждая его?

Сколько мучился Варгунин, открывая школу за школой для неграмотных мужиков, сколько труда сам лично положил он, преподавая им географию, но пришло время, вышла большая волна, и все без школы в России научились географии.

Вечер вышел теплый и тяга, как ее рисуют: правда, так много рисовали такие вечера, что все вспоминаешь картинки. Вальдшнепы тянули, но не очень. Я менял места, и когда переходил к лучшему, вальдшнеп пролетал над

покинутым местом. Мысленки мои тоже переменялись, и проходили, как облака. И я знал по себе, что такие мысленки перебегают, когда отдаешь все внимание чему-то большому. Так бывает, когда вскроется река и лед пройдет, то по голубой живой новой воде там и тут проплываются небольшие грязные льдинки.

И в облаках тоже, если внимательно смотреть на них, складываются разные человеческие лица, иногда прямо узнаешь даже их. Но лица эти настолько быстро расплываются и меняются, что никогда не останавливаешься на них по серьезному: все это игра, забава, обман. Но когда внимаешь растениям в их росте, животным в их движении, то кажется, будто весь собранный человек, Весь человек из-за своей спины поглядел и отразился во всем, и ты видишь Всего человека во всей природе, как в зеркале.

27 Апреля. Солнечное, залитое, безморозное апрельское утро. Сережки на ольхе и орешнике растут, но далеко еще не пылят. В Бармазовских лесах местами так много снегу, что как зимой, но эти снега питают многочисленные полевые ручейки. Вода бежит, журчит, поют зяблики.

Вчера приходит Альтер-эго Митраши Егор Евдокимович. Принес Правду, узнали из нее о войне в Берлине. Л., конечно, произнесла в беседе с ним слово Бог, Митраша был против этих слов, п. что эти слова вызывали приверженцев деревенского кулачества (так и сложилось у нас: люди верующие и не смеющие произносить имя Божие, сектанты, толстовцы).

В избе городскому человеку жить нельзя: каждую минуту всякий может войти, все на глазах, вся деревня против неизвестного человека есть коллектив безопасности.

– И знаешь, Митраша, — сказал я, — в городе человеческая особь обеспечена, как таковая: и святой, и бандит, и вождь беспризорников обеспечены возможностью тайны своего бытия. Это ни хорошо, ни плохо: это индивидуализм. А в деревне обеспечивается жизнь коллектива. Теперь все

нравственные основы такого коллектива рухнули, каждый стал думать по-своему, как в городе. Но внешние приемы слежки за индивидуумом остались прежние. Вот почему и старики больше не сидят на завалинках в ожидании беседы с прохожим, и вот почему бывший матрос Балтфлота Сергей приходит и уходит из своего дома задами.

Сегодня на вечер мы уходим в Усолье, чтобы рано утром завтра выехать в Переславль и в Москву.

28 Апреля. Дождь. Отъезд. Дождик только набрызгал. И потом вырос такой теплый солнечный день, каких мы еще не видали в апреле. Везде в болотных лужах показалась зеленая травка. На Переславском озере хорошие забереги. За Ботиком наш путь пересек летящий селезень. Его преследовала ворона. Спасаясь от вороны, селезень бросился в придорожные кусты, а ворона села поодаль. Я вышел из машины с ружьем, ворона улетела, и селезень, на значительном расстоянии услышав меня, взлетел. Но я стрельнул через кусты, и он упал. Через несколько минут после этого, обсуждая подробности войны вороны с селезнем, мы засели в яму. Проходил грузовик, управляемый женщиной, они помочь нам не захотели и не умели. Обдумав положение, я поднял машину на домкрат, выстелил под колесами камнями и отлично выбрался. По пути узнал от офицера, что войска наши соединились с союзниками на Эльбе.

Вечером читал газету у себя на Лаврушинском и вот что показалось для себя главным. Я почувствовал, что речь Молотова, произнесенная в Сан-Франциско, означает для нас освобождение от плена в том смысле, что плен этот скоро покажется для всех нас необходимым. Во время чтения речи вспомнил из детства, как во время убийства Александра II няня с кем-то шепталась и слышались ужасные слова: теперь скоро пойдут на господ мужики с топорами.

Так и Молотов на конференции тоже погрозился: смотрите, мол, действуйте сейчас, а не как в Лиге Наций, а то и на вас придут мужики с топорами. Выразительны тоже были в этой речи слова о том, что Советы спасли циви-

лизацию. Тоже выразительны были слова Идена, что конференция в Сан-Франциско есть последняя попытка спасти цивилизацию. После наших переживаний вопрос о спасении цивилизации представляется очень наивным (мы-то знаем же, что истинная цивилизация, т. е. культура, т. е. связь между людьми, между собой и между поколениями заключается в душах, а не в предметах. Второе, мы знаем, что цивилизация порождена капитализмом и что именно эта цивилизация породила войну), однако, внимание к творчеству личности как таковой есть совершенно реальная величина американской культуры, так нужная нам и тоже так же социализм как общественный корректив личных устремлений есть тоже величина реальная. Недаром же Стетинниус назвал конференцию компромиссом. Как бы хотелось, чтобы этот начавшийся порядок всасывания нами личного начала жизни и ими нашего социализма привел к единству управления хозяйства всего человечества.

29 Апреля. В природе совершается торжество. Москва готовится к празднику рабочего мая: многие ходят радостные. Физическое чувство радости несмотря ни на что. И мы себе, втайне тоже радуясь так же, как все, находим лазейку к духу: такая смена быстрая людских положений и жизней (Муссолини казнен!) открывает нам явно, что человеческая личная жизнь есть момент в жизни Всечеловека, и Весьчеловек — это не я и не ты, идущий по улице, и не ты, едущий в трамвае. Это Ты, Господи, наполняющий Собою весь мир.

Любой простак, идущий навстречу, если остановить его и заговорить, так, чтобы он не боялся признаться, скажет тебе в конце концов, как бы складывая оружие: — Да, что-то есть. Мы это слышали в Хмельниках от бывшего матроса, когда-то оравшего: нет ничего, не верю ни во что, и в воздух не верю.

Теперь он говорит: — Я тогда ничего не понимал, был дурак.

Я мыл сегодня на дворе нашего дома нашу машину, проходили жильцы, беседовали со мной. Власов, то ли красный профессор, то ли политич. руководитель, приехал прямо с войны. Говорил в трепете, что военные переживания хоронят душу в человеке: дай Бог хоть под конец жизни из-под них выбраться. Он уверял меня, что мои писания для него были источником живой воды, что скоро придет время — я буду полным голосом говорить. Ведь мы же за это воюем. После этого смущенного оптимиста подошел пессимист Шильдкред: — Я в молодости, когда юноши стремятся, был не оптимистом, а теперь к старости, нет... и сейчас не могу со всеми радоваться.

Вечером, вычистив машину, поехал с Лялей в гараж и после зашел к Ивану Воину. Прекрасно выслушал «Се жених». После службы Ляля высказала свое глубокое чувство о совершенной и действенной красоте церковного богослужения. Я же был еще во власти той великой божественной службы в лесу и не мог ей вполне сочувствовать. Я сказал: да, но эта красота не действующая, как нам хочется. Она мало считается с современностью. Я плохо сказал: хотел я сказать, что Отцы церкви ушли в себя, вот как наша теща ушла в болезнь свою и не может чувствовать в добре нас здоровых и работающих радостно. Так и церковь ушла в страдания, в мученичество, и только одних мучеников выводит к радости. Между тем все жить хотят. Это сейчас так ясно видно. Вот видно по лицам людей на улицах: сколько бы ни было страдающих на войне и от войны, жизнь продолжается. Вон где-то даже и запели, дурачки. И вся современность скоро запоет от радости жизни. Или вот эти силы новые, бездушные, сколотившие в эту войну в единство физическое все человечество, уничтожившее пространство, надо же и эти силы сделать силами церкви. И надо всю землю и солнце, и птиц, и зверей тоже расставить в каких-то отношениях с церковью, как церковных птиц, церковных животных. И вот это было бы чудом, т. е. действием веры в чувственном мире.

Начинаю понимать, что Ленин шел путем правды, т. е. не в болезнь уходил, а в дело. И правда его была в том, что

он жил не в себя, т. е. в дух, а сжимал дух свой в себе для других (ближних), как сжимали и отцы церкви страданьем дух свой для Бога. Ленин делал то, чего требовало время: он был со-временным, т. е. как человек правды боролся со временем настоящим за будущее. Правда в том, что человек борется с настоящим временем за будущее. Что он преодолевает настоящее время в себе, как болезнь, и выходит за пределы болезни.

Вечером зашли к жене Чагина и занесли ей в подарок дикого селезня. Их прекрасная квартира была наполнена вонью от кошек. Бедный еврей Чагин попал в руки «красавицы», и вот уж как она его треплет и треплет. Она приняла нашего селезня и хочет на него позвать нас и Игнатьевых. На лестнице она болтала о Кавказе, что долго там жила и лошадей любила. — Вот бы вам выбрать какого-нибудь наездника с кинжалом, — сказал я. — Были и с кинжалом, всякие были. Мы решили, что Чагин, как коммунист, спас ее когда-то и теперь сделался счастливым обладателем красавицы. Все понятно.

Ближайшее. Сейчас идти в ВАРЗ, сговориться с Пшеничным, завтра ехать на охоту. После того дать знать Никольскому.

Петя вернулся из Германии с лисицами и отправился в Мурманск, обещал к празднику 1 мая вернуться.

Я вышел на Ордынку и возле ремесленного училища встретил расположенного мне человека, которого не узнаю, но делаю вид, что узнаю. И в сущности совсем неизвестному радостно жму руку при встрече. Он спросил меня вплотную, как я понимаю ближайшее будущее после войны. Я ответил ему: — В Америке цель — обеспечить личность человека как можно больше, и это у них называется свободой. Им этот шаткий путь пока удается. Но с нашей точки зрения там, в этом движении личности не хватает несколько общественного корректива. У нас, на-

против, общественный корректив совсем поглощает личность. Дальнейший путь наш будет, вероятно, в собирании в себе личного начала. Да разве не видите вы и теперь, что каждый поставлен в положение борца за себя, борца, которому никто не поможет, если он сам за себя не постоит. Этим самозакреплением начался наш «американизм». И наверно обратно — в Америке благотворно претворяется наш коллективизм.

– Но из-за чего же мир воевал? — Ну, это вам известно, если подумаете. Мы воевали за единство управления мировым хозяйством всего человека.

Мой собеседник был очень доволен и согласился со мной. Не ахти какой человечек, не ахти какая мудрость, но мы все-таки начинаем думать и говорить.

У Никольского: рассказ о св. колодце. (Как Нептун купался, когда монах уходил.)

1 Мая. Из всех первомайских дней бытия советского такого дня не помню, и лучше не может быть.

Рано приготовился и привел машину. В 10 утра едем на дачу, Л. с М. В. сеять что-то, мы с Никольским на тягу к Пете.

Никольский рассказал, что когда я жил на даче в Жабынском монастыре близ Белева, у меня была собака Нептун, а у него Марс. Против моей дачи был святой колодец, вроде силоамской купели, закрытый забором из горбылей. Богомольцы купались в прудике. У дверей вход стерег монах. Случалось, монах оставлял пост, и Нептун, пользуясь случаем, купался в св. колодце. И до того Нептун приладился к этому купанью, что однажды, когда Никольский пришел с Марсом, большим его другом, [Нептун] сумел ему дать понять, что монах ушел, и повел Марса, и оба друга вместе искупались в св. колодце.

Еще Никольский рассказывал, что пока было холодно, я жил в самом монастыре и на страстной неделе под-

жаривал телятину на общей монастырской плите, и никто мне в этом не перечил и никто меня даже не считал безбожником.

В молодости по себе людей чувствуешь и веришь не думая, что и все так и что люди не каждый сам по себе, а все вместе, как лес. И в лесу точно так же, пока зеленые листья, каждое дерево сливается с лесом, и все лес и лес. А осень приходит — и как горе у людей разделяет каждое дерево по-особому. И вот когда начинается старость: когда по себе уже не решаешься думать о всех, и у каждого дерева, оказывается, есть своя судьба. Осенью в лесу я как в зеркале вижу себя и в этой тяжелой капле, сбивающей желтый лист, узнаю слезу человеческую, и, чувствуя еще всех людей как лес в весеннем уборе, сквозь свои слезы не могу больше, как бывало, соединять свою радость со всею и по своему горю судить о горе всех. Я один стою как на опушке облетающая береза, и нисколько не тешит меня, что мои облетающие листики пойдут в питание и на пользу цветов будущей весны.

Был на тяге с Никольским в Зверосовхозе. Тянули не плохо, но очень было сухо. Катастрофически сухо, и только перед самой темнотой пахнуло весенней свежестью.

Никольский рассказывал свою жизнь с женою, у которой болезнь «психоз отношений». По его рассказам, жена его Евдокия Терентьевна поздновато вышла замуж и оттого полюбила его как ребенка, и стала распоряжаться им, как своей собственностью, измучила ревностью (вот где надо искать корни собственности — в материнстве).

2 Мая. Ночевал у Ии (Петя привез песцов из Германии и повез их в Мурманск). Со мной был Никольский (такая морда, что боюсь на него смотреть). В природе катастрофическая сушь. Вечером в Москве много стреляли, один раз я подозревал, что взяли Берлин. Но, сосчитав залпы до 20, решил, что нет, не Берлин, мало для Берлина.

3 Мая. Вчера я ошибся: это взяли Берлин. Самоубийство Гитлера пока оставляет сомнения: не скрылся ли, а еще лучше, если его умершего скрыли и оставили возможность для роста легенды о «Гитлер жив» и в собирании фашистов после этой легенды. А то взять N. — и какая разница между черносотенцем и фашистом, и мало ли их таких у нас, а сколько в Англии.

Кончится война, займусь лошадьми, и не ездить буду, а развивать сознание их. А то ведь заездили бедных лошадей, ездят, а между тем самим же седокам от этого хуже. Надо лошадей овсом кормить...

Вечер у Чагина (Ливанов Борис Ник., арт. Худ театра, жена его).

Статья для «Лит. газеты» «Простое слово».

Почему так трудно сказать что-нибудь мне, старому русскому писателю, от обрадованного сердца. Вот вижу по тропе, вьющейся в гору поднимается старушка, за ней идет учитель, директор семилетки. Учитель останавливается и что-то ей говорит. Старушка, услыхав слова учителя, повертывается в сторону церкви и крестится. И так по всему необъятному нашему отечеству молнией несутся простые два слова: Берлин взят. Такие простые два слова, так просто их повторять, но как трудно мне, старому русскому писателю, из всей глубины своей жизни получить соответствующее личное отношение к этим двум словам.

Старушка, услыхав, просто перекрестилась — и все. А я, писатель, как я могу поднять всю свою большую трудную жизнь и найти в своих словах соответствие двум словам, определяющим борьбу двух великих народов.

Простите, друзья, не в силах я кстати найти свое слово, я буду искать, но признать его таким, чтобы оно было так же просто, как движение руки старушки, отвечающее движению ее сердца... Умаляюсь перед великими событиями, не могу обычными словами умных людей или изысканными словами художников слова... Я умаляюсь.

4 Мая. Катценяммер после Чагина. Рассказ Пети о его поездке в Германию, как ему пришлось расправляться с немцами и с девушками, его сомнения в германской правде (за которую, если извне смотреть, они умирают) из-за того, что этой правдой держится лишь молодежь. Его объяснение нашей победы тем, что мы делаем лучшее оружие, что мы по природе умней: Туполев. Что вообще, «природа науку одолевает».

5 Мая. (Великая Суббота.)

Дня три уже по утрам немного хмурится и наконец сегодня с утра благодетельный моросливый теплый дождь. Вчера послал в Лит. Газету «Берлин взят», думаю, что не напечатают. Пишу рассказ для детей на конкурс.

Из Петиных рассказов вспоминаю, как он пришел к немцам в пустой дом со всеми удобствами. Взять ему ничего нельзя, делать нечего. Сел за рояль, тронул. И от нечего делать и думать начал стрелять из нагана в тарелки на стене. Еще как весь поезд стрелял с хода по лысухе на озере. И убили (глупость!).

Еще как в его бригаду попала проститутка, как она боролась за себя, бежала и вернулась. Как вообще на фронте боятся женщин, разлагающих дисциплину (Кармен). Нигде как на войне так не заметно, что вода это стихия женщины (мать жизни, из океана вся жизнь, измены, коварство, красота, буря и лунный свет). Муж вышел из огня, жена из воды.

Нигилист: — На все способен, о всем смекает, на все плюет и все побеждает (русский народ).

Раз наши взяли, а у нас нет ничего, так значит и у них там, где мы думаем, есть настоящая ненашинская жизнь, тоже нет ничего.

К вечеру вся улица в направлении к церкви была усеяна людьми с узелками: в узелках была пасха и куличи, и шли они все прикладываться к плащанице и освящать куличи.

Борис Дм., рассказывая о смерти Фета (зарезали), задал мне вопрос, почему целый ряд великих поэтов кончили самоубийством: Маяковский, Есенин, дуэль Лермонтова и Пушкина — тоже самоубийство, да и настроение Блока перед концом. — Вот у Ляли, — ответил я, — бывает такое восторженное сжатие в душе, когда в смерти свет видит или какое-то отверстие из темного мира страданий. Так и поэзия, если ей совершенно отдаться, уводит.

6 Мая. — Не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне (Иоанн, 17, 9).

К полночи суточный холодный дождик перешел в самый теплый и такой тонкий, что восковая свечка в руке не гасла. Мы были около церкви Ивана Воина в тесной толпе, выходящей далеко за церковную ограду по улице. Из боковой двери над головами валил пар дыхания стоявших в церкви. Вот бы иностранцу посмотреть, как молятся русские и чему радуются! Когда из церкви послышалось «Христос Воскресе!» и весь народ подхватил — это была радость! И какой тоже порядок! Даже далеко от церкви на улице, откуда ничего не видно и не слышно, женщина старая, прикрывая от ветра свой огонек ладонями, останавливала девушек болтающих строгим окриком: — Вы куда пришли!

Нет, не только одним холодным расчетом была создана победа: корни победы надо искать здесь, в этой радости сомкнутых дыханий. Знаю, что не Христос вел людей на войну, и радости от войны никому не было, но опять-таки не один расчет и внешний порядок определяли победу. И когда теперь всякий простолюдин, введенный собеседником в раздумье о жизни, говорит: — Нет, что-то есть! — это «нет» он обращает к безбожникам и к себе самому, не веровавшему в победу. А это «что-то» есть Бог, определяющий как вот в этой заутрене свою внутреннюю организацию, свободный порядок, и вот это «что-то» (Бог) есть! Так наступает время, когда наше «нет» сменяется «есть». С нами Бог! А это «что-то» в отношениях иногда очень сурового командира с солдатами, «что-то» прячется в этих

внешних отношениях. Помню, лейтенант Коля: — Я потому лейтенант, что знаю, куда веду солдата и как его надо вести, а ежели сам он знает больше меня, и я только зовусь лейтенантом, то что из этого?

То же самое «что-то» определяет и работу на заводах и в колхозах.

7 Мая. Моя статья в «Литературке» («Простое слово. Берлин взят») не пошла и тем сказано, что пока в литературе все точно по-старому. И потому бросаю всякие попытки писать на современные темы и отдаюсь детской литературе «Мужичок в мешочке» или «Весенняя клюква», или «Сладкая клюква».

Апрель простоял весь солнечно-морозный и создал необычайно сухую весну. Цикл этих дней закончился праздником первого мая. После того начались серые влажные дни с суточными моросливыми дождями. Сейчас в Москве быстро распускаются деревья под теплыми моросливыми дождями.

8 Мая. Эти дни моросливые. Вчера под дождем путешествовал к Никольскому. Чеховский молебен, о. Михаил, рожденный в 1864 году. С ним поющая тонким голосом баба. Сам Никольский, орденоносец. И ни малейшего религиозного чувства.

Помню пасхальную ночь эту. И ветер-то поддувает, и моросит дождь. И как колышется огонек тоненькой свечи! Но все горит, и кровь человеческая просвечивает через ладонь. И вот этот огонек — это я... Так себя чувствую, так понимаю.

Так и чувствовал, что после войны придет новая тревога. И она пришла: началось это с подавления Греции, теперь пришла Аргентина, и третье, это, что дунули на мой огонек («Простое слово»). И говорят, что учителям приказали усилить антирелигиозную пропаганду.

(Ул. Сталина, 21. Улан-Удэ, Серовой Ольге Вас.)

По-моему, Ваше стихотворение «Байкал» надо закончить на словах «то шумел возрожденный Байкал». А то великое возрождение Байкала снижается человеческим слишком личным чувством. Я бы еще мог изменить два-три слова, напр., «становилось каким-то волшебством». И больше ничего! Не знаю, или Вы так богаты, или я такой бедный человек: не присылают мне таких хороших вещей. И по правде сказать, я не знаю, кто из наших писателей сейчас мог бы написать с таким тонким мастерством о природе, как написано «Байкал». («У окна» — это не название.) Мне бы хотелось прочитать еще что-нибудь Ваше, чтобы судить мне о Вашем таланте и мастерстве.

9 Мая. День победы и всенародного торжества. Все мои неясные мысли о связи живых и мертвых, поэтические предчувствия, все, все это, чем мучится душа, разрешается в двух словах: «Христос Воскрес!» Всем, чем ты мучаешься, Михаил, этим и раньше мучились люди и разрешили твои вопросы: «Христос Воскрес!»

На радости я привел машину и повез своих в Пушкино. По мере того, как всенародная радость больше и больше накоплялась в воздухе, Ляля больше мрачнела и злилась. На даче она принялась свеклу сажать, и на слова мои: вот бы чайку попить, ответила: — Хочется что-нибудь сделать, а тут носись с тобой. После она мне говорила о том, что ее возмущает народная радость, что надо плакать, а не радоваться. — Нет, — возражал я, — хороший человек, услыхав о конце войны, непременно должен радоваться: ведь миллионы жен, отцов, сестер сейчас радуются безумно тому, что их близкие теперь останутся в живых.

– А кто же подумает о мертвых?

– Мы же потом и о мертвых подумаем. Ты представь себе отца, у которого двое сыновей, один недавно погиб на войне. Отец в тревоге ждет каждый день, что придет известие о гибели второго сына. И вот приходит известие, что война кончилась и некому больше убивать его сына. Его

сын останется жив. Тогда отец, конечно, забудет о мертвом на какое-то время и душа его будет заполнена целиком радостью о живом. Так вот и мы теперь ликуем о живых. И я не верю в то, что кто в этот день, ссылаясь на мертвых, не хочет радоваться о живых — что такой человек ближе к Богу.

Так мы говорили, а вскоре по телефону Бор. Дм., потерявший Диму несколько месяцев тому назад, сказал Ляле, что так обрадовался он концу войны, что Глеб его теперь наверно останется в живых, что не мог сидеть на месте, бросился к нам, но увидел только уезжающую нашу машину.

Так я высунул язык Ляле. И мне так больно-больно, что я могу ей высунуть язык. Но я это чувство знаю: в праздник и меня всегда раньше охватывала тоска, и я долго носился с этим чувством... право тосковать, когда все радуются жизни. На самом деле, как теперь понимаю, это чувство не высокого достоинства.

10 Мая. Инженер Овчинников удивился, когда я сказал, что не был на Красной площади, а ездил в лес. — Не понимаю, — сказал он. — Как же вы не понимаете, — ответил я, — мне хочется быть одному, думать про себя и встречать удивленных людей, а не толпу. Мне хочется встретить друзей, а не орать затверженное вместе с толпой. — Не понимаю! — повторил он твердо, как убежденный, воспитанный комсомолец-общественник.

Борис Дмитриевич приходил и рассказывал нам, что последние дни он ежедневно писал сыну на фронт, чтобы он, может быть, в эти свои последние дни каждый день имел связь с отцом. И когда узнал, что кончилась война и сын останется жив, он бросился бежать к людям и разделять с ними свою радость. Ек. Як., жена его, однако, заплакала. — Что ты, — спросил он. — Да что Дима (убитый сын) не с нами. — Вот видишь, — вставила Ляля, — заплакала женщина о мертвом сыне, а не обрадовалась. — Нет, — ответил я, — она сначала обрадовалась, и до того обрадова-

лась о живом, что и покойника вспомнила, и заплакала о покойном от радости о живом. — Было время, — сказал я Бор. Дмитр., — поэт говорил: «И так, вспоминая милых умерших, мы плыли дальше, втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых». — Вот видишь, — ввернула Ляля, — поэт говорит: «втайне», а у нас явно радуются за себя и втайне за умерших. Я не хочу таких праздников. — Они и не такие, — ответил я, — в «Одиссее» таких событий не бывало, как наша война. Наше время до того сдавило всех нас, что будь с нами Гомер, он теперь бы так написал: И так, на короткое время забыв об умерших, мы все вместе орали от радости о том, что сами остались в живых.

11 Мая. Ночью меня оставила радость о конце войны, и я представил себя на кладбище русской литературы среди могил и живых претендентов на имя в историю нашего Союза писателей. Ведь ни одного человека, к кому бы я мог теперь пойти, поговорить, как с товарищем! Каждый из них думает только о себе и каждый пробивает свой собственный путь.

А впрочем, Бог с ними, понемногу и они оправятся и выйдут из темных нор, куда их загнали. Умирая, ведь каждый отрывается от всех и остается как один-единственный и таким единственным отдается в руки Б. Наивные люди это понимают только при смерти, а мы несколько раньше, с нас больше спрашивается.

На Пасхе после дождя в Св. ночь пришли холодные дни, как было в апреле, и сегодня утром все замерзло.

12 Мая. В природе ясно, в душе густой туман. М. б. это оттого, что обрадованные концом войны, после этого короткого праздника мы теперь снова входим в будни. Главное, людей-то не видишь, ведь все те же, откуда же взяться чему-нибудь новому, хорошему.

13 Мая. Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на себя это

дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой. Русский писатель русской истории царского времени — это заступник за униженных и оскорбленных. В советское время заботу о человеке официально взяло на себя государство, и писатель сделался чиновником особого комиссариата «сталинской заботы о человеке», именуемого Союзом писателей. (К вопросу о выступлении моем на предстоящем пленуме ССП.)

Жизнь человеческая переполнена историческими событиями, но в жизни личной человека эти события проходят, не оставляя раздумья в душе. Проходя, не связываясь: прошло, и прошло. И как будто свое личное внимание в жизни отнято, и жизнь человеку навязана так же, как навязываются переходящие картины в кинематографе.

В этом вопросе свободы писателя надо вспомнить о свободе верования. Явно, что церковь давно пережила нынешнее положение писателей, но в рабстве своем она сохраняет Христа. Так что и писатель сейчас должен забыть о былой свободе своей и действовать мудро в условиях рабства. Итак, молчи, Михаил, и не болтай вообще, если не имеешь конкретного материала.

14 Мая. Вчера начало теплеть, слышал: кто-то сказал, что самое теперь недопустимое в литературе, это измена жены мужу.

– Ты, милый мой, сам хорошенько подумай, как это можно с государственной точки зрения допустить свободу от семейных обязанностей, в то время как государство так нуждается в том самом послушании, которому учит только семья. Как же ты не поймешь, друг мой, что вот хотя бы наши дворы, наполненные хулиганами-мальчишками, что эти хулиганы являются продуктами разложения семьи, и в то же время ты целый год носишься с повестью об оправдании измены жены. Ты, Михаил, не писатель, а дикобраз ужасный, опомнись, замкни свою тайну в несгораемый шкаф.

15 Мая. Радуница. Окладной теплый дождь. Деревья позеленели за один теплый день, но сквозь эту зелень видны окна домов. Вчера ходили ко всенощной. У жертвенника все священники, дьяконы, дьячки одновременно поминали умерших и к ним присоединялись все, кто хотел тоже и своих помянуть. Впечатление от этого бормотания получалось такое, как будто чан кипит и бурлит: это сваривали в единую цепь всех умерших с живыми. Одна женщина стояла в стороне и глядела, молясь, в свое поминание. Это была целая книга, ею тщательно выписанная.

Так и я в Усолье написал целую книгу, вспоминая всех своих умерших. Так верующие делают сознательно, а неверующие бессознательно делают то же самое, но с таким чувством, будто открывают Америку.

Впрочем, есть два сознания: одно — это смиренное усвоение того, что другими сделано. Другое сознание, в котором участвует сам человек, и ему кажется, будто он совершает и открывает небывалое. Происхождение сект на этом последнем пути (немоляки переводят Библию на свой язык). И вообще, это путь к себе, и с этой стороны надо благословить все пути, все секты, все домыслы.

Но есть какой-то поворот от себя к Богу и людям, когда оказывается, что это нечто искомое, этот маяк путей существует вне тебя и светит для всех. Поэзию и все искусства тоже можно представить себе как путь в себя, т. е. в неизвестное. Например, Блок, и путь к Данному, предвечно существующему и закрытому своей индивидуальностью.

В 4 вечера начался Пленум ССП. Слушали доклад Тихонова о современной литературе. Доклад был цинично спокойной передачей духа ЦК. В отношении религии были приведены слова Ленина о том, что заигрывание с боженькой всегда приводит к мерзости. Вообще оратор дал понять, что победа — это стена, через которую не перепрыгнешь: писать — пиши, но не дерзай писать о том, что за стеной. Но в начале революции меня вывели из этого круга охотничьи рассказы. Теперь выведут детские. И вообще, Михаил, будь спокоен и мудр, согласно своему

возрасту. Не сопротивляйся, когда тебя будут звать, а если не зовут — будь при себе.

16 Мая. Вчера стало опять прохладно, сегодня хмуро, моросит, через первые зеленые деревья еще можно рассмотреть окна квартир и в них иногда и лица.

Пишу свой «зверский» рассказ для детей с успехом и крепко надеюсь, что он меня вывезет. <*Приписка в 1946 году:* как он вывез!>

Пленум перенесли в Клуб писателей. Теснота вышла как в Пасхальную ночь в церкви. Пришлось ограничиться разговором у входа. Оказалось, что ничего из этого пленума не выйдет, п. что новых директив еще нет и жуют старые. Так и все вообще, вся жизнь сейчас после победы проходит без директив. Важдаев пристал ко мне: — Готовьтесь, М. М., вот придет фронт, все хотят жить, все хотят жениться, готовьтесь, на вас будет спрос.

– Не знаю, — ответил я, — почему на меня будет спрос: там, где я работаю — не женятся и замуж не выходят.

Узнал, между прочим, о фронте, что демобилизация состоит в том, что с фронта боевого переводят на фронт восстановления. Говорят, что некоторых героев из армии Рокоссовского — бывшие «бандиты» — возвратили к работе по специальности и некоторые уже сидят в тюрьме. Но все-таки, что бы ни говорили, общая жизнь в военном состоянии: какая бы ни была сейчас погода, а впереди будет лучше.

Халтурин узнал, что я детскую книгу на конкурс пишу, назвал меня умнейшим: — Теперь самое время писать для детей.

Григорьева (известный детский писатель в 70 лет) выселили из квартиры (приехал хозяин). Он где-то в коридоре живет, все хлопочут о нем, и никто не может ничего сделать, спихнуть деятелей с их пути отказа в жилище. Может совершиться трагедия.

17 Мая. Дни светлые, но холодноватые. Деревья (тополя) медленно зеленеют, и все еще сквозь зелень видны очертания сзади стоящих строений.

Пишу во весь дух книгу для детей. Пленум бросил без надежды услыхать новое слово: нет директив. Газеты сразу стали пусты: нет директив. И радио мелет вздор на старых дрожжах: нет директив. Итак, все живет без директив в надежде на лучшее.

Этого не было, но я уверяю вас, оно вернее того, что было, я свидетельствую, как о новой природе, более реальной, более законно-действительной, чем хаотическая природа древнего хаоса. Привыкайте же друзья к уважению этой новой природы и устанавливайте на ней ваши люлечки и ваши станки.

18 Мая. В полднях начался и остался на ночь окладной теплый дождь. Закончен второй черновик рассказа «Сладкая клюква».

19 Мая. Сегодня яркое утро после дождя. Мы собираемся после обеда к Пете, там ночевать и воскресенье провести на даче.

«Активные праведники единства».

После обеда большое ненастье: поездку к Пете отложили до завтра.

20 Мая. Всю ночь дождь и хмуро. Читая «Смертный пробег», вспоминал, как на вопрос мой «а если убьют», он ответил: это не важно. Теперь, читая «Смертный пробег» и вспомнив «не важно», я подумал, что есть ли «не важно» — особенный выход из обреченности смертного человека. Или это есть лишь иное выражение того же «смертию смерть». Нет, это разное и противоположное. Один путь — это путь личности или общественного размыкания, другой путь общественного смыкания, вплоть до уничтоже-

ния личного (это не важно): на людях и смерть красна. И если теперь провести линию по истории, то вся история будет история двух моралей: личной и общественной.

Капитализм в своем падении есть падение личного начала. Победа социализма есть победа общественного начала (личное не важно). Мы с Лялей представители начала личного, и на каждом шагу можно видеть, что мы именно от этого и страдаем.

Ефр. Павл. занималась кормлением моих собак, и я не чувствовал ее труда и прекрасно писал о собаках. Теперь я чувствую этот труд и не могу с прежней радостью писать о собаках. Между тем, сознание мое стало выше, значит...

По радио сейчас сказали: умер Тренев. А я, чувствуя его одиночество, зная, что он болен, на днях зашел к нему. Наш разговор начался о Пленуме. — Константин Андреевич, — спросил я, — будет ли что-нибудь хорошее? — Едва ли, — ответил он. — Если б поражение было, а то ведь победа. — Ну, — сказал я, — это старая ориентация, пораженческая.

После того, очень незаметно, К. А. стал выходить из пораженческой ориентации, сказал, например, что имя мое чистое, хорошее, и что следовало бы мне выступить на Пленуме. Напротив, я ему говорил о религии, о том, как прошла пасхальная заутреня, и что Христос воскрес — это одна единственная связь между живыми и мертвыми. С хорошей улыбкой, дружеской, расстался он со мной. Но что-то оставил он при себе (или так мне показалось). Я думал: до чего же он выучился осторожности, какой он дипломат, что даже при такой-то болезни держится и не выскакивает. Так вот я и не знаю, согласился он со мною «Христос воскрес» или же нет: промолчал.

Не забыть по себе и по Ляле разобрать развитие личного начала и общественного.

Крестьянская изба — это копилка эгоизма, украшенная изображением Пана.

На даче шел теплый дождь, и нам показалось, что тут в природе и было хорошо, и только из Москвы представлялось плохо. Но вечером приехал к Пете, стало очень холодно, и он рассказал, что и все так: ничего не растет.

Митраша наделал шаек много, а продавать их отказался: этот путь частника, а теперь победа, и вся жизнь устремлена против частника. — Я приехал помогать Михаилу Михайловичу в его доме, но не затем, чтобы под его фирмой заниматься своим делом. Ляля, было, вскинулась на него, но сильно проиграла: Митраша есть коммунист в чистом виде, коммунист-моралист, он содержит в себе коммунистическую веру в человека, его методы моральные, но не политические. Тут происходит у него недоразумение с партией, разлад морали с политикой.

21 Мая. Холодно, мрачно, дождит. Видел Тренева мертвого в Союзе. Тот, с кем я недавно разговаривал — это не он, бескровный в цветах. Что я с ним говорил: в сущности, я сказал ему, Христос воскрес! Но помог сказать это еврей Чагин: он так задушевно просил меня навестить Тренева, больного и одинокого, что я пошел и сказал так откровенно, как если бы знал, что дня через два-три он уйдет.

По радио ... конфликт Югославии с Англией по поводу Триеста. Это уже третий конфликт Англии с нами: 1) Греция, 2) Польша, 3) Истрия. Итак, чувство истиной победы мы не испытали, напротив, тревога все больше ощущается и «Христос воскресе» отходит все дальше и дальше в будущее.

Происходят различные конфликты, и чувство истинной победы мы не испытывали. Напротив, тревога все больше сгущается, и «Христос воскресе» отходит в далекое будущее.

И вот, представьте себе, — сказал Ф. П., — что после немцев явится новая враждебная сила: тогда все пойдут в бой умирать, но тот человек, кто немцев ждал, точно с

таким же чувством будет ждать англичанина. И так он все будет ждать и не дождется. И англичане развалятся, и Америка: коммунизм непобедим.

Петя сказал о Митраше: се человек. — Нет еще, — ответил я, — человек должен обладать личными средствами в своем выражении и влиянии. Митраша может говорить только «тае-тае». Он даже не в силах перешагнуть через себя и отдать свою волю партии или церкви.

22 Мая. Майские холода продолжаются. Вчера налетом был в ССП, поглядел на людей возле мертвого Тренева. Я подумал: вот где ярче всего разделяется общественное начало и личное. Личное дело — смерть, а общественное — это у тех, кто должен хоронить мертвеца. Только родные, любящие...

Писатели, которых я видел на похоронах Тренева, казалось мне, как-то заплесневели и покрываются тонкой паутиной. Похожи даже на мух, из которых пауки выпили уже всю кровь.

А сколько хозяйств без хозяина, попавших в женские руки, поправились за время войны.

Человек шел по улице и как всякий человек думал попеременно о своих делах, о себе самом, и каким ему показаться среди людей. Другие, встречаясь с ним, видя, каким он им показывается, старались догадаться, чем он занимается, и какой он сам по себе.

23 Мая. Холодно. Вчера был С.С. Туров.

Митраша как тип русского коммуниста без политики. Личность, возникая, образует собою круг заключенных рабов. «Пролетарии соединяйтесь», значит, сплющивайтесь все в одно для уничтожения каждого, т. е. личности, и тогда все будете свободны.

Предстоящий разговор с Митрашей: Церковь при коммунизме может быть только рабой. Но почему бы и не быть в состоянии рабства?

Как падала у русских иллюзия о Западе, что истина там. И как пришло убеждение в том, что мы завоюем весь мир («И се буде»).

Питаясь такой победой, коммунизм будет совершать новые победы, пока не овладеет всем миром. — Мы верим, — сказал Ф. П., — что коммунизм будет до второго пришествия. И в это мы верим: оно будет. — Не есть ли это конец мира? — Очень похоже.

Митраша, Бог недаром лишил вас речи и вообще словесного строя свободного влияния. Если вы хотите убедить кого-нибудь, то только силой. Вы этим средством не пользуетесь, но ваши единомышленники по религии человечества этой силой хотят покорить весь мир.

Вечером у Игнатовых разговор на тему эгоцентризма поэтов. Задели меня, и я рассказал, как блестяще я сумел скрыть от людей свое горе (мезальянс): все меня считали веселым охотником.

У Ляли с матерью был опять обычный спор за обедом: слово за слово и дошли до основ. — Я служу Михаилу Михайловичу, ты же не ценишь его труда, не понимаешь его значения. — Я-то не понимаю! Почему ты так думаешь? — Потому что ты думаешь только о себе, и меня ты, конечно, любишь, но для себя. Если бы ты понимала значение нашего дела, ты бы держалась скромной старушкой, а не барыней. — Старушка, — ответила Нат. Арк., — имеет тоже свои права. И мы потом разговаривали между собой о том, что будь на моем месте Толстой, Пушкин, Шекспир, теща и в их обществе все равно как в моем стояла бы так за права старушки и, выслушивая их поэмы и драмы, считала бы их за блестящую игру, противопоставляя этой поэтической игре как настоящее дело житейский такт.

24 Мая. Кругом беспросветно мутное небо и не тепло. Пишу рассказ на конкурс «Дружные ребята». Через неделю закончу. Завтра прочитаю начало Елагину и запродам. Есть слух о предстоящем награждении сталинской премией (вот бы кстати), а не наградят — возьму сам на конкурсе. Вообще, впереди будет медленное бытовое улучшение, — хочется большего после войны, но «не так живи, как хочется» и потому стало скучновато: время без директив.

Сюжетный ритм в рассказе, или подсознательное распределение материала.

25 Мая. Весь день беспросветное небо и снежная метель. Редкое явление. Читал Замошкину и Елагину начало повести «Дружные ребята».

Смерть Д. Бедного. Старики летят один за другим. Слышал, что Тренев всю жизнь проводил с маской на лице и умер с маской, и никто не знал его лица.

После вчерашней майской снежной метели солнечное тихое утро, мелкие барашки высыпали на небе.

Сходство. В портретном искусстве сходство есть план и самый внешний и самый глубокий. Внешний план для общего глаза, когда все говорят: похож, очень похож. Внутренний план для любящего человека: «да это он, он, как живой».

Внутри этих двух планов размещаются все планы ступенями восхождения к личности самого художника. (По поводу скульптурного портрета Сарры Лебедевой.)

В четверг вечером мы были у Игнатовых. У Наташи еврейский поверхностный ум, как у Иванова-Разумника (все знает). Таня русская вполне и так быстро не может заключать, у нее мысль не может оформиться без сердечной проверки. Наташа всегда начинает от ума и кажется правильно, как подумаешь глубже, выходит, что может быть так, а может быть так и не так. Таня начинает от сердца и часто по-русски путает...

Вчера Сталин провозгласил первенство русского народа в Союзе.

Умер Демьян, низвергнутый и полузабытый. И вот полилась словесная вода. Можно сказать, что на похоронах сухим из воды выходит только покойник. Вот об этом-то и надо думать всегда, что смерть не для себя страшна: сам-то непременно сух выйдешь. А вот ближним твоя смерть есть в какой-то мере неприятность. И при мысли о смерти нужно думать не о себе, а о тех, кого ты любишь.

Вечером с большим успехом выступал в Университете (проф. Витвер).

Забор — рассказ пьяного человека: Библия книга первая из всех книг. Вначале ничего не было на свете, ни тьмы, был хаос и посредине стоял забор.

27 Мая. Обещают метеорологи с сегодняшнего дня потепление.

Приходил некий молодой писатель. — Пишите, как живете. Представьте себя самого, вы идете и что-то думаете. Вы думаете о себе самом, о своем деле и каким вам показаться среди людей. Вот так и пишите: о своей душе, о своем деле и как вам выйти на люди.

28 Мая. Погода улучшается. К вечеру ясно и твердые кучевые облака. Выписал 8 главу повести «Дружные ребята». Остается IX–XII и эпилог. 5 глав = 20 стр. — 5 дней + 5 дней отделки = 10 дней + 5 дней переписки и пр. К 15 июня сдать.

29 Мая. Утро летнее. Направляемся в Ботанический сад за цветами.

Вчера ходил к Шуликову за щенком англ. сеттера. Шуликов берег свою чудесную суку Диану для сына, которого 6 месяцев считали убитым (в тифу на разведке тяжело

ранен, его новую одежду надел другой и был убит, а документы в кармане).

Приходил проф. Кобленц (Книжная палата) с подписным листом старейшему детскому писателю Покровскому. У П. рак, знает, что умрет через два месяца. Ему надо закончить роман, просит «Детиздат» выдать аванс для жизни на два месяца.

30 Мая. Летняя погода. Ездили в Ботанический сад за цветами. Продан С.М. Лосеву Робик за 1000 р. Звонил Петряеву дать мне курцхаара. Написать главу о блуждании Катюши.

31 Мая. Погода летняя. До обеда уедем на дачу. Хочу урвать время на главу о Катюше. С ужасной головной болью завел машину ручкой и перевез жизнь свою на дачу.

1 Июня. Митраша «уделал» мне столик с козырьком от солнца возле моей яблонки. Все плодовые деревья, яблони, вишни, кустарники, смородина — все в бутонах. Со всех сторон слышны звуки кормящих грачей. Начинаю IX главу повести «Друзья».

Общественность требует личного оформления и непременно с угнетением разума: так чтобы через форму личное было понятно и для других.

В этом процессе обобществления всего личного есть границы: у одной границы общественность требует только формы без содержания («бюрократия»), у другой границы личность требует у общества признания, не считая своим долгом предварительное свое разумное оформление: это содержание без формы (анархизм).

2 Июня. Цветет еще только черемуха и вишни, но птички поют уже летние, маленькие лопотуньи и подкрапивники.

Тесть рассказывал, что зять привез из Германии матери десять посылок по 8 килограммов, если дойдут — на

всю жизнь хватит. Еще привез аккордеон в 40 тысяч, два отреза, два пальто... одним словом, привез.

– Слышали?

– Да нет.

– Вы тоже, как и мы: живем и живем. А зять говорит: 40 заводов привезли из Германии... Ох, и злы немцы. До чего доходят. Одна немка — раз! В нашего капитана, пропал капитан. Что сделала. Конечно, ее тут на месте, ну, так что с нее — немка! А тут из-за нее капитан: ждали домой — еду, еду... А вот на!

Трудный день прошел, а оказалось это все от голода. Накормили, и все прошло. А как мила Ляля-то стала: стыдно подумать, что с голоду и раздражения я на нее выдумал.

3 Июня. Очень жарко. На горизонте синие грозовые тучи, над ними белые кудрявые облака, будто обличие гор. Один раз ударил гром, брызнул дождик и обманул. Ждем дождя.

Закончил «Дружные ребята», остается выправить. Петя привез сетку. Ставим забор. Опять влюбился в Лялю, опять, как всегда, в своих сомнениях виню только себя.

4 Июня. Собирался дождь и не собрался. К вечеру похолоднело. Но спать лег с открытым окном. Зацвела яблоня. Закончил и выправил сказку «Друг человека». Поставил забор. Ляля поехала в Москву.

5 Июня. Мои именины. Безоблачное утро, роскошное. Цветут яблони, и так сошлось с моими именинами второй раз в жизни: первый раз было в год смерти Маши. Еду в Москву устраивать сказку.

Итак, работа закончена. Дела: 1) Возвратиться с дневниками, имея в виду найти новую тему. 2) Наладить фотографию. 3) Готовиться к поездке в Усолье. 4) Выяснить материальные ресурсы. Дневники привезти в Пушкино.

Вечером читал Елагину сказку («Сказка о мужичке-в-мешочке и золотой курочке»). Понял, что вещь написана настоящая и значение для моей жизни будет иметь то самое, на что я надеялся. Эта «сказка», как в свое время охотничьи рассказы, будет мне поводырем сквозь литературное безвременье.

Сегодня сдаю для переписки и заключаю договор с «Дружными». Кроме того, попробую напечатать в большом журнале и написать сценарий.

Умер Вересаев. (Очередь: Толстой, Шишков, Тренев, Бедный, Вересаев.) Кто следующий? Авось обратят наконец внимание на условия жизни без воздуха. Григорьев живет возле общественного нужника в коридоре, ходит к Поликарпову и получает ответ: «Займемся».

6 Июня. Заключили договор с «Дружными» на «Кладовую солнца». Володя Елагин устроил мне вдвойне гонорар — за 2 листа не шесть тысяч, а двенадцать.

Были на «Раймонде» с Семеновой (с Рыбниковым). Постановка слишком реалистична и тем самым уничтожается душа балета: сказка. На Семенову приходилось смотреть, как на скаковую лошадь: какие ноги, какая спина и т. д.

При беседе с Рыбниковым вспомнил последний разговор с Митрашей о безобразных мальчишках, продукте войны (пустые глаза: смотришь в них — нет ничего: как будто зверь на дереве сидит где-то, пантера, вот-вот скакнет откуда-то с дерева и схватит тебя). — Вот бы прибрали к рукам. — Я бы сам помог, — ответил Митраша. — Вот видите, — сказал я, — все мы теперь начинаем понимать государственную необходимость.

Рыбников твердо держится государственной точки зрения, и выходит, что все очень хорошо.

– Хорошо, — отвечаю, — но людей-то нет: взять попов, какие они люди? Людей-то нет! Взять наших художников? Нет! Писателей? Нет людей.

7 Июня. Дни золотые. Две девочки подрались из-за мячика. Одна вырвала мячик и шлепнула другую рукой по лицу. Обиженная девочка крикнула: — А все-таки ты не мальчик!

В Рыбникове есть что-то заскорузло-поповское, и оптимизм его, и анекдоты, и рассказы.

Недавно сон видел, обоз идет, а колеса не движутся. Как это похоже на жизнь нашего времени. Такое блестящее положение государства, а людей нет.

Очередная схватка с тещей.

После обеда уехал на дачу и там отлично успокоился. Из бесед с Митрашей понял, что тещу никак нельзя объяснять ее мещанско-дворянским происхождением, что в каждой деревне есть заковыристая старуха-колдунья (объяснение их всех в Старухе из «Золотой рыбки»): «Хочу быть владычицей морскою». Своеобразие нашей старухи: это ее благопристойный вид и благоразумная рассудительность. (Салтыков на этой ноте спел своего Иудушку.) Здесь нота тонкого себялюбия, возбуждения жалости к себе всеми средствами.

Читал в газетах схватку Черчилля с Эттли, консерватора достойнейшего с социалистом. В словах Черчилля чувствуешь все свое знакомое, пережитое и... бессильное. Просто и нет умного слова против как будто безумия. Что ни придумывай — все равно жизнь против, и твоя вера, мысль, слово — будут отлетать как от стены. Вот ты лорд и великий исторический человек, но ты пережит, и Англия твоя пережита, и ты обречен. И никакая теория, и никакое достоинство личное, и даже имя Бога (оно так легко подменяется) не могут состязаться с этим наступлением *всех*

против *личности*. И все потому, что личность потеряла у всех доверие к себе. Личность у всех, г. Черчилль, скомпрометирована вашим лордством. Вы лорд, и вам никто не поверит. Свидетельство о личности должно исходить от нового, небывалого человека, и если это даже будет Христос, то или как неузнанный, или во втором своем чудесном пришествии.

8 Июня. Раскрываются бутоны яблони штрейфлинг, и в бутонах, в складках царственного одеяния шевелятся темные смертоносные жучки.

Ездил за рыбой к Бусыгину. Странно сошлись настроения от природы и от людей. У берега искусственного озера, под которым схоронена жизнь трех деревень, я присел подождать наплывающих к берегу рыбок (плотву). И вдруг заметил, что сижу на могильной плите и рядом лежит бронзовый крест. Вспомнилось, что люди рассказывают, что будто иногда покойники всплывают в гробах... Тогда и наплывающие рыбки мне стали казаться не просто как рыбки.

9 Июня. Это установилась летняя погода: зори ясные и прохладные, днем тепло в тени и на солнце жарко. Вишни облетают, и некоторые яблони тоже роняют лепестки.

В то время как люди борются между собой, они знать не могут, кто из них победит. Никто знать не может вперед, каждый находится во власти времени. Время — хозяин, и этому хозяину надо служить, и служат все — от подхалима до вождя.

Так вот и ты, Михаил, идешь по шпалам, но гляди и слушай, не идет ли поезд впереди или назади. Увидишь впереди, услышишь, что сзади — сойди со шпал и пропусти поезд: пусть себе летит. И так мало с тебя спрашивается: посторонишься и пропустишь. И когда пропустишь и опять взберешься на шпалы — оглянись вокруг себя, обними все и обрадуйся: никто тебе не мешает, ты царь и твоему царству нет границ.

Так радуйся, Михаил, и помни, этой же дорожкой тоже пешком шел Господь наш, Спаситель мира, Царь Иудейский. И ты, старик Черчилль, тоже пора тебе порвать векселя лорда, предъявляемые времени: брось все сам, прежде чем тебя заставят бросить, и будешь свободен... Но... легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем пройти английскому лорду через то ушко, в которое пролез русский человек.

Мы с Митрашей делали забор из железной сетки, выходит скоро и очень хорошо. Люди проходят, и большинство завидует и спрашивают, где достали. Только Наталия Георгиевна, проходя, просто порадовалась от чистого сердца, что нам будет за сеткой так хорошо. — Вот, — сказал Митраша, — так и надо понимать: любо — значит, она хороший человек. И если бы всем любо было, то это была бы счастливая жизнь. И всем было бы тогда жить легко, и тягостного труда бы не было (происхождение утопического социализма).

Приколачиваем гвозди на заборе, Митраша улыбается. — Чему это Вы? — А вот вспомнил, как Николай Васильевич сказал. — Какой Николай Васильевич? — А Гоголь...

Два с чем-то дня живу один, и то уж сильно почувствовал вокруг себя возрастающий непорядок. И теперь ясно понимаю, что порядочным человеком можно назвать только такого, кто без посторонней помощи может на всяком месте устроиться и сохранять облик человеческий. Всмотрись ближе в жизнь, человек, а с этой меркой и увидишь, что все настоящие люди обходятся сами собой.

Есть два выхода из тягостного одиночества: один — это заняться наведением порядка вокруг себя, другой, когда стало очень плохо, дожидаться радости вне тебя: страдая, вдруг увидишь какого-нибудь жучка и через него всему миру обрадуешься. Или петух прокричит — и ты рад петуху, или там мало ли что. Непостижим приход этого мгнове-

ния, когда будто кто-то нажмет на тебя, как на выпуклость жести, и вмиг все на месте перевернет, и ты всему рад.

Понимаю первое — порядок, как механический прием, назовем его метрический, второй же — непроизвольный, духовный порядок или ритмический. Иногда бывает, метрический прием приводит к ритмическому. Но тут есть вопрос: не исходит ли самое желание заняться метрическим порядком от подсознательного наличия порядка ритмического.

Молитва есть ни что иное как ритмическая сила духа, обращенная к устройству жизни — порядку, расстановке вещей: «не оставь меня во всякое время и во всякой вещи».

Толстый шмель, раздвигая лепестки, забирается в бутон цветущей яблони — странно смотреть на такую грубость, но чувствуешь, что это надо и полезно. Шмель переносит пыльцу тычинок на пестик. Другое дело, например, в бутон забирается жучок-долгоносик.

К вечеру приехала Ляля из Москвы. Привезла на поправку сказку мою «Кладовая солнца». Ночью наконец-то пошел мелкий теплый окладной дождь.

10 Июня. Из ночи в утро перешел окладной дождь.

Солдатенков, зять Андрея Федоровича, рассказывал весь вечер о войне, на тему: «человек на войне — это муха». Высказывая это, глядит на окна, покрытые мухами, и пальцем на столе будто муху давит. Сам смоленский, а глаза черкесские. — Жалость теряется? — Нет, отчего. Если русские убитые — мне всегда жалко, а немца можно — слава тебе, Господи. (Золотой портсигар, золотая цепочка. Привез, одно слово — привез.)

Способный человек редко бывает нравственным. А нравственный редко способным. И так можно сказать, что среди нравственных людей меньше бывает способных,

чем между способными нравственных. Вот потому, что нравственные нормы ограничивают развитие и рост индивидуальности. Система капитализма обеспечивает раскрытие способностей у человека, а социализм исходит из нравственных предпосылок.

11 Июня. Безоблачное утро. Сильная роса. Черная земля под яблонями стала белой от облетающих цветов.

Общественная мораль питается индивидуальными способностями и в ней всякая индивидуальная способность превращается в долг. Sic!* Однако «долг» есть лишь пассивная сторона общественной морали, активная же опять-таки личность, требующая исполнения долга. Так происходит диктатура. Итак, общественная мораль приводит к диктатуре, зависимости человека от человека. И вот почему Вольтер сказал, что если Бога нет, то Его надо выдумать. (Эта мысль или вернее зародыш мысли пришел мне в голову вечером вчера во время слушания рассказа «зятя».)

12 Июня. Отдание Пасхи.

Когда что-нибудь расстроится в плане и вспомнишь 13 число, то на число обыкновенно и ссылаешься: виновато 13 число. А если что-нибудь задумаешь, и на пути стоит 13 число, то скажешь: — Вот еще глупости, вот суеверие.

Мы сегодня едем в Москву, и я себе говорю: — Конечно, суеверие, Михаил, все-таки осторожней води машину и помни, что при малейшей ошибке все пойдет в пользу суеверия.

С 9 утра выехали и в 10 $^1/_4$ на Лаврушинский.

13 Июня. Со вчерашнего утра моросит теплый дождик, такой мелкий и редкий, что под ним можно ходить в Москве без пальто.

---

* Sic! (*лат.*) – так, именно так. Употребляется для подтверждения сказанного.

Пригласили астрономы в экспедицию солнечного затмения 9 июля в Куйбышев. Возможно, что поеду. Прочитать Короленко.

Сделал профилактику машины. Узнал, что из коробки скоростей смазка перегоняется и маслит тормоз. Сходить на завод. Выпросить оба реле.

В 5 веч. сдать работу в Детиздат на конкурс.

Позвонить генералу о собаке.

14 Июня. Утром вернулось солнце. Вчера сдал в «Детгиз» «Кладовую солнца». В пятницу определится мнение Кононова, и если благополучное, то сдам с предисловием в «Октябрь». Остается сделать сценарий. Сегодня покончить с собакой, сговориться с астрономом.

Вспоминая «зятя», думал о силе сжатия половой страсти на войне и одновременно с этим жадность при грабежах: думал, что у солдат — это сила в одну сторону, у святых в другую, но сила сама по себе одна и та же.

Итак, русский народ победил, и вот надо вспомнить теперь все, чем мог победить народ: зять сказал, удаль; инженер сказал, коллективный характер ума, противоположный индивидуальному; а дальше, что ... пар (пасх. заутреня).

Бывало, когда я был ребенком в литературе, я ужасно боялся моральных идей в рассказе: чуть, бывало, задумаешь рассказ свой к чему-нибудь вывести — все его очарование пропадает. Но, по-видимому, мораль страшить и мешать может только детям. Теперь я, вполне созревший писатель, играю моралью в рассказе, как мячиком.

Вечером ходил в Кремлевку и в разговоре с Зоей Вениаминовной (кремлевская жаба) об организации отдыха вышел из себя и создал этим себе глупейшее положение в хорошем обществе («мы маршалов лечим»). — Берегите

свои нервы, — сказала жаба. И я понял из этих слов, что нервы действительно надо беречь точно так же, как берегут продовольствие, что в этом именно и состоит дело организации своего отдыха. Еще я вывел убеждение, что лучше умереть в попытках восстановления своих жизненных сил, чем располагаться на помощь кремлевских медицинских филистеров.

С этого дня в состав ежедневного плана жизни вводить непременно план расхода энергии нервного аккумулятора: 1) не распускать себя в болтовне, 2) всеми средствами избегать споров со своими женщинами, 3) и не оспаривать глупца.

15 Июня. Определилось, что в «Детгизе» и Кононову, и Дубровиной «Кладовая» чрезвычайно понравилась. Сговорился с «Октябрем» о напечатании в июле с предисловием Кононова. Итак, все кончено со сказкой, и как скоро. Из этого можно сделать два вывода: 1) или я уж очень талантлив, 2) или пруд нашей культуры обмелел и на безрыбье я — рак, вместо рыбы. Последнее неоспоримо, слава Богу, что хоть и рак есть. Как бы там ни было, но есть на что опереться, чтобы размахнуться. Очень бы хотелось той же манерой написать теперь «Канал».

16 Июня. День переменный. К обеду привез тещу в Пушкино.

Дикий зять, ходивший пять раз в атаку (тот, что с золотым портсигаром). И Митраша, просидевший как дезертир год в лесной яме. Скажем теперь: вот они встретились...

17 Июня. Пасмурно после ночного дождя. Орут молодые грачи. Низенькой рассадой посадили помидоры. Отцвели яблони. Визит к соседям: проф. Темкину, директору завода Нанасу и А.Ф. Попову (у зятя аккордеон германский 40.000 стоит, а играть не умеет). Орден Александра Невского. Танцы возле завода.

18 Июня. Фильм Диснея «Бемби», чем больше проходит времени, тем ярче, благородней выступает в памяти. Это искусство родилось, когда умер, истощив все свои силы, натурализм и передал все, чего он достиг, реализму.

Натурализм, это когда художник думает, что мир существует независимо от личности художника, и значит надо изображать его таким, каков он есть сам по себе. Реализм действительность понимает как взаимоотношение натуры и личности человека. Практически для художника реализм открывает сравнительно с натурализмом новые возможности.

Так, например, натурализм не допускает возможности разговора животных, растений, камней между собой и с человеком: это «ненатурально». Реализм, понимающий, что сама натура есть что-то вроде зеркала, в которое смотрится человек, относя эти разговоры как догадки к самому человеку, пользуется этими догадками, не выходя из границ «натурального».

В моей сказке «Кладовая солнца» изображение природы, отталкиваясь от символизма Киплинга («Джунгли»), сходится со смелым реализмом Диснея. Мне остается только теперь более сознательно работать в эту сторону.

Намечаю написать небольшой рассказ о грибах с диалогом грибов.

Материалы: Лесная вода (из блюдечка сыроежки) с волшебным преображением мира. Выдвигание натуральных чудес: моховой столик на 16 ножках из поганок. Зарянка клюет стрекозу. Волшебная связь всех живых существ, например, что боровик вырос и уцелел под лаптем человека. Боровик как добро, мухомор как красота без добра (только мух морить). Семенник — боровик старый (тот, что вырос под лаптем). Упрямый боровик: рос и резал себя пополам. Боровик во мху, в мягком просторе, не выходя наружу, разросся в шляпу. Звено сюжета: все грибы пошли на добро (на жареное), а семенник остался в лесу. Маслята — в масле (прячутся). Открытие: открыл веточку, и открылась в густели полянка. Напился лесной воды и открылось и

пр. Самое же главное, что им не больно. Напротив, грибы только и ждут, чтобы их взяли на жареное. А кто уцелел — тому горе: семенник.

Напился воды лесной и стал как дерево. Когда быстро идешь — не видишь: надо постоять.

Слов у них нет и незачем им слово: оно было сказано, и их дело расти.

Медвежья гора (грузди). Боровик, старый. Упрямый боровик. Мухомор и боровик.

19 Июня. Со вчерашнего после обеда сумрачно и холодно. Думаю над рассказом «Разговор грибов». Художественная форма — это не плащ, накинутый на мысль, это плоть мысли (Флобер). Какой-то неглупый критик Лейтес написал о стихах Мартынова «не рисует, а рисуется». Как хорошо сказано, и как часто это бывает, и как страшно к себе обратить: не такой ли и я бывал.

20 Июня. Как и вчера, холодно, пасмурно, изредка брызжет дождик, да еще и сильный ветер. Вчера я попробовал пройтись и укрыться от ветра в лесу. Ушел я далеко, но везде в лесу были пни, и коза среди пней все выела и рассыпала свои шарики. Из пятое в десятое оставались среди пней елки и они-то создавали издали видимость леса. Среди пней попадались лохматые: видно, что и пилы-то не было у хозяина, он мучил дерево топором или может быть даже косарем женщина.

Христова невеста. Она душой была вся небесная и жениха на земле ей не нашлось. Но что она была небесная, это вовсе не значило, что на земле она была хороша. Может быть, поэтому именно и не было женихов у нее, что никто из них не мог преодолеть ее кажущихся недостатков: если бы нашелся хоть один, кто мог бы их преодолеть, он сумел бы стать самым счастливым мужем. Не нашлось для Марии Вас. такого жениха, и она стала Христовой невестой.

Очень боюсь операции и счастлив: до сих пор обошлось. Но одна сильнейшая операция предстоит каждому...

Хотелось что-то записать, но «выскочило из головы». По старому опыту было, что если раз было и выскочило, то непременно вернется. Вот я и записываю, чтобы проверить, вернется или нет.

Огород наш обнесен хорошим забором. И вдруг видим с огорода: Норка ходит по улице. Как она попала туда.

— Норка! Норка! — позвали мы со свистом, чтобы она бросилась на свист как всегда и пришла к нам тем же путем, каким она вышла. Но, услыхав свист, Нора бросилась к воротам и стала за ними... Мы еще раз ей свистнули, она попробовала подкопаться и бросила.

– Скажите, — спросили мы своего гостя, — она это стоит у ворот, чтобы мы ей открыли? Или она не желает нам открыть свой тайный ход?

– Давайте спрячемся, — ответил гость.

Мы зашли за угол и стали наблюдать из-за куста. И как только Норка уверилась — нас нет, она побежала кругом и через тайный свой ход пришла к нам.

– Так почему же, — спросили мы опять, — почему она стояла тогда у ворот?

Теперь все понятно: она думала, что мы глупенькие. Не подумав ни о чем, откроем ей ворота, и она сохранит тайну своего хода.

21 Июня. Вчера в дождь привез из «Правды» рассады помидоров, тут же она была высажена, и тем кончились весенние работы на огороде.

Забор. Прошлый год столько я трудился над забором, а зимой столбы срезали злодеи. Потерпев такую беду, я теперь вижу, где-нибудь начинают ставить столбы, думаю с тупой скукой: вот опять начинается то же самое... После этого легко вообще перейти к дачам, к личной жизни и так далее, вплоть до бессмыслицы жизни земной. Так не кроется ли во всяком пессимизме, от тещи до Шопенгауэра, какой-нибудь личный неудавшийся забор.

Подвиг. А с другой стороны, была у меня основная неудача в личной жизни: отказ моей невесты. Не сделал же я себе из этой неудачи забор. Напротив, я признал, что любовь и счастье существуют на свете, но я сделал какую-то ошибку и упустил свое счастье, что не обмануло меня счастье, а сам я виноват, и это для меня счастья нет, но оно существует, и я могу этому радоваться. Давайте все вместе сорадоваться наличию этого скромного запаса счастья! — призываю я делом своего пера.

Так шел я, раздумывая, вдоль нового забора со столбами, вызывающими у меня тошноту. И все-таки этот забор не помешал же мне выйти из своей шкуры и обрадоваться своему подвигу.

Одна дверь. И тут вот в этом выходе из своей шкуры и есть в то же время вход в Божий храм. Значит, как же близко находится Божий мир с дьявольским, одна перегородка, одна только дверь между раем и адом.

Третий выход. У нас в Русской жизни (интеллигенции) исстари осложнился выход из личной шкуры путем уничтожения самой личности, обращение ее в рабское служение обществу. Таков путь всех наших политических сект-группировок, народовольцев. Народников, эсеров, меньшевиков, большевиков. Из этого самоуничтожения родилась победа в великой войне и новое русское государство-коммуна.

Все реки сошлись. Давно ли нам казалось: была такая бездна между народниками и марксистами, а теперь в свете этой победы — не все ли равно? Разными путями, но все шли к одной цели: у русских даже анархисты (и Бакунин, и Кропоткин, и Толстой) все работали, в конце концов, на государство.

Скачок. Но для чего в мире возникло государство, это большой вопрос. Может быть именно для того, чтобы... Да, да, конечно, государство это вырастает как вызов великану, как величайшая преграда для величайшего скачка. Бывает в церкви так плотно — ребра трещат, пар валит

из окон, и вдруг скачок в духе и выход: Христос воскрес! И радость какая, и нет никаких преград этой радости.

Как много в прошлом люди жили, страдали, думали, и сколько чудес на земле совершилось, пока не пришло чудо из чудес, и человек униженный, заброшенный, измученный мог так высоко подняться, чтобы воскликнуть: Христос Воскрес из мертвых!

22 Июня. Пасмурная прохладная погода и влажная, сильно поднимается трава. Поют летние птички. Сегодня едем и увозим тещу в Москву. Там надо:

1) Решение вопроса о курцхааре*.

2) Попробовать попасть на праздник 24-го.

3) Закончить дела с «Кладовой солнца». И мелкие: получить бензин, исправить фары, спидометр (Ваня).

Растет Жизель! Красота какая! Как звезда на небе. А когда на ребенка смотришь, то в первый момент не звезда, а на кого похож — на маму или на папу. И вот как это увидишь, как будто прострелит тебя тоска, совершенно как вчера стало на душе при виде чужого забора. Я думаю, что и здесь в корне тоски своя неудача: у себя не удался забор, здесь — свой ребенок. Там я понял, как мне выйти из искушения разлить презрение на все заборы и дачи: сознать свою неудачу, свою вину. И тут то же самое: это я вместе со всеми людьми, со всем человеком виноват в том, что ребенок человеческий превращается в зеркало, отражающее наши грехи.

Намечаю детские рассказы: 1) Лесная вода. 2) Робинзон Крузо, столько воды из себя выпустил за день сам, да еще разлил, и не хочет сам по воде, сидит на сухом острове и весь дрожит. За это и был назван Робинзон Крузо. Тот ведь тоже сидел на острове. Дальнейшие приключения щенка.

---

* Курцхаар (нем. Kurzhaar) – немецкий пойнтер, немецкая короткошерстная легавая.

Лесная вода: есть в лесу полянки замечательные. Кроты рыли. Весной ручей, теперь цветы. С той стороны лес. И тут лес. Тут елки, там осинки и березы. Сеяли, сеяли, нигде не выходило. Лесу пришли на помощь кроты. На мокрую землю семена, и лес стал на эти поляны переходить. Березы и осины встретились с соснами, и так вышел лес высокий: с одной стороны частые густые ели, с другой осиновая заросль такая, что заяц бежит и повернет, обежит кругом, а там тоже частые елки. Да так и обойдет круг, а посредине поляны большой пень. Люди обходят, но теперь лапоть остался старый, истоптанный. А может быть, люди и ходили да не замечали ничего. Конечно, приходили. Вот и лапоть чей-то. Я сам в это лето много ходил за грибами и полянку эту обходил, только под осень случилось мне повидать чудеса: был день... птички на краю гриба. Уморился, жарко, пить хочется, дождик собрался, тучи. А поди, хвати ее. Тучу. Вдруг слышу: пить, пить... дай, думаю, погляжу, какая это птичка. Ну, просто как бывает сдуру — самому хочется пить, и там кричат: пить. Дай, погляжу на товарища. Осторожно открыл ветку, а там открылось оконце, и вижу полянка, пень, сыроежка, птичка сидит на грибу, а другая дожидается: пить, пить! Одна напилась — другая села на гриб, и та: пить-пить! Выпьет — не выпьет. Когда грибы показались, та же самая птичка кричала: вот еще! А другая: а вот тут! Белка, заяц, еж, землеройка.

Вечером привез своих в Москву, так и прошел памятный по 1941 году день. По пути вспоминали: рожь мелькнула, вспомнилась та рожь, в Глухове с вопросом: кому она достанется? А теперь и Глухова больше нет, и ту рожь неизвестно кто съел, а место осталось, и выросла новая рожь, и уж эта-то рожь теперь наша. Я даже название Глухово вспомнил с трудом и назвал его вначале Борисовка по одному памятному мне крестьянину Борисову.

По пути в Москву выехал рыдванчик, запряженный парой лошадей в дышлах. — Какая восхитительная парочка лошадок, — воскликнула теща. А мы все, кто вел машину, чертыхались, вынужденные снижать скорость и даже

выжидать. — Чертов рыдван, — кричал один. — Глухой черт, — и еще много хуже. Все ругались, а парочка лошадок щелк-щелк! Копытцами, как каблуками. — Конечно, восхитительно, — ответил я теще, но что бы вы сказали, если б вам самой пришлось взять руль.

23 Июня. Утром хороший теплый дождь обмыл мою машину. Дела: 1) В 11 утра в Литфонд получить американский отрез, 2) получить бензин 40 литров, 3) «Детиздат» — рукопись, 4) узнать о собаке, 5) узнать о празднике.

Небо сегодня двойное, внизу быстро бегут, отрываясь друг от друга, тяжелые дождевые темные тучи, между ними видно лазурное небо с высокими неподвижными полупрозрачными облачками. На тещу действуют облака нижние, темные, она пессимистка. Мария Вас., вечно восторженная, говорит: — Какой прекрасный солнечный вечер! — Ну, уж и солнечный! — восклицает иронически теща. — А как же, — возражает Мар. Вас., — вон солнце. Теща помолчала, вгляделась и не знала, что ответить. Солнце действительно бросало лучи между тучами. Вдруг загремело. Брызнул дождь. И теща опять: — Вот так солнечный вечер! М. В. смолкла. Но тучи разошлись, солнце сверкнуло, явилась радуга, дождь перестал. — Вот и опять солнышко, — воскликнула Мар. Вас. — Ненадолго, — ответила теща.

Получил английский отрез. Узнал у Крутикова о завещании. В «Октябре» приняли «Кладовую солнца». Жду ответа о пропуске на трибуну завтра.

24 Июня. Рассказик «Лесная вода» соединяю с Робинзоном, п. что мое время маленьких рассказов прошло. Я вырвался из этого плена и вернуться назад, вероятно, уже не могу.

Робинзон Крузо. Щенок Робик попал на заколдованную полянку в лесу и (дальнейшее ищи в особой тетради «Робинзон Крузо»).

Праздник Победы. С утра было хмуро. Позвонили, что билеты на Красную площадь присланы. Мы не надеялись и че-

рез это накопляли в себе чувство обойденных. Но как только билет был получен, мы — это птицы, мы летели по Каменному мосту, но было уже поздно, нас не пустили. Мы бросились на Крымский мост, и тут счастье: сели на трамвай. В Союзе встреча с Поликарповым. А билет оказался один. Ляля проводила меня до Кремля и мы расстались. И тут дождь полил. Я опоздал на парад, меня не пустили, и скоро дождь всех разогнал. По радио объявили: «демонстрация отменяется».

Так это странно: такая победа, единственный раз такая в мире победа, и вот какой-то дождик, только дождик — и все разбежались. Еще я думал о том, что солдаты выставлены на параде. Так ведь и слова тоже выставляются на парад, то и другое находится в одном и том же отношении к делу: солдаты к войне, слова к творчеству. И тем не менее парад того и другого необходим. Так чего же ты, Михаил, морщишься и корчишься внутренне, и топочешь ногами как конь, и дергаешься?

Еще я думал о той могучей реке, представляющей собою славу Сталина. И сколько речек влилось в нее, чтобы река стала могучей. Каждый день, каждый час, каждую минуту, каждую секунду чья-нибудь маленькая личность вливалась в личность его.

25 Июня. Потеплело, и обошлось без дождя. Кругом говорят: вот вчера бы так! Счастливый день: Ваня отделал мою машину. Узнал, что «Кладовая солнца» стала притчей во языцех детской литературы. Вот и «Пионерка» тоже пригнала девку: — Можно надеяться на премию? — спросил я. — Еще бы! И потом, вас ожидает другая премия. (Намек на Сталинскую.) — А как вы знаете? — А все говорят. Ляля сказала, что если мне дадут такую премию, то теща будет покорена. Бедная Ляля, она надеялась на покорение тещи, когда она показывала ей пять с половиной лет тому назад квартиру писателя, но в том-то и есть особенность тещи, что она непокорима, п. что мир в ее идеале есть абсолютный покой и довольство, притом, с обязательным признанием ее личности.

26 Июня. Солнечный теплый день. Было время Буденного и прошло, наступило время Жукова. И вот время-то буденновское прошло, а сам Буденный теперь живет во времени Жукова. Что это, или у меня не было никогда своего времени, или же каждый, проживающий свое время, не сознает этого. Или может быть сознает, но ждет, что время его возвратится. Но чувствую — нет! Ни то ни другое. Ни третье. У меня действительно нет.

27 Июня. Ляля застряла в Москве из-за болезни матери. Я зачем-то сегодня один еду на дачу.

И так складывается все, надо сказать, что победа стала всем, как глухая стена: раньше летели и ждали. Теперь дальше идти некуда, и все стали перед стеной.

В 11 д. приехал на дачу. Прохладно было, за 5 дней ничего не выросло. А на яблонке-то яблочки в бутонах, в которых был замечен долгоносик, отвалились. В эти дни замедленного роста овощей сразу стало заметно, что земле не хватает нашего удобрения.

28 Июня. Во вторник спустило колесо, я вставил новую камеру, и колесо опять спустило. Так я переменил три новых камеры и решил так, что резина моя за год стала распадаться. Возиться с колесами нелегкое дело, весь день прошел, а жадность труда все росла. И будь у меня запас камер всяких, мне кажется, я бы умер, но достиг своего. К счастью, оставалась только одна новая камера, и к тому же мне зачем-то надо было выйти на улицу. Вот как только я вышел из этого разгара упрямого действия, так сразу мне бросилось в голову: а нет ли в этой покрышке гвоздя и не натыкается ли на него каждая новая камера? Подумав так, я вспомнил, что колесо это стояло на запасе без колпака, значит, каждый мальчишка мог заколотить мне в резину гвоздь. И стало мне сразу легко и радостно: не распалась резина, а дырочки легко зачинить. Мне кажется, никогда я не испытывал на себе в такой силе жадность в труде: на другой день едва встал.

И тут вдруг понял, почему это Ляля так зарывается в огородных работах, в городской беготне, в переписке рукописей. Ее тоже изводит жадность труда. Бесконечно поглощает огородно-садовое дело, и отсюда все садовники ходят какие-то шальные и ни к чему другому не способные. Отсюда встает вопрос: не следует ли вовсе бросить дачу и Лялину жадность в труде переключить на литературную работу?

Я сказал Успенской (редактор Пионерки) на ее предложение написать рассказ на премию: — У меня есть рассказ о собаке, можно его дать на премию? — Конечно, вы пишете о собаках чудесно, что и говорить. Но вообще нам нужно в рассказе прямое моральное указание детям. Рассказ же о животных может быть поставлен лишь на вторую премию. — Но в моем положении получить вторую премию не совсем приятно, да и вам будет неловко. — Совершенно верно. Так вот мы и разошлись, а между тем Травка моя тоже собака и разве не содержит она в себе прямое моральное указание жить не для себя, а служить человеку.

29 Июня. Все по-прежнему пасмурно и холодновато. Вчера приезжал Петя, рассказывал, как веселился народ вечером после дождя в день победы. И вовсе не было милиции. Этот объективный факт надо прибавить в поправку моих субъективных наблюдений под дождем возле трибуны. Еще долетел до меня из этой толпы голос через Петю о том, что скорей всего мы будем выгонять англо-американские войска из Европы. — А чего же дремать, — сказал Петя, — самое время.

Так совсем становится похоже на «Закат Европы», на время падения Римской империи. И становится теперь уже совсем ясно, почему англо-американцы взяли в союзники варваров. Они были уверены, что в борьбе с немцами Россия истреплется до конца и ее тогда можно будет взять голой рукой. Так приходит обыватель и понимает время по собственной шкуре: Победа, Победа! Но чем она оказывается? А если ничем, то значит, война еще... в союз с Америкой никто у нас никогда и не верил.

Узнать в словаре о спорах и размножении грибов: именно, если сорвать гриб молодой, может ли вырасти на другой год гриб от этого корня. Или же непременно должна упасть спора из головы гриба.

Выступление президента Трумэна на заключительном заседании конференции в Сан-Франциско: — Мы все должны признать, независимо от того, как бы ни велика была наша сила, что мы должны отказаться от свободы всегда делать то, что нам нравится.

30 Июня. Холодные дожди грозят овощной катастрофой. Не вылезаю из ватной куртки. И скучно. Завтра собачья выставка. Повезем Нору. Петряев будет выбирать мне курцхаара.

(Черновик «Старого гриба»...)

1 Июля. Со вчерашнего дня продолжается непрерывный сеющий окладной дождь.

Найти название чувству, охватившему человека в труде, когда хочется довести до конца работу: это что-то вроде прогрессивно нарастающей инерции, когда повозка самокатом движется под гору. Как назвать эту силу: накат труда.

А еще ищет названия потребность человека ориентации — политической, исторической, философской, религиозной, смотря по человеку. Что-то вроде самоопределения во времени. Каждый из нас про себя как-нибудь ориентируется. Как назвать это чувство обманчивое, меняющееся, но свойственное каждому человеку. Взять себя на сегодня: я чувствую сейчас мировую густоту: ни у кого нет ничего прочного в лицах: никто не может ни за что постоять, ни на кого нельзя опереться. И только наплывающий социализм есть факт несомненный. Но что это? В лицах тут уж нет совсем ничего, тут все в массах: социализм наплывает как гунны. Взять это движение в руки, как думал Рузвельт и теперь Трумэн, невозможно, и их «Бог» тут бессилен.

2 Июля. Утром среди рассеянных туч показалось солнце — надолго ли? Видел во сне изнасилование девочки лейтенантом в сарае. И понял этот сон как ответ на сложную цепь вопросов при засыпании и первый вопрос — о выходе из паутины женского обмана: изнасилование — это выход, это правда, об этом думал Ницше, когда говорил: идешь к женщине — бери плеть. Только надо это понимать не грубо, а широко, напр., талант и слава могут быть такой «плетью». Но это вообще тайна, знание этого есть сокровище немногих. Это нельзя публиковать. Ницше, Розанов и другие некоторые (кто?) в этом смысле преступники. Для того-то ведь и существует искусство, чтобы, с одной стороны, укрывать тайну от всех, а с другой, дать возможность каждому в меру его сил что-то взять из этой тайны. Так что большая мысль требует формы, а Ницше просто сболтнул.

К вечеру началась хорошая солнечная погода. Написал и сдал в «Мурзилку» «Старый гриб». Выслушивал пессимиста — сам не поумнел. Эти песни о «страдающем брате» слышу с колыбели. Перестало действовать на душу. Оставлю себе чувство к страдающим людям только личное.

Хочется написать о собаке (Робинзон Крузо) как о человеке и о человеке (как боге) с точки зрения собаки.

Давно ли от слова «Бог» в устах Рузвельта у нас в душе вставала заря. Теперь в устах Трумэна слово «Бог» перестало звучать. Еще хуже со словом: свобода. Совсем не звучит. И даже, как ручка в машине при раннем зажигании, бьет обратно. Настоящая же свобода — это значит теперь жизнь про себя: в этом смысле заключенный в тюрьму может быть больше личностью, более свободным, чем «освобожденный» человек.

3 Июля. Роскошное сверкающее утро. Получил приглашение от Молотова и Жемчужиной на прием по случаю приезда китайцев. Это объясняется, вероятнее всего, тем, что Поликарпову прислали столько-то билетов, и Тихонов,

думая о китайцах, т. е. кто у нас ближе к китайцам, вспомнил «Жень-шень». Лучше если о «Жень-шене» вспомнит кто-нибудь вроде Майского, а еще лучше и совсем хорошо, если китайцы сами прочли в английском переводе и пожелали видеть автора. Чувствую по своим последним (детским) писаниям нарастание как бы свободы от себя: что-то больше не держится возле себя самого и выходит, тогда как раньше это приходилось выжимать из себя.

Вчера Ляля с сиянием лица сказала про М. В., что все ее опасения кончились и в столовой всегда будет открыто, что теперь М. В. всегда будет говорить правду. — И сахар будет открыт? — спросил я. Она тихонько шепнула: — Сахар все же я убрала. Наутро иду у нее узнать, где же теперь сахар. — Ах, забыла, сахар на старом месте открытый стоит. Такой вот хаос чувств, такая крутня в этой женской логике. Но Л. почему-то не хужеет. В ней что-то есть такое, из-за чего все ей прощается. Вот хотя бы эта политика с Мар. Вас., объяснились в любви к Богу, в полном доверии, и тут же сахар прятать. Кажется, очень противно, а выйдет так — сахар-то и забыла припрятать. А если глубже смотреть, то выходит, что она вообще жизнь не считает чем-то очень серьезным и не живет всерьез, как другие, а шалит. В то же время она знает какую-то иную настоящую жизнь, уверена в ней больше, чем в этой. И вот, думая о той Ляле, зная ее даже там, здесь ей все прощаешь.

Был на рауте у Молотова, пожал ему руку и Жемчужиной его, наелся, напился, поглядел на китайцев — и все. От писателей были только я, Вс. Иванов и Кирпотин. По нашей догадке: меня и Всеволода позвали за наши писания о китайцах, а Кирпотина — чтобы за нами глядел. Мне удалось сделать хорошее дело — подговорить Вс. Иванова и Кирпотина: мы втроем напали на Поликарпова с тем, чтобы он вытащил Григорьева из уборной. Он ответил, что сделает. Дай Бог!

4 Июля. С утра день сияющий и жаркий. Еду к генералу Медведеву добывать трофейную собаку. Езды до

Н-Гиреева 20 минут, но мы ездили $4\,^{1}/_{2}$ часа. Вышло из-за того, что у меня в машине расстроились малые обороты, я должен был в Москве особенно сосредотачивать внимание на езде и доверился Ляле в деле указывания пути. Ляля по доброте своей доверяла всем указаниям, и так мы запутались. В конце концов, нашли Петряева (Павел Александрович) и получили собаку Рекс. О ней рассказывал лейтенант, ездивший в Германию за собакой, что Рекса он встретил около Зоммерфельда на омнибусе: его куда-то везли, но лейтенант отобрал. Хозяином Рекса был будто бы лесник. Собака лет пяти (по зубам) и можно надеяться, что она была в натаске (попробуем). Но возможно, что Рекс не прошел школу и теперь не годится для охоты. Но пусть не годится, зато какие формы, какое выражение национальной культуры. И как печально подумать, что у нас даже и собак порядочных нет своих, что когда хотят сказать о своих собаках, то говорят только о лайке, которая вовсе не является продуктом воспитания, а скорее только делом природы. Но в деле усвоения и приспособления мы наверно очень талантливый народ.

Вечером читаю по радио отрывок из «Кладовой солнца».

3-й день измучился, ожарел и опился воды.

5 Июля. Летняя погода как будто налаживается.

Сегодня: 1) наладить машину, 2) получить лимит на бензин, 3) налить машину бензином, 4) вечером или завтра утром увезти собаку на пробу.

6 Июля. Жара. Выезжаю на дачу с собаками. Слышал, что Павленко (новый редактор «Дружных») в восторге от «Кладовой».

«Кладовая солнца»: Дружные — 10 тыс., Октябрь — 6, Пионерка — 6, Радио — 3. Итого — 25 тыс.

Предстоит премия 35 тыс., плюс за книгу в «Детиздате». А кроме того, выход нашел для деятельности, и вещь стала воистину кладовой солнца.

Черчилль сказал: он потому против социализма в Англии, что если и Англия станет на этот путь, то в Европе нынешний благопристойный социализм сделается коммунизмом (т. е. непристойным социализмом). «Непристойность», с точки зрения Черчилля, верней всего относится к диктатуре.

Свобода и долг — вот два кита, на которых я поставлю свой «камень».

В 11 утра был на даче.

7 Июля. С утра, пока небо еще было прикрыто, успел добраться до леса. Рекс начал с того, что погнал молодую лисицу и задавил ее на третьем кругу. Работает в смысле поиска идеально, лучше нельзя. Остается чутье. Сделал две ложных стойки, и это значит: или слишком сильное чутье, или слишком слабое.

Немецкий язык я так забыл за 40 лет, что вот теперь надо собаке сказать «Дай лапу», и я, перед этим вспоминая: гебен, гиб, гегебен, после того уж говорю: «Гиб фус!» И как только я это сказал, Рекс садится и важно, снисходительно, вправду как царь подает мне лапу. Я проделал это на дворе в присутствии важной лифтерши Наташи: — Ну, Рекс, — сказал я, — дай мне лапу. Рекс не ответил. — Видишь, Наташа, он не понимает по-русски. Теперь я говорю по-немецки: — Гитлер капут! Понимаете Наташа. — Понимаю, но собака-то понимает ли? — А как же. Гитлер капут, — повторил я, — Гиб фус! И Рекс подает мне лапу. — Понимает! — воскликнула Наташа изумленно. — Понимает по-немецки. И начала скликать скорей всех лифтерш. — Что же тут удивительного, это же немец. — Ну, какой же немец, это собака, а понимает по-немецки.

Первая стойка. 3-го июля Жульке 3 месяца. Она лежит в солнечных пятнах, видит — муха села. Встает и делает по мухе стойку настоящую. Даже и лапку поджимает.

8 Июля. Жара. Грозовые дожди. Вчера начался сбор лесной земляники. Живем вдвоем с Лялей, я ей помогаю по хозяйству, и так хорошо! — Какая бы жизнь у нас была, —

сказал я, — если б мы жили только вдвоем. — Ну, нечего об этом говорить: все если бы, да если бы... Разве ты не чувствуешь: наступит конец.

Я не стал ничего говорить, потому что вот шестой год уже теща умирает. Ей бывает хуже, тогда Ляля говорит о конце. А вдруг, как бывает с нервными людьми, ей сделается лучше, и Ляля говорит: — Она еще долго проживет. И тут интересно: ни она, ни даже я не хотим, даже будто сами с собой, этого конца.

М. А. так говорила о своей матери: — Ежедневно Бога благодарю, что не желаю ее конца. И в то же время где-то глубоко и подсознательно, как заключенное в тюрьме под замком, таится это желание конца возле радости жизни. Дать бы волю этой силе жизни — и разлетелась бы старуха, как пыль. Но человек эту волю держит на замке, и тем-то он и есть человек. И вот именно против этого восстал Ницше, и Раскольников, и Гитлер. А между тем наползает и наползает такая мысль из подсознания, что м. б. и суд Достоевского с его народным Богом, и суд Рузвельта и Трумэна с их баптистским богом лишь прикрывают основные чьи-то преступления. Раскольников к своему действию вызван был какой-то «силой вещей» (впоследствии Ленин, поступая как Раскольников, назвал эту силу). И точно так же за спиной Гитлера может быть действовала сама Англия.

Был И.И. Фокин и рассказал о неудержимых своевольниках на фронте. Это повторение своевольников 17-го года, впоследствии расстрелянных и заключенных в тюрьму. Между прочим, имя Бога направлено и против них. Вот откуда у честных людей как Митраша такая ненависть к церкви, вот почему в заключение революции опять появляется церковь.

Военные своевольники в процессе войны перерастают дисциплину, они постигают движущую силу своеволия, заключенную в чугун дисциплины.

9 Июля (день затмения в 5.20 вечера).

Грозовой дождь, теплый, с перерывами солнечными, дождь радость нашего короткого лета. У Рекса скорее все-

го чутье слабое (ложные стойки), но пользоваться им умеет (и это лучше, чем сильное чутье без умения). Сборы в Хмельники: 1) Фотография, 2) Охота, 3) и прочее.

Затмение. Пришел под конец базара, купил тухлой свинины. Стал спешить домой, чтобы не захватил дождь: сильно нависло и потемнело. — Так это и есть затмение! — кто-то сказал. И тут я вспомнил: затмение. Очень скоро после этого стало светать.

В том-то и дело, что «богатый» (собственник) не один сам по себе человек, а представитель группы существ, живых и мертвых, создавших и создающих его богатство. Вот почему в Евангелии богатый сравнивается с верблюдом перед игольным ушком. Богатый находится в неволе многих людей и в совокупности с ними стоит действительно перед игольным ушком свободы, как верблюд. Нам верблюд из Евангелия был непонятен. Сам же Толстой, учивший нас легкости опрощения, стоял в жизни именно как верблюд перед игольным ушком свободы. Все, чего он хотел — избу отшельника — и в эту избу он не попал.

И вот совершилось небывалое в мире: все бесчисленные «богатые» огромного нашего народа вынуждены были сложить все нажитое свое перед игольным ушком и вместе с тем сложить всю ответственность свою перед живыми и мертвыми, делавшими это богатство, и голенькими лезть поодиночке в ушко. И тут, по ту сторону ушка, всех кто пролез — цап-царап! Да так ведь и надо: ведь ты не умер за людей, порученных тебе, ты всех бросил, чтобы самому спастись. Ну, и кончено: назвался груздем — полезай в кузов.

Так, по-видимому, богатый обречен умереть за свое богатство перед игольным ушком. И оттого никто из этих людей добровольно в Европе не пойдет за коммунизм.

Итак, слова: «раздай богатство свое» означают не просто чтобы сложить свою ответственность за него с себя, а найти заместителей своих и им все поручить, и они бы сумели его переделать в добро. Вот эти трудности верблюда перед игольным ушком, этот долг перед живыми и мертвы-

ми и определяет необходимость насилия. Но может быть не все «богатые» погибли, может быть нашлись сумевшие свое богатство переделать в добро. На этих-то людей и вся наша надежда. Не пролетарии спасут нас всех, а эти «богатые».

10 Июля. Вчера и сегодня грозовые дожди, переходящие в ливни. Воздух насыщен теплым паром. Прекрасно! Ляля голая в малине отдавалась дождю. Как растет трава! Сосед не далеко угоняет корову, тут же против нас дежурит возле нее, и корова не дается. Корова. Но человек? Как он мельчает возле коровы. Какой у него на досуге сложится мелкий расчет в голове о продаже молока. Так влажно и тепло. Небо, лучший образ единства мира, как будто своей святой водой хочет прийти на помощь земной разделенности, и все, радуясь этому, растет, зеленеет, оформляет плоды. Только страдают почему-то огурцы: какие были, такие и сидят независимые от общей радости. Каждый день Ляля мне говорит: — Они почему-то совсем не растут. — Тебе это только кажется, не может быть, чтобы в такие жаркие дни огурцы не росли. — А вот не растут. — Знаешь, Ляля, не будь пессимисткой: сегодня как будто само небо приходит на помощь разделенной земле и всех соединяет в радости роста. Даже и Сам Господь в такой день, наверно, молился о царстве Божьем на земле, как на небе. — Ну, это легкомысленно, я даже еще девочкой понимала эти молитвы лично, т. е. что царство Божие на моей земле — теле, у моих близких людей, но не как у всех на земле. Лично — да. Но даже и нам, живущим в своем поколении, заметно, все движутся к разделению и концу... — Старушка ты у меня, скулишь, ковыряешься целые дни около своей капусты, полешь травы, навозишь, страдаешь за мнимо больную мать. Вышла бы ты в лес на вырубку: какая крупная омывается там теперь теплым дождем земляника, какие цветы на лугах... — А цветы — это не земля, цветы — это свидетельство неба, это начало ожидающей нас радости.

Такой разговор у нас бывал много раз, и всегда я отходил смущенный. Ведь я-то сам в себе, в том, что называ-

ют талантом, разве не чувствую такой цветок, и разве я не чувствую в корнях своих соприкосновение с землей, питающей меня. Мой цветок раскрывается в точном воспроизведении небесного единства, взращенного питающей землей. Раскрываясь, мой цветок свидетельствует о красоте мирового единства, точно так же как юношеская любовь, начинаясь, свидетельствует о любви всего человечества. — Милая старушка, в силу самого факта роста я не могу не думать о Царстве Божьем для всех на земле. — Милый цветочек, — отвечает старушка, — я же не останавливаю тебя: цвети во славу Божию. Но если ты не только цветок, а и человек, то как же ты можешь не смутиться тем, что лучшее для всех на земле не выходит: страдание усиливается, конец приближается, и конец — это факт, математически доказуемый: земля когда-то кончится. — Кончится и все сгорит? — Все сгорит. — И те цветы, и мой цветок, как свидетельство жизни небесной, и этот прекрасный день так зря пройдет? — Это все будет на небе. — Значит, земля и люди, разделяясь, разлагаясь, создают вечную небесную жизнь. Значит, на земле же пекут люди свои небесные пироги! — Видишь, я в жизни слишком много страдала и видела слишком много чужого страдания. Я радуюсь цветам и радуюсь твоей радости, принимая в этом свидетельство вечной радости, ожидающей нас после смерти. Я слишком человек, чтобы участвовать в божественном творчестве. Для творчества нужно хоть ложечку мира в душе, но в моей душе только страдание.

Вот настоящее православное миропонимание и рядом с этим какое-то иное. У нас это иное понимание называют не то пантеизмом, не то социализмом (а может быть следовало бы назвать и ницшеанством, и фашизмом и пр.).

Православие — это религия личности, иное понимание — религия общества («всех»), и то и другое называет себя религией человека, человека-личности и человека общественного.

Человек-личность ведет свое начало от Бога, человек общественный — от обезьяны.

Общественный человек не гнушается своей обезьяной и пытается устроить с ней какое-то лучшее сожительство здесь на земле.

Человек-личность отрицает возможность устроить лучшую жизнь здесь, на земле.

Человек общественный называет себя оптимистом, а личность — пессимистом.

Напротив, личник, как верующий человек, считает общественника пессимистом, а себя оптимистом.

Итак, сердце нашего русского народа состоит из таких слоев:

1) Немногие личники, православные люди с идеалом богочеловека, неизбежностью страдания на земле и верой в будущую жизнь.

2) Коммунисты в широком смысле, как общечеловеки, намеренные создать лучшие условия жизни всех людей на земле.

3) Православные в узком смысле — церковники, стремящиеся сладить в добре земную жизнь.

4) Коммунисты-государственники, чиновники, работающие в том же компромиссе, как и церковники.

5) Фронтовики-анархисты, удалые ребята, подобные матросам 17-го года. У них нет миропонимания, но у них дело.

6) Я сам, как личность, единственный в настоящем, прошлом и будущем, в своей определенной необходимости получающий свободу, как верблюд, сумевший пройти сквозь игольное ушко.

Ездил с Петей на болото в Новую деревню. Установил, что Рекс болота не знает, что чутье у него есть, что он робок... и его можно взять в руки. В связи с этим определилось, что нечего ехать в Хмельники в июле, а прямо к охоте в августе, что июль — ездить к Пете и натаскивать на тетеревов, и что надо просить в Моссовете бензину.

Есть религия богочеловека (личности) и есть религия человечества (общества). В первой религии Бога пред-

ставляют попы, во второй — вожди. Эта мысль подает новую мысль, что так было, как теперь, от всех веков: борьба представителей человечества с представителями личности, пленение пап и т. п.

Родятся люди повторяемые и прямо с назначением или призванием к самоповторению. И есть, родятся единственные и неповторимые. Вот где и таятся корни религии личности и религии человечества.

Пессимист — это царь, потерявший свой трон. Оптимист — тоже царь, но умеющий царствовать и не на троне.

Итак, повторяемый человек в моральном своем определении есть человек служащий. Ангел или собака. Советский строй состоит из неповторимого Сталина, множества ангелов и еще больше собак.

Рекс невидимый и неслышимый шныряет в кустах, и на полянке узнаешь о нем только по цветам: цветочки, раскачиваясь после него на своих длинных высоких стеблях перешептывают друг другу: он тут шел, шел и прошел.

11 Июля. Солнечный парниковый день проходил с угрозами, но обошлось без грозы и дождя. Из-за пустяков я поссорился с Лялей, и перед ее отъездом в Москву мы наговорили друг другу разных неприятных вещей. После нее ночью перебирал, как водится, ее недостатки, но все они, как всегда, расшлепнулись об основную Лялю, преданную мне воистину до самозабвения.

На огороде у нас выращивается горох, огурцы, картошка, которую осенью так легко будет купить, а земляника вот пройдет, ее уж не купишь. Хотел увезти ее в Хмельники на охоту, но она не охотница, значит, будет сидеть фотографировать, разожжет в себе страсть, и опять будет то же самое, что и на даче, птицы останутся в лесу, а мы просидим в темной комнате. Вот на такой психологической почве и зарождается презрение к текущей (земной) жизни

и упование на жизнь загробную (небесную). Тут нарушение основного ритма жизни, гармонии и ожидание катастрофы. Против этого чувствую в себе что-то другое, чем подсознательно борюсь с Лялей, и на что у нее нет смелого возражения. Вот это нечто другое скорее всего есть творчество, а я не смею ей это высказать и противопоставить (состоянию во гробе) только потому, что с детства напуган моралью страдания и не уверен в том, что этой серьезной морали можно противопоставить что-то другое. Если бы мне удалось это раскрыть в Зуйке.

12 Июля. С утра солнечный жаркий июльский день. Покормил собак, сходил на рынок, купил себе на день кусок черного хлеба за 20 р., четверть кило масла сливочного 50 рублей, литр молока за 20 рублей — вот и все. А между тем из-за этого Ляля полагает жизнь свою, значит выход очень простой: мне надо зарабатывать много денег. Значит, дремать нечего: гнать монету и никаких.

А между тем в основе наших отношений была мечта об избушке, где мы будем жить в природе духовной жизнью. И мы бы жили, нам помешала война. Вместо избушки получилась подмосковная дача с огородом и тещей. Ляля совсем даже забыла, что и дачу мы выдумали не для огорода, и сам я тоже от мечты об избушке перехожу к «гони монету» в совершенно правильном рассуждении, что когда будут деньги, то можно будет сделать избушку с прислугой, где можно жить, как хочется.

Ляля слышала от Олега, а тот может быть и сам от кого-нибудь слышал легенду совершенно и гармонично созданного мира. Легенда говорит, что будто бы падая, этот совершенный настоящий мир так разбился, что верхняя лучшая и прекраснейшая часть его попала вниз, а менее совершенная осталась верхом нового разбитого падшего мира. И вот почему совершеннейший из всех творений кристалл очутился в земле. Итак, Ляля живет в полном соответствии с этой легендой: кристалл ее вечно подни-

мается и вечно падает и кристалл большей частью в земле. Она даже сознает все, и в то же время не может иначе. Сама мне вчера говорила, что разве она не знает, если бы она сидела над моими дневниками, она бы в десять раз больше бы заработала, чем на огороде. И людям бы это на пользу пошло. Но так вот вышло. И она опять теперь с проклятием полет весь день морковь. Не очень я верю этим проклятиям, как бы там ни было, и, во всей вероятности, будет очень разумно, если дачу эту я закреплю за собой, и она так и будет ее любить и ругаться.

13 Июля. Опять жаркий день с дождем, но грибы растут плохо. Петя вчера уморил меня на пробе собаки, до смерти устал, но видели только кота.

Ляля была на редакционном совете ж-ла «Октябрь» с участием Ждановой. Обсуждалась фраза моей повести: «правда, это суровая борьба людей за любовь». Слово «любовь» в ЦК не понравилось. Мне прислали (так пришлось, что Ляля в это ввязалась, а то прислать бы и не подумали) несколько заменяющих «любовь» выражений, и я выбрал: «правда есть суровая борьба людей за справедливый мир на земле».

14 Июля. Все говорят, будто петух кричит «ку-ка-ре-ку», но стоит только войти в себя, в свои мысли, как оказывается петух там где-то далеко на стороне подхватывает ваши же собственные слова и бессмысленно на всю округу орет их. Сегодня утром, про себя ругаясь на цензуру, я говорил: трафарет. И слышу, петух орет тра-фа-рет. Завтра подумаю: уравниловка — и петух заорет то же. Так я думаю, что у каждого мыслящего человека есть свое собственное личное толкование петушиного крика. Напротив, цензоры стремятся к тому, чтобы каждый поэт в Советском Союзе пел для всех одно «ку-ка-ре-ку».

Ночью проснулся от боли за свою сказку. За то, что хотел написать «любовь», а они переменили слово мое на

«справедливость». Однако, крепко подумав, понял, что вещь от этой замены ничуть не пострадала, и значит, боль пришла за себя, а не за вещь.

Так вот в каждом отдельном случае надо уметь быстро разбираться: за что я стою — за себя или за вещь. Подумалось: не позвать ли к себе на помощь, как консультанта, дошлого политика, но, разобрав вопрос со всех сторон, решил работать своими мозгами.

Клубника поспевает. Поехали к Никулиным на лесопилку, там сторож Иван Кузьмич, пока Мар. Вас., «ангел», насыпала в машину опилки, мы разговорились о победе: кто бы мог подумать. — Русский человек, его в землю закопай — вылезет. — А помнишь, как не любили колхозы? — Теперь начинают сознавать. Машины в колхозах заменяют человека. — А помнишь, как немца ждали? — Да, ждали, а он оказался глупым, ну вот, взялись и покончили. (Сияние народной победы: тут наверно кое-что попало старику из Германии, вроде как мне собака.) — Значит, впереди скоро будет лучше. — Еще бы. — А некоторые скучают о том, что не скоро. — Ну, это кому не терпится. Посадил яблонку — надо ждать. Молодому хочется яблочка скушать, а мы, старики, знаем, не дождемся, не мы будем есть яблоки, а радость за других. Жизнь свое возьмет. Вот у нас хозяин Никулин, в начале войны у рабочих своих коров было 3, а теперь 26. Это за войну развелось. Даже мне, старику, стали выдавать литр в день, ну как это понять. Коровы нет у меня, стерегу лес, работа легкая, и на вот, на старости лет литр молока. — Вот он, где мир-то. Чуть-чуть человеку получше, чуть виден просвет вперед — и на душе мир. И вот тут-то, на этом уповании и зиждется правда коммунизма: вся его сила и вся его ложь.

Коммунизм, как он показался нам за 28 лет — это приготовление к войне и война. Просто сказать, мобилизация всех на войну за «правду». Старик так и сказал: победила правда.

К дому Никулина подъехал автомобиль «амфибия». Это был адмирал Папанин.

15 Июля. Утро солнечное и росисто прохладное. Хочется удержать этот день своим словом, хочется в свете этого дня каждый другой день понимать, как необходимого для его творчества предшественника, и что значит нет и не будет дурных дней. Как давно я это знаю и чувствую и сколько я дал для выражения этого благоговения и благодарности, и все как-то недоволен и все мечтаю о том, как бы найти такую благословенную минуту, чтобы раз навсегда решиться и покончить с дурными днями и болезнями. Продолжаю это чувство, думаю о Ляле. У нее такой солнечный праздничный день в цветах и с пеньем птиц является свидетельством небесного (или загробного) мира: там радость вечная, здесь только страданья.

Итак, с этой точки зрения, моя жажда участия в творчестве небесного на земле есть просто отзвук религиозного христианского движения людей (церкви) к жизни небесной. С этой точки та небесная жизнь есть реальность, эта земная — мираж. Православная церковь есть деятельное осуществление на земле жизни небесной, есть участие каждого в сотворении дня воскресения, то, о чем я мечтаю: остановить такой день как сегодня и понять «дурные» дни в делании этого совершенного дня.

На очереди вопрос, начинать «Падун» или еще подождать.

15 Июля. Мое выступление в Пушкинском детдоме. Нас чуть не арестовали. Это известная игра у пионеров, в которой пионерам объявлена возможность нападения на их дом и даются все военные права для ареста и проверки любого гражданина. Так попадают иногда в руки детей академики, и мальчики ведут старика по улицам. У детей происходит что-то вроде массовой галлюцинации. Так, напр., директорша рассказывала, что прилетели два голубя, сели на крышу, и все десять мальчиков видели у голубя под крылом записку. Безумная игра, расстраивающая детство в самых его истоках (арестовать старика). Я же выступил с темой об уважении к старшим. Все шло очень успешно, однако, вероятно, подсознательно

меня било по душе это пионерское барабанное восхищение. За чаем после беседы я по-настоящему изругал Успенскую (жена Ошанина) и назвал ее барабаном. Ляля чуть в обморок не упала от огорчения, дома из-за этой моей глупости полное расстройство. — Ляля, — сказал я, — хочу написать секретарю комсомола о том, не пора ли переменить политику в отношении воспитания детей. — Чего же ты достигнешь? В лучшем случае тебя спросят, в каком детдоме ты получил свои впечатления. Кто там воспитатели и т. д. Что ты вообще значишь для них? — Но ведь и Христос тоже вначале для всех ничего не значил, а между тем выступил и спас мир. — Он всех не спасал и не спас. Во Христе спасаются личности, а не все. — Но чтобы спасти людей, как ты говорила, лично, Он же выступил перед всеми. — И эти все его распяли. — Ну, а так и я не отрекаюсь от... Наш разговор не удался, п. что я исходил не от истины, а от своего глупого поступка. Но...

16 Июля. Приезжал Никольский. Завтра поедет с Рексом и решит его судьбу. Если он годится, то предложу Пете держать его пополам до тех пор, пока образуется Жизель. Начал входить в работу над «Падуном».

17 Июля. Всю ночь шпарил проливной дождь. Днем переменно, и то очень жарко на солнце, то прохладно, когда солнце закроется. Больше и больше вхожу в «Падун».

18 Июля. Все дожди и дожди. В лесу земляника, в саду у нас клубника спеет. Ягода спеет одинаково и под солнцем, и под дождем. Но выспевая под солнцем, ягодка бывает сладка, а под дождем кислая и водянистая.

Решен вопрос о чекисте в «Падуне»: сколько я мучился о том, как сделать чекиста идеальным и вдруг, когда время пришло, все само собой определилось: этот чекист будет Сталин («надо» против «хочется»).

Портрет Сталина на Выгозере. Его делал неизвестный художник по фотографической карточке. Но на этот пор-

трет садились капельки воды, и сквозь туман весь портрет увеличивался безмерно, и черты лица, преображаясь, являлись иными, чем у художника. Умиренная стихия как будто приняла участие в творчестве, и вот Ваня увидел...

19 Июля. Не состоялось выступление на заводе № 2. Завтра едем в Москву за тещей.

20 Июля. В Москве все нарастает и нарастает успех моей детской вещицы. Жульническая организация ВОКСа выудила у меня рукопись, и когда я спросил гонорар, ответила: за художественные произведения не платим. Так я работаю на заграницу задаром. Но какой тут может быть спор, если личный интерес у нас вообще приносится в жертву общему. Таким образом, жуликам предоставляется полная свобода обирать авторов. Поди, разберись в этой каше!

21 Июля. Весь день простоял без дождя. Приехал в Пушкино и привез Ваню Пшеничного.

22 Июля. Ездил к Пете с Пшеничным пробовать Рекса. Ничего не нашли. Рекс остался у Пети. Промокли в лесу. Сговорились о разбойничьей охоте в Хмельниках 28–30.

23 Июля. После вчерашнего большого дождя не только нет на небе ни одного облачка, но как будто все прежнее кончилось, и туч на небе никогда больше не будет. В совершенной тишине на сучках деревьев, на плодах, на ягодах ночью сливались капля за каплей, падали, многие остались. На спелой вишне светлая блестящая капля висит сама почти как черная вишня и первый огурчик, раздвинув за ночь силой роста своего [широкотенистые] листики, мокрый, росистый показался на солнечный свет. Объявляя милой округлой фигуркой своей: — Вот и я с вами, я — первый зеленый огурчик.

Мы сговорились с Петей и Ваней в субботу ехать в Семино и до разрешения охоты разгромить уток на озере.

Помню время, когда могущественный коммунист Томский тоже так наезжал, и так я возмущался, так негодовал, теперь же сам начинаю разбойничать. Это произошло по двум причинам, первое — тогда я верил в силу общественной организации, второе: тогда сам за себя боялся. Теперь я не верю в «общественность» и больше за себя не боюсь.

Вся особенность русского народа сложилась из-за того, что в нем почти отсутствовала культура наследственной собственности. Не имея культуры собственности, русский человек издавна пользуется государственной властью как собственностью (белые анархисты). Мораль интеллигенции сводилась к служению своему народу. Интеллигенция всегда презирала материальную жизнь для себя. Так, без культуры наследственной собственности вполне естественна материализация личности русской служить в области государственной власти («и человека человек послал к Анчару властным взглядом»). Начатый процесс личной материализации («бюрократия») стремительно продолжался и процветал в мировой войне. Как не велика была в Германии сила диктатуры фашистов, она не могла обойти индивидуальное обоснование. Германский народ шел и вздувался на дрожжах индивидуализма: массовый немец шел за материальными благами, каждый индивидуально. Русский шел сверхлично, сам ничем не заинтересованный.

Итак, сила нашего социализма состоит в устранении индивидуальности с ее наследственными правами (собственностью). Это общественность, движущаяся без тормозов.

Сталин — это грузинский кувшин с русской кровью, это теперь такой же русский человек (скорее — русское явление), как и Петр I.

Мало того! Теперь и себя нельзя понять без С. «С.» в себе — это входит в состав моего собственного «Я». Ста-

лин — это корректив нашего послушания, это необходимость и свобода, или «я сам» есть С. как осознанная необходимость.

Лицо С. начинает походить на образ тысячелетнего дерева Тисс (видел где-то в Чуфут-кале), и то, что он теперь есть — то было вечно. Какой смехотворной манной кашей с малиной является нам теперь наша прежняя дворянская «земская» свобода.

Имея в виду образ Сталина, свободу я понимаю как тайну личную, имеющую выражение только в чуде (понимая чудо как явление божественной силы, т. е. не я, а Бог).

Только в зеркале Сталина я вижу себя как начало божественной силы. Это С. разделяет во мне вечное божественное от родового наследственного человеческого.

Даже если во мне и «нет ничего», глядя на С., я верю, что в ком-то другом это есть.

Сколько влаги в земле! В полдень в горячих лучах так сильно испаряют растения, что земля пахнет морем.

Очень хмурилось к вечеру, но обошлось без дождя. В полной тишине и насыщенном влагой воздухе некоторые капли внутри смородинных кустов со вчерашнего дождя остались.

Володя Елагин признался, что работать в журнале редактором невозможно. — Каждый мальчишка из ЦК, — говорил он, — всегда может по капризу своему выбросить лучший материал. Этот мальчик уверен, что всякий художник находится в его распоряжении, он прикажет — и Пришвин напишет роман.

Ф.М. Гладков обрушился на критику, раскрыл невозможные условия писательства и кончил призыванием к единой абсолютной истине учения Ленина — Сталина. Получается, однако, сомнение в абсолютности истины: какая это истина, если для охраны ее приходится содержать столько цензоров! Очевидно, Гладков, как старый коммунист, находится в раздраженном состоянии, чув-

ствуя на себе укусы цензоров и не смея тронуть сук, на котором вместе с ними сидит. Боже сохрани меня от такого бессильного раздражения и дай мне разум — не оспаривать глупца.

Петя в мрачном состоянии: по-видимому, новый роман. Понимаю ошибку этого маленького романтика: он хочет найти себе такую женщину, которая бы подняла его. Бесплодное усилие любви! Любя женщину, нужно самому подниматься.

День вчера обстоялся, но после, ночью дождь лил и утро сегодня хмурое. Хотел было за грибами идти, но едва ли удастся.

Дерево, чтобы лучше расти, протянуло сук, а они сели на него. Дерево, занятое великим движением к солнцу, не могло их заметить, они же, объявили себя сучками дерева, и все живое, прибегающее к дереву, обложили данью (они — это «дьявольские поспешения»).

Замошкин стал писать в «Новом мире», читать стыдно. Вероятно, в обществе нашем нет уже больше тех людей, перед которыми стыдно врать и Всевидящее око завесили платочком. Кстати вспомнилось: в Союзе писателей в вестибюле стоит у лестницы исстари Венера. Раньше при Горьком, помнится, когда хоронили Андрея Белого, Венера эта голенькая одинаково встречала живых и мертвых. Теперь же, когда секретарем стал ярый коммунист Поликарпов, при выносе покойников богиню стали завешивать (так, при завешенной Венере хоронили Новикова, Шишкова и др.).

Бесы, конечно, были всегда и во веки веков, но тогда мы верили, что на них управа есть. Теперь же бесы так разгулялись, что кажется, ни на кого и управы нет и не будет. А между тем упование наших коммунистов-идеалистов, их Кредо именно в том, что путем разумной организации общества бесов можно извести совершенно. Где свет, там и тень: тео-

рия наводит свет на одну сторону, а бесы в тень. Дерево в росте своем движется к солнцу, а бесы рассаживаются на сучья, и все живое, прибегающее к дереву, облагают данью. Так было и так будет: чем больше внимания на бесов — тем им и лучше. Единственный выход — это дать бесам область, где им самим хорошо: это есть торговля свободная. Там они и жить будут и пользу приносить, и не будут со своей торговой душонкой вмешиваться в искусство.

Земля верна человеку и благодарная, как собака, а вода человеку, как кошка: она живет сама по себе и движется, где и как ей только захочется.

Первое движение Кононова было написать предисловие к моей сказке. Но после, вспомнив, что он партийный, он одумался и правильно рассудил, что писать ему невыгодно.

Между тем первое это движение и было движение героическое, на которое способны главным образом дети и юноши. И если мы ждем чего-то от детей, то мы именно этого ждем, свободного и необдуманного верного решения. Какая цена поступку, когда он обдуман, и риск их для него устранен. Это путь старых людей, испуганных жизнью.

В этом свободном движении и заключается смысл: «Будьте как дети», и все искусство в этом и все чудо жизни. Вот эта идея («будьте как дети») и будет идеей «Канала». И рядом с этим Долг и Труд как копилка сознания, необходимого для освобождения.

На дворе играло в веревочку семь девочек: одна красива, а три хорошеньких и три дурнушки, и все различные: хорошенькие различались по-своему, дурнушки по-своему. Итак, по очереди прыгали в веревочке одна за одной, дурнушки и хорошенькие. Когда же приходила очередь красавице, то казалось, будто с ней прыгают и все, и так оно водится и всюду в природе: на одну хорошенькую — дурнушка, а на одну красавицу — шесть: три хорошеньких и три дурнушки. И красавица, прыгая, всем улыбалась оди-

наково, и дурнушкам, и хорошеньким, как будто она знала, что и дурнушки и хорошенькие одинаковы.

24 Июля. Всю ночь дождь, и проливной. Определилось, что при недостатке тепла, хотя и при постоянных дождях, не выросла трава и овощи дали только ботву.

Красота не всегда бывает добрая, но добро без красоты — это, скорее всего, и есть именно зло.

В старину у солдат котелки были медные, и солдат говорил: «Служу, как медный котелок».

Человек родится каждый для себя и даже первым криком своим заявляет право свое на весь мир: это я, кричит он, я — владыка мира пришел. Но когда начинает ребенок расти, его встречает другой такой же, с мандатом на владычество мира, и третий, и каждый. Так начинается борьба между всеми за каждого, пока наконец каждому не приходит необходимость в невозможной этой борьбе за господство кончиться. И умирая, тогда видит мудрый, что не за себя он боролся, а за какого-то другого, кто лучше себя, и что каждый, сам того не зная, борется за другого, лучшего. Так смерть у людей проходит как мост их душ.

25 Июля. Дождь весь день. Видел во сне, будто я в ЦК и вычесываю вшей из головы, и говорю каким-то мальчишкам: — Вы, бесстыдники, живете и глупенькие даже и не подозреваете, что среди нас свидетель живет: все понимает, все считает, все записывает. Придет время, и вас отсюда, как вшей из головы вычешут, и тем все ваше кончится, а свидетельство времени...

– Давайте на этом согласимся и так уж и останемся: люди разделяются надвое: одни, очень немногие, рождаются вождями, духовными, военными, государственными — очень немногие. А огромное большинство о себе думают, как бы им лучше: это люди — подданные.

Итак, пусть будет и рабочее государство, где учат и кухарку управлять государством. И все равно люди, которым хочется самим жить и в рабочем государстве, непременно и в рабочей среде, как прованское масло в безвоздушном пространстве, принимают круглую форму, так они обращаются в обывателя.

Тут-то вот и определяется несогласие. Вожди давят на обывателя, требуя, чтобы и он сам стал вождем. Но ему не хочется вести людей, ему самому хочется жить. И он готов лезть в какой угодно узкий хомут, лишь бы оставили его в покое. С этим идеалом он и на войну идет, и получает крест героя, и умирает.

26 Июля. Весь день беспрерывно шел дождь. Пересмотрел начало «Падуна», и если никто не собьет с пути, я вступаю в дело создания ныне разрушенного Беломорского канала.

27 Июля. С утра было солнце. Клубника кончается, поспевает черная смородина и малина. Какая гадость червяк! А с малиной ешь себе и не глядишь на червяков.

Ляле трудно, не хочется делать компиляцию «Серой Совы» для радио («в глазах мутится»). И она с увлечением складывает печку и готова в это время утверждать, что сапоги выше Шекспира. Впрочем, тут дело не в характере труда (физического или умственного), а в хочется: хочется — и легко писать, хочется — легко печки складывать. Трудно же все, что не хочется, а что надо...

28 Июля. С утра полная нависъ. В каком бы возрасте ни застала любовь, и какого бы рода она ни была, все равно она движется всегда к материнству. Меня застала любовь на седьмом десятке. Лялю в конце четвертого, и за пять лет до каких только мечтаний мы не доходили!

Жульке (родилась 3 мая) — скоро три месяца. Тянется тоненькая, длинная, плоская. Сеттер: хвостик в конце за-

лохмачивается. Делает стойки по мухам. Понимает звук «Жулька» и бежит, но кто кричит — не различает. И человек ей — весь человек сливается в одного хорошего человека. К любому бежит, с любым уйдет. Так и у нас, людей, бывает, и у девушек любовь ко всему человеку, но она выбирает. И наконец решится и выберет. Так и у собак хозяин. А бывает, собака не выберет и останется всем хороша (Нора). И то же девушка — Христова невеста.

29 Июля. Вчера день к обеду осветлел и продолжался, и ночь была светлая, утро. Вчера были у Никулиных, узнали, что Сталин требует контроля над Дарданеллами. А когда еще началась борьба эта за Дарданеллы! Так и Беломор (Божья колея: Илья пророк, купцы, Петр, Сталин).

Значит все делается не против природы, а согласно с ней, поскольку человек сам есть природа. Спор человека с природой домашний спор, и этим согласием разрешается завет: «да умирится же с тобой» и т. д. Следовательно «Надо» — есть давление прошлого (природа и история), поскольку это прошлое необходимо для нового (настоящего). Анна (желание) как причина, вызывающая перемены. Сутулов, напротив, удерживает то, что надо.

В настоящее время существует два миропонимания: одни верят в то, что изменение материальных условий жизни человеческого общества приведет людей к радости. Другие в это не верят, полагая, что радость человека может быть только личная.

30 Июля. — ... и они наверно верующие? — Может быть. Но почему ты думаешь, что непременно верующие, разве неверующие не могут быть люди порядочные? — В нашем смысле слова нет. Назови хоть одного. — И к удивлению своему их таких, кто заявил бы себя как неверующий, ни одного безусловно верного нам человека я назвать не мог.

– В лес вы идете за дровами, за грибами, за ягодами или только послушать, о чем шепчутся деревья или пти-

цы поют, или поглядеть, как звери выходят на тропы. Вы отвечаете, что идете в лес для него самого: хотите лес понять, каким он есть сам по себе. А человек — разве это еще не больше, не таинственней леса. Так идите же и к человеку тоже не за чем-нибудь, а к нему самому.

До чего исковеркан вблизи Пушкина лес, изъеден коровами, козами, обломан, испачкан людьми. А человек нынешний разве не тот же лес? Но мы знаем, что дальше, глубже в страну — есть настоящий лес. А разве человек тоже не придет когда-нибудь в себя? Так устраивайте же свою жизнь так, чтобы дом ваш стоял окнами к тому дальнему человеку. Этот дальний человек живет на небе, и ему имя прежнее, древнее: Бог. И если я иду в лес не зачем-нибудь, а бескорыстно, к нему самому, это значит, я хочу к Богу идти. И если к человеку с тем же иду: послушать его тишину — это значит — я к Богу иду.

Кто же хуже: кто прямо начисто отказывается от Бога, или тот, кто Им пользуется для себя, идет к Богу, как в лес за дровами. Трудно сказать, кто лучше: коммунисты или попы сами по себе. Тут борьба, тут война, и все имена смещены и потеряли свое основание.

«Философия общего дела» (Федоров). Что же общего между людьми? Хлеб. Да. И дело общее есть — коммунизм. Значит, философия общего дела имеет предметом своим обеспечение всех хлебом. Но какая же философия? Это политэкономия. Или же философия общего дела есть обеспечение всех смыслом, чтобы все знали, для чего они ежедневно поедают свой хлеб? Отказаться от этой философии — значит отказаться от смысла. И так теперь многие отказываются и утверждают, что потребность в смысле жизни есть потребность личная, общей же в этом потребности нет, и обще-человек живет бессмысленно и удовлетворяется в самом процессе борьбы за хлеб и размножение.

Вчера учительница средней школы сказала, что комсомол не имеет никакой задачи в современном моральном воспитании детей.

Раньше я думал, что мое счастье, моя радость жизни есть у каждого, только человек до того задавлен внешним бременем, что не может, как я, радоваться жизни. Из этого у меня выходило поведение:

1) надо взять на себя общечеловеческое бремя, нести на себе все то, что несет каждый человек, и тем оправдать свою радость (христианство).

2) Разделяя бремя человеческое, надо бороться против каждого за всех (социализм).

Теперь это юношеское верование изменяется.

1) Та радость жизни оказывается независима от бремени, это есть ручей, которого не может задавить и скала: малый ручей, рассекающий скалу.

2) И тем самым выходит, что деятельность для всех — освобождение всех от бремени — бесполезна: под скалой бремени у всех нет ручья, требующего освобождения.

Мы теперь можем это видеть по всем стареющим деятелям коммунизма и по освобожденной ими молодежи.

Детство содержит всего человека, который потом раскрывается во времени. И точно так же, как любой плод, повредив его (поклевыши), можно заставить созреть, так и ребенка можно сделать готовым человеком. У нас теперь много таких детей.

31 Июля. Каждый день дождь. Ездили в Царево за грибами. Пошел первый гриб. Голод материнства (Лялина любовь). Перенести «голод» в повесть.

1 Августа. Утром в Москву прямо в Радиокомитет. Наговорил предисловие к «Кладовой солнца». Юбилей в «Детиздате». Вечер у Маршака.

2 Августа. Возвращение домой. Визит Влад. Мих.

3 Августа. Дожди и дожди. Пережевываю московские переживания.

Маршак сказал, что дадут мне не только первую, но прямо сверхпервую премию. И нужно признать, что за

все 28 лет работы это первое признание. Маршак говорил умные вещи о том, что физический труд легче умственного, легче делать не думая, чем с мыслью. Оправдание еврея (и что рассудком жить, чем чувством). Еще говорил о том, что проза Толстого сравнительно с прозой Гоголя, Пушкина, Лермонтова есть падение. Исчезает музыка, и остается лишь лепка (Ляля: скульптура есть низшее из искусств. Маршак: да, да, как приятно Вам говорить!).

Кому-то я говорил об уважении к старшим и сказал, что прежний наш университет был школой уважения к старшим, что именно это уважение (и послушание) к старшим и составляло смысл слов «университетский человек», «культурный человек» (культура есть связь людей уважением и послушанием).

Вдруг блеснул весь Толстой, как проповедь неуважения старших (Шекспир), непослушания (сектант), как сокрушитель русской культуры, как ее погубитель.

4 Августа. ... Я червь (Державин).

Человек в отношении природы в XX в. стал ближе всего в мире к червю: точит и точит себе на пользу, и пользы не получает, и умирает, и его точат обыкновенные черви. Но разве нельзя точить, точить, потребляя и культурные ценности? Весь смысл пропаганды нынешней молодежи сводится к идеалу червя.

Подозреваю, что это начинают сознавать, и что успех моей повести объясняю: именно, что всем понравилось, объясняю тем, что и тому любо, кто стал тяготиться положением червя («я Царь, я Бог»), и самим червякам из-за того, что блюдо вкусное и можно себе поживиться.

Нужно признаться, что червякам-то самим становится голодно.

Когда сюжет вдохновенно раскрывается, тогда горе писателю, не освоившему материалы. Его цветок не раскроется и завянет.

Утро мучил меня говорливый «мичуринец» (жена его, Нат. Алекс. из Ельца, была при смерти моей сестры Лидии).

Стало ясно, что дача в Пушкине нам не дает выхода в природу, и, значит, ее надо или бросить, или купить для продажи с целью купить в другом месте.

5 Августа. Дождик повседневно. Сырость. Растут в саду шампиньоны.

«Мировой кризис» Черчилля. Если понимать большевизм в России как силу возмездия за нарушенную правду жизни в Первой мировой войне, то из Второй мировой войны неминуемо должен выйти во всем мире социализм.

А в вопросе о возможности прекращения войны навсегда я держусь того мнения, что это возможно. Думаю я об этом так, что война, вообще говоря, есть поправка на те мечтания, которым неминуемо предается счастливый человек в мирное время. Война возвращает счастливцев этих к действительности. Если же станет на место войны социализм, то мечтать никому не захочется. Что же касается неисправимых мечтателей, то возвращение к действительности или война, это будет их частным делом. Так что... всякая война идет за правду и социализм есть форма войны.

Вчера завел автомобиль, послышался легкий стук, я поднял капот, чтобы выслушать, и увидел: на всасывающей трубе, растопырив ноги, сидел паучок. Труба только нагревалась и, видно, паучку было приятно нарастающее тепло. — Сиди, — сказал я, — поглядим, как ты... — и прибавил оборотов.

6 Августа. Вчера к вечеру слег в постель (артрит — суставный ревматизм). Сел на салицилку. Доктор Гадалина Варвара Георгиевна.

7 Августа. Лежу в постели. Доктор Касаткина Валентина Михайловна.

9 Августа. Сегодня утром в первый раз т. 36, 8. Каждый день медленно понижается.

10 Августа. Установилась нормальная температура. Читал книгу неизв. автора о Шелли и Байроне. Эта книга косвенно навела меня на мысль об ослиной морали. Вот взять старые нравы английского общества. Их совокупность держится на ослах каждого англичанина: мораль на ослах. И у каждого человека нравственного есть свой осел, и личная нравственность его выражается формой его отношения к своему ослу.

Мелькает сюжет рассказа для детей, подобный «Кладовой солнца».

11 Августа. Такая тишина, что по неподвижному цветку, по тому, как он все-таки ритмически движется туда и сюда по горизонтали, догадываюсь о движении своего тела под ударами сердца. Утро в тумане после ночного дождя. Совсем как в Приморье Дальнего Востока. Вчера были два врача: Касаткина и Гадалина, был Носилов. Говорят, передавали по радио, что Япония капитулировала. Еще говорили о революции в технике в связи с открытием внутриатомной силы, что будто бы сила, освобожденная из небольшой монеты, может прогнать поезд из 46 вагонов три раза вокруг земли по экватору.

Прочитал книгу неизвестного автора о Шелли и Байроне. Как изменился «осел» с тех пор, как Наполеон и Байрон были властителями дум. («Осел» — это общественное мнение.) Выступление Байрона или Наполеона похоже на нелепое понукание палкой осла, когда он заупрямится. В таких случаях осел глядит на хозяина с презрением: «Я несу твою тяжесть, и ты восхищаешься миром, но я не захотел нести, и посмотри теперь на себя, на что ты похож!» Тогда в этом позорном для альпиниста споре приходит

опытный старый погонщик, приставляет к ослиной ляжке свою палочку с гвоздиком, кричит свое известное: «Гши!» И осел снова движется в путь, с каждым шагом открывая альпинисту чудеса мира для обозрения.

Говорят, так однажды один хозяин подложил ослу кусочек сена под хвост и поджег. Осел тогда двинулся задом на хозяина, поджег ему халат, а свой огонь затушил. Хозяин окутался дымом и побежал...

Носилов обещал заказать студентам собрать для меня и перевести восточные сказки об осле.

Осел нашего времени сытый торжествует на ослином лугу, а хозяин уснул. Так? Не совсем. То время прошло. Теперь хозяин уже догадался приделать гвоздик к палочке и ткнуть осла в кожу. Осел прет.

Открыли, если это не сказка, запасы неисчерпаемой энергии внутри атомов. Если верить тому, что складывается из этого факта, то как будто человеку скоро ничего не будет нужно делать, чтобы себя прокормить, и вообще, это будет нечто вроде «того света». Наш приятель Носилов, однако, настроен иначе. Он боится, что новое изобретение попадет в руки большевиков: — И тогда все пропало. — Может быть и планета? — спросили его. — Ну, планета я не думаю.

Зачем там планета и зачем большевики! Что, если при всеобщем образовании изобретение попадет всем, в том числе и уличному мальчишке? Что, если открытие внутриатомной энергии в физике вскроет внутреннюю придавленную энергию человеческой личности? — Тогда будет светопреставление.

Как может современный канадский индеец выразить свою индейскую душу и показать ее на удивление всем, как культурную силу? Только тем, что индеец сделается англичанином и на английском языке раскроется, как это сделал индеец Серая Сова. Так и ты, мой друг, возьми это себе в пример и...

12 Августа. Серебряный мальчик. Пусть хмурые дни, но зато какое роскошное утро сегодня! Какой огненной кровью выглядят из-под земли зеленые стебли египетской свеклы, какая серебряная часто-мелкая роса и на табаке, на тугих кочанах капусты «Слава» и на широкотенистых листьях муромских огурцов. Гляжу внимательно на лист табака, замечая, как он быстро обсыхает в лучах. Вот уже на всем листу осталась, и то во впадине, небольшая кучка мелких блестящих шариков, и я их считаю: двенадцать было и стало сейчас десять, и вот уж пять, вот последний. Я успел последнему сказать свое «прощай!», и он исчез — куда?

Я поднял голову вверх. На всем великом голубом куполе не было ни одного облачка. И туда он летел теперь невидимкой, мой маленький серебряный мальчик...

(По поводу письма одной старушки о ее горе по случаю утраты маленького внука.)

Мне написала одна девица с Байкала громадное письмо о женской душе. Времени по случаю болезни у меня было довольно. Я написал ей, упиваясь отделкой вежливо-холодного письма. До того было тонко-насмешливо письмо, что и через сутки, прочитав, я восхитился им и даже — что бывает со мной не каждый год — сделал копию для своего архива. — На, почитай, — сказал я Ляле. Прочитав, она сказала: — Прямо какой-то лорд Байрон! — Да разве это плохое литературное произведение? — Не знаю, может быть и хорошее, но куда оно направлено — к несчастной девушке в Сибири, может быть заключенной... Подумав, вдруг... Со мной вдруг произошло моральное перемещение, как это бывает в физическом мире.

Бывает, просыпаешься с убеждением, что голова твоя сейчас лежит там, где вечером были ноги, а ноги лежат, где была голова. И все, что вчера было направо: окно, дверь, стол, теперь стоит влево. Так лежишь, не открывая глаз и зная, что это неверно. Я лежу, нарочно не открывая глаз, не протягиваю руки для ощупывания предмета. Мне хочется убедиться в истине не путем опыта, а вывести путем

знания: расставить все точки умственно и тем самым правильно поместить свое тело в отношении их. Но сколько ни бьешься, ничего не сделать. Головой знаешь, а чувство тела убеждает в обратном. Так бывает с положением себя на земле: знаешь точно — земля есть шар, а чувствуешь себя на плоскости, и это чувство не переубедишь никакой астрономией. С землей это, конечно, у всех, но бывает ли со всеми такой разлад чувства и знания в отношении расположения своего тела в комнате — не знаю. Со мной очень часто бывает и никогда не случается прийти в себя путем логического вывода. Кончается тем, что я или глаза открою и увижу щелку света в завешенном окне, или коснусь ближайшего предмета. Тогда вдруг непонятно, как голова и ноги мои возвращаются в верное положение, и согласно этому в комнате все правильно располагается.

Так вот точно бывает и в мире нравственного распределения вещей: я так наслаждался своим прекрасным письмом, так был в нем уверен, когда был в одиночестве. Но стоило мне своей душой коснуться души другого человека, и все вдруг переменилось: письмо было никуда не годное, и какое счастье, что я его не послал несчастной девушке, заключенной в сибирские лагери.

Два «надо» — личное и общее. Личное надо — это надо быть самим собой, а общее — это с чем человек входит в общество, т. е. надо быть как все. Вернее — есть «надо» одно: личный долг перед Богом. Самое глубокое соединение «надо» и «хочется» — это личность. И есть общественное внешнее «надо» — это закон. И тут крест с Христом и Разбойником.

Любовь к калеке (у соседа и всюду — например, у Кардовских): тут непременно любовь для себя перейдет в не для себя, тут человек любящий занимает силу у Бога и делается рабом Божьим.

Труд в глубоком смысле — это борьба за праздность, т. е. свободу духа. Никто не работает ради самой работы, а, работая, все время думает о том, как бы, каким бы спосо-

бом поскорее «кончить». В том и есть все трудолюбие, вся завлекательность труда: найти свой собственный (стахановский) способ поскорее «кончить».

У нас сегодня были гости из Москвы: Оболенские Е. В. с Галей и Леночка. От них узнал, что Япония не капитулировала и два японца в Москве вследствие неудачных переговоров сделали себе харакири. Впервые узнал, что это делается одновременно двумя круглыми ножами вдоль и поперек живота без поранения сердца: самоубийца после того может жить еще два часа. Предназначенному умереть присылаются эти инструменты — вот и все. Вот оно государственное Надо в культурной форме своего выражения (то, что у нас «расстрел»).

13 Августа. Вчера держался солнечный день и сегодня опять безоблачное утро. Сколько лет должно было пройти (60 лет!), чтобы я мог отделаться от чувства обиды и несправедливости за мое исключение из гимназии и признать наконец, что они (Старшие) были правы и я должен был быть исключенным.

Для этого должна была пройти вся русская революция между двумя мировыми войнами. Теперь все мое, и государство, и общество работает сознательно и бессознательно над правилом уважения старших. Но это единственная общепризнанная моральная тема для воспитания детей. Вся же большая сложность держалась на культуре собственности. Эта (личная) собственность связывала труд и власть и поколения (тут и «чти отца», и «не укради», и «не пожелай осла ближнего, и ни вола его», и ни всего).

Мы приходим к тому же в отношении уважения старших (это видно у военных), но это уважение не прежнее рабское: Калинин президент и другой Мишка — оба «Мишки». Есть какая-то доля добровольности в деле признания власти одного Мишки над другим. В. Трубецкой и его денщик Мишка — люди двух миров, а Мишка Мешечков и М. Калинин — оба из одного теста.

Когда я работаю на себя, то работает как всегда мой осел, а я сам в это время птичкой пою. Мне хорошо, я пою, и осел мой весело идет под песенку. Теперь на моем осле сидит и погоняет его кто-то чужой, я же пешком иду и учу осла нравственности общего дела. Всем нам трем, сидящему верхом чужанину, погоняльщику, мне, моралисту, и особенно самому ослу очень скучно. Нет личной птички — она улетела. Вот тут-то и надо проверить — обязательна ли для новой морали песенка личной птички, или можно обойтись без нее.

Культура собственности, какой-нибудь, напр., майорат*, прятала личное начало человека внутрь общественного родового процесса, личная сила была как скрытая внутриатомная сила, теперь она вырвалась, было, и должна быть возвращена. Так вот вопрос о том, каким образом эта освобожденная личная сила должна быть возвращена в общественном процессе и явиться предметом новой морали. Она возвратилась так, да не так: птичка запоет, но песенка будет иная.

«Яблочко от яблонки» и пр. есть господствующая мера человека, и даже критики начинают разбор нового писателя родством его с тем или другим предшественником. Между тем пора бы начать понимание человека как личности единственной и неповторимой. Начинают, в сущности, определять то, с чем новый человек боролся, из чего он исходил.

14 Августа. Вчера день обстоялся, и только раз на минуту пробовали падать редкие, крупные, теплые, как парное молоко, капли. И опять безоблачное утро. Благодаря больной ноге, что нельзя ехать на охоту, стало мне на душе спокойно и ясно. И кажется, что раз не надо ехать, то и так хорошо неподвижно сидеть, глядеть на растения и думать...

---

* Майорат (*лат.* major – больший, старший) – система наследования земли, недвижимости по принципу первородства в семье или роде.

Вчера на ночь я сказал: — Дня три уже без газет, а наши за это время шагают и шагают по Манчжурии. И так удивительно, на всей земле только два полноценных противника, Америка и мы. Подумай-ка, мы!

– Да, мы голодные, голые. Что у нас? Только терпенье.

– Не думаю, что только. У нас еще большое преимущество: свобода от собственности и ее традиций, свобода от сословных и классовых привязанностей. У них же (Черчилль) все это — собственность, традиции стесняют движение.

Так мы, соглашаясь, говорили, а между тем я лично, вспоминая свое время, впервые так отчетливо понимаю себя и нашу семью в Хрущеве, именно как свободных от классовых и сословных традиций. Меня задевал социализм никак не с той стороны. Мне кажется, что я так и родился со смутным чувством неприкосновенности к священной стороне своей личности. Это первый и единственный источник моего протеста революции, к этому процессу и словесное дело пришло, как питательная среда.

Кого теперь и спросишь о Семашке, все говорят в один голос, что Н. А. очень порядочный человек, но «между нами говоря, недалекий...» Что это? Семашко у нас в гимназии был умницей и формально, как первый ученик, окончивший с медалью золотой, и первый в этой области, где и были все те, что мы называли «умом» тогда: подпольная деятельность. В дальнейшем Семашко и в положении революционера, и Наркома был истинным и самым добрым человеком: он делал тысячи и может быть десятки тысяч добрых дел. И вот теперь: недалекий... Точно так же почти отозвалась и невестка моя Ия об отце своем, старом коммунисте, очень честном и достойном человеке: — Он ничего не понимает, — сказала она, — живет не во времени.

Я сразу понял после этого, почему и Семашку называют недалеким: он верит в те идеалы, которым служил в лучшие годы жизни. Он слишком честно служил тем идеалам и остался с ними, когда они изменились: он не мог с этим дальше идти и оттого стал *недалеким*. Если бы у нас не

одна была партия, то он мог бы стать консерватором и там, как Черчилль, отсиживаться, влияя на благопристойность экстремалов. У нас же, будь он способен, как Черчилль, должен сидеть не у дел, как недалекий пережиток.

Неужели же действительно в обществе нельзя быть слишком честным, и чтобы изменяться со временем, надо самому изменять? Скорее всего, это относится только к политикам и как предостережение: нельзя все свое лучшее, святое вкладывать в политику: недалек тот человек. Но тогда как же Сталин? Я думаю, что у Сталина не было выбора: он был только политик в существе своем, тогда как Горький, например, был и политик, и писатель, и гуманист, и патриот.

Неизменных идеалов, как неизменных планов, быть не может, но чтобы следить за его изменениями, надо не изменять ему, а самому изменяться. Двигаться вперед можно, только изменяясь вместе со своими идеалами. Есть, однако, одни, кто падает в прах, изменяя своему идеалу, и есть, кто мумифицируется в верности ему. Идеал живет, изменяясь, и я в нем живу, и нет неподвижной идеи. И сам Бог — вот Бог-то и особенно изменяется, и кто верит в Бога, это значит, он идет за Богом, вечно изменяясь и никогда не изменяя.

Величайший долг человека — это изменяться в Боге (как Бог — так я!), изменяясь же не соблазняться временем: не за временем идти, а за Богом, идущим во времени. (Истина.)

Можно с Богом идти против времени, можно со временем идти против Бога. Не за временем надо идти человеку, а за Богом, идущим для человека всегда во времени. (Правда.)

Преступная собственность образуется в краже человеком у Бога времени по формуле: время есть деньги. Тут начало греха, имеющего последствием войны.

А вот еще и такое может быть понимание нынешнего могущества России: весь мир увидел по двум мировым войнам, на каком пустом месте (личная собственность) воздвигнут карточный дворец современной общественной нравственности.

Большевики успевали и успевают, п. что некому и нечем им возразить по существу: существо общей морали возникло на собственности, и никто не может указать на святость ее основ. Даже талант инженера на канале, талант, личный дар заключен в моральную скорлупу частной собственности. Этим путем Анна обращает инженеров.

Посмотрите на зеленки: могли же мы для этих вьющихся растений вбить по гвоздику внизу и вверху и натянуть нитку, чтобы вьюнок мог подняться высоко. Но почему же человечество за 15 тысяч лет не [придумало] для себя ниточки, чуть ли не каждые 50 лет мы их обрываем и [все] валится в бездну.

15 Августа. И еще роскошное утро. Вчера были Кущины, как всегда усталые. Гадалина потребовала от меня воздержания еще от ходьбы.

Утверждаюсь в том, что чувство личной собственности есть основа питания старой морали, как «служба» — новой (в смысле: все поступали на службу, а что из этого вышло). «Не для себя» (и для иных потерялся смысл жизни). Действительность — это что все мы живем не для себя, а наше «дихтунг» для себя. Так вот в наше время и остался человек всякий без своей сказки. — Поживите без сказок!

16 Августа. Андре Моруа. Вчера на небе показались кошачьи хвосты, и Носилов сказал, что барометр падает. Но утро еще солнечное.

Филер или пьяница? Скорее всего, просто пьяница.

Говорили о фольклоре в Казахстане. — Как там теперь? — спросил я. — Все погибло. Поймите же, наконец, что от соприкосновения с этим все погибает и все погибнет.

Но самое имя останется и победит, это имя Бога, Христос (весьма напоминает старуху: но словеса мои не сгорят). Это все та же религия смерти, с разделением на землю и небо (здесь и там). А то — религия жизни (рождения).

При суде над современными ребятами всегда надо помнить себя: что в свое время и я был такой же. Это очень помни, Михаил, и не давай воли своему суждению просто по фактам.

Люди не породистые собаки, чтобы можно было их по заказу выращивать. Настоящие люди сами родятся, как родился, к примеру, Шаляпин. И вот это-то и есть самое главное — се человек, рожденный, а не выращенный. Выращивать будут людей — вырастут породистые собаки. Революция тем и сильна, что, при всем своем открытом культе интеллекта, молча признает первенство в человеческом мире. Чудо рождения небывалого, в этом и есть тайное упование, а открыто для всех почитается Осел.

Всякий успех тем только и хорош, что освобождает место, куда можно, бывает, ногу поставить. Но как только поставил — удовольствие проходит: вторая нога ищет себе места. Первая нога у меня была «Кладовая солнца», вторая станет туда, где будет «Падун».

Говорят, что Япония капитулировала. И слава Богу. Теперь начнут ее прибирать к рукам.

Савин, Воронов (Онега), Анисимов — честные, влюбленные в прошлое столпы — вот где склад ненависти к большевикам. Тут нет прощения, нет согласия. Тут нож в сердце — и все. (Из этого же: Горький и Ремизов.)

Ехать на машине — это еще не свобода: бывает, человек на машине едет в тюрьму. Совершенно свободен ребенок, который играет в эту машину: сидит на стуле, щеки раздувает: пах-пах-пах! И это у него машина.

17 Августа. Погода стоит «что надо»! (Точно, сказал N.) 14-го подписал Микадо безоговорочную капитуляцию. И рядом с этим наша дружба с Китаем.

Мы решили, что такую адскую ненависть содержать в себе, как Носилов, возможно лишь при условии, что сам лично находишься в постоянном моральном плену. А этот плен нам известен. Если бы не «плен», то можно бы говорить о чем-то подобном бывшим настроениям канадских индейцев. Но как-то не верится в совершенную чистоту и оригинальность русского миросозерцания. Тут в самом истоке разноводье и разноветрие.

Что из этого рассказа о Падуне выйдет? Что бы там ни вышло — это будет посильным ответом на вопрос о возможности мира («да умирится же»).

18 Августа. Вчера после обеда собрались было тучи и до вечера у солнца с ними борьба. К вечеру солнце перемогло, и утро пришло, как во все эти дни, безоблачное и прекрасное.

Есть такая черта между «я» и Богом, когда я смиренно уступаю себя и говорю: — Дальше я ничего не знаю и не могу думать. Это значит, дальше я не думаю, не творю своего Бога, а верю, что Он сам начинает думать о мне. Тогда я, как ребенок, смотрю на детский образок Боженьки, шепчу детскую молитву. И вот тут-то я бываю православным человеком, хранящим единство Божьего образа во всех возрастах. (Это ответ на Миллера, излагающего учение Веданты с разделением образа Божия, согласно разным возрастам человека.)

Кто сейчас не участвует в этой борьбе двух богов: хранимого в душах наших сокровенного Господа нашего Иисуса Христа, единой Личности всего человека, с массой внешне соединенных между собой единиц человечества!

На одной стороне цель — бессмертие небесное, откуда нет и возврата на землю. Религия смерти и радости небесной, вечной, и религия жизни, ее священного мгновения. Уязвимость первого начала в том, что оно образуется само

по себе и само из себя и воздействует, в лучшем случае, на каждого верующего, оставляя всех других в стороне.

Другой же бог обращается к этим всем, оставленным Богом, и, соединяя радость жизни на земле в бессмертном мгновении, призывает их всех соединяться друг с другом для достижения на земле блаженства в мгновении («остановись, мгновен[ь]е»).

Это второе миропонимание не обязательно эгоистично, напротив: в любви своей к другу тут человек может свое достижение радости передавать другому и вообще «умереть» ему даже и «не важно». Не только не эгоистично такое миропонимание, но возможно, что идеальное и невозможное в достижении священное мгновение в практическом моральном плане явится, как жертва собою за други своя, т. е. высшее выражение любви.

Склонен думать, что обе религии, как земля и небо, как рождение и смерть, как здесь и там являются проявлением одной и той же ритмической сущности, как прилив (жизнь) и отлив (смерть).

19 Августа. (Преображение.)

Хорошие дни держатся. Начинает падать грушовка. Доктора разрешили ходить. Не решаюсь натиском пробить «Падун» (Боюсь, что неусвоенный фактический материал будет мешать). Решаю конспектировать ход работы по каналу.

Продолжение вчерашнего: если бы мы в молодости знали то, к чему мы приходим в старости, то мы бы с места не сдвинулись, повторяя «суета сует». Вот источник возмущения во всем мире против попов.

Для папы в семье всегда есть кабинет, куда он всегда может уходить и делать свое тайное дело. Папа приходит в детскую поиграть, в столовую поесть вместе с семьей, но что делается у папы в кабинете — для детей остается тайной. Об этом узнают дети, когда будут большими.

Так реальность невидимого и доступного лишь совершенным и немногим личностям Брамы там на небе приходит в столкновение с теми, кто реальностью считает священное мгновение жизни (здесь на земле): например: геройский прыжок ласточкой вниз головой с высоты 10 тысяч метров. Что же делать, сказать ему: — Не прыгай, сынок! Смешно и тоже будет неискренно и противно, если пастор благословит: — Прыгни, сынок! А между тем чудо такого соединения и есть наша моральная цель: чтобы священное мгновение жизни стало бессмертным, для этого нужно, чтобы старец благословил прыжок.

Построить мир человеческий без принципа собственности и в этом смысле перековать человека — вот утопический порыв при постройке канала, соответствующий в ином плане усилию остановить прекрасное мгновение жизни.

Суеверие (что это?). У простолюдина это есть форма необходимого ему доверия. Этим естественным доверием масс пользуются разного рода организаторы власти («властелины»). Большевики эту готовность доверия облекли в форму знания («хочу все знать»), противопоставленного суеверию.

Это «знание» марксизма-ленинизма основано на том же доверии только к большевикам и недоверии ко всему иному, объявленному не знанием, а суеверием, идеологически-классовой надстройкой и т. п. Организатор власти (см. великий инквизитор) втайне относится к этому знанию, как к суеверию, но суеверию полезному для утверждения власти.

Высшим источником этой власти является не «я», а «ты» (пролетарий), для кого я властвую, т. е. служу, отдаю свою жизнь. В такой религии ближнего все душевное глубочайшее сокровище, в том числе и сам Брама (бог), приносится в жертву ему, т. е. в нашем случае пролетарию (этим же путем дикарь превращает чурочку в идол, в бога).

Спрашивается, чем же отличается от этого умирания во власти для спасения друга своего (пролетария)

распятие Христа на кресте (тоже умирает Сам, спасая ближнего).

Мне нужно иметь в виду, что когда будет закончена моя работа, направленная против собственности, собственность снова водворится у нас, как водворилась религия, плата за почтовые марки, погоны и т. п. Это раз, а второе, надо иметь в виду, что эта собственность будет в ином значении и форме, так же, например, осуществление военной власти иное, если офицер и солдат — люди двух разных классов, или же они сознают себя, как два Мишки в одном огороде.

Неправильные святые: например, революционеры из «Воскресенья». Пусть и Анна будет неправильной святой.

Ляля до того исстрадалась в борьбе за радость священного жизненного мгновения, что самой земле объявила войну за него, и когда ей встречается в жизни что-нибудь прекрасное, она видит в нем свидетельство жизни небесной.

Монахиня Мар. Алекс., стремясь к единству со Христом, деятельно работала в обществе, и так, будучи самой целомудренной девственницей, обрела в образе своем что-то мужское. И дева незаметно для всех скрылась в мужском облике. Так черты мужские в женщине свидетельствуют о наличии самой целомудренной девственницы (изображая Анну, надо иметь в виду этот образ).

Зеленый шум. Сегодня днем был ветер и маленький дождь. Когда у нас в Пушкине ветер, тогда только наступает тишина. Тогда шум деревьев заглушает громкоговоритель и свист паровозов, гудки электрички и перекрики соседей. Тогда зеленый шум приходит волнением, и чувствуешь себя в совершенной тишине, как бывает только на берегу моря под шум ритмически проходящих и уходящих волн: счастливо здравствуйте, счастливо прощайте!

20 Августа. Ночью был небольшой теплый дождик, утро облачное медленно раскрывалось, как будто человек, крепко заспавшийся, медленно пробуждается и лениво встает. Да, конечно, не нужно очень-то отдаваться мечте о девственной природе и тишине деревенской и каких-то лесах, куда можно уходить в себя, как индусские пустынники. Во всяких жизненных условиях человек, усиливаясь в себе, может выискивать тишину, достаточную для своей молитвы. Если же явится возможность жить в лесу, то это само собой явится, как дар...

Читал Миллера о религии Веданты, о современной разделенности субъекта и объекта, подлежащего и сказуемого. Нельзя, например, сказать в этом смысле «я толстею», потому что «я» (Брама) не может толстеть. Миллер, излагая Веданту, совершает обычный грех для нашей европейской философии: он философствует о религии, т. е. стремится измерить своей интеллектуальной веревочкой более крупный предмет, чем сама веревочка. Как утомительны стали для нас эти непрестанные попытки. Бойся философии! Стремись во всякое время и на всяком месте эту стремящуюся вырваться из оков своих мысль вправить в дело образования и выражения своей собственной личности, так, если ты поэт, то заставь свою философию войти внутрь поэзии, если ты сапожник, то пусть философия сделает твой труд для тебя легким и приятным. И если ты не поэт, не сапожник, а просто человек живой, то пусть философия приблизит тебя к священному мгновению и уверит тебя в том, чтобы его остановить, или напротив, пусть философия уведет тебя к чувству вечного и заставит тебя прижать руку к сердцу в смирении и радости. Так заключи свою философию и заставь ее вертеть колесо твоей личности.

21 Августа. Вчера после обеда переходил дождик, за ночь раздождило, и утро вышло моросисто-серое. Был старый доктор М.Г. Артемьев (отец врача М.В. Касатовой). Утвердил блестящее состояние моего здоровья для 72 лет.

Приходила Варв. Г. Гадалина звать в поездку за грибами («не прозевать бы опят»).

Жулька очень растет — 3 $^{1}/_{2}$ месяца, много играет с Норкой и пристает к коту. Умный Васька сегодня, укрываясь от Жульки, нашел себе место внутри куста крыжовника и там растянулся. Жулька открыла его и бросилась, но, встреченная колючками, остановилась и — нечего делать! Принялась орать. Она не лаяла, как собака, а хрипела, задыхалась, давилась и только изредка вылаивала по-собачьи, точно так же, как молодые петушки стараются кричать по-петушиному. На безобразный крик Жульки прибежала Норка, сунулась в кусты, укололась и забрехала на кота по-настоящему, по-собачьему. Сам же Василий Иванович лежал в растяжку, не обращая никакого внимания, и только самый кончик хвостика чуть шевелился, выдавая его тайное удовлетворение достигнутым положением.

Радуйтесь, мои дорогие, радуйтесь, если можете, здесь на земле, но я свою долю земной радости не истратил — что делать! Такая судьба. Я сохранил ее, и она вместе со мной соединится с вечностью.

Когда является пожар, одни люди спрашивают, кто виноват, а другие отвечают уверенно, свои! То же, если происходит большая покража в общественном магазине, тоже «свои». В русском народе, можно сказать, при всяких несчастьях виновника ищут среди своих. И если при покраже лошадей непременно ищут цыган, то это только подчеркивает, что, пожалуй, «свои» являются действительными в большинстве случаев виновниками несчастий.

Начинаю опасаться, что голодные редакторы слишком обрадовались «Кладовой солнца», что волна эта уже спала и премия не достанется мне. Это будет очередная горькая пилюля, которую я получаю за каждую вещь. Но меня будет утешать сознание того, что я ловко воспользовался первыми похвалами и успел гонорарами выбрать не меньше, как всю первую премию.

Завтра 22-го поездка к Пете за грибами. Взять с собой: 1) Термос с чаем и сахаром. 2) Дневник. 3) Портфель с книгой «Канал». 4) Топор. 5) Лопату. 5) Документы. 6) Деньги, перо, карандаш. 7) Теплую куртку. 8) Чулок надеть и захватить шерстянку. 9) Яблоки и конфеты для Сережи. 10) Папиросы.

У меня есть свой участок, и я его возделываю, насколько хватает моих сил. Разные бывают участки — это все равно, важно, что я работаю сам на своем участке. Но есть другие породы существ, работающих на чужом участке под надзором властного хозяина. И есть третья порода тех, кто властвует, организуя рабов. Все эти три породы существ действовали во все тысячи и десятки тысяч пережитых человечеством лет.

22 Августа. Выехали за грибами в 7 утра и в 11 вернулись мокрые: ночь и утро лил дождь.

Читал «Очарованная душа» Роллана пятую часть и вспоминаю свое уверование в Маркса в юности, упреки совести в первую революцию, защиту личности во вторую и знаменитый хлыстовский Чан, у края которого мужики (Легкобытов и другие) предлагали Мережковскому, Блоку и Ремизову броситься в чан. Да, конечно, в конце концов, все бросятся и должны броситься или рассеяться по мелочам, но придет время, никто не бросится и скажет: — Довольно людей прокипело в этом Чану, пришло время, и пора это кончить: живите сами! И тогда все пойдут за этим вождем, и начнется возрождение. А после того (когда-нибудь, нескоро) опять придет разложение и опять выпадающим единицам будет предложено броситься в чан: — Совершенно верно, — скажет комсомолка, — это диалектика.

23 Августа. Утро сияет, и еще задолго до восхода я при первом свете проснулся и в этом почувствовал первую осень. И увидел-то знакомую седую росу.

Какой это ужас, что японцев будут теперь отовсюду сгонять на маленькие острова. И как подумаешь о победителях-судьях, то страх берет за их будущее: неужели такая расправа им даром пройдет. Волна приходит, и должна уйти, и опять должна возвратиться: мир, как вода, скорее не течет, а качается, и взявший меч, от меча и погибнет. Но как яснеет всем неизбежность социализма в мире и невозможность индивидуалистического возрождения. И как хорошо у Роллана сказано, что святые и гении освобождены от необходимости качаться «вперед-назад» на роковых волнах человеческих.

Гениальность определяется рождением, — это не от себя.

Но путь святости, разбиваясь на множество тропинок, предполагает личный выбор своей собственной тропы.

Конечно, и у гениального человека есть своя собственная тропа, как ни гениален Шаляпин, он, конечно, и свои руки приложил к обработке своего таланта. Но гениальность видит свою тропу только возле себя и не знает, куда она поведет его завтра.

Святой пробивает свою тропу напрямик, далеко, в бесконечности видя сияние достигаемой цели. Тут определяется человек, не данной от природы милостью Божьей, а сам, каким он может определиться из данного, как сын Божий, как Бог.

Революционеры бывают пассивные, как Семен Маслов, как Шатов и другие, т. е. предполагающие личную мораль и страдание, ответственность личную. Таким я знал только Маслова: а то, какая им противоположность — активные. Я видел больше всего активных, и если и страдающих, то как звери (посади Ленина в тюрьму, он не Богу будет молиться, а решетку грызть). Но возможно, что дело не в самих революционерах, а в легенде, их окружающей. Русский народ творил свою легенду о Правде, а они были просто служители, как попы.

24 Августа. Москва. Как назвать то радостное чувство при большой удаче, когда кажется, будто изменяется реч-

ка, выплывая в океан: свобода? любовь? Хочется весь мир обнять, и если не все хороши, то глаза встречаются только с теми, только на тех обращают внимание, кто хорош, и от того кажется, что все хороши. Редко у кого не бывало такой радости в жизни, но редко кто справился с этим богатством: один промотал его и разрушил, другой не поверил, а чаще всего быстро нахватал из всяких богатств, набил себе карманы и потом сел на всю жизнь стеречь свои сокровища, стал их собственником или рабом.

Сердце питается радостью, и ум здоровеет, и понимание ширится, — вот что.

25 Августа. Вчера дождь весь день и сегодня пасмурно и очень тепло.

Философия насилия. Вот о чем я думаю, о чувстве материнства при бездетности. Это чувство у Ляли теперь переходит на меня. Отсюда и все прежние ее неудачи в любви и противодействие родовому чувству. Основание родового чувства (долга) находится в отце (безликость), а материнство есть колыбель личности.

Будущая мать эту личность чувствует и переносит ее на отца.

Женщина в будущем отце чувствует и потребность в его семени и ненавидит, потому что это семя противоположно личности ее будущего младенца.

Так происходит насилие (и вот почему молоденький лейтенант на платформе в Пушкине, когда бандит вонзил ему нож в сердце, крикнул: мама!).

Большевики изнасиловали Россию, и она теперь родит...

– Позвольте, а разве во всем мире вы не чувствуете сейчас этого акта насилия и этого крика «мама!» Насилия государственно-родового, социалистического.

– Позвольте, а понимаете ли вы, почему это, где женщины, там разложение.

– Понимаю: женщина — это вода, размывающая скалу.

26 Августа. Дождь. Вчера после обеда вернулись в Пушкино. Вчера читал в «Октябре» «Кладовую солнца»

и подумал написать о себе — «Правдивая сказка» (как я пришел к Девриену с предложением написать правдивую сказку и пр.). Внутри моего очерка и рассказа таится цель написать правдивую сказку. 40 лет на прокрустовом ложе очерка. Каждый человек живет сказкой — это сила внутриатомной энергии.

27 Августа. Утро солнечное, а дальше как Бог даст. Вчера сговорился с доктором (Артемьевым), что он берет Рекса. С тещей был разговор: — Смотрю я на вас с Лялей и думаю о том, что вот как это удивительно у вас, как у всех: заключили вокруг себя какой-то супружеский круг и стали вы как один человек: что скажет один, то и другой, и уж вперед знаешь, если один согласится, то и другой, и наоборот. — Мне кажется, это должно бы вас радовать. — Меня и радует. — Ну, так в чем же дело? — Радует и удивляет: у вас, как у всех. Что это значит? — Значит, было два человека, а стало один. — Я бы так не могла.

На этом кончился разговор, я порадовался, что мы с Лялей вместе, а теща сохранила за собой неоспоримое право быть тещей и думать о всем отдельно.

А между тем, в этой капельке жизни отразился сейчас весь мировой спор о силе и счастье человека быть в коллективе и о праве каждого индивидуума жить и мыслить отдельно. Если вспомнить из прошлого русских людей: Волков, например, в детстве имевший намерение уйти в монастырь и после определивший свою жизнь на вере в вечность рубля. На каком же окаянстве (Каин) возник его капитал. И как невыносимо и отвратительно тоже и групповое убийство, когда по сигналу «вор!» все ворота на запор. И убивают часто не вора, не разбойника, а вот именно того, кто заявляет право думать отдельно и не стадно.

Стая лежит в основе коммунизма, а вор-собственник в индивидуализме. И вот в то же время — коммуна не стая, и личность — не вор. И все решается качеством души: чтобы иметь право на отдельное существование от стаи, надо быть великодушным, а мелкодушного всеми средствами надо загонять в стаю.

То, что я хочу вложить в душу Зуйка, *сказку* — это есть праведная радость жизни, законное разрешение трудового процесса и душевной борьбы удовлетворением. Только злой, дурной человек не имеет в жизни минуты для расширения души (обнимающий целое — сказка).

В сказке благополучный конец есть утверждение гармонической минуты человеческой жизни, как высшей ценности жизни. Сказка — это выход из трагедии.

Сказка для маленьких: В каком там царстве, в каком государстве!

У нас в дачном поселке Пушкино трехмесячный щенок Жулька стал обижать нашего кота Ваську. Умный кот (забрался от Жульки внутрь куста крыжовника, и щенок не мог через колючки достигнуть кота).

28 Августа. (Воскресенье, Успенье.)

Холодно и дождь моросит. Можно сказать, лета не видим.

Видел во сне дворец и в нем живет моя невеста недоступная, как всегда (в жизни я сам сделал ее недоступной: это нужно было для неосознанного поэта). Дворец был под влиянием ее невидимого присутствия. В этом же дворце живет Горький, и я знаю, что он скоро умрет. Я делаю Горькому доклад о моих записях в нашей стране и потом объясняюсь ему в своей любви, и он тоже мне объясняется. В то же время я чувствую, что дело тут не в самой любви, а в усилии ее сделать. Такими в точности и были наши отношения с Горьким.

Проснувшись, думал о том, как же это при моей полной любви к Ляле может мне сниться Недоступная. И так понял, что та любовь и эта есть один и тот же процесс: мне тогда нужно было из Альдонсы сделать Дульцинею, чтобы совершать подвиги. Когда же подвиги были совершены, потребовалось их признание, и фантастическая Дульцинея должна была сделаться если не Альдонсой, то естественной женщиной («жить как все хорошие люди»).

Вся Англия вопит о лишении ее Ленд-лиза. А у нас публика знать ничего не знает и совершенно спокойна: вопрос ведомственный. У нас лишь когда срежут пайки, тихо застонут и смолкнут.

29 Августа. «Очарованная душа» Роллана. Вдохновенный «Песнью Песней» расписывает половую любовь как священный акт. Очень хорошо сказано по аналогии с половым эгоизмом о духовном эгоизме тех, кто навязывает свою идеологию.

Нина Портнова — административный глаз: сразу все может схватить, мгновенно сделать вывод и распорядиться (приказать). Усидчиво сидеть и работать над чем-нибудь не может (это понятно). Она курит, пьет, может ночи не спать. И трогательно любит дочку (девочка заболеет и мать тоже болеет). Конечно, она может жить и где-нибудь на чужом диване. Петя с Ией в ее глазах «буржуйчики» (характерно, что Ия, дочь старого коммуниста, признаваемого за приверженность к идеологии старых большевиков ограниченным человеком. А Нина беспризорница).

30 Августа. Утром тяжелая борьба в небе за свет, и только после обеда явилось солнце. Такое прекрасное было небо в барашках. Казалось, только бы день какой-нибудь выбрать и отдаться разглядыванию неба, то прочитал бы там всю программу мира на земле. Утром ездил к Пете, привез Рекса и сдал в семью доктора Артемьева.

После обеда приехал Замошкин с сыном. Узнал, что в связи с атомной бомбой, уничтожившей город Нагасаки со всем населением в 250 тыс., папа издал энциклику с молитвой о конце мира.

Открытие внутриатомной энергии приписывается датскому ученому Нильсу Бору. Его теория у нас подверглась осмеянию в связи с тем, что ученый — человек верующий. Супруги Кюри, начавшие движение открытий в этом направлении, были тоже почти святые люди. И так правед-

ники науки привели весь мир к границе самоуничтожения так близко, что папа издал энциклику о конце мира.

Моя раскольница в «Падуне», ожидающая в гробу светопреставления неожиданно становится современным образом. Ляля, например, уже готова присоединиться чувством к современной эсхатологии папы. Она готова радоваться тому, что наконец наступает развязка мучительной трагедии земной жизни человека. И этому противопоставляется миросозерцание, напр., А. Барбюса, который говорил, что человек после смерти живет только на земле и что, напр., современный Ленин есть Сталин.

Так вот теперь, молодой человек, обрати свое внимание на современную жизнь и выбирай себе путь. Произошел факт открытия для человека силы, превосходящей воображение всех сказочников от сотворения мира. И эта сила одинаково может стать как источником жизни, так и смерти.

И вот одни люди перед этим фактом складывают руки, готовясь к концу мира (у меня старуха ложится в гроб), другие посвящают себя делу борьбы за продолжение жизни здесь на земле.

Лилии. Расцвели купавы, белые водяные лилии. Я вышел на болотце возле Новой деревни проверить по бекасам работу моей трофейной немецкой легавой Рекса. Посредине болота было неглубокое озеро, покрытое купавами. Молоденькие деревенские девушки, совершенно голые, лишь немного выше колен стояли и рвали купавы, наверно для продажи на станции. Я довольно близко подошел к лилиям, направляя Рекса рукой в ту и другую сторону. И так мало-помалу я подошел к той эстетической границе, когда из-за видимых подробностей человеческого тела должна была исчезнуть гармония голых девушек и белых лилий. И признаюсь, мне было, может быть, чуть-чуть досадно, что девушки не хотят стыдиться меня, и голые таращат глаза на мою собаку и на меня, старика.

Но вот Рекс сделал стойку. Я по-немецки сказал: — Вперед (Форвертс!). Лилии не только не спрятались под воду

от моего голоса, но даже как будто еще больше высунулись. Рекс подался вперед. Вылетела белка, и собака сунулась было за ней. Это у нас, охотников, считается преступлением. Я крикнул ей со всей силой властного напряжения дрессировщика по-немецки: — Комм хер! По-немецки «хер» значит «сюда», но по-русски... Я совсем это упустил из виду. — Ах! — крикнули разом все лилии. И когда я посмотрел в их сторону, в озерке среди белых купав виднелись одни только головки сконфуженных и улыбающихся девушек.

В перерыве разговора Замошкина с Лялей о конце света я рассказал о лилиях. Замошкин очень смеялся и, возвращаясь к теме разговора, сказал: — Нет, Михаил Михайлович, свет наверно не кончится, какой-нибудь выход найдется. — А какой другой выход может быть кроме диктатуры? Вот перед войной был же изобретен самолет «Блоха» для индивидуальных полетов, и каждый слесарь мог сделать себе такой самолет и улететь на нем, как Гитлер, в неизвестное пространство. Так будет и с этим открытием источника энергии: свобода исследования открыла, а диктатура спрячет. — А она уже есть. Верующие в ожидании светопреставления будут молиться, индивидуальные хищники подожмут хвосты. Конец индивидуальной свободы будет реальным знаком эсхатологических чаяний. От всей прежней свободы останется для личности маленький люфт выбора места своего в коллективе. — Да, Николай Иванович, — сказал я Замошкину, — открыли бы новую силу или не открыли, все равно: время индивидуальной свободы прошло. А молодежь? Спросите своего сына: он вовсе уж и не понимает, что это значит — наша свобода. Он вырос в берегах диктатуры и дальше будет бежать, как ручей в берегах.

31 Августа. Утром в борьбе за свет на земле солнце не справилось с облаками и ветром, был дождь, а потом начало оно побеждать.

За чаем Ляля посвящала свою мать в эсхатологические чаяния папы. Но когда я посвятил тещу в такое чаяние всех

народов с незапамятных времен, то теща стала на мою сторону. — Что же, вы совсем не верите в конец? — спросила она. — Нет, почему же, — ответил я, — но я определенно не верю и не хочу верить, что вот именно теперь после американской атомной бомбы он должен кончиться. А то скажите, куда же девать в моем рассказе старуху, ожидающую в гробу светопреставления? — А какая это у тебя замечательная мысль, — подхватила Ляля, — как это должно у тебя прекрасно выйти. Так Ляля увлеклась моей сказкой и забыла совсем о конце мира. Ляля и вообще, утверждая какую-нибудь гипотетическую мысль, всегда таит в себе возможность обращения против нее. Скорее всего, так думает и всякий неглупый. Но есть эгоисты мысли, те не терпят возражений и стоят на своем: это диктаторы.

Яблонка была ранена. И всегда, когда дерево ранено, оно цветет гуще, как будто почуяв гибель свою, все силы свои устремляет к размножению. Наша яблоня зацвела вся, цветок к цветку снизу доверху. К сожалению, в бутоны проник долгоносик. Яблочки хотя и завязались, но скоро опали. Осталось только на одной веточке в одном гнездышке шесть яблочков. Им было трудно расти в тесноте, каждое яблоко росло, ежедневно нажимая сильней и сильней на другое. В этой борьбе (описать каждое яблоко: одно смеялось, другое было лобастое — думало, третье... у каждого пупочек и темечко... тени зубчиками от листика).

Отчего это в природе ни один лист, ни одна травинка или корешок, или семянка, или цветок не складываются друг с другом, не бывают такими, как если бы их люди делали на фабрике. Это, наверно, я думаю, оттого в природе, что там все движется, все течет, все переменяется каждое мгновение по ходу роста. Все несходство — это следы перемен, и вся жизнь от этого как в облаках на ветру: облака бегут и переменяются в образах.

И люди так в природе — тоже все разные и сходных до точности людей нет, и человек дорожит особенно своим несходством, и его называют душой. Так, у каждого чело-

века есть своя душа, и у каждой души есть своя мать, создавшая ее отличие (Богородица).

Одна учительница принесла в школу книгу о материализме и сказала: — По этой книге я вам так преподам, что вы не будете верить в Бога.

Но дети никогда не думали о Боге. Может быть, они никогда бы в жизни и не встретились с мыслью о Боге, но учительница навела их на эту мысль. И они стали думать.

А это уж так, что если о Боге старшие говорят, как было в наше время: «Бог есть!» — мы думали: «А может быть нет». Теперь же старшие: «нет», а младшие про себя думают, может быть: «да».

Вот уж воистину именно про эту учительницу сказано: «рече, безумен: несть Бог».

На вопрос мой Замошкину, почему Америка и Англия соединились с нами, а не с Германией, он ответил: боялись Германии.

– И может быть надеялись, что СССР будет войной обессилен.

– Конечно, надеялись.

– И просчитались.

– Не думаю: вот в китайском вопросе мы не пошли на поддержку коммунистов, а заключили мир с одним правительством. И в Болгарии тоже отступали.

При этом разговоре мне представляется моя «Мирская чаша», написанная именно в духе морали прежнего старого коммунизма, и за то она никогда не будет признана. В связи с этим и мой прогноз о диктатуре в отношении частного пользования вновь открытой энергией.

1 Сентября. Солнечно, совсем тепло, почти жарко. Ночь лунная, то и дело слышно было, как падают яблоки: с грушовки упало за ночь 18.

Часа два ходил вдоль Учи и по Зеленому городу. Смотреть не на что: жизнь захламленная.

Смотрю назад на свою повесть «Мирская чаша» и в свете новых событий (побед, изобретений), новой ориентации в политике вижу, что пафос возмездия (Всадник Гоголя), заключенный в ней, теперь пережит: вся вещь уже несовременна. «Мирскую чашу» постигла та же судьба, что и «Мирскую чашу», написанную в 1919 году. И про все эти попытки прийти в пророки можно сказать: против рожна не попрешь.

2 Сентября. Такие теплые дни, такие звездные ночи, так по-прежнему по небу всю ночь блуждает Большая Медведица и всю ночь падают спелые яблоки. Утром гроза с теплым летним дождем.

Темпл Сэрстон. Роман «Непримиримые». Вот бы чудеснейший из чудеснейших романов для детей, если б не тема о мальчике, убегающем от отца ради «завоевания мира» (художник). Это тема борьбы за индивидуальность, наша же современная тема — это борьба за место в коллективе. Правда, какой это пример для нынешнего юношества борьбы за индивидуализм: добродетельный и негодяй — оба делают карьеру под формой добра.

И даже ученый Нильс Бор, возможно, святой человек, имея намерение дать людям власть над материей, дал силу массового разрушения жизней и ценностей. Создались такие условия жизни, что имеющий намерение делать добро людям делает зло (супруги Кюри).

Но если целью поставить не добро, а место свое личное в коллективе, то это же и будет место вождя. Значит, наш современный идеал есть идеал вождя (к этому идеалу поправка: взял в руки барабан, это не значит, что стал вождем). В «Падуне» показать процесс вождеобразования.

Вторая тема у Темпла Сэрстона та же судьба, — это женщина, создающая мужа-героя (как физически рождающая, так и нравственно образующая). Итак, оба эти идеала, вождя и матери-героини названы правительством (спор не о Боге, а о слове и деле).

Вопрос, почему же писатель... нет, не почему писатель не хочет воплощать эти идеалы, а почему у него с этим делом ничего не выходит? Потому что автор — не чиновник и делает не по прямому приказу и долгу, как тот, а от себя. Автор должен делать открытия, хотя бы лишь в том смысле, чтобы открывать глаза людям на вещи, которых они сами по себе видеть не могут. Эти вещи должны существовать для автора, и он должен их сам найти, увидеть своим глазом, вложить свой палец в их ребра и, поверив, воссоздать. То есть опять-таки открыть на них другим глаза и уверить их.

Писатель теперь получил директивы из рук правительства по прямому проводу, выполняет их как чиновник, п. что директивы еще не вещи, а добрые намерения. Конечно, не исключается возможность того, что доброе намерение правительства совпадает с добрым намерением самого писателя (взять Маяковского). Но это возможно лишь в редчайших случаях, потому что такой автор будет вытесняться авторами-чиновниками, выполняющими задание правительства не от себя лично, а по прямому приказу.

Сила «долга» тут встает против личности как ощетинившийся зверь, и во имя «нравственных» начал, скажем, того же коммунизма, будет уничтожать творческую личность. Всякая липкая мелочь в этом процессе будет прилипать к дну идущего корабля личности и затруднять его продвижение.

Правительство тогда не будет знать своих же лучших людей, оттесняемых прилипалами, правительству будет казаться, что корабль идет тяжело в силу долга или тяжести добрых намерений, в то время как ход корабля затрудняется бесчисленными прилипалами.

Спор идет теперь, в сущности, не о религии и материализме, а о слове и деле. Бог содержится в Слове, но если Слово стало пусто и бездейственно, то дело, получив свободу от мысли, выбрасывает слова о Боге, как пустые, ненужные и даже враждебные. Тогда священнослужители становятся просто попами и существуют ради пустых

слов. Дело же, лишенное руководящей мысли, движет массы людей безразлично, в сторону добра и зла.

Вот почему сам римский папа, как ездок, выбитый из седла, произнес последнее Слово, не лишенное смысла, о конце мира. Так опустело Слово (свидетельство этому мировая война), а Дело, захватывая на пользу человека (добрые намерения) все источники мысли, повело людей прямо в Ад. Размыслить — конец. Но приходит утро, и шевелится в душе какое-то неясное чувство радости жизни самой по себе в том мгновении, которое пришло сейчас. Вот это чувство и надо теперь охранять потихоньку от всех, как охраняется под скалами ручеек, вытекающий из недр.

Друг, если мы с тобой переживаем что-нибудь для себя вновь, то это вовсе не значит, что мы открываем для всех что-то новое. Напротив, что-нибудь новое для нас с тобой, для всех может быть старо, как избушка на курьих ножках.

3 Сентября. В ночь пошел дождь опять, и всю ночь за окном шумело. Последние яблоки осыплются с грушовки. Сливы красные.

Вчера был у нас зам. директора леспромхоза Дроздин Павел Иванович. Он гордится тем, что фамилии его почти никто не помнит, что он для всех только «Павел Иванович». Вот этот Павел Ив. советует добиваться собственности на дачу и не мечтать ни о какой Истре. А получив в собственность эту дачу, продать ее и купить на Истре. Написать в Моссовет мотивированное заявление.

Вспоминали с Павлом Ивановичем вчера, когда весь многомиллионный неграмотный мужик был заключен в себе самом безвыходно, как в каюте, как в лагере.

«Просвещение народа» было мужику как быку красный флаг. И вдруг мужицкий вулкан начал свое извержение... Есть еще люди, кто может сравнивать время, как жили тогда просто и как сложно и беспокойно теперь. Что и говорить!

Но мы-то, интеллигенция, и когда все было просто и так дешево, жили в тревоге.

Пожалуй, даже та прежняя тревога души революционного интеллигента вполне соответствует... нынешней тревоге в повседневной материальной жизни.

То, что было в душе у немногих, для нас теперь стало повседневностью жизни у всех. Вот почему я, с детства содержавший в себе эту тревогу, не могу ад нынешней жизни противопоставить покойному раю жизни прошлой. Это могут делать только те скромные люди, которых тогда называли «мещанами».

Мы же все одинаково, как разночинная интеллигенция, так и либеральное дворянство и проч. материально были независимы — дворянство по своей беспечности, интеллигенция по внутреннему своему разрыву с материей.

Серьезная забота о материальной стороне жизни целиком лежала на мужике, которого было так много, что он в свою очередь мог быть «ленивым и беспечным».

Может быть, это было сравнительно с нашим временем и хорошо, но оно никуда не вело, и потому оно было плохо.

И вот я, мальчик в 72 года, сравнивая свое положение с другими людьми, от рабочего до наркома, и выше, выше! Считаю себя счастливцем. Так я и сказал Павлу Ивановичу:

— Конечно, счастливец, — сказал Павел Иванович.

Но тут Ляля, конечно, вмешалась: — Счастливый! Если б вы только знали, каким страданьем, каким риском и бесстрашием дается это счастье.

– При том, конечно, и талант, — сказал Павел Иванович, — не всем это дано.

– Талант — как у Шаляпина, — сказал я, — в этом смысле у меня его нет. Такой талант к чему-нибудь, как у меня, есть у многих, почти у всех. Но это «что-то» зреет у людей как плоды у яблонки над пропастью. Надо терпенье, мужество, даже геройство, чтобы дождаться мгновенья и схватить свое яблочко, когда оно сорвалось и падает в бездну... Был у вас такой миг, Павел Иванович?

– Был.

– Схватили вы свое яблочко?

– Нет.

— Вот то-то. Сами виноваты, голубчик, и значит, нечего вам вспоминать время, когда было всем хорошо и дешево жить, нечего думать о нынешней жизни, что человеку нет из нее выхода. Скажите честно: было мгновение — я его пропустил, я виноват. И как только вы это сознаете и одного себя повините, то остатки вашего бытия расположатся вокруг вас правильно, как инструменты под рукой хорошего мастера <*приписка:* 3 Сентября. День победы (продолжение)> ...может быть даже и не в том счастье, чтобы именно поймать свое яблоко...

– А то как же, М. М.?

– Да так, возьмите, к примеру, того же Шаляпина. Яблоко свое он поймал, но, в конце концов, не знал, куда себя деть. Может быть, истинное счастье даже не в том, чтобы именно поймать свое яблоко, а в том, чтобы всем сердцем, всею душою повиниться в том, что его упустил.

– И дальше?

– А дальше окажется, что яблоко-то не одно. Пришло время, опять созрели яблоки, и тебе твое яблоко и ловить не пришлось: само оно тебе к коленкам упало.

Петя и Нина Портнова. Нина беспризорница и должна сама себе создавать дом. Петю презирает за то, что он пользуется домом, созданным отцом его. — Этим он избаловался и уклонился от личной суровой борьбы. — Тут две собственности: одна отцовская наследственная, другая своя личная.

В Пушкине собрался всякий сброд от раскулачивания, и каждый потихоньку переживает лихое время раскулачивания, ежовщины, войны. Теперь тут не редкость встретить приличного человека, хорошо понимающего советский быт и как будто вполне с ним согласного. Только человек такой же понимает скрытое в нем сознание великого превосходства его времени перед настоящим. Впрочем, он этого и не таит, он готов открыться, но никто из молодых

не поверит сказочной простоте и богатству того времени. Кто, например, поверит, что в Ельце на базаре в харчевне под шатром извозчик обедал за 6 копеек и получал щи мясные, хлеб и гречневую кашу на постном масле.

Хозяин Рекса М. Г., жена его Клавдия Лукинична. Вечером проверили Рекса и были радостно удивлены. У Рекса началась хорошая жизнь.

Толстовцы. Мы теперь все вегетарианцы, все земледельцы и непротивленцы: одно слово, толстовцы.

Мальчик с глазами пантеры. Смотришь в эти глаза и насквозь, и как будто не мальчик перед тобой, а где-то на дереве пантера сидит и неизвестно с какой стороны на тебя бросится. И старушка берегла яблонку, считала, сколько штук на ней — 300 штук, каждое яблочко ценила по 10 рублей. Раз мальчик-пантера, проходя, сказал: — Дай яблоко. — Старушка побоялась и дала. На другой день опять. И опять дала. На третий день отказала. — Не дашь? — Нет. — Ну, я сам возьму. Утром встала старушка — ни одного яблочка на дереве.

4 Сентября. После двухсуточного непрерывного дождя хмурый холодный ветреный день.

Вспомнилось, как я начинал свою литературную жизнь. Никого вокруг не было: было чистое поле и кол, я привился к колу и начал подниматься.

Прихожу к мысли утвердиться в Пушкине окончательно: пусть будет хоть какой-нибудь угол, да свой. Начинаю всерьез хлопотать о покупке дома. Написал заявление в Моссовет. Завтра буду советоваться с «Детгизом» и «Госиздатом». Елагина буду просить съездить в Моссовет.

Познакомился с N. и подумал: это контра — надо пореже видеться. Познакомился с М. — явная контра, надо

опасаться. Познакомился с П. — махровая контра — опасно! И вдруг осенило: да ведь все же контры!

5 Сентября. Москва. Вчера мы приехали в Москву. Вечером у большого окна моего кабинета над освещенной победоносной Москвой я подумал, что если бы не маленькая случайность, то атомная бомба в руках немцев снесла бы всю Москву. Мало того! Игра в войну... может в будущем весь земной шар вернуть к первичной материи. Мы же, бедные, сложив бессильно руки, обращаемся к Богу с молитвой о мире всего мира...

Что это, сказка наша? Но какие же это мы, если помещенные в печь пылающую мира, можем создать такую сказку. И мы ли это... не Сам ли это в нас бессмертный Затейник?

Как бы там ни было, но верная мысль нашего обычного сознания о возможности конца мира подавила меня, и Ляля, конечно, это заметила, и я ей сказал...

– Эти упреки Богу, — ответила она, — я пережила и прекратила их в дни смерти отца. Тогда явилось мне торжественное состояние духа, в котором земная жизнь растаяла как та стальная башня, как говорят, растаяла при взрыве атомной бомбы. Ты сам подумай, на нашей же короткой жизни происходят события в отношении нас к физическому миру: самолеты, радио и т. п. Все это показывает только, что мы вообще ничего не знаем. Так вот, это сознание ничтожества наших знаний, нашей мощи, нашего бытия в день смерти отца прекратило раз навсегда все мои упреки и споры с Богом. Это спорят люди в малолетстве своем. Но мы же с тобой не маленькие.

Атомная бомба создала особый вихрь в нашем сознании: первый пришел с этим ко мне Носилов и своим рассказом начал тревогу или карамазовский спор с Богом, второй — Павел Иванович, своим обращением к гармоническому прошлому, третий в семье Артемьев — тоже спор с Богом. Все как вихрь атомной бомбы.

Мы шли вчера на вокзал по узкому переулку, то ныряя по колено в грязи, то вздымаясь на камень или на корень

дерева. Впереди некий человек тоже нырял и, завидев нас издали, заговорил — вздымался, нырял, проваливался, балансировал, вскрикивал: «черт!» и опять говорил, говорил что-то собственно не нам, а имея в виду нас. Мы были для него не мы в своих конкретных индивидуальностях, но «мы» как нечто однородное с его собственным страждущим «я». Это шел своего рода коммунист, обвиняющий за мерзкую жизнь на земле то ли Бога, то ли правительство, призывающий к возмущению друга или брата, заключенного в другом неведомом человеке. Это был не пьяный, но измученный до опьянения человек.

К этому постоянные беседы одиноких пьяных, идущих неверным шагом по улице. В каждом прохожем он видит такого брата, тянется к нему всей душой и вдруг, когда встречает защищенную трезвым сознанием индивидуальность, сам обращается в зверя и лезет, узнавая такого же зверя, с кулаками.

За жизнь с Лялей сколько узнал я недостатков ее характера в ее повседневных делах и всякого рода обычных и необходимых умениях. Как-то ничего не умеет и учится повседневно тому, что все другие обыкновенные люди усвоили себе нечувствительно от родителей. Но все мое раздражение по поводу ее неумений и всякого рода страхов рассеивается от постоянного моего благоговения к ней, как источнику божественного сознания. В глубине своей, мне кажется, она все знает, и в ней содержится ответ на всякий вопрос глубокого сознания. Если бы я мог о всем спросить ее, она бы ответила на все. Но у меня редко бывает достаточно силы, чтобы ее спросить. Жизнь проходит часто так себе, как будто едешь в телеге, имея возможность лететь на самолете. Но только это большое богатство постоянно сознавать, что все от себя, и если я хорошенько только захочу, то пересяду из телеги в самолет, или задам Ляле всякий вопрос и получу от нее всякий ответ.

6 Сентября. Конечно, дождь. Вчера уговорились по телефону с Барановым о поездке на Истру (в воскресенье).

Я достал бензин. В «Детиздате» все благополучно: обещают премию.

Вечерняя заря спустилась в воду, и кто был на берегу и смотрел туда, видел, как она там, в глубине гасла и засыпала. Утром заря встала и с неба спрашивала воду и вода отвечала заре: что спросит заря, о том и ответит вода.

Вопрос духа, отвечает материя. Дух спрашивает, материя отвечает, и все вместе, вопрос и ответ составляют движение человеческого сознания.

Так и все в мире: листик зеленый, свободно покачиваясь на тонкой веточке, спрашивает, и корни впиваются, и земля отвечает.

И ребенок, хватаясь за грудь матери, спрашивает, и ему отвечает мать. И отец всей нашей жизни солнце своими лучами спрашивает, и земля раскрывается.

Один из планов Падуна: уход и приход сказки (Зуек живет в сказке). Падун умолк — сказка умолкла, и тут пропал Зуек. Вернулся Зуек хозяином.

От недобрых людей зло бывает единичное: торговец обманет или вор украдет: одному плохо — украли, а другому дешевый краденый товар даже и на руку. Так вот от недобрых людей, а вот как добрый рассердится, да станет за свое добро на дыбы — вот тут уже беда всем, и добрым и злым.

Клавдия Лукинична Ляле сказала: — Я в Бога не верю, но Христа люблю. — Но ведь Христос верил в Бога, любил Его, молился и нас научил: «Отче наш!» Как же это вы можете так вместе, и любить Христа и в Бога не верить?

Кл. Лук. смешалась и не могла ответить на мудрый вопрос. К счастью, Ляля умеренный диалектик. Ткнув ее своей словесной шпажонкой, она приняла в себя Клавдию Лукиничну как хорошего русского человека. Она поняла, что Христос в сердце Кл. Лук. это тот самый ближний (то на-

зывался он «человек», то «друг», то даже просто «мужик», то потом «пролетарий»), во имя которого горела Россия с первых своих возражений царю, как Помазаннику Божию.

Христос в устах русского человека — это поправка к жестокости и несправедливости Бога. Восставая против Бога, русский богоборец делает Христа хорошим идеальным человеком, тем ближним, во имя которого возник коммунизм.

Но разница в очеловечивании Христа у нас и в Европе только в том, что там хоть соблюдают внешнее приличие в отношении Бога. С этой точки зрения сверхчеловек — это мост, по которому человек возвращается к Богу, Христу.

Колотили на войне ближнего во имя блага самого же ближнего.

Первая прогулка с Жулькой в поле и в лес (ей 4 месяца было 3 сент.). Жулька впервые осталась в мире со мной одним, и так я сделался для нее мало-помалу центром вселенной, богом. И так все существа от собаки до Канта общими усилиями создают образ Божий.

Так вот, наша прекрасная любовь, как трудно она давалась, вспомнить страшно: Ефр. Павл., Лева и теща и борьба за существование во время войны. Разве я думал о всех этих тягостях, когда начинал роман? Но они пришли, и мы их победили. Мне кажется самому, что все делала Ляля, что только благодаря ей я мог победить. Но это не совсем верно, она была та же самая с другими, и никто другой не мог ее понять. Я один ее понял, и она только мне могла помогать и вместе со мной делать жизнь.

Бог, как создатель мира — это смысл нашего прошлого. Но мир продолжает делаться, и человек склонен взять на себя это творчество: раньше Бог, теперь мы.

Из суммы всех усилий вышла атомная бомба.

Неужели это мы ее делали.

Нет! Она у нас вышла, т. е. то же самое, как если бы упала откуда-нибудь.

8 Сентября. Рано утром дождь, потом солнце. Если не будет дождя, едем на Истру.

Долг поэта быть поэтом в молитве.

Это значит, чтобы землю поэт во время молитвы расстилал ковром перед Богом, а людей соединял молитвой в единстве.

Чувствую бремя жизни и все надеюсь превозмочь. И так оно должно быть: бремя, это сумка с болезнями, неудачами, все растущая в тяжести своей, преодолевается растущим в силе смыслом (духом). Значит, та же самая борьба, что и в юности, только углубленнее, ближе к себе самому.

Вечером приехал Ваня с Иваном Сергеевичем Солодовниковым (нож подарил).

9 Сентября. Весь день дождь. Проводил на охоту гостей. Вечером ходил на пирог к Елецким: Мих. Ефим. и Нат. Алексеевна (дочь Ира).

Во всех углах Союза шипят змеи притаенные. Говорят об атомной бомбе, о наших уступках, о том, что какая-то злая муха на Тихом океане уничтожила кокосовые пальмы, что на эту муху напустили другую, и что первая муха — коммунисты, вторая — лейбористы.

Ляля определила Александра Васильевича как человека с гениальными задатками, но без таланта, и потом о себе: я тоже такая. Почему же они разошлись? Потому что она должна была найти свой талант.

10 Сентября. Ночью дождь и утро. В 9 стало светло, искал дупелей на лугу Учи и не нашел ничего. Сегодня — 10-е, по-старому 23-е, т. е. дупеля должны быть через три дня. Собирать вещи, без которых можно жить здесь, и не торопясь переезжать, стараясь задержаться до 1 октября. В субботу 15 сент., в воскресенье — на Истру.

– Падают... — Милый друг, не пугайся, падают спелые яблочки.

После разговора у Носилова об атомной энергии, по пути домой в страшной грязи, придерживаясь руками за решетку забора. — Итак, Ляля, понятие материи исчезло, точно так же и энергия стала фазой к переходу в нечто иное. Что же это нечто, не похожее ни на материю, ни на энергию. Не Бог ли?

– Вот еще, Бог! Как так это можно сказать: это так далеко от человека, а Бог — это возле самого человека.

Мы шли буквально по колено в грязи, в резиновых сапогах, в полной тьме. Но я от слов Ляли почувствовал к нам близость Бога, и сердце мое наполнилось радостью о том, что Ляля знает твердо, где Бог и что Он есть.

Конечно, открытие новой силы должно быть великой радостью для человечества, п. что вот пришло время суда... Все совершается по пророчествам: человечество летит в огонь, ад близится... Скоро может быть люди увидят в отдалении оставляемого ими Бога...

Вот когда стали понятными Блок и Белый!

Но ведь позвольте, человек-то ведь продолжает рождаться. Как можно родить человека без надежды на его счастливое будущее? Так в быту, где рождается человек, должна бы сохраниться радость жизни и вера в Бога живого. Но почему же к этому миру «матерей-героинь» подойти невозможно, до того оттуда смердит. Этот мир Авраама ныне разорен и летит в пламень («тотальная война»).

11 Сентября. (Иван Постный.)

Дождь изо дня в день. Ездил в Новое село проверять дупелей — ничего. Болото — сплошное озеро воды, и птице некуда нос воткнуть.

Так вот летим в ад, в огонь, а Бог посылает воду против огня.

(Вложить это в ум старухи, ожидающей светопреставления: тоже вместо огня — вода.)

12 Сентября. Безоблачное холодное утро. Вскоре потом северный ветер и на небе кошачьи хвосты перед новым потопом.

Когда у людей нехорошо и некого за это винить, то винят погоду. Но в этом году есть за что винить погоду: ни весны, ни лета, ни осени.

Христос, когда омывал ноги своим ближним (ученикам), оставался Богом, как все равно и великий художник, делая ближнему великое добро, остается творцом. И всякий человек, омывая ноги ближнему, должен делать это во имя Бога, но не человека, значит, быть сверхчеловеком или богочеловеком. Всякое же добро ближнему просто по человечеству есть или идолопоклонство или «любовь для себя» (скрытый эгоизм).

Это рассуждение явилось по поводу сна моего в эту ночь. Мне снилось, как будто я омыл ноги своим ближним, и за это все на меня набросились, как на лжеца.

Марья Васильевна верой и правдой служила своим хозяевам. Но есть более высокая правда, чем правда служения хозяину. Так, она встречает умирающую старушку, забыв о хозяевах, доставляет ее домой, ухаживает, хоронит. В мелких делах у нее есть настоящее стремление сделать не как велят, а по-своему в уверенности, что так будет лучше. Если не выйдет лучше, то приходится солгать. Уличают во лжи — она плачет не в раскаянии, а от невозможности объяснить людям, что хотела им лучшего и что так она по высшей правде живет: делать лучше, но не всегда это выходит, а что не вышло, то не она в этом виновата. Но раз уж «лучшее» не вышло, сорвалось, то этой попытке сделать лучше люди не поверят и потому приходится врать.

«Лорд» (то же что и демон) это кто, как тот же Ницше, живет по ту сторону добра и зла человеческого, слишком человеческого мира в вечной вражде с этой «человеческой» моралью, но без «во имя».

Чтобы понять любовь к врагу, нужно представить себе независимость свою от друга в том смысле, что на пути к Богу необходимо разорвать все свои привязанности. Вот тогда близкий к Богу возвращается к ближнему человеку без пристрастия и ему любить врага своего так же легко, как и друга.

Суровые и безводные училища подвига (Лествичник).

Жалкое зрелище, когда спасшиеся на море терпят крушение в пристани.

Прижигание души (это когда тебя несправедливо укорят, а ты не гневаешься. Лествичник).

13 Сентября. Есть чувство как бы ущемления славой: схватит за сердце что-то вроде тоски («и вырвал грешный мой язык») и вдруг увидишь себя, как писателя, с той стороны, где готовятся к доброму ответу на страшном судилище, где спрашивают о данном тебе таланте. После ущемления в самозащите остается у меня все-таки от всего написанного нечто достойное в своей наивности и целомудрии, похожее на девство, отданное в хорошие руки. Однако этого маловато для доброго ответа, и совесть упрекает меня в том, что чего-то главного своего я сказать не посмел. Очень хорошо только, что я виню в этом одного себя и всегда при этом надеюсь и обещаюсь в будущем написать свое лучшее.

Румянец моего яблочка получался оттого, что каждое встречаемое мною человеческое существо я признавал представителем Целого. И это восприятие не прогнали во мне все войны и революции. Даже в самое последнее время я думал о «сказке», живущей в душе каждого человека, как о последней реальности.

На днях еще я сказал профессору о том, что собираю легенды обывателей об атомной бомбе (Замошкин, например, сказал, что хотя мир человеческий находится на краю опасности, но он надеется на победу, в конце концов,

добра. Ляля обрадовалась концу света: «к одному концу». Мичуринец в атомной энергии увидел хорошее: «север сделают югом»).

Но профессор на мои слова о легендах обывателей ответил: — Обыватель ничего знать не хочет, он только пользуется, ему не электрическая энергия интересна в своем существе, а, напр., электрический звонок. — Ну, так что, — сказал я, — обыватель наивно связывает эти силы с жизнью человека, ученый же и этого не может: он своим интеллектом просто входит в состав сил, и этим ученым пользуются политики, как вещью. При всем невежестве обыватель свободней, чем ученый, открывающий силу, способную зажечь всю планету. Но самый свободный человек еще не родился. Вот когда обыватель с помощью своих ученых и политиков приспособит для своей жизни новую силу, тут родится новый человек и обратит эту силу в игрушку: он будет играть в эту силу и, значит, будет совершенно свободным.

Ученые — мученики науки, мученики политики, мученики обывателя, это все только мученики, а после всего приходит ребенок и начинает всем этим играть. Но счастье наше, что в глубине своего мучительства мы содержим всю свою личную сказку (птичку) и в ней-то, в этой сказке, мы даем наследство будущему свободному существу (и этим духом движется мир).

Все деятели науки, от самых маленьких и глупых техников до великих ученых организовались в одно целое. Напротив, все деятели искусства единственны и «школы» их дают только знатоков, но не творцов. Искусство действует на общество как личная сила, наука, напротив, обезличивает, и поскольку она коснется искусства, она обезличивает искусство. («Требует исследования», как говорит Лествичник.)

Откуда это взялось в отрочестве, что раз что-нибудь в книге описано, то этого больше уже и нет. Так было с нигилистами у Тургенева в «Нови»: весь довольно продолжи-

тельный период жизни от прочтения романа в гимназии и до студенчества я думал, что нигилисты были во время Тургенева и теперь они пережиты. То же с королями вроде Макбета, с царями вроде Грозного, кровавыми делами под Колыванском и вообще со всем таким необыкновенным и описанным давно покончено.

А после оказалось — нет, это все есть и теперь. Описано, значит, казалось, кончено. Какое может быть, казалось, возвращение к мысли о конце света, если об этом сто раз писалось, как о каком-то средневековом пережитке. И вот опять начинают говорить о конце света, и совершенно всерьез, на основании научных данных.

Сегодня вор унес половину урожая китайки. Пришлось снять все яблоки. При самом маленьком урожае плодов было довольно, чтобы есть их досыта до сколько влезет. В общем складывается, что от этого чувства не оторвешься: от добра [добра] не ищут. Главное, что Ляля очень любит это дело, быстро привыкает к нему, и если случится со мной беда, позовет свою Зину, и так-то жить будут!

14 Сентября. Опять (после двух только дней) мутное небо и вот-вот дождь окладной. Мы едем на зиму в Москву с намерением в воскресенье ехать на Истру.

Советское мещанство. Древний Прометей был распят на горе, а в наш утилитарный век похитителей огня засекречивают и делают рабами обывателя — потребителя огня. Впрочем, в наше время и весь человек, для кого и был похищен огонь, превращается в раба обывателя. Это уже произнесенные слова: «советское мещанство». (Так приблизительно должен сказать мой «профессор».)

Вечером сошлись у меня в Москве: Ваня, Лева и Цветков. Цветков говорил об атомной бомбе (как начало новой истории). Ваня слушал с раскрытым ртом.

16 Сентября. Суточный дождь. Выехали на Нил (Кооператив «Наука, искусство и литература»), с нами Попо-

вы, Баранов, Иван Вас. Заварили дело с участком на Истре. Преиспытал муки, возвращаясь в темноте без фар.

17 Сентября. Был на ВАРЗе и у Косенкова. Заварил дело с прицепом. Поручил Ване ремонт машины (перетяжка).

18 Сентября. Попов рассказывал о Леонове, что весь он в страхе живет и пишет, определяясь по вехам дозволенного. И что если бы вдруг стало возможно о всем писать, он бы рассыпался в прах как писатель или бы разлился как река, лишенная берегов.

Попов Иван Фед. рассказывал о себе, что если бы не пропустил один случай, то мог бы теперь быть богатым и знаменитым писателем. Было это в 1939 году, когда один приятель его, имевший возможность беседовать со Сталиным, сказал: «Писатели все сволочи и никому бы я не сказал этого, только тебе говорю единственному: пиши про Ивана Калиту». Сталин сейчас о нем говорит и берет его себе в пример.

Удивило меня в этом рассказе, до чего просто писатели смотрят на Сталина, и думается: кто же так прост... писатели... и неужели сам Сталин?

Общее мнение, что атомная бомба открывает новую историю человечества.

Кто-то сказал, что только благодаря войне, усилившей темп и риск жизни, была изобретена атомная бомба: в мирное время никакое государство не дало бы на опыт миллиарды.

Есть хочется человеку постоянно через сколько-то часов, терпеть он может без еды очень немного. И вот это-то в связи еще с последствием пищеварения создает комическую сторону жизни: тут и Дон Кихот, тут и Гессе[н], редактор «Речи», за несколько дней до свержения царя купивший имение, тут жизнь на вулкане, тут очереди во время бомбежки, тут еврейский компромисс, и мы все так,

и может быть даже в конце концов это же значит и улыбка матери, посылаемая ею своему сосущему грудь младенцу. Улыбнись же и ты, милый друг, своим цветикам: цветут, а небо к вечеру расчищается и завтра наверно будет мороз.

Попов рассказывал о Ценском, что он загоготал, когда кто-то сказал о Льве Толстом, написавшем когда-то в день печатный лист. Ценский может писать два листа в день. — Плохо, верно? — спросил я. — Неважно: банально, пусто, но вдруг какая-нибудь строчка двадцатая вспыхнет и все оправдает. — Нет, — подумал я, — это не оправдание в искусстве, а скорее всего Ценский (как аппетит приходит во время еды, как автомобиль дает вспышки во время кручения вала, так и он) механически разгоняет писание, на ходу бросая мысли. У каждого свой прием: я вот эти пустоты между вспышками мысли заполняю шатаньем по лесам, только мне за это пустое время ничего не платят, а Ценский и за эти строчки берет. Он это смекнул, и каждый по-своему смекает и делает, как легче ему.

В Пушкине мы уже два лета прожили и так ладно, что ни с одним человеком не поссорились, ни одного худого слова никому не сказали, как будто не сидим на месте, а едем в вагоне. Так наверно и в Москве придется жить к старости: легче так.

19 Сентября. Ночь была звездная, день пришел опять сомнительный, но потом перешел в тихий, серый, задумчивый. Обыватели начинают придумывать связь между опытами с огнем (внутриатомная энергия) и непрерывными дождями: человек, мол, взялся за огонь, а Бог воду посылает.

Животным для дела размножения своего вида не нужно видеть друг друга в лицо: им довольно зада («нам с лица не воду пить»). Любовь человеческая тем и есть любовь и тем она становится выше, чем сильнее требования к лицу, и так от первой необходимости лица вплоть до бессмертной личности, рождаемой божественным духом.

Путь всего искусства есть, может быть, в существе своем этот путь олицетворения, и мать матерей всех этих образов есть образ Богородицы.

Так вот и с этой стороны мы подходим к основным стихиям огня и воды: огонь действует безлично, это зад жизни (скалы, камни, земля — все это было). Огонь гаснет и все погружается в тьму. Напротив, когда вода стихает, то в ней все отражается: она становится зеркалом или матерью всего личного (а земля есть не что иное, как скрытая сила огня). Так и берег реки есть пассивный огонь, размываемый водой. Итак, мир существует борьбой воды и огня, порождаемой или порождающей силой олицетворения (творчеством).

Огонь, вода и воздух — вот исходная троица всего миротворчества.

День тихий, серый, задумчивый. Ходил в лес по грибы, спустя часа три вышел к воде и увидел вырастающие из воды кусты. Эта поросль пошла от затопленных пней срезанных деревьев. Я, увидев воду, почувствовал человека всего, каким он вышел из воды своей матери и создал весь видимый мир, постепенно проникая в невидимый. Весь этот видимый и невидимый мир есть наше создание, наше «представление» о неведомой нам единой творческой силе.

20 Сентября. Стряхнул последние 9 наливных яблок с грушовки и поехал в Москву за машиной.

21 Сентября. Рождество Богородицы. Ясное утро. Да будет воля Твоя на земле, как на небе.

А разве и сейчас на земле нет полной воли Божьей, а разве не говорится, что без воли Божьей ни один волос не упадет? — Да, — отвечаю...

И дальше, как в книге Иова многострадального.

Вчера выдержал заседание редколлегии «Дружных», говорил неплохо, но это был «бисер». Уже по особенной

почтительности к себе чувствую, как все фальшиво у них. И твержу, твержу про себя: «не мечите бисер».

За время нашей жизни с Лялей выявились коренные недостатки — и ее и мои: 1) дело может делать только на ходу и хватком, 2) в обществе перебивает речь мою и других, 3) вечно раздражена с матерью, будто кто ее щиплет. Больше у нее не вижу недостатков, а только все прекрасное, и если она не движется вперед, значит, я виноват в этом: значит, сам стою. И потому зарекаюсь не раздражаться ее недостатками и никогда не спорить в этих вещах наперекор.

Возвращаясь сегодня из Москвы в Пушкино, попал на место катастрофы столкновения грузовика с мотоциклом. На мотоцикле поперек дороги сидел человек без головы: из красной массы виднелся только бледный подбородок. Занятый своей машиной, я, казалось мне, как-то не очень-то смутился видом всадника без головы. Но теперь он пристал ко мне и не отходит.

22 Сентября. Вчера был великолепный вечер. Ходил в сторону водоема с Жулькой, давал ей второй урок в поле и в лесу. Она еще боится пространства и, отбежав в сторону, возвращается ко мне, ноет и лапится. Страшен мир, но благ и многомилостив Единственный. И так она вмещает пространство в Единственного и всю сложность собирает и понимает в Нем одном. Вот корова, завидев собачку в картофеле, сорвалась и с веревкой на шее мчится на нее, и она в безумном страхе бежит, а Единственный поднимает палку на корову, останавливает, берет за веревку и ведет огромную, рогатую, как собаку на веревочке. В лесу, отбежав, сейчас же возвращается: там ли он. И опять уходит, и так привыкает бегать недалеко вокруг.

Солнце погружалось в воду. Большая сосна своими боковыми ветками, как крыльями, прикрыла много разновозрастных елочек, черные крестики их верхушек распялись на красной заре. И с детства знакомый мне по окружающе-

му его чувству вопрос о том, как и отчего зачался мир и что он значит, вставал, и я был мыслью своей гораздо ближе к ответу, чем раньше. И как собачка моя, приближаясь ко мне, становится смелее, так и я, устремляясь к Единственному, утверждался в нем, и стихии расчлененные — огонь, вода, воздух сходились в единстве. Особенно же ясно было мне, что образы мира, деревья, берега, облака и всякая вещь, как создание наших чувств, как наши «представления», не теряли через это, как раньше было у меня, своей значительности. Напротив, утверждаясь в нас, вещи хаоса получали божественное ритмическое расположение.

Московские впечатления странно наслаиваются в пустыне. Так, встреченный на пути из Москвы мотоциклист, сидящий за рулем без головы, попал на журнальное собрание детских писателей, и мне казалось, будто они тоже как мотоциклисты сидят за своим рулем без головы.

Понаблюдать улицы в Москве вечером против нашего дома, как учится военному делу молодежь, как это у них весело выходит, как в то же время дети поменьше сами от себя учатся, как шныряют на каточках мальчишки, как меньшие на велосипедиках, и тут же матери смотрят с грудными. Это жизнь [демоса] народа. И так тоже и в солдатах: тут тоже приказывают и слушаются приказа, но этот приказ исходит не от белой кости, а от своих.

23 Сентября. Вчера день удержался без дождя. Мы ездили в Жуковку за грибами. С нами ездила Нина Дм. Носилова, как грибной ястреб показала высокий класс грибной охоты, набрала корзину белых грибов рядом с нами, а мы вдвоем только пять и десяток маслят. Ляля устала, да и вообще Ляля плохая охотница, и мне нужно не упускать это из виду, когда я строю свои охотничьи планы. Все ее мечты об этом основаны на том, чтобы только быть со мной, быть как я, мне помогать.

Утро сегодня великолепное, солнечное, тихое, теплое. Народ из Москвы валом валит картошку копать. Мы ре-

шили за день до отъезда в Москву назначить аврал по укладке вещей. 2) Разработать план работы в Москве для каждого в отдельности и утвердить его (своим способом).

Все течет. У святого нет мыслей неподвижных, и каждое утверждение, кроме аксиомы бытия Божия, условно и относительно. Для себя, наедине с самим собою у святого подвижника все на свете лично-единственно и ничего нет «вообще». И самое троичное расположение личности Божьей явилось необходимостью движения, как выход из неподвижности аксиомы бытия Божия, т. е. что бытие это, существуя, течет, изменяется вечно.

Весь человек. Все это хорошо всем известное вышло у меня из наблюдения над движением религиозной мысли у Ляли. Она до того искренна, до того лишена всякой тени ханжества, что, утверждая что-либо, тут же рядом проговаривается и в условности своего утверждения. Но в то же время это у нее и не релятивизм. Вот как выход из релятивизма я и написал о мыслях святого наедине с собой.

Мы не ограничены в своем личном отношении к Богу, потому что Бог един и наша личность едина. Но люди все разные, отношения друг к другу условны, и всякая наша мысль, обращенная не к Богу, а к человеку, неминуемо условна. Великий «инквизитор», «попы», «материализм» и т. п. именно и являются в результате необходимой условности человеческих отношений. Выход из этой роковой условности, этой индивидуальности «попа-инквизитора» заключается в воспитании единомыслия между отдельными людьми, чем и занимается церковь, движением своим преодолевая относительность всего сущего. Когда весь человек в Боге станет единой личностью, сыном Божьим, тогда исчезнет вражда, и лев ляжет с ягненком.

Мораль. У матери моей был наивный страх перед утверждением в какой-нибудь морали. Этот страх складывался из веры в то, что такое утверждение должно быть, но в своем личном опыте она этого не видит. Полагается

по Евангелию, но там непонятно, и она ждет, кто бы ей объяснил.

Как это ни странно, и моя личность точно такая же, как и у матери, и в отношении морали я вечно робею перед людьми, носящими в себе моральный план.

Личность. Индивидуальность есть не дробимая часть человека. Личность — начальная единица той цифры с огромным числом нулей, которая составляет число всего человека в его дополнении к Богу. Еще проще понять личность в тончайшем серпике новорожденного месяца.

Личность — это светящийся серпик в дополнительном кругу человека.

24 Сентября. Вчера к вечеру стало сильно холодать, началась звездная ночь, барометр поднимался, мы думали, завтра будет мороз и яркое утро. Но еще задолго до свету забарабанил дождь, и утро пришло серое, моросливое.

Наш утренний разговор. Осень человечества.

Мое основное чувство жизни сейчас, что это осень человечества и весь человек остается теперь как дерево осенью. Раньше, конечно, старые люди тоже так умирали, но тогда сам, молодой, не придавал этому значения: впереди жизнь развертывалась, как бесконечная дорога.

Теперь же удивляет это упование на жизнь, которая так коротка. Изумляет каждый человек, полагающийся на себя, когда всякому известно, что жизнь коротка, и каждый из нас вспыхивает лишь на мгновенье, чтобы в следующее мгновение погаснуть. Сила жизни встает теперь, как сила необходимого обмана ее вечностью. Ловушка состоит в том, что каждый из нас эту действительную вечность присваивает себе: все умирают, а я как-нибудь проскочу. Посмотришь теперь на себя, пережитого, каким дураком жил! — Мало того! — ответила мне подруга, — я подозреваю, что и наш теперешний, несомненный ум, со временем нам же самим покажется глупостью.– Я начал с осени, а ты говоришь о зиме... Только вот, что хорошо написано, то

не пустеет: читаю и удивляюсь, и кажется, будто это не я написал. — А я даже и этим не могу похвалиться: нет утешения! — Вот вздор! — Конечно, вздор.

Страсть не обманывает, страсть — это сама правда, обман выходит из подмены страсти физической ее духовным эквивалентом, от чего любовь распадается на животную (презренную) и человеческую (возвышенную). Между тем истинная любовь, как борьба за личность человека, одна.

Написано по поводу любви моей к В.П. Измалковой, представшей мне как подмена естественной страсти. Подлость тут скрывалась в том, что недоступность моей невесты была создана мною самим, что эта недоступность была потребностью моего духа, быть может, даже просто как условие обнаружения дремлющего в нем таланта. Подлость заключалась в пользовании (правда, бессознательном) живым существом для себя — тончайший эгоизм.

Скворцы. В Рождество Богородицы у Носиловых семья скворцов вернулась с полей к старому скворечнику, два старых, четыре молодых. Старый скворец все утро пел, и молодые подражали ему. Эта песня и сборище возле гнезда, оказалось, было перед отлетом. Улетают и журавли.

25 Сентября. Пауки. После суточного дождя месячная ночь, туманная. Утро солнечное. Массовое явление паутины (значит, в эту ночь работали все пауки). Назначили день сбора на зиму после Рождества Богородицы и завтра отъезд в Москву вместе с журавлями и немного позднее скворцов.

26 Сентября. И еще одно солнечное утро.

Лист пожелтел и потек.

В нашем садике осталась только капуста и флоксы.

Второй день аврал, завтра, наверно, соберутся и переедем в Москву.

Половая сила (или сила размножения) является единственным источником того, за что называют нашу жизнь

«обманом», все другие страсти входят в эту одну основную. Скопцы — это самые решительные, крайние революционеры жизни. Но мы же знаем, что это не выход. Но тоже знаем, что какой-то выход должен быть. И так все мы выходим из «обмана» поодиночке.

И, пожалуй, вся мудрость в этом основном вопросе жизни сводится к признанию человеческой личности: характер выхода из состояния «обмана» является продолжением характера данного человека. Общим для всех является лишь признание права единственного в этом вопросе.

Бывает в жизни мгновение, принадлежащее единственному. Так шофер ведет машину по скользкой горе, навстречу ему другая машина, сверху сорвалась и летит, вращаясь, третья. В это мгновение спасает только единственный. А кто может поэту подсказать в решающее мгновение его стих: только мгновение внутренней жизни может выбрать себе мгновение из внешней. И решение броситься в огонь на пожаре и в воду, чтобы спасти человека, является только от себя самого.

Стрелок, схватывающий цель на лету и готовый нажать на спуск, — единственный хозяин мгновения, никакой другой ему не может помочь.

Поэт, мгновенно одевающий в слово прибой музыкальной волны, — единственный хозяин мгновения.

Влюбленный, готовый к признанию, — один-единственный и должен признаться так наедине, что даже шорох мышки может задержать слово, готовое решить судьбу двух.

А помните идущего в пустыню?

– Что это за шум? — спросил он.

– Это, — ответили ему, — шумят камыши.

– Шумят, — повторил святой, — пойдем дальше, туда, где тишина и ничего не шумит.

Там, в той звездной пустыне, где ничего не шумит, поселился единственный, вобравший в себя божественную сущность человеческой жизни. И он был перед Богом единственный, и никакого другого тут быть не могло. Так перед Богом стоит человек тоже как единственный.

27 Сентября. Вчера вечером Ляле сказал: ты в основе целиком только матери предана, я же у тебя существую только так себе, под предлогом. — Ты подлец, — ответила она. Но потом положила мне на голову руку и сказала: — Я бы с тобой поспорила, у меня есть что сказать тебе, но я сейчас не чувствую себя равной с тобою, чтобы спорить. — Как? — Так, ты в припадке, ты болен. — Душа болит. — Брось: так тоже и мама говорит: душа, душа, но в этом ли душа?

Это было очень верно и хорошо сказано, и я больше всего именно за это уважаю Лялю: она знает, что есть душа и, сама истеричная, никогда не смешивает одно с другим, и душу никогда не подменивает. В этом и есть вся ее нравственная сила. И это именно и есть то нечто, в чем я себя чувствую ниже ее.

Благодаря этому знанию (нижней границы души) она может позволять себе вольности. Но зная эту нижнюю границу душевной жизни, она в то же время точно так же отчетливо знает и верхнюю границу, где происходит подмена духовной жизни душевной, как у Толстого.

Честь нашей православной церкви, что она воспитывает такие души, и скорее именно на этой почве народились души лучших наших революционеров-богоборцев.

Чувство своей личной ущемленности и слабости при встрече с такими душами (Дунечка, Семашко, Илья Ник. и много-много!) происходит от прирожденного мне эстетического чувства. Меня эта мораль сбивает, подавляет. Не будь в душе моей поэзии или будь моя поэзия сильной и свободной, я бы не ущемлялся. Но кроме Пушкина, кто же у нас не ущемлялся этой моралью, на чью голову не ложилась и кого не ограничивала эта человеческая дружеская рука?

Сегодня еще один теплый солнечный день. Мы утром переехали в Москву и дачу заколотили. После столь долгого безделья беру себя в руки и, как только пройдет грипп, возьмусь за работу.

28 Сентября. Вчера вечером дождь, всю ночь так нажимал ураган, что паркет в нашем огромном каменном

доме тихонько потрескивал, как будто в темноте кто-то подкрадывался к постели.

Утро пришло холодное, бродячие холодные облака с голубыми просветами неба. Хорошо, что приехали в Москву, но хорошо и тем, кто там на месте выдерживает суровую погоду и потом с такой радостью встречает хороший денек осени, и так наконец ему приходит торжественный день первого снега, и люди, встречаясь, поздравляют друг друга: «С обновкой, с обновкой!» Постараюсь добиться этого. В течение 46-го года построю себе на Истре избушку теплую, маленькую. И сделаем так: пусть Ляля устраивает в Пушкине дачу для матери и там живет с ней, когда нужно, а когда захочет, будет ездить ко мне. Так будет свободно, здорово и всем хорошо. И се буде!

Всякая запись, в которой теща действует — и сколько таких записей в дневнике! — является свидетельством моего унижения, п. что преодолеть тещу терпением и молчанием есть мой долг перед Лялей. Это раз, и второе — это свидетельствует о том, что писатель, тратя душу свою на такие пустяки, унижается до «сам наутро бабой стал». Третье, это, что Ляля же будет переписывать и, значит, она будет мучиться тем, что доставила мне столько неприятностей. Вообще, это настроение в отношении тещи свидетельствует о таком мелководье души, через которое не проходит ни один, даже самый маленький корабль.

29 Сентября. Время у человека есть имя величайшему деспоту жизни, и кто может с ним не считаться, тот есть самый счастливейший. Это дети, влюбленные и богатые духом празднолюбцы. Все же другие люди спасаются от деспота безусловным послушанием и рассчитывают жизнь свою по часам.

Как степень цивилизации предлагают измерять количеством расхода мыла, так и степень освобождения женщины можно узнавать по тому, насколько она в работе своей пользуется часами. По-видимому, это происходит от расхождения движения мужского делового строя жиз-

ни с привычным древним строем женского домашнего хозяйства. Тут может быть даже расхождение строя жизни города и деревни: муж по часам, жена по солнышку.

Итак, муж живет по часам, убежденный в том, что только полное послушание времени сделает его хозяином текущей жизни: жена подчиняется не времени, а своему какому-то «делу»: как и куда оно «поведет». Муж спрашивает обед, жена отвечает: «У нас сегодня стирка белья, можешь один раз и потерпеть». Согласно отношению ко времени складывается и характер мужчины и женщины.

И вот сила женщины образуется из непослушания времени, сила мужчины — из послушания ему. Как это может быть? Послушание времени — это есть дело, непослушание — праздность. Праздники исходят от женщины, дела — от мужчин.

Иван Серг. Солодовников, мотоциклист, рассказал случай на одной гонке с его личным участием. Первый мотоциклист летел со скоростью 160 км в час и вдруг увидел впереди недалеко от себя переезжающий шоссе автомобиль скорой помощи. Затормозить машину не было времени, и осталось только поднять руки вверх. Но случилось, что в автомобиле были открыты окна, гонщика от удара швырнуло через оба окна, и он упал на шоссе. Дежурный милиционер, оставив свой мотоцикл, бросился на помощь к пострадавшему. Но гонщик с разбитым лицом, коленками и руками вскочил, прыгнул на мотоцикл милиционера и пришел к старту первым. Он был награжден за это орденом Красного Знамени.

Что-то нечеловеческое в этой гонке, собачье, пожалуй, и между тем именно советское. Это удаль, это удалой человек, и таких удалых у нас много, и они помогли победе над умными расчетами немцев. Боролись удаль и расчет. Психология удали — это вера в случай («куда ни шло», «где наша не пропадала», «авось», «не ровен час», «Бог поможет», «плюнь на все» и т. п.). Конец удали: два инвалида против театра сцепились (на Кузнецком мосту).

Солодовников подарил мне нож замечательной работы своей и теперь делает прицеп для машины. Делает и дарит

не из-за денег, а из-за смутного уважения к писателю. Понимая его, я сказал ему за рюмкой: — Труд писателя, Иван Сергеевич, не в мастерстве, вы сами знаете: мастерство само по себе тешит, мастерить интересно. Мастерите и вы, и все вокруг вас мастерят, но у них нет своего душевного выхода из того мастерства: ему неизвестно, к чему ведет вся эта мышья беготня. Делаете, скажем, вы машину, мастерите и не знаете, куда и кто на этой машине поедет. А писатель должен указать выход мастеру, он должен представить нам жизнь с возможностью для каждого выйти из нее героем. Вот в чем трудность писателя.

– Да, да, — ответил Иван Сергеевич, — мы именно и ждем этого от писателя.

Я рассказал Ивану Сергеевичу, как я, желая понять машину так же, как я понимаю живое существо, поехал на горьковский завод.

– А как вы понимаете живое существо?

– Не знаю как именно, каким способом. Но если я вижу на заборе 60 воробьев, то, желая описать воробья, ищу среди 60 воробьев своего. Он не похож на всех других, чем-то от них отличается. Я не выбираю его, он сам приходит ко мне на глаза. Я описываю этого непохожего на других воробья, а читатель через него понимает всех воробьев. Вот так же и о машине я думал, что моя от других чем-то отличается. Когда же я приехал на завод, то мне объяснили инженеры, что если моя машина чем-нибудь отличается, то это ее порок: с конвейера должны сходить машины одинаковые. Я стал смотреть на конвейер и стал видеть, что разница в машинах получается от людей, не могут люди работать совсем как машины, и потому машины у них получаются разными. И тут я узнал, что одна Маша даже сгорела в расплавленном чугуне, а чугун продолжал выливать формы, и м. б. частица Маши попала в мою машину. И я теперь езжу на машине своей и часто думаю об этой Маше, что вот была она на свете, работала на заводе и, умерев, вошла в мою машину. А я, живя, хочу воскресить ее душу. И не машину живую, особенную нашел я, когда

ездил на завод, а вот этого умершего человека, сила которого теперь движет мою машину. Люди умирают, делая машину, и такие мертвецы, как у Некрасова в «Железной дороге», несут нас. Не бензин, не железо и сталь, а люди. Дело цивилизации состоит в том, чтобы силу покойников собрать для живых. И вот почему, как только появляется живой, мы его заставляем умирать для будущего живого. Так скопляется огромная сила мертвецов, поглощающая жизнь на пользу живых будущих.

Современный советский герой есть Homo Sapiens в чистом виде, т. е. разумное животное. И если смотреть на этого человека и думать о Блоке и других подобных ему моих друзьях, то пропасть между тем временем и нынешним открывается неимоверная и существование свое кажется изумительным.

30 Сентября. На днях звонила сестра Ольги Вас. Перовской о том, что 30 сент. Ольга Васильевна будет освобождена. Это мое «доброе дело» вышло таким образом. София Вас., сестра Перовской, пришла ко мне и просила помощи. Чтобы как-нибудь от нее отделаться, я позвонил Михалкову, а тот направил ее с письмом к Поликарпову, тот к Тихонову, а тот к Ульриху.

И тут оказалось, что Ульрих читал мою «Кащееву цепь» и узнал себя в мальчике Васе. Узнав от Софьи Вас. о ее знакомстве со мной и моем участии в ее деле и Михалкова, он тоже похлопотал, и Ольгу теперь освобождают. Софья Васильевна сказала по телефону, что Ульрих это самый хороший человек. И наверно, и я, и Михалков в ее глазах тоже очень хорошие.

А между тем, в моем побуждении не было добра, а только желание отделаться от женщины более или менее прилично. Так наверно и Михалков, и Поликарпов, и Тихонов, и Ульрих: все отделывались от сестры Перовской, а в общем вышло добро, и мы все стали «хорошими». На самом же деле добро делала сестра сестре, потому что сестры любили друг друга. Семья Перовских вообще хорошая семья,

и любовь их семейная вполне естественна. А если так, то можно ли приписывать хлопоты сестры о сестре действию добра. Тут действовала естественная семейная любовь, а добро вообще — неестественно.

Ляля с этим не вполне согласна: в естественной любви, какой я называю любовь родовую, существуют ступени, близкие к любви «неестественной». — Добро? — И добро тоже: пусть само по себе добро неестественно. Тем не менее, не только люди есть добрые и злые, но и животные тоже так...

Ходил к Ивану [Воину] решить вопрос о работе над «Падуном» и ничего не мог решить. Очевидно, надо утром 1 октября встать пораньше, начать работать — начнется или не начнется. Так само и решится.

У Ляли память очень неважная, часто вещи уложит и через час не помнит, куда уложила. Но все, что касается моей личности, как она складывалась в ее душе из жизни со мной, из моих рассказов о себе, то все она помнит до мельчайших подробностей. Точно так же и я, как писатель, в сфере своего творчества помню все, что попадает в лучи его. Так и любовь Ляли проходит, как творчество: она, любя, творит своего героя. Вот почему она часто удивляет меня знанием нашей жизни вперед: это она так творит свой роман из материалов моей жизни.

Может быть, и каждая серьезная женщина, имея в идеале священную личность, творит жизнь.

1 Октября. Деньги Ефр. Павл. послал: 500 р. Ночной дождь. Серое хмурое утро с беспросветным небом.

Вчера Вальбе обнажил душу бедного еврея, уступающего свое первенство (в Боге) за чечевичную похлебку жизни (напр., ничего не говорил дочери о Боге, чтобы не обременять ее в борьбе за существование). Его прежние высказывания по поводу «жидовской жадности» (в Ельце во время Мамонтова) на примере с дочерью получили яс-

ное освещение: вся сила религиозная древних евреев ныне свелась к борьбе за жизнь.

Приступаю к работе над Падуном. Ме́чу в этот раз закончить этот долгий труд.

Вальбе рассказывал о толковании евреями речи Сталина об органическом первенстве Великороссии. Они говорят, что сами великороссы всегда были очень скромными и сами себя не прославляли. Но их прославляли всегда инородцы. И вот теперь Сталин, как инородец, прославляет Великороссию. (Кто же сам себя прославляет. Дела показывают, а со стороны люди видят и прославляют.)

Интересно, что Ляля вчера поймала Вальбе, указав ему на пример его страха: вся жизнь, как страх. — Вы испуганы, — сказала она, — и страх ставите в основу жизни: это неверно. — Вальбе перед ужасами жизни как бы распустил своих древних богов в том чаянии, что когда жизнь улучшится, они соберутся. А теперь надо только держаться, чтобы не погибнуть, и это единственный идеал, как мост на ту сторону, где можно жить и не погибнуть. Перед ужасом жизни привычный древний Бог побледнел и как призрак на свету растворился. От Бога осталась только одна единственная idefix — всеми средствами выжить.

2 Октября. Небо на рассвете кругом серое, сверху из пролысинок свет, и нижние облака, будто волосы на лысинку зачесаны щеточкой. Пока чай пил, определилось, что лысинка ширится, светится больше и больше.

Ура! Будет солнце.

Вчера перечитал «Падун» и определился в нем по твердому сюжету (Людей, берег и воду — еще не вижу, но они должны определиться и выйти сами из действия).

Додуматься — и открывается источник художественного творчества, но можно и передумать. Значит, надо додуматься, но не передумать.

Сущность Вальбе — это страх. И весь человек полагает себя на сохранение жизни (спасается «умом»). Немец же танцует от печки (мужество как таковое — рацио). Русская удаль.

В Сталине главное это его работоспособность с людьми: никто не может удержать свое внимание на человеках в их деловом сочетании. В Горьком частично это было в отношении писателей: одних писем написать столько никто бы не мог.

Правда является нам как смерть сказки, но если сказка умрет, то правда исчезнет.

Внутри сказки, все мы понимаем, таится правда, но если сказку сломаешь, как игрушку дети ломают, то правды не найдешь.

3 Октября. Заря утренняя оранжевой полоской из-под тяжелого темно-синего неба. Ниже зари и по заре темный город. Огни в городе, как просвет на зарю. Синее одеяло стало изреживаться, из-под зари на него легли [голубые] пятна. И скоро все начало бледнеть, и заря, и синее небо.

Красные генералы действительно красные люди, как петухи. Законченные существа напоказ.

За что мы стоим? За войну? Нет! Война сама стоит за родину.

А зачем родина? Это семья... А семья? За человека. А человек?

Молодому человеку быть верным единственной женщине и недоступной ему даже и не совсем прилично. Все знают, что и святым отцам в монастыре выносить это... трудно, а уж молодому в миру — им это невыносимо.

Дмитрий Ростовский.

4 Октября. Вчера весь день просверкал в Москве ясный, солнечный, безоблачный. Ночью не было звезд. Утро

сплошь серое, но скоро серое стало распределяться на гряды кремовые сверху, голубые в глубине, как будто серое распахивали одновременно повсюду глубокими плугами (голубой и глубокий, голубое в глубине, голубая глубина).

Вчера вечером был на всенощной с Лялей, и как всегда, будучи в церкви с ней, обогащался. Серафимова пустынь: он был каждому рад и каждого встречал: «радость моя!» Вот образ настоящего пустынника: пустыня — путь к людям.

(Определяется «анархизм» инвалидов, как неудачников: пуля попала.)

Старец тем мудр, в том его сила, что он свободен от самой сильной страсти. (Вспоминал с Лялей свое, и она мне напомнила о своем спасении от страсти через меня.)

Самое же главное, что было мне во всенощной, это что я — детский писатель и так этим жить буду и этим кончу жизнь я для детей. (Это надо раскрыть со всей глубиной в ту сторону, что откажись от мира, и он сам придет к тебе.)

5 Октября. Вчера и небо в холодных грядками облаках с обнимающим их внутренним светом после обеда открылось. Вечером у нас баню топили, и сквозь этот черный дым дьявольский виделось лазурное небо с барашками. Ездили к Игнатовым. Утром густой туман. Посмотрим, что из него выйдет. Сегодня звонили Баранову.

Наташа вчера говорит Ляле:

– Вам что нравится больше у Михаила Михайловича? Я бы сказала, мне: первая книга «Кащеевой цепи», но это до того близко фактически к моей жизни, что судить с точки зрения искусства слова отказываюсь.

– А мне то же самое «Жень-шень»: в ней М. М. призывает женщину, и я пришла: как мне судить тоже, где тут искусство, где жизнь.

– И так все у меня, — сказал я, — слово отвечает за жизнь и жизнь отвечает за слово. Единственный человек на земле — Валерия Дмитриевна это понимает, потому что она была свидетельницей и участницей воплощения сло-

ва. Никто этого еще не понимает, вероятно, потому, что и я очень слабо высказываюсь, или время такое еще не пришло. Но, по-моему, время подходит: скептицизм от Вольтера до Анатоля Франса кончается, и отрицание переходит в утверждение.

Утренний туман и окна затуманил, и сквозь них ничего не было видно. Только в десятом часу невидимые капельки тумана на окне у перекладины собрались в капли, и они, отяжелев, проехали по всему стеклу сверху донизу, оставляя блестящие узкие прозрачные полоски. Рядом с этой полоской проехала скоро другая капля, и еще, и еще. Через эти полосатые окна можно было видеть в тумане предметы...

6 Октября. Вчера из тумана вышел пасмурный день и такой неподвижный простоял до вечера. Утро вышло пасмурное.

С Истрой дело налаживается. Я член кооператива НИЛ (Наука, Искусство, Литература).

Мы с Лялей как начали с того, что друг на друга похожи, так это не проходит и теперь. И часто и теперь открываем все такое схожее. — Вот, Ляля, — сказал я, — бывает это с тобой, что вспоминаешь себя в прошлом и, сравнивая себя тогда и теперь, изумляешься, повторяя: и, Боже мой, какой я был глупый. — Так это же и у меня так постоянно, — ответила Ляля, — в особенности, когда сравниваю с собой девушек того моего возраста. Такая досада берет на себя и главное на то, что была постоянно в стороне, как будто даже избегала того главного, что надо было делать в данный момент. Все пропускала и пропускала. И так это бывает убедительно, что переведешь и на данный момент жизни: «А может быть я и сейчас тоже так, и через какое-то время я тоже скажу: ох, какая же я была глупая!»

Пленка из мельчайших капелек на окне сегодня рано разбежалась по стеклу полосками, и видно было через

него, как птица какая-то поднялась с креста и полетела себе куда-то в туман над Москвой.

Я в это время Богу молился и подумал, глядя на птицу: — Вот они, птицы, звери, природа, ничего от себя не придумывают, а только слушаются законов своего назначения. Мы же от них отличаемся только тем, что придумываем (сознание) новые законы. Это прекрасно: это божественный путь человека! Наш грех, наше наказание и наше страдание только в том, что, узнав новый закон, мы его присваиваем себе, а не делаем, как делает вся природа, подчиняясь в законе своему назначению. Грех наш в том, что, вступив на божественный путь творчества, мы сами себя считаем богами. Смысл «человекобога» и состоит в том, что тут человек в своем сознании является как бы сам от себя, а там он «милостью Божьей».

7 Октября. Вчера день разгулялся, но вечером солнце село в тучу, и сегодня с утра окладной дождь.

Вчера принимали И.В. Баранова, директора кооператива НИЛ на Истре. Из Пушкино сказали, что дачу нашу взломали бандиты и все, что было там, унесли. Обижаться на бандитов нельзя: это теперь везде у нас, как последствие войны. Скоро их будут расстреливать, не обращая внимания на ордена, и среди них будет какой-нибудь герой или сверхчеловек.

8 Октября. Весь день вчера дождь и ночью все был дождь. Утром хмурое серое сплошное небо, мокрые крыши и летают редкие снежинки, потом гуще и гуще. Это — первый зазимок. Вчера вечером, когда смеркалось, мокрые крыши принимали свет от гаснущего неба, и так вся Москва, с высоты глядя, сверкала в мокрых крышах.

Читал А. Моруа (Байрон), понял любовь Байрона (первую) как творчество Недоступной. Я хочу сказать, что в психический состав сложного чувства первой любви у поэта входит чувство недоступности объекта любви.

У меня это было два раза: первый раз в Риге с А.Х. Голиковой. Она хотела завоевать меня себе как мужа (мне оставалось ткнуть — и только!), но это мне было почему-

то нельзя. Я лежал с ней, но обмануть не мог и взять не хотел, хотя ужасно хотелось. А когда она решила взять себе в мужья Кютнера и тем сделалась недоступной, я ей сделал форменное предложение быть моей женой. С плачем она мне отказала, и это-то мне и было нужно: я взлетел!

Второй раз было через 5 лет в Париже. Я тоже постарался сделать себе девушку недоступной и, страстно питая в себе это чувство (десятки лет, всю почти жизнь), стал писать, сам изумляясь тому, как это чувство превращается в сказку, деньги и славу (какая уж там ни есть).

И одинаково в обоих случаях мне давалась полная возможность «ткнуть» и вследствие моей честности и правдивости определить тем самым свою жизнь. Но несознаваемая мною какая-то сила подменяла простейший акт сложнейшей паутиной любви к недоступной. Но так вот и Дульцинея рождается: сказка о стране без имени, без территории (Колобок). Так и вся романтика является как борьба ангела — хранителя личности с фактами жизни («ткнуть») как ангелами правды.

Вспоминается, как мы встретились с Кютнером в Сокольниках. Он «ткнул» честно: натворил детей и окружил себя фактами — ангелами правды. А я привез им в подарок свою первую книгу «В краю непуганых птиц», написанную рукою моего ангела-хранителя, как свидетельство моей личности. Так значит поэзия есть поле борьбы ангелов личности с ангелами правды (фактами). Вспомнилась Дынник: «красота есть факт».

9 Октября. Вчера хмурое утро со снегом перешло в холодный солнечный день с ледяными облаками. Вечером чистый закат обещал мороз, и в первый раз пришлось спустить из машины воду. Вчера я весь день был шофером, внесли за участок на Истре 2500 р., получил книжку в Литфонде, ездил в лимитный магазин и т. д. Сегодня утром мороз, но небо в облаках (светлых с темными перевалами).

Читая Моруа (о Байроне), впервые понял при-рождение моему творчеству «Недоступной» как прирожденный свой

дар почитать существо женщины и страх перед оскорблением этого существа своим посягательством (через это наличие проституток, как несчастье и падение). Я — не бог, но во мне Бог, Он меня посещает.

Бог не сотворил мир как целое, а только дал чертеж его и только-только начинает творить его, ошибаясь на каждом шагу и поправляя ошибки. Кто так понимает Бога (а как Его понять, как не по себе самому?), тот никогда не станет роптать на Него и укорять в несовершенстве Его дел. Чтобы Богу простить беду человеческую, нужно в себя самого посмотреть и там увидеть эту беду, как свою ошибку. (Написано, потому что Бог начал делать, а мы продолжаем.)

Моруа, как пример неподвижности Байрона, приводит то, что через 15 лет он возвращается к детской любви своей. А я! (67 — 29 = 38!)* Да и детские ссадины любви я могу, если туда вернусь, сейчас чувствовать, т. е. за 60 лет и больше. Эта память скорее похожа не на неподвижность, а на ожоги живой души вследствие быстроты движения...

Сноска: (67 — 29 = 38!) — Встреча с Валерией Дмитриевной произошла через 38 лет после встречи в 29 лет (1902) с Варей Измалковой.

10 Октября. Вчера еще ветер подул с юга, и сегодня мороза нет, и день облачный начинается солнечными просветами.

Любовь — это не состояние духа, а движение, в счастливом случае переходящее в дружбу (как у нас с Лялей).

Как часто правда является к нам в сказке.

Вчера в потоке людей мелькнуло лицо девушки: она вдруг остановилась и по лицу: щелк! Пощечина — раз! И

* (67 – 29 = 38!) – Встреча с Валерией Дмитриевной произошла через 38 лет после встречи в 29 лет (1902) с Варей Измалковой.

два, и три. Ударивший парень отступал, оглядываясь на нее, провожая довольно и злорадно глазами. А она вся ушла в плечи и с опущенными глазами уходила, уходила. Но уходить-то не от кого было. Это ей казалось, что на нее все смотрели, на самом деле никто не обратил никакого внимания, все спешили, у всех было свое.

Демон в душе у Байрона — это другая сторона Бога, изнанка или подкладка что ли. А вот взять Ленина или Эттли какого-нибудь, где нет ни Бога, ни черта, а учет, расчет, лысинки, бородки, пиджаки — где ведут борьбу против самой личности, переделывая ее на свой лад в стахановца, в генерала, в героя.

Социализм, — сказал Н[осилов], — это значит механизация человеческой личности. Социализм смотрит на личность человека так же, как на стихийную силу, которую надо превратить в управляемую энергию. При содействии науки социализма живой человек (личный) умирает, превращается в безликого Робота.

Личность в Сов. Союзе (стахановец, орденоносец, герой) это все равно, что слагающие Союз национальности, лишенные самостоятельной военной и гражданской мощи. Вот почему и является вопрос о возникающем Роботе социалистического государства, — кто же будет управлять этим железным существом. Или наоборот, Робот, поглощая все личное, все живое своей безликостью, и будет выражением смерти.

В капитализме сейчас как-никак, а содержится личность, в социализме своя правда: принцип ответственности этой личности перед обществом.

Это недаром напечатано в «Правде» о том, что Эйзенхауэр сказал: он раньше думал, что Гитлер умер, а теперь думает, что он жив. Это значит, что идея Гитлера в борьбе с СССР сейчас живет и организует Западный блок...

Сама планета в опасности (папа о конце мира) — это факт великий, но еще больше тот факт, что каждому через

5–6 часов есть хочется. И если даже планета с одной стороны загорится, то люди с другой стороны будут биться за кусок хлеба, пока можно будет терпеть подходящий жар.

Что же я в своей сказке выведу для детей? Пусть ничего, но сам-то для себя я должен знать.

Если то необходимое личное начало фашизма назвать X, а другое необходимое начало социализма Y, то спасение от гибели (атомная бомба) возможно лишь при постепенном взаимодействии X и Y, т. е. чтобы наш Союз допустил X (в моем рассказе «сказку»). Но эта сказка (X) должна пройти через героизм труда (Зуек в природе).

Если по себе взять, то я должен оправдать вторую природу, которая на моих глазах проглатывает первую. В этом процессе проглатывания для множества людей происходит безвыходная драма: цивилизация замещает культуру. Но я думаю иначе: я понимаю это как трагедию, т. е. что умирает то, чему надлежит умереть, как семени, которое, умирая, дает новую лучшую жизнь.

Создавая сказку, я должен иметь веру в новые берега, в новую географию, в новую сказку и создать из духа этой веры Зуйка. Я должен написать о мире в смысле: «да умирится же с тобой и покоренная стихия». Очень хорошо бы Дехтерева пустить в цветы (озеленение канала) и дать зверей на плавине в умирении (на одной ветке кошка и мышь, куница и белка). Смерть Падуна будет, как «три дня во гробе»: природа (естество) умерла и в «плавине воскресла».

11 Октября. Вчера день простоял нерешительный, и к вечеру было солнце. Ветер продолжается с юга: и сегодня еще утро только в решении — быть светлому дню или отдаться наступающим с запада тучам.

У нее мужа убили на войне, и она осталась одна в возрасте Ляли без детей. И как она убеждала Лялю родить. — Кто же виноват, Ляля, вспомни, ведь мы же с тобой друзья. — Как друзья? — Ну, веселые приятели. — Как веселые

приятели? Ты с ума сошел. Мы с тобой сошлись в одного человека. — Ну, это само собой, это в большом плане и выражает еще больше то самое, что я хочу сказать. — Что же ты хочешь сказать? — Что я слишком верил тебе: верил как себе. И по наивности принимал твои слова как они есть. Ты же была против ребенка, ты восставала против рода. Помнишь, как у нас явилось подозрение, ты упрекнула меня Олегом, что Олег бы этого не сделал. — Да, да, помню. — Вот этот самый единый человек. Вправду принимал, что мы такие, как говорим, а ты втайне хотела быть матерью. Однако, еще не поздно. Хочешь? — Хочу, только давай перед этим сходим помолимся.

Я сказал Раттаю: — Что слышно? Я так смекаю по газетам, что фашизм стараются возродить, чтобы подпереть им коммунизм. Может быть, так и нужно: фашизм не воинствующий, а как личное начало капитализма для восполнения нехватающего коммунизму. — Зачем это, — ответил Александр Николаевич, — есть страна, где то и другое работает вместе без помощи фашизма и коммунизма.

Так я узнал политическую ориентацию маленького человека, считающего и фашизм и большевизм одинаковым заблуждением и несчастием.

То, что ужасно, непоправимо в цивилизации, — это «эгоизм» человека, присвоение, возведенное в систему.

Конец мира — Божий Робот.

Стоит в пустыне колоссальный Робот.

Голос Бога: — Человек!

Молчанье.

Бог является и все понимает: человек закончил свое назначение — весь человек заключился в Робот.

Тогда Бог вошел в Робота и стал создавать новые миры.

Никольский по телефону сказал из Измайлова: — Видел, как ворона оторвала молодой сосновый побег и стала его клевать. Что это: она голодна или так бывает у них?

«Та неопределенная зависть, которую вызывают мятежники» (Моруа).

Разговорчики. После войны время у нас будто остановилось. Радио не слушаю, газету читаю невнимательно, зная, что там нет ничего. Связи с писателями все порвались. Все тут — и нет никого, ни единственного, с кем бы хотелось встретиться. Всякое движение мысли в обществе остановилось.

Я сегодня высказал Мурзилке свое предположение: это все атомная бомба наделала: о чем можно думать, кроме как о ежедневном существовании, если сама планета в опасности. — Да, — ответил живо Мурзилка. — Куда же девалось у человека то, что называется разумом? — Как разум! — ответил я, — именно разум...

12 Октября. Легкий морозец, и утро обещает солнечный день, а там как выйдет.

Пришло в голову: поехать с Лялей в Югославию (если пустят).

Заканчиваю читать Моруа о Байроне. Редкостная книга.

Заканчиваю на заводе сварку прицепа. Как только будет готов, надо, надо навозить удобрение под яблони в Пушкине. Надо возвратить сюда нашего кота Ваську.

Сегодня среди дня в солнечных лучах летели снежинки.

Недоросль. Ляля видела в Кремлевке парня высокого, здоровенного, 16 лет, с ним были отец и мать. Мальчику брали кровь из пальца, и он согласился на эту операцию при условии, что с ним будет отец, а мать тоже даст из пальца кровь. — Как же, если ему на войну? — спросила Ляля. Мать замахала руками.

Петя, услыхав это, сказал, что такое направление воспитания вообще в советском мещанстве. Привел в пример воспитание детей К-ва, возле которых нянька хуже злой собаки.

13 Октября. Первый зазимок.

Вчера вечером на заре нашла туча и сильно тряхнула снегом, крыши везде побелели. Утро пришло морозное, солнечное, и по голубому на небе золотые кораблики.

Кончаю читать книгу Моруа о Байроне. В этой книге показано, сознательно или бессознательно, что гениальный поэт в существе своем — ребенок, и судить его поведение надо, как ребенка. Думал о Байроне после чтения Моруа, понимая гения природы, какой бывает в душе ребенка. Это существо приходит в мир впервые и стучится, стучится. Ребенок, развиваясь, испытывает то же самое, что маленький в утробе матери. Но там у него мать, а в мире — кто в мире ему вместо матери? К нему стараются применить по традиции опыт с другими детьми, чтобы сделать из него полезного члена общества. И делают из большинства... И так убивают личность. Но не всякую. Вот Байрон бунтует, ребенок в поиске матери.

Женщина-гинеколог сказала Ляле, что теперь все женщины, как только могут, рожают. И это потому, что мужчин мало и удержать их можно только детьми. В сорок и за сорок лет рожают.

14 Октября. Покров. Второй зазимок («покроет землю покровом святым»).

За ночь выпал снег. Небо мутное, все ровно обложено. Вероятно, будет и дождь.

Вспоминаю, что и Толстой, и Гоголь, и Байрон, и наверно многие другие гениальные люди к концу жизни относились к своему творчеству как не к самому главному делу своей жизни. Для всех нас творчество было боевым путем к новому рождению в вечную жизнь, в новой материи, и — преодолению смерти.

Этот порыв к вечности, преодолевающей наше обычное чувство времени, и является тем, что мы называем искусством.

Вот оттого гениальные люди и переменяют свое отношение к делу своей жизни (к «сказкам»), когда начинают чувствовать свое приближение к выходу в вечную жизнь.

Героические дела Байрона перед смертью особенно ярко показывают путь человека от первого рождения ко второму.

Вчера смотрел на свой скульптурный портрет у Лебедевой, и чувство было у меня такое же, какое бывает иногда, когда собираюсь посмотреть на себя в зеркало и боюсь чего-то. Часто нарочно не поднимаешь глаз, чтобы не увидеть себя в зеркале. И вот как раз в такую же минуту, скажем, открыл глаза и увидел то самое, чего боялся, и это был мой скульптурный бюст Лебедевой. Впервые я понял, что я боялся увидеть себя в зеркале. Я боялся расхождения моего внутреннего «я» с моей телесной формой. Боялся в зеркале увидеть свою телесную форму отдельно от души. Так вот, представляю себе влажный вечер в саду, и песня соловья, как редко бывает, дошла до самой души. В этом состоянии самого соловья и не видать. И вот приходит скульптор со своим соловьем и хочет уверить, что это...

Земля в будущем — это звезда. И тогда окажется, что человечество для того и существовало, чтобы породить человека, который засветит на небе новую звезду.

Тогда окажется, что для того и были на земле войны и все, что мы называем злом, чтобы оно в борьбе с тем, что мы называем добром, дало необходимую искру воспламенения планеты.

При мысли о возможности конца мира поднимается в душе раньше мне неизвестное сладостное чувство конца, исходящее, конечно, из того же состояния духа, когда простые люди в отчаянии говорят «к одному концу» и тоже радуются.

15 Октября. К вечеру вчера исчезли всякие следы снега, и на ночь заморозило.

После вечерни Ляля просила о. Александра рекомендовать прислугу. Тот сказал, что будет искать. Трудное дело.

Два раздражающих обстоятельства: 1) уличные мальчишки, налипающие на машину и собак, 2) тещина суета и надменность. Надо найти средство избавления от этих недугов. Пока что назначаю десять дней перед числом днев-

ника ставить П. Н. (помни недуги) и тем вогнать в себя память об этом. Через десять дней дать отчет.

Вспоминаю Гебур[тштаг]* — мое письменное предложение Ляле. До сих пор я этим гордился. Мне казалось, что я совершил героический поступок: прыгнул на пролетающее мгновение жизни и остановил его. Другой стал бы раздумывать и пропустил бы свое мгновение. Я не раздумывал, а взял и достиг своего. Однако если теперь думать об этом, я мог бы сделать гораздо лучше. Спокойно сближаясь с Лялей, без скандала с Ефр. Павл., без необходимости всю жизнь тащить за собой тещу, утек бы с Лялей и от тещи, и от Е. П. Всем бы от этого было бы хорошо. Но скорее всего у меня бы не хватило духу на такое любовно-внимательное устройство жизни. И, чувствуя слабость, я совершил это броском. Факт героизма тут утверждается победой Дон-Кихота в его борьбе с Гамлетом. Это, несомненно, хорошо, и надо этим гордиться. Но только надо иметь в виду, что это выход человека отчаянного, боящегося пропустить свое мгновение жизни. Тут есть может быть и что-то ребячье: то состояние духа, чистейшего восприятия (в котором происходит воспитание человека), доверчивость бессмысленная и священная. Это чувство есть в русском народе, и назвать его можно словом уверчивость.

Но есть в том же народе идеал поведения человека с любовным вниманием: такой человек не прыжком движется, а ступает твердо и четко при свете любовного внимания. Вот с точки зрения этого идеала я теперь критикую свой Гебур[тштаг]. И мне досадна теперь самая форма письма, какая-то безумно-рассудочная.

На очереди след. дела: 1) Сходить на завод о прицепе. 2) Вопрос о выступлении в Колонном зале. 3) Поездка в Пушкино. 4) Поездка на Истру. 5) Чернила купить.

Мурзилка сказал: — Ночная птица Соловей поет, слышат все, а певца не видно. А если и увидишь при свете, то что прибавит к песне вид серенькой птички.

---

* Geburtstag (*нем.*) – день рождения.

Эт[ого] Мурзилку я придумал, когда мы были у Лебедевой.

16 Октября. Пасмурно, мутно, крыши белеются, собака принесла кость и грызет очень громко.

На заседании Правления Союза писателей Маршак поздравил меня с первой премией за лучшую детскую книгу. Надо Ефр. Павл. дать из премии на крышу и Леве на штаны.

Приходила неизвестная дама и, неизвестно зачем просидев весь вечер, осталась неизвестной и даже фамилии не сказала, а только назвалась Ниной. На вопрос мой, верует ли в Бога, ответила, что она себе редко ставит этот вопрос, но вообще думает, скорее всего, Бог есть. — А смерти боитесь? — Нисколько, хоть сейчас. — Ну, а за близких своих? — Не боюсь, ведь это известно, что каждый из нас может умереть во всякое время...

Ей 38 лет. Думаю надвое: или она филерша и все разыгрывает, или тронутая. Но если ни то и ни другое, то это значит та самая женщина, которая нужна мне в «Падуне». Эта женщина с преобладающим чувством материнства, почти полным отсутствием в этом личной заинтересованности, т. е. желания полового удовлетворения. В делах она привлекает к себе людей добротой, скрытой за суровой маской: и так она как бы рождает детей, любящих ее. По природе она дева-мать, как Дунечка, вся ее попытка сойтись с мужчиной, устроить личную семью кончается недоразумением. Ее жажда материнства (духовного) встречается с половой жадностью самца и тем разрушается возможность половой связи.

17 Октября. Ночью выпал снег, и утро вышло из снежной вьюги. Это серьезный зазимок и, пожалуй, если долежит до завтра — первая пороша.

Вчера на заседании правления Леонов делал доклад о поездке на суд в Берлин. Старался представить вещи как можно хуже и гаже. И достиг своего: мерзость залила как море все чувства, получившие название человеческих.

Другой докладчик говорил о том, какой успех имеет русская литература в Болгарии.

Приходил актер Дальский от Серафимовича с предложением халтурить в провинции. Дал согласие на выход в Пушкине.

Вчерашняя «Нина» дала мысль о современной женщине. Сколько теперь таких женщин, которые тащат всю семью, как на буксире, и в том числе калеку-мужа. Приходит в голову, что идеал героя есть абстракция мускульной силы. Когда же мышцы ослабевают, то реализуются женские физические запасы материнства и начинает господствовать абстракция матери-кормилицы. Наступает время видений юродивого Андрея, который, спросив в раю о Богородице, получил от ангела ответ: Мать-Богородица ушла на землю утешать скорбящих.

Конец героя – это обозленный калека с костылями или человек, превращенный всем напоказ в красного петуха (генерал на улицах города).

Еще «Нина» говорила о своем идеале «простоты»: что все очень просто на свете, никакой мистики не нужно, все сводится к тому, чтоб больше всех накормить, поднять, чтобы им и себе стало легче и лучше жить. (Это у нее наверно из Горького.) Если так, то опять-таки чисто женская правда ухода за человеком-ребенком. И «перековка человека» движется той же самой силой женского ухода, и отсюда рождается правда социализма: это правда материнского ухода.

Так вот, личность, как мужское самоопределение в творчестве, является или зарождается в огненном соприкосновении с женской стихией. (Ева дала ему яблоко, Дева Мария зачала от Духа.) И вот почему теперь определяются так четко оба творческие начала жизни: мужской индивидуализм (личное начало) и женский социализм (материальный уход за человеком).

О чем не говорит (это все вздор), а о чем молится женщина. (О сохранении жизни близких, о их здоровье, достатке, довольстве, счастье, спасении вечном.)

Значит, в «Падуне» представить правду социализма через Анну.

Явилась из адовой погибели О.В. Перовская. Целый ряд обстоятельств помог ей: и что я позвонил Михалкову, будучи в хорошем расположении духа, Михалков написал Тихонову, а тот Ульриху, и наконец самое главное, что я в свое время состоял в кружке Ульриха-отца и об этом написал в «Кащеевой цепи», и это дошло до Ульриха-сына, председателя ревтрибунала. Все это ряд случайных обстоятельств, сцепленных не случайно усердием сестры Перовской Софьи Васильевны. Дружная семья — вот причина спасения Перовской. Во время несчастья с Ольгой умер ее отец Вас. Вас. И первая радость встречи с жизнью привела Ольгу к пустой кровати отца.

Выступал в Колонном зале перед детьми старших классов с рассказом «Старый гриб». Выступление было благопристойное.

Был в Информбюро на докладе Лозовского. Были одни евреи. Стало впервые понятно, почему газета «Правда» стала сухая. Потому что... А впрочем, эти еврейские сборища политиков были в царское время. Пусть их, двенадцать Соломонов грызут эту кость, но должен же быть рядом с центром практической политики также и центр высокой политики, включающей современные идеи государства и морали. Где они?

Какими-то судьбами в Информбюро попал и Семашко. За один какой-то год этот мужественный человек как-то сразу рухнул. Скорее всего, это оттого, что его покинула его возлюбленная актриса Гольдберг. Тяжело было проводить глазами в тьму улицы старого друга.

К вечеру вызвездило.

18 Октября. Мороз с узорами на окнах. И снег остался. Петя, наверно, зайцев гоняет.

Дела на сегодня: 1) Получить бензин. 2) Встреча со Вс. Ивановым. 3) Выступление в школе.

Бензин налил. Иванов затевает журнал (письмо к Сталину).

Выступал в Измайлове. Девочки выступали с чтением моих вещей. Одна вдруг забыла, села к стенке и заплакала. Я ей подарил свою книжку. Мое выступление у них — событие до следующего чьего-нибудь. В общей литературе: Пришвин неплохую новую вещицу написал. Так почему же не действовать там, где мое появление — событие? Думаю потому, что дети почитают автора авансом и безлично: был бы писатель перед ними в живом виде.

Возвращался из Измайловской школы так, что по пять девочек висело у меня на каждой руке! И как они все хотели мне служить. Настоящие ангелы, служебные существа.

19 Октября. Вчера вечером видел, как в Измайлове кончался солнечный день. В тучку садилось солнце и в ней расплывалось. Ночью пошел снег, и сегодня утром снег валил вовсю. Возможно, что так и нападет зима, как это было в 41 году.

Спор о демократии должен свестись к раскрытию самого понятия и все qui pro quo* происходят оттого, что слово демократия у нас и у них означает два совершенно разных содержания. У них демократия относится главным образом к личности, у нас главным образом к коллективу.

20 Октября. Вчера к вечеру снег быстро таял, падал мокрый и таял. Ехал из своего гаража под Каменный мост тихонечко. Сзади наехал на меня троллейбус, смял крыло. Починив машину, поставил во дворе, не вылив воды, уверенный, что ночь будет теплая. Утром хватил мороз. Вся Москва — каток. Моя машина замерзла. Все утро разогревал.

---

* Qui pro quo (*лат.*) – здесь: недоразумение, путаница.

Приехал Удинцев с Урала. За ним ухаживал важный коммунист, показал церковь, сказал: «Очень полезное дело, с тех пор как открыли церковь, на полях совсем другая работа началась. Это дух поднимает».

Вот такие советские прагматисты и советские мещане, и показываются такие писатели.

Как мучились во тьме на улицах во время войны, и вот теперь окна открыты, светло: муки забыты, но и радости почему-то нет. Может быть, это мне кажется от того, что окна разума нашего плотно завешены, и без этого света не может радовать человека тот уличный свет.

Вс. Иванов собирает подписи Письма к Сталину с критикой наших журналов — вот темные-то окна! — и просьбой разрешить журнал самим писателям. Выйдет ли это? Собрание у Лозовского показало, что окна разума нашего завешиваются от страха перед любопытством зарубежным, и этот страх обеспечивает господство хроникеров в литературе. Если бы писатели оказали высшее чутье, сумели бы стать на высшие позиции... Но... Это не может решить каждый про себя, должно что-то произойти, и после того только каждый может решать, что ему делать.

Сегодня в Детиздате 70-летие С.Т. Григорьева. Не пойду, надоел он мне, этот злодей-неудачник. Бодливой корове Бог рог не дает, — не пойду. Это, конечно, очень страшно, родиться горбатым, но что делать. Горбуны должны нести и преодолевать свой горб. Ему дан такой путь и надо идти и пройти, вот оно высокое Надо, вот происхождение красоты духовной, преодолевающей свой физический горб. Вот глаза человека, светящие разумом и любовью из-под горба, вот где выражение высокого. Хочется того, что разумеют и в слове «свобода».

А разве борьба воды с берегом и порожденный этой борьбой плодородный «наволок» не происходит под знаменем того же Надо.

21 Октября. Полнолуние. Перед восходом красная луна опустилась в морозную дымку. Все белое, на земле и на крышах, и на небе — зима!

Известно, что счастье у нас дается в долг.

Счастье — это маяк далеко впереди, а плыть к нему приходится на своем корабле.

Счастье — это радостный план, обрекающий на труд тяжелый.

Формы чувства любви складываются в их отношении к чувству долга.

Чувство любви есть отношение к настоящему, а чувство долга — к будущему (потомкам).

Любовь — числительное. Долг — знаменательное.

Грех — это пользование настоящим без внимания к будущему.

Аскетизм есть отказ от настоящего в пользу будущего («ангельская жизнь»).

Русское наследство. Государство, как механизм, распределяющий на всех долг настоящего в пользу будущего (все мы грешники, все и будем терпеть).

Итак, *горб* (долг) на данном человеке есть выражение греха человека предыдущего: его отрицательное наследство.

Отрицательное наследство. Мать моя праведной целомудренной жизнью искупала это наследство. И если бы она могла еще выше подняться, она может быть и всех нас подняла (братьев моих).

Все не к этому, а было это ночью такое ясное чувство двух борющихся сторон жизни:

Вода	–	Берег
Свобода	–	Долг
Хочу	–	Надо
Свет	–	Тьма
Радость	—	Страданье

Смерть... страх смерти. Это спутники личности. В коллективе нет этого чувства (на народе и смерть красна). Пример этому: война. — А убьют? — спросил я. — Это неважно, — ответил Ваня. Итак, если мы идеалом ставим коммунизм, т. е. соединение всех людей в одного человека, то каждый в отдельности...

Перовская сказала, что, вероятно, завтра к нам пожалует в гости председатель ревтрибунала В.В. Ульрих. Подарить ему «Жень-шень» и «Кащееву цепь» может быть: «Васе Ульриху — в 1895 году у меня на коленках сидел — на память о тех временах, когда мы с его отцом бились за то, чем он теперь обладает».

Марксизм мой кончился тем, что я понял: чего мне соваться в это верное дело, которое само собой сделается. И после того: перестал мучиться собой: то-то и без тебя сделается, а кто ты сам и зачем пришел.

22 Октября. Вчера понемногу порошило весь день, и утром сегодня валит снег. Неужели это стала зима? Редко, но бывает.

Вчера приехал Митраша. Так меня отшибло от него и от всей «тайны» мужика, что едва могу слышать его однообразные рассуждения. Страшно, что Лялины ближние, при всем их разнообразии, имеют одно общее свойство «надоедать». Мать ее, Раттай, Елена Конст., Митраша, Алекс. Вас. и сколько их! Все они налипают на нее как будто затем, чтобы своей ограниченностью удержать ее движение ввысь. Она кричит, от них рвется, но они держат ее крепко. Вот почему она говорит, что я ее спас.

Елена Конст. (барыня) вчера за ужином рассуждала против большевиков и приводила в пример Англию и социализм лейбористов. Так и ехала бы в Англию!

– Им можно быть на острове благопристойными социалистами. Но посмотрите в колонии, в Индию! Не об-

радуетесь. А если не хотите ехать туда и не можете, сидите и благодарите большевиков, что они на цепи своей держат зверя. Вас посадить — и вы тоже будете поступать как большевики. Перекреститесь же, матушка, и вознесите моление за власти предержащие.

Вот отчего все наши выпады против большевиков были как стене горох: потому что с ними рожон, и против рожна не пойдешь... что такое «рожон» — судьба? А почему говорят: рожна тебе, т. е. шиш, ничего. Справиться у Даля.

Перовская сказала: — Ваш разрыв с семьей нам понятен: сыновьям это лишь в пользу. Одно непонятно, почему вы так долго-долго задержались на этом этапе.

Это очень глубокое замечание, вскрывающее природу неограниченного человека. Но я держался на этой позиции и меня держали ближние ко мне добротой-слабостью. Так точно и Лялю держат эти же силы собранных ближних. Эти же силы утянули в ад Дон-Жуана. А Пушкина разве не они же подвели к пистолету? А Лермонтов? А всякий движущийся вперед человек, всякая стрела, всякий быстрый ручей, ураган, все, все на свете, стремясь, встречает неподвижное, начинается борьба между тем и другим, воды с берегом, человека с человеком, и в результате этой борьбы намывается новый плодородный берег, рождается новый человек — все в результате борьбы Дальнего с Ближним.

Вероятно, все-таки я в эту новую зиму напишу свою новую вещь. Это можно думать потому, что содержание дневниковых записей моих постепенно захватывается в цикл идей моего «Падуна».

Когда мы с моей парижской невестой подошли к вопросу о разрешении любви нашей браком, она сказала: «Тебе не кажется сейчас так, что мы жили, протестуя избитым мнениям наших старших, а теперь оказывается, они были правы». Я поглядел на нее искоса, и вдруг на какие-то минуты чары влюбленности оставили меня, и я увидел обыкновенную как у всех мою невесту с ее родней,

обстановкой. Это разоблачение продолжалось до тех пор, пока мы тут же почему-то не раздумали посылать родителям письмо о браке. После же того, как я стал снова свободным, я снова взвился вверх и полетел к Недоступной. Мне была эта Недоступная для движения моего духа так же необходима, как необходима в математике условная бесконечность, ее и нет в действительности, и она в то же время больше, чем сама действительность. У меня в это время была возможность полета в бесконечность, я отошел от «брака». Но это значит только, что я не дожил еще до встречи моего ручья с берегом. Брак это... река в берегах, бесконечное в конечном.

Вот это и надо понимать, что не Ефр. Павл. держала меня возле себя столько лет, а та Недоступная. Е. П. была именно тем ограничением необходимым и неизбежным, какое встречает на земле свободный дух. Е. П. не была одна в этом браке, в нем была и моя Недоступная. И оттого рождались разные дети: такие, как у всех, и такие, как мои книги.

В новой вещи мне хочется раскрыть в форме сказки для детей элементарнейшие и необходимейшие понятия нравственности человеческой: свобода и долг, поэзия и правда, п. что от нашей революции родился горбатый человек: горб — это отрицательное наследство революции.

К своей шкале:	долг	–	свобода
	правда	–	поэзия
	берег	–	вода
	свет	–	тьма
	государство	–	религия
	необходимость	–	свобода

А что это долг? Долг — это привесок на чашах свободы и необходимости. Не хватает свободы, человек должен освободиться, слишком свободен — привесок долга бросается на чашу свободы.

Была на земле когда-то огненная свобода: все горело и, остывая, складывалось. Земля рождалась в огне, как гор-

батый человек. Горы остались как горб земли, как долг, возникший от необузданной силы и свободы огня. Тогда как будто в утешение была живая подвижная стихия воды на земле для вечной борьбы с косностью горбов — гор. В этой борьбе вышел и человек из воды и воздуха, перенявший от стихий все их свойство.

Творец, окинув скорбным глазом погасшее светило, послал воду, из которой потом вышел человек. Кончилась борьба воды с долгим... разгулом огня. Размывая постепенно горы, вода создала плодородные нивы, и на них работал человек с неведомым еще божественным назначением новой стихии, сознания. Так совершился круговорот: вначале был дух, породивший огонь, потом явилась вода и сознание, ведущее к духу: дух (воздух), огонь и вода.

Такая тишина в лесу, что кажется, будто и глухому все слышно.

23 Октября. Утро морозное, безоблачное. Сильный северный ветер.

Не движусь вперед в «Падуне» из-за того, что не могу никак найти простую сказку для главного лица, мальчика, сказку или сюжет.

В «Кладовой солнца» сюжет был: брат и сестра пошли в лес за клюквой, их тропа в лесу разделилась, дети заспорили, поссорились, разошлись. Вот и все. Остальное навернулось на этот сюжет само собой, во время писания.

Из окна моего кабинета за крышей флигеля вид на часть ободранного купола.

Русский человек индивидуально паршивый человек и никуда не годится в сравнении с европейским, но в коллективе он обнаруживает качества, превосходящие все народы европейской культуры.

24 Октября. Ветер повернул с северного на южный. Потеплело. Скорее всего, зима разбежится.

Вчера «Вася» назначил свидание. Будет у меня с женой в четверг в 12 дня. Жена его, Аристова, помню что-то и не могу вспомнить.

Елагин вчера звонил, что жюри о лучшей книге закончило работу, высшую премию получили я и покойный Вересаев (за Пушкина для детей), вторую премию никому не дали, и сам Паустовский остался с носом. Ляля правду говорит, что этот успех тем хорош, что дался без труда. Да может быть и все достойное в искусстве вызревает, как яблоко: наливает, наливает и вдруг спелое падает. Вот почему никак нельзя «Падун» брать трудом: поспеет и сам дастся.

Встреча с Васей принадлежит к той группе «чудес» моей жизни, как любовь к «Ине», лет через 40 закончившаяся приходом Ляли, или тоже через такое же время воскрешение «Падуна». В этом удивительное постоянство моей души: душа, как земля, в которую падает семя и долго растет, выбиваясь из-под камней и глыб.

Поэтическая проза бывает в происхождении своем драматическая, как у Пушкина, Лермонтова, Бунина, Чехова, может быть живописная, как у Лескова, или скульптурная, как у Толстого Льва, музыкальная тургеневская или живописно-музыкальная, как гоголевская. Так значит, язык вмещает в себя все виды искусства.

Леонова в его приспособлении стало невозможно читать: какой-то вульгаризированный Эренбург. Читаешь и ни одному слову не веришь. Разгадываю его падение: каждый писатель теперь, отдаваясь государству, в душе своей считает это не падением, а необходимым маневром, надеется, что он обманет и улизнет. А со стороны государства, т. е. кто ему честно служит, такой писатель похож на рыбу, выброшенную на берег: корчится, надувается, прыгает, бьет хвостом.

Все происходит по малодушию. Слов нет, политики необходимы — так? Ну, и кланяйтесь, как Гете, и ж... даже лижи, но слово держи, слово не умрет.

Письмо в редакцию.

В номере 7 журнала «Октябрь» напечатано мое последнее произведение «Кладовая солнца». В рукописи моей было под заголовком написано «сказка», но редакция зачеркнула и написала «рассказ».

– Не все ли равно, — спросит судья.

– Нет, очень даже не все равно, — отвечаю судье, — и разговор надо непременно поднять.

Сейчас вы увидите, в чем тут дело. Сказку я написал для детей младшего возраста, имея в виду конкурс на лучшую книгу для детей. Меня увлекало при создании этой вещи создание правдивой сказки, народной в существе своем, но без традиционного народного мифа, и как фольклор, интересной для всех возрастов, стариков и молодых. Создавая эту сказку, я был даже несколько под влиянием идеи социального заказа, и в моем понимании сказка была как связь между поколениями. В молодости на севере на меня огромное влияние оказали сказки, которые я записывал там. И в старости, пописав более 40 лет, мне самому захотелось рискнуть попробовать выступить на конкурсе сказителем.

На днях я узнал, что вещь моя единогласно была признана. Не сомневаюсь ни на минуту, что такое единодушное признание [я]вилось вследствие того, что замысел мой был разгадан, и созданная сказка если и не удовлетворила вполне социальный заказ, то является первым твердым шагом к построению правдивой народной сказки без традиционных обязательств к народному мифу.

Когда я сдавал рукопись в «Детгиз», мне с сожалением сказали:

– Конечно, это сказка, но если мы детям дадим эту вещь как сказку, это ослабит ее влияние: они будут правдивую вещь понимать как неправду или сказку. Что же делать?

Подумав, я решил печатать вещь для детей без обозначения литературной формы, а для того, чтобы мой замы-

сел правдивой сказки был понятен, отдал вещь в большой журнал.

И в большом журнале слово «сказка» редакцией было зачеркнуто и названо рассказом.

– Почему рассказ, почему не сказка? — пишут мне читатели.

Я получил не одно такое письмо (одно особенно решительное я получил от т. Важдаева, работающего над сказкой уже много лет).

Другие читатели, имеющие в виду рассказ в серьезном журнале «Октябрь», упрекали меня в несерьезном конце. — Так несерьезно, такая нагроможденность, как в сказке.

Но, слава Богу, все кончилось для меня благополучно победой сказки на конкурсе, птичка моя теперь споет свою песенку...

Как, однако, трудно было редактору большого журнала: какой пустяк, кажется, написать сказку или рассказ. Не все ли равно? А между тем, какое огромное расхождение получается между намерением автора и действием журнала.

25 Октября. Охотники говорят, что в лесах под Москвой снег был немного не до колена. И за эту ночь все полетело. Вода.

Ровно 50 лет назад, купаясь в море под Майоренгофом, я чуть-чуть не утонул. Студент рижского политехникума Горбачев Вас. Александр. выволок меня и притащил на дачу Вас. Дан. Ульриха. Так я, попав к вождю марксистского движения, сделался революционером и вскоре попал в тюрьму. Сегодня через 50 лет приедет ко мне сын Данилыча, Вася (Вас. Вас. 56 лет, председатель рев. трибунала). 50 лет назад тайной причиной моего уверования была книга «Женщина будущего», с которой соединялось мое тяготение, романтическая мечта. И вот теперь появилась О.В. Перовская, которую по моей просьбе спасает Вася Ульрих. В романе написать — не поверят, а жизнь чудесна. И так все теперь, вплоть до атомной бомбы, чудеса, превосходящие, как говорят, «самое смелое воображение».

Вчера был Володя Елагин, рассказывал о том, как плохо пришлось русским в Риге, об аппарате ЦК вроде мясорубки, через который проходят наши сочинения и являются, какое без хвоста, какое без головы. В области духа это ничем не лучше «душегубки» или инквизиции. Сколько лет я искал своего врага, а «враг» оказывается бездушный, безликий винтик огромного механизма, предназначенного обтесывать и отвеивать полезное для госуд. коллектива.

В Четьях-Минеях описывается один подвижник, шествующий в пустыне. — Слышу, — говорит, — какой-то шум. — Это, — отвечают ему, — шумят тростники. — Шумят, — сказал он, — ну, веди меня дальше, где тишина.

И там же описывается видение чуть ли не блаженного Андрея, что будто бы он попал на небеса и, повидав там, в раю многих, спросил ангела, не может ли он повидать и Царицу Небесную. — Нет, — ответил ангел, — Царица Небесная сейчас на земле, утешает скорбящих.

Так вот изображаются два пути: один путь пустынника, уходящего от земли, другой путь приходящих на землю существ (Богородицы). Можно себе представить так и святого хозяина, который по молитве «хлеб наш насущный даждь нам днесь» приходит к Богородице помочь в этом людям. И это есть истинная благотворительность.

У русских не только в черном переделе таится объяснение современности, но и в самом православии наверно содержится осуждение развитию индивидуальности. Закат Европы, в сущности, и есть закат европейской культуры индивидуализма. Наша короткая история есть яркая картина борьбы какого-то общинно-родового духа с возникающей индивидуальностью. Барский страх мужика и был...

Приехал «Вася» в генеральском мундире и жена (Галина Александровна Аристова), женщина худощавая, Лялиных лет, видно, очень нервная, и вообще как сосуд, содержащий «усе». Вася — это красный шар, прекрасные когда-то глаза заплыли, но по длинным ресницам я их узнал. — Глаза узнал, — сказал

я. — Не может быть, я свой портрет знаю: ничего общего. — По ресницам узнаю. — И услышав: «по ресницам», генерал поверил... Ох, как все такие люди (помню Крыленко) неспокойны. Глазами бегает повсюду, как будто что-то ищет (даже неприлично), на самом деле ему просто трудно вслушиваться, выжидать. Все такое состояние, как я понимаю, происходит от накопления «тайн». Вот, к примеру, у нас это посещение тоже будет тайной: никому об этом сказать нельзя. Маленькое дело, но все-таки эту «тайну» надо хранить от всех, и это даст на лице особую морщинку. Если же начинить человека, набить как мешок тайнами, то и получится «большой начальник». Подпольная деятельность политических кружков выращивала таких людей. Мы болтали, перекидываясь с предмета на предмет. Подарил «Кащееву цепь» и дал заранее обдуманный автограф: Василию Васильевичу Ульриху, «Васе» — в 1897 году у меня на коленках сидел — на память о тех временах, когда мы с его отцом «Данилычем» боролись за то, чем он теперь обладает. — Вам 62 года? — спросил меня «Вася». — 72. — Да что вы! Удивительно. Это наверно оттого, что вы в природе живете. — Да я вовсе и не живу, я только описываю так. — Так отчего же? — Оттого, что я делаю только то, что мне нравится, как вы делаете, что вам не нравится.

Очень понравилось.

Когда они ушли, то от них осталось что-то в нашем доме не наше, совсем чужое. Но это как раз то, что мне надо для «Падуна»: вот тот самый чекист с его надо (долгом) и я, Зуек, с его хочется (личным правом).

26 Октября. Утро, как вчерашний день, мокрое.

Ездили в Пушкино. У Пети достали мороженую капусту. Погода сегодня — не узнать — апрель или сентябрь, так ароматно в лесу. И теплые облака, и солнце.

– На это я смотрю философски, — сказал Чумаков. Это значит, что он смотрит, как лично незаинтересованный. И значит, мудрость (философия) состоит в том, чтобы на все смотреть как лично незаинтересованный. Нет, не совсем верно, или не все. Личный интерес не отрицается, но рассматривается как

переживание: был когда-то как все и просто жил лично заинтересованный как все. Но вот пришло время, я освободился от себя, и на те же вещи смотрю свободно, со стороны, как мудрец, — вот это и значит, что «я смотрю философски».

27 Октября. Теплынь и нависъ с утра.

Происхождение Ульриха немецкое. Он вышел из отца, как из шкуры вылез: шкура осталась — это отец. А он, тот же самый Ульрих, каким был его отец, только тот сидел за письменным столом, переводил немецких революционеров на русский язык, а этот сидит за столом судьи и уничтожает врагов. Немецкое упрямство (пфлихт) под конец жизни перешло в манию, в доме Ильича он помешался на мысли о беспощадном уничтожении врагов. И сын взялся за это. В бегающем, беспокойном и дробном внутреннем существе своем Вася похож на Крыленко (как будто сидит на игле власти: его прищучило и он сам прищучивает).

Вася — это тутти кванти* — Сутулов (Вася-немец, Вася-великоросс, Вася-еврей — непременно все эти три элемента дают большевика чекиста. Из этих элементов сложился дух истории, в котором формировались деятели, великороссы давали ширину охвата идеи, немец — выполнение, еврей — хитрость + к этому может быть еще и что-то от монгола. Что? — Жестокость и дружба).

28 Октября. Вчера весь день очень тепло и перемежающийся дождь. Сегодня намечается день как вчера. Догадки: это лето пришло в пополнение пропущенного.

Готовлю речь в «Детгиз» при объявлении премии. Тезисы:

1) Смысл: «будьте как дети». Выбор елки новогодней в лесу: нет идеальной, есть приблизительная, но веришь, что где-то растет и вырастет. Елка в себе. Так и дети: иде-

---

* Тутти кванти (*итал.* tutti quanti) (*шутл. ирон.*) – все, какие есть.

альные дети — в себе. И это есть материнство. Художник одной стороной своей — это мать. Моя тяга к детской литературе. Такой путь к детям из себя.

2) Дети как они есть — это: дитя рождено. Мелиорация — вот вопрос детиздата. Революция, война, отец на войне, мать на фабрике. Свобода. Война кончилась — дети распущены. Но система осталась потакания.

3) Барабан...

Зимой, когда приходится заводить машину от ручки, я не делаю гимнастики. Так и сюжет: он работает сам как сила. Но зачем я буду им пользоваться. Пользование силой развития сюжета (как расщепления атомов) надо лишь при наличии чувства гармонического целого. Это чувство целого называют пантеизмом. Но оно условно. Я лично чувствую целое, знаю его в себе, но не знаю, что такое пантеизм. Я вложил его в собаку Травку: это весь человек. Образ всего человека, собранного в труде творчеством. Образ, значит лицо, личность. Из индивидуума сделать личность — перековка человека.

(Сюжет не господствует, а служит.)

Пользоваться сюжетом есть механизация. Пусть! Но механизмом управляет его хозяин-человек. Отсюда требование согласованности: сюжета (механизма) с личностью — опять-таки на фоне чувства Целого.

Почему все расщеплять и использовать?

А наступит время складывать и соединять живой водой.

Синтетический образ всего человека.

Фокус современности — в детях. Детиздат нужней, чем Литиздат. Почему я в общую литературу? Потому что идея Детиздата еще не понята. Вообще раскрыть причину печатания в общих журналах как необходимый выход. В Детиздате есть коллектив работников, тут ждут писателя.

Моя эмка. Интерес моих шоферских занятий в том, чтобы добиться определенного результата: эмка служит

мне. Интерес в борьбе: кто кого победит: эмка будет служить мне или же я буду служить эмке.

Сюжет. Когда писатель занимается сюжетом, то должно, чтобы писатель-человек подчинялся своему делу, своему сюжету, а не механизм сюжета подчинял себе человека.

Сюжет, как всякий механизм, равнодушен к нравственности: святой или вор действует — читатель одинаково сочувствует герою, вору или святому — все равно.

Осетин на канале: птичка.

Для того чтобы делать добро, надо чувствовать себя достаточно сильным. Итак, если слаб и хочешь добра — делайся сильным, так или м. б. стремись сильней к добру и тем самым сила сама придет.

По поводу речи Трумэна о необходимости силы для мира.

Ия рассказывала о печальной любви своей к Пете, и что Петя сошелся с простой девкой и окончательно озверосовхозился. Нехорошо, что «советский Байрон» обнаруживает черты мещанского расчета («замок») и вообще весь размельчился на бабах.

Был Лосев с Робинзоном, охотник на немецкий лад. Так, в русском человеке бывает, чистый немец сидит. И вообще национальные черты лишь сгущаются в такой-то нации, а бродят повсюду.

Рассказывали за столом, что чувство материнства в женщине иногда преодолевает необходимость выбора личности и действует, как у животных: «хоть кто-нибудь». Итак, в аналогиях моих новое звено:

Берег	–	вода (личность)
Материнство	–	отчество
Государство	–	личность
Надо	–	хочется

В Ляле сила сопротивления безликому материнству или, что то же, требование к личности так велики, что материнство (от кого-нибудь) представляется ужасом (любовь!), вот и подумайте, исходя из этого, что есть любовь.

29 Октября. К вечеру по сев. ветру пришел морозик. Выпустил воду из эмки. На заводе обещали к завтраму сделать прицеп. Вечером в кабинете Папанина с маршалом Астаховым, Мазуруком и др. был на совещании жюри охотников. Я молчал, и когда заговорил, то все о себе и так, что и теперь стыдно вспомнить. Это произошло оттого, что перед этим я, напрягаясь, чинил машину и надул два колеса, а кроме того чувствовал себя среди маршалов, генералов, адмиралов, как белая ворона: будь бы они настоящие, я бы затих в смирении, но у этих только чин и сытость... и вот было неловко среди чинов, хотя они и не чинились. В сущности, они хорошие ребята, и чинился только я.

Шилькред целые дни стоит на крыльце и распределяет стекла: кому пять, кому десять. — «Вам охота, — сказал он, — а мне общественная деятельность». Но это неправда, охота моя бесполезна и бескорыстна, а от общественной деятельности всегда что-то и себе достается. Вчера был на собрании и тоже устроил кое-что для себя: возможность убить лося и пожить в доме отдыха под Переславлем.

30 Октября. Крыши поутру показались от мороза беленькие.

Нервный человек, затаенно сидящий в своем углу со множеством мыслей, бывает, при встрече с людьми вдруг неудержимо начнет болтать и выйдет из себя, и после будет страдать. Вот я сегодня такой, как после великого пьянства. (Знаешь, что ты первейший из них, а ведешь себя как последний.) Все происходит оттого, что художественная болтовня удается только в подходящем обществе, а тут все неподходящие и надо молчать. Но если молчу долго, то совею, п. что трудно молчать, скучно до последнего предела, и такова вся общественная деятельность. Надо в таком

случае, если можно: 1) готовиться заранее к нужным словам, 2) если нельзя вперед — не забывать «во всякое время и во всяком месте».

На заводе дал пол-литра на сверку. Ходил к Катынскому, переговорил о поездке в дом отдыха. Будем собираться к числу 15-му. Получить перед этим: 1) бензин, 2) премию, 3) прицеп, 4) с Барановым об Истре, 5) расписку, 6) завещание, 7) куртка, 9) корма.

31 Октября. К кончине живота: память о ближних.
Вечером вчера дождь. Ночью около нуля.

Искусство в своем мотиве бесполезно. Мы это все теперь остро чувствуем, но не можем сказать вслух, п. что государству нужно искусство полезное. Бесполезно в мотиве, это значит, что художник в своем творчестве должен быть свободной личностью. — Это я! — говорит художник. — Посмотрим, — отвечает общество. И, рассмотрев с точки зрения полезной красоты, отвечает или: — Да, это мы! Или как Юлий Цезарь поэту: — Уйди прочь, дурак.

На ВАРЗе: молодая женщина белокурая, похожая на немку, дожидалась директора. Когда Семен Лазаревич вылез из своего кабинета-берлоги, немка встала, глаза вверх закатила голубые, сделала улыбку и подала записку. Директор холодно прочел, хмуро склонился к столу и, подписывая разрешение, пробормотал: «Все побираетесь!» Немка, оставаясь с теми же глазами и улыбкой, начала краснеть и, когда ушел директор, постепенно покраснела как рак. Через полчаса я ее встретил на дворе: она несла небольшой бидон с автолом. Глаза ее были опущены, улыбки не было, и на бледном лице лишь кое-где оставались красные пятна от недавнего страшного пожара. И все из-за каких-то двух литров нефтяного продукта! Возможно, это была мать того мальчика, который делает себе самолет, ему нужен автол и он упросил мать сходить к директору. И сколько такого стыда принимают на себя матери из-за нас, мальчишек!

Стол заказов на завтра: горчица, Городецкий, машина, извлечение денег.

Слякоть с припорошенными крышами, желтая муть.

Автор не справился с сюжетом, и на половине книги читатель догадывается о всем, что будет впереди. Написана книга местами очень неплохо и у детей имеет большой успех. Это что-то вроде Чарской.

Вечером Ваня с Солодовниковым привели прицеп.

2 Ноября. Серое утро около мороза. Думаю, не прочитать ли внимательно «Канал» под новым углом зрения, т. е. распределяя весь материал между Падуном и Роботом.

Стол заказов: осмотр машины, завещание (к Городецкому), горчица, рубашки, куртка, корма, разрешение на лося, картошка, револьвер.

3 Ноября. Неопределенная навись, около мороза. «Переменная облачность».

Любовь, природное влечение (слепая любовь) в руках человека есть лишь средство сближения, после чего является возможность начала любви.

Вчера был у меня по делу размножения ондатры организатор охот из Красноярска, рассказывал о пчеловоде Шалыгине и юном охотнике Титове, таежных людях. Перед этим совсем неизвестным человеком я развивал свои соображения об увлекающем всех нас механизме. — Разве атомная бомба не есть какой-то предел или венец механизма: дальше — или воля единого человека (всего человека в единстве) или же конец: светопреставление.

Карцев сказал: — Вы написали проблемную вещь. Это он о «Кладовой солнца», вещь, написанную шутя на конкурс детской книги. До чего же, значит, людям хочется «проблемы».

Но эта вещь («Падун») действительно должна быть выражением современной проблемы сближения в единстве всего человека, равно как в свободе (в Боге, Хочется) или в необходимости (Надо, давление механизма Робота).

Страшный для поэта теперь механизм ЦК подобен Роботу, железному существу, охватывающему Падун. Выход поэта-Зуйка — это охватить механизм и заставить его работать в сторону добра. Так написать «Падун», чтобы ЦК в его идеале единства всего человека... (начать разговором с Дубровиной о намеке моем в конце «Кладовой» о единстве человека).

На этом пути вовлечения в мою работу механизма ЦК первый шаг — встреча с инженером Румянцевым, разговор с Дубровиной, с Елагиным.

Оказалось, что все эти вопросы поднимаются в педагогической академии, туда же и надо мне обратиться.

Человек вовлекается в технику силой радости, похожей на влюбленность.

И как там, во влюбленности, кажутся все люди добрыми и вся природа прекрасной, так и тут тоже всякое изобретение, кажется, идет на добро. И тоже там и тут лишь в редчайших случаях человек из периода очарования выходит усиленным в своей любви и в деле добра.

Откуда же берутся эти крылья у человека, когда он влюблен или творит. Это крылья творческой человеческой личности, там и тут личность человека выходит из тюрьмы на свободу: это весь человек, как радуга в искрах.

Вечером пришел Ваня и Витя: Ваня сменил левую переднюю рессору, Витя наладил свет. На ночь моросил дождь.

У Ивана Воина торжественная всенощная под Казанскую. Заглянул туда, и моей души коснулось то большое «во имя», куда относилась наша связь с Лялей.

Столько этого было пережито нами за 6 лет, и вот это брак!

Не венчались, а какой именно церковный брак вышел.

4 Ноября. Казанская. Утро как и вчера: «переменная облачность». Может быть чуть-чуть и морозит. Кто не видал смерть на войне, тот увидит ее непременно в старости, вот как я теперь вижу. Люди как будто уходят куда-то, и так явно видишь, что там, куда они уходят, настоящая жизнь, а это был какой-то необходимый для всех обман. И так дивишься, что новые приходят и вступают в атмосферу обмана, не считаясь с теми, кто имел... полный жизненный опыт.

Не «суета сует» мерещится мне: этого я не чувствую в себе. Мне не то не по душе, что я со своим опытом («умом») не могу стать молодым, а что на мое умное место придет глупый и будет повторять те же ошибки, что и я делал в свое время. Вот этой «молодости» я не хочу и ей предпочитаю свою неизбежную смерть.

Но, конечно, есть среди множества глупых кто-то, с кем смыкается моя душа, и он, молодой, возьмет себе все умное, что за жизнь пришло ко мне. Так вот почему-то и ему тоже придется преодолевать это Надо бесчисленного множества, чтоб сомкнуться со мной, и к моей копии нажитого сознания прибавить свое.

Приходил какой-то художник, выпросил у меня 40 минут на портрет, пожилой уже человек с французской манерой. Говорит, что писал Гладкова, Вересаева, Серафимовича. — Конченые люди, — сказал я, — Вересаев даже и умер. — Да, — сказал он, — конченые, да кто же в эти годы не кончается? — Ну, скажем, Нестеров. — Кончился, и его портреты это «прочее время живота», не больше.

Я понял тогда, что художник этот сам пишет, как конченый, и скорее всего «спекулирует на концах»: кто-то известный умрет, через это на него обратят внимание, художник воспользуется этим каким-то днем и выгодно продаст свой портрет.

– Ну вот, готово! — сказал он ровно через 40 минут. — Как вам нравится?

– Есть что-то, но больше похоже на А.Н. Толстого.

– Так разрешите еще 10 минут. Через 10 минут спросил: — Ну, как теперь? — Ничего, сойдет! — Благодарю вас. И вышел бедный сторож смерти моей. — Черта с два, — сказал я ему про себя, — не всякому ворону достается та кляча, над которой он вьется.

Итак, мой механизм в «Падуне» порождается необходимостью связать в общее дело волю отдельно живущих для себя существ.

Отнять у него свою волю, превратить ее в волю общую — это и значит «перековать» человека.

Оправдание такому насилию заключается в том, что эти люди соцвреды. Когда же это оправдание исчезает, как в механизме военном, то является более широкое понятие родины, за которую тоже отдельному лицу Надо отдать свою волю.

5 Ноября. Злой ветер метет мерзлую землю, чуть припорошило. Все утро, собираясь к Перовской (в Томилине) за картошкой, мучился с машиной. Так устал, что не решился ехать и отложил поездку на завтра. На десятое число буду в кабинете Потемкина получать премию.

6 Ноября. Северный ветер, и ясно с утра, и мороз, а дальше образовался редкостный день морозный, солнце, как весной. Собираюсь ехать за картошкой в Томилино.

Все моральные и всякие вопросы, связанные с тем, что мы называем «большевизм», т. е. большинство, массы, потому являются вопросами, что мы подходим к ним с личной точкой зрения. Протестуя большевикам, мы защищаем личность человека. Вот отчего и не могут наши писатели угодить нашему правительству в полной мере: те, кто явно или тайно подходят с личной точки зрения — явно неугодны. Те же, кто личность оставляет и подходит объективно, тот выходит из сферы искусства, потому что искусство лично даже в своем самом объективном выражении.

Поэт и политик — это плюс и минус в электричестве с той разницей, что в электричестве + и — означают направление одного и того же потока, а здесь как будто вовсе нет ничего общего: — Уйди, дурак! — сказал Цезарь поэту (Шекспир).

Юрист Городецкий, помогавший мне делать завещание, говорил, что советские юридич. установления, как наследственное право или брак, непрерывно текут в сторону естественных законов, которыми человечество живет тысячи лет.

«Перековка» человека, о которой всерьез шла речь еще в 1933 г. при строительстве Беломорканала, теперь звучит, как сказка.

Надо помнить, изображая людей в «Падуне», особенно чекистов Сутулова, Анну, что едва ли я в силах дать их как «типы », и убедительность их жизненного бытия может быть лишь в сказочных образах Зуйка, точно так же, как мне, например, представляется Бухарин, Ульрих и хотя бы Ставский, Фадеев, Панферов и все такие существа, как будто насаженные на железный прут, на вертел. Мы их угадываем по глазам с какой-то определенностью, по их подбородкам выступающим, по их определенности в словах, по их вольному и невольному ограничению, по всему тому многому, когда мы говорим: он партийный.

Скорее всего, сущность их, определяющая форму, состоит в том, что они отделены от всего человеческого болота тайной и тем самым они не целое, а руководящая часть или партия. Я это помню, было в рижском кружке у нас. Горбачев с улыбочкой смотрел на меня и советовал: «думать и догадываться», т. е. отделяться, затаиваться, делаться партийным, а не решать вопросы, как Сократ, на площадях с народом и учениками в доверии к единству человеческого духа. «Проводить свое на собрании». Есть у них всех, у Ленина, Сталина что-то скопческое, сектантское, абсолютно противоположное универсальной (оргийной) сущности искусства.

У Перовских в Томилине (Наталия Вас., ее муж Борис Метнер, племянник композитора, и их дочь (тоже композитор) Таня). Показывали портрет бабушки Софьи Перовской, повешенной вместе с Желябовым (заря моей жизни: Курымушка, 1881 г., см. «Кащеева цепь»).

7 Ноября. Тепловато, снег летает редкий и мокрый, потом дождь.

Парад прошел стройно («ни одна машина не застряла», но бездушно и бессмысленно), не было Сталина, не было нового слова. И после победы и объявления «мира во всем мире» одни пушки и в таком количестве, что в голове движутся мозги и на неподвижное опасно смотреть — можно упасть.

На трибунах между каменными скамейками набивается столько народу, и довольно рассмотреть человек 20 возле себя, чтобы понять весь состав советской демократии. Тут и директора, один вроде Проферансова, тихо признался другому: «Я спился». И генерал Игнатьев аплодирует суворовцам, и рядом шпик, похожий рожей на нечищеный сапог, обутый, как у них полагается, в хорошо начищенные высокие хромовые сапоги. И барыня вроде губернаторши Чувиляевой (полная достоинства), и какая-то девка (карьера из Чуркиной и Кононова): маленький серый глазок из-под низу, а наверху огромный лоб даром поднимается — пустой и ненужный, а глазок чисто животный, какой-то от пра-пра-пра-зверя, проглянувший через всю толщу человеческого опыта и обративший весь этот смысл на пользу себе (помни, Миша, этот бледный серый глазок: он очень страшный).

Вечером был Каманин Федор Георг., жена его, Вера Михайловна, дети Галя и Витя. Они явились из Германии, были взяты в плен на родине в Орловской губернии, в Дятькове. Их приключение в Германии на основе, что расстаются и опять находятся, и все время в страхе, что того убили, другую изнасиловали, и что заставляют работать, а не кормят. И еще что спасают их дети: поглядят на худенького мальчика и пожалеют. Общее заключение русских о

немцах, что они наивны, глупы, жестоки и мстительны. О французах — хороший достойный народ, а американцы «это — как мы». — Вот только они сыты и этого нашего ничего не понимают. — Чего этого? — Да, вот, спросил одного, почем у них в Америке масло. И он глаза выпучил. — Я этим, — говорит, — не занимаюсь: не торгую. — И не едите? — Нет, ем, конечно, только почем оно продается, не знаю. Так что русский человек Каманин эту сытость и удовлетворенность и отсутствие страха голода понял как недостаток человека (то же самое как мы, умные, и только вот это одно...).

Странно в наше-то время слышать, как например Перовская говорит: «Жизнь прекрасна» (сама чуть в лагере не погибла). Ляля это понимает, как остатки глупой религии Пана. Я же думаю, есть земная форма желания жить, как у самой Ляли есть небесная форма того же самого желания, одно желание — здесь, другое — там. «Здесь» — это не значит сейчас и для меня, а когда-нибудь и для кого-нибудь. «Там» — это как у прежних революционеров — «личная жизнь» не теперь, а после того как совершится мировая катастрофа. Софья Перовская наверно так и думала, жертвуя собой: что жизнь после свержения царя будет прекрасна.

Ляля отвечает на это так: мое «здесь» и «там» — это одно и то же, и православный человек часто восхищается жизнью «здесь», но для примитивных людей жизнь не «здесь» и не «там», а непосредственная сама жизнь для себя.

Пришло в голову собрать хрестоматию поэзии и прозы в отношении детей по тому принципу, что каждый великий поэт вершиной своего творчества соприкасается с душевным миром детей, что так, наверно, создавался и фольклор: народный поэт, не показывая лица своего, вершиной своего творчества соприкасался с вершинами народного духа.

Итак, есть три понимания жизни: 1) примитивное «здесь» (Лева — Перовская) «жизнь прекрасна», 2) «здесь» — конец, светопреставление, истинная жизнь

«там» (Ляля), 3) ни здесь, ни там отдельно, или же и там и здесь жизнь едина и прекрасна (Зина).

Первое — это иллюзия, от которой начинает выдвигаться великая естественная жизнь, эгоистическая жизнь под угрозой смерти. Второе — как у Ляли и у старухи в «Падуне»: «там». 3) Преодоление всего личного аскетизмом: жизнь и «здесь» и «там» едина.

На широком лице широко, всей щекой поднимается улыбка и сбоку из-за улыбки кончик носа тюпочкой, как бывает в поле из-за холма показывается верх колоколенки (первая попытка рисовать словом с натуры).

8 Ноября. С утра хмуро и морозно, потом солнце и прекрасно.

Был у Власовых (Н. В. и Т. Н.). Вечером у нас были Барютины. Они как будто решили окончательно переселиться к нам и помочь нам. Ночью выпал снег.

9 Ноября. Стол заказов: 1) Спина, 2) Дробь — порох у Юхно, 3) Разрешение на лося, 4) К Потемкину составить речь, 5) Сборы к 15-му, 6) Патроны в охотмагазине.

Из мыслей и чувства на трибуне 7 ноября: «хорошо» быть властью маленькой (и то это едва ли кому впрок идет), но власть большая — это бедствие для человека. Вот откуда истекает божественное происхождение власти царей: маленький человек сознает как это трудно, он устрашается, чувствует свою ничтожность, удивляется. Интерес, вовлекающий во власть, такого же характера, как интерес в технике: входишь с любопытством, делаешься незаметно для себя частью механизма и вернуться к себе все трудней и трудней.

– Не машинист управляет машиной, а хозяин ее, повелевающий через машиниста.

Вчера говорили о том, что людям стало хуже после войны: тогда все ждали, когда война кончится, теперь ждать больше нечего.

10 Ноября. Вчера почти день метель бушевала, снегу навалило, а сегодня хватил мороз. И снежище, и узоры на окнах — зима и зима.

Из «Детгиза» получено официальное уведомление о премии и приглашение от Потемкина. В три часа идем слушать речи и говорить. Я буду говорить о сказке.

Программа речи: что есть сказка.

1) Запевка: молодые... пожилые пусть вспомнят то время: «я лучше всех сделаю и тем самым всем открою: всем будет хорошо». Вот психологические источники сказки. Дальше герой сказки терпит неудачи — тут Змей Горыныч, Кащей и всякие чудовища. Но герой все должен преодолеть и сказка кончается свадьбой, общим признанием. Создавая эту сказку, я тоже как автор кое-что претерпел, провалился на первом конкурсе, не обиделся, сосредоточился, усилился и победил.

2) Мне помогли... мой путь на север. Испытания, искушения, соблазны мои вы можете видеть по судьбе литературы для детей. Огромное большинство рассказов детских складываются и разлагаются на планы: занимательность дается его сюжетом, сюжет — это механизм, несущий героя, вора, например...

Рассказ приключенческий, познавательный, нравоучительный. Моя борьба с механизмом сказки: природа как материал сказки. Борьба с механизмом сказки и в том числе борьба с готовым мифом, чтобы не от Ивана-царевича. Природа спасает и мои охотничьи рассказы, или рассказы для детей — это сказки.

3) Претерпев неудачу на первом конкурсе, я крепко решил пустить в дело все ресурсы и создать сказку на своих дрожжах. Встреча Дубровиной: правдивая сказка. Выход: печатать в большом журнале. Кононов знает, сотрудники «Октября» знают, как я умолял дать предисловие. Мне обещали, но не дали и в заключение вычеркнули «сказка» и напечатали «рассказ».

Но это была полезная борьба. Взялись добрые силы: 1) читатели, 2) члены жюри, 3) «Детгиз». И борьба кон-

чилась... сказочно: победой, свадьбой и ладом, по усам текло...

4) «Детгиз». Посмотрите на дерево осенью: каждое деревце выглядит по-своему... посмотрите, как умирают деревья — каждое деревце выглядит по-своему. Но молодой одетый лес шумит весь. Пойдемте в кабинеты наших журналов — в каждом кабинете свой секрет. В «Детиздате» — все шумит.

В 3 часа нарком Потемкин раздавал дипломы на премии. На его речь и речь Дубровиной я ответил своей речью о сказке. Очень понравилось. Нарком пригласил меня в Педагогическую академию. Были и другие приглашения. Вообще, речь удалась, успех большой и главное, что Ляля очень довольна.

11 Ноября. Рождение Ляли: 46 лет. Теща лежит разбитая параличом. Доктора говорят, что через 10 дней определится: или еще будет удар, или можно будет начать оживление руки и ноги. Ляля теперь вся отдалась уходу за ней.

После вчерашнего триумфа почиваю на лаврах, но мало-помалу, пережив радость победы, с печалью, в унынии начинаю понимать, какое убожество представляет собой поприще детской литературы, на котором я взял первую премию.

12 Ноября. Туман, ветер с юга. Второй большой зазимок под угрозой. День продержался, вечером гололедица. Вчера были у нас В.Н. Яснопольская (весьма ученая и верующая женщина) со своим мужем Сережей, который 20 лет добивался ее руки. И недавно добился. Они оба были в лагере на Беломорканале. Я спрашивал их, верил ли кто-нибудь в «перековку» как в средство обновления человека. И они ответили: «Было время, когда верили, а потом все переменилось».

Из разговора о «надо» и «хочется» стало показываться, что наше тотальное Надо (коллектив) выходит из разнуз-

данного тотального Хочется, равно как и обратно: такое Хочется есть результат рабства.

Конец «Падуна» будет торжеством личного начала («свободы») в лице Зуйка, и эта свобода будет представлена игрою ребенка (Хочется) над тем, что взрослые делали (Надо).

То, над чем русские смеются у немцев и считают их упрямством, наивностью, глупостью — есть крайнее, трагическое раскрытие их долга (Надо). Как же немец должен глубоко презирать наше Хочется, если по нашему хозяйству, по всей нашей жизни у людей он не видит ни малейших признаков внутреннего охотного сознания долга (Пфлихт).

Истинная победа должна явиться через личность, узнавшую свободу в исполненном долге. Эта свободная личность играет тем, над чем мучились ее предки, эта личность в существе своем есть дитя. И в словах «будьте как дети» предначертан путь нашего творчества. Может быть, идея коллектива, представляемая нами, как «вместе легче» на самом деле есть «вместе труднее», но это Надо.

Послушайте, друзья мои, я родился в роскошном саду, насаженном моей матерью, и я даром получил величайшее счастье в детстве играть в саду и пользоваться плодами деревьев, которые выросли для меня без труда моего. В благодарности моей рождается потребность связать мое счастье (проходящее) с вечностью будущего, и я создаю для этого сказку, в которой возвеличиваю своих предков-богатырей (эпос), освящаю родную землю своими молитвами (лирика) и тем, упираясь в настоящее, поднимаю и прошлое как мост в будущее. И все это творчество связи между временами я называю сказкой.

Ляля мужественно борется с болезнью матери. — Я ее обижала, — говорит она, — это единственная тягость на моей душе. Теперь я это преодолею... — Смотри, не запи-

хуй, — сказал я. — Нет, — ответила она, — у меня ничего такого нет. И это правда: в религии она естественна, как будто религия есть отдел биологии. Ни малейшей мистики.

– Не забыть, не простить — тема «Мирской чаши».

– Надо забыть, это надо забыть, — сказала Перовская.

– Вы говорите против роста сознания...

Такой был разговор. А сейчас я думаю, что в каком-то смысле надо и забыть, потому что дети со своей игрой и радостью жизни вырастают в забвении.

И разве зеленые листики помнят о прошлогодних листьях, ставших теперь удобрением.

Забыть или не быть, но чтобы им быть, надо забыть.

– Вы в Бога веруете?

– Мало верю. Знаю, что существует Бог.

Стали говорить: надо «отоваривать»* конституцию.

– Читать? Зачем? Я человек образованный. Читают необразованные.

Кто-то сказал: — Я даже Маршака не боюсь.

Трудно быть Перовской: на нее теперь обратят внимание и будут чего-то ждать от нее. Раньше от нее не ждали ничего, и она кое-что делала. Теперь ей надо делать не «кое-что», а большое, чего она сделать не может. В таком же положении и Пермитин, но тот много сильнее. И тоже Каманин.

<u>Жука поймал.</u> Потемкин, увидав через речь мою во мне необыкновенного жука, схватился, чтобы поймать его и посадить на свою иголку. Не успел я окончить, как он предложил мне работать в педагог. академии.

<u>Рафаэль.</u> Говорят, что когда вынесли в Дрездене «Сикстинскую Мадонну» для отправления в Россию, то все бывшие при этом военные отдали честь Рафаэлю.

---

* Отоваривать – (*в переносном смысле*) исполнять обещанное.

13 Ноября. Была звездная ночь, и зима удержалась. На улице сейчас сплошной каток.

Вчера был Панюков, зверолов из Владивостока. Помнит меня с 1933 года, когда я там был.

Была Румер от «Красноармейца», Ляля читала ей отрывок из «Мирской чаши» для журнала. Сердце сжалось от больного воспоминания: так написано, столько хлопот по устройству — целый год, и ничего. А сколько бы еще написал, если бы удалось напечатать. Но тут было что-то в существе своем за человека и против войны.

— Но написал же ты! — сказала Ляля — Должен радоваться, что написал.

– Как я могу радоваться, если мог бы написать [больше].

– Значит, не мог.

– Как, что ты говоришь? А разве не убивают людей, наполненных семенами будущих творений? Ты же знаешь, что я преодолел личную боль неудачи. Свидетельство этому первая премия за «Солнечный клад»*.

– Так о чем же говорить, написал же ты «Солнечный клад?»

– Это, милая, пустячок, сказочка для детей. Моральный мир человека лежит у нас под ногами, и никто не смеет к нему прикоснуться, как к атомной бомбе: тронешь, и может загореться планета.

Это был не простой спор с Перовской о том, следует забыть преступление человеческое или не забыть. И все, наверное, решится так, что нам не забыть, а детям надо забыть. И может быть оттого-то мы и умираем, что не можем забыть, а дети для того и рождаются, чтобы забыть.

И разве каждый живущий не хоронит ежедневно такого себя, какой не может забыть, и не рождается ежедневно, не встает, забывая скорбь вчерашнего дня, в надежде на что-то новое, небывалое.

Не забыть (в охотничий дом отдыха): Баночку, бутылку автола, зап. колесо, 20 литр. бензобак.

* Одно из рабочих заглавий «Кладовой солнца».

14 Ноября. Тихо и ясно. Чуть клонятся дымки с востока.

По заре желтой сколько черных птиц летит над Москвой.

И где-то в окне слабо прибывает свет изнутри через ледяшки.

Похоже, что стала зима.

Да, вот это огромный вопрос жизни: забыть зло и просить у Бога сил его забыть. Забыть — значит отдать разрешение вопроса на жизнь другого, не забыть — свою жизнь отдать за другого и тем освободить (спасти) его от зла.

Единственная моя вещь, написанная о человеке и его «не забыть» — это «Мирская чаша». Это христианская повесть. И вот почему она встретила такой нехороший прием.

Вчера в Кремлевке я сказал доктору Черномордику: — Вот съезжу на лося, а потом начну ваши процедуры. — На лося, — сказал Ч., — не ездите, я слышать о лосе ничего не могу.

И рассказал мне, что после смерти Новикова-Прибоя он был у жены его с выражением сочувствия. Она предложила ему закусить, и когда подали на стол мясо, то сказала, это лось, Алексей Силыч сам убил. — И я должен был есть <u>того</u> лося. С тех пор слышать не могу о лосе и вас прошу: не ездите.

А ведь жена Силыча очень любила его и таких людей, такой любви хоть пруд пруди. Верно, любовь тоже бывает, как и сами люди, слепая, глухая, хромая, кривая, бесчутая: это любовь бесчутая.

15 Ноября. Вчера Ляля просила меня сказать, какая была Варвара Дм. Розанова, и я неожиданно для себя дал ее в образе настоящей православной женщины. Неожиданно было, п. что этот образ создался во мне через Лялю, и Варвара Дм. в этот образ теперь вошла.

Из откровенного разговора Александра Терентьевича Кононова со мной понял я, что выступление мое на совещании у Потемкина было политическим актом, направ-

ленным против Маршака: не я делал политику, а так вышло. «Потемкин был в восторге от вашей речи, главным образом потому, что говорил не Маршак, как бы должно было, а вы». Так что я невольно сыграл политическую роль. Мне вспомнилось, что в свое время точно так же и Ставский, будучи секретарем ССП, действовал против Кольцова. И пусть в конце концов Кольцов был расстрелян, но далеко до конца Ставский вылетел из секретарей, и все евреи на всех перекрестках объявили его бездарностью. Так именно и обвиняли за бездарность. Так точно теперь на Кононова слышишь от евреев, что он бездарен и что судьба его решена. И действительно слабое место таких политиков, как Кононов и Ставский, — это, что они занимаются литературой, что их занятие в политике показывается как личный интерес и на этом интересе их ловят, как рыбу на крючок.

Мне лично в этих положениях надо вспоминать завет Розанова В.В.: поближе к лесам, подальше от редакций. В данном случае в ответ на приглашение работать с Шолоховым и Кононовым над наследством А.Н. Толстого — русская сказка, нужно хорошенько разузнать, могу ли я в этом что-нибудь сделать, могу если, то и браться, не могу, не браться, т. к. это будет синекурой за работу против Маршака.

Смотрю на картинку балетного полета Улановой в «Жизели» — какое это Хочется! И тут же в углу висит Богородица, темный скорбящий лик — какое Надо! И сколько православных, чтя Богородицу, отвергнут балерину, и как мало тех, кто совмещает в себе и Богородицу и Жизель.

Спросил Черномордика, можно ли вылечить мне спину.

– Совсем нет, но сильно облегчить можно. А потом надо будет поддерживать.

И это само собою понятно: раз природа тянет в болезнь, а мы тянем в здоровье, то мы становимся против приро-

ды, вступаем в борьбу, устанавливаем свой режим, свою вторую человеческую природу против первой, общей. И тут является режим, механизм. Режим, метод, механизм, машина – все это Надо человеческое в обеспечение человеческой свободы – против Хочется природы, обеспечивающимся ее собственным Надо (законом природы).

16 Ноября. Второй крупный зазимок слетел. Слякоть. Начал ионизацию спины вчера в 7 вечера.

Вчера приехал Старостин Алексей Мих. (поскорей бы уехал). Говорил с Черномордиком (умница!) о лосе в доме Н.-Прибоя. – У нас вышел спор дома о том, почему именно было вам неприятно есть лося, убитого Силычем, есть после смерти. Я говорил: потому что охота – это игра, и кусок мяса напоминает Силыча, живого охотника на лосей. А жена моя думала о мясе лося, что вот Силыч убил, а теперь самого нет. – Представьте себе юношу, – ответил Ч., – который потерял любимую девушку, у нее был всегда с собой голубой платочек. И вот он приходит к вам в гости и видит в вашем доме такой платочек, напоминающий ему об утрате. – Это я так и понимаю, но мы еще говорили о том, какая это бесчутая любовь: как домашние-то могут есть. – Да, они этого лося едят каждый день и им хорошо вспоминать: это нам со стороны трудней, а им, близким, надо вспоминать. Доктор заключил: – Смерть – это самое нелепое в жизни человека, но это нелепое есть и с ним необходимо считаться.

Выслушав о смерти, подумал: а скорее всего у евреев вовсе нет никакой «тайны»: все их тайны остались в Талмуде. Но гонения так сблизили их, так они везде дружно всем еврейством выступают со своими тетками, племянниками, так это родовое начало страшно, такая, между прочим, это сила, что заставляет предполагать уговор, организацию, тайну.

«Христос с тобой», скажет кто-нибудь, и как хорошо! Но если среди православных скажут: – Я так понимаю

Христа... Это нельзя, нехорошо, и если хочется об этом говорить, надо сказать так: — Я так понимаю Спасителя...

Христос, в рассуждении, взятый вне церковного быта, есть как бы повод к спору. Таким именно был Христос в религиозно-философском общ-ве при Мережковском. В это место и бил Розанов, называя этого Христа Денницей. Напротив, Мережковский считал, что Розанов воюет с церковным Христом.

Жена Розанова была истинно православная, в ней Розанов имел как бы тело Христово. У Мережковского жена умница декадентка Гиппиус, ее называли Белой дьяволицей. А у меня Ляля, как тело Христово.

Разобрать, как это получается, что личность человека в духовной природе единa (цельна), а в физической множественна, дробна; и как эта дробность (размножение) приводит к режиму механизмов и как этим самым режимом механизмов природа пользуется для борьбы с человеком (война моторов).

В конце концов, является вопрос такой. Режим (механизм) обусловлен каким-то недостатком (грехом, пороком — болезнь). Этот недостаток мы знаем: недостаток в средствах существования вследствие размножения людей («ширпотреб»).

Отсюда вопрос: уменьшить деторождение или изменить производство и распределение средств существования — чтобы всем хватало (появляется новое лицо Истории, имя которому — все и дело которого — социализм).

Недаром фашизм включал в себя и социализм и регулировку размножения (расовый принцип). Кондитер Юшков, философ, который, не зная фашизма, «открыл» принцип фашизма и послал на рассмотрение в Совнарком, как систему спасения России.

Битва произошла не за принцип социализма, а дрались народы «за жизненное пространство», как дрались от века веков: на одной стороне были немцы, на другой славяне с евреями (как велика была роль евреев в этой победе?).

17 Ноября. Тихое морозное утро. По желтому небу над Москвой черные галки летят. Все дымы поднимаются вверх столбами.

Вчера были Замошкин и Платонов Андрей Викторович.

Узнал, что «перековка человека» запрещена в своем словесном выражении, как и весь идеализм революции, что Крупская этим своим идеализмом привела к разложению школы, что и сама Крупская, умирая, понимала современность как сдачу всех позиций революции.

Из этого практический вывод, что «Падун» надо писать, во-первых, отвлеченнее, во-вторых, больше о Зуйке, чем о самом строительстве.

Готовлю выступление по радио о сказке.

Физиология сказки. Сказочник Мануйла в первой моей книге «В краю непуганых птиц», принимая гостей, три самовара сжег на них. Они отдыхали и двигались дальше. Все эти гости пили его чай, слушали его сказки и, отдохнув, проходили дальше по своим делам.

А эти «беседки» на севере – лавочки со спинками, поставленные на точно отмеренных отрезках нашего пути по общей таежной тропе, лавочки называются «беседками», потому что во время отдыха люди беседуют и создают здесь свои сказки или пересказывают былое.

А лавочки вагонов, а женщины у колодцев, а в очередях, и везде и всюду, где люди отдыхают – там и рождается сказка народная.

Идет человек по тайге мерным шагом и о чем-то думает, о своем, но мало-помалу механизм передвижения тела поглощает личность идущего, как говорят об этом: человек устает. Такой усталый, поглощенный механизмом движения, человек лишается той способности, которая порождает охоту создавать или слушать сказку. Но стоит ему отдохнуть, как эта охота опять возникает, опять с беседки встает человек и думает о чем-нибудь своем, не чувствуя тягости механизма передвижения тела по таежной тропе.

И вот везде и всюду, отдыхая, человек борется с каким-то поглощающим его механизмом, и вот эту-то силу, возникающую у человеческой личности в борьбе с бездушным механизмом, мне хочется назвать сказкой в самом широком смысле слова.

В этой сказке, конечно, содержится и песня, потому что песня в этом смысле есть музыкальная сказка, сама сказка есть песня, в которой песенный ритм трансформирован в сказочный сюжет.

Каждый художник подлинный по себе может понять происхождение сказки из борьбы личного начала с механизмом его поглощающим.

Попробуйте заставить Льва Толстого переписать слово в слово страницу написанную: он не сможет этого сделать, как не сможет Репин в точности копировать свою картину.

Так я понимаю физиологию сказки и этой физиологией могу объяснить себе, напр., даже происхождение героя победителя Ивана-царевича, равно как и победного конца сказок.

Для того и сказка, чтобы Иван-царевич мог овладеть своею Марьей Моревной.

Сколько ни пробуйте человеческим именем оживить механизм — никогда это не удается: не о Горьком мы думаем, произнося улицу Горького, и Свердлов превращается в площадь, и физик Реомюр в термометр. И на улице Серафимовича меньше всех каждый думает о писателе, проживающем и сейчас на этой улице.

Сутулов сказал: — Рабочий человек, кустарь, делал башмаки, и вот однажды шьет, а башмак у него в руках делается больше. И чем дальше, тем больше и больше, и вот уж одному не справиться, двое работают, а башмак все больше и больше. Вот уж и тысяча работает, а башмак все растет. Если башмаки могли сойтись в один, так и людям пора сойтись в одного человека.

– Дети, опомнитесь, какому великану вы шьете такой башмак, где он?

Рассказы, новеллы, повести, романы в истории литературы — это все формы проявления сказки, и эти формы иногда так сближены, что одну и ту же вещь разные историки литературы называют по-разному, то сказкой, то повестью, то рассказом, то новеллой.

И тем не менее, несмотря на такую близость форм, все мы чувствуем в нашем сознании какое-то огромное расхождение существа сказки и хотя бы современного рассказа. Не умея объяснить себе это расхождение путем прямой догадки, обращаюсь к своему личному опыту.

Я начал свой литературный путь записыванием сказок на севере, моим первым учителем литературы был русский народ. По образованию своему я был натуралистом, а не физиологом. Благодаря этому при записи сказок я имел довольно внутренней свободы, чтобы по этим народным устным сказкам складывать свою собственную сказку. Две мои первые сказки открыли мне путь в литературу, и я вошел сразу в высшие сферы словесного искусства.

Передо мной открылось тогда два мира в отношении сказки: здесь — в обществе таких поэтов и писателей, как Блок, Мережковский и другие, и там — в лесах, где душа моя соединилась с народной сказкой.

То время было развитием многих больших талантов в Петербурге, но сказка представлялась мне как лиственный лес осенью, когда красота леса выходила оттого, что каждое дерево умирает в своем народе отдельно: то красное, то зеленое, то совсем оголилось, то совсем еще цело, а на том трепещут последние немногие листики.

Напротив, там, где я записывал сказки на севере, лес был весенний и летний, когда деревья смыкаются кронами и дают тот известный нам общий зеленый шум.

В Петербурге была сказка осени человеческого общества, там — сказка зеленого шума.

Третьим моим учителем была нужда (необходимость охранять свою сказку борьбой за существование, работой в газетах). Этот участок был тем механизмом, Кащеем, с которым вступил в борьбу мой Иван-царевич.

18 Ноября. Солнце, небольшой мороз, несколько ветрено. Ездил с Лялей в Томилино за картошкой. После обеда женщины «Детиздата» слушали «Мирскую чашу».

19 Ноября. Небольшой мороз без солнца и с ветром. Чувствую, как отсыхают нижние суки моего дерева, как они отпадают, как их ломают на растопку. Но там наверху, где ближе к свету и солнцу все крепнет и лучшеет...

Вчера в «Литературке» Кассиль написал восхищенную статью о «Кладовой солнца». Под влиянием приятного чтения впервые со времени написания перечитал свою сказку. В ней хорошо сдержанная сила и тоже хорошо, что на немногих местах дано так много, и еще, что вещь советская, но без подхалимства.

20 Ноября. Та же погода, как вчера и как 25 лет тому назад, когда умирал Лев Толстой. Вычитал в «Правде» их статьи Красного профессора и представителя ЦК: это хороший пример увлекающей аморальности всякой специальности, в том числе и литературной. (Ст. Еголина. «Правда», 19 Ноября 45 г.)

Душа всякого механизма состоит в однообразном повторении одного и того же, душа человека и всякого организма, напротив, единственна и неповторима.

Природа и Механизм.

Организм и Механизм.

Сам — Хочется.

Не сам, а Надо.

21 Ноября. Сам механизм в природе (Падун вертит камень — не в этом дело) органичен, — вот почему так и влечет нас в природу: там механизм играет служебную роль, а у нас живые существа часто состоят на службе у механизма и, утомляясь, стонут и обороняются сказками.

Не горюй, Михаил, что не можешь написать «Падуна», придет время и все само выйдет. Вспомни, когда еще нача-

лась Кл. солнца, как сказка о потерявшемся в болоте мальчике. (В Загорске, в 20-х годах: лет двадцать тому назад!)

Материал для речи 27 Ноября.

Две силы в природе: центробежная и центростремительная.

Одна ведет к распаду (Хочется), другая к механизации (Надо).

Взаимодействие двух этих сил дает культуру нашей планеты.

Сказка есть одно из проявлений центробежной силы, мы в состоянии ее борьбы с механизмом силы центростремительной.

Борьба этих сил порождает организмы, поражающие нас гармонией и целесообразностью.

Человек в своем творчестве новой человеческой природы находится под влиянием тех же сил, механической, влекущей его к повторению одного и того же, и личной, нарушающей повторение своеобразием.

В сказках одна сила называется мертвой водой, другая живой.

Сказка в самом широком смысле слова есть живая вода личности, выходящей из вечного повторения механизма мертвой воды.

Проф. Бюхер, автор «Работа и ритм» (как он этим открытием победил скуку механического чтения лекций).

Сказочный ритм — сюжет («мелькнул сюжет»).

Чиновник... вечно повторяясь, но он служебно включается в борьбу с механизмом. Я этого не осилил. Моя жизнь: как я разорвал круг механизма и поехал на север.

Моя литературная жизнь как попытка создать свою сказку.

Своя сказка — личное дело против механизации повести и рассказа.

Механизация сказки как распад рассказа. Поэтический и прозаический жанр.

Счастье ворам (аморальные рассказы).

Пример литер. механизации (Еголин в Правде от 14/XI–45 г. о Толстом. Смерть Ивана Ильича).

«Кладовая солнца» не новость для меня, но впервые понята, причем понята не активно, а пассивно. Передвигая шахматные фигуры в борьбе с механизмом традиционных форм, я сделал шаг... и получил если не слово сознания, то деньги. Тайна превращения сказки в деньги.

22 Ноября. Рассвет ясный и морозный. Вчера вечером шел дождь, слякоть была, и вызвали меня в Союз на правление. С трудом добрался (болит спина). И вдруг оказывается, нас согнали лишь для того, чтобы выбрать Поликарпова в избирательную комиссию. В несколько минут все было кончено: Поликарпов был избран, хотя Поликарпов вовсе и не писатель, а какой-то партспец, как шофер на машине. Сейчас только понял, что сами писатели виноваты в Поликарпове, как евреи, просившие Самуила дать им царя.

Мы, писатели, виноваты в Поликарпове, народ в Сталине, и так все насквозь, везде и всюду наша личная свобода, как игра детская, держится тем, что свои обязанности к обществу мы сваливаем на «старших». И что Тихонов, этот английский король, такой беспомощный на месте председателя — это все тоже мы. И вот почему журналы такие — в них везде Поликарпов, вот почему всех пугает ЦК, хотя там нет ничего страшного, и сидит все тот же общественный шофер Поликарпов. Общество находится в руках Поликарпова, как я когда-то находился в руках шофера Кононова.

Ищу случая сказать Поликарпову: — Я был в правлении во время ваших выборов в избират. комиссию. В одну минуту писатели и поэты, занятые приятным делом писания стихов и прозы, без споров, без обмена мнений, единогласно взвалили на вас всю тяжесть общественных

обязанностей и разошлись по домам писать свои сказки и песни. В прежнее время каждый крупный писатель считал себя ответственным в делах общественных. Сколько сил истратил Короленко на обществ. дела, Лев Толстой и другие. Несомненно и они тогда не все делали сами, они тоже поручали кому-то из близких себе по убеждениям лиц помогать себе. В крайнем случае, они хоть мучились совестью за равнодушие к делу ближнего. Но теперь поэт получил для общественных дел свое официальное лицо, уполномоченное нести на себе чемодан с продовольствием и грязным бельем поэта, как осел на услугах альпиниста.

Итак, мой друг, если ты считаешь себя вправе заниматься только поэзией, то не сердись и не расстраивайся, если милиционер, не понимающий поэзии, иногда ошибется и сунет тебя в каталажку вместе с ворами и пьяницами.

Это не только В.В. Водовозов народоуправство (демократию) представлял себе безболезненным, непостыдным и мирным рождением обществом своих личных представителей (т. е. рождение личности из какой-то аморфной святой внутренней плазмы народа). Так думали все до большевиков. Теперь же, насмотревшись на выборы, мы начинаем понимать, что всякий вождь рождался сам и рос в небольшом кругу своих приверженцев, ростом своим все больше и больше расширял границы своего круга. И что выборы являются не существом, не причиной возникновения вождя, а лишь постфактумным оформлением..

23 Ноября. Морозец без снега. Прищуренные дни.

Унизительное положение искусства для отдыха. Но не унизительно, если «отдых» понять как борьбу с механизмом за личность. Процесс творческого труда разделяется на три периода: 1) самодеятельность, 2) создание механизма, 3) борьба с механизмом за личность, т. е. сознание, т. е. движение вперед.

(Косьба общественная: если будешь торговаться, то хватит какой-то по пятке идущего впереди, будешь опаздывать — тебя сзади хватят.)

Бюхера мы спрашивали так: — А не замечали вы среди рабочих, пользующихся силой ритма: кто из них поет, и если все поют, то кто первый запел. — Нет, это было трудно заметить. Тогда мы спрашивали, как и при каких условиях ему удалось обратить внимание на связь песни с работой. На этот вопрос Бюхер охотно отвечал, что он шел как обычно по улице в университет, обдумывая свою лекцию, и наблюдал, как обыкновенно. — Я это всегда делаю в поезде, и в окне я всегда наблюдаю, что люди теряют время за чтением какой-нибудь глупости.

Словом, Бюхер сделал свое открытие посредством того, что я называю первым взглядом на вещь, который и определяет творчество. Сколько раз в своей жизни я старался поймать и осознать этот первый взгляд с тем, чтобы пользоваться им. Иногда мне удавалось. Помню (лисица и ольховые шишечки). Охота — своей глупостью... Словом, это путь к Ивану-дураку, и путь неглупый. (Фарисеи в Евангелии) у нас... умные люди (философы — образованные дураки и т. п.). Что же касается намерения познать момент, то, повидимому, он лежит за пределами знания, и потому самое добросовестное стремление к нему приводит к отрицанию того «ума» исторического и приводит к пути Ивана-дурака.

(«Я сам» — это я, на которое нельзя смотреть со стороны, непознаваемое).

Мы были самоучками: учились много, читали все, надеясь открыть нечто, за что ухватиться. Когда явился путь дурака, стало ясно наивное чувство «хочу все знать». Это самообразование было попыткой создать механизм бытия. И эта попытка создания действительного механизма нужна и необходима. На этом пути есть два выхода:

1) превратить «хочу все знать» в «хочу хоть что-нибудь хорошенько узнать». Это приводит к специальности и открывает трудный путь ученых борьбы с механизмом за личность (почему изобретатели так самолюбивы). (Вальден, Бюхер, философы.)

2) путь Ивана-дурака, т. е. путь искусства (сказки), путь восприятия жизни цельной личности.

Так я сделал, бросив все «умное» на севере.

Хочу все знать — это потребность механизма: люди знают, и я тоже хочу быть как люди: узнаю, и буду как все.

Сказка есть отношение личности к обществу.

Работа и ритм. Работа как механизм, а ритм — это гармоническое разложение сил индивидуума в обществе, есть такой момент, когда индивидуальное делается общественным и сам индивидуум становится личностью.

Ритм — божественный глагол.

Явление ритма — это уже победа, но кто же совершил победу? Личность как индивидуально- общественный комплекс. И потому сказка есть связь или двух-трех поколений, как это происходит на севере, или индивидуума и общества, что и называется личностью.

Брюсов: — Цель творчества не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение.

Брюсов: — Бывают дни и часы, когда все кругом как тайна, когда видится сокровеннейший смысл во всех вещах. Все так связано, что малейшее может раскрыть смысл вечности.

Когда рвется ритм, сюжет естественно сломается и тогда уже его не сделаешь, как нельзя метром заменить ритм.

Товарищи, я буду говорить о значении сказки при моих попытках творчества, но я должен предупредить, что сказку я понимаю в широком смысле слова, как явление ритма, потому что сюжет сказки с этой точки зрения есть не что иное, как трансформация ритма. Я это могу иллюстрировать из своего опыта создания сказки «Кладовая солнца»: когда застонали деревья, все части расположились, как металлические опилки под полюсом магнита.

Так я понимаю сказку в самом широком поэтическом смысле слова и в то же время узком: сказку, не подчиненную поэтическому ритму, я исключаю.

Служебная сказка (пример английского перевода). Своя сказка (без Ивана-царевича). Вернее, чтобы служебная часть ее точно так же находилась под воздействием ритма.

Меня выгнали из гимназии в Ельце из четвертого класса. Бунина тоже, из шестого. Положение выгнанного было такое позорное, такое несправедливое, что я решился доказать, что я могу быть не хуже других. Очень возможно, что это чувство — доказать — и было движущей силой масс в революции.

24 Ноября. Получена премия. Для меня сказка была средством личного определения в обществе. Я хочу сказать, что благодаря своей возможности делать сказки, я занял в обществе положение, как личность, а не как механический (составной) агрегат его. Вот почему о сказке я не могу говорить иначе, как в связи со своей биографией.

Большое значение в моей жизни имели два события в детстве и отрочестве: первое — это побег из Елецкой гимназии в какую-то прекрасную свободную страну Азию. Второе — исключение меня из Елецкой гимназии. Первое событие впоследствии определило меня как путешественника, охотника, художника слова и сказителя, второе как искателя добрых человеческих отношений или как гражданина. Вот из этих двух начал, из личной веры в существование прекрасной свободной страны — первое, и в необходимости выполнения каких-то общественных обязанностей (гимназия) — второе.

В этом столкновении свободы и необходимости началась моя сознательная жизнь. С первого класса, когда я пытался бежать в Азию, и [пребывание] в гимназии до четвертого, необходимость учиться и быть как все подавили мое чувство личной свободы. Но в четвертом классе я взбунтовался и был исключен с волчьим билетом. Это исключение потрясло меня до основания и до моего уверования в возможность переустройства общества, двигателем в моих учебных достижениях было особое

затаенное чувство подростка доказать кому-то, что я не какой-нибудь Митрофанушка, а вполне достойный гражданин.

Так я окончил среднее учебное заведение и решил сделаться инженером. В то время положение инженера, особенно путейского и лесного, было особенно высокое: на этом пути легко можно было занять высокое место, быть богатым и влиятельным человеком. На этом пути, мне казалось, я легче всего могу кому-то что-то доказать. Все так бы наверно и случилось, если бы в состав моего самолюбия не входило намерение быть образованным и развитым человеком. Вот для этого-то я и читал множество книг по особым программам того времени для самообразования.

Эти-то программы в середине моей инженерной карьеры свели меня с дикими студентами, и я начал вслушиваться в споры марксистов и народников. Я усвоил себе тогда основной нравственный вопрос революционеров той и другой стороны: это, что нам, революционерам, равно как марксистам, так и народникам, лично жить нельзя, т. е. нельзя развивать своих личных талантов до тех пор, пока мы не осуществим социальную революцию. Дремлющая во мне, как в деревьях спящая почка, любовь к свободной и прекрасной стране, конечно, была моим личным делом.

Слушая споры студентов, я про себя уже решил, что это лучшие люди, что я должен как-то их путем идти, но меня смущала эта необходимость отбросить все личные прекрасные возможности и отдаться делу одной только революции. Тогда малейшая дробинка на весах моей совести могла бы определить движение мое в личную сторону или в общественную. Попадись мне на пути хоть какой-нибудь поэтик, способный поджечь мой талант, и я бы прямо пошел тогда своим личным путем. Но случилось, я купался летом 1893 года в Майоренгофе во время сильного волнения и, захлебнувшись водой, потерял сознание. Меня доставили на квартиру какую-то, я очнулся в семье самого крупного революционера, родоначальника всех рижских марксистов В.Д. Ульриха. Сын его, тогда 8-летний Вася,

ныне известный советский деятель, председатель Верховного суда В.В. Ульрих.

Вот тогда под влиянием Данилыча исчезла двойственность моей души: та прекрасная сказочная детская Азия вошла внутрь моего дела, сказка об Азии в сказку о мировой катастрофе и новой жизни, и всякие позывные в личную жизнь замолкли.

Наше практическое занятие было в организации школы пролетарских вождей, в транспорте из-за границы революционной литературы, в переводе ее, распространении среди рабочих, в организации стачек и выступлений. Должен признаться, что среди напряженных волевых революционеров, рассудительных и дельных, я похож был на Петю Ростова. И скоро, направляясь в занятую жандармами квартиру Ульриха с какой-то нелегальной литературой, попал в их руки, как мышь в мышеловку. Ни одиночная камера в течение года, ни ссылка, ни заграничная учеба в Германии не пробудили к жизни спящую почку моего призвания к сказке. Ужас сколько времени на разные чуждые мне занятия я должен был потерять, пока, наконец, не зазвенели робко-робко тайные струнки моей собственной души.

После германской учебы по агрономии я был управляющим хутором в имении гр. Бобринского и агрономом в Клину, и когда меня выгнали с агрономической опытной станции в Луге, занялся халтурой: составлял агрономические книги по картофелю, торфу, разведению раков и шампиньонов. Бедная жизнь составителя с.-х. книжек забросила меня в Малую Охту. Тут в одной лачуге я встретился с этнографом нашего севера Ончуковым, который навел меня на мысль отправиться на север за сказками. Он указал мне и место «Выговский край», по которому прошел впоследствии Беломорский канал. Ончуков познакомил меня с академиком Шахматовым, показавшим мне приемы записей фольклора.

И это путешествие в 1905 году, и работа моя по записи сказок, описанных в первой книге моей «В краю непуганых птиц», было в точности осуществленное путешествие

в Азию в 1882 году, и жизнь между этими датами, 23 года* были истрачены только затем, чтобы вернуть меня от сказки о прекрасной Азии в сказку о крае непуганых птиц. Когда я принес домой на Охту золото, полученное мною от Девриева за мою книгу, я был потрясен возможностью ездить к непуганым птицам, получать за это признание, медали, деньги. Я был так потрясен этим, что и сейчас, недавно получив премию в 35 тысяч за последнюю сказку «Кладовая солнца», вспомнил то время и сомкнулся с ним душой.

Так вот, повторяю, благодаря своей способности, прирожденной мне с детства жить в сказке, я занял в обществе положение как личность, а не как его механический агрегат. Мало того, я думаю, что и у всех людей, не их индивидуальная жизнь для себя, а жизнь личная более или менее определяется сказкой какой-нибудь, каждый человек преодолевает повторяющийся механически замкнутый круг необходимости личной сказкой. Я думаю так, не одни мы люди, но и вся природа.

Ручей бормочет весной оттого, что, напряженно ударяясь о камни и лед, изменяет свой механически предназначенный путь. И знакомый развилочек веток у новой ивы весной не сходится с прошлыми. И лист с листиком не сложится. И сама планета наша, сделав свой годовой круг, на чуть-чуть изменит его. У них у всех в природе эта сила, выводящая из повторения механического, называется центробежной, у нас, у людей — личной силой, у меня сказкой.

Сказка тем сказка, что она подчинена ритму не как рассказ, механическому, а песенному. Я это понял по «Кладовой солнца».

Фольклористы недаром записывают вместе со сказкой и жизнь самих сказителей, стараясь выявить их, как личностей.

---

* Неточно: первое путешествие Пришвин совершил в 1906 году, а побег в Азию (Америку) состоялся в 1885 году, и, таким образом, между этими датами прошел 21 год.

Борьба с декадентами и моя вера в народ. Сказка детская. Конец — будущее народа — сказка детская.

25 Ноября. Еду в Пушкино за овощами.

Начало доклада о сказке будет о сказке «Кладовая солнца»; сказочное достижение: я — сказитель и, как сказитель, даю автобиографию (метод записи фольклора).

26 Ноября. 1) Премия. Итак, я сказитель. Шахматов учил: биография — личность сказителя. Не только потому, чтобы отличать сказки одного от другого. А потому что сказка есть связь поколений, сказитель определяется как личность, а не механический агрегат общества. 2) Биография Пришвина, как борьба за личность. 3) Ритм и механизм. Ритм-сюжет и метр: сказка и рассказ. 4) Моя борьба за сказку (Брюсовский миг) времени декадентов. Русский народ. Служебная сказка (познавательный сюжет в «Кл. солнца» — служба под воздействием ритма).

Женщина одевалась в предбаннике. К ней прибежал мальчик. — Твой? — спросила у нее другая. — Мой, — ответила первая. — Откуда он у тебя? — Откуда? — усмехнулась спрошенная. И ответила: — Из тех же ворот, откуда народ.

Как назвать мне эту силу: когда мне хочется идти домой — она гонит меня из дому, когда я хочу бежать из дому — она твердит мне: сиди. Я с ней в вечной борьбе: она мой враг, и я ее ненавижу, но если бы она оставила меня, я бы уснул или умер.

На нуле. Морозики держатся, но снегу все нет, мерзлая желтая земля лежит неприкрытая. Утром наладил машину, получил бензин. Вечером выступление со сказкой.

28 Ноября. Снега все нет. Выступал вчера, как всегда хорошо. Чуть перешел меру искренности, не придержав ничего для себя.

29 Ноября. Процесс. Вся вина Гитлера в злоумышлении.

Раскольников — Гитлер, процентщица — Россия.

А держатся на суде не по Достоевскому. Великое событие человеческого сознания.

Читаю «Педагогическую поэму» Макаренко. Назначение вора: убить личность (украл у одного, а для всех — хорошо).

Жулькина география. На рассвете открывается на окне Жулькина география. Это вчера она с шестого этажа, тесно приставив и сплющив о стекло черный мокрый нос с теплым дыханием, водила им по стеклу. Она следила глазами за галками и водила носом: галки внизу — вниз, галки и воробьи вдоль по улице — и она по горизонтали носом. А потом к вечеру все подмерзло, и так получилась на окне Жулькина география, куда галки летели, туда и нос ходил.

Маленькие девочки. Я шел в полумраке рассвета. На улице были только дворники: счищали снег. На широкой панели Якиманки людей почти не было, только шла маленькая девочка, совсем крошка. Но видно, девочка была любимая, ухоженная, в леопардовой шубке, и шарфик завязан, как у детей, любящей рукой, назади. Но только крошка и совсем одна в полумраке рассвета: ей бы теперь спать и спать. — Девочка, — спросил я. — Что? — спросила она. — Куда ты идешь? — В переулочек. — К кому? — К тете. — А мама где? — Мама на службу пошла.

Родной человек. Мы шли вчера по улице, народу возле нас шло много, мы на людей не обращали внимания, им не до нас, и нам не до них. Ляля сказала: — Придем домой, я переоденусь — и к Шаховым. А ты посиди дома, отдохни. — Нет, Ляля, я не пойду к Шаховым. — Да я тебя и не прошу, я пойду одна. — Как же это я буду весь вечер один без тебя. — Ну, так что. — А ничего, — как тебе угодно, но я тебя не пущу. — Пустишь. — Не пущу, ни за что не пущу, —

закричал я почти раздраженно. И тут возле нас радостно засмеялась в темноте невидимая женщина. И смолкла, и затерялась в толпе и в темноте. Так странно и так радостно было нам: пришел неведомый свой человек из толпы и скрылся в ней. И дальше мы шли как-то иначе в толпе, не как всегда равнодушные к ней: в этой толпе шел ведь и свой родной человек.

Ночью трухануло снегом, а с утра опять оттепель. Было и солнце.

Вчера ночью возник вопрос из-за Л.: это, конечно, исходило от нее, да как-то и... думаем, что уже кончилось, но как появилось, то уже и захотелось, чтобы не кончилось.

Вчера был у Поликарпова, он мне показался настоящим деловым человеком, тем царем, который был назначен Богом евреям по ходатайству пророка Самуила. Избирая такого царя, каждый сваливает ему свое бремя и за это платит своим уважением и всем тем, что необходимо для царского существа. Такое понимание происхождения власти явилось мне во время выборов в избирательную комиссию. Мне мелькнуло: а вдруг меня выберут. Мне показалось это ужасным. И я думаю, что не у одного меня так мелькнуло.

После того называют Поликарпова, не писателя, а специалиста по административным делам. И тогда стало все понятным и легко на душе: избрали царя или осла, на которого можно сложить свою ношу. Понятно теперь и то, почему умные люди послушно выполняют законы: потому что так легче жить: отдай Кесарю кесарево, а непослушный в законах сам метит в цари, он претендует на ослиный трон. Вот почему и мелькает во мне чувство жалости, когда во время празднеств выносят портреты мучеников власти: Ленина и Сталина.

1 Декабря. Из Парижа запросили Информбюро об издании трех моих вещей: «Крутоярский зверь», «Птичье

кладбище» и «Черный араб», написанные в старинные времена до революции в общении с Ремизовым. Это навело меня на мысль, что Ремизов-то, может быть, и устроил этот запрос.

Я представил себе ясно возможность того, что Ремизов не хочет вовсе следить за моей советской карьерой. И все это мое бытие здесь отрицает, как отрицал всего Горького. Это вполне возможно, и наша встреча, если бы она случилась, наверно была бы тяжелая.

Особенный успех «Кладовой солнца» указывает на время — вот что теперь нужно: полная свобода от предначертаний политики. Радость моя от успеха этой вещицы (много вещей моих гораздо лучше этой прошли с меньшим вниманием) затянулась несколько, и пора выйти из положения рака, заменяющего рыбу.

Начал организацию охотничьего общества при Союзе писателей: пригласил Пермитина на роль инструктора, В. Елагина как редактора журнала «Охотник» и Кузнецова — генерала, как шефа.

Начал устраивать весеннюю поездку в Славянские страны (в Братиславу).

Так же, как у нас с Лялей вышло с браком, так же и должны быть построены отношения, называемые властью. Вот именно потому-то и сказано, что нет власти «аще не от Бога», в этом смысле именно, а не в том смысле, что каждая власть исходит от Бога и ты подчиняйся чучелу в огороде. Так, Сутулов мой, его чекистский долг будет раскрываться в этом смысле: буду смотреть на Поликарпова.

Вся страна читает процесс гитлеровцев, похожий на Страшный суд над человеком вообще, но не только над немцем.

Думаю о честном немце, например, о том герое, который в самом начале войны с Англией взорвал на рейде

линкор: нельзя же его судить, но где граница героического сознания переходит в преступление и начинается судимость. (У нас теперь это происходит с героями армии Рокоссовского: бандитизм в Москве.)

2 Декабря. Морозик разукрасил окна, только это еще далеко не зима: снегу нет совсем.

Герой — это гражданское состояние, это неустойчивое зависимое положение человека в отношении других людей, и потому всякий герой должен иметь в виду скамью подсудимых, или, как говорят: от сумы и тюрьмы не отказывайся.

Жизель иногда подойдет и такими умными глазами посмотрит, так глубоко, до сердца, — забудешь о собаке. Но только собрался с ней как с человеком, она вдруг... блоха укусила. Так бывает тоже за обедом с хозяйкой: гость только-только собрался — натужился сказать умнейшее слово, она вдруг «извините» и убежит. Это она вспомнила о какой-нибудь сковородке: не подгорело бы.

3 Декабря. Злой ветер с морозом. Очень холодно. Как горбун с горбом на всю жизнь, так и натуралист с обезьяной, от которой будто бы произошел человек. Немудрено, потому что и анекдот о конце человеческого мира нам передал в обществе натуралистов профессор Туров: «Разрушительная сила атомной бомбы уничтожила все человечество, и осталось только два летчика в борьбе между собой. Кончилось это тем, что один летчик настиг другого где-то в Африке, уничтожил его и лег отдохнуть под пальмами. Когда он уснул, обезьяны спустились с деревьев и подошли к спящему на земле человеку. После того началось все по-старому: от обезьян начал опять расти человек».

Из «Канала» должна выйти «педагогическая поэма» на основе нравственных вопросов, поднятых поэмой Макаренко. (Традиционный со времен народничества и еще раньше русский аскетизм, он и у Ленина, и у Крупской.)

4 Декабря. Мороз. Читаю Макаренко, восхищаюсь и боюсь: восхищаюсь подвигом русского человека, отдавшего свою жизнь воспитанию... а впрочем, какое тут воспитание, нет, отдавшему жизнь свою на утверждение веры в человека. Так издавна отдавали жизнь свою русские революционеры, и до сих пор, до Ленина и Сталина и до Ивана Ивановича Фокина (учитель в Новоселках) отдают ее: отдают не- изведанную жизнь свою в утверждение веры в человека и не «за други своя», а именно за веру свою.

Эта вера похожа на птичку, берегущую кукушкины яйца: вырастают не птички Божьи, а кукушкины дети, выбрасывающие из гнезд подлинных детей «птички Божьей». Так, дети Ленина и Сталина делаются чиновниками вроде Поликарпова, пребывающего постоянно в состоянии административного восторга. (Поликарпов — это народный мученик учитель Фокин, попавший в Царство небесное. Советский Союз наполнен такими заслуженными мучениками.)

Слухи о болезни Сталина уплотняются, некоторые даже знают, что будто бы отнялась у него левая сторона и случилось это во время прилета его с Кавказа на праздник 7 ноября. Если случилось что худое с хозяином, то чувство утраты, мне кажется, охватит весь народ в том смысле, что оно будет характеризовать время. Может быть, впервые во всей русской истории случится такое согласие душ в русском народе.

Мне нужно написать книгу, подобную «Жизнь в искусстве» Станиславского, что-то вроде «Сказки жизни» или жизнь за сказку...

Крестьянин и мещанин городской — вековечные враги. Крестьянин имеет нечто ценное, [чем] его «я» поглощено. Мещанин (беспризорник, городской пролетарий) — у него нет ничего, и он друг всем и только одному недруг: у кого украл. Это его слепое пятно в морали. (Введение.)

5 Декабря. Праздник конституции. (Кто-то сказал: «Дай Бог, чтобы конституция скорей отоварилась».)

Вчера при морозе и северном ветре валил суточный снег. И если не будет оттепели, то можно сказать, что с Введения* в 45 году стала зима. Это нормально.

По правде говоря, два месяца с 1-го октября я, если не считать, что весь октябрь ковырялся в «Канале», ни черта не делал. А в ноябре прямо обнаглел и в декабре, естественно, заскучал. Наверно придется двинуть, а то и сослаться не на что: все идет хорошо. Представим себе, как скучно жить героям вроде Папанина: больше того, что сделал, невозможно сделать (полюс открыт и даже готовятся к отеплению всей Арктики).

Книга Макаренко («Педагогическая поэма») напоминает «Письма из деревни» Энгельгардта: там интеллигентный человек является заложником у мужиков, здесь – у беспризорников. Еще, пожалуй, близка к этому книга Миклухи-Маклая о папуасах. Там беспризорники, тут мужики, там папуасы, но везде заложник со своим подвигом оказания любви к человеку. Макаренко кончает книгу тем, что не поэмы нужны в педагогике, а знание цели и дела.

Вспомни сам, Михаил, чем хорош остался директор Закс (латыш) в Елецкой гимназии: только тем, что был строг и справедлив.

Материализм не как философия, а как моральный корректив всякой идеи называется экономическим материализмом.

На этой почве материализма, как морального корректива, выросла вся наша революционная интеллигенция, а ей противопоставилась личность, как порождение философии идеализма.

Итак, действующая (реальная) составная часть философии материализма, есть [революционная интеллигенция].

---

* Введение – праздник Введение Пресвятой Богородицы во храм по народным приметам связан с началом зимы: «Введение пришло – зиму привело».

Точно так же, как действующая (реальная) составная часть философии идеализма есть личность.

В нашем русском быту моральный корректив воплотили в общественность, и так всякая индивидуальность попала на проверку общественности.

Индивидуальность, прошедшая через моральный корректив общества, ставшая, в свою очередь, самостоятельным источником моральных общественных сил, определяется нами как личность.

Центробежная сила, состоящая в постоянной борьбе с силой центростремительной, есть источник различий в мире природы, в человеческом обществе личной силой, а у меня эта личная сила есть сказка.

Директор ВАРЗа Соколин, когда я его спросил рекомендовать какого-нибудь рабочего для профилактики моей машины, сказал, это вам будет удобно, рабочий с Варза всегда может снабжать вас частями. Но он забыл рекомендовать мне, и я нашел сам себе Ваню Пшеничного. Этот Ваня носит мне все, что понадобится, и я не считаю это преступлением, потому что сам же директор надоумил меня. Ваня превосходный парень и хороший механик. Единственный недостаток его — это недостаток всякого рабочего. Положим, у меня стал раскачиваться вентилятор, повозиться бы с ним — он бы еще долго работал. Но зачем время терять на заводе: Ваня швыряет подержанный вентилятор в кучу утиля и ставит мне новый.

И так во всем этом широкий жест рабочего на заводе, очень близкий к отношению к награбленным вещам босяков. Недаром же эти группы общества, рабочих и воров, характеризуются социально близкими. Им противоположна психология крестьянина, которому вентилятор негде достать, и он должен его делать сам. Так же и кустарь, и женщина, как домашняя хозяйка. Можно сказать, эти два противоположные отношения к вещам определяют не только две группы: мужиков и

рабочих, но и всю жизнь, как тоже силы: центростремительная (вниз — домой) и центробежная (вдаль — вон из дома).

В хорошем смысле умными людьми мы называем тех, кто, имея назначение одного полюса (напр. рабочий), учитывает необходимость другого и с ним считается. Точно так же, глупыми, ограниченными, односторонними мы называем тех, кто считается только с назначением своего полюса и не учитывает состояние другого.

Педагогика и политика весьма близки между собой, и, может быть, даже педагогика есть частная форма политики, обращенная к детям: политика воспитания детей. Тем и кончает свою книгу Макаренко, относя педагогику личности, как у Руссо, у Песталоцци, к «поэмам» (сказки!), а истинную педагогику к политике. Так это и должно получаться у коммунистов: то святое частное, чем они обладают, моральный корректив идей, они ставят превыше самих идей.

6 Декабря. Идеализм — это философия личности, материализм — философия природы.

Конечно, «Падун» — это педагогическая поэма, в которой материализм строителей будет моральным коррективом, общим Надо для всех возникающих Хочется (сказок).

Зуек-Курымушка — это главный носитель личного начала, собиратель «сказок» (личностей — «идей»).

Сутулов — фокус морального корректива (материального).

Механизм — это орудие борьбы морального корректива. Это механизм, направленный против Падуна.

Что есть Падун? Это «девственная» природа, у которой тоже свой механизм: Падун вертит камень, и минеральная пыль его создает Наволок — политику.

А моральный корректив моего художества пусть будет простота и понятность: это будет «Кладовая солнца» в

огромном виде, это будет вершина моих достижений, финиш, к которому я первый приду.

7 Декабря. Мороз и ветер. Зима. Петя бьет зайцев: их нынче много. Уже со всех сторон бегут слухи о тяжелой болезни хозяина. И каждый, сказав это, называет Молотова, и другой оспаривает: — Он, может быть, хороший человек, этот Молотов, только разве это можно: после Сталина — и Молотов. — А кто же по-вашему? — Мало ли кто, а если хотите, по-моему, это Жуков. А третий, пребывающий в раздумье по поводу болезни хозяина, заключает: — Так вот отчего после войны мы живем без директив: Сталин вышел из строя.

Читал в «Педагогической поэме» Макаренко, как у них возникали отряды рабочие и как всегда появлялись вожди отрядов — командиры. Тут, объясняет Макаренко, была игра на первичных чувствах романтики. Интересно, что положение этих «вождей» материально не отличалось от других. Это, конечно, благодаря молодости и романтике, а потом в провинции разные «короли» возникали благодаря выгодным положениям. Но и романтика и выгода только части той стихии власти, которая, разливаясь как вода, организует народ.

На характер того или другого властелина влияли две силы, исходящие из класса рабочих и противопоставленных им крестьян. Но сейчас подходит время, когда общественная категория — «кулак».

8 Декабря. — Как писать, если через какие-нибудь 3 месяца может все перемениться, начнешь писать согласно со временем, а кончишь неизвестно где, — сказал Лидин на охотничьей секции. — От сумы и тюрьмы не отказывайся, — ответил я.

Ежедневно, взглянув на вчерашнее число в своем дневнике, ставлю число сегодняшнее, как говорят, механически, т. е. отсутствуя в этом лично. И если среди дня потом

спросят, какое сегодня число, я не отвечу. Не такого ли действия всякий механизм, чтобы освободить человека от участия в труде. В этом смысле механизм освобождает его внимание от личного участия, а сосредотачивает на самом механизме.

Сравнительно я довольно легко подчиняюсь механизации, но постоянно со мной бывает, что среди повторных действий внезапно пробуждается моя прежняя немеханизированная личность, и на какое-то мгновение я забываю свою технику.

Моя душа при усвоении техники похожа на пружину, которую завертывают, как в часах ключом. Но ведь и пружина, бывает, соскакивает, а моя душа, как только дойдешь до бесчувствия в механизации, непременно прыгает. Вот почему я должен никогда не доверять усвоенному приему и в этом, главным образом, и заключается моя борьба с механизацией: никогда не вверяться соблазну механической личности и всегда ожидать прыжка возмущенной души. В этом всегда может быть и заключается победа над механизмом: крещу черта, как Вакула-кузнец, и лечу, куда надо моей душе.

Итак, мой друг, усваивая технику любого механизма, стремись удержать свою душу от механизации и помни, что в этом свобода твоя, а не в том, что становится легче.

Пять лет человек молится о безболезненной кончине живота своего и на шестой год ошибся: вместо безболезненной сказал: бесполезной. И благодари Бога, мой друг, что ошибся. Бог — враг механического повторения молитвы и требует к себе непременно личного внимания и личного участия в молитве.

Между тем механическое выполнение обрядов церковных есть столь распространенное явление, что существует как бы вторая религия, как переходное состояние души, вроде как бы лен мочат и треплют, пока он не становится материалом для пряжи. Вот этим механизмом религии отцы церкви и затягивали прозелитов в свою школу смирения. (Значит, раскольники — это восставшие церковные животные.)

Начало речи 14 декабря.

Меня часто спрашивают женщины, как это вы, такой чуткий отзывчивый писатель, можете убивать зверей и птиц и находите в этом себе удовольствие. На это я спрашиваю в свою очередь: — Вы против физических наказаний в воспитании детей? — Само собой разумеется. — Но своего собственного ребенка вы, как мать, позволяете себе иногда шлепнуть? — Бывает. Как мать я это могу. — Вот и я тоже шлепаю зайцев и уток, как отец, и как мать, и как хозяин всего живущего. Рассказы, собранные Смирновым. Кому придет в голову упрекнуть Некрасова, Тургенева, Пушкина, Толстого? Жестокость свойственна молодости.

Наша охота и немецкая. Отдых командира.

Вопросы, у которых мы кругом ходим, и никто правильно в них войти не может: 1) Евреи. 2) Нация, родина, язык и другие.

Рождественский лес. Падающая снежинка — это шестигранная звездочка. Я это к тому говорю, что наверно от нее то и бывает, что снег на все ложится округло. Вот столб стоит межквартальный и на нем круглая шапка.

9 Декабря. Стоят дни одинаковые. Мороз до –18 с северным ветром. Вчера при морозе немного подпорашивало.

Сегодня празднуем «премию». Володя Елагин с женой главный герой, Реформатские, Халтурин, Таня и Ваня с «девушкой» (диспетчер), Удинцев.

Мелькает мысль написать сказку о лесе с простым сюжетом: ищем срубить совершенно правильную елку и оказывается, что все неправильные. Мы идем по следам, как будто все звери ищут тоже правильную елку.

Отпраздновали «пенсию» (с языка сорвалось вместо «премию»).

Говорили застольные речи. Борис Дм. Удинцев ухитрился примазать «Кл. солнца» ко времени Нила Сорского и полку Игореву (Ворон, ворон! Из «Кл. солнца»).

10 Декабря. Была река и озеро, и опять другая река дальше была, и длинное вытянутое озеро, и еще, и опять река до моря. Эта река и озеро сходились между собой, и так было сделано в поправку природе, из рек и озер единый проток-канал.

Но этим дело не кончилось, вернее началось.

Природа, покоренная человеком, продолжала думать по-своему и в своем рабском состоянии рвалась на прежнюю свободу. Против этого желания стихии человек поставил стражу из метеорологических станций, слухового окна под землю и целую сеть просто сторожей с телефонами, следящих день и ночь за поведением природы.

Это устроил человек так с природой по образу своему и подобию. Человек сам тоже имеет столько слуховых окон и станций, и будок, чтобы следить за поведением покоренного и заключенного в себе зверя.

В эту войну все рухнуло: и канал разрушен, и от человека ничего не осталось.

11 Декабря. Формула счастья. Чего Хочется самому, то да будет Надо, и это мое Надо пусть будет благом для каждого — вот моя формула счастья.

В № 9 «Нового мира» помещена статья Григория Левина, прославляющая ту самую «Фацелию», которую в том же самом журнале, при том же самом редакторе (Щербина) оборвали в печатании и вместо продолжения поместили против меня разносную статью Мстиславского. В заключение хвалебной статьи Левину по советскому обычаю в бочку меда надо было влить ложку дегтя. И вот он говорит, ссылаясь на «прекрасное мгновенье, остановись», о какой-то опасности в том счастье гармонии, которое он усматривает в «Фацелии» и «Жень-шене».

Его пугает звук какого-то моторчика на пути своем. Вот бы только воскликнуть «осанна!» И вдруг звук четы-

рехтактного моторчика, в котором выпадает один такт. Надо бы сказать, услыхав этот моторчик: «Да воскреснет Бог!» — но он, маленький человек, сказать этого не может, и вполне понятно, что моторчик начинает гнусить. «Прекрасное мгновение, остановись!» — это кричит мещанин, на мгновение поднявший свою душу до вечности.

Бедный моторчик, бедный, бедный, маленький, с выпадающим тактом, поклонись прекрасному мгновению, состоящему в вечном движении и, наполнив себя чувством великого благоговения, погляди на мельницу, которую вертишь для людей. Тогда в каждой горстке производимой тобою муки ты будешь видеть отражение прекрасного мгновения. И тогда воскликни «осанна!» Переходя из торжественного стиля в обыкновенный, рекомендую начинать хвалебные статьи не с «осанна», но с разбора недостатков автора: то не так, другое не так. А потом выправить линию и закончить «осанной». Тогда не будет в статье вкуса меда, испорченного ложкой дегтя.

12 Декабря. Весь день снегопад с метелью.

Поход в гараж. В «Детгизе» на совещании и в 3 дня вернулся домой. Вечером скандал с Чесноковой какой-то — вынуждает писать статью. Расхворалась Ляля. Беда.

13 Декабря. Рано утром на крыше с собаками. Тот же юго-западный ветер и ночью мело. Счастье, что не поехал на охоту к Пете. В пятницу придется говорить на собрании «Охотника».

Рабство страшно людям силою механического действия: делай то, что тебе велят, а не то, что тебе хочется. Из рабства есть выход всем (революция) и личный выход путем смирения и культуры своего таланта (вольноотпущенники).

11 вечером встретили у Шахова проф. Дояренко, через 40 лет! И узнал от него о Прянишникове, что он, ничем не поступаясь, не прибегая ни на грош к подхалимству, за-

служил всеобщее уважение. Сам Дояренко* теперь верит, что сильный человек растет в одиночестве (это тоже из личного опыта). Но ведь это есть тайна, это есть то, о чем нельзя сказать всем. Значит, тайна есть то, о чем нельзя сказать всем. Значит, и личность наша есть наша тайна и нечего тужить о том, что теперь не признают личность в существе: ведь ее признают в делах: покажи дела и будешь личность, как Пришвин.

(А Герцен все это тайное наружу вывалил. Герцен и Пришвин два полярных образа.)

Сказки мои — это могильные холмы, в которых я зарывал сокровища своей личности.

14 Декабря. Современность вся сосредоточилась на Нюрнбергском процессе. Когда немцы шли к нам, мы все думали про себя, что они выше нас, что куда нам. Но было на самом деле так: мы были выше их, куда им, «высшей расе», до нас. Это и показывает разбор сражения на Нюрнбергском процессе.

Немцы сражались во имя немцев же, и чтобы это эгоистическое действие имело хоть какое-нибудь моральное оправдание, им пришлось назвать себя «высшей расой».

Мы же стремились — скажите, за что мы сражались.

Ни за что: мы были противодействие жестокому и безумному действию; это «мы», конечно, не партия, а если не партия, то кто же. Ответят: народ. Следовательно, народ или «мы» — есть инертная масса, кем-то организуемая, кем-то ведомая.

Есть, однако, нечто в этой пассивной массе, определяющее тот или иной характер ведущих.

Фашизм Гитлера не обнимает всего германского народа, но жестокость, прямолинейность, наивный эгоизм высшей расы определены германским народом. Так точно

---

* Дояренко отбыл недавно заключение и ссылку (прим. В.Д. Пришвиной).

и большевизм: «мы» — не большевики, но они нас представляют, потому что мы их допустили и через это они стали «мы».

Метель. На улице Горького метель, белая пыль и сверху и струйками-дымками бежит по черному вычищенному асфальту. Среди белой пыли обращает мое внимание чем-то одна темная фигура. Я что-то в ней замечаю неправильное, хотя он идет правильно и прилично одет. Но что такое, почему я слежу неотрывно за его движениями. Почему трость у него в левой руке. Он — левша. Вот наконец я теперь смотрю куда надо: я слежу за его правой рукой. Она в рукаве, как и левая, и даже в желтой кожаной перчатке. Но как бы там ни было — она неподвижна, и больше! Ее, может быть, и вовсе нет, и перчатка натянута на макет. И вот изредка покачивание неподвижной рукой в темноте фигура открывает просвет уголком между рукой и боком идущего в снежной пыли и толпе человека. И этот странный уголок света единственно привлек мое внимание, и человек этот мною был непроизвольно выбран в толпе.

Ольдерман, американский прокурор, на суде сказал, что он и сам не очень верил германским зверствам, как о них писали в газетах, но узнал правду, лишь когда соприкоснулся с документами. Это было очень приятно читать: что и в Америке, значит, тоже как мы: читают и про себя сомневаются.

Но все-таки, читая процесс, нет-нет и подумаешь: — А если бы немцы победили СССР и потом Англию, а Япония бы раскатала на море США, то все эти зверства утонули бы в славе нового дела единого управления всем мировым хозяйством. Так что процесс в Нюрнберге интересен не так немецким злом, как общечеловеческим злом, выступающим при победе у побежденного. Зло-то и там и тут, но за все зло держит ответ один побежденный. Предполагается, что побеждает сила добра: в это верят люди, без этой веры жить нельзя. И вот, согласно этой вере происходит сейчас

в Нюрнберге разбор сражения: немцы — носители зла, большая тройка — добра. Так люди творят свой суд.

Но вот говорят, что атомная бомба только случайно попала в руки Америки, попади она в руки немцев, победили бы немцы. Значит, морали тут нет никакой, есть случай, а люди, пользуясь случаем, строят свою рабочую теорию жизненной нравственности.

15 Декабря. Удивительно, как даже такие опытные писатели, как Всев. Иванов, не могут понять, что трудность писателя не в том, чтобы набрать материала, а сохранить при этом набирании свою личность. Это я думал, читая в «Вечерке» рассказ Иванова о взятии Берлина. Мне вспомнился при этом один старик, засыпанный при взрыве какого-то дома. Он очнулся под развалинами и, нащупав уцелевший термос с чаем, стал пить по глотку, экономя до последней возможности целебную жидкость. Через четыре дня его откопали, и он остался живым. Так и писатель теперь засыпан материалами, как кирпичами, и не собирать ему под материалами, а сохранять под их тяжестью свою живую душу.

Сегодня совсем маленький мороз, только не тает. Тихо, редкий спокойный снег слетает. Мы стоим у перекрестка перед красным светом в несколько рядов и в каждом ряду в строгой очереди. Тихо падающий снег шепчет о радости спокойного терпения. Кажется, будто можно так овладеть собой, что во всякое время и во всякой вещи будешь видеть тоже такой красный свет говорящий: — Дальше ехать нельзя, надо ждать. Успокойся, стань в очереди и жди зеленого света.

Вот бы когда-нибудь написать о своей эмке, как я искал ее «душу» (Маша, Машка, машинка). «Ключик» к природе: никакая охота не давала мне такой близости к природе, как ключик от Машки. Как я учился ездить по Москве и боролся с милиционерами (Отец, куда ты заехал!). И всю борьбу с милицией закончить изображением падающего

снега перед красным огнем. Сюда же: как я научился заводить. Приключения (напр., как в болоте или охота на лисиц с фарой; вода, лягушка).

Идея: спокойствие и радость красному свету (Надо) достигается борьбой за зеленый свет. Или так: красный свет есть борьба за свет зеленый. Приключения: реквизиция Машки.

Встретился Зелинский: пишет книгу в 35 листов о советской литературе. — Когда напишете? — Года через полтора. — Через полтора! Ну, так пишите совершенно свободно, к тому времени... — Вы верите? — Ну, как же! Вон, видите, красный свет и стоят машины, придет время, и откроют для них зеленый свет. — Ну, нет. В это я не верю. — Не верите, что будет легче? — Что легче — верю, а что зеленый свет — нет, какой-нибудь другой, желтый, что ли...

На одном перекрестке задавили машиной человека значительного. В Моссовете поднялся шум. Спорили о том, поставить на перекрестке распределителя или мигающий автоматический желтый свет. Остановились на последнем, и теперь днем и ночью на этом перекрестке мигает желтый свет, как будто это душа задавленного навсегда повешена над улицей и у всех на глазах, мигая, мучится.

Панферов звонил, что стал хозяином «Октября» и обещается напечатать «Мирскую чашу». Еще он обещал мне где-то под Каширой дом отдыха. Если устроит, то, пожалуй, возьмусь за «Падун».

16 Декабря. Продолжаю думать о красном свете, как школе для вступления в зеленый свет. Жизнь личная (зеленый свет) это непроизносимое желание, это есть тайна каждого, его собственное «можно» в то время, как свет красный светит для всех одинаково, как общее Надо.

Начало «Машки»: Возле кипящего человеческой жизнью перекрестка мы остановились перед красным огнем и

т. д. Провести «тему» в такой запевке с тем, чтобы повторить в самом конце.

Надпись на книгу Зелинскому («Лесная капель»): «Поэт свободен во времени (настоящем, прошедшем и будущем), как птица в пространстве. Историк словесного творчества это спутник поэта...»

Погода мягкая как вчера, с редким слетающим с веток снегом. Из-под набережной на лед, покрытый снегом, выбегает теплая грязная вода какой-то фабрики с нечистотами. Набегом образовалась черная лужа со всякими человеческими гадостями. Вокруг этой черной лужи тесно, одна к одной сидели вороны. Они были похожи на превращенные души мародеров, собиравших вещи из карманов павших на поле сражения.

Тещу увезли в больницу. Она поправляется и скоро будет здорова какое-то время.

Умения ждать во всякое время, возле всякой вещи, на всяком месте — вот чего я весь, собравшись в себе, хочу теперь.

17 Декабря. Белокурая бестия.

С диким зверем можно играть, когда он в клетке. Но если он на воле, да еще голоден — никак не поиграешь. Ницше, наверно, думал о звере как о природной творческой силе, заключенной в человеке, а Гитлер по своему обезьянству просто выпустил зверя из клетки и направил его на человека. Не совсем понятно, как эта безумная мысль нашла сторонников. Скорее всего, время такое пришло: время крайней усталости и падения человеческого духа.

Бестиализм и социализм. И вот теперь два мира, тут, в социализме, где мы задыхаемся от человечины, заступившей место Бога, и там, где человека заступило животное, где против социализма — бестиализм.

Сказка. Человек отличается от животного не тем, что он делает орудия и царь природы. Наше время показывает, что эта способность чисто бестиальная: у тигров когти, у волка зубы, у человека орудия, способные уничтожить всю планету. Вся разница такого человека от зверя, что человеческая бестия сильней просто обезьяньей.

Но чем действительно отличается человек от зверя, это единственно своей способностью выходить из времени и пространства, создавать сказку о жизни в некотором царстве-государстве и при царе Горохе. Вот эта способность человека обходиться без времени и пространства единственно свидетельствует о том, что человек есть царь природы.

Ницше я так понимаю, что этого-то царя он и знал в себе, но страдал бесконечно, видя его унижение и бессилие. Ницше взялся с отчаяния о том, что слово потеряло силу и по слову нашего современного Авраама огонь вечерней зари не поджигает жертву человеческую, приготовленную для Бога. Вот за этой-то силой Ницше и обращается к зверю. И так вышел зверь сам, заступил человека и терзает его. Время теперь все показало. Время это проходит. И новое время начнется, как старое, той же сказкой священной: «чти отца и матерь свою и люби ближнего, как самого себя».

Так все повторяется, все приходит в себя, но круг повторений не совсем точно складывается с прежним, на какую-то чуточку он изменился, и вот эта чуточка выхода из положенного времени и пространства и есть достижение совокупной силы царей сознания того, чем отличается царь от бестии и чем все отличается во всем мире природы, чем все живое обретает свое лицо.

Мораль для всех. Наше время культа силы в образе человека-бестии или человека, делающего орудия (общественная бестия), черпает свою силу из идеи морали для всех. (Вроде «законов природы».) Сами люди, как лично-

сти, живут, конечно, личной моралью, как жил весь человек с древних времен. Но в люди такой человек выходит с формулой морали для всех, похожей на то, что называется законами природы.

Наша Отечественная война была похожа на сплоченное наступление рогатых животных на волка: волк — это немец, а сплоченные коровы — это мы.

Заславский сегодня в статье «Каннибалы» проводит свою точку зрения на процесс в Нюрнберге. Он начинает человека с тех пор, как явилось понимание о его особенном назначении в природе, и тогда было принято, что человека нельзя употреблять в пищу. Я то же самое представлял себе иначе. Я воображал себе весь животный мир, от червя до мамонта, как пищеварительный канал, имеющий назначение переработки неорганических веществ планеты в органические. Этим назначением удобрения и довольствуется каждое живое существо. Но человек не только пищеварительный канал, а нечто сверх всего.

Панферов устраивает нам дом отдыха возле Каширы, в связи с этим располагаются и дела.

18 Декабря. Пацан. Не Курымушка, а пацан — полное своеволие. Так обертывается дело. Вернее: Зуек в себе — это Курымушка. Зуек в людях — это пацан.

19 Декабря. Никола подмостил. Минус 20 (Николин день).

Статья в «Охотник». Делу время — потехе час. Но часто дорогой! В этот час, бывает, и зарождается настоящее живое дело. Можно сказать, вся наша охотничья поэзия — Аксакова, Толстого, Некрасова, Тургенева — родилась в этот час.

Мар. Вас. врет из-за страха, боится сказать правду и врет.

Так вот, рождается сказка не только в борьбе с усталостью, механизмами, но также и в борьбе с правдой.

Если бы можно было сочетать сказку с правдой?

Можно.

Это легенда, это Евангелие.

Вот если бы в «Падуне» в лице Сутулого и Зуйка изобразить борьбу правды (Сутулов) с (Зуйком) (сказка). И кончить тем, что Сутулов постигает сказку, а Зуек правду. Может быть, и вся жизнь в глубине своей состоит в этой борьбе правды за истинную сказку, а сказки за истинную правду.

Свет без восхода светила и тьма без заката. Свет и тьма от поворота штепселя.

Раздумывая о животной жизни, люди делают заключение: самец ловит самку. Но попробуй по этой формуле поймать женщину, и у тебя в руках будет блядь (как Падун вертит камень — без палестинки*). Чтобы действительно поймать женщину, ты должен создать сказку своей личности (Иван-царевич), представиться ей не тем, чем кажешься, а что в тебе действительно есть.

Чтобы забыть, какой сегодня день, надо ежедневно записывать в дневник число: запишешь, отделаешься от ежедневного долга и тут же забудешь. Это делается от механизации, и так при всякой механизации, поручая дело свое машине, сам человек пустеет.

Правда и сказка.

Влюбленность — это сказка. А роды — это правда. Ребенок — это правда любви.

Но что ребенок этот единственный, и будущий гений — это сказка матери, и самая могучая: сердце матери есть поприще, где сама сказка хочет быть правдой.

---

* Палестинка – красивое, приятное место; здесь: без красоты.

20 Декабря. Работники у нас в Хрущеве всегда думали так, что сила их изнашивается от работы, что человек поработал сколько-то и настолько же он от этого постарел. Но ведь кто-то взял его силу, тот, значит, от этого помолодел. И вот пришло время, работники сказали: довольно попили вы нашей кровушки! И бросились грабить и разрушать то самое, на что ушла их сила.

Когда я говорил этому N. о процессе, что фокус мысли и чувств всего человека собрался здесь, он молчал, и когда я пристал с ножом к горлу, то он буркнул: не один этот процесс в Нюрнберге, вот тоже и в Смоленске судят, и перешел на другую тему. Так я понял, что не все у нас единомысленны относительно процесса и что значит этот процесс есть война, а не заключение мира.

Я на волосок был от входа в охотничью организацию и уже приготовился сказать охотничью осанну, как вдруг по телефону сказал генерал Кузнецов, что ему нельзя прийти и собрание откладывается. После того пришел настоящий охотник Лосев, и я вдруг понял, что и Кузнецов чиновник, и Елагин чиновник, а что охота русская есть культ свободы личной, и я своим выступлением и эту последнюю свободу хотел отдать как полезное дело в руки чиновников.

Мало того, я увидел себя самого как борца в советское время за эту свободу и что «они» — враги мои, все исходят из полезного, что все, что нам казалось злом, обезличиванием, делают это зло ради общественной пользы.

Охота есть игра, есть потеха, есть час, а время — это дело. «Делу время, потехе час».

Что бесчисленные слуги времени (чиновники), слуги полезного, и есть немногие слуги часа, слуги потехи, слуги бесполезного.

21 Декабря. Стало тепло, и только-только не оттепель. Вернулся к дневникам и по Лялиной переписке стал плести свое кружево. Если бы хватило смелости, усердия

и времени, то можно бы сделать из моей жизни с Лялей книгу, каких не бывало на свете.

У нас теперь впереди переезд Барютиных к нам. Неужели будет наконец-то Ляля освобождена от чуждого ее природе домашнего хозяйства, неужели она всерьез будет работать со мной.

В маленьких рассказах очень часто автор, как Нарцисс, любуется сам собой. Микитов, например. Из-за этого читать невозможно: прямо чувствуешь, как он наслаждается собой, пригоняя словечко к словечку.

22 Декабря. Суббота. Туман еще теплей, чем вчера. Вечером придет Щекин-Кротов читать свою статью о мне в «Новом мире».

23 Декабря. Пять с половиной утра. Едем на охоту с заводскими. Вчера был Щекин. — Вы в Бога верите? — спросила его Ляля. — Нет, — ответил Щекин. — Не верю. — Если не верите, — сказала Ляля, — то как же вы разрешаете себе вопрос о личности? Умрете и... — Лопух вырастет. И вообще, личность — это случайное сплетение нервов. Нет, не верил я, не верю. И не хочу верить. — Отчего же не хочу-то? — Да вот жена умирала у меня, и тоже так, хватается за Бога. — Веришь, мол, веришь? — Нет, нет, — говорю, — не верю. — Как это не веришь, как это жить можно без Бога? — Можно, — говорю, — и тебе не советую теперь думать об этом, брось. А сам думаю: ну, уж если схватится за Бога, то наверно умрет. — Нет, нет, — говорю. — Да как же, — хватается. И я ей до конца: — Нет, нет. Так она и умерла.

Когда Щекин ушел. — Какой-то нынешний Базаров, — сказал я. — А может и просто провокатор, — ответила Ляля. — Нет, не думаю, он никак не провокатор, а скорее всего его неверие даже не базаровского происхождения, а дворянского: игра эта была у либеральных дворян, это рудимент вольтеровских времен. А может быть и сам Базаров через Тургенева извлечен из тех же недр.

После охоты и после отдыха до полночи. Можно любить, не ценя того любимого человека? Наверно, можно. И можно ценить не любя? Это часто бывает. А я свою Лялю как люблю, так и ценю: она у меня дорогая.

На охоте было +1. Снегу в лесу порядочно, ходить тяжело и жарко было в шубе. Едва ползал. С утра, когда еще снег был не тайкий, на березовых веточках везде висело по капельке. Не оттого ли, что у дерева есть свое тепло. Я так устал, что подумывал вообще больше не охотиться: невмоготу. Но к вечеру я единственный из шестерых убил зайца, и тут вдруг вся усталость прошла. А потом, когда выпил водочки — и порядочно — всю усталость и старость мою как рукой сняло. Есть еще порох в пороховнице.

Пейзаж. Высокие, прорванные вымоинами холмы над ручьем. На холмах березки, частенькие, полукругом по небу, и так сходят вниз, а внизу по извилистому ручью на том и на этом берегу ольха. И деревья ольховые и кусты с той и другой стороны сходятся наверху. Смотришь и думаешь о том времени, когда позеленеет. Чуть бы побольше ручей, как Кубря, и можно бы на лодочке ехать: как это прекрасно бывало: тут тебе и сережки ольховые, еще не опали, и уже зеленые листики, и зацветает черемуха, и соловьи поют, а комар еще не вылетал. Ну вот дальше: теперь ручей бежит подо льдом, и лед и снег желтые, кое-где черная вода прошибает и слышно журчит. Нашел переход, перешел человек, его выдержало, а я всем валенком бух, не выбрался и руками за сучья, и за частые стволы, вскарабкался вверх. А там вырубка и поросль, за вырубкой большой еловый лес стеной, и там слышен гон.

С нами ехал цеховой мастер, был очень тих, но когда выпил, то завеселился и заговорил, и все матерным словом, и каждый раз после этих слов: извиняюсь, Михаил Михайлович. — Да, не извиняйтесь, — сказал я. — Один мужичок меня всерьез просил отучить его, ну, я ему и запретил. — Каким же словом? — Ну, — говорю, — есть такое

слово. Даром его не говорю. Сказал слово. — Ну, и перестал? — Перестал. А через два года встречаю, и хуже прежнего. — И что? — То и есть, что хочу тебе сказать: трудно отвыкнуть.

Сколько тут смеху было. Как дети.

Я сказал на ходу: вот времечко, чтобы необходимую часть с завода достать, нужна целая воровская организация. Ух, как же они хохотали. И я понял: они и были эта организация. Один нам сказал: годика полтора, наверно, придется еще пользоваться этой организацией.

24 Декабря. Сделал в Кремлевке последнюю процедуру ионизации спины. Кажется, мало помогло. Но по-вчерашнему убедился, что охоту могу выдерживать, при усталости могу и выпить и что все это на пользу. В Кремлевке встретил Семашко. Он указал дом отдыха Болшево. Поедем на февраль.

Помолись, друг, чтобы луч света, блуждающий в пространстве, попал на тебя, и люди на тебе увидели божественный свет.

25 Декабря. Вот так и начинается не установленный для всех, а свой новый год: когда день прибывает, и, конечно, тут и Рождество, посвященное празднику света разума.

Ездил с Лялей в Сокольники к болящей теще. Вид ее неважный. Может быть, оттого, что очень скучно лежать.

26 Декабря. Простудился, сидел дома. Были Игнатовы и Володя Елагин.

27 Декабря. Близится Новый год, стали искать, с кем бы можно было встретить, и нашли одних Реформатских. Другие или слишком серьезны для «языческого» праздника, или скучны.

28 Декабря. Три дня болел гриппом и не выхожу из дому. Сегодня был у меня Огнев, профессор, лауреат, зоолог, сохранивший в себе ребенка. — Симпатичный, — сказала Ляля, — но он, наверно, не настоящий профессор? — Самый настоящий. — И написал много книг? — Очень много.

Но как это у нас так получилось, что не с кем и Новый год встретить: ее друзья для языческого праздника слишком христианки, мои легкомысленны. И хочется, чтобы хоть кого-нибудь к празднику Бог послал. Но скорее всего все это пустяки, блажь, и мы отлично проведем время вдвоем.

Но как жутко теперь, сытому, вспомнить то далекое время в трущобах района Петербургского Лесного института, ту елку с умирающим ребенком! Можно ли быть человеку более несчастным, чем был я тогда!

30 Декабря. Подсыпает мелкий снежок. Сегодня и завтра посижу еще дома.

Довоевались до атомной бомбы и теперь все ее боятся. В сущности, это совершенная случайность, что бомба попала в руки США. Не выпусти ее немцы из рук, теперь на скамье подсудимых сидели бы союзники.

Вот это что-то, какое-то зло, вовлекающее человека в себя в обезличенном виде как человечину, и есть существо атомной бомбы. Начало этому процессу освобождения человека от личной морали (слова Гитлера: совесть это химера) находится в самых корнях так называемой «цивилизации» (механизации).

У нас эта сила зла — обезличивание процесса, подобного атомному, личность как атом вращается сама по себе, но при выпрямлении дает общую энергию.

Выпрямление движения атома с одной стороны (США), выпрямление движения личности с другой (СССР).

На одной стороне атомная энергия, на другой душевная (существо коммунизма).

В США открыли атомную энергию, у нас душевную.

Победу русских в США понимают как чудо, но это «чудо» объясняется открытием общественной душевной энергии. По-видимому, в этом выпрямлении душ под

огромным давлением происходит нечто иное, чем в простой механизации душ, как было у немцев.

Немецкая душа, попадая в военный механизм, оставалась прежней в своих возможностях: немец легко рассчитывал на свое обогащение. Русский, уходя на войну, все бросал и ни на что не рассчитывал (тут индивидуально каждый был нигилистом: нет ничего и никаких).

Немца ждали те же наши русские немцы, а воевали нигилисты.

Вот чем и объясняется обычное наше бытовое противоречие: Мишка, 19-летний мальчишка уходит на войну немцем, а там делается героем-нигилистом.

Сюда же пример: Ваня служит на автозаводе механиком, я же владелец машины, я дрожу над сохранением какой-нибудь части машины. Ваня швыряет ее в утиль: он может взять ее из общего добра, я же должен купить.

Нам кажется, что личная бережливость, личный уход за вещами и личный труд есть источник ценностей. Мы думаем, что без этой личной дисциплины невозможно создать общественной ценности.

Но оказалось, что можно, и вот это для Америки чудо: ничего не имущие нигилисты вместе могли создавать ценности и побеждать.

Чудо объясняется открытием особой общественной энергии душ.

Ленин, вероятно, это знал и на этом знании строил свои теории. А в Ленина вошло это знание через нашу культуру нигилизма (взять, напр., «Правду» Некрасова и в ней увидеть «Правду» Ленина).

Был Огнев и напомнил наш спор давний: я говорил, что мы с немцами соединимся и войны скоро не будет между нами, он говорил: будет война. Почему я ошибся? Потому что Огнев никогда не был революционером, и эта революционная русская этика стала на пути развития моей личности.

Бросив революционную этику («правду»), отдаваясь личному творчеству, я в глубине души постоянно чувствовал толчки той эпохи («правды»). Да, в сущности своей,

мое-то личное дело еще больший нигилизм, чем борьба революционера за общую правду. Тогда как проф. Огнев мог на все смотреть по-профессорски.

Я ведь по правде личности боролся с правдой большевиков, я был далеко впереди их даже в силе своего «нигилизма», но они тащили за собой вагоны масс и дурачили их, как политики, мой же мотор летел без вагонов.

Тут вот и произошла моя ошибка: я позволял цеплять на свой мотор вагоны какие-то другие. На этом чувстве необходимости спасения личного начала в человеке я построил себе веру в высшее назначение западной культуры. Оказалось, это неправда: ничего высшего, определяющего движение новой этики, там нет. Там — только атомная энергия, тут — общественная сила душ.

Теперь я знаю: эта наша сила больше, чем та и она победит. Мой основной личный путь остается тем же, но теперь мне больше не мешают чужие вагоны: мне теперь будет много легче.

Если я упал в воду — я буду плыть в определенное географией место к берегу. Так точно, если я попал в огонь, то буду из него выбиваться, или, взяв руль, я буду в цепи поступков, обусловленных машиной и дорогой. И так точно встреча с женщиной определяет мою жизнь, как если бы я упал в воду и мне надо было плыть. Так вот и скопляется со всех сторон это Надо против внутреннего Хочется личности. Может случиться даже, что существо личности скажется именно в том, что она будет делать не то, что Хочется, а только что Надо. И это Надо сделается правдой, а то что Хочется станет как неиспытанное счастье с вопросом: не обман ли это счастье? Но эти уступки счастья личного какому-то Надо носят высокоморальный характер лишь при условии, что совершаются свободно: сам я это понял и уступил. Но если это Надо приходит со стороны, как принуждение, то свободное Надо самой личности вступает с тем властным Надо в борьбу.

В.В. Ульрих — имя, которое нельзя произносить всуе. Сталина хоть можно хвалить, но У. ни бранить нельзя, ни

хвалить. Это секретное имя, связанное с чем-то временным, преходящим, но в данный момент необходимым. Так бывает, и домик необходимости прячут где-нибудь в саду и даже имя его (нужник) считают неприличным. Между тем Ульриха я знал мальчиком 8 лет с длинными черными ресницами. — Я вас узнал, — сказал я. — Нет, — ответил он, — я свои детские карточки знаю — ничего похожего. — А как же ресницы, — сказал я, — у вас и теперь они тоже длинные. — Это да, — согласился он, видимо, очень довольный. И еще бы! Кому, кому, а уж Ульриху-то наверно пришлось уйти от своего внутреннего «Васи» на какое-то неизмеримое расстояние. И вдруг кто-то говорит ему (палачу) о Васе с длинными ресницами...

31 Декабря. Я как-то не осуждаю Ульриха, мало ли что может быть с человеком, мы тоже все зарастаем, и наше детство остается у нас под глубокими наносами, и в каком-то смысле мы все палачи. Но это дитя в себе для всех нас есть самое лучшее, самое святое, в этом дитяти с ресницами и мама, и птичка, через это самое мы любим детей и в этом смысле мы говорим: будьте как дети.

Мы вырастаем все из жестокости. Вспомнить соловьиную мать в кустах акации, как я ранил ее из рогатки дробинкой, как отрывал головы молодым дроздам и расстреливал из рогатки зябликов. Мы родимся хищными зверями и постепенно вырастаем из этого как люди: растем и добреем, прорастая жестокость природного зверя.

Но какое противоречие. С одной стороны, эта близость зверя к себе при воспоминании детства: хочешь чувствовать непосредственно зверя — вспомни себя как ребенка. С другой стороны, это наша внутренняя святыня и «будьте как дети».

По-видимому, это противоречие есть берега — та сторона и эта сторона бегущего в вечность потока нашего сознания. Чем дальше, тем все шире и шире поток, чем дальше, тем дальше исток наш — рай без границы добра и зла, и «будьте как дети», вероятно, так и надо понимать в

этом смысле: будьте живы в добре своем, не спотыкайтесь о зло, будьте так же свободны в границах добра, как дети свободны по ту сторону зла и добра.

Читаю — оказалось в первый раз! — поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Я ее в детстве слишком рано читал и ничего не понимал. А теперь прочитал при свете пережитого и, Боже мой! Какая это скорбь, какие слезы, какая правда и какая революция! Диву даешься, как люди могли, прочитав это, спокойно устраивать свою жизнь в деревнях, как могли они растить свои виноградники, уже видя своими глазами, какой выходит чад и смрад из вулкана.

Вот и пришло наконец-то равновесие политического сознания. Чувствуешь, что ничего-то, ничего и совсем ничего другого, как у нас теперь, и не могло быть при таком прошлом русского народа.

Если у тебя возникает на что-нибудь раздражение, с готовностью обвинить — какие-то «они», то помни, что «их» нет, что это химера, возбужденная особыми микробами, исходящими от людей, общее имя которым мелкий бес. Помни «ЦК» — химеру, создаваемую такими как Юнович и пр.

Крупные птицы, журавли хотя бы, совершая свой перелет на север из Африки, несут на себе тысячи всяких паразитов, причиняющих им боль. При усталости большие птицы начинают очень страдать и понимать совокупность всей несомой ими мелочи, как врагов. Но крупные птицы знают лишь крупных врагов и теперь, чувствуя боль и не видя самих врагов, страдают не так от боли, как от того, что враги невидимы и невозможно с ними сразиться...

Но какая всю жизнь у меня злоба на «они» — через всю жизнь! Взять Розанова, взять критиков и т. д., везде и всегда раздражение, уныние, угнетенность, подавленность. Кончается тем, что проходит, и тогда оказывается, что

«их» вовсе и нет, а есть микробы моей усталости и вообще слабости.

В «Кащеевой цепи» учителя не были в действительности плохи так, как я их изобразил. Учителя были «они», не больше.

Стоит мягкая погода с порошей. Попробовал начать выходить. Ляля ездила на Тишинский, купила рукавицы, продала туфли. Новый год встретили вдвоем, и хорошо.

КОММЕНТАРИИ

Михаил Пришвин ведет дневник всю свою писательскую жизнь. Первые дневниковые записи появляются в 1905 году, когда он, глубоко и безысходно переживая любовную драму, записывает на клочке бумаги несколько строк – перипетии своего романа. Он еще не писатель, но уже начинающий петербургский журналист и любит встреченную в 1902 году в Париже девушку, Варю Измалкову, как художник, сложно и безрассудно, хотя художником себя еще не осознает. Эти строки оказываются началом его пути в литературу, вступлением к одному из, быть может, самых неожиданных и интересных произведений русской литературы первой половины XX века – его многотомному дневнику. Он пишет, чтобы не сойти с ума от любви и найти выход из глубокого личного переживания («***25 Июня 1944.*** *Вот вспомнился главный родник моей поэзии и писательства. Я окончил в Лейпциге агрономический институт, готовился служить в России агрономом, и ни малейшей мысли не было у меня о писательстве. <...> Поехал поглядеть на Париж и влюбился. <...> И вот когда эта слепая любовь взрывом своим отбросила меня далеко в сторону, то, очнувшись где-то, я нашел у себя в кармане какую-то бумажку, какой-то карандашик и начал на ней записывать свой роман <...> без всякой лирики, без всякого личного отношения, раздумья, оценок. Это была регистрация места и времени (даты) непонятного огромного события в моей личной жизни, меня куда-то повело по пути страданий к блаженству. И вот эта-то первая попытка регистрировать даты события и была началом моего писательства <...>*»). Так будет и впредь: тематически дневник писателя определяет жизнь. Но и психологическая подоплека очень важна: облегчение, которое он впервые неожиданно почувствовал, когда в ситуации личного краха начал писать, обозначило начало пути. Дневник – это выход, спасение, способ сохранения личности, выживания, пространство, где он, несмотря ни на что, остается свободным, где ведет разговор с самим собой. Постепенно складывается способ

писания: день за днем писатель заносит в дневник события личной и социальной жизни, выбирая из потока времени то, что в это мгновение кажется ему интересным и важным – любовь и творчество, природа и охота, война и революция. Дневник дает Пришвину возможность в тяжелейшие, беспросветные годы не бросить писательство, не уехать за границу, не покончить с собой, а заниматься своим делом – утверждать и отстаивать жизнь на земле в своем слове.

С одной стороны, жанр дневника навязывает жесткий календарный способ организации текста, но с другой стороны, это природный ритм, в который Пришвин – как писатель и как человек – на удивление органично включен. И, проживая жизнь в этом ритме, он чувствует не зависящую от вездесущего государственного пресса свободу и неподвластные этому прессу смысл и радость жизни. В военные годы, как и всегда прежде, он обретает второе дыхание, обновляется душой, черпает силы в природе. Никогда не подводит лес, небо над головой, собаки, воробьи, – они всегда полны жизни, которой каждую минуту готовы поделиться («***11 Января 1945.*** *<...> долой с глаз человеческих <...> чувствую, как отхожу, но в то же время отхожу с решимостью непременно <...> вернуться к людям с любовью и милостью. <...> Вот теперь бывает, в луче зимнего солнца на московском деревце соберутся тесно воробьи и, чувствуя в зимнем луче поворот на весну, щебечут все до одного так мило, так мирно. И бывает, я это услышу, прислонясь к стене разбитого дома, и так мне станет чудесно, и я тогда знаю и вижу, каким я к людям вернусь*»). И, открывая ранним утром на «темнозорьке» очередную тетрадку, он уверен, что прошедший день встает перед его внутренним взором в своем истинном смысле и значении. Пришвина не пугает борьба с социальными запретами писать на те или иные темы (содержание) или с культурными нормами (форма), он пишет то, *что* кажется ему самым главным, и так, *как* в эту минуту он может и должен об этом сказать. Это относится не только к дневнику, но и к его художественным произведениям. Пришвин считает, что это естественная для художника борьба, из которой он должен выйти победителем («***5 Января 1944.*** *Поэзия и вообще искусство с гражданской точки зрения есть поток мыслей и чувств от неволи к свободе <...> искусство предполагает неволю, иначе некуда было бы потоку бежать. И мы видим, действительно, что рабство не мешает являться художникам, рабство, бедность, даже болезни. <...> И диктатура не принесла*

бы вреда поэзии. Искусство погибает от неверия и подмены (когда нас начинают уверять, что из стекла можно делать бриллианты, Искусство погибает)»). Значит, возможно все, невозможна только имитация правды — не получатся из стекла бриллианты, не выйдет творчества на заказ с заранее известным, идеологически востребованным результатом. Пришвин абсолютно точно знает, что неспособен двигаться по этому пути, отдавая первенство за чечевичную похлебку. И дневник предоставляет ему уникальную возможность оставаться свободным вопреки реальности: обманываясь, ошибаясь, проваливаясь и снова выбираясь на поверхность, он ведет свою неустанную борьбу с временем, начиная каждый день с верой и надеждой с чистого листа («***14 Января 1953.*** *Пишу оттого, что не могу удержать в голове и сложить, соединяя, проходящие отблески жизни – какой-то единой, большой. С пером в руке, как с костылем...*». РГАЛИ).

Осмысление Великой Отечественной войны в современном общественно-политическом дискурсе так или иначе все еще остается в кругу известных проблем: социализм – фашизм, Сталин – Гитлер, внезапность нападения Германии, ошибки военного руководства и лично Сталина, которые привели к необратимым катастрофическим потерям людей и техники в первые месяцы войны; героизм солдат и офицеров на фронте, рабочих и колхозников в тылу; роль союзников, открытие Второго фронта и др. Все это обсуждается и в военном дневнике Пришвина. Однако он поднимает еще целый ряд проблем как политического и экономического, так и морально-этического и религиозного характера.

Дневник Пришвина двух последних военных лет, 1944–1945 гг., полон размышлений о грядущей судьбе России и мира, о смысле Второй мировой войны. Эти годы проходят в преддверии и ожидании победы над нацистской Германией, но сразу после победы среди всеобщего ликования Пришвин с ужасающей трезвостью обнаруживает в жизни признаки будущего, в котором нет движения, нет мысли, нет радости, нет света, нет людей. Как это уже не раз бывало, на пределе переживания, на переломе к Пришвину приходит сон, в котором реальное и ирреальное смешиваются и взаимопроникают одно в другое. В сновидении душа, лишенная всего субъективного, личного, соединяется с народной трагедией и судьбой («***7 Июня 1945.*** *Недавно сон видел, обоз идет, а колеса не движутся. Как это похоже на жизнь нашего времени. Такое блестящее положение государства,*

а людей нет»). С присущей здравому смыслу трезвостью Пришвин видит очевидное и пишет, не думая о том, как это может выглядеть в глазах настоящих или будущих судей («***11 Октября 1945.*** *После войны время у нас будто остановилось. Радио не слушаю, газету читаю невнимательно, зная, что там нет ничего. <...> Всякое движение мысли в обществе остановилось*»; «***20 Октября 1945.*** *Как мучились во тьме на улицах во время войны, и вот теперь окна открыты, светло: муки забыты, но и радости почему-то нет <...> мне кажется от того, что окна разума нашего плотно завешены, и без этого света не может радовать человека тот уличный свет*»; «***9 Ноября 1945.*** *<...> людям стало хуже после войны: тогда все ждали, когда война кончится, теперь ждать больше нечего*»). Между тем в первый же месяц войны в дневнике писателя – как будто из всей глубины труднейших послереволюционных лет, вопреки страшной военной реальности 1941 года – возникает неожиданный загад: война – предвестник перемен («***11 Июля 1941.*** *После возможной победы нам будет непременно легче: <...> не будет такой большой необходимости в принудительной силе <...> некоторое время будут держать голос фронтовики <...> к нашей дикой революции присоединятся культурные народы и смягчат жестокость коммунизма*». Дневники. 1940–1941.С.510). В реальности все пошло против этих надежд и ожиданий, основанием для которых была, казалось, сама жизнь – победа в войне. В то же время Пришвин видит, что после победы, которую выстрадал Советский Союз, в мире естественно распространяется и усиливается сочувствие социализму, происходит укрепление международного положения СССР и международного авторитета Сталина («***19 Января 1945.*** *<...> Сталину смело можно будет приглашать иностранных свидетелей на свободные выборы: не за страх, а за совесть под звон колоколов выберут Сталина*»). Победа в войне сделала социализм непреложным фактором мировой истории, с которым приходилось считаться и которому невозможно было что-либо противопоставить: ни одно демократическое государство не смогло реально противостоять нацистской Германии. Это не означает, что писатель оказывается на стороне государства и Сталина («***21 Января 1945.*** *<...> народ побеждает, а не партия*»), однако с краю, с обочины широкой общей дороги ему видна и другая сторона – та, на которой власть («***26 Июня 1944.*** *Победил русский народ немца, и, конечно, в состав народа этого входит как часть организующая воля большевиков...*»; «***7 Декабря 1944.*** *Создает-*

ся победа на войне, потому что там с каждой личности, солдата или маршала, снимается все ... личное, как шинель, и вешается на общую вешалку славы под именем Сталина, и это имя Сталин есть общее имя над братской могилой миллионов убитых неизвестных людей. Так, обезличиваясь, ложась в могилу, каждый содействует росту государственной власти»). Пришвин прекрасно понимает все, что имеет в виду американский журналист и дипломат Уильям Буллит, когда в 1944 г. убеждает президента Рузвельта в том, что Советский Союз – агрессивная и экспансионистская держава, почему и необходимо вывести союзнические войска к восточным границам Европы. В советских газетах его называют «врагом мира», «обанкротившимся шпионом, делающим карьеру на грязной антисоветской работе», а его утверждения – «бредом сивой кобылы» (*Спивак Л.* Одиночество дипломата. Н.Новгород: Деком, 2011). Отповедь, которую дает Буллиту Пришвин в своем дневнике, кажется, перекрывает все сказанное о нем в прессе, хотя представить себе этот текст опубликованным невозможно («***5 Сентября 1944.*** *А что ты, Буллит какой-нибудь, можешь противопоставить социализму – твое личное мнение? Это мы, батюшка мой, поумнее тебя, с самого начала противопоставляли... что сила власти этой на три дня, потом на месяц, потом на год, на два, на три, потом, что немцы придут* <...> *Мы-то испытали все, весь ад, всю каторгу жизни, можем по опыту нашему вам кое-что сказать и даже совет дать. Большевики ясно сказали в отношении всей современной цивилизации (они это называют "капитализмом"): нет! А вы на это отвечаете не личным мнением, а всеобщим "да", отвергающим это всеобщее "нет". Боюсь, что когда вы соберете это свое "да" и обратитесь к "нет", то его нигде не найдете, ни в большевиках, и нигде.* <...> *Вот почему мы здесь, пережившие каждый свое воинственное "нет", на всеобщее "нет" большевиков и собираем не войну, а молитву*»). Получается, что на месте тотального отрицания, на месте такого уверенного многозначительного «нет» – на самом деле ничего нет и быть не может, там пустота, химера, там нечего искать и не с чем воевать. И потому спасение, по Пришвину, только в молитве о том, чтобы заполнить жизнью эту пустоту всеобщего большевистского «нет», сказанного «всей современной цивилизации», т. е. жизни в той форме, в какой она реально существует. А спустя два месяца после победы в дневнике писателя победивший Сталин олицетворяет уже метафизическое зло, пронизывающее тысячелетнюю историю и душу каждого

отдельного человека («то, что он теперь есть – то было вечно»). И вновь – что можно противопоставить абсолютному злу? Писатель уверен: только тайную свободу, чудо явления божественной силы личности, за которой стоит тоже тысячелетняя христианская культура (***«23 Июля 1945.** Сталин – это грузинский кувшин с русской кровью, это теперь такой же русский человек (скорее – русское явление), как и Петр I. Мало того! Теперь и себя нельзя понять без С. "С." в себе – это входит в состав моего собственного "Я". Сталин – это корректив нашего послушания, это необходимость и свобода, или "я сам" есть С. как осознанная необходимость. Лицо С. начинает походить на образ тысячелетнего дерева Тисс (видел где-то в Чуфут-кале), и то, что он теперь есть – то было вечно. Какой смехотворной манной кашей с малиной является нам теперь наша прежняя дворянская "земская" свобода. Имея в виду образ Сталина, свободу я понимаю как тайну личную, имеющую выражение только в чуде (понимая чудо как явление божественной силы, т. е. не я, а Бог). Только в зеркале Сталина я вижу себя как начало божественной силы»*). Что же касается института государственной власти, писатель лишает ее сакральности и возвращает на землю, разоблачая один из устойчивых мифов народного сознания (***«1 Декабря 1945.** <...> сказано, что нет власти "аще не от Бога" <...> не в том смысле, что каждая власть исходит от Бога и ты подчиняйся чучелу в огороде»*).

В течение 1941–1942 гг., начиная с самых первых месяцев войны, Пришвин отмечает, как поднимается и растет в народе волна патриотизма. Писателю удается уловить суть этого сложного чувства, которое все меньше и меньше зависит от отношения к советской власти и революции. Мало кто в годы войны мог не понимать, что советские люди защищают не власть, а прежде всего свою землю, свою семью, свою жизнь и свободу (***«21 Января 1945.** <...> о себе могу записать, что как бы там ни было, а "патриотизм" какое-то стадно-баранье чувство и в моей душе при победах не поднимается»*). Но в конце войны стало очевидно, что Сталин – более чем когда-либо прежде – представляет в глазах всего мира не просто государственную власть в стране, а, кажется, саму страну. Пришвин понимает, что причина тому – не только военная победа (***«14 Декабря 1945.** Фашизм Гитлера не обнимает всего германского народа, но жестокость, прямолинейность, наивный эгоизм высшей расы определены германским народом. Так точно и большевизм: "мы" – не большевики, но они*

нас представляют, потому что мы их допустили и через это они стали "мы"»). Между тем сталинский вариант окончания войны лишает страну и мир надежды на новую жизнь. Из недр истории возникает в дневнике азиатская гуннская орда, чей вождь Аттила, символ варварства и жестокости, был назван христианами «бич божий». Этой-то воинственной орде писатель и уподобляет победивший и распространяющийся в мире социализм («***1 Июля 1945.*** *... я чувствую сейчас мировую густоту: ни у кого нет ничего прочного в лицах, никто не может ни за что постоять, ни на кого нельзя опереться. И только наплывающий социализм есть факт несомненный. Но что это? В лицах тут уж нет совсем ничего, тут все в массах: социализм наплывает как гунны. Взять это движение в руки, как думал Рузвельт и теперь Трумэн, невозможно, и их "Бог" тут бессилен*»). Как когда-то нашествие гуннов изменило политическую карту Европы, так и теперь, в понимании Пришвина, в мире происходят новые тектонические сдвиги («***17 Января 1945.*** *Вдруг взяли Варшаву... Чувствуем, пошли на Берлин, двинулся весь фронт. – А ты как думаешь, возьмут Берлин союзники? – Вполне возможно. И это необходимо, иначе будет плохо*»). В дневнике часто возникает диалог – разговор с самим собой. Иногда автор действительно обращается к себе – «Михаил», иногда «собеседник» скрыт: то появляется какой-то Мурзилка, то некий N, а то вдруг Пришвин чувствует внутри себя, как «какой-то Сам говорит с каким-то Собоем». Это происходит постоянно и дает возможность автору как бы раздвоиться, чтобы столкнуть противоположные точки зрения, ввести в текст реальный диалог («***20 Сентября 1951.*** <...> *эти дневники пишутся с целью самопознания и* <...> *процесс писания* <...> *есть разговор с самим собой*». РГАЛИ). Хотя часто и в монологической речи звучит не только голос автора, но и голос другого.

В течение 1944–1945 гг. определилась политика Сталина в отношении стран Восточной Европы. Интуиция не подводит Пришвина: он понимает, что в Европе идет образование просоветских государств, на глазах совершаются эпохальные культурно-политические трансформации – сгустки будущих противоречий («***1 Августа 1944.*** *Начинает мелькать перспектива на будущее: наши победы за границей будут сопровождаться формированием новых членов СССР: Польши, Чехии, Румынии, Югославии и самой Германии. Войска союзников станут постепенно убежищем контрреволюции, и так возгорится новая война, быть может, и до конца столетия*»; «***3 Апреля 1945.*** *Новая эпоха после войны*

началась разделом земли в Польше, в Румынии, и так, вероятно, и дальше пойдет: черный передел Европы»). Что же касается фронтовиков и их роли в послевоенной общественной и культурной жизни страны, то и тут уже в первые дни мирной жизни государство демонстрирует, что военные заслуги не спасают от произвола власти («***16 Мая 1945.*** *Говорят, что некоторых героев из армии Рокоссовского – бывшие "бандиты"* – возвратили к работе по специальности и некоторые уже сидят в тюрьме*»).

В июне 1944 года союзники вступают в войну – реакция Пришвина на Нормандскую операцию следует незамедлительно. Он мгновенно понимает: дело не просто в том, что это современная, технически хорошо оснащенная армия, а в принципиально ином отношении к солдату – к человеку, в противоположном советскому стилю управлении войсками («***9 Июня 1944.*** *Вторжение в Европу Нового Света лично для меня демонстрирует машину (11 тыс. действующих самолетов) на службе человеку для защиты его жизни. (Это явилось по сравнению с нашей "героической" борьбой.)*»; «***16 Июня 1944.*** *Теперь наконец-то я понял причину скептического отношения к союзникам. Причина заключается в моральном чувстве от ужасных страданий, принятых на себя народами России. Мы ищем компенсации нашей жертвы, а союзники вместо жертвы берут в руки карандаш, вычисляют и вместо жертв людьми дают машины, делающие жертву ненужной, бессмысленной. – Как бессмысленной! – орет душа российская. Между тем это факт: все величие, вся необычайность и особенность исторического вторжения состоит в том, что человек США сделал машину орудием спасения людей*»). Кроме надежды на военную помощь в связи с долгожданным открытием Второго фронта, все вдруг почувствовали возможность перемен в общественной жизни («***9 Июня 1944.*** *Говорят о бесцензурном американском кино и что "Вестник Великобритании" будет выходить в 50.000 тираже. Пахнуло свежим воздухом, но все боятся и только перемигиваются*»). Но поведенческий код не меняется, страх остается, что вызывает сомнения в возможности кардинальных изменений в культурно-исторической ситуации

* В 1943 году из числа бывших заключенных и тех, кто побывал в плену, был сформирован 8-й Отдельный штрафной батальон, прозванный немецкой пропагандой «Бандой Рокоссовского». Считается, что действия бойцов батальона отличались не только храбростью, но и нестандартными решениями боевых и технических задач.

в Советской стране. Одновременно через американское кино с его принципиально «простой историей» Пришвин слышит иной посыл, противоположный русской культурной традиции («***26 Ноября 1944.*** *Смотрел американский фильм и понимал в себе, что там у них совсем иная жизнь, чем наша, или вернее – может быть, не в жизни дело, а что их публичное искусство имеет свои определенные формы, для всех обязательные, но для нас чуждые и неприятные. Наше искусство таит в себе надежду автора открыть всем на что-то глаза*»).

Между тем война не только обнажила пустоту советской идеологии, ложь и фальшь, пронизывающие всю общественную жизнь, но и раскрепостила человека. В повседневной народной жизни, в церкви, в литературе, на фронте – повсюду возникало живое общение во взаимоотношениях между людьми, которое казалось исчезнувшим или необратимо изуродованным в тридцатые годы. Война подвела черту под прошлым России, вдохнула жизнь в застывшие формы общественной жизни и парадоксальным образом сделала социализм реальностью («***26 Марта 1944.*** *Выступали у пионеров в Сокольниках. Чудесные лица у детей. Думал о разрыве времен (Федин понимает это так, что со смертью Льва Толстого произошел полный разрыв нравственной связи русского общества). А я думаю, что на место слова стало дело и это дело <...> перешло к большевикам (правда), т. е. что вначале было слово (Л. Толстой), и слово стало делом*»). Пришвин начинает понимать советскую культуру, которая вопреки всему прорастает новыми смыслами – и новыми лицами. Ему открывается то хорошее в советской действительности, что было не связано с государственной политикой, идеологией, властью, а возникало без всякой рефлексии, напрямую от веры в повсюду звучавшие слова – рождалось в той среде, которую так или иначе не задели репрессии, или там, где люди находили в себе силы жить и работать, преодолевая невозможное. Пришвин понимает, что война и уже забрезжившая победа завершили еще один этап в строительстве нового общества. Сам же он в свете победы вновь и, кажется, с новой силой почувствовал пустоту большевистского проекта строительства нового общества: мчались вперед, готовились к войне – все это с огромными, ни с чем не соизмеримыми жертвами – воевали, почти победили и вот приехали – как оказалось, сами не зная куда... И на вопросы, что теперь делать и кто виноват, где мы и кто мы, ни у кого нет ответа. Никто и не думает о реальности, вокруг создаются новые

мифы («***31 Августа 1944.*** *Как будто везли нас, везли 27 лет в запломбированном вагоне с закрытыми окнами, и вот теперь наконец после победы мы выходим и оглядываемся. Оказывается, что на кого мы сердились, кто нас сторожил и не пускал, кто гнал паровоз, и все вообще наши начальники так же, как и мы, ехали не по своей воле, и еще больше! в конце концов, никто не знал, куда мы несемся*»). И Пришвин не может не думать о том, до какого предела способно довести страну дальнейшее развитие советской модели социалистического общества, в котором идет размывание или даже полное исчезновение культурной коммуникативной и мыслительной сферы («***14 Февраля 1945.*** *Есть две основные власти, это власть мысли (логос) и власть бытия. Степень преобладания той или другой силы определяет характер исторической эпохи. А то, что мы называем культурой – это, вероятно, есть сумма редких моментов согласия власти мысли с властью бытия. Библия потому величайшая книга, что жизнь человека в ней представлена под влиянием этих двух сил: в Ветхом Завете преобладает власть Бытия, в Новом – власть Мысли. Социализм – это новая эпоха, потому что по-новому властвует в ней Бытие. Что же касается Мысли, то она почти совершенно не движется. Если так будет долго продолжаться, то движение сознания прекратится и наступит одичание. Сейчас еще теплится Мысль возле страдающих, но если новая эпоха принесет освобождение от голода и страха, то человек обратится в скотину. Мы этого, однако, не думаем, потому что "праведников" (т. е. личностей) достаточно в обществе, чтобы в решительный момент сила Мысли удержала Бытие от разрушения*»). И до, и после революции, и теперь, в конце войны, Пришвин отстаивает устойчивость и преемственность мировой и русской культуры, общечеловеческой нравственности, фундаментальных основ человеческого бытия, непреходящее значение духовного опыта личности («***31 Октября 1928.*** *Реальность в мире одна – это творческая личность*»; «***6 Ноября 1945.*** *Протестуя большевикам, мы защищаем личность человека*». Дневники. 1928–1929. С. 299). Он верит, что личность – это сила, которую, как и саму жизнь, невозможно уничтожить («***1 Января 1945.*** <...> *существо личности есть смысл жизни и без этого смысла невозможно общество*»).

В эти годы в дневнике одна за другой появляются записи о разгроме Германии. Пришвин видит ту же самую человеческую трагедию, какую пережила Россия: «маленький человек», втянутый в «большую войну» («***13 Ноября 1944.*** *Пришли слухи*

*из Восточной Пруссии, что наши приступили к возмездию»; «**31 Января 1945.** Вторглись в Бранденбург. Народ немецкий переживает то же, что и мы пережили»; «**2 Февраля 1945.** Вот пишет из-под Кенигсберга один корреспондент, что немцы все ушли с мест в Кенигсберг и дальше. Только вот идет один старый немец со старухой, идут обратно, и у них санки, и в санках ребенок. Это они опоздали уйти и их вернули обратно, и вот они теперь идут, и им недолго идти...»*).

Мотив возмездия впервые появляется в дневнике Пришвина в 1917 году и перекочевывает в очерк «Подзаборная молитва». В тот момент социокультурный смысл возмездия связывался с революцией, когда столкновение культуры, уходящей корнями в христианскую этику, и большевистской культуры окончательно определило смысл нового времени. Мотив возмездия в культуре, по Пришвину, не означает мести, но свидетельствует о невозможности оставаться в сфере христианской идеи прощения – это был пересмотр евангельского понимания мира перед лицом неумолимой истории (*«Раньше у меня было всегда, что понять – значит забыть и простить. Теперь я хотел бы молиться о мире всего мира, а в душе <...> твержу свою подзаборную молитву, обращенную к неведомому Богу: – Господи, помоги мне все понять, и ничего не забыть, и не простить!»* Цвет и крест. С. 116–117). В первые месяцы войны «подзаборная молитва» вновь возникает в дневнике и становится важнейшим мотивом военной «Повести нашего времени» (1945), в которой гоголевская «Страшная месть» сыграла роль литературного подтекста. Однако в течение 1944–1945 гг., по-видимому, не без влияния происходящего на фронте, Пришвин отказывается от ветхозаветного («око за око») возмездия как адекватного справедливого ответа победителей на военные преступления нацизма и постепенно возвращается к идеалу евангельского прощения как достойного выхода из состояния войны (*«**13 Ноября 1944.** <...> тогда, когда мы в Польшу вступили в союзе с Германией, и теперь, после Польши, мы обманывали себя возможностью особенного благородства Красной Армии. Почему рядом с разрушением образа честного и умного немца возникал, как бы в компенсацию потерянного, образ великодушного и мудрого русского?»*). Между тем на повестке дня была как раз идея справедливого возмездия (*«**1 Февраля 1945.** Кто мог бы после немецкого погрома России настроить армию русскую на великодушие и милосердие <...> назовем это хоть "волей народа", или потребностью <...> солдата послать жене своей*

немецкие туфли. Так и разрешено теперь, это и значит, разрешено грабить»). Пришвин день за днем внимательно читает все, что публикуется о ходе Нюрнбергского процесса в газетах – репортажи журналистов и писателей, но интересуют его отнюдь не изуверские преступления, свидетельства и доказательства. Пришвин – писатель, и его в этом мире интересует добро и зло («***14 Декабря 1945.*** *Современность вся сосредоточилась на Нюрнбергском процессе* <...> *читая процесс, нет-нет и подумаешь: – А если бы немцы победили СССР и потом Англию, а Япония бы раскатала на море США, то все эти зверства утонули бы в славе нового дела единого управления всем мировым хозяйством. Так что процесс в Нюрнберге интересен не так немецким злом, как общечеловеческим злом, выступающим при победе у побежденного. Зло-то и там и тут, но за все зло держит ответ один побежденный. Предполагается, что побеждает сила добра: в это верят люди, без этой веры жить нельзя. И вот, согласно этой вере происходит сейчас в Нюрнберге разбор сражения: немцы – носители зла, большая тройка – добра. Так люди творят свой суд. Но вот говорят, что атомная бомба только случайно попала в руки Америки, попади она в руки немцев, победили бы немцы. Значит, морали тут нет никакой, есть случай, а люди, пользуясь случаем, строят свою рабочую теорию жизненной нравственности*»). Пришвин думает о новой послевоенной этической реальности, о культурной подоплеке истории, о глубине зла в человеческой природе, которую обнажила война («***17 Декабря 1945.*** *Белокурая бестия. С диким зверем можно играть, когда он в клетке. Но если он на воле, да еще голоден – никак не поиграешь. Ницше, наверно, думал о звере как о природной творческой силе, заключенной в человеке, а Гитлер по своему обезьянству просто выпустил зверя из клетки и направил его на человека. Не совсем понятно, как эта безумная мысль нашла сторонников. Скорее всего, время такое пришло: время крайней усталости и падения человеческого духа*»). Только после кончины писателя в конце авторской машинописной копии военной «Повести нашего времени» В.Д. Пришвина обнаружила приписку: в новой, измененной автором концовке спор главных героев, солдата-фронтовика и народного правдоискателя, не заканчивается «подзаборной молитвой», но прокладывает пути в будущее – без войны, без возмездия («*Пусть* <...> *Бог найдет тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твое: все понять, ничего не забыть и ничего не простить*». Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 226). В дневнике

Пришвин не делает однозначного вывода, прийти к которому, скорее всего, и невозможно, находясь в пространственно-временных координатах военного времени. Он обращается к природе, к физическому макрокосму мироздания и решает проблему своего времени в полемике с культурой модерна в лице Блока («***3 Декабря 1944.*** *Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне: – Вы достигаете понимания природы слиянием с ней? Если да, то как вы можете туда броситься? – Зачем бросаться, – ответил я. – Броситься можно лишь вниз, а то, что я люблю в природе, то выше меня: я не бросаюсь, а поднимаюсь. Все живое в природе поднимается от земли к солнцу ... и человек, сливаясь с <...> природой, тоже растет, возвышается*»). Общий ассоциативный ряд вновь соединяет человека и природу, образуя сложное современное единство мира. Данность природного циклического времени преобразуется вертикальным движением вверх, увлекая за собой человека. Пришвин не открывает в природе что-то новое – ему дана способность расшифровывать таящиеся в ней смыслы, перекодировать устойчивые нормы, разрушать стереотипы. Он не бросается в природу, он с ней в единстве, он сам в природе – или природа в нем. Писатель говорит на ее языке, свидетельствуя о заданном, упорном, естественном и вечном движении вверх от земли к небу («***12 Ноября 1945.*** *<...> разве зеленые листики помнят о прошлогодних листьях, ставших теперь удобрением. Забыть или не быть, но чтобы им быть, надо забыть*»). «Забыть, чтобы быть» – в художественном мире Пришвина это путь, выход, кстати, очень трудный. В этом он видит фундаментальные свойства общечеловеческой культуры – развитие и рост («***21 Мая 1944.*** *“Повесть нашего времени” <...> неправильна <...> смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни, а не в возмездии <...> эта сила уже исчерпала себя*»). Пришвин рассматривает войну и победу в контексте современной культуры и обнаруживает, что культурная подоплека истории оказывается едва ли не определяющей («***17 Декабря 1945.*** *И вот теперь два мира, тут, в социализме, где мы задыхаемся от человечины, заступившей место Бога, и там, где человека заступило животное, где против социализма – бестиализм <...> Человек отличается от животного не тем, что он делает орудия и царь природы. Наше время показывает, что эта способность чисто бестиальная: у тигров когти, у волка зубы, у человека орудия, способные уничтожить всю планету. Вся разница такого человека от зверя, что*

человеческая бестия сильней просто обезьяньей. Но чем действительно отличается человек от зверя, это единственно своей способностью выходить из времени и пространства, создавать сказку о жизни в некотором царстве-государстве и при царе Горохе. Вот эта способность человека обходиться без времени и пространства единственно свидетельствует о том, что человек есть царь природы. Ницше <...> этого-то царя и знал в себе, но страдал бесконечно, видя его унижение и бессилие. Ницше взялся с отчаяния о том, что слово потеряло силу и по слову нашего современного Авраама огонь вечерней зари не поджигает жертву человеческую, приготовленную для Бога. Вот за этой-то силой Ницше и обращается к зверю. И так вышел зверь сам, заступил человека и терзает его. Время теперь все показало. Время это проходит. И новое время начнется, как старое, той же сказкой священной: "чти отца и матерь свою и люби ближнего, как самого себя". Так все повторяется, все приходит в себя, но круг повторений не совсем точно складывается с прежним, на какую-то чуточку он изменился, и вот эта чуточка выхода из положенного времени и пространства и есть достижение <...> того, чем отличается царь от бестии <...> чем все живое обретает свое лицо»). Дневник зеркально отражает всю сложность жизни, но к зеркальному отражению писатель добавляет еще не заметную в зеркале «чуточку» смысла: война окончательно и бесповоротно перевернула старые представления о мире и человеке и поставила культурную задачу: переосмыслив все, вновь вернуться к культуре – с ее устойчивостью и бесконечным обновлением.

Перед лицом новых вызовов, связанных с появлением атомной бомбы, возникает острая необходимость глубокого переосмысления культуры, поскольку если рассматривать ситуацию в старой системе координат, то на самом деле нет победителей и побежденных, правых и виноватых. Мир бесконечно усложнился и вышел на новый виток сознания, материальным эквивалентом которого и стала атомная бомба (*«**30 Августа 1945.** Открытие внутриатомной энергии приписывается датскому ученому Нильсу Бору. Его теория у нас подверглась осмеянию в связи с тем, что ученый – человек верующий. Супруги Кюри, начавшие движение открытий в этом направлении, были тоже почти святые люди. И так праведники науки привели весь мир к границе самоуничтожения так близко, что папа издал энциклику о конце мира»*). Возникает парадокс, вполне соответствующий этому новому сложному миру: «святые люди» создали орудие

смерти для всего живого на земле, и человечество так или иначе должно искать и найти выход из этого парадокса («***18 Сентября 1945.*** *Общее мнение, что атомная бомба открывает новую историю человечества*»). Все это поставило под сомнение науку и архетипический образ ученого, не просто изучающего законы природы, но открывающего истину, работающего на благо человека и отдающего этому жизнь. «Праведники науки привели мир к границе самоуничтожения» – еще совсем недавно это был бы оксюморон, а теперь обыденная реальность («***5 Сентября 1945.*** *Атомная бомба создала особый вихрь в нашем сознании <...> карамазовский спор с Богом <...> Все как вихрь атомной бомбы*»; «*10 Сентября 1945. <...> понятие материи исчезло <...> энергия стала фазой к переходу в нечто иное*»). И перед лицом реальности, одновременно и обыденной и страшной, Пришвин – неистребимый «веселый дух» – ищет оправдания радости жизни. Своим словом он структурирует мир, в котором ему самому и его читателю было бы радостно жить и творить («***27 Сентября 1944.*** *Поэт – это вольноотпущенник, это устроитель праздника жизни. Вот почему поэт в вечной вражде с государством: государству подчинена работа людей, поэзии – праздники*»). Пришвину свойственно бесконечное доверие к жизни и убежденность в том, что тому, кто преодолеет «падение духа» в себе самом, по силам справиться с жизнью, верить, надеяться и любить («***10 Октября 1945.*** *Если по себе взять, то я должен оправдать вторую природу, которая на моих глазах проглатывает первую. В этом процессе проглатывания для множества людей происходит безвыходная драма: цивилизация замещает культуру. Но я думаю иначе: я понимаю это как трагедию, т. е. что умирает то, чему надлежит умереть, как семени, которое, умирая, дает новую лучшую жизнь. Создавая сказку, я должен иметь веру в новые берега, в новую географию, в новую сказку <...> Я должен написать о мире в смысле: "да умирится же с тобой и покоренная стихия"*»). Вот когда наступает примирение с Пушкиным. В разные годы по разным поводам в дневнике то и дело возникала полемика с пушкинским «умирением»: («*19* ***Июля 1944.*** *<...> эта покоренная стихия про себя никогда не мирится <...> стихия ничуть не умирилась, а только пережидает и втайне действует*»). И вот теперь ничего не остается, как признать поэтический гений Пушкина, принимающего жизнь такой, какая она есть.

«Повесть нашего времени» (или «Мирская чаша», как Пришвин называет ее в эти годы) – уже четвертое произведение

писателя, которое не проходит цензурный барьер или проходит его не сразу: в 1940 году это была «Лесная капель», неожиданно опубликованная в 1943 году, в 1941 году – рассказ «Голубая стрекоза», также вскоре опубликованный, а в 1943 году были отвергнуты «Рассказы о ленинградских детях», полностью опубликованные уже после кончины писателя в 1957 году («***4 Августа 1944.*** *Весь день занимался фотографией и в этом деле хорошо забылся от переживаний – тоски по литературной деятельности. Как-то случилось вдруг после "Повести", что исчезла всякая охота писать для печати. Раньше в этом писательстве таилась игра, в которой я всегда надеялся выиграть или сделать такое, чего раньше никто не мог сделать. А тут открылось, что или никакого и нет сюрприза в этой игре, или вообще это не игра, а расчет, на который нет у меня ни ума, ни охоты*»). И вот что интересно: если определить одним словом, о чем все эти произведения, то вернее всего сказать – о родине. И кажется, что именно эта тема в годы войны и востребована в первую очередь. Однако Пришвин не вписывается в заданные советской культурой рамки, создавая одно за другим «непроходные» произведения. Писатель видит, что предельно идеологизированная советская власть использует естественно присущее каждому человеку понятие «родины» как культурно-идеологическую конструкцию, призванную вызвать у всех единое общее сильное чувство. А он уверен, что только личное чувство родины, у каждого свое, интимно возникающее в глубине души, может повести человека за собой. Такое чувство он обнаруживает в народной душе и об этом без всякого пафоса пишет («***10 Марта 1943.*** *На глазах наших совершаются чудеса: у русского все отнимают, и в то же время в душе его, может быть, впервые отчетливо, ощутимо складывается родина, из ничего сила берется, и последние из последних гонят первейших воинов – немцев, и множество чудесного, непонятного осуществляется и становится видимым*». Дневники. 1942–1943. С. 446). Это необъяснимое чувство родины, возникающее вдруг – то ли от знакомого с детства запаха черемухи, то ли от соловьиной трели, – связанное с родной природой, с домом, с любовью и материнством, Пришвин стремился передать и в книге «Лесная капель», и в рассказе «Голубая стрекоза», и в «Рассказах о ленинградских детях», и в «Повести нашего времени» («***11 Марта 1943.*** *<...> о "родине" мне трудно писать потому, что я говорил о ней и писал, когда об этом все молчали и было уже даже вовсе неприлично говорить о родине без эпитета*

"социалистическая". А теперь об этом все могут писать». Дневники. 1942–1943. С. 448).

Конечно, «Повесть» не отвечала ни одному из требований, предъявляемых в то время к литературе («***1 Мая 1944.*** *Трудно себе представить такую вещь в советской печати*»). В ней строится противоположная господствующей модель поведения человека: коллизия классического любовного треугольника, помноженная на военное время, разрешается поверх общепринятых морально-нравственных барьеров. Все герои повести – рассказчик (народный правдоискатель), Милочка со своей новой любовью и ее неожиданно вернувшийся после ранения с фронта муж – все они носители тех или иных идей, мнений, нравственных ценностей, они не просто живут, но думают о жизни, рассуждают о том, почему действуют так, а не иначе – или за них это делает рассказчик. Калинин, к которому Пришвин обращается за содействием в публикации, отправляет писателя с его «слабой повестью» в «посмертное» будущее («***17 Декабря 1944.*** *Когда вышибают из рук возможность работать в свободе (от себя), меня охватывает тоска, и делать я ничего не могу. Сегодня я, даже подойдя к храму, не мог войти в него. Меня пугала там какая-то предустановленная гармония, и я боялся, что моя тоска вступит в борьбу с тою гармонией*»). Ситуация с «Повестью» оказывается вовсе не случайной, а внутренне связанной с общим наступлением на литературу, которое развернулось в стране с конца 1943 года («***5 Июня 1945.*** *Умер Вересаев. (Очередь: Толстой, Шишков, Тренев, Бедный, Вересаев.) Кто следующий? Авось обратят наконец внимание на условия жизни без воздуха*»). Для Пришвина очевидно, что все возвращается на круги своя («***15 Мая 1945.*** *<…> Пленум ССП. Слушали доклад Тихонова о современной литературе. Доклад был цинично спокойной передачей духа ЦК. В отношении религии были приведены слова Ленина о том, что заигрывание с боженькой всегда приводит к мерзости. Вообще оратор дал понять, что победа – это стена, через которую не перепрыгнешь: писать – пиши, но не дерзай писать о том, что за стеной*»).

В 1945 году Пришвин пишет повесть «Кладовая солнца» и точно определяет ее жанр: сказка-быль. А в конце 1945 года записывает в своей тетрадке, что именно способность «выходить из времени и пространства», «создавать сказку о жизни» свидетельствует о том, что человек есть «царь природы». Другими словами, победитель, «царь природы» – это человек творящий

или, что по сути одно и то же, человек «играющий» («***26 Августа 1945.*** *Каждый человек живет сказкой – это сила внутриатомной энергии*»). Только при условии поворота жизни в сторону свободы победа в войне станет истинной победой, а социализм с его «надо» использует уникальный и, быть может, единственный исторический шанс вернуться в колею мирового развития культуры. Война показала, что побеждает практически уничтоженное в советском обществе, естественное единство свободы и необходимости, «хочется» и «надо», личности и государственной власти («***18 Июля 1944.*** *У нас <...> там, на войне <...> начальники приказывают согласно с нами. Если командир видит, что такой-то солдат знает в чем-то больше его, то с ним посоветуется и потом всем уже прикажет, и каждый из нас понимает, что приказ этот нужен*»; «***12 Ноября 1945.*** *Истинная победа должна явиться через личность, узнавшую свободу в исполненном долге. Эта свободная личность играет тем, над чем мучились ее предки, эта личность в существе своем есть дитя. И в словах "будьте как дети" предначертан путь нашего творчества*»).

Замысел будущей «Кладовой солнца» возник неожиданно несколькими годами раньше с прямым отсылом к «Синей птице» М. Метерлинка (1908), т. е. к традиции философской сказки в культуре XX века («***28 Июня 1938.*** *Мелькнул сюжетик для рассказа детям о лесе. Тиль-тиль и Митиль. В лесу. Тропинка расходится вилочкой. Поссорились в споре, по какой идти домой. <...> Рассказ начинается описанием этих тропинок. Вечный спор, и дети заспорили. И пошли. Одна глава: переживания Тиля, другая Митили. Конец: обе тропы сливаются в одну*». Дневники. 1938–1939. С.129). В дневнике этому предшествуют лишь неожиданно возникшие в обычном тексте прописные буквы – поляна Раковой Шейки, Лесных Колокольчиков, Ромашек, Клевера, Иван-да-Марьи, передний план Ельника, превращающие реальный лес в сказочный, что потом пригодится в сказке-были. «Кладовая солнца» не волшебная сказка – но в ней имеется ряд реликтовых признаков этого жанра: росстань, развилка – выбор пути, один из которых ведет к погибели; поиск места, «где никто не бывал», путь к которому неизвестен; силы добра в образах растений (болотные елочки, трава белоус), наставляющих героя на путь истинный; силы зла в образах птиц (ворон, сороки), предрекающих и ожидающих смерти героя, его спасение и победа. Важную роль в сказке-были играют мифологемы солнца, ветра и воды, выполняющие структурообразующую функцию. Эсте-

тические и философские идеи не декларируются, они носятся в воздухе и определяют поведение героев. Пришвин отмечает, что задался целью написать современную сказку* со сказочным содержанием настоящего дня – и это удалось ему в полной мере. Два последующих произведения Пришвина написаны в жанре «роман-сказка» и «повесть-сказка», хотя и то и другое – как, впрочем, и «Повесть нашего времени», возможно, ближе к роману идей. Это будут его последние вещи: «Осударева дорога» (1948) и «Корабельная чаща» (1954).

«Кладовая солнца» – сказка, которая не только была опубликована, но и получила первую премию на конкурсе, объявленном Наркомпросом РСФСР на лучшую художественную книгу для детей. Как и надеялся Пришвин, эта сказка его спасла («***15 Мая 1945.*** *<...> в начале революции меня вывели <...> охотничьи рассказы. Теперь выведут детские*»). Судя по дневнику, 1944 год оказался одним из труднейших в жизни писателя. Пожалуй, сравнить его можно только с 1930-м, когда Пришвин думал и о самоубийстве, и о том, чтобы уехать из России и бросить писательство («***1 Февраля 1944.*** *Искусство, если понять его как женщину, теперь в черном платочке притаилось где-нибудь <...> в уголку у Скорбящей, и никто-никто-то не знает, что вот оно где пережидает страшное время*»). Никогда прежде не было в дневнике такого количества вымаранных строк, столько невнятных, проходных записей, такой безнадежной тоски. Пришвин физически чувствует, что оборвалась его связь с читателем («***3 Августа 1944.*** *Берусь за перо и не вижу длинных темных коридоров, стенок каменных и железных, через которые должно пройти мое слово и там постучаться в сердце моего читателя. <Зачеркнуто: Чудо в том, что слово проходит через железо и камень>*»), и ему кажется, что надеяться на восстановление этой связи бессмысленно («***14 Декабря 1944.*** *Мало кто понимает это состояние души писателя, когда у него отнят читатель*»). Впервые он ощущает свое «злое время», которое ставит ему видимый предел: Пришвину уже 71 год. Физически он в хорошей форме, но тщетно пытается справиться с «условиями жизни без воздуха» («***6 Августа 1944.*** *Никогда я не был так чужд и поэзии, и природе, и людям, как теперь. Единственное, что есть у меня – это Ляля. Томлюсь, тоскую в безделье полном, все не мило, ко всему равнодушен, кроме одной Ляли*»; «***7 Августа 1944.*** *Чувствую,*

---

* Ср.: *Руднев В.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. – М.: Аграф, 2000. С. 9–35.

как унизительно мне унывать и непристойно мне, написавшему такие радостные книги. В своих руках, в своей силе... Но если руки отваливаются? Уходи из дому, подвергни себя испытанию. Люди огорчают, – пропусти это»).

Надо сказать, Пришвина отличает удивительное свойство личности: начиная с первой серьезной жизненной неудачи – исключения из гимназии в 1889 году и кончая последней – невозможностью опубликовать «Повесть», он не винит власть, среду или вообще что бы то ни было внешнее. Как ни тяжело ему после визита к Калинину и всего, что тот наговорил ему о «Повести», он сам выбирается из-под «обломков» своей борьбы, ищет в себе внутренние силы, нащупывает темы, которые позволят ему «больше и лучше» писать («***7 Августа 1944.*** *Итак, писатель, ты обречен, напишешь на заказ, как надо (говорят, в один сезон явилось шесть "Грозных") – тебя снисходительно похвалят, дадут орден и тотчас обратят тебя в мебель советского строя. Напишешь искренно, как сам понимаешь время – изругают за индивидуализм, взлетишь выше всего временного, напишешь то, что переживает душа человека – тебя обвинят в аполитичности*»). И вот именно в такой момент Пришвин обращается к работе над романом о строительстве Беломорско-Балтийского канала, который был задуман в 1933 году и с тех пор не оставлял его – к самой безнадежной с точки зрения возможности публикации работе («***29 Сентября 1944.*** *Эта тема есть плод всей моей жизни, и встречу раскольников с большевиками придумать невозможно. А если мне это дано в моем таланте <...> то нельзя зарывать его в землю*»). Он искренне считает, что история с премией только подтверждает правильность его писательской и жизненной стратегии: писать свободно, без оглядки на генеральную линию или социальный заказ – и будь что будет, а победителя не судят («***1 Декабря 1945.*** *Особенный успех "Кладовой солнца" указывает на время – вот что теперь нужно: полная свобода от предначертаний политики. Радость моя от успеха этой вещицы <...> затянулась несколько, и пора выйти из положения рака, заменяющего рыбу*»). Полная свобода – ни больше ни меньше – в такое-то время! И как ему все это удается, никто до сих пор так и не может понять...

В апреле 1945 года Пришвину была заказана статья в «Литературную газету» – и этот короткий текст лучше всяких слов и рассуждений демонстрирует умонастроение писателя и его фатальное неумение и нежелание не только подстраиваться, фаль-

шивить, лгать, льстить – в данном случае ничего этого можно было не делать. Он не может писать банально, одномерно, однозначно, не может пользоваться общепринятыми клише и лозунгами, чтобы выразить свою мысль, – не может думать о том, чтобы «прошло», и не хочет, и никогда этого не делает («***7 Мая 1945.*** *Моя статья в "Литературке"("Простое слово. Берлин взят") не пошла, и тем сказано, что пока в литературе все точно по-старому*»). Пришвин всегда пишет о том, что на самом деле чувствует, и в этом нет ничего «антисоветского» – но это никуда не годится и совершенно никому не нужно. Пришвина не публикуют, но и не уничтожают. И дело тут, похоже, в языке, который делает его одновременно и неуловимым и неприемлемым: о чем бы он ни писал, язык с головой выдает свободного русского человека – придраться трудно, принять невозможно («***3 Мая 1945.*** *Почему так трудно сказать что-нибудь мне, старому русскому писателю, от обрадованного сердца <...> по всему необъятному нашему отечеству молнией несутся простые два слова: Берлин взят. Такие простые два слова, так просто их повторять, но как трудно мне, старому русскому писателю, из всей глубины своей жизни получить соответствующее личное отношение к этим двум словам. Старушка, услыхав, просто перекрестилась – и все. А я, писатель, как я могу поднять всю свою большую трудную жизнь и найти в своих словах соответствие двум словам, определяющим борьбу двух великих народов. Простите, друзья, не в силах я кстати найти свое слово, я буду искать <...> чтобы оно было так же просто, как движение руки старушки, отвечающее движению ее сердца... Умаляюсь перед великими событиями, не могу обычными словами умных людей или изысканными словами художников слова... Я умаляюсь*»).

Трудно представить себе, сколько выпало на долю человека, родившегося в 1873 году и запомнившего себя 8-летним мальчиком, который слышит, как няня кричит: «Царя убили. Теперь пойдут мужики на господ с топорами». Дальше было много всего: гимназия, побег в Америку (в край непуганых птиц), встреча с Василием Васильевичем Розановым, учителем географии в Елецкой гимназии; увлечение Боклем, Марксом, разочарование в народничестве, гимназическая дружба с Н.А. Семашко, исключение из гимназии за грубость Розанову, отъезд в Сибирь, Тюменское реальное училище – революционные идеи в воздухе, Рижский политехникум, марксистский кружок, тюремное заключение, отъезд в Германию, университет, разочарование

в социал-демократии, первая любовь, поворот от идей к реальности, к личности, к себе самому; несколько лет агрономической работы, семья, переезд в Петербург, революция 1905 года, журналистика, хлысты, религиозно-философское общество и вторая встреча с Розановым, первые путешествия и первые книги, Первая мировая война, поездки на фронт, две революции, полемика с Блоком в 1918 году, Гражданская война, полемика с Пильняком в 1922 году, НЭП, коллективизация, 30-е годы, репрессии и предвоенная жизнь, любовь, церковь, война и последние годы в подмосковной деревне Дунино – вот важнейшие вехи биографии Пришвина. Где в такие годы «место поэта» – над схваткой или внутри ее? Так или иначе, дневник Пришвина демонстрирует не только опыт духовного выживания, но и возможность выбора: свобода или несвобода (***«14 Августа 1945.** <...> впервые так отчетливо понимаю себя и нашу семью в Хрущеве, именно как свободных от классовых и сословных традиций. Меня задевал социализм никак не с той стороны. Мне кажется, что я так и родился со смутным чувством неприкосновенности к священной стороне своей личности. Это первый и единственный источник моего протеста революции* <...>»). Едва ли мы ошибемся, если самыми частотными словами пришвинского дневника назовем свободу, личность, творчество и любовь. Свобода среди них – одно из важнейших. Во все годы и при всех обстоятельствах писатель выбирает свободу – но и тут у Пришвина непросто (***«2 Июля 1945.** Давно ли от слова "Бог" в устах Рузвельта у нас в душе вставала заря. Теперь в устах Трумэна слово "Бог" перестало звучать. Еще хуже со словом: свобода. Совсем не звучит. И даже* <...> *бьет обратно. Настоящая же свобода – это значит теперь жизнь про себя: в этом смысле заключенный в тюрьму может быть больше личностью, более свободным, чем "освобожденный" человек»*). Жизнь писателя – испытание на способность сохранить эту тайную внутреннюю свободу, с которой он, тем не менее, снова и снова в каждом произведении выходит в люди. Ежедневно своей жизнью и творчеством, без всякого пафоса и геройства Пришвин утверждает реальность существования личности в государстве, где именно личность принципиально не предусмотрена.

Крайне интересным сюжетом двух последних военных лет, да и военного дневника в целом, представляются взаимоотношения СССР с Америкой и размышления Пришвина об Америке. Он полагает, что расстановка сил, сложившаяся в результате миро-

вой войны, создает реальные предпосылки для взаимодействия американской и советской культуры («***28 Апреля 1945.*** *<...> внимание к творчеству личности как таковой есть совершенно реальная величина американской культуры, так нужная нам, и тоже так же социализм как общественный корректив личных устремлений есть тоже величина реальная. <...> Как бы хотелось, чтобы этот начавшийся порядок всасывания нами личного начала жизни и ими нашего социализма привел к единству управления хозяйств[ом] всего человечества*»; «***12 Ноября 1945.*** *Истинная победа должна явиться через личность, узнавшую свободу в исполненном долге*»). В канун победы Пришвин строит модель существования человека в послевоенном мире («***10 Июня 1944.*** *Но теперь, с выпадением фашизма, стало совершенно ясно, что современность <...> выражается в столкновении частного лица (личности) с государственно-коллективным началом: тут вся изюмина современности. Теперь спрашивается, довольно ли пролито крови, чтобы частное лицо (Америка) и коллектив (СССР) могли длительное время состоять в “дружбе”?*») и полагает, что индивидуализм и коллективизм, традиционно противопоставленные в культуре как несовместимые, взаимодействуя, создадут новое сознание «гражданина всего мира» («***10 Октября 1945.*** *<...> взять Ленина <...> нет ни Бога, ни черта, а учет, расчет, лысинки, бородки, пиджаки – где ведут борьбу против самой личности, переделывая ее на свой лад в стахановца, в генерала, в героя. <...> Социализм смотрит на личность человека <...> как на стихийную силу, которую надо превратить в управляемую энергию. При содействии науки социализма живой человек (личный) умирает, превращается в безликого Робота <...> кто же будет управлять этим железным существом. <...> В капитализме сейчас как-никак, а содержится личность, в социализме своя правда: принцип ответственности этой личности перед обществом*»). Пришвин уверен, что узел экономических, национальных, культурных и религиозных интересов всех стран влияет на модель будущего мироустройства не меньше, чем политические и военные интересы («***6 Июля 1944.*** *Гитлер правильно говорил, что это будет большая война. В том смысле большая, что в нее включаются идеи всего мира или что в ней участвуют все боги*»). Пришвин не так уж много пишет о подвигах, геройстве, врагах или лишениях в военные годы – все это и так ясно. Он писатель, который пытается понять истоки небывалой по масштабу битвы народов и сквозь сиюминутные реалии усматривает в происходящем стол-

кновение важнейших образов и идей мировой культуры: Востока и Запада («***8 Ноября 1944.*** *<...> вся Европа под немцами пришла в тупик <...> может быть, именно потому, что немцы разбиты, Европе открывается теперь путь на Восток: не люди пойдут (а может быть, даже и люди), а их мысль, покидающая изжитое тело Европы»*), мужской и женской ипостаси («***8 Ноября 1944.*** *Немцы имели в виду "женственную нацию" <Россию>, но шли по расчету, шли за приданым. И вот женщина эта им показала»*), языческой и иудео-христианской культуры («***8 Ноября 1944.*** *Немцы это "язычество", эту самость земную окончательно раскрыли в своей звериной сущности. Материальное личное счастье, корысть так вырывается со зверской настойчивостью <...>»*; «***6 Июля 1944.*** *<...> по числу жертв <...> и по роли еврейских капиталов в Америке видно, что еврейский вопрос (и смежное с ним христианство) является коренным вопросом войны <...>»*). Победа в войне, по Пришвину, обнажила целый комплекс этических проблем: жажда жить требовала оправдания в мысли, и об этом Пришвин пишет свою «Повесть нашего времени». Как ни пыталась советская власть поставить искусство на службу государству, это ей так и не удалось: искусство, как и личность, невозможно уничтожить, оно живет и развивается по своим внутренним законам вопреки любым запретам. Только само время и влияет на искусство и нуждается в нем. Война изменила систему культурно-исторических координат, и в «Повести нашего времени» главной духовной доминантой становится современная христианская полемика, которая далеко не сводится к декларации канонических истин. «Повесть» касается проблем, которые в открытую перед советским читателем, кажется, уже давно никто не ставил («***14 Ноября 1945.*** *Единственная моя вещь, написанная о человеке и его "не забыть" <...> Это христианская повесть. И вот почему она встретила такой нехороший прием»*; «***13 Ноября 1945.*** *Моральный мир человека лежит у нас под ногами, и никто не смеет к нему прикоснуться, как к атомной бомбе: тронешь, и может загореться планета»*). Впереди забрезжила жизнь, а вокруг море слез («***12 Мая 1944.*** *<...> почти каждая женщина – сосуд страданий и горя»*). Пожалуй, никогда еще с такой остротой, как в конце войны, не стоял в русской культуре пришвинский вопрос не просто о радости – что так часто ставили ему в укор, мол, «война на носу, а он радуется», – но о радости как выходе из трагедии, что Пришвин всегда знал и о чем писал («***4 Декабря 1944.*** *... на место долга становится смысл жизни, и без этого смысла ста-*

новится жить невозможно»). Теперь он думает об общекультурной сущности язычества, вбирающего в себя священную детскую естественную радость жизни, понимая, что в ней есть духовная опора, необходимая человеку на его жизненном пути, особенно теперь, когда после выполненного долга – умереть, перед человеком встает новый долг – снова жить, долг после долга («***13 Марта 1944.*** *Читал роман Гете с Христиной и фон Штейн и понял все свое писание о природе тоже как "пантеизм", т. е. признание родового чувства священным ("язычество") <...> "язычество" Гете есть не язычество в смысле религиозном, а "классицизм". Не "язычество", а поэтический эгоизм. (Христос таких язычников гладит по головке и, ставя другим в пример, говорит: – Будьте как дети)*»; «*25 Июня 1944. Вульгарное мироощущение учит нас, что Пан умирает во Христе <...> Пан, вступив на путь изменений во Христе, обретает независимость своей радости даже от смерти*»).

И конечно, нельзя не сказать о чувстве юмора, которое не раз выручало Пришвина в жизни («***22 Февраля 1944.*** *Способность к юмору помогала моему юродству <...>*») и которое по разным поводам то и дело вспыхивает и в дневнике этих лет. Он посмеивается над самим собой, записывает шутки, анекдоты, народные рассказы («***27 Августа 1944.*** *Мужики говорят: "С дураками свяжешься – дураком и сам будешь. Вот за то и немец пропадает, что он с нами, дураками, связался"*»). Иногда юмор писателя обнажает амбивалентность политической ситуации в обществе, снимает ее серьезность, выявляет абсурдный смысл («***4 Сентября 1945.*** *Познакомился с N. и подумал: это контра – надо пореже видеться. Познакомился с М. – явная контра, надо опасаться. Познакомился с П. – махровая контра – опасно! И вдруг осенило: да ведь все же контры!*»). В другой раз смех вызывает серьезная мысль, неожиданно выраженная в гротескно-природном образе («***17 Декабря 1945.*** *Наша отечественная война была похожа на сплоченное наступление рогатых животных на волка: волк – это немец, а сплоченные коровы – это мы*»). А то вдруг послышится как будто булгаковская ирония (***5 Августа 1944.*** *– У нас нет наследственной собственности. – Что вы говорите! Какая же другая сила движет у вас жизнью людей?*»). Юмор возвращает уверенность в себе, помогает сбросить напряжение и дает надежду на то, что все обойдется («***30 Декабря 1945.*** *Довоевались до атомной бомбы и теперь все ее боятся*»).

Закончилась Отечественная война. В конце войны Пришвин переживает, быть может, самый глубокий творческий кризис со времен революции, когда он, сложившийся русский писатель,

начинает свой новый круг жизни в изменившейся России. Как и тогда, он снова стоит перед выбором пути, раздумывая о «месте поэта» в послевоенном мире. Как и прежде, в полном одиночестве перед лицом своего современника, своего читателя, он думает о литературе («***13 Мая 1945.*** *Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на себя это дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой. Русский писатель русской истории царского времени – это заступник за униженных и оскорбленных. В советское время заботу о человеке официально взяло на себя государство, и писатель сделался чиновником особого комиссариата "сталинской заботы о человеке", именуемого Союзом писателей. (К вопросу о выступлении моем на предстоящем пленуме ССП.)*»). Творчество было и остается для Пришвина единственным способом жизни, и теперь он собирается с духом, чтобы бороться с властью тем единственным делом, на которое способен – писать («***6 Ноября 1945.*** *Есть у них всех, у Ленина, Сталина что-то скопческое, сектантское, абсолютно противоположное универсальной (оргийной) сущности искусства*»). Неслучайно именно в этот поворотный момент в жизни страны Пришвин выходит на свою «осудареву дорогу» («***18 Июля 1937.*** *Мы все строим какой-то канал*». Дневники. 1936–1937. С.683).

«Осударева дорога» – роман о строительстве Беломорско-Балтийского канала – до сих пор вызывает со стороны большинства исследователей и читателей Пришвина неприятие и бесчисленные вопросы. Историю его создания условно можно разделить на два этапа: до и после поездки на канал в 1933 году. Количество и разнообразие записей о государственной власти и личности в дневнике писателя с очевидностью доказывают, что постоянный, напряженный интерес к общественной и политической жизни всегда был у Пришвина таким же глубоким, как интерес к природе. Целый ряд дневниковых записей в разные годы, начиная с 1905, связан с комплексом идей будущего романа («***8 Сентября 1922.*** *Если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из "Медного Всадника"*» Дневники. 1920–1922. С. 267). В 1933 году Пришвин узнает, что Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги» Петра Первого. Актуализация исторической ретроспективы для Пришвина усугубля-

ется еще и тем, что свою первую поездку в составе этнографической экспедиции в 1906 году он совершил на Север в те же края. След просеки, проложенной в лесу по приказу Петра Первого, Пришвин еще застал, сфотографировал и снимок опубликовал в своей первой книге. Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог («***21 Июля 1937.*** *С этим каналом я как писатель, в сущности, сам попал на канал*». Дневники. 1936–1937. С.268; «***9 Декабря 1946.*** *Вечером была К. М. с мужем. Страшный разговор о лагерной жизни. Узнал, что Петр ехал по "осударевой дороге", а за ним везли виселицу*». РГАЛИ). После поездки он приступает к работе над романом о свободе и необходимости, о личности и власти (в его терминологии, «хочется» и «надо»), а также окончательно определяет географическое и историческое пространство романа. Таким образом, в 30-е годы Пришвин не уклоняется от труднейшей современной темы, которая только в наши дни получила название «лагерной», а в то время была даже не запретной, а просто невозможной, немыслимой. Писатель чувствует в этой до сих пор не зарастающей борозде историческое напряжение, воспринимает ее как зримый образ остро волнующей его темы. «Осударева дорога» становится для Пришвина символом русского долга, государственной необходимости, пронизывающей русскую историю («***13 Марта 1943.*** *<...> этот тяжкий вопрос о жертве Дальним для Ближнего*»; «***16,17,18 Марта 1943.*** *"Люби ближнего" – это значит, конечно, люби Дальнего в Ближнем*». Дневники. 1942–1943. С.450, 456). В этом важнейшем из ницшеанских вопросов заключается, по Пришвину, квинтэссенция современности. В дневнике то с большей, то с меньшей частотой появляются бесконечные записи на тему романа, выстраиваются сюжетные коллизии, мелькают персонажи, сменяют друг друга заглавия и эпиграфы. В 1939 году у писателя возникла идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру дневниковых записей, которые он называл «леса к роману». Именно в контексте дневника становится очевидной связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций. Это – «Медный всадник» Пушкина, «Фауст» Гете, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. Постепенно роман обретает форму, наполняется содержанием, и Пришвин вряд ли подозревает, что роман уже не отпустит его до конца жизни, что впереди годы мучительных сомнений, непонимания, критических отзывов, требований переделки, бес-

конечных возвращений к, казалось, уже законченному тексту и невозможность бросить работу над ним. Это и был его «тележный» путь в литературе: «***27 Мая 1944.*** *И так странно было слышать пение скворца среди всех этих ужасов мира. Казалось, будто он пел в каком-то пьяном угаре, пренебрегая опасностью. И я понимал его по себе: тоже ведь и я пишу... Но так, значит, и произошла на свете вся поэзия, в безумном порыве преодолеть радостью хоть на мгновенье ужас мира. И так у нас создалась поэзия как защита против невыносимого ужаса мира. Так и помните, граждане, что поэзия не сладкое блюдо для вас, а детище страданий и ужаса*».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Собр. соч. 1956–1957. — *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956—1957.

Собр. соч. 1982–1986. — *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 8 т. — М.: Художественная литература, 1982—1986.

Собр. соч. 2006. — *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Терра – Книжный клуб, 2006.

Ранний дневник. — *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905-1913. -- СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2007.

Дневники 1914–1917. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2007.

Дневники 1918–1919. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2008.

Дневники 1920–1922. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1920-1922. — М.: Московский рабочий, 1995.

Дневники 1923–1925. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2009.

Дневники 1926–1927. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927— М.: Русская книга, 2003.

Дневники 1928–1929. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929— М.: Русская книга, 2004.

Дневники 1930–1931. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1930–1931. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2006.

Дневники 1932–1935. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2009.

Дневники. 1936–1937. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010.

Дневники 1938–1939. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1938–1939. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010.

Дневники 1940–1941. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Дневники 1942–1943. — *Пришвин М.М.* Дневники. 1942–1943. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Личное дело. — Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2005.

Мы с тобой. — *Пришвин М.М., Пришвина В. Д.* Мы с тобой. Дневник любви. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2003.

Невидимый град. — *Пришвина В. Д.* Невидимый град. — М.: Волшебный фонарь, 2009.

Путь к Слову. — *Пришвина В.Д.* Путь к Слову. — М.: Молодая гвардия, 1994.

Цвет и Крест. — *Пришвин М. М.* Цвет и крест. — СПб.: ООО «Издательство “ Росток”», 2004.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

ЛН — Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.:Изд-во АН СССР, 1963.

Хлыст. — *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). — М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Быт. — Бытие.

Дан. — Книга пророка Даниила.

Деян. — Деяния святых апостолов.

Екк. — Книга Екклесиаста.

Иак. — Послание Иакова.

Иез. — Книга пророка Иезекииля.

Ин. — Евангелие от Иоанна.

Ис. — Книга пророка Исайи.

Исх. — Исход.

Кол. — Послание к колоссянам.

Лк. — Евангелие от Луки.

Мф. — Евангелие от Матфея.

Откр. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Пс. — Псалтирь.

Рим. — Послание к римлянам.

Числ. — Числа

1 Цар. — Первая книга Царств.

С. 5 *Вечером «Жизнь за царя».* – Речь идет об опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836, либретто – Е.Ф. Розен, аутентичное название «Иван Сусанин»). Новая редакция либретто (1938, С.М. Городецкий) изменила монархическую направленность текста на патриотическую и народную, соответственно вернулось и название оперы «Иван Сусанин».

... в моей «Лесной капели» я дал вовсе не пейзаж... – в основе пейзажа у Пришвина всегда лежит лирическое переживание, воспоминание, мечта – то, что невозможно сочинить и что он сам испытал; в «Лесной капели», что характерно и для творчества писателя в целом, пейзаж обнаруживает трудноуловимую связь между душой художника и природой, которая выражается в цепочке ассоциаций; писатель создает образ мира в глубоком, одновременно простом и сложном, изменчивом единстве человека и природы. (Ср.: «Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет: "Нет опоры в поэзии: роса высохнет, птицы улетят, тугие грибы все развалятся в прах... Нет опоры..." И так надо мне эту разлуку принять и куда-то лететь вместе с листьями». Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 11–12).

... не мечите бисер свой перед свиньями. – Мф.7:6.

С. 6 *... «добрый ответ на страшном судище».* – Просительная ектенья.

К рассказу «Победа»... – рабочее название «Повести нашего времени» (1945).

... преодоление обычного (ветхого) закона любви (как у Олега с Лялей). – Встречу с Олегом Полем Валерия Дмитриевна считала важнейшим событием, определившим ее дальнейшую жизнь. Философские взгляды Олега, сформировавшиеся, в частности, в русле философии любви Вл. Соловьева (Ср.: «Смысл любви», 1893 г.), становятся понятными в свете широкого круга идей культуры

начала XX века, которая так или иначе осознает проблему «пол-эрос» как фундаментальную. Философско-богословский труд Олега Поля «Остров Достоверности», написанный в 1926 году им, уже монахом Онисимом, живущим среди пустынников Кавказа, обращен к Валерии Дмитриевне. Работая над автобиографическим романом «Невидимый град», Валерия Дмитриевна не могла преодолеть страх, что ее будущий читатель не поймет трагических метаний Олега в его попытке совместить несовместимое – личную любовь и монашеское призвание, не увидит в их отношениях отсвета широкого круга идей культуры начала XX века, в которой парадоксальность решения проблемы «пол-эрос» определялась, прежде всего, разведением полюсов физической и духовной жизни, декларацией приоритета духовной жизни, культом утонченной подавленной чувственности и драмы, которая разворачивалась под напором физического мира в каждой отдельной судьбе. Свою любовь они пытались осуществить как совместное, чисто духовное творчество, напряженное духовное делание, строительство иного мира здесь, на Земле. В письмах и записных книжках 1926–1927 гг. Олег писал: «Я не помышлял о человеческой любви и молил Господа дать силу вступить на путь, который наставники наши назвали ангельским образом жития. Я решил искать восполнения неполноты своего бытия только в Господе – не у человеков. Ты отреклась от естественного стремления женственной природы искать полноты и устойчивости бытия в этом мятущемся, изменчивом мире через мужественное дополнение. Ты обрела мужественность во Христе. И когда мы оба замкнулись в одиночестве, возложив упование на Господа, Он в храме Своем привел нас к таинственной встрече. Но неужели же только такая любовь есть прославленная любовь человеческая? Неужели благочестивые христиане-супруги не Христовой любовью любят друг друга? Наша любовь есть дар Господа последним временам. Не могла она прийти в мир раньше, ибо она – предзакатный дар. В этих словах моих нет превозношения. Знаю, что нищ я совершенно, и одежды не имею, чтоб войти в чертог Христов, но одно богатство у меня несомненное – это любовь к сестрице моей. Это дар будущей Жизни. Не за заслуги послал его Господь, а только по непостижимому милосердию Своему. Любовь земная страшится смерти, которая ставит ей преграду. Но царственно-человеческая любовь может завершиться только за вратами смерти. Днем брачного пира ее назначается день всеобщего воскресения <...> Оттого-то расцветание этой любви есть

знак последних времен. Она – любовь предзакатная. Она – как полет журавлей, означает прозрачную осень перед судом и воскресением (или паутинки «бабьего лета»). Ты сказала: "Самое дерзновенное произведение, которое я задумала, – это наша любовь". И я понял тебя. Наша любовь – вызов князю мира сего. Ибо это не одна только любовь к духовной сущности, но полновесная. Есть в ней томление и по преображенной плоти <...> Залог грядущего воскресения – страсть бесстрастная. Нашу любовь я воспринимаю, как послушание Христово» (Невидимый град. С. 289–290).

... и вы, инженеры душ... – выражение обычно приписывается Сталину, который использовал его 26 октября 1932 года на встрече с писателями в доме у Максима Горького, однако многие вспоминают (в частности, В. Шкловский), что Сталин повторил понравившееся ему высказывание Ю. К. Олеши.

... рассказывал <...> «йепопею» о происхождении гимна Михалкова. – Имеется в виду государственный гимн Советского Союза (1943 г., слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана, муз. А. В. Александрова). Ср. : «***22 Декабря 1943.*** Гимн, сочиненный Михалковым и Эль-Регистаном, произвел тяжелое впечатление: столь великие дела на фронте нашли столь жалкое выражение в поэзии!» (Дневники. 1942–1943. С. 661).

... похож на чурбана из басни Крылова. – По-видимому, аллюзия на басню И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя» (1809).

... некий «вредитель» вроде Зощенки. – Повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» была напечатана в журнале «Октябрь» (№№ 6–9,1943) и вызвала шквал критической брани – книга была названа «галиматьей, нужной лишь врагам нашей родины». 11 декабря 1943 года на заседании в ЦК ВКП(б) с резкой критикой повести Зощенко выступил А. А. Фадеев, а в январе 1944 года в том же духе на расширенном пленуме Союза советских писателей (ССП) – Н. С. Тихонов: «Повесть Зощенко – явление глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств». В начале декабря 1943 года ЦК ВКП(б) принимает постановления «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов» и «О контроле над литературно-художественными жур-

налами», где повесть «Перед восходом солнца» объявляют «политически вредным и антихудожественным произведением». На расширенном заседании ССП против Зощенко выступают А. Фадеев, Л. Кирпотин, С. Маршак, Л. Соболев, В. Шкловский и другие. Поддерживают писателя Д. Шостакович, М. Слонимский, А. Мариенгоф, А. Райкин, А. Вертинский, Б. Бабочкин, В. Горбатов, А. Крученых. В конце концов, писателя выводят из редколлегии журнала, лишают продуктового пайка, выселяют из гостиницы «Москва» – квартира пострадала от бомбежки. http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00239361203332020551/; http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5746 http://funeral-spb.narod.ru/necropols/sestroreck/tombs/zoshchenko/zoshchenko.html. 26 ноября 1943 года в письме Сталину Зощенко пишет: «Дорогой Иосиф Виссарионович, я не посмел бы тревожить Вас, если бы не имел глубокого убеждения, что книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна и советской науке» (Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. Составитель Д.Л. Бабиченко. – М.: Энциклопедия российских деревень. 1994. С. 82–83).

С. 7 *... солдат-пораженец, указавший Керенскому на свою могилу...*– ср.: «***Б/д.*** Однажды Мережковский говорил на одном собрании христианской секции религиозно-философского общ-ва о богочеловеке и человекобоге, вдруг один бывший среди публики рабочий положил ногу на стол, показывая всем на вид свой дырявый, грязный, истоптанный сапог. "Что вы на это скажете?" – спросил рабочий. Мережковский в гневе закричал на него: "Падаль!" Я хорошо понимаю, что сказанное слово "падаль»" было как религиозно-философское понятие, т. е. что о смертной плоти-материи говорил рабочий, о том же, что спустя несколько лет говорил Керенскому солдат, отказываясь идти в бой: "Я умру в бою, мне ничего не достанется"» (Ранний дневник. С. 307).

... почему и сказал Вольтер о Боге... – ср.: «Случись, что Бога нет, Его б пришлось создать» – Вольтер «Послание к автору новой книги о трех обманщиках (1769), стих 22. Речь идет об анонимной книге «Жизнь и дух Бенедикта Спинозы» (1719, ранее была распространена в рукописных копиях), которая впоследствии вышла под заголовком «Трактат о трех обманщиках» – под обманщиками подразумевались Моисей, Иисус и Магомет, основатели трех великих религий.

... рассказ Мамина «Бойцы»). – Имеются в виду очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы» (1883). Ср.: «***22 Декабря 1943.*** Мамин: истинными завоевателями и колонизаторами всей Сибирской Окраины были не Строгановы, не Ермак и сменившие его царские воеводы, а московские волокиты, воеводы, подьячие, земские старосты, тяжелые подати и разбойные люди, которые заставляли "брести врозь" целые области»; «***23 Декабря 1943.*** Очерк Мамина "Бойцы" является ключом к социальным вопросам России. Понять эту войну – надо понять сущность отношений солдат и начальников» (Дневники. 1942–1943. С. 662).

... отправляем жалобу Александрову на Александрова. – В октябре 1943 г. Пришвин делает попытку опубликовать свои «Рассказы о прекрасной маме» в «Новом мире». Ср.: «***26 Декабря 1943.*** Приехал Замошкин с печальным известием, что совершается погром литературы и что в спешке зарезали и мои ни в чем не повинные рассказы о прекрасной маме. Зарезал их Александров, а официально редактор "Нового мира". Мне советуют теперь написать жалобу на "Новый мир" этому самому Александрову» (Дневники. 1942–1943. С. 662).

С. 8 *... сложением Союза русского народа...* – имеется в виду идеология Союза русского народа, правомонархической, консервативной общественно-политической организации (1905–1917).

... как будто Бог любил всех, но каждого больше. – Ср.: из письма Олега Поля другу: «Однажды В. написала мне: "Бог любит не всех одинаково, но каждого больше". Это – откровение о тайне личности» (Невидимый град. С. 301).

С. 9 *... оказалось, это взяли город Бердичев.* – В эти дни продолжалась Житомирско-Бердичевская операция (24 декабря 1943 г. – 14 января 1944 г.), войска Красной армии сломили укрепленную оборону противника и 5 января освободили Бердичев и ряд других городов и населенных пунктов.

С. 11 *... и палец короткий и жирный тянется к моему стебельку.* – Ср.: «Его толстые пальцы, как черви, жирны». *Мандельштам О.* «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933). Нет сомнений в том, что Пришвин не знал стихотворения Мандельштама, поэтому ни о влиянии, ни о цитации говорить не приходится, но «диалог между текстами» (М. Бахтин) очевиден. Пришвин и Мандельштам встречались дважды: в первый раз в 1923

году (ср.: Дневники. 1923–1925. С. 22–23, а также очерк Сопка Маира // Цвет и крест. С. 535–539), во второй раз в 1937 году (ср.: «***16 Октября.*** Встретился Мандельштам с женой (конечно) и сказал, что не обижается <*приписка:* и не на кого обижаться: сами обидчики обижены>». Дневники. 1936–1937. С. 771).

... Фадеев... его выгнали из секретарей Союза... – А.А. Фадеев занимал должность председателя правления Союза писателей с 1938 по 1944 год. По-видимому, в результате «боев на литературном фронте», которые продолжались с декабря 1943 года, на IX пленуме Союза писателей в начале февраля 1944 года произошла отставка А.А. Фадеева и назначение Н.С. Тихонова. Однако уже два года спустя Фадеев вновь был назначен председателем правления ССП и исполнял свои обязанности до 1954 года.

С. 12 *... не чувствую себя живым трупом.* – Аллюзия на пьесу Л. Н. Толстого «Живой труп» (1900).

... «крест и тень ветвей» <...> в душе Татьяны Лариной. – Слова из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831).

С. 13 *Удар ЦК по писателям был страшен...*– по-видимому, речь идет о ряде мероприятий, последовавших за письмом Г.Ф. Александрова, А.А. Пузина, А.М. Еголина секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 2 декабря 1943 г., которое сообщало: «За последнее время в литературно-художественных журналах "Октябрь", "Знамя" и др. допущены грубые политические ошибки, выразившиеся в опубликовании антихудожественных и политически вредных произведений». В этот же день 2 декабря 1943 года секретариат ЦК ВКП(б) принял закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами», обвинив управление пропаганды и агитации ЦК в «слабом контроле» за выпускаемой в стране литературой. Под удар политических проработок попали многие писатели, поэты, критики — авторы «идеологически вредных» произведений, в частности И. Сельвинский, М. Зощенко, Н. Асеев и др. За этим постановлением последовало постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов» от 3 декабря 1943 г., постановление Президиума Союза советских писателей СССР «О журнале "Октябрь" за 1943 г.» от 22 декабря 1943 г. – Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.

Сборник документов. Составитель Д.Л. Бабиченко. – М.: Энциклопедия российских деревень. 1994. С.88–104.

Рикошетом задело меня (отвергли рассказы о детях!). – Имеется в виду цикл «Рассказы о ленинградских детях» (1942–1943, впервые опубликовано в 1957 году) о детском доме на Ботике Петра Первого недалеко от села Усолье (Переславль-Залесский), где Пришвин находился в эвакуации. Эпиграфом к «Рассказам» Пришвин собирался поставить слова князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1869): «Через детей душа лечится». См. коммент. на стр. 771 к *...отправляем жалобу Александрову...* В течение жизни в разное время писателю удалось опубликовать лишь несколько разрозненных рассказов, и это оказалось отнюдь не случайным: с этого времени ни одно большое произведение Пришвина опубликовано при его жизни не будет.

... бросил писать повесть... – имеется в виду «Повесть нашего времени» (1945, впервые опубликована в 1957 году), над которой Пришвин в это время работает.

... если бы еще не Горький в вашем прошлом, не ордена... – знакомство Пришвина с Горьким состоялось в 1911 году; по инициативе Горького в издательстве «Знание» вышло первое трехтомное Собрание сочинений Пришвина (1912–1914). Ср.: О желании иметь книгу «В краю непуганых птиц» Горький писал И. Романову в августе 1911 г.: «Встретите Пришвина, будьте добры передать ему мой сердечный привет. Я в великом восторге от "Черного араба" – это чудесная вещь! И очень хорошо "Птичье кладбище". Не укажет ли он: где могу найти его книгу "Край непуганых птиц"? Не пришлете ли ее?» Пришвин в ответ пишет Горькому письмо: «Новгород, 13 сент<ября> 1911 г. Простите, не знаю вашего житейского имени, глубокоуважаемый и дорогой мне "Максим Горький". Писали мне, что вы желали бы иметь мою книгу "В краю непуганых птиц". Вот я вам ее и посылаю. Боюсь только, не понравится. Это была моя первая проба писать <...> Потом посылаю еще вам оттиски своих рассказов "У горелого пня", "Черный араб", "Птичье кладбище" и "Крутоярский зверь"» (ЛН. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 320–321). Что касается наград, то у Пришвина было два ордена: орден «Знак Почета» (1939) и орден Трудового Красного Знамени (1943). Ср.: «***2 Февраля 1939.*** Митинг орденоносцев. Ни слова не дали, не выбрали и в президиум, и глупо вел себя я с репортерами, глупо говорил, — ничего моего

не напечатали. Сижу в перекрестном огне прожекторов, щелкают "лейки", слепну в жаре. А Толстой пришел, прямо сел в Президиум, и после [того], как сел, Фадеев объявил: "Предлагаю дополнительно выбрать Толстого". Все засмеялись, — до того отлично он сел. И даже мне, обиженному, понравилось <...> Положение лишнего человека: презираю их и в то же время обижен, что не сижу на их месте. Так Пушкин и Лермонтов презирали "свет" и в то же время умирали за положение в свете, и вот это-то и есть "чертовщина" (т. е. что все хлопают и ты должен хлопать). Спасение только в читателе»; «***6 Февраля 1943.*** Сильный мороз и солнце. Месяц народился. Утром до почты какой-то монтер прислал мальчика с текстом поздравительной телеграммы (5 февраля день рождения 70 лет, награжден орденом Красного Знамени). (Причина радости – это свобода от страха.)» (Дневники. 1938–1939. С. 271. Дневники. 1942–1943. С. 411).

... критик Перцов. – Ср.: «***8 Апреля 1942.*** Был от Литературной газеты Перцов с предложением написать "от души". Я ответил, что с самого начала пробовал: "Голубая стрекоза", но Фадеев отверг, как "не остро-политическое"» (Дневники. 1942–1943. С. 127–128). Речь идет о рассказе «Голубая стрекоза» (1941) вначале отвергнутом, но затем все же опубликованном.

С. 14 *... в масштабе карьеры Михалкова...*– имеется в виду С.В. Михалков, автор (в соавторстве с Г.А. Эль-Регистаном) государственного гимна Советского Союза. См. коммент. на стр. 769 к *...рассказывал <...> «йепопею»...*

... как у Авраама, от служанки... – Быт. 16:1, 26–7.

С. 15 *... думал о царе Соломоне, как о величайшем писателе <...> написал он для всех нас Песнь песней...* – Песн.

Суета сует и все суета! – Екк.1:2,12–8.

С. 16 *... христианской кончины живота...*– просительная ектенья.

С. 18 *<u>Розанова помню</u> таким...* – об интимном тоне Розанова см. запись от 16 августа 1942 г. и коммент. к ней. Дневники. 1942–1943. С. 245, 724.

... Михалков стихами о Светлане в «Известиях» начал карьеру. – Ср.: «Мне нравилась студентка нашего института, высокая, статная девушка с большой русой косой за плечами. Встречаю я ее как-то в Доме литераторов. – Хочешь, я посвящу тебе стихи и

опубликую их завтра в "Известиях"? – обратился я к ней, зная заранее, что стихи мои уже стоят на полосе очередного номера газеты. – Попробуй! – улыбнулась моя избранница. Я поспешил в редакцию, успел заменить название стихотворения и вставил имя девушки в текст стихов. Наутро в "Известиях" вместо "Колыбельной" появилось мое стихотворение "Светлана". Надо признаться, что моя попытка снискать благосклонность моей избранницы мне так и не удалась. Но стихи привлекли внимание другого человека, от которого зависели жизнь и смерть миллионов советских людей. Меня пригласили в Центральный Комитет партии. Принимал меня ответственный работник ЦК – Сергей Динамов (расстрелян). – Ваши стихи понравились товарищу Сталину! – сказал он мне после небольшой паузы, внимательно разглядывая сидящего перед ним молодого автора. – Товарищ Сталин поинтересовался условиями вашей жизни. Не надо ли чем помочь? Дочь Сталина звали Светланой. Мог ли я предполагать такое совпадение?» (*Михалков С.В.* Я был советским писателем. http://slovari.yandex.ru).

Бородин требовал исключения из Союза Асеева. – После того как было принято закрытое постановление секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами» (2 декабря 1943) с последующим обвинением управления пропаганды и агитации ЦК в «слабом контроле» за выпускаемой в стране литературой, под удар политических проработок попал, в частности, Н.Н. Асеев. В сборнике стихов «Годы грома» были обнаружены «политически ошибочные стихотворения» – уже набранная и сверстанная в Гослитиздате книга по инициативе начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова и при поддержке секретарей ЦК А.С. Щербакова, Г.М. Маленкова и А.А. Жданова была запрещена. До середины 1950-х гг. ни одного стихотворения поэта не было опубликовано. http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=405

С. 19 *Одни говорят, будто Фадеев остается, другие – что назначен Тихонов.* – См. коммент. на стр. 772 к ...*Фадеев ... его ... выгнали...*

... *«все понять, не забыть и не простить».* – См. коммент. на стр. 780 к *Читал «Страшную месть»...*

... *(Командор: шаги командора).* – Аллюзия на трагедию А.С. Пушкина «Каменный гость» (цикл «Маленькие трагедии»,

1830). Ср.: «***9 Января 1940.*** Подробности сна: Провожаю я будто бы Кл. Бор. через 3-й мост и чувствую: кто-то за нами шагает тяжелым шагом, вроде Командора. И когда я проводил ее и вернулся, он встретил меня на мосту, и только меня коснулся – я полетел с моста в мерзлую воду, по которой от стужи ходят дымки. И плаваю я, и спрашиваю вверх Командора: – Долго ли мне плавать тут? – Нет, – отвечает он, – вода холодная, как дурь у тебя из головы выйдет, так все и кончится» (Дневники. 1940–1941. С. 11).

С. 20 *(Ленинские дни).* – Речь идет о 20-й годовщине со дня смерти Ленина.

... испытывают слепую Голгофу ... – в годы Первой мировой войны и последующей революции Голгофа – христианский архетип спасительного страдания – переосмысляется Пришвиным в контексте разворачивающейся на глазах истории: цикл очерков и рассказов (1915–1924) писатель называет «Слепая Голгофа» (Ср.: «***10 Января 1925.*** – Слепая Голгофа! – Но и хорошо, что слепая: для моих людей никакой зрячей Голгофы не может быть. <...> Кто же там, на фронте, что-нибудь видит, где та личность, взявшая на душу это страдание? Весь фронт – это не "я", а другой человек». Дневники. 1923–1925. С.285); в 1944 г. в свете новой войны вновь в дневнике возникает образ слепой Голгофы, которая стоит на пути роста сознания личности (Ср.: «***15 Октября 1943.*** <...> иногда, прежде чем идти на страданье, надо подумать, нельзя ли в этом случае обойтись без Голгофы <...> мы не против Голгофы идем: всякая новая мысль человеку дается страданием. Но мы восстаем против слепой Голгофы, или бессмысленного страдания». Дневники. 1942–1943. С. 593).

С. 21 *Замеченные мной в «Дмитрии Донском»...* – имеется в виду роман С.П. Бородина «Дмитрий Донской» (1941).

С. 22 *«Героический Ленинград»...* – по Пришвину, именно «маленький человек», обыватель, вовлеченный в историю (будь это революция, гражданская война, коллективизация, нынешняя «большая война»), именно этот человек ежедневно незаметно и совсем не героически выносит невыносимое, выживает в условиях, в которых в общественном смысле невозможно существовать; ср.: «***5 Марта 1943.*** Подвиг Папанина. Вспомнился Папанин – где он? Кто теперь думает о его подвиге? Что значит плаванье на льдине с обеспеченным продовольствием, в палат-

ке на гагачьем пуху в сравнении с подвигом любой женщины в холодной квартире с детьми на тощем пайке в Ленинграде, да и везде, но... ордена ей не дадут, потому что 1) Папанин берет на себя беду сам, как необходимость при достижении цели, а женщина пассивно разделяет участь. 2) Папанин один, а "таких" много» (Дневники. 1942–1943. С.442).

С. 23 *Начал с рассказов о ленинградских детях и потерпел крушение.* – См. коммент. на стр. 773 к *Рикошетом задело меня...*

С. 26 *Как это можно, в такое время – и влюбиться!* – Запись относится к работе над повестью «Победа» («Повесть нашего времени»). Милочка – главная героиня повести.

Шишков благополучно пишет о Пугачеве...– имеется в виду историческая эпопея В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев» (1938–1945).

... Зощенко рискнул написать о себе и получил наказание...– в автобиографической повести «Перед восходом солнца» (1943), которую М.М. Зощенко считал своим главным произведением, он анализирует собственный жизненный путь, и тем самым, путь русского интеллигента, оказавшегося на переломе двух эпох. В 1943 году начальные главы повести о подсознании были опубликованы в журнале «Октябрь». Зощенко исследовал случаи из жизни, давшие импульс к тяжелому душевному заболеванию, от которого его не могли избавить врачи. Журнальная публикация вызвала резкую критику, печатание повести было приостановлено. Зощенко обратился с письмом к Сталину, прося его ознакомиться с книгой «либо дать распоряжение проверить ее более обстоятельно, чем это сделано критиками». Однако книга была названа «галиматьей, нужной лишь врагам нашей родины» (журнал «Большевик»). http://funeral-spb.narod.ru/necropols/sestroreck/tombs/zoshchenko/zoshchenko.html По-видимому, автобиография Зощенко вызвала у Пришвина столь острую реакцию, потому что в ней он узнал свой собственный юношеский труднейший путь роста сознания, во-первых, через «хочу все знать», а во-вторых, через любовное переживание, которое он смог преодолеть, пожалуй, не менее мучительным путем. Начиная с первой серьезной жизненной неудачи – исключение из Елецкой гимназии, к которой позднее прибавилась любовная неудача, Пришвин начинает строить собственную жизнь (стихийное жизнетворчество художника, который еще не осо-

знает себя художником), что и приводит его к творчеству (1905) как выходу и спасению личности. Перенос жизненной ситуации в словесность оказался для Пришвина настолько очевидным выходом из тупика, что другого он больше никогда не искал. С этих пор рефлексия по поводу собственной жизни осуществляется им в тексте – как дневника, так и автобиографии «Кащеева цепь», жизнетворчество предвосхищает поэзию (Ср.: «Моя нравственная задача, как теперь я понимаю, была в том, чтобы вытравить из жизни своей самое влияние неудачи, чтобы самая кровь моей жизни текла совсем по иному руслу <...> В глубине души мне казалось и тогда, что от природы все люди достаточно награждены всякими талантами, что есть на свете у каждого человека в душе возможность творческого усилия, позволяющего выскочить каждому из тупика своей неудачи». Собр. соч. 2006. Т. 1. С.131). См. ниже записи о Зощенко от 29 и 30 января 1944 г.

С. 27 ... *«старик Державин нас заметил»...* – строка из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831, гл. 8, строфа 2).

С. 28 ... *работал над книгой «Картофель»...* – имеется в виду книга «Картофель в полевой и огородной культуре» (СПб.: изд-во А.Ф. Девриена, 1908), которую Пришвин написал, работая после окончания Лейпцигского университета на опытной сельскохозяйственной станции «Заполье» под Лугой и сотрудничая в «Журнале опытной агрономии», который с 1900 по 1922 год издавался в Петербурге. Ср.: «***3 Марта 1934.*** Лорх Александр Георгиевич <...> Агроном-картофельник приходил за советом ко мне как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет назад» (Дневники. 1932–1935. С. 361).

С. 29 *Начал читать Горбатова «Непокоренные»...* – имеется в виду сборник военных произведений Б.Л. Горбатова «Непокоренные» о мужестве советских людей в годы Отечественной войны.

... *Тарас с сыновьями есть Гоголевский Тарас...* – повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1842, цикл «Миргород»).

С. 31 *Вечером был на пленуме.* – Имеется в виду IX пленум Союза писателей, на котором после отставки А.А. Фадеева председателем правления ССП был утвержден Н.С. Тихонов.

С. 32 ... *мир во зле.* – Ин. 7:7.

С. 33 *... вышел в свет винегрет из всех моих сочинений...*– речь идет о сборнике *Пришвин М.М.* Избранное. М.: Гослитиздат, 1944.

С. 35 *... вера без дел...* – Иак. 2:17.

Вспомни записки купца Волкова...– речь идет об автобиографических записках талдомского купца Д. И. Волкова под названием «Книга для записывания семейных дел и исторических, общих событий, дневников и проч. Дмитрия Ивановича Волкова», которые попали в руки Пришвина в 1922 году, когда он жил в деревнях Талдомского района, изучал башмачный промысел и работал над книгой очерков «Башмаки» (1925) об известных талдомских кустарях-башмачниках. Личность Волкова и его записки произвели на писателя сильное впечатление, и спустя много лет Волков стал одних из героев романа Пришвина «Осударева дорога» (гл. «Сказка о вечном рубле»). Собр. соч. 2006. Т.3. С. 227–461. Ср.: «***20 Декабря 1936.*** Письмо Дмитрию Ивановичу Волкову, бывшему миллионеру, теперь собственнику дневника, который ему теперь много дороже тех миллионов. Это у меня (хранение дневника) вышло настоящее, органическое доброе дело, подобно созданию книжки для детей "Зверь Бурундук". Выходило так, что я делал для себя, но это "для себя" в то же время значило и для других. Это доказывает, что в душе человека есть такой род собственности, который является одновременно и личной собственностью, и общественной. Можно поэтому представить себе и коммунизм, обратный этому: пустой внутри и даже насыщенный злобой». Дневники 1936–1937. С. 416.

С. 36 *... закончилась операция с окруженными немцами на юге.* – В январе – феврале 1944 г. силами 1-го и 2-го Украинских фронтов (Н.Ф. Ватутин, И.С. Конев) была окружена и уничтожена Корсунь-Шевченковская группировка – немцы были отброшены на запад на 600–700 км.

С. 37 ... (*«несть бо на лица зрения у Бога»*). – Деян. 10:34.

С. 38 ... *заповеди Моисея <...> заповеди блаженства...* – Мф. 5:3–11.

... помня завет Чехова не браниться на городового... – ср.: «Нам было по дороге, и мы шли, продолжая разговор этого вечера на общественные и литературные темы. Чехов говорил о необходимости настроения в стихотворениях. Говорил он волнуясь и

повторял, что желал бы быть понятен. Смысл его речи был тот, что вся жизнь целиком может давать содержание для художественной работы, которая характеризуется правдивостью настроения изображаемого. – Я же ничего сегодня и не отрицал в нашем литературном споре, – сказал он и, остановившись, прибавил: – Только не надо нарочно сочинять стихи про дурного городового!» (*Ладыженский В.Н.* Из воспоминаний об А.П. Чехове. http://www.gumfak.ru/otech_html/chekhov/remember/ladizhenskiy.shtml).

С. 39 *Повесть «Ключ правды» ...* – одно из рабочих названий «Повести нашего времени».

Ходили к Ивану Воину слушать «На реках вавилонских». – Пс.136. Речь идет о храме мч. Ивана Воина на улице Б. Якиманка. Построен в 1709–1717 гг., по преданию, по чертежу Петра Первого в честь победы под Полтавой. Архитектор Иван Зарудный. В советские годы не закрывался, имеет много святынь.

Воскресенье (Прощеное). – Служба с чином прощения в канун Великого поста.

С. 40 *... к кончине (и по возможности « безболезненны, непостыдны»).* – Просительная ектенья.

Читал «Страшную месть»... – имеется в виду повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» (1831, цикл «Миргород».

... редактор «Русских ведомостей»... – в петербургской газете «Русские ведомости» с 1907 по 1915 г. Пришвин регулярно публиковал свои корреспонденции. В начале века в Петербурге он познакомился с А. Н. Толстым.

С. 42 *Великое повечерье. Канон Андрея Критского.* – Покаянный канон Андрея Критского.

... Научи мя творити волю Твою. – Из богослужебной молитвы.

С. 43 *... что-то вроде старосветских помещиков.* – Персонажи повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835, цикл «Миргород») встречаются в дневнике Пришвина в разные годы и олицетворяют утопический идеал патриархальной жизни, застывшей в привычных формах, замкнутой на самой себе, не выдерживающей столкновения с реальностью – выхода в историю («***22 Сентября 1916.*** На постоялом дворе: географическая

карта и говорят о войне. Старик подходит: – Покажите-ка мне Россию! – Показывают. Крестится: – Слава Богу, Россию увидел! – А хозяин: – Давно бы вам надо Россию показать. Смерть Пульхерии Ивановны перед географической картой». Дневники. 1914–1917. С. 326); подобным же образом писатель обнаруживает в мире «старосветских помещиков» застывшую маску любви, подменяющую живое горячее чувство («***9 Сентября 1918.*** Любовь – истребитель привычки. При-вычка, от-вычка, на-вычка, навык, какая-то Вычка и Вык, с которой борется любовь и в ней погибает сама. Вычка, Вык, или пусть лучше Век побеждают любовь, надевая маску любви. Как легок крест во имя любимого: пламень любви лежит в основе креста, он является в пламени, а Век учит нас долгу, смирению, терпению, Век государственный, семейный, всеобщий Вык-Век – строитель, но никогда не архитектор. Невозможно построить брак на любви, если он все-таки удастся, то это не потому, что любят друг друга муж и жена, а потому, что в их натуре есть Вык-Век: влюбленным поют соловьи, а брачным поют двери, как у Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Так церковь наша, видимая церковь, есть тот же брак, в котором Вык-Век поглотил совершенно любовь христианскую и надел на себя ее маску». Дневники. 1918–1919. С. 191).

С. 44 *Пример «Иван Осляничек»...*– одно из ранних произведений Пришвина «Иван Осляничек (Из сказаний Семибратского кургана)» (1912), которое писатель считал неудачным, написанным под влиянием Ремизова, и никогда впоследствии не включал в собрания сочинений. Ср.: «***3 Апреля 1921.*** А в чисто даже литературных кругах говорят: "Это у вас лирика, это надо бросить, нужен эпос, пишите большой роман". И вот думаешь над платформой, над романом. Я целый год потерял, отдавшись писанию романа, и написал за это время всего одну главу, в которой каждое слово вставлялось, как инфузория, щипчиками под микроскопом. Так я написал "Ивана Осляничека" и напечатал его в "Заветах", но не решаюсь напечатать теперь» (Дневники. 1920–1921. С. 158); «"Иван Осляничек" – получилась не вещь, а сосулька», «Из прошлого встает "Семибратский курган": сколько трудился. А теперь вспомнить стыдно, какой вздор писал под Ремизова» (Путь к Слову. С. 175–176). В повести «Иван Осляничек» амбивалентность мира (большое дело, мужское – малое дело, женское, языческий мир с водяными и лешими – православный мир с преподобными старцами) – ключ к жизненной трагедии; родоначальник, благоверный князь Юрий, живущий

в ожидании конца света; появление наследника откладывает конец света; однако младенец-наследник – не подлинный продолжатель рода, он взят со стороны княгиней и крещен в честь Ивана Осляничека, «снимающего обиды человеческие»; князь же, введенный в заблуждение, нарекает его именем древнего князя; таким образом, младенец, получивший два имени и тем самым втайне соединяющий род и личность, вносит в мир идею преодоления «обид человеческих» (Цвет и крест. С.233–273).

С. 45 *Читаю «Великий язычник» (Гете) какого-то француза...*– по-видимому, имеется в виду книга Жан-Мари Каррэ «Великий язычник. Повесть о жизни Гете». Пер. с фр. З. Шамуриной. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1930.

С. 46 *... та, которую я потерял.* – На внутренней стороне обложки в конце этой тетради написано: «Дорогая Татьяна Львовна, я не очень ценю это, где добродетель человеку явилась сама собой... Так вот и Ваше природное смирение, унаследованное от Ваших родителей или в Вас внедренное воспитанием. Мне дороже, когда человек сам лично побеждает свой первичный эгоизм в стремлении <*не дописано*>. Ниже идет следующий список:«1) Пушкин 2) Лермонтов 3) Крылов 4) Гоголь 5) Достоевский 6) Толстой 7) Тютчев 8) Фет 9) Бунин 10) Блок 11) Горький (?) 12) Лесков (?) 13) Тургенев 14) Клюев 15) Некрасов 16) Чехов».

С. 51 *Роль фон Штейн у меня играла В.П. Измалкова...*– имеется в виду Варвара Петровна (Варя) Измалкова, студентка Сорбонны, встреча с которой состоялась в Париже в 1902 году. Роман был кратковременным, но вскрыл всю глубину и сложность отношения Пришвина к женщине, обнаружил в нем натуру художника, стал источником его писательства.

Будьте как дети. – Мф. 18:3.

С. 56 *... об этом-то человеке я и говорю в «Мирской чаше»...* – еще одно рабочее название будущей «Повести нашего времени» (1945). См. коммент. на стр. 785 к *В 19-м году <...> тоже...*

С. 58 *Немцы заняли Аландские острова, Румынию, Болгарию...* – речь идет о планах Германии, предусматривающих в феврале-марте 1944 года оккупацию Северной Финляндии, в частности Аландских островов, в связи с тем, что финское пра-

вительство вступило в переговоры с СССР об условиях выхода из войны и перемирия; в Румынии и Болгарии в течение 1944 года усиливалось антифашистское движение, были свергнуты профашистские правительства; осенью 1944 года Финляндия, Румыния и Болгария вышли из нацистского блока.

С. 60 *Повесть проверена.* – Речь идет о «Повести нашего времени».

С. 62 ... *«и обнови нас, молящихся»...* – коленопреклоненная молитва Великого поста.

С. 63 ... *«в болезнях рождай!»...* – Быт. 3:16.

... *«Стрекоза и муравей».* – Имеется в виду басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» (1808).

С. 66 ... *ближайший к нему человек Петр отрекся.* – Мф. 26:70.

С. 67 ... *«Москва слезам не верит»...* – по одной из версий, выражение, возникшее после освобождения от татарского ига, когда пала вольность Новгорода и укрепилась власть Москвы, которая взимала с городов дань; по этому поводу в Новгороде возникли поговорки: «Москва бьет с носка» и «Москва слезам не потакает (не верит)».

С. 68 ... *вчера читал «Ромео» Шекспира...*– трагедия В. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1594–1595).

... *(Дон Кихот умер в Советской России, наконец-то умер!)...* – аллюзия на роман Мигеля де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605). В дневнике Пришвин в разные годы и по разным поводам обращается к образам Дон Кихота и Санчо Пансы как к вечным образам (архетипам) мировой культуры. Ср.: «***13 Декабря 1924.*** Вот что новое мне из Дон-Кихота: оказывается, оруженосец Санчо совершенно такой же одержимый, как и Дон-Кихот, и только дела разные, у одного Дульсинея, у другого губернаторство» (Дневники. 1923–1925. С. 256–257).

С. 69 ... *Мстителя как героя не существует...* – аллюзия на повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» (1831, цикл «Миргород»). Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» сыграла роль литературного подтекста «Повести нашего времени», над которой Пришвин работает в эти годы. В повести обсуждается и, в конце концов, в споре главных героев, солдата-фронтовика и народного правдои-

скателя, преодолевается идея возмездия. Ср.: «И в точности мне пересказал мои собственные мысли о том, как связать времена возмездием и правдой. – Помнишь, – сказал он, – мое старинное "не простить" <...> Теперь это "не простить" перешло в страшную месть. Я теперь по земле тенью пойду от войны, от этого страшного всадника. – Но ты помнишь, – говорю я, – всадник с мертвыми очами был наказан за то, что слишком много мести у Бога запросил? – Этот договор с Богом меня <...> не касается. Ведь я только за правдой иду, как тень от страшного всадника: Бог у меня ни при чем. – Как же все-таки Бог ни при чем? – Времени нет, – отвечает он, – чтобы <...> как раньше было, Бога искать <...>довольно у нас на Руси Бога искали, а я знаю одно, что за правду иду, делать ее иду, а Бог, если он есть, пусть сам найдет меня, у него время несчитанное <...> долго стоял и глядел ему вслед, повторяя про себя: – Пусть <...> Бог найдет тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твое: все понять, ничего не забыть и ничего не простить» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 226). Социокультурный смысл идеи возмездия связан у Пришвина с революцией, когда столкновение культуры, уходящей корнями в христианскую нравственность, и большевистской культуры окончательно определило смысл нового времени. Ср.: «Раньше у меня было всегда, что понять – значит забыть и простить. Теперь я хотел бы молиться о мире всего мира, а в душе – только бы не забыть, только бы не простить! <...> твержу свою подзаборную молитву, обращенную к неведомому Богу: – Господи, помоги мне все понять, и ничего не забыть, и не простить!» (Подзаборная молитва. Цвет и крест. С. 116–117).

С. 71 *Одесса нами взята.* – Речь идет об освобождении советских территорий, оккупированных Румынией, которое началось весной 1944 года. Успешное наступление Красной армии позволило освободить, в частности, Одесскую область. Наступление войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии завершилось 12 мая 1944 года полным разгромом крымской группировки немецко-румынских войск и освобождением Крыма.

...«егда праведные ученицы»... – из молитвы Тайной вечери Великого Четверга.

С. 72 *... женщина волосами отирать тебе ноги ...* – Лк. 7:38, 44.

С. 73 *Слушал «Чертог твой»...* – слова из покаянной молитвы приуготовительных недель Великого поста.

В 19-м году <...> тоже была у меня повесть <...> «Мирская чаша»... – имеется в виду повесть «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922, первоначальное название «Раб обезьяний»), которую тоже не удалось опубликовать (вперв. в 1978 г. с купюрами, полн. текст в 1991). В 1922 году Пришвин привез повесть «Мирская чаша» в Москву, однако редактор журнала «Красная новь» А.К. Воронский публиковать повесть не решился. 24 августа 1922 года в дневнике Пришвина появляется черновик письма Л.Д. Троцкому, которое он затем посылает адресату: «Уважаемый Лев Давыдович, обращаюсь к Вам с большой просьбой прочитать посылаемую Вам при этом письме мою повесть "Раб Обезьяний". Я хотел поместить ее в альманахе "Круг", но из беседы с т. Воронским выяснилось, что едва ли цензура ее разрешит, т. к. повесть выходит за пределы данных им обычных инструкций. За границей я ее печатать не хочу, так как в той обстановке она будет неверно понята, и весь смысл моего упорного безвыездного тяжкого бытия среди русского народа пропадет. Словом, вещь художественно-правдивая попадет в политику и контрреволюцию. Откладывать и сидеть мышью в ожидании лучших настроений – не могу больше. Вот я и выдумал обратиться к Вашему мужеству, да, советская власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза. <*Зачеркнуто:* А я лично чувствовал бы свои руки развязанными и, освобожденный, может быть, написал бы и не такие горькие и тяжкие вещи. Впрочем, мне кажется, я ломлюсь в открытую дверь. Подумайте, сколько картин русской жизни, изображенных за границей, потеряют свой политический аромат, если здесь у нас, в госуд. издательстве скажут моей повести: "Да, так было в 19-м году">. Сознаю, что индивидуальность есть дом личности, верю, что будет на земле (или на другой планете) время, когда все эти особняки личности будут сломаны, и она будет едино проявляться (как говорят, "в коллективе"), но сейчас без этого домика проявиться невозможно художнику, и весь мой грех в том, что я в этой повести выступаю индивидуально. Ну, да это Вы сами увидите и поймете. Не смею просить Вас о скором ответе, но сейчас меня задерживает в Москве только судьба моей повести. Примите привет моей блуждающей души. Михаил Пришвин. Москва, Тверской бульвар, 25, Общежитие Союза писателей, Михаилу Михайловичу Пришвину. <*Зачеркнуто:* Я, написав это письмо, читал повесть в одном кружке, где много партийных людей, и

повесть мою там бранили ужасно во всех отношениях. Ничего не жду хорошего для себя от напечатания, но мне кажется, она сыграет большую роль среди молодых писателей, которые пишут о революции, затвердив на зубах себе платформу приятия, она их научит танцевать не от печки. Боюсь я, что в процессе революции русскую некультурную интеллигенцию отучат воспринимать. Боюсь, что Вам, государственному деятелю, будет слишком чужда моя повесть, и подчас мне кажется дико даже посылать Вам ее»>. 8 сентября 1922 года в дневнике появляется следующая запись: «Вошел Воронский и, взяв меня за руку, провел в пустую комнату и там передал ответ Троцкого по телефону о моей повести "Раб обезьяний": "Признаю за вещью крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна". Я ответил на это Воронскому: "Вот и паспорт мне дал"». «Мирская чаша» – повесть о судьбе культуры и русской интеллигенции. В повесть перекочевали из дневника 1920–1922 гг. многие реалии повседневной жизни и целый ряд персонажей, от Павлинихи до павлина. Бытовой план повести – это мир, окружающий писателя, знакомый ему до мельчайших подробностей: повесть автобиографична. Второй план повести создается событиями, связанными с происходящим в России в целом – появлением новых власть имущих и нового образа жизни. В «Мирской чаше» пародируется и доводится до абсурда складывающаяся советская действительность, разрушается официальная картина мира, ставится под сомнение его серьезность. Гротескно-комический образ Персюка, «самого страшного из всех комиссаров», не только выявляет идейную несостоятельность новой власти («высадишь бутылку враз и ну Маркса читать... и думаешь при этом, как бы достигнуть»), ее варварскую, дикую сущность («в каждом кармане, кажется, сидит по эсеру, меньшевику, кооператору, купцу, схваченных где-нибудь на ходу под пьяную руку, давно забытых, еле живых там в махорке, с оторванными пуговицами и всякой дрянью»), но и принципиально относит складывающуюся действительность к прошлому, первобытному, «музейному» – лишает ее культурной актуальности («Такого бы непременно надо в скифскую комнату»). Писатель строит такую модель мира, в которой нет «черты, отделяющей небо и землю», в которой утрачивается имя («товарищ покойник»), исчезает противоположность жизни и смерти – смерть не происходит, а длится («десять лет расстрела»), смерти и воскресения («умер – не удивятся, жив – скажут: объявился.

И даже если он воскресший явится, опять ничего, опять: объявился»), и даже граница личности (Алпатов – Савин) какая-то зыбкая, не сразу заметная. Это Скифия, «мир древних заветов», в котором «волхвы идут по своим следам в прошлое», а народ терпит крестную муку и вновь ожидает спасительного слова, в нем само солнце распято – космос вовлечен в процесс страдания и спасения. Сквозь всю повесть проходит мотив уничтожения: дворец разоряется вселившейся туда детской колонией, святые мощи оборачиваются костью, вместо креста является черный рог, и человек превращается в обезьяну. В зачине повести символом уничтожения становится погибающая от рук человеческих природа – чистик или моховое болото – «мать великой русской реки» и «славного водного пути из варяг в греки». Под тем же углом зрения, что и в дневнике послереволюционных лет, в повести художественно исследуется проблема взаимоотношений человека и природы, господства над окружающей природой и овладения человеческой природой. В зачине повести природа и история объединяются в некую систему, образующую единство природы и родины: уничтожение рек и лесов обращает всю «страну в пустыню». Образ родины несет на себе печать трагического разделения на плоть и дух («она мне изменяет, душу свою чистую отдает мне, а тело другому, не любя, презирая его, и эта блудница – раба со святою душой – моя родина»); и в повести, как и в дневнике 1919–1920 гг. актуализируется принцип жизни («Я живой человек и хочу жить с ней, видеть ее простыми глазами»); метафизический смысл трагедии, к которой приводит пренебрежение жизнью, и значимость самой органической жизни подчеркиваются акцентом на первую часть евангельского моления о чаше («и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось побыть»). Немота лирического героя разрешается молитвой о сохранении девственной природы, без чего невозможна свобода человека на земле. В «Мирской чаше» человек и «обезьяна» (и «идейная», и «родная русская лесная обезьяна») противопоставляются как представители культуры и цивилизации. Цивилизованной «обезьяне», которая «тащит себе в гнездо творения культурные себе на пользу», противостоит человек «иной жизни», человек культуры, который едет «спасти несколько книг и картин, больше ему ничего не нужно, и за это дело он готов... погибнуть». Это его душа – «мирская чаша», в которой есть пища для всех вокруг. Появляется в повести и знакомый по дневнику образ – надежды на органическую

жизнь, которая, в конце концов, пересилит идею: «свежие всходы озими», а также неожиданно высокие деревья на вырубке, оставленные «для обсеменения запущенной земли» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С.583–667, 683–686; Дневники. 1920–1922. С.260–261, 267).

...написал «повесть временных лет»... – Повесть временных лет (также называемая «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись») – наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII века.

... раскрывает идею Соловьева о борьбе христианина со злом. – Ср.: «Соловьев, вникая глубже в процесс духовного преображения человека, приходит к заключению, что человек на пути к совершенству в борьбе со злом должен пройти три момента: во-первых, отвращение ко злу, во-вторых, усилие освободиться от власти греха, в-третьих, – обращение к Богу как к источнику духовной силы» (http://www.vestnikistiny.info/vestnik_istiny/1979_1/V.S.Solov'ev.php).

С. 76 ... *(Метерлинк).* – Ср.: «***Б/д. 1908–1909.*** Метерлинк всколыхнул в нем инстинкты, ощущение прирожденного ему с детства, с колыбели; откопал он их, и земля родная вся зацвела ему в это время разнообразными цветами: не общая всем красная гвоздика в петличку, не каменная казарма с желтым забором, а душистый забор, анютины глазки, кудрявая мурава на большаке, можжевеловая изгородь, крытая соломой изба – родная, просветленная и любимая риза земли. Ницшеанец оброс родными скромными цветами и травами и вдруг узнал в своем богесверхчеловеке родного православного Бога – Христа» (Ранний дневник. С. 302).

С. 77 ... *слышал: «Вначале бе Слово».* – Ин. 1:1.

С. 78 (*«Се жених»...* – слова молитвы из полунощницы.

С. 80 *Крест митрополита Сергия...* – воспоминания В.Д. Пришвиной о положении в церкви в 1920-х и 1930-х гг. представляют интерес с двух точек зрения. Во-первых, это точка зрения целого круга верующих людей «из бывших», которые ежедневно переживали происходящее в церковной жизни Москвы, а во-вторых, потому что она была лично связана с одним из тех, кто непосредственно находился в эпицентре этих событий и участвовал в них – с Михаилом Александрови-

чем Новоселовым, а также с кавказскими пустынниками. Ср.: «Епископ Сергий провозгласил единство Церкви с советской властью [1926], признавая эту власть народной, народом принятой и потому обязательной и для Церкви, которая никогда не боролась с государственной властью и имела свои, чисто духовные, независимые от мирской жизни цели <...> "ваши радости – наши радости и ваши печали – наши печали" <...> в истории Церкви бывали выступления святых людей против некоторых действий светской власти, в случаях, когда она явно нарушала закон Христов. Вспоминали выступление митрополита Филиппа против жестокостей Иоанна Грозного, Нила Сорского против жестокостей в борьбе с еретиками при Иоанне III. Но общее мнение старцев на Псху было таково, что выступления Церкви возможны лишь против отдельных заблуждающихся или преступных личностей и их действий, но не против исторически складывающихся государственных формаций – старцы еще раз подтвердили, что Церковь никогда не становилась и не должна становиться на путь борьбы с государственной властью. Насколько мы знали то, что происходило все это время в столице, патриарх Тихон, не выступая против власти, боролся как раз с отдельными постановлениями, пытаясь отстоять достоинство Церкви в новом атеистическом государстве. Но на официальное признание новой власти ни он, ни его последователи не пошли и были за прошедшие годы все так или иначе уничтожены»; «К митрополиту Сергию шли и ехали ходоки от мирян и ближних и дальних, шли послания по рукам и по почте от мирян и от духовенства. Мы читали своими глазами эти документы: они были величественны, искренни, напоминали по духу мученические акты первохристианства, сохраненные, к счастью, человечеством в подлинниках. Не знаю, сохранились ли документы о подобных актах 1927 года XX столетия. Никто не призывал в них к борьбе с государственным строем. Все стояли вне оценок форм гражданской жизни, вне классовых и материальных интересов. Их связывала лишь одна мысль: люди умоляли Сергия не уступать государству независимость, приобретенную и приобретаемую кровью и жизнью мучеников. "Пойди с ними – и мы пойдем с тобой", – говорилось во многих из этих писем <...> Может быть, митрополит Сергий сделал попытку таким путем спасти храмы от разрушения, паству от гонений? Помню, как свидетельствовал мне в то время один правдивый человек о

словах митрополита Сергия, сказанных в частном разговоре: “Весь вопрос в том, кто кого обтяпает”» (Невидимый град. С. 366–367, 378–379; http://www.ogoniok.com/5007/18/).

С. 81 ... *«место» как средство после службы жить для себя...* – ср.: «Я помню, в Петербурге, наблюдая жизнь, понял горе людей в том, что каждый из них разделяется на два человека: один на службе старается делать как надо, а другой дома старается жить, как ему хочется», «Мой друг, Александр Михайлович [Коноплянцев] разделил свою жизнь на две: одна жизнь отдается службе, другая – любимому делу <...> Мне пришло в голову, глядя на них, что в корне безнравственное дело – разделять труд свой “для души” и “для хлеба”. Вовсе не понимая всей глубины этого подвига – достигать неразделенной жизни, я стал заниматься только любимым делом – писать и только писанием зарабатывать себе деньги. Признание обществом моего искусства явилось не из претензии моей на место художника слова, а исключительно как награда за строгое выполнение идеи неразделенного жизненного труда» (Путь к Слову. С. 89; Круг жизни. С. 65–66).

С. 87 ... *со своим фотографическим аппаратом.* – Фотография (наряду с охотой и машиной) сопутствует творчеству Пришвина на протяжении многих лет. Впервые он заинтересовался фотографией во время путешествия на Север в 1906 году и свою изданную после поездки первую книгу «В краю непуганых птиц» (1907) проиллюстрировал собственными снимками. Тогда у него в руках оказался фотоаппарат случайно встреченного во время поездки попутчика. В 1924 году Пришвин покупает фотоаппарат, осваивает его и фотография оказывается в одном ряду с его записной книжкой и дневником («***11 Сентября 1929.*** К моему несовершенному словесному искусству я прибавлю фотографическое изобретательство»). Писатель вводит фотографии в текст не в качестве иллюстрации; авторские фотографии выстраиваются в параллельный взаимодействующий с текстом зрительный ряд («***7 Декабря 1930.*** Я в последнее время ввожу в свои литер. произведения фотоснимки не как просто репортер, а с целью создать мало-помалу художественную форму, наиболее гибкую для изображения текущего момента жизни»). Способ художественного освоения мира в последовательности «путешествие, охота – фотография, записные книжки – дневник – произведение» для Пришвина универсален. Ср.: «***19 Ноября 1941.***

В этом и был столь удивлявший всех пафос моей фотографии. Подумать – как это может удовлетворять – беганье в природе в поисках случайной композиции, если карандашом сидя на месте можно сделать свободнее и лучше. Меня побуждало удивление перед тем, что фотография является как бы доказательством Божьей руки в создании Природы. Но это, конечно, очень наивно, потому что рисунок художника, улучшающий естественный пейзаж, еще более утверждает действительность природы в человеческом деле. Искусство художника тем удивительно, что в натуре он находит свои образы и так выходит, что образы природы, начатые кем-то, продолжаются в его образах. Как будто Бог, начав создавать мир по своим законам и образам, передал продолжение творчества человеку, и сотворение мира не кончилось, а продолжается по сей день, и кто сознает себя участвующим в продолжении Божьего дела, то в этом творчестве он тоже как Бог. <*Приписка:* А может быть, то, о чем я говорил по поводу моей фотоработы, относится и ко всему моему словесному искусству и еще больше к моей жизни.>» (Дневники. 1928–1929. С.459; Дневники 1930–1931. С.295; Дневники 1940–1941. С. 689).

С. 88 *... понял эти слова в смысле «этот стон у нас песней зовется».* – Строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

Блаженны нищие духом...– Мф. 5:3.

(*левая рука не знает, что делает правая*). – Мф. 6:3.

С. 91 *... свою кормилицу «Цусиму»...* – имеется в виду роман И.С. Новикова-Прибоя «Цусима» (1930).

С. 92 *... пусть Декарт верит: «Мыслю, значит существую»...* – Cogito, ergo sum. – (лат.) Я мыслю, следовательно существую – философское утверждение Рене Декарта.

С. 93 *Доколе коршуну кружить?* – Строка из стихотворения А. Блока «Коршун» (1916).

С. 95 *... в каком смысле сказал Ницше: идешь к женщине, не забудь плеть.* – Имеются в виду слова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885): «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!» Надо сказать, что в последней библиотеке писателя (музей М.М. Пришвина, ГЛМ) нет случайных книг, только

те, к которым он постоянно обращался («вечные спутники»), и среди них – «Так говорил Заратустра» (СПб.1913).

... к Ивану Воину во время шестопсалмия. – Молитвы на утрени.

С. 96 *Поликарпов, несомненно, великий хам...* – возможно, аллюзия на пророческую статью Д.С. Мережковского «Грядущий хам» (1989). Ср.: «Одного бойтесь – рабства, и худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам... – грядущий Князь мира сего».

С. 97 *Мысль о советском Лоэнгрине...*– в годы учебы в Германии (1900–1902) Пришвин страстно увлекся Вагнером, прослушав одного только «Тангейзера» семнадцать раз («***Б/д.*** <...> я отдал юность свою Вагнеру»). Мотивы вагнеровских опер в дневнике писателя не случайны – так образ «современного Лоэнгрина» (опера Р. Вагнера «Лоэнгрин», 1850), художника, борца со злом и несправедливостью, писатель лишает романтического ореола, а направление борьбы определяет в духе времени: «мелочи советского быта».

С. 98 *«Любите ближнего как самого себя»* – Мф. 22:39.

С. 101 *... начинает работать чеховский комитет...* – по постановлению Совнаркома СССР был образован Всесоюзный комитет по проведению сорокалетия со дня смерти А.П. Чехова.

«довлеет дневи злоба его». – Мф. 7:34.

... мертвые сущие во гробех...– из пасхальных песнопений.

С. 103 *... мысль о «едином человеке» мелькнула мне в 1907 году...* – имеется в виду первая книга Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907). Ср.: «Есть что-то общее в этом гуле Невского проспекта с гулом тех трех водопадов, который мне пришлось слушать на каменном островке между елями. Там божественная красота падающей воды стала понятна только после довольно долгого всматривания в отдельные брызги, в отдельно танцующие в тихих местах столбики пены, когда все они своим разнообразием сказали о единой таинственной жизни водопада. Так же и тут... Гул и хаос! Темная масса спешит, бежит, движется вперед и назад, перебирается из стороны в сторону между беспрерывно мчащимися экипажами и исчезает в переулках. Утомительно смотреть, невозможно себе выбрать отдельное лицо: оно сейчас

же исчезает, сменяется другим, третьим, и так без конца. Но вот мысленно проводится разделяющая линия. Через нее сейчас мелькают люди и застывают в сознании: генерал в красном, трубочист, барыня в шляпе, ребенок, толстый купец, рабочий. Они друг возле друга, почти касаются. Вдруг становится легко, разделяющая линия больше не нужна, все понятно. Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 169–170).

... наши овладели Севастополем. – Севастополь был освобожден 9 мая 1944 года; поражение в Крыму стало для гитлеровских войск катастрофой, равной по масштабам Сталинградской. 10 мая 1944 года в Москве в честь освобождения Крыма прогремел салют – 24 залпа из 324 орудий.

С. 104 ... *человека такого, как был, не родишь.* – Ср.: «Надо сказать, что Василий Алексеевич никогда, как обычные старики, не пускался в критику нового времени, и если критиковал, то очень тонко. Может быть, это было оттого, что оба сына его были на важных должностях <...> – Василий Алексеевич, – спросил я, – вы такой большой хранитель старинного уклада, а сыновья ваши так определенно стоят на новом пути. Наверное, не во всем с ними согласны? – Бывает, мы спорим немного <...> Вам помнятся слова первосвященника Каифы, когда привели к нему Христа? Каифа <...> сказал, что Его необходимо распять, а то придут римляне и разорят и погубят весь народ. Так пусть лучше один невинный погибнет. А народ сохранится. Вот об этом мы с сыновьями и спорим. – Сыновья стоят за народ? – спросил я. – Вы точно сказали <...> сыновья стоят за народ и еще так говорят: в нашей практике приходится десять невинных истратить, чтобы найти и уничтожить одного негодяя, а если только один и за весь народ – то какой тут может быть разговор? <...> Я же простой человек и, конечно, так говорю: "Дети мои! Человек не курица: отруби курице голову – и будет другая взамен, и курица воскреснет, а отруби человеку – и он не воскреснет. Придет, конечно, другой человек, придет, да не тот!" – Что же ваши сыновья? – Молчат» (Собр. соч. 2006. Т3. С. 603–606). В 1937 году в деревне Терибрəво Пришвин познакомился с Василием Алексеевичем; его личность, разговор с ним привлекли Пришвина: много лет где-то в глубине писательской

памяти пролежал этот сюжет – и вдруг всплыл на поверхность: «***16 Августа 1952.*** Рассказ "Василий Алексеевич" не могу пережить, дивлюсь ему и понимаю, что он пришел ко мне как бы свыше. Бывают же такие удачи!» (РГАЛИ). Рассказ был впервые опубликован в 1962 году – Пришвин и не пытался опубликовать его, понимая, что это невозможно; но как понятна радость писателя, который написал рассказ на самую болезненную, животрепещущую и неразрешимую тему своего времени – «личность и общество», которую в течение двадцати лет стремился выразить в романе "Осударева дорога" – и вдруг неожиданно так просто выразил в народном рассказе, понятном каждому, о чем он тоже всегда мечтал. От Василия Алексеевича в рассказ перешло имя, сыновья во власти и способность (будь он швейцаром в прежней жизни или единоличником в нынешней) быть счастливым – по-детски глубоко заразительно любить жизнь. От «грубого парня» в рассказ перешло бесхитростное понимание тайны личности. Ср.: «***12 Апреля 1937.*** Пришел Василий Алексеевич, счастливый человек, единоличник <...> сына имел в НКВД и благодаря ему удержался. Весна такая чудесная, В. А. весь день с лопатой, от него, как от маленьких детей с воздуха в доме пахнет морозом и солнцем. – Счастливый вы человек, Василий Алексеевич! – Тс! – воскликнул В. А. и весело и "тс!" пригласил к молчанию. В то же время пальцем одной руки коснулся моего локтя, а другую поднес к губам. – Щелков Андрей Иванович вот точно такими словами говорил: "Счастливый ты человек". – Тс! – повторил он тихо, – фа́бричка была у Андрея Ивановича, дом в Москве, а я в швейцарах у них. Бывало, в театр соберутся, бриллианты, бархат, блеск! А из театра знаете, как было: прежде чем спать лечь, ведь непременно кофе напьются, без кофею спать никогда не лягут. И вот раз проходит Александр Иванович через швейцарскую и говорит: "Счастливый ты человек!". Счастливый человек и "они" – колхозники: тут шепотом, оглядываясь, как птица, в разные стороны, как скворец: – Он ведь пьет на последнее, а дома есть нечего, семья плачет, он пьет как чумной. – Проделав все сложные обезьяньи и птичьи жесты, поминутно оглядываясь на дверь, он прошептал мне с губ на губы свое таинственное и бесповоротное заключение: сами того хотят (т. е. если он счастливый, то этим обязан себе, а они достойны своей жизни)» (Дневники. 1936–1937. С. 531); «***19 Мая 1939.*** Природа похожа на воду, и человек в ней как в воде капля. Но тем отличается человек от

природы, что каждая отдельность в нем действует силой своей отдельности. Человек понял, что в мире человеческом нет подобных капель, и каждый человек чем-нибудь отличается от другого, и эта сила отличия стала силой всего человека на земле» (Дневники. 1938–1939. С.320).

С. 107 ... *после матери осталось именьице...* – в 1916 году на земле, полученной в наследство от матери, Пришвин впервые в жизни строит дом. Жить, однако, долго в нем ему не пришлось: хотя дом был небольшим, а надел земли, равный крестьянскому, Пришвин обрабатывал сам, в 1918 году крестьяне «представили» ему «выдворительную», и под угрозой расправы он навсегда покинул родные места.

Я спросил Горького... – Пришвин познакомился с М. Горьким в 1911 г. Поводом к знакомству послужил восторженный отзыв Горького на повесть Пришвина «Черный араб» (1910) и рассказ «Птичье кладбище» (1910), а также предложение издать сочинения Пришвина в издательстве «Знание». Встречи с Горьким были нечасты, но отмечены в дневнике Пришвина; в течение многих лет Пришвина с Горьким связывала дружеская переписка. См.: ЛН. С.319–362.

С. 112 *Теперь тощий чиновник поел жирного частника жизни...*– аллюзия на Быт. 41.

С. 113 ... *втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых».* – Перефраз из эпоса Гомера «Одиссея» (пер. В.А. Жуковского, 1842–1849). В «Одиссее»: «Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых // Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти».

С. 114 ... *писал мучительно «Остров Достоверности»...* – имеется в виду философско-богословский труд Олега Поля «Остров Достоверности» (1926), написанный им, уже иеромонахом Онисимом, одним из кавказских пустынников, и обращенный к Валерии Дмитриевне, тогда Ляле Лиорко.

... *письмо его преемника Алексия к «дорогому Иосифу Виссарионовичу».* – В дневник вклеена вырезка из газеты: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Нашу Православную Церковь внезапно постигло тяжёлое испытание: скончался Патриарх Сергий, 18 лет управлявший Русской Церковью. Вам хорошо известно, с какой мудростью он нёс это трудное послушание; Вам извест-

на и его любовь к Родине, его патриотизм, который воодушевлял его в переживаемую эпоху военных испытаний. А нам, его ближайшим помощникам, близко известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому, Богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нем с особой силой после личного его знакомства с Вами, после нашего незабвенного для нас свидания с Вами 4 сентября минувшего года. Не раз приходилось мне слышать от него, с каким тёплым чувством он вспоминал об этом свидании и какое высокое, историческое значение он придавал Вашему, ценнейшему для нас, вниманию церковным нуждам. С его кончиною Церковь наша осиротела. По завещанию почившего Патриарха мне судил Бог принять на себя должность Патриаршего Местоблюстителя. В этот ответственнейший для меня момент жизни и служения Церкви я ощущаю потребность выразить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и мои личные чувства. В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным – с одной стороны, – и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему, – с другой. Действуя в полном единении с Советом по делам Русской Православной Церкви, я вместе с учреждённым покойным Патриархом Священным Синодом – буду гарантирован от ошибок и неверных шагов. Прошу Вас, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такою же доверенностью, с какою они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые, церковные работники. Алексий, Митрополит Ленинградский и Новгородский, Патриарший Местоблюститель. Москва, 19 мая 1944 г.».

С. 121 *... и Юлий Цезарь <...> выгнал от себя поэта, сказав ему: уйди от меня, дурак.* – Речь идет о трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599), к которой Пришвин часто обращается, решая проблему: поэт и власть. Ср.: «***29 Ноября 1937.*** Я как поэт чувствую себя подобно Шекспировскому поэту, которому Юлий Цезарь сказал: “Уйди, дурак, и не мешай!” И вся разница между тем поэтом и мной та, что я учел опыт того несчастного поэта и не сую свой нос в палатку Цезаря. Одним словом, я поэт сознательный и современный» (Дневники. 1936–1937. С. 806, 844).

С. 122 *«Нет, весь я не умру» <...> полезен буду «лирой» своей народу...*– перефраз строки из стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).

С. 126 *По Акуловской дороге добрался до лесу...* – о Пришвине в пушкинские годы вспоминает Геннадий Иванович Гадалин, тогда подросток, с родителями которого Пришвины продолжали дружить всю жизнь. Ср.: «В то время <...> Пушкино еще сохраняло все характерные особенности дачного места: две чистые реки (Уча и Серебрянка), много сосен и других лиственных деревьев в самом городе, рядом лес, старые дачи еще дореволюционной постройки с мезонинами, башенками, цветным остеклением террас, и новые предвоенной постройки. В нашей западной части по улицам еще гоняли небольшое стадо коров. Одну из таких дач и арендовали М. М. и В. Д. <...> не было веранды, а было крыльцо. Перед домиком – развесистый дуб <...> Внутри дачи был самый минимум мебели. <...> В левом углу участка небольшие сарай и навес. <...> Около сарайчика М. М. оставлял свою машину («Эмка», М-1). Однажды я застал его копающимся в моторе, рядом стоял еще незнакомый мне человек, который помогал М. М. в этой работе. Рукава рубахи у М. М. были закатаны по локоть, руки черные, в машинном масле. Рядом крутились его охотничьи собаки. На этой «Эмке» и мне удавалось прокатиться и не один раз. Однажды я заболел. Скорая помощь (а это была лошадь с телегой) – далеко в другом конце города. Мама или отец попросили отвезти меня в больницу. И М. М. повез. За переездом М. М. лихо повернул, машина запрыгала по щебенке. Он обернулся, извинился за столь резкий вираж, спросил, как я себя чувствую. И еще запомнили две поездки ближе к осени за грибами куда-то за Зверосовхоз. Проехав в сторону Красноармейска несколько километров, вдруг посередине дороги увидели какой-то крупный предмет. Оказалось, мешок с картошкой. Решили, что свалился с проезжавшей машины. Поскольку это тогда была большая ценность, долго стояли у мешка, ожидая, что может быть хозяйка вернется. Не дождались, погрузили мешок в «Эмку» и поехали дальше. Вернувшись, содержимое мешка по-братски разделили на всех. Уезжая из Пушкино в 1946 году, М. М. подарил мне только что вышедшую «Кладовую солнца» с надписью». Архив Л.А. Рязановой.

Ликует буйный Рим. – Слова из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Умирающий гладиатор» (1836).

... обращение Савла в Павла...– Деян. 9:1–30.

С. 127 *... я ему по-русски передал слова Сталина.* – Поэтика сновидений в дневнике Пришвина занимает очень важное место. Это не литературные, художественные сны – в течение всей жизни он записывает собственные сны и, надо сказать, никогда не пытается их интерпретировать. Образ, возникающий в большей части его снов, связан с воспоминаниями о первой любви и утраченной невесте: в снотворчестве выражается целый комплекс противоречивых эротических переживаний в духе символистской идеи Вечной Женственности. Реже во сне появляется мать, еще реже – другие персонажи. Очень важно, что для Пришвина очевидна поэтико-символическая природа сновидений, он никогда не переносит свои сны в произведения, но связывает сновидения (как, кстати, и бред сумасшедшего) с талантом, с природой собственного творчества («***22 Июня 1926.*** Из таких снов вышел из меня добрый поэт»; «***2 Января 1927.*** <...> талант — сила природы, действует вопреки логике и вопреки морали, так же как живая текучая вода подземного родника, только если ей удалось пробиться между камнями и множество других препятствий, становится рекой, и мы любуемся в реке ведь не так водой, как берегами, так и в литературно-художественном произведении не талант автора интересен нам главным образом, а как он разворотил, в какие сочетания поставил горы человеческого интеллекта и общественных чувств. Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших, иногда полный музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится». Дневники. 1926–1927. С. 182, 77). Сон о Сталине стоит особняком в ряду пришвинских снов – пожалуй, он единственный в таком роде. Этот сон сам писатель определяет как «невозможную чепуху», то есть отбрасывает его на периферию сознания, но, тем не менее, записывает. Сон о Сталине, безусловно, спровоцирован реальностью, целым комплексом проблем как в общественной, так и в творческой жизни. Сон многослоен, это сон-кошмар, но не пугающий, а уничтожающий личность. В нем одновременно возникает невыносимое унижение вместе с готовностью «отдаться», выраженное в извращенно-эротическом подтексте: сон свидетельствует о полном опустошении души писателя именно в этом 1944 году, который на самом деле оказался одним из труднейших за всю его жизнь. Ср.: «Редкое произведение русской литературы обходится без сна. В снах не только сегодняшнее – обрывки дневных

впечатлений, недосказанное и недодуманное; в снах и вчерашнее – засевшие неизгладимо события жизни <...> в снах дается и познание, и сознание, и провидение; жизнь, изображаемая со снами, развертывается в века и до веку» (*Ремизов А.М.* Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский (1954). http://remizov-sisters.narod.ru/remizov.htm). В художественных произведениях Пришвина сны встречаются редко, но они есть. Ср.: Сыроежка / Собр.соч. 1982–1986. Т. 3. С.362–363.

... но и ему пришлось написать о войне в общем духе... – возможно, имеется в виду стихотворение Б. Пастернака «Победитель» (1944). Хотя на самом деле опубликованные в годы войны стихи (вошли в книгу «На ранних поездах», 1944) и очерки Пастернака написаны скорее в «пришвинском», чем в общем духе, то есть по-своему. Судя по пришвинскому дневнику, в течение 1941–1942 гг. чувство патриотизма нарастало и все менее и менее зависело от отношения к советской власти и революции. Мало кто мог в эти годы не понимать, что советские люди защищают не власть, а прежде всего свою землю, своих близких, свою жизнь и свободу. Ср.: «Стихи “Страшная сказка” посвящены детям, испуганным войной. “Старый парк” (1941) рассказывает о раненом, который попал в госпиталь, размещенный в усадьбе, где прошло его детство. В обобщенной форме поэт исследует психологию поведения человека на войне (”Смелость”, “Разведчики”). В 1943 г. Пастернак побывал на фронте, в армии, освободившей Орел. В результате поездки были написаны очерки о войне “Освобожденный город”, “Поездка в армию” и стихи “Смерть сапера”, “Разведчики”, “Преследование”. По стилю эти произведения близки рассказам А. Платонова о войне. Достаточно перечитать для сравнения его рассказ 1943 г. “Одухотворенные люди”. Особенно заметны переклички поэмы Пастернака “Зарево” и рассказа Платонова “Семья Иванова”: авторы ставят проблему бытовых, психологических и нравственных последствий войны для человека, который и в мирное время продолжает жить по законам военного времени». http://mysoch.ru/sochineniya/pasternak/_self/poeziia_pasternaka_perioda_voini/

С. 129 ... *(какая чудесная сказка о Золотой рыбке!)...* – аллюзия на сказку А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (1835).

С. 133 ... *по Ницше, лжец обманывает других, а мечтатель обманывает и других и себя самого.* – Ср.: «Мечтатель скрывает

истину от себя, лгун только от других». *Ницше Ф.* Смешанные мнения и изречения. http://www.nietzsche.ru/works/main-works/mixed-opinions/

С. 137 *... похожая на Ааронов жезл...* – Числ.17:8.

Союзники высадились во Франции... – речь идет о Нормандской десантной операции в июне 1944 года, ознаменовавшей открытие Второго фронта в Европе с дальнейшей задачей освобождения Франции и наступления на Германию. Московское радио передавало ряд специальных экстренных выпусков последних известий, в которых сообщалось о ходе высадки англо-американских войск.

С. 140 ... *словами молитвы Рузвельта...* – в дневниковую тетрадь вклеена газетная вырезка: «9 Июня 1944 г., № 138. Молитва Рузвельта. «Вашингтон, 7 июня. (ТАСС). Рузвельт вчера опубликовал молитву, которую затем прочитал сегодня по радио в 2 часа по Гринвичу: "Сограждане американцы! В этот час испытания я прошу вас присоединиться к моей молитве: Всемогущий Бог, наши сыновья, гордость нашей страны, сегодня начали великое предприятие – борьбу за сохранение нашей республики, нашей религии и нашей цивилизации и за освобождение страдающего человечества. Веди их по прямому и верному пути, дай силу их оружию, стойкость их сердцам и сделай их веру непоколебимой. Им будет нужно твое благословение. Их путь будет долгим и тяжелым. Враг силен. Он может отбросить назад наши войска. Успех может не прийти очень быстро, но мы будем возвращаться вновь и вновь, и мы знаем, что благодаря твоему милосердию и справедливости нашего дела наши сыновья восторжествуют. Им будет тяжко, ни днем, ни ночью они не будут знать отдыха, пока не придет победа. Тьма будет насыщена грохотом и огнем. Души людей будут потрясены ужасами войны. Это – люди, недавно оторванные от мирной жизни. Они борются не ради жажды завоевания. Они борются, чтобы положить конец завоеванию. Они борются за освобождение. Они борются за торжество справедливости, терпимости и доброй воли между всеми твоими народами. Они жаждут только закончить битву, только возвратиться в свои мирные дома. Некоторые из них никогда не вернутся. Прими же, отец, своих героических слуг в твое царство. А нам, оставшимся дома, – отцам, матерям, детям, женам, сестрам и братьям мужественных людей, находящихся за морем, нам, чьи мысли и молитвы всегда с ними, помоги нам,

всемогущий Бог, укрепи нашу веру в тебя в этот час великого испытания. Многие просили, чтобы я призвал народ посвятить один день особой молитве. Однако, поскольку путь долог, а желание велико, я прошу наш народ посвятить себя более длительной молитве. Пусть слова молитвы будут на наших устах и призывают тебя помогать нашим усилиям каждое утро, когда мы начинаем новый день, и вновь, когда мы заканчиваем его. Дай нам и силу – силу в наших повседневных делах, чтобы удвоить физическую и материальную поддержку нашим воинам. Дай твердость нашим сердцам, чтобы выдержать долгое испытание, перенести возможные горести, внушить мужество нашим сыновьям, где бы они ни находились. Дай нам веру, о, Боже! Дай нам веру в тебя, веру в наших сыновей, веру друг в друга, веру в наш единый крестовый поход. Не давай слабеть силе нашего духа. Не давай временным событиям, временным мимолетным делам отвлекать нас от нашей главной цели. С твоим благословением мы восторжествуем над темными силами нашего врага. Помоги нам одолеть апостолов алчности и расового высокомерия. Веди нас к спасению нашей страны и вместе с нашими братскими странами – к мировому единству, которое обеспечит прочный мир, мир, защищенный от посягательств недостойных людей, мир, в котором все люди будут жить свободно и пожинать справедливые плоды своего честного труда. Да исполнится твоя воля, всемогущий Бог! Аминь". Перед началом чтения молитвы Рузвельт сделал следующее замечание: "Вчера вечером, когда я говорил с вами о падении Рима, я уже знал, что войска Соединенных Штатов и наших союзников переправляются через Ла-Манш, начиная другую, еще более великую операцию, которая до сих пор проходит с успехом"».

С. 146 *... есть неприязнь к учительству ...* – в монологичном доктринерстве и морализаторском учительстве Гоголя, Достоевского, Толстого Розанов видел «безумную имморальность» в их отношении к читателю, отстаивая онтологическую уникальность личности, свободу и индивидуальность духовного пути: «суть проповедей такого рода (и их беспросветный эгоизм) заключается в априорном, слепом и фанатичном отрицании если не возможности, то нужности и "добродетельности" таких исключительных и новых дорожек. <...> Кто из них спросил своих возможных учеников: "Кто вы, слушатели мои?" Кто наклонился лицом к ихнему лицу, с целью заглянуть в особую душу каждого? <...> Менее в Достоевском, но в Толстом также

в чрезвычайной степени заметна, параллельно увеличению морализированья, потеря всякого интереса к морю человеческих индивидуальностей <...>. Потерян самый вкус к лицу человека: и это составляет главную разграничительную линию между Толстым-художником и Толстым-проповедником» (*Розанов В.* Учитель и ученики, гении и простые смертные // Новое Время. 1904. 13 окт. С. 4). В записи 24–25 октября 1927 г. Пришвин развивает розановскую критику монологичного учительства: «Этим кончали все крупные русские писатели: претензия на учительство – это склероз великого искусства. <...> Стремление сказать последнее слово вне своего дарования (Гоголь, Толстой и друг.) есть результат распада творческой личности» (Дневники. 1926–1927. С.511, 512). См. запись от 15 ноября 1943 г. и коммент. к ней (Дневники. 1942–1943. С. 633, 773–775). Комментарий А. Медведева.

... встречая человека нового, я мгновенно нахожу в себе в нем такого же, как я <...> и великолепно беседую, как с равным. Эту же эластичность чисто русскую, а может быть и татарскую ... наблюдал у Розанова ... – ср.: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем (на улице)» (*Розанов В.В.* Уединенное (1912) // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 41). Комментарий А. Медведева.

С. 154 *А.М. Коноплянцев, когда-то написавший монографию о Леонтьеве...*– речь идет о биографии К.Н. Леонтьева «Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева.1891». СПб., 1911. http://knleontiev.narod.ru/biography/konoplyantsev1.htm

С. 158 *Розанов восставал на Христа как декадент, извращенно.* – Отвечая на розановские обвинения в декаденстве, А. А. Блок писал Розанову в письме от 17 февраля 1909 г.: «Я не отрицаю, что я повинен в декадентстве, но кто теперь в нем не повинен, кроме мертвецов? Думаю, что и Вы его не избегли, потому что оно – очень глубокое и разностороннее явление» (*Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.–Л., 1963. Т. 8. С. 274). Комментарий А. Медведева.

... (так и Толстой говорил о прекращении рода). – В повести «Крейцерова соната» (1889) Л. Толстой размышлял о греховно-

сти плотской любви, мешающей человечеству достичь духовной цели («благо, добро, любовь»): «если уничтожатся страсти», то «цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить»: «Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое?» (*Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 146–147). См. запись от 14 сентября 1935 г. (Дневники. 1932–1935. С. 794, 976) и запись от 24 января 1940 г. и коммент. к ней (Дневники. 1940–1941. С. 22, 775). Комментарий А. Медведева.

С. 162 ... *окончил в Лейпциге агрономический институт* <...>. *Поехал поглядеть на Париж и влюбился...* – в 1902 г. Пришвин закончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета и в этом же году в Париже познакомился с Варей Измалковой, дочерью петербургского действительного статского советника, студенткой исторического факультета Сорбонны. В первой, составленной писателем 24 сентября 1918 года летописи жизни, отмечено: «***1900. В Берлине, Йена, Лейпциг, 1902.*** <... > я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча, последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение»; «***Б/д. 1908–1909.*** Она встретилась ему как от века предназначенная, та лучшая, желанная, и стала единым образом красоты и добра, она единственная, Прекрасная Дама. И он стал единственный, не средний нищий марксист, а собственник единственного своего «Я» – он стал ницшеанец и больше не заключает себя в черную скорлупу, а раскрывает свои способности, ищет призвания» (Дневники. 1918–1919. С.520–521; Ранний дневник. С. 302).

С. 170 *И врата ада не одолеют ее...*– Мф.16:18.

Да молчит всякая тварь. – Песнь Великой субботы.

С. 173 *Раньше я ни в какие чудеса не верил...* – ср.: из воспоминаний известного ученого зоолога, морфолога и эмбриолога Константина Николаевича Давыдова, с которым Пришвин познакомился в Петербурге в 1904–1905 гг.: «Как сейчас помню

доклад Михаила Михайловича в Русском географическом обществе об этнографических исследованиях где-то в Заволжье (Пришвин в молодые годы одно время занимался и этнографией и даже получил – он это скрывал – серебряную медаль от Географического общества). Зал был переполнен «избранной» публикой (присутствовал даже один из великих князей). И вот, характеризуя женское население изученного района, докладчик рассказал о какой-то «девке Матрешке», которая, несмотря на свою незаурядную религиозность, сделалась будто бы добычей темных сил. – Эта Матрешка, – рассказывал докладчик, – както исчезла из дома, пропадала трое суток и, вернувшись, объяснила свое отсутствие тем, что ее запер где-то в землянке леший, который ее там подковал подковами. – Шокированный зал разразился хохотом. Но Пришвин ничуть не смутился. – Вот вы смеетесь, – сказал он не без сарказма, – вы, разумеется, скажете, что лешего не существует. Согласен, здесь, в этом зале, может быть, он и не появляется, но там... Впрочем, – добавил он, [illegible]нув залу победоносным взглядом, – если лешего вообще нет, то объясните мне, пожалуйста, кто же подковал Матрешку?

О впечатлении, произведенном на публику этим ядовитым замечанием, предоставляю судить читателю, скажу только, что председателю пришлось неоднократно хвататься за звонок...» (Личное дело. С. 40–49).

С. 175 ... *вначале было <u>дело</u>, не Слово, а именно <u>дело</u> (Фауст).* – Парафраз сцены из трагедии Гете «Фауст» (написан 1797, изд.1808). Ср.: «"В начале было Слово". С первых строк / Загадка. Так ли понял я намек? / Ведь я так высоко не ставлю слова, / Чтоб думать, что оно всему основа. / <...> "В начале было дело", – стих гласит» (пер. Б. Пастернака).

С. 176 ... *как и Раскольников в своем преступлении.* – Аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С. 180 ... *ему можно писать о мести...* – ср.: «Бытует широко распространённое мнение, что первым в пропагандистский обиход лозунг "Убей немца!" ввёл именно Эренбург. Здесь обычно ссылаются на статью, опубликованную 24 июля 1942 года в газете "Красная звезда", в которой содержались следующие строки: "Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст.

Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей! <...>" Во время войны Эренбург постоянно подчёркивал, что он не отождествляет нацизм и немецкий народ. 14 июня 1942 года он написал: "Мы не переносим нашей ненависти к фашизму на расы, на народы, на языки. Я знаю, что девять десятых немецкой молодёжи отравлены ядом фашизма, который поражает организм, как сифилис. Но никакие злодеяния Гитлера не заставят меня забыть о скромном домике в Веймаре, где жил и работал Гёте". <...> На самом же деле в годы войны самым действенным воспитателем ненависти к немцам была запредельно страшная реальность этой войны. Преследуя отступающих солдат вермахта по выжженной ими земле, красноармейцы постоянно наталкивались на следы кошмарных нацистских преступлений. Преднамеренное убийство почти четырёх миллионов советских военнопленных осенью и зимой 1941 года, блокада Ленинграда с миллионом погибших от голода, грабёж оккупированных территорий, репрессии против местного населения, убийства заложников, вывоз и безжалостная эксплуатация «остарбайтеров», плановое уничтожение евреев, газовые камеры поражали человеческое воображение. Английский историк Энтони Бивор (Antony Beevor) приводит в своей книге "Падение Берлина 1945" (М.: АСТ, 2004) красноречивый эпизод. В январе 1945 года нацисты приступили к срочной эвакуации концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных. Группа британских военнопленных догнала колонну измождённых пленных красноармейцев. Британцы стали бросать советским пленным хлеб, мыло, сигареты. Русский пленный хотел подобрать сигаретную пачку, но охранник стал избивать его прикладом винтовки. "Мой бог! – сказал один из англичан. – Я заранее прощаю русским всё, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно всё!"» (http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=1384).

С. 189 *Читал «Монну Ванну»...* – историческая драма Мориса Метерлинка «Монна Ванна» (1902).

С. 190 *... по сусеку мела...* – сусек – отгороженный ларь в амбаре для ссыпки зерна.

С. 191 *... Акулову гору, упоминаемую в стихах Маяковского.* – Имеется в виду стихотворение В.В. Маяковского «Необычайное

приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)» (1920).

С. 192 ... *выступали всякие ораторы.* – В первые послереволюционные годы Пришвин встречал подобных ораторов на родине в Хрущеве, куда он с семьей уехал из Петрограда весной 1918 года. Ср.: «***9 Мая 1917.*** Гость из Москвы говорит: – Граждане! Знайте, что мы, солдаты Московского гарнизона, все организованы, мы все понимаем, мы все читаем, мы даже знаем слова иностранные! – Мужики слушают с великим вниманием: знает слова иностранные! – Я как член гарнизона заявляю вам: я недоволен, что мы плохо стремимся! – Плохо стремимся! – Революция произошла, а ум человеческий не произошел. И я вам скажу, вы не граждане, а вы ослы! – Председатель останавливает и просит не употреблять таких выражений. – Ослы, потому что непросвещенные, у нас теперь враг не голод и германец, а культурно-просветительная деятельность, что мы некультурные. И вся Россия необразованная и никакая!»; «***1 Февраля 1919.*** Оратор говорит народу в холодном помещении о коммуне и будущем счастье народа, а пар из его рта так и валил, как у голодной собаки, лающей холодной ночью на луну. И казалось нам, эти слова его о коммуне тут же валятся из рта и падают белыми кристаллами снега, и весь этот снег нашей зимней пустыни сложился из кристаллов пустых, умерших слов, похоронивших под собою живую жизнь» (Дневники. 1914–1917. С. 408; Дневники. 1918–1919. С.331–332).

С. 193... *когда женщины плачут и стонут <...> назначить им награду, если они опять народят...*– имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года, принятый с целью поощрения многодетности, о ежемесячном пособии семье с рождением четвертого ребенка и присвоении звания «Мать-героиня» женщине, родившей и воспитавшей десять и более детей.

С. 194 *Село называлось Проскурово, как в «Дубровском».* – Ошибка: село в повести А.С. Пушкина «Дубровский» (1833) называется Покровское.

С. 195 ... *«Да умирится же с тобой и покоренная стихия»...* – неточная цитата из повести А.С. Пушкина «Медный всадник.

Петербургская повесть» (1833); у Пушкина: «Да умирится же с тобой/и побежденная стихия».

С. 196 *По Москве провели 56 тысяч пленных немцев...*– имеется в виду марш пленных немцев по Москве, который состоялся 17 июля 1944 года.

С. 197 *Читал статью Леонова в «Правде» о пленных немцах...*– имеется в ввиду статья Л. Леонова «Немцы в Москве». http://lib.rin.ru/doc/i/47246p.html

С. 205 *Метерлинк. «Аглавена и Селизета».* – Пьеса-сказка М. Метерлинка «Аглавена и Селизета» (1896). Ср.: «"Аглавена и Селизета" – лучшее из произведений Метерлинка, произведение гениальное, я бы даже сказал – пророческое. Я особенно настаиваю на глубоком этическом значении этой драмы. В ней открываются те идеальные, духовные основы любви, которые указывают на выход из трагизма, на его высшее преодоление. Только в будущем это может сделаться более ясным, чем у Метерлинка, но, во всяком случае, трагическая любовь Аглавены, Селизеты и Мелеандра так прекрасна, так возвышается над всем мелким и преходящим, что чувствуется какое-то примирение с безысходностью» (*Бердяев Н.* К философии трагедии. Морис Метерлинк. http://moy-bereg.ru/stolpyi-simvolizma/nikolay-berdyaev-k-filosofii-tragedii.-moris-meterlink.html).

... будто Гитлер казнил 100 генералов. – Имеется в виду заговор 20 июля («Заговор генералов») – заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944. Следствием неудачи заговора стала казнь большинства его участников и подавление движения Сопротивления.

С. 209 *... воззвание немецких генералов...* – по-видимому, имеются в виду события, произошедшие в Растенбурге, Берлине и Париже 20 июля 1944 года и связанные с организацией заговора против Гитлера. Роджер Манвел, Генрих Френкель. Июльский заговор. История неудавшегося покушения на жизнь Гитлера. 1943–1944. – М.: Центрполиграф, 2007.

С. 212 *... три раза отрекся от Христа, то закричал петух...* – Лк. 22:34.

С. 216 ... *самое прекрасное в жизни моей из детства: сад.* – Ср.: «***15 Мая 1918.*** Завтра погибнет мой сад под ударами мужицких топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой. Прощаюсь с садом и ухожу, я найду где-нибудь сад еще более прекрасный: мой сад не умрет. Но вы, кто рубит его, увидите только смерть впереди (пьяные во́роны)» (Дневники 1918–1919. С. 110). В разные годы и по разным поводам воспоминания о хрущевском саде связываются у Пришвина с образом утраченного детства и утраченной родины. Начиная с первых произведений образ сада занимает важное место в поэтике Пришвина, в частности, сад – устойчивая метафора художественного творчества. Череду образов сада в художественном мире Пришвина, архетипом которого выступает рай, открывает «черный сад» («У стен града невидимого», 1909), затем продолжает сонный сад («Иван Осляничек», 1912), крымский сад («Славны бубны», 1913), вырубленный яблоневый сад детства в Хрущеве («В саду», 1918), Люксембургский «любовный» сад («Кащеева цепь», 1927), сад художника («Наш сад», 1952) и, наконец, сад в деревне Дунино под Москвой (дунинский дневник 1946–1954).

С. 217 *Начинает мелькать перспектива на будущее: наши победы за границей будут сопровождаться формированием новых членов СССР: Польши, Чехии, Румынии, Югославии и самой Германии.* – В отношении внешней политики СССР интуиция не подвела писателя: в течение 1945 года политика Сталина в отношении стран Восточной Европы стала для всех очевидной и понятной. Ср.: «Московское правительство все чаще нарушало принятое на Ялтинской конференции заявление о свободной Европе, гарантировавшее каждой стране, освобожденной от нацистского господства, независимое и демократическое правительство. Молотов вспоминал о том, что он выражал сомнение, должен ли СССР подписывать это заявление. Сталин же не колебался ни минуты: “Мы можем выполнять потом по-своему [это заявление]. Дело в соотношении сил”. Советская трактовка этого документа заключалась в том, что СССР позволял участвовать в процессе принятия решений только тем политическим силам Восточной Европы, которые, с его точки зрения, “демократичны” и “не враждебны народу”. В категорию “враждебных народу сил” со временем попадало все большее количество течений и группировок, пока, наконец, на политической сцене не остались только коммунисты и их марионетки» (*Люкс Л.* История России

и Советского Союза от Ленина до Ельцина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 340).

С. 220 ... *в распоряжение десятирожного зверя...* – Откр. XIII.

С. 221 ... *Авраам родил Исаака...*– Мф. 1:2.

С. 222 ... *у подножия каркаса Дворца Советов...* – строительство Дворца Советов – самый амбициозный и неосуществленный строительный проект сталинской эпохи. Частично собранный каркас здания достиг высоты 10-этажного дома (его вес составлял приблизительно 25 тысяч тонн), когда в 1941 году началась война.

С. 223 *Из Метерлинка «Жизнь пчел»...* – речь идет о трактате Мориса Метерлинка «Жизнь пчел» (1901). Ср.: «Метерлинк – безусловный адвокат вселенной, всезащищающий, всеоправдывающий. Приговор, который он выносит творению и Творцу, даже не оправдательный, а хвалебно-восторженный, благословляющий <...> он изображает нам жизнь пчел, "дочерей света", и разум цветов, и разум ароматов в таких нежных и ярких тонах, каких до сих пор не знала описательная поэзия. Нет того цветка, нет того аромата, чьей мимолетной красоты он не закрепил в вечных образах. Страницы эти – лучшие из всех, им написанных. Описание брачного полета пчел считается непревзойденным в литературе. Такими же мне кажутся все его страницы, изображающие приход и расцвет весны» (http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_0009.shtml).

... *когда лев ляжет рядом с ягненком.* – Ис. 11:6.

С. 224 *Федина озлобленно ругают за книгу о Горьком.* – Речь идет о статье Ю. Лукина «Ложная мораль и искаженная перспектива» (Правда. 1944, 24 июля) с погромной критикой «глубоко аполитичной» книги К. Федина «Горький среди нас». Полемика, развернувшаяся вокруг этой статьи, свидетельствует о том, что в годы войны и в писательской среде атмосфера радикально изменилась: идет полемика, в ходе которой разные писатели, включая Федина, резко высказываются против цензуры ЦК партии, против навязывания писателю идеологических схем и пр. По поводу статьи в «Правде», критиковавшей его книгу, Федин заявляет: «Юрий Лукин, написавший статью под суфлера, формально прав. Под формальной точкой зрения я разумею точку зрения нашего правительства, которая, вероятно, прогрес-

сивна в деле войны, понуждая писателей служить, как солдат, не считаясь с тем, что у писателей, поставленных в положение солдат, ружья не стреляют. Ведь это извечный закон искусства: оно не терпит внешнего побуждения, а тем более принуждения. Смешны и оголенно ложны все разговоры о реализме в нашей литературе. Может ли быть разговор о реализме, когда писатель понуждается изображать желаемое, а не сущее? Все разговоры о реализме в таком положении есть лицемерие или демагогия. Печальная судьба литературного реализма при всех видах диктатуры одинакова. Реалистические портреты Ремизова и Сологуба толкуются как искажение действительности. Даже о далеком прошлом нельзя писать реалистически, а то, что требует Лукин, – явно инспирировано; это требование фальсификации истории. Горький – человек великих шатаний, истинно русский, истинно славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту, – уже прилизан, приглажен, фальсифицирован, вытянут в прямую марксистскую ниточку всякими Кирпотиными и Ермиловыми. Хотят, чтобы и Федин занялся тем же!»; «Сижу в Переделкино и с увлечением пишу роман, который никогда не увидит света, если нынешняя литературная политика будет продолжаться. В этом писании без надежды есть какой-то сладостный мазохизм. Пусть я становлюсь одиозной фигурой в литературе, но я есть русский писатель и таковым останусь до гроба – верный традициям писательской совести... Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны. Пластинки, изготовленные на потребу дня, крутятся на этих патефонах, и все они хрипят совершенно одинаково. ... Леонов думает, что он какой-то особый патефон. Он заблуждается. "Взятие Великошумска" звучит совершенно так же, как "Непокоренные" [Б.Л. Горбатова] или "Радуга" [В.Л. Василевской]. На музыкальное ухо это нестерпимо. Пусть передо мной закроют двери в литературу, но патефоном быть я не хочу и не буду им. Очень трудно мне жить. Трудно, одиноко и безнадежно». Писатели не преминули высказаться по возникшему поводу. Ср.: *Писатель Нилин П.Ф.:* «Федин – не настоящий писатель, его писательская работа – имитация, повторяющая идеи и мысли чуждых нам заграничных писателей. Федин как-то без основания, вдруг, занял у нас место "великого русского писателя", он страдает преувеличенным самомнением и ничего не дал созвучного нашей эпохе. Он – ложно революционный, а не народный писатель...» *Писатель Леонов Л.М.:* «Книга Федина о Горьком

плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. Горький не сразу стал тем писателем и учителем жизни, которого высоко чтит советская страна. И бестактно сейчас, в интересах личной писательской биографии, публиковать то, что было сказано Горьким совсем в другое время, на иной стадии нашей общественной и литературной жизни. У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предам этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя, пришедшего к полному единению со своим народом, с партией, с советским государством». *Драматург Погодин Н.Ф.:* «В книге Федина много ценных мыслей и высказываний, она должна быть настольной книгой каждого писателя. Самое ценное в ней – мысль автора: "Надо слушать, но не слушаться". Это книга, утверждающая право художника мыслить и писать о чем он хочет, не считаясь с "указками"». *Писатель Шкловский В.Б.:* «В литературе, особенно в военной журналистике, подбираются кадры людей официально-мыслящих, готовых написать под диктовку. Существует болезнь свежей мысли. Даже Эренбург мне жаловался, что установки становятся все более казенными» (Информация Наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей. 31.10. 1944. http://www.hrono.info/dokum/194_dok/19441031merk.php/ Родина. 1992. № 1. С. 92–96).

Что-то сектантски упрямо-единое. Похоже на немоляк, толкующих св. Писание на свой «дух». – Ср.: «Зачем, почему и каким именно способом национальная традиция, воплощенная в русской культуре и религии, породила и продолжала воспроизводить советский режим со всеми его особенностями? В 1920-х все писатели первого ряда давали свои ответы на этот самый важный из вопросов: проблему отечественных корней большевизма. Лидеры победившей революции не любили самого вопроса и тем более не любили ответов. Они сами были прежде всего авторами. Ленин писал в анкете: "профессия – литератор". Троцкий свою книгу революционных лет посвятил литературе. Луначарский продолжал писать драмы. Новые бюрократы по-прежнему верили в силу слов и поддерживали ностальгическую дружбу с писателями. Но те вели подрывную работу. Всякая революция считает себя переломом времен, началом века, но-

вым миром. Всякая литература сосредоточена на своих связях с предшествующими текстами и событиями. Почти независимо от желаний авторов и их отношений с начальством русская проза оказывалась в оппозиции режиму. Ее версии не были одинаковыми, но могли казаться таковыми. Как писал Лев Троцкий в "Литературе и революции" о писателях, недобро названных им "попутчиками", – о писателях революции: «Их завертело, и они все – имажинисты, серапионы и пр. – хлыстовствовали <...> Подойдя к революции с мужицкого исподу и усвоив себе полухлыстовскую перспективу на события, попутчики должны испытывать тем большее разочарование, чем явственнее обнаруживается, что революция не радение» (*Л. Троцкий.* Литература и революция. Москва: Политиздат, 1991. С. 68; *Хлыст.* С. 454). Ср. также: ***«Б/д. 1908–1909.*** Марксизм и Легкобытовство <*зачеркнуто:* хлыстовство> имеют общим: 1) причина всех причин (метафизика), 2) требование царства на земле, 3) превращение рабской массы в сознательную личность. <...> История секты Легкобытова ("Начало века") есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма. Тем и другим хочется, а жить нельзя (например, стыдно жить, когда кругом нищета); между тем, совсем нельзя не жить, потому что не пережито, и вот это непережитое и недоступное материально обвеивается новым, предустановленным к нему отношением, получается не земля просто, но земля обетованная (Лондон вместо Москвы), государство будущего вместо обыкновенного государства. Не пережитое и страстно желанное – это исход всего Израиля. А потом уже начинается с этим расправа (сознательное требование)» (Ранний дневник. С. 253).

С. 225 *... басня о медведице и пустыннике...* – басня «Пустынник и медведь» (русск. пер. И.А. Крылова, 1807) из собрания басен и рассказов Бидпая и Локмана (Бидпай – апокрифическое имя индусского мудреца, Локман – баснословный арабский мудрец), которые более 1500 лет распространялись среди всех народов Востока и Запада. На французский язык переведены Ж. Лафонтеном, на русский – А.П. Сумароковым, И.А. Крыловым и др.

С. 226 (*«Приидите, празднолюбцы».*) – Слова из богослужебных текстов (Минея).

С. 227 *... дама приятная во всех отношениях...* – аллюзия на роман Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842). Гл. 9.

С. 230 *... есть такие, как Горшков...* – дальнему родственнику по отцовской линии художнику Михаилу Николаевичу Горшкову Пришвин посвятил два рассказа – «Загадка» (перв. публикация 1960) и «Наш сад» (1952), а также две главы – «Золотая книга» и «Италия» – в автобиографическом романе «Кащеева цепь».

... благодарность за «Синюю стрекозу»... – в преддверии новой войны, 13 Апреля 1941 года, Пришвин начинает работу над рассказом «Голубая стрекоза» о событии Первой мировой войны, которое, правда, никаких отличительных признаков войны 1914 года не имеет. В рассказе граница войны и мира (смерти и жизни) проходит сквозь душу раненого: образ летающей голубой стрекозы оказывается той нитью, которая связывает его с жизнью, а исчезновение стрекозы с очевидностью означает разрыв этой связи (смерть). Однако стрекоза, исчезнув из поля зрения в воздухе, возникает в водном отражении, образ зеркально удваивается, а цвет вытесняется светом (отражение – игра света). В отражении видимое совпадает с невидимым, желаемое с действительным – образ стрекозы становится символом победы жизни над смертью. Рассказ «Голубая стрекоза» под названием «Моему другу на фронт» был впервые опубликован в кн.: Вперед за нашу победу. – М.: 1941.

С.231 *... вроде «Всадника без головы»...* – ср: «***23 Января 1916.*** День рождения. 43 года (1916). Я – с одной стороны, тот же самый, который бежал в Америку, и вся жизнь, как развитие этого "американского существа" (Дневники. 1914–1916. С. 269–270). Действительно, свою первую книгу «В краю непуганых птиц» Пришвин назвал так же, как с друзьями они называли свой побег, а вторую книгу «За волшебным колобком» предваряет посвящение: «Посвящаю свой труд стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежали. Посвящаю и тем трем друзьям, которые разделили тогда со мной детские грезы» – начинающим писателем Пришвин на самом деле вернулся к тому моменту, когда в 1885 году, будучи гимназистом Елецкой мужской гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц» (Собр. соч. 2006. Т.1. С.95–111). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве

они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали "в Америку". Их ловили ... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой» (Евгений Манин (Филадельфия). Ж-л «Чайка», 22 июля 2002).

С. 234 ... *матрос бросает брань в «душу»...* – по-видимому, имеется в виду случай, часто упоминаемый в дневнике, который произошел в одном из петербургских (петроградских) театров и активно обсуждался в первые послереволюционные годы в обществе. Ср.: «***7 Июля 1935.*** Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если <*зачеркнуто:* доведен человек до того, что> кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это "не о едином хлебе"... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то "высшем". <*На полях:* Это момент рождения всех пролет. революций. Самое ненавистное существо в это время – кто говорит, что "не о едином хлебе"... (Матрос при слове "Христос" стрельнул в актера») (Дневники. 1932–1935. С. 745).

С. 236 ... *Раскольников забрал себе в голову (надумал) убить старушонку.* – Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С. 238 ...(*«...странною любовью, ее не ...рассудок мой...*). – Аллюзия на стихотворение «Родина» М.Ю. Лермонтова (1841).

С. 241 ... *страдальческий путь к истине любимейшего у Бога ангела Сатанаила.* – Иез.28:17, Ис.14:13–14, Быт. 3:14–15, Кол. 2:15, Откр. 20:2–3, 7–10.

Но ведь Христос нас спас. – Ср.: « <...> самое главное отличие хлыста от православного состоит в том, что для православного Христос один раз воплотился, для хлыста этого Христа воплощенного не было; главное состоит в том, что в мироощущении православного Христос был и мир им спасен раз навсегда, для хлыста мир не спасен и нужно сделать личное усилие для спасения от мира, который пребывает в состоянии неподвижности и

косности». Астраль («Возле процесса Охтенской богородицы») // Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 593.

С. 245 *Читаю Метерлинка о молчании, понимаю – все правда...* – речь идет об одном из лучших морально-философских трактатов Мориса Метерлинка «Сокровище Смиренных» (1896), в котором лучшие страницы посвящены прославлению молчания. Ср.: «Метерлинк в "Сокровище Смиренных", провозглашая, что победа добра ждет нас не в далеком будущем, что эта победа уже одержана, что нам негде искать нравственных сокровищ, ибо они скрыты в нашей душе, за внешними покровами слов, мыслей, чувств, поступков, в молчании, в незримой красоте, в незримой доброте, что от близости человека к своей собственной душе, а не от его дел, слов и мыслей зависит его истинная значительность, и там, в мистическом сумраке, в душе грешника, как и в душе праведника и героя, неприкосновенно лежит сокровище смиренных, таятся драгоценные каменья и только и ждут луча, чтобы загореться тысячью огней» (http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_0009.shtml).

С. 246 *... в юности приехал к Семашке...* – Николай Александрович Семашко земляк и друг Пришвина, под влиянием которого в гимназические годы Пришвин увлекся марксизмом. Семашко – один из персонажей автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь» (1927).

С. 249 *... как надо писать и «Падун».* – В тетрадь вклеена газетная вырезка: «Покушение на генерала де Голля. Лондон 27 августа (ТАСС). Как передает агенство Рейтер, вчера на прибывшего в Париж генерала де Голля было произведено покушение. Во время благодарственного молебна в Соборе Парижской Богоматери проникшие туда фашисты открыли стрельбу с галереи в генерала де Голля и собравшееся духовенство. Французские полицейские и солдаты союзных войск открыли ответный огонь по фашистам. Генерал де Голль остался невредим. Приписка в скобках: (читая, вспомнил о Монтекки и Капулетти)».

С. 257 *Буллит – имя того журналиста...* – известный американский журналист, дипломат, первый посол США в советской России (с 1933 г.) Уильям Буллит не скрывал своего мнения, что «Советский Союз – агрессивная и экспансионистская держава. В 1944 году он писал Рузвельту, убеждая его вывести союзнические войска к восточным границам Европы: «В из-

вестные времена люди становятся хозяевами своей судьбы. Сейчас вы имеете эту власть – и пока вы ее имеете, вы должны использовать ее. Вы потеряете ее в тот день, когда рухнет Германия». Черчилль и Иден в принципе согласились с Буллитом. Рузвельт к его советам и прогнозам не прислушался. Он рассчитывал, что Советский Союз после войны будет плодотворно сотрудничать с Соединенными Штатами во имя всеобщего мира. Прав оказался не президент, а Буллит. 25 сентября 1944 года газета «Правда» назвала его «обанкротившимся шпионом, пытавшимся сделать карьеру на грязной антисоветской работе», его заявления «бредом сивой кобылы». А газета «Красная Звезда» – «врагом мира». http://e.mail.ru/cgi-bin/ajax_attach_action?id=13366682160000000968&_av=0 *Спивак Л.* Одиночество дипломата. Н. Новгород: Деком. 2011. Писатель прекрасно понимает все, что имеет в виду Буллит, однако видит, что после победы в мире естественно распространяется и усиливается сочувствие социализму, происходит укрепление международного положения СССР. Он знает, что и внутри страны никто ничего не мог бы противопоставить государству, за исключением невидимой внутренней силы слова – молитвы.

С. 261 ... *как Руслан ищет Людмилу в шапке-невидимке.* – Поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817–1820).

С. 264 *Читала у Достоевского: «И се буде, буде!»* – Ср.: «Константинополь рано ли, поздно ли должен быть наш» (Дневник писателя, 1876, июнь, гл. II., ч. IV. // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 48).

С. 265 *К детскому рассказу «Наказанная ель»...* – детский рассказ под таким названием неизвестен. Ср.: «***9 Января 1942.*** Усолье. Был один до того непокорный сук, что 50 лет старался нарушить общую форму ели и торчал, пока, наконец, одной снежной зимой был так придавлен к земле, что весной уже и не поднялся. И потом, когда поднялись ветры, этот нижний огромный сук, как наказанный за свое непокорство, стал качаться и разметать под елью землю от падающих на нее мертвых хвоинок. Это заметили птицы, и дятел стал прилетать сюда в безветренное время клевать. Ель своим наказанным сучком потом убирала за ним сор» (Дневники. 1942–1943. С. 19).

... с выстрелом матроса в актера, который читал стихи о Христе. – См. коммент. на стр. 814 к ... *матрос бросает брань ...*

С. 266 *... во всякое время, во всякой вещи...* – утренняя молитва Макария Великого.

С. 267 *В Болгарии «свобода» как у нас в 1917 году.* – 5 сентября 1944 года советские войска находились на болгаро-румынской границе, СССР объявил войну Болгарии и Красная армия вошла в страну. В ночь на 9 сентября монархическая власть в Болгарии была свергнута.

С. 268 *... чтобы нос Ивана Ивановича перешел бы к Ивану Никифоровичу...* – неточный парафраз из пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба, или Совершенно невероятное событие в двух действиях» (написана в 1833–1835, опубликована в 1842): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

С. 269 *...нападаете на Федина, который отдал должное писателю А.М. Ремизову...*– см. коммент. на стр. 809 к *Федина озлобленно ругают...*

С. 270 *... в коммунизме, где каждый будет как «свой», но мало кто в это верит. («Чемреки» – Новый Израиль.)* – Речь идет о хлыстовской общине «Новый Израиль», или «чемреки» (р. Чемрек в Ставропольской губ., где начинал свою проповедь основатель секты А. Щетинин). В первые послереволюционные годы Пришвин обнаруживает, что интуиции начала века, связанные с изучением сектантского движения и выявлением сходства сектантской и марксистской парадигмы, находят реальное подтверждение в новой, складывающейся в результате революции жизни. Ср.: «***1 Декабря 1919.*** Государственная коммуна в государстве, где народ считает издавна власть государства делом антихриста. Между тем религиозная коммуна считается в обществе высшим идеалом <...> Обыватель говорит обыкновенно: “Я ничего не имею против идей коммунизма”, ему нужно сказать: “против коммуны религиозной”. Заманить в коммуну может только мечта или же загнать государственный кнут» (Дневники. 1918–1919. С. 458–459).

С. 271 *... с возмущением говорят о «несчастных» 300 миллионах, взятых в Румынии...* – по условиям перемирия, подписанного 12 сентября 1944 г. между СССР и Румынией, размер репараций с Румынии был установлен в сумме 300 млн долларов США, что составляло 1/5 часть ущерба, понесенного СССР в результате действий румыно-германских войск.

С. 272 *... эта Прага ключ к Варшаве.* – Антифашистское восстание в Варшаве началось 1 августа 1944 года в рамках развития операции «Бужа» (рус. Буря), плана общенационального захвата власти в стране в преддверие советского наступления, и закончилось поражением 2 октября 1944 года. Основной целью восставших было вытеснение немецких оккупантов из города и поддержка дальнейшей борьбы против гитлеровской коалиции. Побочной политической задачей являлось стремление освободить Варшаву до подхода советских войск, дабы подчеркнуть независимость польского государства, привести к власти польское правительство в изгнании и не допустить насаждение Советской властью Польского комитета национального освобождения. К началу октября 1944 года Красная армия почти овладела правобережной частью Варшавы (Прага). http://www.rusprostranstvo.com/massmedia/view/446

С. 273 *Шпенглеровская история культуры...* – книга О. Шпенглера «Закат Европы» (1918), выдержав в течение двух лет 32 издания, привлекла внимание как ученых, так и широких слоев образованного западноевропейского общества к проблемам взлетов и закатов культур. До Шпенглера считалось общепринятым признание за Европой особой, исключительной роли в мировой истории и рассмотрение других культур как «отсталых», которые должны приобщиться к европейской цивилизации. Но именно книга Шпенглера, вышедшая в Германии сразу после ее поражения в Первой мировой войне, когда в обществе было «разлито» ощущение упадка и гибели традиционных ценностей, сделала идею круговорота культур и равноправия разных культур необычайно популярной. В ряде стран появились как научные, так и публицистические статьи и книги, оценивающие происходящие общественные процессы именно под этим углом зрения. Сюда можно отнести, в том числе, и участников русского эмигрантского сборника «Смена вех», и русских евразийцев (Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский и др.). Впоследствии идея множественности культур (цивилизаций) и их циклического изменения была развита в работах А. Тойнби, П.А. Сорокина, Л.Н. Гумилева и др. http://www.socintegrum.ru/Spengler.html

С. 276 *... вошел в судьбу свою, определенную поэзией...* – речь идет о встрече Пришвина с Варей Измалковой в Париже в 1902 году и вспыхнувшей любви к ней. В летописи жизни, составленной писателем в 1918 г., отмечено: «Встреча (4 момента), после-

дующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение» (Дневники. 1918–1919. С.520–221).

...военная операция под Яссами... – речь идет о Ясско-Кишиневской операции (20–29 августа 1944) советских войск против немецко-румынской группировки с целью освобождения Молдавии и вывода Румынии из войны; считается одной из самых удачных советских операций во время Отечественной войны. http://voinanet.ucoz.ru/index/jassko_kishinjovskaja_operacija/0-6199

С. 278 *...у немоляк, занятых «переводом» Библии «на разум».* – О хлыстах-немоляках см.: «У стен града невидимого (Светлое озеро)». Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 411–510.

С. 285 (*«Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда».*) – Строки из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» (1824, опубл. 1827).

«Золототканые» дни (Клюев) проходят один за другим... – аллюзия на стихотворение Николая Клюева «В златотканые дни сентября», которое вошло в его первую книгу «Сосен перезвон» (1912). Надо отметить, что в тексте стихотворения название месяца пишется, как и в дневнике Пришвина, с прописной буквы: «В златотканые дни Сентября/Мнится папертью бора опушка./ Сосны молятся, ладан куря,/Над твоей опустелой избушкой».

С. 286 *... будто скоро отменят карточки...* – карточная система на продукты питания и промышленные товары для населения сохранялась в СССР до конца 1947 года.

С. 287 *Книга о канале им. Сталина...* – речь идет о сборнике «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг.» / Под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина, 1934. Пришвину предложили участвовать, но написанный им для сборника очерк «Отцы и дети (Онего-Беломорский канал)» был отвергнут. Опубликован в журнале «Красная новь» (№1, 1934). Сборник находится в библиотеке Дома-музея Пришвина в Дунине (ГЛМ).

Осударева дорога. – Такое название получит, в конце концов, роман о строительстве Беломорско-Балтийского канала. В процессе работы над романом, начиная с 1932 и кончая 1948 годом, сменилось несколько названий: «Быль», «Былина», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога».

... идеже несть болезней печали, воздыхания. – Из панихиды по усопшему.

... встречу раскольников с большевиками придумать невозможно... – так Пришвин называет важнейшую для него тему современной русской истории. В романе канал – метафизический символ насилия над природой, историей и человеческой личностью, имеющий соответственно географическую, историческую, религиозную и культурную подоплеку. Географические и исторические реалии для Пришвина чрезвычайно важны: перенести действие романа в какое бы то ни было другое место он не хочет и не может. Реалии делают роман исторически и социально конкретным, но они существуют в границах той модели мира, которую строит писатель: процесс десакрализации жизни, ориентирующий религиозное сознание на творчество жизни, постепенно приводит к победе той силы, для которой сакральности не существует вообще. В романе взаимоотношения Петра Первого и староверов в предании раскольников воплощают евангельское соотношение вечного и исторического («Богу – богово, кесарю – кесарево»). В новом времени все меняется. Образ чекиста Сутулова, олицетворяющий в романе власть, почти лишен живых черт личности. Его речь, поведение и образ мыслей во всех ситуациях предельно идеологизированы и прямолинейны. Природа и человек интересны и понятны ему тогда, когда они могут быть использованы для дела, но непонятны и неинтересны сами по себе. Именно через Сутулова постулируется принципиально безбожный мир строительства и отвращение к жизни отцов и дедов, причем не только принципиальное, но и обыденное – «к ситчикам и платочкам», а также и «сумасшедшим», не желающим подчиняться «старухам». Ему противостоит «богатый и могутный» рыбак-старовер Сергей Миронович, пытающийся понять новый мир, а на страже предания, говорящего, что «цепь Антихриста пролегла... сатанинской проволокой, как паутиной, опутан весь мир», стоит его сестра Марья Мироновна. Ареной борьбы староверов и чекистов в романе становится слово: т радиционное слово и предание используются в чуждом для староверов контексте безбожного мира и становятся соблазном: «большой восмиконечный крест» у дома Сергея Мироновича понадобился на время для телефонной проволоки: для Сергея Мироновича «крест от проволоки не пострадает» в силу присутствия в нем божественной силы, а для Сутулова – в силу полного ее отсутствия, но для обоих очевидно, что кресту «ничего

от этого не сделается» и использовать его можно... Работая над романом «Осударева дорога», Пришвин не писал анти- или просталинский роман о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Тоталитарная культурная модель, характеризующаяся подчиненностью художественных задач внехудожественным идеологическим целям (определение М. Рыклина), не строится. Пришвин берется за предложенную ему (как и многим другим) для участия в сборнике «Канал имени Сталина» тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина сначала в очерке, предложенном им в сборник, а затем и в романе совершенно иное – не идеологическое – измерение; ориентиром оказывается не пафос построения социализма, а труд сам по себе, и не полезность сооружения, а сопровождающее сооружение столкновение идей. Славословящий канон отсутствует (недаром текст, подготовленный Пришвиным для сборника, был отвергнут). Писатель заканчивает роман в 1948 году, а потом почти до конца жизни (1954) мучительно перерабатывает его. Несмотря на многочисленные замечания рецензентов и сомнения близких друзей, он считает, что роман – значительное художественное произведение, но не оставляют его и сомнения. Пять редакций романа подтверждают это – все они представляют собой попытки мучительного приспособления, вплоть до изменения места действия и названия. Но только о первой редакции Пришвин записывает в дневнике с уверенностью: «Свидетельством моего художества останется не-переработанный экземпляр». Жене и своему литературному наследнику Валерии Дмитриевне Пришвиной писатель завещает осуществление публикации романа в первой редакции с библейским эпиграфом «Аще сниду во ад – и Ты тамо еси». Валерия Дмитриевна смогла сделать это в 1957 году, но текст романа подвергся тогда существенной редакторской правке, был опубликован без эпиграфа (правда, В.Д. Пришвина смогла дать его в комментариях) и с более поздним (1952) вступлением. В таком виде роман неоднократно переиздавался. Однако не поэтому до сих пор «Осударева дорога» вызывает у многих читателей и критиков неприятие и многочисленные недоуменные вопросы. Дело в том, что «Осудареву дорогу», жанр которой Пришвин определяет как «роман-сказку», необходимо рассматривать в свете неомифологического сознания (Ср.: *В.П. Руднев* «Словарь культуры XX века», М. Аграф. 1997. С.184–187) как новый роман, что никак, никогда и никем

в отношении Пришвина не только не делалось, но и не представлялось нужным. Сам Пришвин между тем это очень хорошо понимал. В 1948 году в дневнике появляется такая запись: «В №18 журнала "Америка" прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: "...не документальная точность, а мифичность – вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего". А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. "Осударева дорога" – высшее выражение этого моего направления» (РГАЛИ). Роман-сказка «Осударева дорога» при своей кажущейся простоте – сложный современный роман, требующий расшифровки и толкования. Роман переполнен историческими и религиозными преданиями, этнографической, античной, библейской мифологией, аллюзиями на художественные тексты.

Кроме того, трагизм происходящего на канале выражается в бесстрастно-остраненной форме, характерной для творчества Пришвина, начиная с первых его произведений (не потому ли в статье «О "Я" и "Что-то" (1913) З.Н. Гиппиус назвала Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца»?). В «Осударевой дороге» столкновение содержания – современная трагедия – и формы очевидно. Не нам судить о том, является ли роман Пришвина «Осударева дорога» одним из текстов русского неомифологизма, но проблема, по-видимому, существует. В 1939 году у Пришвина появилась идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру дневниковых записей, которые он называл «лесами» к роману. Именно в контексте дневника очевидной становится связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций. Это прежде всего «Медный всадник» А.С. Пушкина, «Фауст» Гете, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. И кроме всего, завещая библейский эпиграф «Аще сниду во ад – и Ты тамо еси» к своему многострадальному роману, Пришвин, обозначивший тем самым пространство строительства как ад, вносит в роман идею безусловного присутствия Бога – идею спасения. В роман идея спасения проникает не как нормативная абсолютная истина, о которой одни ежедневно помнят, а другие вспоминают от случая к случаю, а как единственно возможный труднейший выход, который никому не может понравиться – он не приносит внешней свободы, но он открывает возможность роста внутренней свободы, связанной с

тайной личности, той свободы, которую никто не может у человека отнять. А другого выхода для своих героев – так же как для своих современников и для самого себя – Пришвин не видел.

... в притче о талантах... – Мф. 25:14–30.

С. 289 *... сочувствие французской толпе, которая самосудом убила певца Шевалье...* – речь идет о популярном певце и киноактере Морисе Шевалье, который на самом деле во время оккупации Франции в 1940–44 гг. продолжал выступать в Париже, Каннах и гастролировать в Германии; в 1944 году после освобождения Франции союзными войсками обвинялся в коллаборационизме, но никаких санкций за этим не последовало. http://www.svetla-video.ru/?page=artist&id=82.

... читая об Андре Жид[е], Жионо, Гамсуне... – К. Гамсун поддерживал Гитлера и национал-социалистический порядок в Европе, Жан Жионо поддерживал режим Виши во Франции, а книги Андре Жида были сожжены в костре 10 мая 1933 года.

С. 292 *... пели «Свете тихий».* – Песнопение на вечернем богослужении.

С. 294 *... пришел к студенту Горбачеву в Риге...*– в 1896–1897 гг., будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин принимает участие в одном из первых марксистских студенческих кружков («школа пролетарских вождей») под руководством В. Д. Ульриха. Ср.: «Близится время мировой катастрофы. Чтобы спасти человечество, надо стать впереди и бросить свое личное дело. Вот в этом “бросить” и был весь нравственный упор. Мать моя работала всю жизнь на банк, чтобы дать нам образование, – как же это бросить? С другой стороны, основная тревога, перешедшая в мою душу, может быть, через гувернеров моих под амбаром, требовала бросить все личное и отдать свою жизнь за какие-то новые идеалы передового общества» (Путь к Слову. С. 53–72).

С. 296 *... похож на деревянную статую Гинденбурга...* – имеется в виду памятник президенту Германии (1925–1933), который в 1933 году передал власть в руки национал-социалистов, поручив Гитлеру формирование правительства. Ср.: «Скоро вся Германия покрылась памятниками Гинденбургу. Нехватка цветных металлов заставила немцев увековечивать Гинденбурга памятниками, сколоченными из досок. Первый такой монумент был

сооружен на берлинской набережной Лютцовуфер. Возле грубо размалеванной «деревяшки» всегда лежали молотки и кучи гвоздей. Каждый немец, желающий выразить свой патриотический восторг, платил налог, получая гвоздь, который и вколачивал в Гинденбурга. От патриотов не было отбоя, и очень скоро деревянный памятник Гинденбургу превратился в железный, весь истыканный шляпками гвоздей» (*Пикуль В.С.* Честь имею. http://mebius777.livejournal.com/42406.html).

С. 305 *Черчилль <...> сказал, что <...> Сталин выведет Россию к знойно-солнечному счастью.* – Черчилль был в Москве с 9 по 18 октября 1944 года, переговоры со Сталиным шли по вопросу о сферах влияния в Восточной Европе.

С. 309 *Выселение татар и будущее заселение русскими.* – 18–20 мая 1944 года была проведена депортация крымских татар с п-ова Крым, они обвинялись в пособничестве немецко-фашистским вооруженным силам во время оккупации Крыма. Кроме 187 859 человек крымских татар, отправленных на спецпоселение, этой же участи подверглись 9 тысяч уволенных из армии крымских татар, прошедших войну, а также 12 тысяч болгар, 14 тысяч греков, 10 тысяч армян, поколениями живших на этой земле. http://tayni.info/3662/

... выступал в «Кащеевой цепи» против учителей в Елецкой гимназии. – Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 91–131.

С. 310 *... сквозь <...> печь огненную.* – Аллюзия на Книгу пророка Даниила: «Сквозь пещь огненную». Дан. 1:6–7, 3:22.

С. 311 *Бог любит всех, но каждого больше...*– Ср.: «Однажды В. написала мне: “Бог любит не всех одинаково, но каждого больше. Это — откровение о тайне личности”». Читая в 1940 году это письмо Олега, Пришвин записывает: «Бог любит не всех одинаково, но каждого больше (слова Валерии). Вот чудесно-то!» (Невидимый град. С. 301).

Колобок. – Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком» (1908), написанная в результате путешествия в Карелию и Норвегию.

С. 312 *... стащили с крыши последнего фараона.* – В дни Февральской революции в Петрограде жандармы (фараоны) стреляли с крыш домов.

С. 313 ... *вспоминал о Елецком расстреле себя...* – имеется в виду эпизод из биографии Пришвина во время нашествия Мамонтова и взятия Ельца во время Гражданской войны в августе 1919 г. Ср.: «Приехали подводы с десятками вооруженных киргиз, меня приняли за еврея. – Покажи крест! Я показал паспорт. – Читать не умею, давай крест! – Ах тот крестик... Бабушка наша принесла этих крестиков множество и на всех надевала, но я отказался, и как ни уговаривали, этим способом спасаться не захотел. – Давай крест! Нету? – Нету. – Давай часы. И взял у меня часы. Другой взял пальто. Третий навел на меня винтовку. Тогда вдруг оказалось, что умирать-то не очень и страшно, только вспомнились мне в это мгновение тетрадки мои, и вдруг откуда-то пришла ко мне необычайная смелость. – Хабар-бар! – крикнул я. Это было единственное, что я знал по-киргизски. Пьяница опустил винтовку, услыхав родное слово. – Хабар-бар, негодяй! – заорал я на него, а "хабар-бар" означало по-киргизски что-то вроде нашего "здравствуй"» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 260). Дневниковая тетрадь лета 1919 г. (апрель – сентябрь), включающая нашествие Мамонтова на Елец, была потеряна Пришвиным.

С. 315 ... *в калитке своего дома...* – имеется в виду дом в Загорске.

С. 320 ...*вышел «Жень-шень» на английском...* – в 1936 г. в Лондоне вышла поэма «Жень-шень» под названием «Корень жизни» (Jen Sheng: The Root of Life. English version by George Walton, and Philip Gibbons. London, Andrew Melrose, 1936), что оказалось важным событием творческой жизни Пришвина («***26 Апреля 1934.*** О "Жень-шень" даже рецензии нет нигде. Это уже и совсем безобразие». Дневники. 1932–1925. С. 390). Во вступлении профессор биологии Джулиан Хаксли (Гексли) сравнил Пришвина с Ричардом Джефферисом («История моего сердца»), чью книгу «The Story of my Heart» (1883) в немецком переводе (*Richard Jefferies.* Die Geschichte meines Herzens. Yena: 1906) Пришвин хорошо знал. Дж. Хаксли писал: «*Жень-шень* Михаила Пришвина – это книга о природе необычного, редкого качества. У писателя глубокое чувство природы: каждый, кто обладает способностью сильно чувствовать, испытывает желание проникнуть в ее тайну, и в книге это находит выражение в отношениях с природой, животными и растениями. *Жень-шень* можно сравнить с книгой Ричарда Джеффериса *История моего сердца*, это русская интерпретация того же самого опыта, какой пережит Джефферисом в

Англии. Так же как *История моего сердца*, *Жень-шень* иногда граничит с сентиментальностью, но это не ослабляет потрясающей мощи и непосредственности авторского восприятия природы. Редко удается писателю такое живое изображение животных и их внутреннего мира, как это удалось господину Пришвину в изображении пятнистого оленя Восточной Монголии. Без сентиментальности или очеловечивания он заставляет нас почувствовать их индивидуальность и своеобразие их жизни. Особого внимания заслуживает описание страсти, которая овладевает оленями-самцами в брачный период: не помню, чтобы я читал что-нибудь еще, что давало бы такое же чувство непосредственного проникновения в совершенно неизвестный мир животного. Пришвин – одновременно и ученый, и любитель природы. И в этом смысле хотелось бы отметить один интересный аспект его книги: она наводит на мысль, что за 10 тысяч лет, с древнейших времен, человек очень мало чего достиг в деле приручения животных. *Жень-шень* напоминает, что перед человеком в этой сфере все еще огромное поле деятельности. *Жень-шень* – небольшая книжка, но блестящая – она произвела на меня сильное впечатление. Я уверен, что в нашей стране, народ которой отличает особая любовь к природе, ее ждет большой успех. Джулиан Хаксли». Текст редакторского резюме: «Представляя *Жень-шень* читающей публике, мы хотели бы выразить свое убеждение в том, что это одна из самых значительных книг, на публикацию которой мы получили права. Общеизвестно, что восхваление ненадежно. Книг из или о России слишком много. Добавляя еще одну, мы не просим прощения: потому что эта книга не касается преходящих мелких человеческих целей или желаний. Это история Маньчжурского леса: история жизни пятнистых оленей Маньчжурии и жажды простого человека обрести мудрость, выходящую за пределы житейского и повседневного, история о том, как двое мужчин, русский и китаец, ищут Корень Жизни. Автора называют «второй Серой Совой» и его книга считается «величайшей природной книгой после *Green Mansions*». (Перевод *Я. Гришиной*.) Книга Джеффериса (русск. пер.) находится в библиотеке Пришвина (ГЛМ). На страницах остались пометы писателя и записи на полях; вот некоторые из них: «Итак, "усиление" души = моему "методу" исследования жизни» (с. 13), «А это часто бывает, что чувствуешь, насколько больше таится в душе, чем понимаешь. Но редко кто в этом видит наше неизмеримое богатство» (с. 13), «Чудом я называю природное явление в

тот момент, когда оно достигает внимания и душевного понимания человеком, таким образом, вся так называемая "естественная история" есть история чудес» (с. 38), «Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности» (с. 62).

С. 322 ... *вспоминается это из Достоевского (Илюша и Алеша) и ШКИД.* – Имеются в виду роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880) и книга Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД» (1927), которую авторы, бывшие беспризорники, окончившие эту школу, посвятили своим товарищам.

... *(Я – мое путешествие в Азию).* – Побег из гимназии в дневнике называется, то путешествием в Америку, то в Азию. См. коммент. на стр. 813 к ... *вроде «Всадника без головы»*...

С. 323 ... *Асеев читал свою «Чистопольскую поэму», за которую его так били* ... – ср.: «Информация Наркома НКГБ СССР В.И. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о политических настроениях и высказываниях советских писателей. Сов. Секретно. ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А. 31 октября 1944 г. По поступившим в НКГБ СССР агентурным сведениям, общественное обсуждение и критика политически вредных произведений писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Довженко, Чуковского и Федина вызвали резкую, в основном враждебную, реакцию со стороны указанных лиц и широкие отклики в литературной среде. Поэт Асеев Н. Н. по поводу своего вызова в ЦК ВКП(б), где его стихи были подвергнуты критике, заявил: "Написанная мною последняя книжка не вышла из печати. Меня по этому поводу вызвали в ЦК, где ругали за то, что я не воспитываю своей книжкой ненависти к врагу. Нашли, что книжка получилась вредной...Я, конечно, соглашался с ними, но сам я считаю, что они не правы. Вступать с ними в борьбу я не видел смысла. Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им еще читать "Жди меня" Симонова и питаться "Сурковой массой". Я знаю, что написал те стихи, которые нужны сегодня народу... Надо перетерпеть, переждать реакцию, которая разлилась по всей стране. Я продолжаю писать стихи, но я не показываю их. Я не имею права изменять себе и поэтому эти стихи неугодны". Оценивая, в связи с этим, состояние советской литературы, Асеев говорит: "В России все писатели и поэты поставлены на госу-

дарственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас – литература казенная. Что же получается? СССР как государство решительно влияет на ход мировой жизни, а за литературу этого государства стыдно перед иностранцами. Слава богу, что нет Маяковского. Он бы не вынес. А новый Маяковский не может родиться. Почва не та. Не плодородная, не родящая почва... Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все видавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей. Важно поэту, не разменяв таланта на казенщину, дождаться этого времени. Я не знаю, что это будет за время. Я только верю в то, что это будет время свободного стиха"» (Родина №1, 1992. http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/shevchuk.htm).

С. 326 *...когда мы в Польшу вступили в союзе с Германией...* – имеется в виду территориальный раздел Польши между СССР и Германией, завершенный 28 сентября 1939 года подписанием Договора о дружбе и границе между СССР и Германией.

С. 327 *... кончину живота моего безболезну, непостыдну и мирну...*– просительная ектенья на богослужении.

С. 329 *... были в театре на «Месяце в деревне».* – «Месяц в деревне» – пьеса И.С. Тургенева (1850).

С. 331 *... вспомните Андерсеновского «Соловья»...*– речь идет о сказке Г.Х. Андерсена «Соловей» (1843).

С. 332 *... век нынешний и век минувший...*– аллюзия на комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

Везде о Крылове...– по-видимому, по поводу столетия со дня кончины И.А. Крылова 21 ноября 1944 года.

С. 334 *«И введи меня в царство Твое вечное»* – 3-я утренняя молитва Макария Великого.

... я благодарен своей борьбе с табаком. – Ср.: « ***7 Апреля 1929.*** Сегодня мне стало до крайности ясно, что и необходимо, и могу я взять себя в руки <...> Меня остановила от решения такого одна мысль, что с чего-то начать надо совершенно материального, чувствительного, напр., бросить курить и что раз я этого не могу, то и ничего не могу и все только блажь. 8 часов, все истреблено, даже коробочки египетских, привезенные Левой с Сахалина, полетели в сортир. Закурена последняя. Прощай, друг мой, табак навсегда, подписан договор с самим Господом Богом! Благодарю

тебя, Табак, за школу смирения и милостивого отношения к человеческим слабостям, принимаю завет твой и оговариваю его в договоре с Господом никогда никого не учить своей личной моралью, словами без дел. Папироса кончается, втыкаю окурок в пепельницу. Конец!» (Дневники. 1928–1929. С.393–394).

С. 335 ... *по поводу событий в Бельгии...* – в годы оккупации коммунисты организовывали наиболее эффективное сопротивление в стране, но в сентябре 1944 г. немецкие оккупационные войска были изгнаны с территории Бельгии союзниками. В 1945–1946 гг. коммунисты из правительства были исключены.

С. 337 ... *видели замечательный фильм Диснея «Мельница».* – По-видимому, речь идет о фильме Диснея «Старая мельница» (1937).

С. 339 (*Шекспир: «Как вам это нравится».*) – Одна из ранних комедий Шекспира «Как вам это понравится» (1599–1600).

С. 342 (*«Не мир, но меч»*). – Мф. 9:34.

С. 344 ... *должен выполнить Сократов завет: познай самого себя.* – Изречение «Познай самого себя», начертанное на храме Аполлона в Дельфах, стало философской максимой Сократа.

С. 345 ... *отдает душу свою за други...*– Ин. 15:13.

С. 346 ... *Легкобытов <...>Александру Блоку: – Бросьтесь в наш Чан.* – Ср.: «***Б/д. 1908–1909.*** Чан. В то же самое время Легкобытов стал проповедовать “Начало века” и выступил с предложением интеллигенции броситься в чан народа. Таким образом, были два чана: интеллигентский и народный. У народа чан удался, потому что там сохранилась способность отдаваться, здесь же каждый хотел быть царем. По Мережковскому, способность отдаваться (царю) – русское начало, а быть царем (личностью) – европейское, так что схематически получается чан Европы и чан России. Богема противопоставляется хлыстовству. Кающаяся богема, ищущая нравственности богема, кающиеся боги, а там обожествленное рабство. <*Приписка:* Рабы умирают и воскресают.>»; «Мне представляется чан кипящий, клокочущий, то рука покажется, то портянка, то нога, то голова. На краю чана стоит поэт и спрашивает показавшуюся в чане голову: “Что мне делать? – Голова отвечает: – Бросься в чан, и будешь народом. – Поэт говорит: – Я погибну. – Голова: – Ты умрешь как поэт и воскреснешь вождем народа”. Поэт не бросается в чан и

продолжает петь, но как соловей на подрезанной березе... беспокойно, ибо он сознает, что из березы снова сделают крест и цветы поблекнут. Но, может быть, со времен Пушкина вся наша последующая литература, за немногими исключениями, была песней на краю кипящего чана, песней соловья на подрезанной березе. Вспомните, как Лев Толстой отказывается от своей художественной песни, называя ее болтовней, и бросается в этот кипящий чан. Где теперь писатели, поэты, художники, – где лицо нашего времени? [Невмоготу?] Смутно чувствуется каждым, что не потеряно все совершенно и лицо где-то есть, но лица не видно, и зад времени засыпает нас, [мелких обывателей, лавой и пеплом]... нет сил превозмочь, нет сил выбраться из-под пепла и увидеть истинное лицо времени. Где тот писатель, поэт, почему он молчит и не скажет, где лицо: и есть ли в самом деле это лицо, есть ли время, и правда ли, что это революция...» (Ранний дневник. С. 244–245, 290–291). «***30 Января 1918.*** Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно, – это подойти к этому краю чана и подумать: "Что, если и я брошусь в чан?" Блок – для него это постоянное состояние [на краю чана], задолго до революции. Другое дело – броситься в чан. Я думаю сейчас о Блоке, который теперь, как я понимаю его статьи, собирается броситься или уже бросился в чан» (Дневники. 1918–1919. С. 33-34). «***9 Января 1932.*** Грех, общий всем сектантам... (претензия на универсализм pars quo totum), точь-в-точь и у нас теперь: Мережковский и Легкобытов (между прочим, барин и мужик): и почему-то по этой линии сочувствие Легкобытову; точно так же это же сочувствие большевикам против интеллигенции <...> В результате: "Христос" самых высоких представителей искусства был "бумажным" в сравнении с силой Легкобытова. И вот теперь именно эта "сила" господствует. До того все похоже! – ведь даже "Блок и чан". Предложение Блоку: бросься в чан к нам и будешь вождем народа. Не Блок бросился, а Ленин. И пошла новая порода – "воскресшая интеллигенция", вожди... Итак, слабость, как нравств. упрек христианству (искусство – выражение слабости). В чем Легкобытов уязвим: он выступает против культуры за землю, но попадается сам на крючок культуры и весь уходит в "принципы", имеющие свойство обыгрывать жизнь (землю) и над ней измываться <...> Предсказание: Чемреки разбрелись кто куда, когда в 14 г. объявили войну. Так и с нами, вероятно, будет:

начнутся какие-то всемирно великие события, и наше дело в свете их померкнет и перестанет. Так это мне, но другие думают, что у нас не "секта", а целое универсальное движение...» (Дневники. 1932–1935. С.16).

...Дьявол Христу: – Бросься...– Лк. 4:9.

... на войне писатель должен бросить свою службу слову...– ср.: «В ту первую мировую войну 1914 года я поехал военным корреспондентом на фронт в костюме санитара и скоро попал в сражение на западе в Августовских лесах. Я записывал своим кратким способом все мои впечатления, но, признаюсь, ни на одну минуту не оставляло меня чувство личной ненужности и невозможности словом своим догнать то страшное, что вокруг меня совершалось. Я шел по дороге навстречу войне и поигрывал со смертью: то падал снаряд, взрывая глубокую воронку, то пуля пчелкой жужжала, я же все шел, с любопытством разглядывая стайки куропаток, летающих от батареи к батарее. – Вы с ума сошли, – сказал мне строгий голос из-под земли. Я глянул и увидел голову Максима Максимовича: бронзовое лицо его с седыми усами было строго и почти торжественно. В то же время старый капитан сумел выразить мне и сочувствие, и покровительство. Через минуту я хлебал у него в блиндаже щи. Вскоре, когда дело разгорелось, он крикнул мне: – Да как же вам, писатель вы такой-рассякой, не стыдно в такие минуты заниматься своими пустяками? – Что же мне делать? – спросил я, очень обрадованный его решительным тоном. – Бегите немедленно, поднимайте вон тех людей, велите из школы скамейки тащить, подбирать и укладывать раненых... Я поднимал людей, тащил скамейки, укладывал раненых, забыл в себе литератора и вдруг почувствовал наконец себя настоящим человеком, и мне было так радостно, что я здесь, на войне, не только писатель» (Голубая стрекоза // Собр. соч. 2006. С. 570–571).

... Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе...– ср.: «Мне вспоминается и Блок, прочитавший мою вторую книгу «Колобок». Он сказал: – Это не поэзия. – Что же это? – спросил я. – Нет, – поправился Блок, это поэзия, но и что-то еще. – Что? – Не знаю. – Теперь я понимаю, что в этой книге «таинственная сила» выделилась определенно как поэтическая, а другая часть ее оставалась, скажу, в смешанном состоянии и не поддавалась определению поэта» (Журавлиная родина / Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 66). Этот устный отзыв Блока на книгу «За вол-

шебным колобком» (1908) во время одной из встреч в собрании Религиозно-философского общества Пришвин часто вспоминает по разным поводам в дневнике. Есть и еще одно свидетельство интереса Блока к творчеству Пришвина – рецензия на книгу «У стен града невидимого. Светлое озеро» (1909), где Блок, в частности, пишет: «М. Пришвин прекрасно владеет русским языком, и многие чисто народные слова, совершенно забытые нашей "показной", по преимуществу городской литературой, для него живы. Мало того, он умеет показать, что богатый словарь, которым он пользуется, и вообще жизнеспособен, что богатства русского языка еще далеко не исчерпаны» (*Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Л., 1962. Т. 5. С. 651).

С. 348 ... *«мчатся бесы».* – Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Бесы» (1830).

С. 362 ... *идею Федорова о воскрешении отцов.* – Речь идет об идее русского религиозного мыслителя Н.Ф. Федорова, выраженной в его статьях, посмертно опубликованных в книге под названием «Философия общего дела» (1906; 1913). Ср.: «***9 Октября 1938.*** У Федорова в учении "Общего дела" ничего нет больше, чем в Евангелии» (Дневники. 1938–1939. С. 182).

С. 365 ... *Р. Роллана (мистический том о Вивекананде и Ганди), Жан[а] Жионо «Песня земли»...* – по-видимому, речь идет о книгах Р. Роллана «Махатма Ганди» (1924), «Вивекананда» (1930), а также о романе Жионо «Песнь земли» (1934).

С. 369 ... *в «Кащеевой цепи» Пришвин описал его родителей...* – ср.: «В то время я был в Риге студентом и после Кавказа пришел на практическую работу в социал-демократическую партию под руководством Данилыча (Василия Даниловича Ульриха). <...> Данилыч читал... какое-то письмо. Сзади Данилыча стояла высокая женщина с испытующими черными глазами, наверно, жена его <...> Софья Федоровна. Тут же, у стола, был небольшой, так что была видна только голова, мальчик с цветущим лицом, глаза у него живые, блестящие, и было так странно, что такой здоровый бутуз не играет, не бегает, не поет, а тоже смотрит <...> и как будто что-то понимает. Вдруг все переменилось, когда Ефим с Алпатовым вошли в комнату. Данилыч спрятал письмо, мальчик перевел те же серьезные глаза на вошедших. – Это, наверно, Миша Алпатов, – сказала Софья Федоровна. И подала ему руку, как будто давно уже была с ним знакома: свои. Данилыч

тоже поздоровался просто. Миша сразу заметил, что у Данилыча в глазах была дорогая строгость без обыкновенной хитрости <...> Данилыч был настоящий <...> А цветущий мальчик <...> по-прежнему серьезно смотрел, как будто учился у взрослых жить без улыбки на лице» (Кащеева цепь / Собр. соч. 2006. Т.1. С. 257–264).

С. 373 ... *попытки читать Рамакришну Тагора...* – возможно, ошибка и речь идет о книге Р. Роллана «Рамакришна» (1929).

С. 375 ... *(«он, голод, собрал эти массы народные»).* – Парафраз («Он-то согнал сюда массы народные».) из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1864).

С. 377 *Просмотрел фильм «Заключенные» (Беломорстрой)...* – речь идет о советском фильме «Заключенные» (1934), снятом режиссером Е. Червяковым по пьесе Н. Погодина «Аристократы».

С. 381 ... *я был рядовым марксистом...*– речь идет о юношеском увлечении марксизмом в годы учебы на химико-агрономическом отделении Рижского политехникума (1893–1897), когда Пришвин стал членом социал-демократического кружка «Школа пролетарских вождей» под руководством В.Д. Ульриха (Данилыча). Члены кружка занимались распространением революционной литературы среди рабочих, а Пришвину, кроме того, был поручен перевод книги А. Бебеля «Женщина и социализм». В 1897 г. члены кружка были арестованы, и Пришвин провел год в камере одиночного заключения Митавской тюрьмы, а затем был выслан на родину в Хрущево без права продолжать образование в России. Ср.: «***17 Ноября 1908.*** Вечер у Мережковских. <...> В столовой Дмитрий Сергеевич со Столпнером и с Базаровым. Базаров – большевик, но литературный, что-то почти кадетское. <...> Столпнер говорит о Боге марксизма, о мистическом разуме, который позволяет ему быть марксистом и не рационалистом. – Но большой ли это разум? – ловит его Мер. – Нет, особый. – Базаров говорит, бесконечность познаваема, узнаешь, а стихия убегает. <...> – Что же вы ничего не сказали? – спрашивает меня З. Н. Я говорю о своем ощущении марксиста русского за границей, о конторе европейской. Все оживляются, начинают говорить как попало, у кого как это было. Меня признают рядовым марксистом» (Ранний дневник. С. 190).

С. 383 .. *похожа на сыроежку, пробившую лбом своим землю...*– ср.: Сыроежка / Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 364.

С. 384 ... *Маяковский, которому и Асеев, и Мартынов так привержены.* – Футуризм – авангардистское художественное и литературное течение 10 – нач.20-х гг. XX века, самой яркой фигурой которого является Маяковский. Асеев и Мартынов также входили в футуристическую группу «Гилея», Асеев в послереволюционные годы стал соратником Маяковского в Левом фронте искусств (ЛЕФ).

... *у Фета в стихе: «Травы в рыданиях».* – Неточное упоминание строки «Травы в рыдании» из стихотворения А. Фета «В лунном сиянии» (1885).

... *катастрофическая битва за Будапешт.* – Будапештская операция длилась с октября 1944 по февраль 1945 года и оказалась одной из самых кровопролитных в истории, штурм Будапешта сравнивают со штурмом Сталинграда, где бой шел за каждый дом. В эти дни 3–4 января завершалась переправа через Дунай.

С. 385 *Асеев <...> массы его «разъяснили».* – Знакомство Пришвина с Асеевым, о чем вспоминает В.Д. Пришвина, произошло в 1943 году. Ср.: «По окончании вечера <70-летие Пришвина>Асеев (я его видела впервые) подошел к нам и сказал: "Где же вы были? Почему я вас до сих пор не знал?" Через несколько <...> он Асеев пришел к нам в номер, принес в подарок свою книгу "Маяковский начинается". На ней в качестве дарственной надписи были стихи, посвященные Пришвину, написанные сразу после вечера. В них есть такие строчки: "Он, в глину дыхание вдунувший, / Ноги не преткнувший о камень, / Идет непогнувшимся юношей / Меж травами и облаками"» (*Пришвина В.Д.* Война // Личное дело. С. 232). См. коммент. на стр. 775 к *Бородин требовал исключения...*

... *жив, жив, Курилка.* – Выражение из старинной русской народной детской игры «Курилка». Играющие садятся в круг и передают друг другу горящую лучинку, напевая: «Жив, жив Курилка, жив, жив, не умер!» до тех пор, пока она не погаснет у кого-нибудь.

Задумал достать себе машину пикап Додж... – имеется в виду армейский транспортный джип марки Додж (Dodge WC-51), который начали поставлять в СССР по ленд-лизу с конца 1941 года. В Красной армии получил прозвище «Додж три четверти», поскольку был рассчитан на три четверти тонны груза.

С. 387 ... *(мой рассказ «Сыр»).* – Один из лучших рассказов Пришвина «Сыр» (1924).

... *читать друзьям мою повесть...* – имеется в виду повесть «Мирская чаша», получившая впоследствии название «Повесть нашего времени».

С. 388 *Возродился в моем доме Д.П. Зуев...* – «***1 Сентября 1934.*** Дорогой Дмитрий Павлович! Со съезда я попал на утиный перелет, на охоту по тетеревам, бекасам. Хотел сегодня (1/IX) переделать рассказ, но при всей готовности сделать обещанное Вам не мог себя самого изнасиловать, – нет! Видно, правда в сказке: добрый молодец поневоле не ходит. Постараюсь и обещаю даже (еще раз обещаю) приготовить материал для "Лесной правды" и для "Постройки". Очень, очень благодарю за великий гонорар. Ваше письмо великолепно, мне кажется, Вы могли бы писать смешные рассказы, попробовали бы начать охотничий юмор. Жму руку, Михаил Пришвин. Загорск. Если к 5-му (день праздника в Завидове) напишется, привезу и позвоню». Архив В.Д. Пришвиной.

С. 390 ... *Фадеев читал <...> новый роман «Молодая гвардия»...* – роман А. Фадеева «Молодая гвардия» будет опубликован в 1946 году.

Федин читал новый роман в Союзе...– речь идет о романе К.А. Федина «Первые радости» (1945).

... *когда на всем моем литературном пути был у меня хоть один единомышленник <...> Ремизов разве...* – с Алексеем Михайловичем Ремизовым и его женой Серафимой Павловной (урожд. Довгелло) Пришвин познакомился в 1907 году в Петербурге, подружился и стал в чине резидента «заяшного ведомства» членом «тайного» Ордена Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (1908), поэтической игры Ремизова – кружка литераторов, группировавшихся вокруг него (Вяч. Шишков, А.Толстой, Е. Замятин, Б. Пильняк, Л. Леонов, М. Пришвин и др.). Ср.: Ранний дневник. 1905–1913. С 175–316. В воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Ремизов отмечает: «Пришвин во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России. И как это странно сейчас звучит этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир, с цветами и звездами ... что есть еще в мире и простота, детскость и доверчивость – жив "человек"». (См.:

Кодрянская Наталья. Алексей Ремизов. Париж: 1959. С. 321 // Личное дело. С.67–70). В дневнике Пришвина диалог с Ремизовым безусловно один из интереснейших. Кроме того, Пришвин в течение своей писательской жизни в самые, кажется, неподходящие годы, не страшился упоминать Ремизова в своих произведениях. Ср.: «Писатель Ремизов в свое время тоже имел революционную прививку и дружил с Каляевым. Ремизов не был легкомысленным дезертиром в искусстве. Каляев продолжал к нему относиться с тем же самым уважением, когда он стал писать свои утонченнейшие, изящные словеса. Однажды, близко к своему концу, Каляев случайно встретился на вокзале с Ремизовым, улыбнулся ему приветливо и так наивно-простодушно спросил на ходу: "Неужели все еще о своих букашках пишешь?"» (Мой очерк (1933) / Собр. соч. 1982–1986. Т.3. С.9). Ср.: «***9 Февраля 1927.*** Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказик "Гусек", приготовленный для детского журнала "Родник", сказал мне: "Вы сами не знаете, что написали". Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников "Аполлона". Его интриговало провести этот земляной, мужицкий рассказ в "сенаторскую" среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу, и его напечатали: получился "букет". Самому Ремизову чего-то не хватало, чтобы самому писать, как хотелось, просто, он был похож на скифа, делающего себе карьеру при византийском дворе. Вот почему всех, кто подражал ему извне, постигала потом печальная участь. Пришлось и мне испытать на себе некоторое время эту заразу Ремизовской кори. Но сам Ремизов ненавидел эти подражания ему и никто другой как он сам и освободил меня от себя. Из больших писателей мне кажется, Ремизов глубоко любил и признавал только Розанова, он был тайным врагом Мережковского, Гиппиус, Блока. Признавал еще Белого в его "бешенстве". Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты. Я был не одним из таких "хороших" учеников Ремизова. Знаю, что А.Н. Толстой не откажется признать Ремизова своим учителем. На моих глазах с огромным терпением из первых крайне путаных рассказов В. Шишкова он вылупливал его здоровое сибирское ядро. Было много и других учеников у Ремизова и все, кто чему-нибудь научился у Ремизова, сделался в писаниях своих почти прямо противо-

положным его собственным писаниям. Столбовую задачу в литературе Ремизова я бы теперь характеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито-мистических религиозно-философских посягательств на нее со стороны кружка Мережковского, с другой – тенденциозно-гражданских влияний не умершего еще тогда народничества» (Дневники. 1926–1927. С. 211).

... чудесное дворянское гнездо, в котором я родился, мне казалось не настоящим... – аллюзия на роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1856–1858, опубл. 1859), действие которого происходит к тому же на Орловщине. Имение Хрущево под Ельцом Орловской губернии, где Пришвин родился и провел раннее детство, было выкуплено его дедом Дмитрием Ивановичем Пришвиным, купцом второй гильдии и елецким потомственным почетным гражданином, и по наследству перешло к его отцу Михаилу Дмитриевичу Пришвину. С малолетства он чувствует напряжение («ряженый принц»), связанное с двойственностью жизни (купеческое происхождение – дворянская усадьба), и мечтает о разрешении конфликта в духе книги Марка Твена «Принц и нищий». Кащеева цепь / Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 29–32.

С. 395 ... *писатели у Горького братались с членами правительства.* – Ср.: «***24 Августа 1934.*** Поездка в Москву. Проверка съезда: не загорелось, как я написал, а так, тлеется. Съезд тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи. Людей так много, что как на огромном заводе: ничего не поймешь. Как на заводе смысл всего таится где-то в управлении, так и здесь – это на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в “Известиях”, кажется, провалился. Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня» (Дневники. 1932–1935. С.463). Речь идет о встречах писателей со Сталиным в квартире Горького на Малой Никитской в 1932 году: в апреле обсуждалось принятое 23 апреля постановление ЦК ВКП(б) о создании Союза советских писателей, в октябре состоялась встреча Сталина с пятьюдесятью писателями, в ходе которой писатели впервые были названы «инженерами человеческих душ». После того, как был создан Союз писателей СССР, встречи И.В. Сталина с писателями у Максима Горького в доме у Никитских ворот, который играл роль писательского клуба, стали происходить все реже. Соглас-

но преданию, идя навстречу пожеланиям «инженеров человеческих душ», переданным вождю через Максима Горького, Иосиф Виссарионович Сталин стал подыскивать подходящее помещение для «пен-клуба» неподалеку от Союза писателей. http://www.stalin.su/book.php?action=header&id=48

С. 396 ... *человек принимает чашу или не принимает.* – Мф. 26:39.

... *кто имел очи видеть и уши слышать.* – Мф. 13:16.

С. 398 ... *решусь писать «Амазонку».* – Произведения под таким названием у Пришвина нет.

... *останется на руках весь процесс творчества.* – Впервые эта идея появилась и осуществилась у Пришвина в процессе работы над книгой «Журавлиная родина. Повесть о неудавшемся романе» (1929). Ср.: «Весна задержалась <...> Все это на меня сильно действовало и очень расстраивало “Журавлиную родину”. Садишься писать о зверях, а вместо этого запишешь воспоминание о каком-нибудь учителе своем из далеких времен. Вот вспомнилось, когда, бывало, в гимназическом саду зацветают яблони, а нам приходится готовиться к экзамену, учитель нам говорит: “Человек не должен поддаваться влиянию погоды”» (Собр.соч. 1982–1986. Т. 3. С.32). Затем в связи с работой над романом «Осударева дорога» вновь возникла идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру дневниковых записей, которые он называл «леса к роману».

... *в такой-то церкви среди людей, организованных старцем...* – речь идет об о. Романе Медведе, который служил в церкви Алексия Митрополита Московского в Глинищах. В 20-х гг. братства возникали повсеместно вокруг выдающихся священников, которые объединяли прихожан в братство для духовной и житейской взаимопомощи, разъясняли богослужение, толковали учение подвижников христианства. Ср.: Невидимый град. С. 221–225.

С. 400 ...*(только бы трамвай не задавил, как Верхарна).* – Бельгийский поэт Эмиль Верхарн погиб в Руане 27 ноября 1916 года, попав под колеса поезда.

... *выглянул из себя первым глазом и застал мир врасплох.* – В 1929 году Пришвин заканчивает повесть «Журавлиная родина. Повесть о неудавшемся романе» и читает ее в кругу писателей.

Их реакция для Пришвина была полной неожиданностью: он со своей новой повестью оказался чуть ли не в эпицентре культуры, даже не подозревая об этом («***31 Января 1929.*** Замятин открыл в моем писании "обнажение приема"... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, – очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема по Шкловскому притом» (Дневники. 1928–1919. С. 356). Действительно странно, но это один из замечательных парадоксов культуры, свидетельствующий о ее сложности и самодостаточности, о ее внутренних законах; так или иначе, прием остранения, который считается формальной школой универсальным приемом построения художественного текста, появляется в творчестве Пришвина как бы с противоположной стороны, и им осмысляется не как формальный, а как органический и наиболее ему свойственный («***25 Мая 1928.*** Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в истинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился». Дневники. 1928–1929. С. 51). Остранение как способность удивляться, увидеть вещь или явление «первым глазом» до конца останется едва ли не основным признаком его стиля. Формальная школа в литературоведении сложилась в 1910–1920 гг. (Общество изучения поэтического языка, ОПОЯЗ). Основные положения формальной школы были разработаны В.Б. Шкловским в работе «Воскрешение слова» (1914).

Грибоедовский вечер в Большом театре. – 15 января 1945 года исполнилось 150 лет со дня рождения поэта.

... (дать по-разному отрывки из комедии)... – имеется в виду комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

С. 401 *... на всенощной в Обыденом...* – имеется в виду церковь Илии Пророка Обеденного (построена в 1592), в советские годы никогда не закрывалась.

... вечерами о Чехове, Крылове ... – в июле 1944 года отмечалось 40-летие со дня смерти А.П. Чехова, а в ноябре 1944 года – 100-летие со дня смерти И.А. Крылова.

С. 402 *... Грохнуло наступление наше в Польше...* – речь идет о Висло-Одерской операции по разгрому немецко-фашистских войск между Вислой и Одером силами войск 1-го Белорусского и

1-го Украинского фронтов. С 12 по 17 января был прорван стратегический фронт обороны противника и разгромлены его основные силы. С 18 января по 3 февраля при содействии на флангах войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов советские войска овладели Силезским промышленным районом и вышли к Одеру, захватив ряд плацдармов на его западном берегу.

С. 405 *... польское правительство в Лондоне ...* – польское эмигрантское правительство в Лондоне (дек. 1941 – февр.1945) считало себя законным наследником режима Пилсудского, довоенная политика которого была враждебной Советскому Союзу.

С. 406 *... паника, произведенная беженцами с окраин Германии от большевиков...*– наступающие советские войска представляли собой довольно странный симбиоз архаики и современности. Танковые колонны «тридцатьчетверок» продвигались вперед бок о бок с казаками, к седлам которых были прикреплены мешки с награбленным барахлом. Рядом проезжали ленд-лизовские «студебекеры», «доджи» и открытые «шевроле», мощные гаубицы на гусеничном ходу. За всем этим следовали тылы — конные повозки, везущие всевозможные припасы. Характеры красноармейцев различались так же, как и их оснащение. Были солдаты, которые в каждом немецком ребенке видели будущего эсэсовца и считали, что его нужно убить еще до того, как он вырастет и вновь нападет на Россию. Но были и те, кто спасал немецких детей, заботился о них, делился пропитанием. Имелись и красноармейцы, занимавшиеся пьянством и насилием абсолютно без всякого стыда, вызывая отвращение у многих членов коммунистической партии, выходцев из интеллигенции, просто нормальных людей. Так, писатель Лев Копелев был арестован сотрудниками СМЕРШа за то, что пытался пропагандировать «буржуазный гуманизм и жалость к врагу». Кстати, Копелев также критиковал Илью Эренбурга за жестокость, присутствовавшую в его статьях. http://militera.lib.ru/research/beevor2/03.html Когда войска генерала Черняховского 13 января [1945 г.] начали наступление на Восточную Пруссию, политработники фронта подготовили лозунг: «Солдаты, помните, что вы вступаете в логово фашистского зверя!» В этой ситуации не могли стать неожиданностью массовые акты мести, которым немецкое население подверглось в последние месяцы войны, – мародерство, грабежи, поджоги, уничтожение имущества, бессудные рас-

стрелы, убийства и изнасилования. Советское командование переломило ситуацию, которая, судя по разным источникам, местами выходила из-под контроля. Ср.: «В январе 1945 г., со вступлением Красной Армии на территорию Германии в Восточной Пруссии и Силезии, советским командованием были приняты серьезные меры с целью предотвратить массовое насилие по отношению к мирным гражданам. 19 января 1945 г. верховным главнокомандующим был подписан приказ о недопущении грубого отношения к местному населению, который был доведен до всех военнослужащих. Соответствующие приказы по подчиненным частям и соединениям были отданы Военными советами фронтов, командующими армиями, командирами дивизий и т. д. Так, например, приказом Военного совета 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал К.К. Рокоссовский) предписывалось мародеров и насильников расстреливать на месте преступления. 20 апреля 1945 г. была издана Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов № 11072 об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению. http://zhzh.info/blog/2011-10-03-2609

Читаю записки Витте...– по-видимому, имеется в виду книга С.Ю. Витте «Воспоминания» (1923).

С. 407 *...похоже <...> на Моцарта и Сальери...* – по-видимому, имеется в виду трагедия А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1831, цикл «Маленькие трагедии»).

Все куплю, сказало злато, все возьму, сказал булат. – Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Золото и булат», точная дата написания не установлена (1827–1836).

(Похороны Ленина.) – День 21-й годовщины со дня смерти Ленина (21 января 1924).

С. 408 ... *(товарища министра)...* – в старинных документах часто встречается выражение: «такой-то боярин со товарищи», то есть с подчиненными ему людьми, помощниками. В этой линии развития слово «товарищ» вошло в должностную терминологию. До самой революции существовали должности товарища прокурора, товарища министра, товарища председателя и пр. http://korneslov.ru/publ/22-1-0-177

... ответил я, как Афанасий Иванович. – Аллюзия на повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (цикл «Миргород», 1835).

С. 409 *... о продвижении в Пруссии по пути к Кенигсбергу...* – в дни успешных действий Красной армии, радуясь в ожидании конца войны, Пришвин не может не думать о полном трагическом бесправии «маленького человека», оказавшегося в воронке «большой войны»: простые немцы теперь в том же самом положении, как недавно русские, вызывают у него сочувствие: каким-то образом, не получая никакой информации, он точно воспроизводит картину происходящего в Кенигсберге. Ср.: Из воспоминаний последнего коменданта Кенигсбергской крепости Отто фон Ляша: «В период между 22 и 25 января Кенигсберг не отличался четкой организацией управления, ибо настоящего боевого коменданта у города не было. Этим и объясняется хаос, царивший в Кенигсберге в те трудные дни вследствие беспорядочного притока беженцев из северных районов Восточной Пруссии, а также обозов Третьей танковой армии и ее солдат, отбившихся от своих частей. Командование гарнизона по своему составу оказалось неспособным быстро и решительно навести порядок. Но, главное, партия совершенно не справлялась со своей задачей по обеспечению организованной эвакуации беженцев, поскольку ее видные руководители, за немногим исключением, думали лишь о собственном спасении. Четкость в организации управления наступила лишь 25 января, когда приказом по группе армий генерал-лейтенанту Шитингу со штабом Первой восточно-прусской дивизии была поручена оборона Кенигсберга. Он прибыл в крепость 25 января и постарался прежде всего уяснить создавшуюся обстановку. Так приближались мы к 27 января, очень беспокойному моменту в истории Кенигсберга. В этот день местные партийные власти опять выкинули номер. В обращении к населению города они объявили, что в случае танкового прорыва русских из района Тапизу, о чем будет сообщено по радио, жителям Кенигсберга предписывается немедленно выходить (считай, бежать) из города по дороге на Пиллау. Сам я в тот день отправился в Пиллау договариваться с морским комендантом о предоставлении судов для эвакуации гражданского населения из Восточной Пруссии. На обратном пути из Пиллау в Кенигсберг проехать на автомашине было почти невозможно. Непродуманные мероприятия партийного руководства привели к тому, что на этой дороге скопилось невообразимое количество

людей. Кто шел пешком, кто ехал на велосипеде или в повозке, женщины везли детские коляски, тут же – колонны танковых частей, отводившихся на Земландский полуостров, – все это двигалось в три-четыре ряда в направлении Пиллау» (http://lib.rus.ec/b/196474/read).

...*«человек – это звучит гордо»*... – слова Сатина из IV действия пьесы Максима Горького «На дне» (1902): «Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека».

С. 410 ... *яркий день весны света*... – свет – один из важнейших архетипов поэтики Пришвина (город света, весна света, игра света и тени, свет солнца, лучи солнца в лесу, фотография как светопись и др.). Весна света, которая начинается в день Солнцеворота 25 декабря – его любимое время года (***«26 Июня 1936.*** Мое время сильнейшей впечатлительности самая ранняя весна: весна света, когда разгорается солнце над снежной землей». Дневники. 1936–1937. С. 244). Составляя первую летопись своей жизни в 1918 г., писатель отмечает: «1885. Второй класс <...> Счет годов с весны» (Дневники. 1918–1919. С.519). Ср.: ***«2 Марта 1951.*** В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света <...> Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света»; ***«30 Декабря 1953.*** Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"» (Собр.соч. 1956–1957. Т.6. С.372–373, 794). В 1936 году в дневнике писателя появляются материалы к одному из лучших «московских» (урбанистических) рассказов Пришвина «Весна света» (1938). В рассказе, написанном по дневниковым материалам 1936 года, когда, в связи с надеждой на получение квартиры в Москве, меняется взгляд Пришвина на город: в рассказе нет оппозиции «город – деревня», «городской пейзаж – природа», что так или иначе всегда присутствует в дневнике писателя. Городской пейзаж преломляется в весеннем свете и внутри его возникает иное пространство волшебной страны Дриандии, в которую рассказчик с самого утра и совершает свое путешествие; причем Дриандия возникает из звука треснувшей под ногой льдины: «др... дра...дря... дри... дриан... и вышла сначала богиня леса и душа дерева Дриада, а за ней Дриандия»; между тем сохраняется топография города: Лаврушинский переулок, улица Горького (Тверская), Малая Бронная, Пионерские (Патриаршие) пруды, но город не противостоит человеку, знаки волшебной страны

то и дело проступают в городском пространстве, ничего в нем не нарушая; от детских весенних восторженных криков, так же как и прежде от птичьих криков в лесах, «ветхие одежды с тоской и гриппом вдруг свалились» и обновленный человек на Пионерских прудах, «где большие матовые электрические фонари как луны показывались <...> из-за деревьев», увлекает детей в свою Дриандию, страну вольных сванов, «которые возят друг друга на салазках, у которых всегда весна света, хрустит лед на пруду и царит дружба и, если кто-то уйдет на пруду с головой под лед, его обязательно спасут». Есть в рассказе и знак предвоенного времени и противостояние ему: сваны вооружены на тот случай, если придется спасать свою родину, но это вольные сваны волшебной страны, где человека обязательно спасут от беды. Ср.: Собр. соч. 2006. Т.3. С. 567–570.

(«единым человеком грех в мир вниде»). – Рим. 5:12.

... «распятого же за ны»... – Символ веры.

С. 415 *... он бросил станцию...* – речь идет о работе в гор. Луге (С.-Петербургской губернии) на опытной агрономической станции «Заполье» в 1905 году, попечитель которой, местный помещик, потребовал прислать ему розы к семейному празднику, на что Пришвин ответил, что цветы на станции существуют для опытных целей; за инцидентом последовало увольнение.

... а бутылочку бы не выпустить... – запись представляет собой материал к продолжению автобиографического романа – к этой идее Пришвин то и дело возвращался, но так ее и не осуществил. Алпатов – alter ego Пришвина, герой автобиографического романа «Кащеева цепь».

С. 419 *... кухарка управляет государством вполне по Ленину.* – Ср.: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством <...> Но <...> требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (*Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть? Собр. соч. в 74 т. Т.34. С. 315).

... мою книжку «В краю непуганых птиц»... – первая книга Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), написанная в ре-

зультате поездки в Олонецкую губернию в 1906 году. Следует отметить, что в начальный период становления М.М. Пришвина как писателя большую роль сыграл известный в то время книгоиздатель Альфред Федорович Девриен, выходец из Швейцарии. В 1860-х работал в книжных фирмах Германии, Австрии, Франции, Великобритании, с 1869 в России. В 1872 основал издательство в Санкт-Петербурге, специализация: сельское хозяйство, естествознание, детская литература. Эмигрировал в Швейцарию в 1918. Главные издания: «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук» (1900–1916; Т. 1–12), «Энциклопедия русского лесного хозяйства» (1903 г., в 2-х т.), «Справочная книга русского сельского хозяина» (1906); ряд капитальных, переводных и оригинальных трудов по описательному естествознанию, не потерявшие свое научное значение до настоящего времени, а также детские книги. Девриен внес существенный вклад в создание отечественной научной и популярной книги (в первую очередь в области естествознания), а также справочных и энциклопедических изданий; большое внимание уделял полиграфическому исполнению. Известно, что первая книга М.М. Пришвина «В краю непуганых птиц» вышла в 1907 г.; за нее А.Ф. Девриен заплатил автору рублей золотом (по другим сведениям, 500 или 800 рублей). В следующем, 1908 году, в том же издательстве вышла вторая книга М.М. Пришвина – «За волшебным колобком». Интересно, что в 1908 г. А.Ф. Девриен издал еще одну книгу М.М. Пришвина «Картофель в полевой и огородной культуре», высоко оцененную специалистами, но ставшую последней книгой Пришвина, вышедшей в этом книгоиздательстве. Однако В.Д. Пришвина сообщила (Путь к Слову. С.89–90), что еще в 1902 году в Петербурге М.М. Пришвин познакомился с ученым-лесоводом и чиновником какого-то министерства Виктором Ивановичем Филипьевым, который взял его в помощники для работы над «Энциклопедией русского лесного хозяйства». Комментарий В.А. Устинова.

... («Зажигалка», «Автограф» и др.)... – рассказы под такими заголовками неизвестны.

С. 421 *Помню, как шел я, бросив свой хутор, оврагами...* – весной 1918 года Пришвин уезжает из Петрограда в Хрущево, где на небольшом участке земли, завещанном ему матерью (1914), он в 1916 году выстроил дом. В октябре крестьяне представили

ему «выдворительную» и Пришвин навсегда покинул родные места. Ср.: «***8 Октября 1918.*** Старый дом, на который смотрим мы теперь только издали, похож на разрытую могилу моей матери: черви кишат в нем народа <...> Мы смотрим из-за кустов на дом наш, не смея и думать, чтобы к нему подойти. – Что же мне делать? – спросил я. – Иди в город, скорей лесом, возьми узелок, иди... ребятишек не тронут, а сам уходи... – Меня провожал Василий и голос зайца, а я сам, как заяц, нет-нет и присяду и оглянусь на Хрущево: быть может, последний раз вижу. Так шесть раз оно показывалось и скрывалось. <...> Мы дорогу обходим, потому что стыдно и страшно встретиться с людьми. По мере того как я ухожу, наши враждебные дома все сближаются... а церкви города будто растут и растут из-под земли, и я клянусь себе, сжимая горстку родной земли, что найду себе свободную родину» (Дневники. 1918–1919. С. 253).

С. 422 *... случайный дар, но не цель.* – Ср.: «*Приписка на обороте страницы:* – Мамочка, – уговаривает мать свою Ляля, – как ты этого не поймешь, что ведь все же мы должны умереть, и, умирая, уходить без всего, самыми, самыми бедными. Каждый из нас так уходит, каждый. – Ну, что же из этого? – А то, что в этом наше неминучее, и мы, проводив одного, утешаемся тем, что, слава Богу, сами еще поживем. – Чем же это плохо? – Тем, что это самообман, а между тем есть спасающая истина. – В чем же истина? – Ты это должна знать. Истина в том, что мы спасены во Христе. Это значит, что мы можем стать выше смерти. – Тоже идти к страданию? – Совсем не обязательно. Христос пострадал за нас, и мы можем жить и радоваться жизни в Его благодати. Понимаешь? Ты же, когда причащаешься, то тем самым так принимаешь на себя готовность свою отдать жизнь за другого, и этого признания довольно: приняв страдание и смерть, ты можешь радоваться, а если ты исходишь из претензии на лучшее в жизни, то ты тем самым обрекаешь себя на неминучую смерть и страданье».

С. 423 *... я писал книгу радости «Колобок».* – Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком» (1908), написанная в результате поездки в Карелию и Норвегию в 1907 г.

С. 424 *... вспомнил слова Розанова после его поездки за границу.* – Летом 1905 г. Розанов с семьей путешествовал по Германии, Швейцарии и Австрии. Удивляясь большому количеству русских на швейцарских курортах (Интерлакен и Люцерн), в

«германской Европе» (Берлин, Вена), Розанов «чувствовал большой подъем национального чувства»: «“Ну пока еще немцы собираются культурно завоевать нас, мы их уже завоевали”. Передаю не теперешние свои мысли, довольно скромные, а тогдашние, которые были решительно воинственны. Мне казалось, что Европе “пора и честь знать”. “Жила-жила, накопила столько славищи, великих дел; не век же жить, надо подумать и о наследничках”. И мне представлялось, что эти русские, рассуждающие в Интерлакене о петербургском Троицком мосте, приехали сюда именно для того, чтобы посмотреть, в исправности ли наследство. “Ну, для чего Европе еще жить? Лучше Шекспира не сочинишь, больше Ньютона не надумаешь. От гения до сумасшествия, от Гете до Ницше, они передумали все и пережили все. Им остается бездарное дряхлое изнеможение с калейдоскопом будничных происшествий. Но мы можем еще говорить, они – нет, и потому мы вправе быть завоевателями”. <...> Когда я вернулся на родину, то мне показалось все так хорошо, что я подумал: “А для чего нам Европа?”» (*Розанов В.В.* Домик Лермонтова в Пятигорске (1908) // *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо... Полн. собр. путевых очерков, 1899–1913 гг. М.: Танаис, 1994. С. 433–434). В 1910 г. впечатления Розанова о Швейцарии были противоположны тем «имперским» мыслям, которые услышал от него Пришвин. Наблюдая в Женеве «общее купанье», Розанов видит взаимосвязь между красотой швейцарской природы и здоровьем швейцарцев: «“Вот гениальная природа и гениальный человек”... <...> Лица – веселые, а здоровье такое, что нужно троих русских, чтобы сделать из них одного швейцарца» (*Розанов В.В.* А. П. Чехов (1910) // Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 474). В сопоставлении со Швейцарией Россия предстает как историческое пространство, нашедшее отражение в бытовом хронотопе рассказов Чехова – его характерно русских топосах (болотце, тюрьма, кладбище, гимназия, церковь) (Там же. С. 475–476). Путешествуя по Италии, Швейцарии, Германии, Розанов был «поражен» и «растроган» «разлитою повсюду деликатностью» – воспитанностью, вежливостью, «добропорядочностью» и добротой «мягкой цивилизации», в отличие от угрюмости, раздраженности, «зложелательства» и «истерических рыданий» русского человека. *Розанов В.В.* О деликатности и прочих мелочах (1910) // *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо... Полн. собр.

путевых очерков, 1899–1913 гг. М.: Танаис, 1994. С. 632–634. Комментарий А. Медведева.

С. 428 ... *о предсказании Флоренского века амазонок...* – возможно, контаминация софиологии П.А. Флоренского («Ядром всякой софиологии является учение о Софии. София – не понятие, не смыслообраз, а мифологема, некий клубок смыслов и ассоциаций, говорящий об одухотворенности и разумности, “премудрости Божественного мироустройства в судьбах мира и человека” <...> невеста Христова, аллегория Премудрости, душа мира, Богородица, Иисус Христос, Церковь, сотворенная Богом женщина, скрываемая на небе <...> метафизическая реализация любви в замысле устроения мира. <...> Когда мы говорим, что София – личность, то не обязательно представлять себе женщину с многомудрым взором». А.Ф. Управителев. К будущему цельному мировоззрению (Религиозное миросозерцание П.А. Флоренского). Барнаул, 1997. http://sb-roup.info/upravitelev_1_k_budushemy_celnomy_mirovozzreniy.pdf) и софиологического учения Вл. Соловьева о Вечной Женственности, душе мира, Софии.

... *«страсть бесстрастная».* – 2-я молитва на сон грядущий св. Антиоха.

С. 429 ... *прочитал в «Правде» о конференции «в районе Черного моря»...* – имеется в виду Ялтинская конференция трех держав, где Рузвельт, Черчилль и Сталин приняли решения о послевоенном устройстве Германии и государственном устройстве освобожденных от оккупации стран, о скорейшей репатриации пленных и всех вывезенных в Германию советских граждан, а также принципиальное решение о будущей Организации Объединенных Наций. http://www.kuz-biz.ru/005/016.html

С. 431 ... *жена да покорись своему мужу.* – Еф. 6:33.

С. 432 ... *близко время, когда мы услышим звон.* – В 1930 году Пришвин был свидетелем уничтожения колоколов Троице-Сергиевой лавры в Сергиеве Посаде, в том же году переименованном в Загорск. В течение месяца ежедневно он приходил в лавру с фотоаппаратом и снимал, а затем записывал в дневник о происходящем. См.: Когда били колокола... – М.: Индрик, 2011; Дневники. 1930–1931. С. 7–29.

С. 435 *... после трагической кончины ее отца...*– Дмитрий Михайлович Лиорко, бывший офицер царской армии, был расстрелян в 1918 году. Ср.: «***Б/д.*** После гибели отца Ляле открылся тот мир, где нет смерти, и в этом явилась ей небесная радость, какой нет, и не может быть на земле. С тех пор она как стала на страже этой радости, стремясь, чтобы не подменил ее кто-нибудь» (РГАЛИ).

С. 438 *... начиная с «Ангел вопияше».* – Слова из Пасхального канона Воскресения Христова.

... читаю Степуна о Шпенглере... – имеется в виду сборник статей «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922), в котором Ф. А. Степун – автор одной из статей.

С. 439 *... сказки Кота Мурлыки...* – имеется в виду сказка Кота Мурлыки (псевдоним писателя и зоолога Н.П. Вагнера) «Мила (Молли) и Нолли» из книги: «Сказки». СПб.: 1881.

С. 446 *... как было, напр., у Мережковского...*– речь идет о религиозно-философском обществе, действительным членом которого Пришвин стал в 1909 г. Ср.: «***7 октября 1908.*** Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым <...> Мне открывается что-то новое... большое. Я понимаю значительность этого знакомства... Но многое мне неясно. Оттого, что я не чувствую одинаково... Мне кажется, у них много надуманности... Я не чувствую путей к этим идеям... я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не то просто комедия не из-за чего...» (Ранний дневник. С.175–316); надо сказать, что и тогда в кругу петербургской художественной элиты Пришвин далеко не всегда чувствовал себя естественно и просто. Ср.: «***3 Февраля 1934.*** Только теперь я понимаю полярную противоположность наших стремлений: они стремились из литературы выйти в жизнь, а я хотел из жизни войти в литературу и просто сделаться писателем. С точки зрения их ведь это было невозможно ограниченное устремление и, конечно, мне это приходилось затаивать... Вот отчего иногда было ужасно стыдно быть в их обществе» (Дневники. 1932–1935. С. 345).

С. 447 *... особенно в повести «Хлеб»...* – повесть А.Н. Толстого «Хлеб» (1937), первое, написанное по заказу, произведение Толстого о Сталине.

... первенство за чечевичную похлебку. – Быт. 25:30, 34.

С. 449 *... что-то вроде египетских ночей* < ...> Клеопатра швыряет голову своей жертвы. – Аллюзия на неоконченную повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1837).

С. 450 *У Достоевского, как пугало («бегай людей»), изображен о. Ферапонт...* – в романе о. Ферапонт – оппонент старца Зосимы, выступающий против старчества. Художественный мир романа воссоздает картину нарастающей силы разобщения, разложения нравственного мира, распада человеческой личности, как в монастыре так и в миру. http://www.uznaem-kak.ru/roman-dostoevskogo-bratya-karamazovy/

С. 452 *... с целью записывания фольклора.* – В 1906 г. в Петербурге Пришвин знакомится с фольклористом Н.Е. Ончуковым и лингвистом академиком А.А. Шахматовым, организаторами этнографических и фольклорно-лингвистических экспедиций с целью записывания северных песен и сказок. Пришвин отправляется в такую экспедицию в Олонецкую губернию; из поездки он привозит записанные сказки (38 вошли в книгу «Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова», 1908). Ср.: «Иван-царевич в Подсолнечном царстве. Мануйло Петров, дер. Морская Масельга. Против неба на земли жил старик в одном сели, полусотни сказок знал и одну мне рассказал. А в одном не в каком царстве был царь-император, и было у него три сына, старшего сына звали Васильем, среднего звали Степаном, а меньшого звали Иван-царевич. Этот цярь на цярстве цярствовал. Не стало мочи. Исходят ему года, стал сыновей просить слетать в Подсолнешной град: “В Подсолнешном граде есь молодецкия яйця, а хто достанет эфти молодецкия яйця, и хто съест молодецкия яйця в двадцать лет, будет молодой и в лицё будё красив”. Захотелось цярю омолодиться и друго только поцярствовать как сиби, так и государыни». http://starina-rus.ru/onchukov/166.php Кроме того, Пришвин привез путевой дневник, который стал его первой книгой «В краю непуганых птиц» (1907).

Скандал в Аполлоне. – Речь идет о дуэли Н.С. Гумилева и М.А. Волошина (1909), причиной которой оказались как личные взаимоотношения обоих с поэтессой Е.И. Дмитриевой, так и мистификация Волошина, создавшего из Дмитриевой поэтессу Черубину де Габриак, чьи стихи публиковались в жур-

нале «Аполлон» (1909–1917). http://mir-hudojnika.livejournal.com/16016.html

Вы нам близки! – В 1908–1909 гг. Пришвин – член религиозно-философского общества, уже знакомый с сектантским религиозным поиском после своей поездки в Олонецкую губернию с экспедицией Ончукова – Шахматова. Ср.: «***7 Октября 1908.*** Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым. Пришел, рассказал им [сразу] о "немоляках". Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят, Мережковский вскочил <...> – Так что же делать... практически... – торопился Мережковский. – Пошлем им книги <...> Перешли к религиозно-философским собраниям... Мне все рассказали о них... просто... Гиппиус оживилась... Долго мне говорила о том, что нужно вместо иконы и Библии готовить что-то реальное... Общественность... Я сказал что-то о "рационалистическом мосте" от декадентства к соборности. Но его не оказалось... Соборность, общественность есть лишь результат более утонченной личности. Зинаида Николаевна оживилась... заискрилась <...> – От них к нам! – сказала она мне...»; вскоре он знакомится с петербургскими сектантами. Ср.: «***7 Января 1909.*** Был у Охтенской Богородицы. Это вторая Гиппиус по уму. Как с вами говорить, спросила она, по букве или по духу. Я сказал, что в букву не верю, а по духу мне непонятно. Условились говорить смешанно, частью по букве, частью по духу. Говорили про мир видимый и невидимый, "астральный". Вы близки, сказала мне она комплимент. Богородица слегка нарумянена и напудрена – быть может, потому и напоминает Гиппиус» (Ранний дневник. С. 175, 199–200).

... антропософы типа Белого. – Религиозно-мистическое учение Е.П. Блаватской («Тайная доктрина») и ее последователей, объединяет различные вероисповедания (в том числе и оккультизм) через раскрытие тождественности сокровенного смысла всех религиозных символов и стремится на этой основе создать «универсальную религию». После организации в 1912 г. исследователем творчества Гете писателем Р. Штейнером Антропософского общества штейнерианство получило некоторое распространение в среде русской интеллигенции. В деятельности общества принимал активное участие А. Белый. Ср.: *Белый А.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. М.: 1917. Вся палитра идей от религиозных до революционных в самых причудливых сочетаниях при разнообразии личностей из

всех слоев общества обнаруживается Пришвиным в послереволюционной России. Ср.: «***30 Января 1918.*** Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно, – это подойти к этому краю чана и подумать: "Что, если и я брошусь в чан?" Блок – для него это постоянное состояние [на краю чана], задолго до революции. Другое дело – броситься в чан. Я думаю сейчас о Блоке, который теперь, как я понимаю его статьи, собирается броситься или уже бросился в чан. Было такое время, когда к чану хлыстовской стихии богоискатели из поэтов с замиранием сердца подходили, тянуло туда, в чан. Помню, однажды в десятилетие нашего интеллигентского богоискательства заинтересовались мы одной сектой "Начало века", отколовшейся от хлыстовства. И помню, один из кипевших в этом чану именно так и говорил нам: – Жизнь наша – чан кипящий, мы варимся в этом чану, у нас нет ничего своего отдельного, и не знаем, у кого какая рубашка: нынче она у меня, а завтра у соседа. Бросьтесь к нам в чан, умрите с нами, и мы вас воскресим. Вы воскреснете вождями народа. На это возражали: – Как же броситься, а личность моя? Я, близко знавший эту секту, не раз приводил на край ее чана людей из нашей творческой интеллигенции и всегда слышал один и тот же вопрос: – А личность? Ответа не было, и не могло быть ответа из чана, где личность растворяется и развaривается в массу и создается из <*зачеркнуто:* Я – европейца Мы, восточное Мы>. Нужно превратиться в безличное, в бессловесное, чтобы потом разом всем восстать из безличного бессловесного (святою скотиною). Христом-царем этой секты в то время был известный сектантский провокатор, мошенник, великий пьяница и блудник. И все, кто был в чану секты, называли себя его рабами и хорошо знали, что их царь и христос – провокатор, мошенник, блудник и пьяница. Они это видели: пьяный он по телефону вызывал к себе их жен для удовлетворения своей похоти. И было им это бремя сладко, потому что им всем хотелось жертвовать и страдать без конца. Так и весь народ наш русский сладко нес свою жертву и не спрашивал, какой у нас царь, дело было не в моральных свойствах царя, а в пути и сладости жертвы. Я был счастливым наблюдателем: на моих глазах царь и христос секты "Начало века" был свергнут своими рабами: в одно воскресенье они почувствовали, что искупление не совершилось, и они воскресли для новой жизни, пришли к царю своему и прогнали. Мой рассказ

не сказка: вблизи станции Фарфоровый завод по Николаевской железной дороге в собственном доме жизнью полной коммуны, с общей детской, столовой, строго нравственных правил, живут теперь свободные прежние рабы царя и христа А. Г. Щетинина. Мир отражается иногда в капле воды. Когда свергли не хлыстовского, а общего царя, хотелось думать, что народ русский довольно терпел и царь отскочил, треснул, как стручок акации трескается летом и на землю падают семена, так и Щетинин отскочил, когда для секты "Начало века" наступило летнее время их жизни. Но, кажется, чувства мои ошибались: не до конца еще натерпелся народ, и последний час, когда деспот будет свергнут, еще не пробил – чан кипит. Распадение на царства: подчинение [царю]: множество малых царей, которые мучили свои жертвы. Каждый царь, и у каждого жертва. Клюев – Андрей Белый. Скорее, похоже теперь на время богоискательства, когда поэт Блок подходил к кипящему чану и спрашивал: – Как быть мне с вами? И ему отвечали: – Бросьтесь в чан! В тот маленький чан он не бросился, а в нынешнем большом он стоит опять на краю. И, конечно, будем думать, не бросится. Большой чан вызывающе говорит европейцу: – Забудь свою личность, бросься в наш русский чан, покорись! Не забудет себя европеец, не бросится, потому что его "Я" идет от настоящего Христа, а наше "Я" идет от Распутина, у нас есть свое священное «мы», которое теперь варится в безумном чану, но "Я" у нас нет, и оно придет к нам из Европы, когда в новой жизни соединится все. Хорошо теперь быть теософом, соприкосновенным с оккультными тайнами: для них синтез (Андрей Белый). Всюду показывается человек с крестом на погонах и говорит: – Товарищи, забудем личные интересы. Пролетариат танцует, как всегда пьют, веселятся, танцуют военные люди в тыловом городе» (Дневники. 1918–1919. С. 33–36).

Бонч-сектанты. – В.Д. Бонч-Бруевич заинтересовался сектантским движением в России в предреволюционные годы. Ср.: Хлыст. С. 632–674.

Розанов: судьба патриота. – Розанов размышлял о парадоксальной для России печальной судьбе славянофилов с их «старой любовью к старой родине...», в отличие от популярности левой интеллигенции: «Печальны и запутанны наши общественные и исторические дела... Всегда передо мною гипсовая маска покойного нашего философа и критика Н.Н. Страхова – снятая с него в гробу. И когда я взглядываю на это

лицо человека, прошедшего в жизни нашей какою-то тенью, а не реальностью, – только от того одного, что он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги, – у меня душа мутится... Судьба Константина Леонтьева и Говорухи-Отрока...» (*Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М.: Моск. раб., 1990. С. 338). И себя Розанов вписывал в этот ряд «гонимых» патриотов: «Но вот объяснение, почему славянофильские журналы один за другим запрещались; запрещались журналы Достоевского. И только какая-то "невидимая могущественная рука" охраняла целый ряд анти-правительственных социал-демократических журналов. Почему Благосветлов с "Делом" не был гоним, а Аксаков с "Парусом" и "Днем" – гоним был. Пожалуй, и я попал: Куприн, описывая "вовсю" публ. д. – "прошел", а Розанов, заплакавший от страха могилы ("Уед."), – был обвинен в порнографии» (Там же. С. 385). См. запись от 27 февраля 1941 г. и коммент. к ней (Дневники. 1940–1941. С. 389, 821–823). Комментарий А. Медведева.

... назвался ближайшим другом Толстого. – Толстой и Михоэлс действительно дружили; в 1942 году в эвакуации в Ташкенте в небольшой пьесе, написанной Толстым и поставленной Протазановым и Михоэлсом, играя двух плотников, они исполнили запомнившуюся всем пантомиму, почти клоунаду. Ср.: «Чисто по-толстовски, по-алексей-толстовски отреагировал на смерть своего друга Соломон Михоэлс. "Михоэлс был болен и лежал в постели, когда позвонили и сообщили о смерти Толстого... бледный до какой-то серости, приподнял голову и сказал: – Что ж! Провожать Алексея ты пойдешь одна. Прошу тебя сразу – сегодня достань мне рюмку водки и обещай мне не плакать"» (*Потоцкая-Михоэлс А.* О Михоэлсе богатом и старшем. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/GOSET/GOSET001.HTM).

С. 453... *похожее на встречу Марии и Марфы возле Христа.* – Лк. 10:38–42.

С. 454 *Читал в «Очарованной душе» Р. Роллана о своей невесте...*– роман Р. Роллана «Очарованная душа» (1922–1933).

С. 455 ... *«ныне отпущаеши».* – Молитва Симеона-богоприимца.

С. 456 ... *просится суд над самой Аннет с точки зрения Розанова, т. е. отрицательного пола.* – Понятие «отрицательного пола»

Розанов ввел в книге «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1911): «Как есть электричество положительное и отрицательное, как в математике есть положительные и отрицательные величины, с "0" между ними, как есть движение вперед и назад и точка покоя, – так явление пола, в зачатии сплетенного из двух полов, из материнского, т. е. женского, и из отцовского, т. е. мужского, есть непременно в каждом организме и в каждый момент его жизни муже-женское, и от этого текущее, вибрирующее, лучащееся <...>» (*Розанов В.В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 153). См. запись от 16 мая 1937 г. и коммент. к ней (Дневники. 1936–1937. С.575, 934). Комментарий А. Медведева.

... рассказы: Филин, Лягушка, Раки. – Имеются в виду рассказы военных лет «Филин» (1941), «Лягушка» (1942) и «О чем шепчутся раки» (1941).

С. 457 ... *«яко до Царя всех подымем»...* – Слова молитвы Великого входа на Литургии.

С. 458 ... (*из Декларации Югосл. Врем. прав-ва*)». – Имеется в виду Декларация Временного народного правительства Демократической Федеративной Югославии, сформированного Иосифом Броз Тито 7 марта 1945 года, в которое вошли и представители эмигрантских кругов. Новое правительство Югославии было признано всеми государствами антигитлеровской коалиции.

С. 461 *Были на «Грозном» Толстого...* – драматическая повесть А.Н. Толстого «Иван Грозный» (1941–1943) была поставлена в Малом театре.

Лев Толстой отстранился от Петра I, как безнравственного человека. – После завершения работы над «Войной и миром» Толстой намеревался взяться за роман о Петре Первом. В конце 1872-го и весной 1873 года он даже начал собирать необходимый архивный материал. Однако скоро ему стало ясно, что люди той эпохи ему чужды. Кроме того, Толстого – в отличие от Пушкина, восхищавшегося Петром, – отталкивали его жестокость и грубость, и ему было бы трудно писать о нем. http://www.marsexx.ru/tolstoy/lavrin-tolstoy-biografia.html

С. 465 *«Слава в вышних Богу и на земле мир».* – Лк. 2:14.

С. 467 *Вечером у Ивана Воина служил о. Александр.* – Речь идет о протоиерее Александре Георгиевиче Воскресенском, ко-

торый в течение 20 лет до своей кончины в 1950 году служил в церкви св. мученика Ивана Воина на Большой Якиманке, где Пришвин, начиная с 1940 года, бывал. Ср.: «***30 Октября 1943.*** Старый священник во всенощной у Ивана Воина был мне приятен: высокий, строгий, и видно, что молится от себя, а не только для нас. После Евангелия я решился подойти к нему под благословение. И когда я прикладывался к его руке, то почувствовал, что он этой своей рукой тихонько пожал мою руку. – Ляля, – сказал я тихонько, – мне кажется, священник потихоньку мне руку пожал. – И мне тоже... Я посмотрел на других, идущих под благословение, и сказал: – А может быть, он так и всем: каждый думает, это только ему, а он всем с таким выражением, будто он каждого любит больше. – Точно следует Богу, – ответила Ляля, – мне всегда казалось, что Бог любит всех, но каждого больше» (Дневники. 1942–1943. С. 610).

С. 468 *... кому живется весело, вольготно на Руси.* – Строки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1860–1870).

С. 469 *... в отношении сергиянской церкви...* – ср.: «Вокруг шли аресты священников и мирян, не признававших митрополита Сергия. Михаил Александрович приходил к нам усталый, грустный, часто напоминал он зверя, измученного преследованиями охотников. Люди, дававшие ему кров, начинали его побаиваться: и правда, у всех была трудная жизнь, семья, нужда... Вокруг исчезали все лучшие. Церковь обнажалась. Скоро, возможно, и не останется преемников благодати, которыми, как мы понимали, были священники, не примкнувшие к митрополиту Сергию. Об этом я как-то спросила Михаила Александровича: – Как нам быть, если не останется священника старого посвящения? – Не надо создавать новый раскол, – ответил Михаил Александрович. – У нас единая Церковь, внутри которой ведется борьба. Если никого не останется – идите с ними, только не забывайте крови мучеников» (Невидимый град. С. 404).

Петя, улетающий завтра в Померанию... – побережье Балтийского моря между Вислой и Одером и отчасти за Одер, к Эльбе, в разные годы она была в составе различных государств; в 1945 г. часть Померании по решению союзников была отделена от Германии; в настоящее время Западная Померания является частью германской земли, остальная часть – польской территорией.

С. 470 *... борьба с Ватиканом...* – в рождественском воззвании 1945 года папа Пий XII отметил переход к послевоенному устройству мира и сформулировал и изложил предварительные условия прочного и истинного мира: 1) принцип справедливости и взаимопонимания; 2) право на самоопределение; 3) устранение тоталитаризма. В сентябре 1945 г. в советских газетах появились первые материалы антиватиканской направленности. Папу римского критиковали особенно жестко за антисоветское радиовыступление против «тоталитаризма». Так, в статье И. Борисова «Рождественские послания Пия XII» отмечалось, что «папа Пий XII во всех своих посланиях ни разу не осудил ни Гитлера, ни Муссолини, ни одного из немецко-фашистских убийц и поджигателей войны. Зато он осуждает тех, кто разгромил фашистские государства и их "новый порядок"». Статья была опубликована на фоне репортажей о ходе Нюрнбергского трибунала, что придавало ей особую силу в глазах советских людей. http://lib.rus.ec/b/338850/read

... (цитируя Шпета), что книжностью русская интеллигенция прикрывала свое невежество. – Ср.: *Шпет Г.Г.* Очерки развития русской философии (1922); *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) (1908).

... пространство исчезло. – В послереволюционные годы Пришвин обнаруживает, что пространство и время, всеобщие формы бытия, в новой культурной ситуации подвергаются трансформации, в дневнике возникают пространственно-временные координаты революции – хронотоп нового мира. Ср.: «***21 Января 1920.*** <...> Самое ужасное в этой совдепии, что ихняя совдепская сеть накинута на самые священные таинственные уголки России, и вся Россия со всеми своими медвежьими и раскольничьими заповедными местами лишилась тайны»; «9 Февраля 1920. Радость русского человека самая первая, что можно было постранствовать, в Соловецкий монастырь или в Киевские печуры Богу помолиться, или по широким степям так походить, или в Сибирь уехать попытать счастья на новых местах, узнавая, как люди живут. Теперь будто частая сеть накинута на все это необъятное пространство, и нет в нем страннику места. У оврага, занесенного снегом, стоит треснувшее оледенелое дерево, и далеко, далеко слышно, как от ветра злого скрипит оно на всю Скифию, и видно при свете волчьего месяца, как хлещут одно о другое его оледе-

нелые ветви. Волчья жизнь вокруг, нет места страннику, только волки подходят к скрипучему дереву. Нет, куда тут странствовать, вернуться бы в дом блудному сыну – вот вторая половина русской радости: из большого пространства вернуться в дом родной к родному уюту и сесть на доброе дело. Но где же этот дом, где домашний уют? Вдали стоит желтый в родном городе, в нем побывали, видно, солдаты: окна выбиты, двери растащили на растопку соседи и бросили; один прохожий остановился на углу, помочился, пошел, и другой за ним остановился – удобное место; и так все, кому есть нужда, подходят к этому месту только за этим, поганое место» (Дневники. 1920–1921. С. 14, 23–24). Также ср.: «***23 Февраля 1918.*** Вся-то пыль земная, весь мусор, хлам мчится в хвосте кометы Ленина... Так нужно твердо помнить, что в революции дело идет не о сущности и не о бытии, а о формах бытия, причем летящему в революции кажется, что дело идет о самой, самой сущности. Вожди – это ядро кометы, в котором нет ничего: раскаленные камни, светящийся туман, в их обманчивом свете сияет весь хвост кометы, вся эта пыль земная и мусор мчащийся. В свете кометного тумана всякое сбережение материи и духа все равно представляется мещанством, буржуйством <...> Время перескочило через масленицу, и патриарх объявил начало Великого поста, так время революции, кажется, зацепилось за то телячье время, которое казалось нам мерою сущностей. Теленок жует неизменно и через сколько-то жевков становится быком, – если бы за него зацепилось время революции, вот бы чудо случилось настоящее: теленок стал бы мгновенно быком, лошади с плугами помчались бы по нивам, семена, брошенные в пашню эту, в несколько минут становились бы спелыми злаками – вот я тогда бы ответил всему чуду революции и сказал бы, что революция – не светящаяся прозрачная комета, а новая планета, и я променял бы свою землю на эту планету и поселился бы в новом социалистическом отечестве, – но я не верю этому и поклонюсь земле и времени»; «***10 Сентября 1918.*** Бык – кличка моего бычка. Название далось само собой, но я укрепил его размышлением, когда я однажды сидел на террасе, а бычок стоял и жевал, его ритмические жевки можно было считать, и мне казалось, будто это жевание – ход природного времени. Мчится бешено наше человеческое время, неделя отвечает за год, месяц не увидишь знакомого человека, смотришь – он постарел и щеки его провалились, но там, где жуют, все остается по-старому, вечному» (Дневники. 1918–1919. С. 42–43, 192).

... сопровождается во мне привыканием к городу...– урбанистические мотивы реализуются, прежде всего, в связи с петербургским периодом (1904–1917) жизни и творчества Пришвина, а затем всплывают после переезда в Москву в 1937 году. Ср.: рассказы «Голубое знамя», «Город света», «Весна света» / Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 538–545, 583–587, 567–570.

С. 472 *Сороки... в этом году классические...* – день народного календаря, приуроченный к церковному дню памяти Сорока Севастийских мучеников. В этот день, согласно народному календарю, зима кончается – весна начинается, день с ночью меряется-равняется (равноденствие).

С. 474 *Комнатный идеализм (сказал Р. Роллан).* – Ср.: «Соланж ему дала все то, чего он искал в брачной жизни. Спокойная привязанность, нетребовательная доброта, кроткий и ровный характер, терпимость, комнатный идеализм, который боится ветра и дурной погоды, склонность всем восторгаться, которая делает жизнь такой удобной!» (*Роллан Р.* Очарованная душа (1921–1933). http://www.bookol.ru/proza-main/klassicheskaya_proza/46617.htm). Комплекс идей, который Пришвин обнаруживает в русской культуре в годы после Второй мировой войны, в европейской культуре Р. Роллан видит после окончания Первой мировой войны. Ср.: из «Введения» к роману: «И моя мысль искала нового поприща в изображении "противоборства" двух поколений современности – поколения мужчин и поколения женщин, каждое из которых достигло различного уровня в своем развитии... Не существует (а быть может, никогда и не существовало) такого положения, когда бы развитие женщин и мужчин одной эпохи шло параллельно. Поколение женщин всегда либо опережает на целый век поколение мужчин своего времени, либо отстает от него... Женщины наших дней завоевывают себе независимость. Для мужчин это уже вопрос прошлого...» (http://bookz.ru/authors/rollan-romen/soul/1-soul.html).

С. 476 *Слышал... «Севастополь» Ценского хорошая книга.* – Имеется в виду исторический роман-эпопея С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» (1937–1939).

С. 485 ... *«ныне силы небесные».* – Слова Великопостной богослужебной молитвы.

С. 488 *Господи, Владыко живота моего...*– молитва Ефрема Сирина.

С. 491 *...ходил чай пить в трактир «Капернаум», где вел споры на религиозные темы.* – В 1911–1913 гг. Пришвин иногда подолгу живет в Новгороде или в деревнях около Новгорода. Библейское название Капернаум получил трактир толстовца Молочникова на Тамбовской улице, где собирались сектанты разных толков; трактир, в частности, посещал прот. А.П. Устьинский. Пришвина привлекает стихия свободной мысли собирающихся в новгородском трактире. Пришвин слышит множество голосов, он слышит нескончаемый спор людей разных взглядов, конфессий, занятий; все они примитивные философы, захваченные поиском смысла жизни. В дневнике писателя «Капернаум» – место бесконечного разговора, разноголосицы: это не хор, а «базар» (так назовет Пришвин свою пьесу в первые послереволюционные годы). Дневник заполняется разговорами на тему, которую Пришвин для себя формулирует так: «Искание в "Капернауме" начала всех начал, споры о первобытном». Не конфессиональность, но изначальная, стихийная религиозность доминирует в духовной атмосфере "Капернаума"». Интересно, что себя самого писатель ощущает «археологом», «реставратором» – это метафора его подлинного поиска, который заключается в изучении обнажившихся глубинных пластов народного сознания. Здесь шел не совсем богословский спор – народное сознание на выходе из своей традиционной вековой цельности обнаруживает богатство образов и понятий, язык выдает архаическое, мифологическое сознание участников («Существо во мне заговорило, которое 2000 лет в затемнении было...»). При этом весь спектр вопросов принадлежит современности – от фундаментальных вопросов мироздания («в чем начало вещей») до проблем христианства, природы человека, монархии, земельного вопроса. Все решается так же самобытно («Первоначально надо с нутра начинать»), в противостоянии культуре («Первобытные народы жили и не нуждались в книгах»). Это было сходно с тем, что Пришвин уже многократно встречал. В дневнике рисуется противоречивый процесс рождения индивидуальности, индивидуальной свободы. Пришвина увлекает сама атмосфера собраний: простой человек, в жестах и логике которого неожиданно возникает игра вечных символов. Однако в сектантстве Пришвин не видит выхода к подлинной свободе («Секты не интересны, потому что в них нет вселенского <...> религиозная темнота,

безрелигиозность народа»). В «Капернауме» постоянно обсуждается тот же самый вопрос, который ставит себе для разрешения Пришвин: «сознание для жизни или жизнь для сознания?» В переводе на язык народной стихии этот вопрос звучит много проще: «Христос или корова?», т.е. что принять за действительность, видимую жизнь или невидимую. Народное сознание мучительно колеблется между этими крайностями, создающими поле особого напряжения: на одной стороне оказывается «человек жизни», отрицающий Христа, Церковь, книгу, науку («действительность – это природа... а то все воображение»), на другом – «революционеры духа», идеология которых укладывается в слова одного из руководителей петербургской секты хлыстов «Начало века» Легкобытова. («Действительность отвергнуть – и вне действительности создать действительность».) Ранний дневник. С. 695–696. Ср.: «"Капернаум" – такое сложное учреждение, с такими разнообразными типами, что нет никакой возможности дать о нем понятие в двух-трех словах. <...> Человек заговорил! Какой глубокий интерес наблюдателю жизни – проследить момент появления слова, момент выхода его из глубины существа, затерявшегося где-то на Сборной улице, приобщения этого существа к человеческому обществу.<...> Чего уже стоит то, что буфетчик "Капернаума" за прилавком, за этим рядом бутылок, держит всегда наготове Библию, и гости временами требуют ее к себе из буфета для справок». О двух крайностях (К характеристике времени) / Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 771–787.

С. 494 *... сегодня в «Правде» есть статья, организующая эренбургово возмездие...*– имеется в виду статья Г.Ф. Александрова в «Правде» (14 апреля 1945), критиковавшая Эренбурга за упрощенные политические оценки, т.к. «Красная армия не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ». Ср.: «Заместитель наркома иностранных дел Лозовский уже в первые дни войны довел до сведения Эренбурга, какое решающее значение одновременно придавал Сталин зарубежной работе на Великобританию и США. Ведавший такими вопросами член [кандидат в члены] Политбюро Щербаков теперь официально дал ему важное поручение — "ежедневно" писать и для союзников на Западе <...> С тех пор он действительно каждый день писал статью, а зачастую несколько, до пяти статей, для государственного органа "Известия", для партийного органа "Правда" и прежде всего для армейского органа "Красная звезда", а также для других советских газет и просоветских пе-

риодических изданий за рубежом <...> Если войскам для повышения боевой мощи не раздавалась перед наступлениями традиционная водка, то "им перед началом наступления зачитывали статьи Эренбурга", которые в бесчисленных вариациях повторяли основную тему: немцы – не люди, их нужно беспощадно истреблять. Этот стереотип, хотя он, конечно, отвечал намерениям советского руководства, подчас вызывал в своей обобщенной форме робкие сомнения, видимо, даже в Советском Союзе. Так, Эренбурга иногда спрашивали, как можно постоянно писать только об одном и том же предмете – о несходстве немцев с людьми. "Неужели они действительно такие палачи?" – спросили москвичи летом 1944 г. Романист Гроссман, сам активный представитель советской военной пропаганды, по крайней мере, упрекнул Эренбурга, что тот не допускает наличия разницы между немцами и, с другой стороны, "фашистами" и "гитлеровцами". Возражения раздавались и в западных странах. Когда, например, просоветская шведская газета "Гетеборгс Хандельстиднинген" в 1942 г. принялась печатать статьи Эренбурга, то вмешалось не только правительство Германского рейха, но и другие шведские газеты – так, "Стокгольмс Тиднинген", "Гетеборгс Моргонпост" и "Афтонбладет" выразили протест, а "Дагпостен" написала: "Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме. Для чего еще опровергать эту свинскую ложь и доказывать, что Эренбург приписывает немцам вещи, которые у красноармейцев случаются сплошь и рядом". Эренбург, чьи статьи частично переводились на английский язык, вовсе не всюду встречал понимание также в Великобритании и США. Известный журнал в Нью-Йорке, например, призвал в 1945 г. выразить протест против "жестокости таких советских писателей, как Алексей Толстой и Илья Эренбург". И сам Эренбург счел себя вынужденным 26 октября и 23 ноября 1944 г. публично возразить некой леди Гибб из Англии, которая написала ему: "Вы возбуждаете в сердцах русского народа очень, очень старое зло, а именно желание мести после достижения победы. Это старое, старое зло... не принесет победителям благословения... Мы так сильно заинтересованы в том, чтобы вы использовали свои большие таланты на службе России для установления справедливого и долгого мира, а он никогда не может основываться на самоуверенности и желании мести". Советская пропаганда, в это время уже вплотную занятая тем, чтобы застраховать огромные военные

территориальные завоевания, начала оказывать на леди Гибб массированный нажим, дабы еще в корне задушить любое проявление справедливости и человечности. Эренбург ответил ей исполненным ненависти языком чудовища, процитировав якобы полученное письмо от некоего [младшего] лейтенанта Зинченко, который с возмущением написал: "Моя мать тоже верует, и она во имя этой веры благословляет меня: «Убей немца!»" "Нельзя жалеть зверя, – писал Эренбург, – зверя нужно уничтожить... Такого мнения у нас весь народ, многоуважаемая леди". В своем положении Эренбург, во всяком случае, мог быть уверен. И даже мнимое взыскание со стороны идеолога ЦК КПСС [ВКП(б)] Александрова, который опубликовал в партийном органе "Правда" незадолго до конца войны, 14 апреля 1945 г., передовую статью под заголовком "Товарищ Эренбург упрощает", являлось не чем иным, как тактической уловкой, предпринятой по прямому поручению Сталина, которая вовсе не была направлена против персоны Эренбурга, как тому тотчас с пониманием намекнули, но лишь учитывала в пропагандистском плане изменившуюся политическую ситуацию» (http://bitva-stalina.ucoz.ru/index/0-10; http://tihgorodok.ru/index-pomnit-vojna-ili-erenburga_page2.html).

С. 495 *... некий Синод...* – начиная с 1918 г. проблема высшего управления Русской православной церковью была одной из важнейших. Уже в 1921 году в связи с истечением трехлетнего межсоборного срока прекратились полномочия избранных на Соборе членов Синода и Высшего Церковного Совета, а новый состав этих органов был определен единоличным Указом Патриарха в 1923 году. Указом Патриарха Тихона от 18 июля 1924 года Синод и Высший Церковный Совет были распущены. Временный Патриарший Синод был образован Патриархом Тихоном в 1923 году и просуществовал до его кончины. В мае 1927 года Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий учредил Временный Патриарший Синод. 8 сентября 1943 года в Москве открылся Архиерейский Собор, который избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. После его кончины в 1945 году, после соборного избрания на Патриарший престол митр. Алексия (Симанского) и благодаря его политике по преодолению внутренних и зарубежных расколов легитимность церковного управления была восстановлена. http://www.religare.ru/2_65674.html; http://www.klikovo.ru/db/book/msg/4188

С. 496 *... встреча моя с его женой Софьей Павловной.* – В 1918–1920 гг. Пришвин переживает роман с женой друга А.М. Коноплянцева Софьей Павловной.

С. 497 *Я послал вас жать то, над чем вы не трудились.* – Ин. 4:38.

С. 498 *... смотрится из-за нашей спины в тихие заводи ручьев, рек и озер.* – Ср.: мотив будущей сказки-были «Кладовая солнца» (1945).

С. 500 *Детские рассказы...* – мотивы будущей сказки-были «Кладовая солнца».

С. 504 *... сказал по Энгельгарду («Письма из деревни»)...* – профессор химии в С.-Петербургском земледельческом институте, агрохимик, по убеждениям народник, автор книги «Письма из деревни» (1882), написанной во время ссылки в Батищеве. Ср.: «От земли и городов. Письма из Батищева» / Цвет и крест. С. 519–528.

С.505 *40 мучеников.* – Минеи 9 (22) марта.

С. 510 *... речь Молотова, произнесенная в Сан-Франциско...* – имеется в виду конференция в апреле – июне 1945 г. по вопросу о создании Организации Объединенных Наций.

... во время убийства Александра II няня с кем-то шепталась... – убийство царя Александра II народовольцами (1881) было одним из прафеноменов личности будущего писателя. Событие, которое Пришвин считал началом своей сознательной жизни, связано с няней Евдокией Андриановной. Как в романе «Кащеева цепь», так и в дневнике Пришвина традиционный в русской литературе образ няни, рассказывающей ребенку сказки и поющей народные песни, вытесняется и переосмысляется. Евдокия Андриановна, точным народным чутьем понимающая трагичность и неизбежность наступающего времени и не скрывающая своего понимания от ребенка, воспитывала в мальчике готовность к будущему.

С. 514 *... я жил на даче в Жабынском монастыре близ Белева...*– ср.: Ранний дневник С. 409–462.

С. 517 *Пишу рассказ для детей на конкурс.* – Имеется в виду будущая сказка-быль «Кладовая солнца», написанная Пришви-

ным за один месяц. Конкурс на лучшую художественную книгу для детей был объявлен Наркомпросом РСФСР, в октябре жюри конкурса подвело итоги и присудило Пришвину первую премию.

С. 519 ... *или «Сладкая клюква».* – Рабочее название будущей сказки-были «Кладовая солнца».

С. 522 *И так, вспоминая милых умерших...* – перефраз из эпоса Гомера «Одиссея» (пер. В.А. Жуковского, 1842–1849). В «Одиссее»: «Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых // Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти».

С. 523 ... *заступник за униженных и оскорбленных.* – Аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

С. 524 ... *Блок, и путь к Данному, предвечно существующему и закрытому своей индивидуальностью.* – Путь Блока к «предвечно сущему», «от себя к Богу и людям» в разные времена его поэтического творчества был полон озарений и «непостижного уму» страха перед Всевышним, он то приближался к видению Божественного света, то отдалялся от Него, то чувствовал Его несомненное присутствие, то вообще сомневался в том, что Он есть, то в отчаянии вопрошал Христа, «изнемогая на кресте»: «И челн Твой – будет ли причален // К моей распятой высоте?» Современники свидетельствуют, что Блок всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказалась чья-то воля, которой он не мог не подчиниться, словно стихи его рождались по откровению свыше. Ср.: «Блок также принадлежит вечной, преображенной России, России нового Неба и новой земли, как Пушкин. Ее уготовляют не только святые, подвижники, очистившиеся, но и тосковавшие, мучившиеся, прельщавшиеся и падавшие, но устремленные к высоте, к жизни, преображенной в красоте!» (*Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 487). Недаром этот тернистый «путь в себя» дал право Блоку в конце концов сказать: «Он весь – дитя добра и света, // Он весь – свободы торжество!» Комментарий Т. Бедняковой.

С. 525 ... *там <...> не женятся и замуж не выходят.* – Мф. 22:30.

... *геро[и] из армии Рокоссовского – бывшие «бандиты»...* – в составе Центрального фронта в 1943 году был сформирован и

вступил в бой 8-й Отдельный штрафной (состоял из побывавших в плену офицеров и из бывших заключенных) батальон, прозванный немецкой пропагандой «Бандой Рокоссовского». Действия бойцов батальона отличались не только храбростью, но и нестандартными решениями боевых и технических задач.

С. 526 *Читая «Смертный пробег»...* – рассказ «Смертный пробег» (1925), вошел в цикл «Календарь природы».

Смертию смерть поправ. – Тропарь праздника Воскресения Христова.

С. 528 *... конфликт Югославии с Англией по поводу Триеста.* – В Югославии в 1944–1945 гг. развернулась война Народно-освободительной армии против немецко-фашистских войск на Балканах и коллаборационистских формирований, которая при поддержке войск Красной армии завершилась 15 мая 1945 г. Было создано и федеративное государство – Республика Югославия. В годы Второй мировой войны северо-восточные районы Югославии были включены в состав Германии и ее союзников – Болгарии, Италии, Албании и Венгрии, либо находились под ее влиянием: Независимое государство Хорватия и Государство Сербия. 11 апреля 1945 г. Советский Союз заключил с правительством Национального комитета освобождения Югославии во главе с Броз Тито Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве сроком на 20 лет. Югославия чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы конфликтовать с западными державами по территориальным вопросам, главным из которых был вопрос о части полуострова Истрия с городом и портом Триест. Триест и прилежащая к нему область после Первой мировой войны перешли от Австро-Венгрии к Италии. Для избежания военного столкновения сил Броз Тито с западными державами в июне 1945 по инициативе Лондона, поддержанного Москвой, было подписано компромиссное соглашение о разделе зоны Триеста на две части: зону «А» (город Триест) сохранили за собой американо-британские силы, зону «Б» (сельские и пригородные районы) – силы Броз Тито. Окончательное решение вопроса было отложено до подписания мирного договора с Италией.

С. 530 *... («И се буде»).* – Пс. 40.

С. 531 *... рассказ на конкурс «Дружные ребята».* – Имеется в виду «Кладовая солнца». Журнал «Дружные ребята» – двух-

недельный журнал для крестьянских детей (в 1932 – «Журнал колхозных ребят», в 1933–1937 – «Колхозные ребята»). Издавался в Москве в 1927–1953 годах как орган ЦБ юных пионеров и Наркомпроса, затем ЦК ВЛКСМ.

... и умер с маской, и никто не знал его лица. – Тема «маски» с начала XX века была в культуре одной из важнейших, но в 1930-е гг. проявился ее социальный подтекст. В это время маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной, что, с одной стороны, приводит к однообразию или единообразию, уничтожающему живую жизнь, но часто помогает спасти ее («***24 Января 1935.*** <...> вечером у Чувиляевых люди-маски», «***19 Сентября 1935.*** Как в дождик надо взять зонтик, так надо человеку в обществе надевать маску и строить личину. Или двигаться все глубже и глубже в пустыню, или строить личину». Дневники. 1932–1935. С. 596, 797). Маска, по Пришвину, скрывает и истинное лицо нового государства, жизнь принимает карнавальный оттенок – все в масках: руководители государства под маской скрывают ложь, рядовые граждане – страх («***3 Июня 1932.*** Социалистическая маскировка достигла самого высокого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это всё (включая мощи Ильича)». Дневники. 1932–1935. С. 138). Маска как способ защиты личности в чуждом или опасном окружении, как свобода в выборе модели поведения – все это Пришвин понимал еще в 1930 г. («***23 Декабря 1930.*** Нельзя открывать своего лица <...> Требуется обязательно мина и маска», «***20 Ноября 1930.*** Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами». Дневники. 1930–1931. С. 302, 282). Тем не менее, его собственная личина – охотника, человека, ведущего странный на общепринятый взгляд образ жизни, чуждого писательскому сообществу в том виде, в каком оно существовало в столице в эти годы, исключенного из общественной писательской жизни, определяет его положение («***24 Августа 1935.***<...>что-то вроде пустынножительства». Дневники. 1932–1935. С. 773). Писатель обнаруживает, что личина, маска и его полумаргинальная жизнь, его хитрость и юродство уходят корнями в традицию русской литературы и имеют в культуре высокий смысл – борьбы со злом средствами искусства («***11–12 Августа 1934.*** <...> творчество есть великая маскировка, великое скрывание <...> или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло». Днев-

ники. 1932–1935. С. 458). В 1936 г. процесс перерождения, происходящий под маской, достигает апогея – маска вытесняется марионеткой, которая не просто скрывает личность, но и трансформирует ее, демонстрирует такие качества как изломанность, незащищенность и в то же время абсолютную преданность и подчиненность, послушность кукловоду: маска статична, марионетка управляема («***13 Ноября 1936.*** <...> каждый в крайнем славословии, хлопанье в ладоши как будто сознательно старался заглушить, забить голос собственной личности. Что-то зловещее и небывалое в человечестве чудилось в этих говорящих и хлопающих марионетках», «Задумчивый рассеянный человек при словах ораторов "спасибо вождям за счастливую жизнь" поднимает руки с колен и легонечко начинает похлопывать. Мне кажется, он придумывает особый аппарат для парадных собраний: чтобы перед каждым гражданином висели механические руки, приводимые [в движение] самим оратором: скажет "счастливая жизнь", нажмет пуговку на кафедре, и руки без всяких усилий со стороны граждан сами захлопают <...> Говорить почему-то не стал и потихоньку удрал. Может быть, и к лучшему». Дневники. 1936–1937. С.354–355). Так получается, что все внешнее (маска) – застывшее, но яркое и расцвеченное, а живая, но невидимая жизнь под маской – не востребована, она таится, прячется и вянет на корню. Само государство беззастенчиво-цинично демонстрирует на весь мир маску, скрывающую его сущность («***23 Сентября 1937.*** Переживаем речь Литвинова. Так <...> на весь мир мы либералы дальше Англии, – это мы в гостях; а мы у себя дома это... но ведь это не важно, как мы сами живем. Важно, что живем вот для такой-то идеи». Дневники. 1936–1937. С. 750). На самом же деле совершается еще более трагическая метаморфоза этой карнавальной реальности: все возвращается на круги своя в виде кровавой пародии («***20 Января 1937.*** Рушится, разлагаясь, демократия, и монарх возвращается в маске сверхчеловека. Это маленькое дело требует миллионы жертв». Дневники. 1936–1937. С. 452). И, размышляя о своей маске охотника спасительной в эти годы, он понимает, что скрывать приходится даже самое невинное, но свое собственное личное желание просто жить. Ср.: «Оглядываясь назад, я вижу, что меня захватывали книги, написанные в пору великих кризисов, когда "порвалась связь времен" (Гамлет) и творческое меньшинство пыталось как-то найти, где выход из кризиса <...> Есть ли сегодня условия для глубоких книг? Хотя бы в жанре дневника? Есть дневники

Пришвина, Шмемана... » (*Померанц Григорий.* Культура сама себя защищает... // Континент 141. Париж – Москва: 2009, № 3. С. 347).

С. 532 *Вчера Сталин провозгласил первенство русского народа в Союзе.* – Имеется в виду знаменитый тост, произнесенный Сталиным 24 Мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии: «За здоровье русского народа!» http://www.kprf.org/showthread.php?t=2371

С. 534 *... первый раз было в год смерти Маши.* – Двоюродная сестра Пришвина Марья Васильевна Игнатова оказала большое влияние на формирование личности будущего писателя. В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)» (Дневники. 1918–1919. С. 519).

С. 535 *«Сказка о мужичке-в-мешочке и золотой курочке»).* – По-видимому, одно из рабочих названий сказки-были «Кладовая солнца». Мужичок-в-мешочке и Золотая курочка – прозвища главных героев сказки. Ср.: «***28 Июня 1938.*** Мелькнул сюжетик для рассказа детям о лесе. Тиль-тиль и Митиль. В лесу. Тропинка расходится вилочкой. Поссорились в споре, по какой идти домой <...> Рассказ начинается описанием этих тропинок. Вечный спор, и дети заспорили. И пошли. Одна глава: переживания Тиля, другая Митили. Конец: обе тропы сливаются в одну» (Дневники. 1938–1939. С.129).

Были на «Раймонде»... – Балет «Раймонда», муз. А. Глазунова, либретто Л. Пашковой и М. Петипа.

(Салтыков на этой ноте спел своего Иудушку.) – Герой романа М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1875–1880).

Читал в газетах схватку Черчилля с Эттли...– речь идет о дебатах Черчилля с лидером Лейбористской партии Эттли в ходе предвыборной компании. Считается, что Черчилль недооценил изменившуюся расстановку сил в стране и мире – победа Советского Союза в войне с Германией вызвала огромный рост симпатий к делу социализма в Европе. Выборы, на которых победу одержала Лейбористская партия, состоялись 26 июля 1945.

С. 538 *... верблюду пройти сквозь игольное ушко...*– Мф. 19:24.

С. 539 *Привезла на поправку сказку мою «Кладовая солнца».* – В советские годы редакционной правке были подвергнуты все без исключения опубликованные произведения Пришвина. В данном случае, к примеру: «<...> эта правда есть правда вековечной суровой борьбы людей за любовь» – слово «любовь» заменили на «справедливость». Вместо «поснут» – стало «уснут», вместо «неизбывной злобы» – «неизбежной». Длинные предложения разбили на короткие, многоточия заменили точками и восклицательными знаками. В результате редакторской работы над текстом «Кладовая солнца» в 1946 году вышла одновременно в двух издательствах («Детгиз» и «Правда») с разной правкой. 22 мая 1952 года Пришвин просит жену Валерию Дмитриевну передать главному редактору издательства «Художественная литература» А.К. Котову следующее: «Ляля, когда будешь говорить с Котовым, не забудь напомнить ему о тех моих словах в его кабинете – это очень важно. Скажи ему, что как ни стригут меня все поколения редакторов, как я ни терплю это – лысым, однако, не становлюсь, волосы мои все равно рано или поздно отрастут. Так не пора ли восстановить подлинные редакции по Девриену "Колобка" и "В краю", на обломки которых мне больно глядеть, а главное, они в таком виде никому не нужны. Скажи, что такова моя "авторская воля"!» (Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень. Вектор Бук. 1998. С.5). Тексты произведений Пришвина были восстановлены (за исключением повести «Мирская чаша») при работе над собранием сочинений 1982-1986 годов, благодаря тому, что в архиве издательства было обнаружено это письмо, выражающее волю автора. Ср.: Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 216–252.

С. 542... *и не оспаривать глупца.* – Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный... » (1836).

С. 543 *Фильм Диснея «Бемби»...* – пятый мультфильм Диснея «Бэмби» (1942) снят по мотивам сказочной повести австрийского писателя Феликса Зальтена.

... изображение природы, отталкиваясь от символизма Киплинга («Джунгли»), сходится со смелым реализмом Диснея. – Имеется в виду Р. Киплинг «Книга джунглей» (1894). Пришвин точно определил взаимодействие двух художественных систем в своем послевоенном творчестве. Единство художественного

мира «Кладовой солнца» создается взаимодействием этих же двух систем, реализма и символизма: все персонажи связаны невидимой нитью с глубинной жизнью лесного мира с Блудовым болотом в центре. В сказке-были существует целый ряд реальностей – реальность леса, реальность жизни и смерти (лесник Антипыч), реальность собачьей верности (Травка), реальность детей Митраши и Насти с их представлениями о жизни, реальность птичьего крика и формы деревьев, поведения всех обитателей леса, суровая реальность болота с гибельной еланью и с клюквенной палестинкой – и все эти реальности вступают во взаимодействие, из которого вырастает новое единство, метареальность (М. Эпштейн). Внутри «были» прорастает «сказка» и у писателя появляется произведение нового для него жанра – «сказка-быль», которая воспроизводит ту же и одновременно иную реальность, «символическую реальность», каждое мгновение которой полно смысла.

С. 544 *Думаю над рассказом «Разговор грибов».* – Рассказа под таким названием у Пришвина нет.

Художественная форма – это не плащ, накинутый на мысль, это плоть мысли (Флобер). – Ср.: «Внешняя художественная форма не является у него надетою на мысль, как перчатка на руку, а срослась с нею, как покров кожи с телом, сотворена вместе и одновременно, одним процессом: это сама плоть мысли» (Ю.Н. Тынянов «Вопрос о Тютчеве»; http://www.philologoz.ru/tynyanov/pilk/ist4.htm).

С. 549 ... *(дальнейшее ищи в особой тетради «Робинзон Крузо»).* – Ср.: «Сюжет: щенок породы спаниэль-коккер получил название от мальчика. Щенок сдернул скатерть с графином. Вода наполнила комнату. На сухом островке остался щенок, как на острове, сидел и дрожал. Мальчик, увидев его, сказал: “Вот Робинзон Крузо!” – Мы очень смеялись этому, но, подумав, решили: “Вот прекрасное имя!” Запишем в родословную это имя, а звать будем Робик. И оформив родословную, стали получать от секции краевого собаководства паек на имя Робинзона Крузо. Однажды Робик потерялся в лесу. Он попал почти в непроходимое место на лесную полосу с таким частым лесом, что и зайцу не пройти. Робик вошел через единственный вход, а выйти не мог. Голод утолял ягодами ([способ] вегетарианца). Но пить нечего. Трагедия... сходить к грибу-сыроежке, наполненному водой. Напился лесной воды. Закончить: весь сюжет в том, что щенок по-

пал в хижину Робинзона, и вышел из нее, напившись волшебной лесной воды» (РГАЛИ).

С. 554 *Ницше, когда говорил: идешь к женщине – бери плеть.* – «"Дай мне, женщина, твою маленькую истину!" – сказал я. И так говорила старушка: "Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" – Так говорил Заратустра» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 48). Указано А. Медведевым.

С. 555 *... меня и Всеволода позвали за наши писания о китайцах...* – в Китае в эмиграции В. Н. Иванов прожил почти четверть века. Им был написан ряд художественных произведений о Китае: «Тайфун над Янцзы», «Путь к алмазной горе», «Дочь маршала». У Пришвина китаец Лувен – главный герой поэмы «Жень-шень» (1933).

С. 557 *Черчилль сказал: он потому против социализма в Англии...*– имеется в виду Фултонская речь (Sinews of Peace) — речь, произнесенная 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в г. Фултон, Миссури, которая в СССР считалась сигналом для начала холодной войны. Черчилль считал эту речь самой важной в его карьере. Ср.: «Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой Альянса. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и есть ли какие-то границы их экспансии. Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим военным товарищем маршалом Сталиным... Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира. Более того, мы приветствуем или приветствовали бы постоянные, частые, растущие контакты между русскими людьми и нашими людьми на обеих сторонах Атлантики. Тем не менее моя обязанность, и я уверен, что и вы этого хотите, изложить факты так, как я их вижу сам <...> От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но

и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы... Коммунистические партии, которые были очень маленькими во всех этих восточноевропейских государствах, были выращены до положения и силы, значительно превосходящих их численность, и они стараются достичь во всем тоталитарного контроля <...> я отвергаю идею, что новая война неотвратима... Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии <...> Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость. Поэтому старая доктрина баланса сил ныне неосновательна». В СССР текст речи не переводился полностью, но был подробно пересказан в сообщении ТАСС от 11 марта 1946 года.14 марта Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР, а также обвинил его в расизме. http://www.publicevents.ru/pages/58.htm

С. 559... *«раздай богатство свое»...* – Мф. 19:21.

С. 561 ... *я в жизни слишком много страдала...* – Валерия Дмитриевна родилась в 1899 г. в Витебске, где служил ее отец Дмитрий Михайлович Лиорко, а гимназию закончила в 1916 году в Москве; в 1918 г. Д. М. Лиорко, б. офицер, был расстрелян. В 1930 г. был расстрелян ее самый близкий друг, первая любовь Олег Поль (иеромонах Онисим); в 1932 г. В. Д. с мужем оказались сначала на Лубянке, затем в ссылке в Нарыме (Колпашево), а в 1935 г. на строительстве Дмитровского канала. В 1938 г., расставшись с мужем, В. Д. вернулась в Москву; с пропиской в полуподвальной комнатке ее матери и с паспортом после возвращения были постоянные проблемы. В 1962 г. В.Д. Пришвина работает над воспоминаниями – книга «Невидимый град» появилась во многом благодаря настоятельному совету Михаила Михайловича, который видел в ее жизни судьбу поколения.

С. 563 ... (*пленение пап...*– имеется в виду Авиньонское пленение пап, вынужденное пребывание римских пап в Авиньоне в 1309–1378 гг. (с перерывом в 1367–1370). Неблагоприятная политическая и социальная обстановка в Италии, мятежи в Папском государстве и антипапские выступления в самом Риме, возглавлявшиеся крупнейшими аристократическими семействами, в интриги которых папы были также вовлечены; зависимость от

поддержки Франции; удобство положения новой резиденции, – все это почти 70 лет удерживало пап в Авиньоне; авиньонское папство Петрарка называл «вавилонским пленом».

С. 566 *... подъехал автомобиль «амфибия».* – К числу поставлявшихся в СССР во время войны по ленд-лизу машин относятся и специальные двигающиеся по воде автомобили-амфибии.

С. 568 *... изругал Успенскую <...> и назвал ее «барабаном».* – Речь идет о Е. Б. Успенской (внучке Глеба Успенского), которая в годы войны была корреспондентом газет вначале «Пионерская правда», затем «Комсомольская правда» и, возможно, имела отношение к этой пионерской «безумной игре», которая поразила Пришвина.

С. 570 ... (*«и человека человек послал к Анчару властным взглядом»*). – Стихотворение А.С. Пушкина «Анчар» (1828), в котором царь, «непобедимый владыка» – носитель безграничной власти и смерти, причем как врагам, так и рабам. Анчар, древо яда – символ не только безграничной власти, но столь же безграничной рабской покорности, от смерти, по Пушкину, не спасающей. Ср.: «***20 Февраля 1936.*** Мы столько времени жили в уверенности, что за ним стоит кандидат, за кандидатом другой, третий, как у оленей в гареме во время гона. И вдруг, подумав об этом, увидели, что нет никаких ассистентов, что мы упустили его, и он теперь стал незаменимым и единственным (“и человека человек послал к анчару властным взглядом”) <...> Все происходило как после потопа: множество рек и ручьев стали бежать в одно место и то место сделалось морем...»; «***17 Августа 1937.*** “Канал” – это военная организация: военная, значит, основанная на какой-то власти государственной: “и человека человек послал к анчару властным взглядом”. Организация, значит, такая расстановка работающих частей, в которой каждая из них давала бы наибольший полезный эффект. “Канал” создался благодаря сильной власти и умелой организации, взятой с военного образца...»; «***18 Марта 1938.*** “Медный всадник” и “Анчар”: у раба должны быть другие идеалы, чем у царя, – в чем они, что сказал Евгений Медному всаднику?» (Дневники. 1936–1937. С. 23, 715; Дневники. 1938–1939. С. 46).

С. 571 *Теперь и себя нельзя понять без С. «С.» в себе – это входит в состав моего собственного «Я». Сталин – это корректив нашего послушания, это необходимость и свобода, или «я сам»*

есть С. как осознанная необходимость. – Ср.: «Не существует реальности, называвшейся «1812 год», – исчезла в дурной бесконечности хронологических количеств, ничего живого не осталось. Существует Лев Толстой с "Войной и миром". Точно так же начинает исчезать тема коммунизма, заменяясь темой "Андрей Платонов". В Платонове растворяется и преображается все, в том числе и Сталин. Как нет для нас много Наполеона, кроме толстовского, так и Сталин не существует более вне платоновских миров и войн. И этот, платоновский, Сталин реальнее исторического – он настоящий, а не персонаж партийных стенограмм и советологических исследований. Хотя написанное Платоновым о Сталине – пустяк, несколько упоминаний расхожего имени. Он писал не о Сталине – писал Сталиным. В Платонове все Сталин, Платонов сам – Сталин. Чем больше читаешь Платонова, тем лучше понимаешь Сталина. Они энергетически взаимозаменяемы. Платонов – единственно равномощный ответ России Сталину <...> Сталин вообще любил русских, со всеми их чудачествами <...> Не любил он бойких лоялистов, увлеченных строительством социализма <...> Которые за социализм с человеческим лицом, бестрагедийный. Открытых же антисоветчиков уважал: Замятина, Булгакова. А войдя во власть, во вкус власти, полюбил юродивых. Лучшего, чем Платонов юродивого ему было не найти, лучше в советской России и не было. И Сталин выдал ему охранную грамоту <...> на встрече с активом писателей на квартире Горького спросил: а Платонов здесь? Активисты тут же смекнули: если не выдвигать, то печатать помаленьку. И печатали – ругали, но печатали. Это вообще кажется чудом: как Платонов сохранился на бумаге?» (*Парамонов Б.* Трава родины, или Сталь и шлак // Октябрь № 2, 2003. С. 128).

...на образ тысячелетнего дерева Тисс... – дерево-долгожитель, известное с древнейших времен: в тисовых саркофагах хоронили египетских фараонов.

С. 572 ... *не оспаривать глупца.* – Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Памятник» (1836).

... *это «дьявольские поспешения»*). – 3-я утренняя молитва Макария Великого.

С. 573 ... *вода человеку, как кошка: она живет сама по себе...* – аллюзия на сказку Р. Киплинга «Кот, который гулял где хотел» (1902).

С. 575 ... *ныне разрушенного Беломорского канала.* – Во время войны южная часть канала была разрушена и восстановлена вновь в 1946 году.

... *делать компиляцию «Серой Совы»...* – в 1936 году Пришвин читает книгу Серой Совы «Pilgrims of the Wild» (1935, наст. имя Арчибальд Стэнсфилд Билэйни, по-индейски Вэша Куоннезин – Серая сова, русск. пер. «Странники лесной глуши»). Пришвин, который владел немецким языком, прочел ее в немецком переводе. Пришвин не раз подчеркивал особую близость канадского писателя, его отношения к природе и образа жизни к собственным. В 1938 году вышла книга «Серая Сова. Пересказ с английского Михаила Пришвина». Ср.: Собр. соч. 1982–1986. С. 80–241, 711–714.

... *сапоги выше Шекспира.* – Известно отношение к Шекспиру Д. И. Писарева, так же как и Л. Толстого. Ср.: строки из шуточного стихотворения Вл. Соловьева: «Некогда некто изрек: "Сапоги суть выше Шекспира" / Дабы по слову сему превзойти британца, сапожным / Лев Толстой мастерством занялся, и славы достигнул» (1897).

С. 576 ... *Сталин требует контроля над Дарданеллами.* – В 1944–1945 гг. Сталин поставил традиционный для русской политической истории вопрос о контроле над проливами Босфор и Дарданеллы, что сделало бы СССР средиземноморской державой. Но угроза суверенитету и территориальные претензии со стороны СССР вызвали резко негативную реакцию турецкого правительства, поддержанную западными державами.

... *Беломор <...> Петр, Сталин.* – Во время участия в этнографической экспедиции в Олонецкую губернию в 1906 году Пришвин попадает в места, по которым в 1702 году прошла «Осударева дорога» Петра Первого. Ср.: «Обе сплошные стены леса на Сумском тракте в нескольких местах вдруг расступаются, широкая просека, заросшая лишь мелкими чахлыми деревцами, кажется в этой глухой, безлюдной местности следом громадного существа. Ямщик здесь останавливает лошадей и говорит: "Осударева дорога!" И поясняет: "Тут осударь Петр Великий проходил с войсками"» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 135–139).

С. 579 ... *Я червь (Державин).* – Слова из стихотворения Г.Р. Державина «Бог» (1784).

С. 581 *Читал книгу неизв. автора о Шелли и Байроне...* – по-видимому, имеется в виду роман Андре Моруа «Ариэль, или Жизнь Шелли» (1923, русск. пер. 1925), который имел огромный успех у читателей. Друг, литературный соперник и вечный компаньон в путешествиях знаменитого лорда Байрона, Шелли предстает в романе в образе восторженного юноши, мечтающего о торжестве идеалов добра и справедливости в человеческом обществе.

... сюжет рассказа для детей, подобный «Кладовой солнца». – Запись навеяна воспоминанием о поездке в Кабардино-Балкарию (март – июнь 1936 г.). «В Нальчике ретивый хозяин (Саид), осматривая на утренней прогулке город, как всегда нашел непорядки. Первое, он нашел у одной хозяйки много дней не метеную лестницу. Вызвав эту хозяйку, Саид распорядился немедленно очистить ее. – Завтра, – сказал он, – я приду в это время посмотреть. Второй непорядок – это была встреча с трактором на недавно асфальтированной улице. Трактор был остановлен, водитель взят под арест. И чтобы все видели и остерегались впредь делать подобное, вызваны были монтеры разобрать трактор на месте и свезти его для нового сбора в гараж МТС. Продолжительное волнение, связанное с уборкой трактора, очень взволновало хозяина, внимание к непорядку чрезвычайно обострилось. Он знал, что в таком состоянии он – не работник. И прямо пошел к себе домой. Ему оставалось сделать еще несколько шагов – и нам бы не пришлось ничего рассказывать о маленьком человеке в горах и его осле. Но вот, уже завернув возле мраморной вазы с цветами к бельведеру своего учреждения, на асфальтовой площадке он увидел явственно след горных гвоздевых башмаков. День был теплый, асфальт от лучей солнца мягкий, гвозди всей массой на всю глубину уходили в асфальт. Не будь трактора, хозяин города, может быть, не придал бы значения этим следам, но теперь он был возмущен. И сам по следам... парк, сады... человек ушел в горы... на другой день... след утроился: человек возвратился и снова ушел в горы. Привели. Подарил башмаки. Мальчик с ослом весной поднимается на Эльбрус (Адыл-Су)» (РГАЛИ).

Говорят <...> что Япония капитулировала. – На самом деле в эти дни 6 и 9 августа 1945 года американские бомбардировщики сбросили на японские города Хиросиму и Нагасаки недавно изобретенные атомные бомбы. Спустя 6 дней, 15 августа, Япония капитулировала.

С. 584 ... *крест с Христом и Разбойником.* – Лк. 23:40–43.

С. 585 ... *мое исключение из гимназии...* – диалог с Розановым не прекращается в дневнике Пришвина в течение всей жизни, а история их взаимоотношений является одним из интереснейших сюжетов русской культуры начала XX века. «Розанов стоял у истоков творческой личности Пришвина: он сыграл решающую роль в двух событиях жизни юного Пришвина ("побег из гимназии в Азию (Америку)" и исключение из гимназии), в которых впервые проявился конфликт между мечтой и действительностью, столь существенный для Пришвина впоследствии. В личности Розанова для Пришвина воплотилась идея самоценности мечты и связанной с ней жизненной трагедии. Импульс в духовном развитии, полученный в гимназические годы, превратился в личную сверхзадачу, которую он решает своим творчеством: спасение мечты и выход из трагедии. Второй период отношений с Розановым связан с деятельностью религиозно-философского общества в Петербурге, на собраниях которого они встретились (1909). Книга "За волшебным колобком" получает одобрение Розанова, а его завет "Поближе к лесам, подальше от редакций" Пришвин всегда помнит. Дневниковые записи с несомненностью указывают на глубокие и сложные отношения близости и отталкивания, соединявшие Пришвина с Розановым, которые не определяются словом "личные". Речь идет о преемственности философско-эстетических взглядов и литературного стиля Розанова в творчестве Пришвина» (Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С.161–218). Ср.: *Леденев В.* «В.В. Розанов и М.М. Пришвин: к истории литературных встреч ученика и учителя» – www.lebed.com

... и «чти отца», и «не укради», и «не пожелай осла ближнего, и ни вола его»... – Исх. XX:12, 15, 17.

С. 587 ... *наши <...> шагают по Манчжурии.* – 9 августа 1945 года Советское правительство объявило о состоянии войны между СССР и Японией – Красная армия вступила в Маньчжурию.

С. 591 *14-го подписал Микадо безоговорочную капитуляцию. И рядом с этим наша дружба с Китаем.* – 2 сентября 1945 Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем был подписан 14 августа 1945 года.

С. 592 ...(*«остановись, мгновен[ь]е»*). – Художественное освоение реального исторического хронотопа (М. Бахтин) в творчестве Пришвина начиная с первых послереволюционных лет становится определяющим – хронотоп характеризует и искусство, и культурную ситуацию, и образ современного человека. Сжатое, исчезающее пространство и пролетающее время, хронотоп революции, – в тексте дневника важнейшие характеристики культуры («***21 Января 1920.*** Самое ужасное в этой совдепии, что ихняя совдепская сеть накинута на самые священные таинственные уголки России, и вся Россия со всеми своими медвежьими и раскольничьими заповедными местами лишилась тайны»; «***9 Февраля 1920.*** Радость русского человека самая первая, что можно было постранствовать, в Соловецкий монастырь или в Киевские печуры Богу помолиться, или по широким степям так походить, или в Сибирь уехать попытать счастья на новых местах, узнавая, как люди живут. Теперь будто частая сеть накинута на все это необъятное пространство, и нет в нем страннику места»; «***15 Февраля 1933.*** <...> фосфорически пролетающий след курящейся жизни <...> всякий атом быта разбивается, и сила этого разбоя (раз-боя), конечно, совершенно отрицательная к "благам" жизни <...> сходство с пролетарием, т. к. сущность пролетария и состоит в лишенности благ...» Дневники. 1920–1922. С.14, 23–24; Дневники. 1932–1935. С. 253). В 1933 году выходит поэма Пришвина «Жень-шень», в которой создается новый хронотоп современной культуры: Запад в лице главного героя (современный, сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовского» типа, готовый остановить время – «остановись, мгновенье») и Восток в лице китайца Лувена (традиционный, органичный, все понимающий, живущий в циклическом ритме природы человек) не противостоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, осуществляя задуманный проект организации заповедника. В художественном мире повести проект организации природного заповедника становится моделью мира, в котором снимаются оппозиции «Восток – Запад», «природа – культура» «культура – цивилизация», а осуществление вполне прагматичной цели, как оказывается, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви. Военное время, изменившее соотношение жизни и смерти, образует сакральный хронотоп с его основной темой смерти и бессмертия. Не удовлетворяясь не требующим от человека творческого импульса раскладом («***18 Августа 1945.*** <...> бессмертие небесное <...>

образуется само по себе и само из себя и воздействует, в лучшем случае, на каждого верующего, оставляя всех других в стороне»), писатель соединяет всех для достижения такой радости жизни, которая выводит из времени и останавливает уже не «прекрасное мгновенье», а священное и бессмертное.

С. 593 ... *немногим личностям Брамы...*– у индусов, Брама – создатель пространства Вселенной, который через воплощения в конкретных личностях передает свои Знания людям.

Организатор власти (см. великий инквизитор)... – аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880). Ср.: *Розанов В.В.* Легенда о великом инквизиторе Достоевского. Опыт критического комментария. http://www.litra.ru/critique/get/crid/00970351189847259874/

С. 594 ... *революционеры из «Воскресенья».* – Имеются в виду ссыльные революционеры народники и социал-демократы в романе Л.Н. Толстого «Воскресенье» (1889–1899).

Зеленый шум. – Аллюзия на стихотворение Н.А. Некрасова «Зеленый шум» (1862).

С. 598 ... *взявший меч, от меча и погибнет.* – Пс. 13:1.

С. 601 ... *живет моя невеста недоступная...*– имеется в виду Варя Измалкова.

С. 602 *Вся Англия вопит о лишении ее Ленд-лиза.* – В августе 1945 г. США без предварительного уведомления прекратили поставки по ленд-лизу, Великобритания должна была впредь оплачивать наличными все, что она приобретала в США.

С. 606 ... *«рече, безумен: несть Бог».* – Пс. 13:1.

С. 607 *Темпл Сэрстон. Роман «Непримиримые».* – Имеется в виду роман английского писателя Тэмпла Сэрстона «Непримиримые» («The Antagonists»). Пер. А. Картужанской. Л.: Кооперативное изд-во Время. 1927.

С. 608 ... *вложить свой палец в их ребра...*– Ин. 20–27.

С. 618 *Скоро может быть люди увидят в отдалении оставляемого ими Бога... Вот когда стали понятными Блок и Белый!* – Аллюзия на идеи Ф. Ницше, религиозно-мистически переосмысленные (А. Белый) русским символизмом. Ср.: «***6 Ноября 1908.***

У хлыстов: косоворотки – метафизика, освобождение духа... Бог — звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят "Бог" – значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет...» (Ранний дневник. С.183). «***27 Августа 1934.*** Л[егкобытов] говорил так: когда Бог работает, человек спит, и когда спит Бог, работает человек. И я говорю то же: теперь Бог спит. А наши говорят: Бог умер. Практически выходит совершенно то же, в нашей работе Бог не участвует, мы одни» (Дневники. 1932–1935. С. 464).

С. 619 ... *Христос, когда омывал ноги своим ближним...* – Ин. 13:5.

... *по ту сторону добра и зла...* – имеются в виду идеи Ф. Ницше, выраженные в книге «По ту сторону добра и зла» (1886), где речь идет о непреодолимом кризисе индивидуализма, идее вытеснения индивида сверхчеловеком – о кризисе европейской культуры. Немецкая культурная традиция, прежде всего в лице Ницше и Вагнера, оказала в студенческие годы (Лейпцигский университет, 1900–1902) большое влияние на мировоззрение Пришвина («***2 Апреля 1915.*** Роман моей жизни: столкновение Германии и России, я получил все от Германии». Дневники. 1914–1917. С. 171); Ср. также в автобиографическом романе «Кащеева цепь»: «В этой книге каким-то чудесным путем философия соединилась с поэзией, и то самое, что у Канта и других ползло, здесь летело, как метеор, на одно неповторимое мгновенье ярко освещая мировое пространство <...> настоящее знание летит, как метеор, и человек истинного знания сгорает и падает, как метеор; и пусть: старый бог умер. Так говорил Заратустра. Дома, ни о чем этом больше не думая, свободным движением руки он <лирический герой романа Алпатов> подвигает к себе книгу "По ту сторону добра и зла" и там, читая до вечера, узнает <...> оказывается, мир в себе, то, что невозможно достигнуть знанием и что если бы это и удалось как-нибудь узнать, то оказалось бы, может быть, очень смешным и ничтожным... "Так говорил Заратустра"» (Собр.соч. 2006. С.404–405).

С. 620 ... («*и вырвал грешный мой язык*»)... – слова из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).

С. 621 ... *с нигилистами у Тургенева в «Нови»*... – роман И.С. Тургенева «Новь» (1877) по комплексу идей сравнивают с романом Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871–1872).

С. 622 *... с королями вроде Макбета...*– пьеса В. Шекспира «Макбет» (1606), которая часто рассматривается как архетипичная история об опасности абсолютной власти и измены друзьям.

... кровавыми делами под Колыванском... – имеется в виду Колыванский крестьянский мятеж в Сибири (1920 г.) в связи с действиями продотрядов, проводивших продразверстку. Ср.: «Жесточайшие репрессии в отношении участников мятежа – крепких, зажиточных крестьян, середняков раз и навсегда вычеркнули из истории Сибири попытку воспротивиться узаконенным грабежам. В Сибири действовали продотряды, сформированные тогда из рабочих Питера, Москвы, Томска, Новониколаевска, других городов. По своему составу это были практически уголовные банды. Даже вождь революционного движения, глава советского правительства Владимир Ленин в своем заключительном слове по докладу о замене разверстки натуральным налогом был вынужден отметить: “<...> ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления. ...Нужно видеть в этом проявление прямо уже уголовных безобразий, как в обстановке, в которой происходит продовольственная работа, требуют кары свыше обыкновенной...” В. Ленин». http://www.proza.ru/2006/04/20-364 См. также: Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева».

С. 623 *... рассказывал о Леонове <...> пишет, определяясь по вехам дозволенного.* – На самом деле Л. Леонов уже работает над романом «Пирамида» (1994), который, вне всякого сомнения, выходит за рамки всего дозволенного. http://www.bigpi.biysk.ru/ff/readarticle.php?article_id=51

... редактор «Речи»... – имеется в виду ежедневная газета «Речь» (1906–1917), печатный орган кадетов, редактором которой был П.Н. Милюков.

С. 625 *... воля Твоя на земле, как на небе.* – Из молитвы Отче наш.

... как в книге Иова многострадального. – Ветхозаветная учительная книга Священного Писания.

С. 628 *Все течет.* – «Все течет, все меняется» – афоризм, приписываемый Гераклиту Эфесскому, известный в передаче Аристотеля и Платона.

С. 632 *Дунечка, Семашко, Илья Ник.* – Имеются в виду двоюродная сестра Пришвина Евдокия Николаевна Игнатова, земляк и гимназический товарищ Николай Александрович Семашко и его двоюродный брат Илья Николаевич Игнатов, все они появляются в его автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927).

С. 636 ... *как у Некрасова в «Железной дороге»...* – имеется в виду стихотворение Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1864).

... *думать о Блоке и других подобных ему моих друзьях...*– ср. «***5 Января 1915.*** Блок – всегда благороден»; «***9 Декабря 1922.*** Вчера Мандельштам сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: "Это для вас характерно". Тут я вспомнил Блока – вот кто единственный отвечал всем без лукавства и по правде, вот был истинный рыцарь»; «***21 Сентября 1926.*** Вчера слушал по радио вечер Блока и очень волновался... Есть люди, от которых является подозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок <...> Блок для меня – это человек, живущий "в духе", редчайшее явление» (Дневники. 1914–1917. С. 137; Дневники. 1920–1922. С. 287; Дневники. 1926–1927. С. 140).

С. 637 ... (*в Ельце во время Мамонтова*)... – ср.: запись от 24 Января 1942. Дневники. 1942–1943. С. 41–42.

С. 640 *Серафимова пустынь...* – речь идет о Серафиме Саровском, преподобном старце и затворнике.

... *откажись от мира, и он сам придет к тебе...*– из отеческого предания.

С. 642 *Читал А. Моруа (Байрон)...* – по-видимому, имеется в виду книга А. Моруа «Дон Жуан, или Жизнь Байрона».

С. 643 ... *сказка о стране без имени, без территории (Колобок).* – Ср.: в «Предисловии автора» ко второй книге «За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)» (1908): «Путешествие, которое описывается в этой книге, не было задумано вперед. Я просто хотел провести три летние месяца, как лесной бродяга, с ружьем, чайником и котелком. Конечно, за это время я много узнал о жизни на Севере. Но не об этой внешней, видимой стороне путешествия мне

хотелось бы рассказать своим читателям. Я желал бы напомнить о той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим... Я пробовал в детстве туда убежать. Было несколько мгновений такой свободы, такого незабываемого счастья... В светящейся зелени мелькнула страна без имени и скрылась. И вот мне, взрослому человеку, захотелось вспомнить это... <... > Посвящаю свой труд стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежали. Посвящаю и тем трем друзьям, которые разделили тогда со мной детские грезы. Этим трудом я хочу поставить своим детским мечтам памятник, быть может, грубоватый, простой. Но что из этого? Лишь бы не дать сровняться могиле с землей, лишь бы узнать то место, где лежат дорогие мальчики и грезят о стране без имени, без территории» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 173–175).

С. 648 *Недоросль.* – Аллюзия на комедию Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1781).

С. 649 ... (*«покроет землю покровом святым»*). – Тропарь Покрову Богородицы.

С. 651 ... *мое письменное предложение Ляле.* – Ср.: «***5 Февраля 1940.*** В Вашем существе выражено мое лучшее желание, и я готов на всякие жертвы, чтобы сделать Вам все хорошее и тем самому выше подняться и [вырасти] в собственных глазах. Все, о чем я говорю, вышло от Вас, и я не хочу лицемерить и спрашивать Вас о том, согласны ли Вы со мной путешествовать в неведомую страну. Это не от меня идет, это я Вам отвечаю, что я согласен и пишу это Вам, как выражение обязательств со своей стороны. И я подписываю договор. Автор «Корня жизни». Михаил Пришвин, в день своего рождения» (Дневники. 1940–1941. С. 31–32).

С. 652 ... *доклад о поездке на суд в Берлин.* – Ср.: *Леонов Л.* Гномы науки (Репортаж с Нюрнбергского процесса). 1945. http://www.leonid-leonov.ru/gnomi-nauki.htm. Ср. также: *Прилепин З.* Леонид Леонов: игра его была огромна. – М.: Молодая гвардия. 1910.

С. 653 *Мать-Богородица ушла на землю утешать скорбящих.* – Минеи 2 (15) октября.

Ева дала ему яблоко, Дева Мария зачала от Духа. – Быт. 8:3, 6, Лк.1:26–38.

С. 654 ... *двенадцать Соломонов грызут эту кость...* – ср.: «***18 Января 1918.*** У себя. Вот я все раздумывал: кому теперь на Руси жить хорошо, о всех и о всем подумал, везде было плохо, и в тюрьму посадили меня, и думал я, сидя в тюрьме, что везде плохо, а вот как вышел из тюрьмы, понял, что в тюрьме хорошо, и это – самое теперь на Руси лучшее место: тюрьма, где сидят все эти журналисты, чиновники, рабочие – контрреволюционеры и саботажники»; «***20 Января 1918.*** Арест. Второго числа нового 1918 года трамваи не ходили, я поколебался, идти мне в редакцию хлопотать о выпуске литературного приложения к «Воле Народа» или махнуть рукой: кому теперь нужно литературное приложение! Мороз был очень сильный, раздумывать некогда, я довольно скоро пробежал с Васильевского острова на Бассейную, в редакцию. Там стояли солдаты, и два юных прапорщика спорили между собой, как дурные супруги, кого арестовывать. В их ордере от Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем было предписано арестовать всех подозрительных. Член Учредительного Собрания Гуковский, не считая себя «подозрительным», спорил с комиссарами. Про меня кто-то сказал, что я писатель и у меня есть в литературе заслуги. – С 25-го Октября это не считается, – ответил комиссар. И потребовал мой портфель. Протестуя, добился я, что портфель решили оставить при мне, но приложить тут же печать к нему. За отсутствием сургуча накапали на портфель стеарина, приговаривая: – Извиняюсь, товарищ! Рассердила меня бесполезная порча портфеля. – Вам, – говорю, – я – не товарищ, вы рабы, насильники, и хоть вы убейте меня, а все-таки вам я буду господин. Они на это сказали: – Так мы и знали, что вы настоящий буржуй! И отобрали у меня портфель со всеми стихами и рассказами <...> В камере – редакции двух газет в полном составе, двенадцать Соломонов со всеми хроникерами, корректорами, конторщиками редакции и типографии. Редактор нашей газеты в те часы, когда он пишет обыкновенно передовые статьи, вскакивает с койки и начинает говорить о политике, к нему присоединяются другие Соломоны, и все они вступают в спор на многие часы, тогда кажется, будто голодные гложут кость, гложут и гложут» (Дневники. 1918–1919. С. 5–8).

С. 657 *... она может быть и всех нас подняла (братьев моих).* – Ср.: Путь к Слову. С. 4–23.

С. 659 *... на цепи своей держат зверя.* – Откр. 13.

... против рожна не пойдешь. – Рожон – широкое лезвие на древке с поперечной перекладиной. Ср.: И «побил шестьсот филистимлян ... воловьим рожном» (*Флавий.* Указ. соч. Т. 1. Книга 5. Глава 4, 3. С. 238).

... в результате борьбы Дальнего с Ближним. – Антитеза между «любовью к ближнему» и «любовью к дальнему» отсылает к проблеме влияния и развития ницшеанских идей в творчестве Пришвина. Ср.: *Франк С.* Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему. http://tululu.ru/read52447/9/

... содержание дневниковых записей <...> захватывается в цикл идей моего «Падуна». – См. коммент. на стр. 838 к *...останется на руках...*

С. 664 *... сделался революционером и вскоре попал в тюрьму.* – В годы учебы в Рижском политехникуме (1895–1897) Пришвин участвует в работе студенческого марксистского кружка, в частности, переводит книгу А. Бебеля «Женщина и социализм»; в 1897 году последовал арест и годичное тюремное заключение.

С. 665 *В Четьях-Минеях описывается...*– Жития святых, собранные в книги митрополитом Ростовским Димитрием (кон. XVII – нач. XVIII в.).

... «хлеб наш насущный даждь нам днесь»... – Из молитвы Отче наш.

С. 669 *По поводу речи Трумэна...* – в сентябре – октябре 1945 года речь идет о государствах Восточной Европы.

С. 675 *... перековать человека...* – ср.: «***2 Августа 1933.*** "Перековка" человека в лагерях состоит в том, что бродяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше было Бог, заключение человека в дело осуществления этих принципов тем самым является и делом исправления» (Дневники. 1932–1935. С. 291). Ср. также: «Главной идеей этой новой пропагандистской кампании стало перевоспитание заключенных посредством продуктивного труда <...> в ноябре 1932 года, через год после начала строительных работ, "Правда" сообщила о "переделке людей"

на Беломорканале <...> Заключенный должен теперь не подвергаться наказанию, а совершенствоваться <...> Цель перевоспитания усматривалась здесь не только в социальном переориентировании преступника: речь шла о создании Нового Человека, в котором нуждалось новое – социалистическое – общество <...> враги пролетариата должны теперь не уничтожаться, а участвовать в социалистическом труде, превращаясь в Нового Человека. Вопреки реальным обстоятельствам, царившим в советских лагерях, это были не только слова: кажется, что государственная верхушка еще испытывала в то время потребность обосновать массовое применение труда заключенных не только перед заграницей и советской общественностью, но и перед самой собой, причем граница между ложью и самовнушением была расплывчатой. Соответственно противоречивым был лагерный быт: с одной стороны, произвол и эксплуатация, о которых пишет Солженицын, с другой – усилия по педагогическому воздействию на заключенных, предпринимавшиеся лагерным руководством, с тем, чтобы поднять их образовательный уровень и переменить их отношение к советскому государству. Как бы абсурдны и мучительны для заключенных ни были такие усилия, они все-таки предпринимались. В Белбалтлаге существовали многочисленные культурные учреждения – музей, театр, симфонический оркестр, лагерная газета. Она носила программное название "Перековка": ее задачей было перевоспитать заключенных Белбалтлага в лояльных советских граждан» (*Клейн Иоахим.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение, 2005. №71. http://magazine.russ.ru/nlo/2005/71/kl/14.htm).

С. 677 *... Курымушка, 1881 г., см. «Кащеева цепь».* – Убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г., когда Пришвину было 8 лет, он сам всегда считал началом своей сознательной жизни и одним из прафеноменов собственной личности.

С. 682 *... я родился в роскошном саду...* – см. коммент. на стр. 808 к *... самое прекрасное в жизни...* Ср.: *А.А. Медведев.* Мотив сада в творчестве М. Пришвина и А. Блока; *Г.Ю. Синицына.* Мотив сада в повести М. Пришвина «У стен града невидимого» и в дневнике 1900–1910-х годов // Сб.: Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С.173–181.

С. 683 *... «Сикстинскую Мадонну» для отправления в Россию...* – о вывозе из Германии произведений мировой художе-

ственной культуры в сентябре 1945 года и о возвращении части этой коллекции обратно в 60-е гг. XX в. см.: http://news.open.by/culture/81313

С. 684 *... от «Красноармейца»...* – журнал «Красноармеец» выходил с 1941 по 1945 год.

С. 685 *... какая была Варвара Дм. Розанова...* – Бутягина В.Д. (урожд. Руднева, 1864–1923) – вторая жена Розанова, с которой он познакомился в конце 1880-х гг. в Ельце. Как отмечает В.А. Фатеев, «нравственное исцеление после трагического и унизительного разрыва с Сусловой принесло Розанову знакомство с В.Д. Бутягиной – скромной, не слишком образованной вдовой из бедного, но благородного елецкого семейства с давними церковными традициями: из этой семьи происходили такие выдающиеся деятели Церкви, как Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический, и Ионафан, архиепископ Ярославский. Роль В.Д. Бутягиной-Розановой, человека наследственной, глубокой религиозной веры, в духовной жизни мыслителя очень велика. При всех его бесконечных жизненных колебаниях она твердо стояла на православных позициях, удерживая философа от отпадения от Церкви» (*Фатеев В.А.* Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. I. С. 17–18). В письме к К.Н. Леонтьеву в мае 1891 г. Розанов писал о глубоко православной семье своей жены: «<...> что для Вас – Оптина Пустынь, то для меня – здесь церковь Введения, и одна семья духовная (или, вернее, – род)» (*Розанов В.В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 399). В 1899 г. Розанов надписал жене свою фотокарточку: «Ты христианка в любви. Никто не умел так сочетать любовь женщины, чувство женщины с самопожертвованием христианским, как друг мой, подруга моя. <...> Да хранит тебя Бог, как ты меня в жизни хранила с 1891 по сей 1899 год» (*Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В.В. Розанове. М., 1999. С. 19). В письме к П.А. Флоренскому от 20 сентября 1910 г. Розанов признавался: «для меня Варя – "религия"... Все "лучшее и чистое", что нашел в жизни, встретил на земле, кто мне б. послан Богом, чтобы "научить и вразумить"» (*Розанов В.В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Книга вторая. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 245). См. подробнее: Едошина И.А. «Друг» // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 354–358. См. записи от 3 и 21 мая 1937 г. и коммент. к ним (Дневники. 1936–1937.

С. 928–929, 934) и 16 июня 1938 г. (Дневники. 1938–1939. С. 112). Комментарий А. Медведева.

С. 688 *В это место и бил Розанов...* – Цсл. Денница (лат. Lucifer, «утренняя звезда», т. е. планета Венера; греч. ὁ ἑωσφόρος) – «в христианской традиции одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую "Славу" Божества. Оно восходит к ветхозаветному пророчеству о гибели Вавилона <...>: "Как упал ты с неба, Денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. <...> ты низвержен в ад, в глубины преисподней" (Ис. 14, 12–15). Традиционная экзегеза относила эти слова к мятежу и падению сатаны. <...> "светлое" обозначение сатаны не могло не быть парадоксальным <...>, тем более что этот же символ употреблялся в совершенно противоположном смысле. В новозаветных текстах Христос именует Себя Самого: "Я есмь ... звезда светлая и утренняя" (Откр. 22, 16)» (*Аверинцев С.С.* София – Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000. С. 120). Христоборческие слова Розанова о Христе как Деннице приводит З.Н. Гиппиус: «У нас, вечером, за столом, помню его торопливые слова: – Ну, что там, ну, ведь, не могу же я думать, нельзя же думать, что Христос был просто человек... А вот, что Он... Господи, прости! (робко перекрестился поспешным крестиком), что Он, может быть, Денница... Спавший с неба, как молния... <...> А вот "христоборчество". Вот одно из наиболее дерзких восстаний его – книга "Темный Лик", где он пишет (точно, сильно, разговорно, как всегда), что Христос, придя, "охолодил и заморозил" мир и сердце человека, что Христос обманщик и разрушитель. Денница, – повторяет он прикрыто, т. е., Дух Темный, а не Светлый» (*Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник. О Розанове (1923) // В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. I. С. 160–161). В письме к Н.В. Розановой от 15 (28) февраля 1919 г. Д.С. Мережковский полемизировал с этим демоническим восприятием Розановым Христа: «Всю свою огромную гениальную силу В. В. употребил на борьбу с Христом, Чей Лик казался ему "темным" и Кого он считал "Сыном Денницы", т. е. Злого Духа. Я хорошо знал и теперь знаю еще лучше, что это было страшное недоразумение. Я не сомневаюсь, что, подобно пророку Валааму, В.В. благословил то, что хотел проклясть, и проклял то, что хотел благословить; и если он умер, как Вы пишете, "весь в радости", то радость эта была Христова, и он, умирая, понял

все до конца» (Цит. по: *Николюкин А.Н.* Мережковский Д.С. // Розановская эниклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 580–581). Комментарий А. Медведева.

... Мережковский считал, что Розанов воюет с церковным Христом. – В «Уединенном» Розанов приводит слова Мережковского о нем: «Это такое же бурление, как у Ницше, это конец, или, во всяком случае, страшная опасность для христианства» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 87–88). Указано А. Медведевым.

Жена Розанова была истинно православная...– ср.: о жене Розанова, В.Д. Бутягиной, см. запись от 15 ноября 1945 г. и коммент. к ней.

... в ней Розанов имел как бы тело Христово. – Ср.: «Телом Христа» ап. Павел именует Церковь, через которую воскресший Господь действует в мире: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь, которой сделался я служителем по домостроительству Божию, вверенному мне для вас, [чтобы] исполнить слово Божие, тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его» (Кол. 1, 24–26). Комментарий А. Медведева.

... Гиппиус, ее называли Белой дьяволицей. – Белая дьяволица – один из эпатажных образов З.Н. Гиппиус, восходящий к роману Д.С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» (1899–1900), в который вводится итальянское предание о вызывающем ужас «женообразном демоне» – «Белобрысой Матери, или Белой Дьяволице». Белая Дьяволица предстает в образе обретенной в земле мраморной статуи богини любви – Венеры. И.В. Одоевцева приводит рассказ самой Гиппиус, подтверждающий ее эпатирующее поведение Белой Дьяволицы: «Я как-то на одном обеде Вольного философского общества сказала своему соседу, длиннобородому и длинноволосому иерарху Церкви: "Как скучно! Подают все одно и то же. Опять телятина! Надоело. Вот подали бы хоть раз жареного младенца!" Он весь побагровел, поперхнулся и чуть не задохся от возмущения. И больше уж никогда рядом со мной не садился. Боялся меня. Меня ведь Белой Дьяволицей звали. А ведь жареный младенец, наверное, вкуснее телятины» (*Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 56). Комментарий А. Медведева.

С. 692 ... *Кассиль написал восхищенную статью о Кладовой солнца.* – Появление сказки-были «Кладовая солнца» означает для Пришвина рождение новой художественной формы. Ср.: «***4 Августа 1948.*** В № 18 ж-ла "Америка" прочитал статью Ньютона Арвина о ближ. будущем америк. литературы. Вот его заключение: неонатурализм, очеловеченный и опоэтизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность, а мифичность – вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего. А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия и никто не хочет этого понимать. Осударева дорога – высшее выражение этого моего направления» (РГАЛИ). В этом жанре Пришвин пишет свои последние произведения: «Осударева дорога» (1948) – роман-сказка, «Корабельная чаща» (1953) – повесть-сказка.

С. 693 *Проф. Бюхер, автор «Работа и ритм»...* – книга немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм» (1896), с которой Пришвин познакомился будучи студентом Лейпцигского университета, произвела на него сильное впечатление: исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к тому выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обусловливающим элементом являлась работа.

С. 694 (*Еголин <...> о Толстом. Смерть Ивана Ильича*). – По-видимому, речь идет о борьбе за издание Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, которую с 1928 года вел В.Г. Чертков, а после его смерти в 1936 году Н.С. Родионов. В 1944–1945 гг. Родионову удалось привлечь к проблеме сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) Еголина. Статью А.М. Еголина о повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886) найти не удалось.

... евреи, просившие Самуила дать им царя. –1 Цар. 8:5–20.

С. 696 *... посредством того, что я называю первым взглядом на вещь...* – см. коммент. на стр. 838 к *... выглянул из себя...*

Помню (лисица и ольховые шишечки). – Ср.: «***17 Августа 1953.*** Биография. Конечно, дело мое было не в поисках грибов, лесной, водяной и болотной дичи. Теперь издали я вижу ясно, что поиски эти были ни пера или пуха, а какого-то момента вечности, когда все видимое связывается в единстве служения чему-то высшему. Помню особенно ярко себя в ольховых кустах зимой на берегу Переславского озера. Мне из этих кустов

была видна огромная белая скатерть озера, и слышался из невидимого пространства яростный гон моего паратого лисогона. Тут была передо мной на ольхе обыкновенная, всем известная шишечка, черная, маленькая. Мне казалось, что эта черная шишечка сейчас указывает мне именно ту самую точку, откуда покажется лисица. И оно так и вышло: лисица показалась и неслась сюда по линии, проходящей через шишечку в мой глаз. Теперь нет больше на свете моего славного и единственного гонца, и не знаю, какая женщина носит добытый мною лисий мех. Но славная ольховая шишечка, как бессмертное существо, как ключ моего внимания к миру остается со мной. Там была ольховая шишечка, там почему-то указал на то же [самое] красный снегирь на белом снегу, там желтоватый беляк на синем снегу, там тоже белая на синем, мертвом – розоватая живая березка, и много, много всего такого, как готовый ответ на вопрос: “почему?”» (РГАЛИ).

(Фарисеи в Евангелии) ... – Мф. 23:4–7, 13–36.

С. 697 *Брюсов: – Цель творчества не общение...–* из статьи «Истины. Начала и намеки» (1901).

Брюсов: – Бывают дни и часы, когда все кругом как тайна...– там же.

С. 698 *Меня выгнали из гимназии в Ельце <...> Бунина <...> из шестого.* – Пришвин был исключен из гимназии в 1889 г. из-за конфликта с В.В. Розановым, который был в Елецкой мужской гимназии учителем географии. (См.: *Мамонтов О.И.* Новые материалы к биографии М.М. Пришвина // Русская литература. 1986. № 2.) Иван Бунин был исключен за неявку с каникул и неуплату за обучение в 1886 г.

С. 699... *я не какой-нибудь Митрофанушка...* – аллюзия на комедию Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1782).

С. 700... *составлял агрономические книги...–* вернувшись в Россию после окончания Лейпцигского университета (философский ф-т агрономическое отделение), в 1902 г. Пришвин приступает к работе на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, а в 1903 г. переходит в Клинское земство, Клинский уезд Московской губернии. В 1904 г. он работает в вегетационной лаборатории проф. Д.Н. Прянишникова в Петровской сельскохозяйственной академии, а после переезда

в Петербург в кон. 1904 г. – на опытной станции «Заполье» в г. Луга; печатается в «Журнале опытной агрономии» (1900–1931), сыгравшем важную роль в становлении отечественной агрономической науки. Ср.: *Пришвин М.М.* Охота за счастьем (1926). Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 13.

С. 701 ... *получать за это признание, медали...* – в 1910 г. за книгу «В краю непуганых птиц» Пришвин был избран действительным членом Императорского Географического общества и награжден серебряной медалью.

С. 702 (*Брюсовский миг)* – возможно, аллюзия на стихотворение В. Брюсова «Каждый миг» (1900) с важнейшей символистской идеей двоемирия (ср.: «Этот мир двояко бесконечен <...> Этот мир – иного мира тень. Эти думы внушены оттуда, Эти строки – первая ступень»). На протяжении всей творческой жизни Пришвин ведет то явную, то скрытую полемику с символистским миропониманием, склоняясь скорее к акмеистическому приятию мира реального бытия, в котором человек и вещь элементы единого целого («21 Декабря 1909. Трава зеленая против духа, как это может быть» Ранний дневник. С. 235).

С. 703 *Процесс.* – Имеется в виду Нюренбергский процесс над главными военными преступниками гитлеровской Германии, который начался 20 ноября 1945 года и длился до 1 октября 1946 года.

Читаю «Педагогическую поэму» Макаренко. – Макаренко А.С. Педагогическая поэма (1935).

С. 704 ... *отдай Кесарю кесарево...* – Мф. 22:15–22.

С. 705 ...*«Крутоярский зверь», «Птичье кладбище» и «Черный араб»...* – первые два рассказа написаны в 1911 г., а повесть «Черный араб» – в 1910 г.

...Ремизов <...> мое бытие здесь отрицает, как отрицал всего Горького. – Ср.: *Ремизов А.М.* Алексей Максимович Горький (1936). http://maximgorkiy.narod.ru/ON/remizov.htm. Также см. коммент. на стр. 835 к *...когда на всем моем...*

С. 706 ... *это происходит с героями армии Рокоссовского: бандитизм в Москве.* – Ср.: «Трудно поверить, но из армии в победном 1945 году изъяли многих храбрых, бывалых фронтовиков, которые, по мнению начальства, слишком самостоятельны, ста-

ли строптивыми гордецами. <...> Кто прошел войну на переднем крае и уцелел, кто побывал в европейских странах, тот уже воспринимал жизнь на Родине иначе, чем прежде <...> люди потеряли страх! Они пришли с войны словно вновь рожденными, с новым видением окружающего, с новыми чувствами, свежими мыслями, обрели уверенность и право – так большинство считало – на самостоятельные взгляды и поступки. С какими возвышенными чувствами фронтовики вернулись с войны! Мы – победители! Люди отныне считали войну самым значительным событием в своей жизни... Все, что было до нее и стало потом, не важно: и хорошее, и плохое. Там, на фронте, вся воспринятая жизнь была естественна, обострена постоянным соседством со смертью. И в то же время там, впервые вырвавшись из круга тоталитарной системы, солдат почувствовал себя человеком... С распахнутой душой, испытал высокое чувство радости. Там понял, что Родина – это не Кремль, а свой собственный дом, своя семья, и он ее непременно защитит! <...> С 1946 года в жизни фронтовиков наступили внезапные перемены. Событие это взбудоражило умы людей и породило различные толки. Все понимали сложное экономическое положение государства после войны. Обратись к нам честно и открыто, уверен, что ни один фронтовик не был бы против. В знак протеста многие фронтовики перестали носить ордена и медали. К началу демобилизации (1946 г.) издали секретный указ, запрещающий фронтовикам после окончания войны селиться там, где бы они пожелали. Все демобилизованные из армии, независимо от чинов и званий, обязаны были вернуться в те места, откуда их призывали в армию, – так прежде всего удалось разбросать по стране миллионы людей. 23 декабря 1947 года «вдруг» Сталин отменил официальное празднование Дня Победы, включая выходной день» (http://lib.rus.ec/b/256570/read).

С. 707 *...«Жизнь в искусстве» Станиславского...*– речь идет о мемуарной книге К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (1926).

С. 708 *...«Письма из деревни» Энгельгардта...* – речь идет о книге А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни» (1872–1887), написанной во время ссылки в Батищеве. Ср.: От земли и городов. Письма из Батищева. – Цвет и крест. С. 519–528.

...книга Миклухи-Маклая о папуасах. – Речь идет о книге Н.Н. Миклухо-Маклая «Антропологические заметки о папуасах Бе-

рега Маклая в Новой Гвинее» (1888), над которой он работал до последнего дня своей жизни, но которая увидела свет много лет спустя.

С. 712 ... *крещу черта, как Вакула кузнец и лечу...*– речь идет о повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831–1832).

С. 714 ... *поместили против меня разносную статью Мстиславского.* – Лирическая книга «Лесная капель» возникла из дневниковых записей и состоит из получивших названия миниатюр, организованных в циклы. Лирико-философские миниатюры о любви первого цикла «Фацелия» определяют настроение, мотивы и смыслы всей книги, в которой любовь к женщине расширяется до природы, родины и мира в целом. Исповедальный авторский монолог переводит субъективный опыт любви в культурный контекст. В 1940 г. в журналах «Новый мир» (№ 9), «Смена» (№ 9) печатаются отрывки из «Лесной капели». Однако вскоре в «Новом мире» (№ 11–12) появляется статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой упреки в аполитичности и несвоевременности писать о «цветочках и листиках» соседствуют с утверждением, что творчество Пришвина является «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью» (с. 272). Публикация «Лесной капели» была приостановлена. А в 1943 г. совершенно неожиданно для Пришвина «Лесная капель» была издана. Ср.: «***4 Ноября 1943.*** Прихожу в “Советский писатель”, там мне говорят, что книжка моя о радости, “Фацелия”, напечатана. “Война на носу, – говорили о ней, – а он радуется”. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась» (Дневники. 1942–1943. С. 618). Ср.: А.И. Солженицын писал своей первой жене Н.А. Решетовской из тюрьмы – Марфинской «шарашки» 23 октября 1948 г.: «Прочти “Фацелию” Пришвина – это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, – ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой “Фацелии” очень красиво проведена мысль о том, как автор – поэма автобиографична – самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несчастлив в любви (...) Прочти, прочти обязательно. Вообще читай хороших мастеров побольше – ни одна их книга не проходит бесследно для души». – Человек, 1990, № 2. С. 151.

С. 716 *...Герцен все это тайное наружу вывалил.* – По-видимому, речь идет о книге А.И. Герцена «Былое и думы» (1868).

С. 718 *... рассказ Иванова о взятии Берлина.* – По-видимому, имеется в виду отрывок из опубликованного через год романа Вс. Иванова «При взятии Берлина» (1946).

С. 720 *Белокурая бестия.* – (Нем. – Die blonde Bestie). Аллюзия на статью Фридриха Ницше (1844–1900) «К вопросу происхождения морали» (1887) и др. Употребляется в качестве характеристики приверженца националистической теории о превосходстве одной расы над другими. Ср.:«В основе всех этих благородных рас просматривается хищный зверь, роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия; этой скрытой основе время от времени потребна разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли» (http://dslov.narod.ru/pos/p1354.htm).

С. 722 *Заславский сегодня в статье «Каннибалы»...* – в течение всего Нюрнбергского судебного процесса в советской печати публиковались репортажи из зала суда. Кроме официальных сообщений в газетах помещались обличительные статьи, памфлеты, карикатуры. В «Правде» была постоянная рубрика «На Нюрнбергском процессе. Их портреты». Публиковались такие статьи писателей и журналистов, как «Тень Барбароссы», «Гномы науки» Л. Леонова, «Каннибалы» Д. Заславского, «Суд матерей» Елены Кононенко, в которых неизменно проводилась мысль о том, что суровое возмездие постигнет любого, кто осмелится развязать против народов новые кровопролитные войны.

Не Курымушка... – домашнее детское прозвище Пришвина.

С. 725 *... сделать из моей жизни с Лялей книгу, каких не бывало на свете.* – Имеется в виду книга Пришвин ММ. – Пришвина В.Д. «Мы с тобой», которую В.Д. Пришвина, выполняя волю писателя, составляла в 1961–1963 гг., впервые опубликована в 1996 г. Ср.: «Дневник М.М. Пришвина за 1940 год. Его переписывали мы оба в первые военные годы в эвакуации. Во время работы иногда я делала тут же на машинке свои приписки. Они рождались сразу под разговор как реплики к тексту» (Мы с тобой. С. 343).

... часто автор как Нарцисс любуется сам собой. Микитов, например. – Со своей стороны И.С. Соколов-Микитов оставил о Пришвине тоже нелицеприятные и пристрастные воспоминания. Ср.: «Пришвин <...> на своем эгоизме, со своей эгоистической философией отдавал сердце лишь себе самому и "своим книгам", питаясь, впрочем, "соками" [*вероятно, аллюзия на Гамсуна "Соки земли"*], был красив, но вряд ли храбр, как городской барин и интеллигент»; «Трудно назвать другого писателя, столь обладавшего своим лицом <...> Пришвин не похож ни на какого другого писателя <...> Пришвина иногда называли "бесчеловечным" [*Зинаида Гиппиус*], "недобрым|", "рассудочным" писателем. Человеколюбцем назвать его трудно, но великим жизнелюбцем и "самолюбцем" он был несомненно. Эта языческая любовь к жизни, словесное мастерство – великая его заслуга» (*Соколов-Микитов И.С.* Из карачаровских записей // Новый мир, 1991. № 12. С.177; Слово о Пришвине // Личное дело. С. 65).

С. 727 *...свой новый год: когда день прибывает...* – Пришвин называет это время «весной света». В начале одной из дневниковых тетрадей 1918 года находится первая летопись жизни, которую Пришвин составляет, видимо, в связи с работой над автобиографическим романом. В ней есть пометка: «***1885.*** Второй класс <...> Счет годов с весны» (Дневники. 1918–1919. С.519). Под таким названием есть у Пришвина рассказ «Весна света» (1938), один из лучших рассказов писателя (Собр.соч. 1982–1986. Т.5. С.254–257). В конце жизни в дневнике появляются такие записи: «***2 Марта 1951.*** В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света, когда первый воробей запоет по-своему в стенной печурке, желоб высунет из себя ледяной язык, и с него закапает, и поперек тротуара побежит первый маленький ручей <...>Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света»; «***30 Декабря 1953.*** Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям «весну света» (Собр.соч. 1956–1957. Т.6. С.372–373, 794).

С. 728 *... ту елку с умирающим ребенком!* – В канун Рождества в 1905 году умер сын Пришвина Сережа (род. в 1903/04 г.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В алфавитный указатель не включены имена мифологических, фольклорных и литературных персонажей, а также Валерии Дмитриевны Пришвиной ввиду частой упоминаемости ее имени на страницах Дневников.

СОДЕРЖАНИЕ

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин

ДНЕВНИКИ
1944–1945

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Лариса Касьянова*
Корректор *Иннокентий Гридин*
Верстка и оригинал-макет *Вера Брызгалова*
Художник *Евгения Васильева*
Технический редактор *Евгений Янович*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
http://www.novhron.info

ISBN 978-5-94881-187-1

Подписано к печати 15.04.2013
Формат 84x108/32. Бумага офсетная№ 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,25
Тираж 2000 экз. Заказ № 542

Отпечатано в
ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.
Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87
Сайт.: www.volga-print.ru

Издательство
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

В 2011 – 2012 гг. вышли:

А.С. Секиринский
АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МЕНЯЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (март 1985– июль 1991)

Н.А. Морозова
МОЕ ПРИСТРАСТИЕ К ДИККЕНСУ. Семейная хроника двадцатого века

Л.А. Фадеева
КТО МЫ? Интеллигенция в борьбе за идентичность

Л.Ф. Писарькова
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. Проекты. Замыслы. Воплощение

Н.И. Вощинникова
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ НА ФОНЕ ДВУХ ЭПОХ

А.Н. Бикташева
АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ. Казанские губернаторы первой половины XIX века

Герман Андреев
РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЭМИГРАЦИИ. Авторы и журналы третьей волны эмиграции

ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ... Переписка семьи Семеновых-Тян-Шанских и сестер А.П. и В.П.Шнейдер

Ф.А. Попов
ГЕОГРАФИЯ СЕЦЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Издательство
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

В 2013 году вышли в свет:

Л.М. Дробижева
ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
Опыт двадцати лет

М.А. Розов
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В НОВОМ ВИДЕНИИ

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АРХИТЕКТОРА-РЕСТАВРАТОРА Б.Л. АЛЬШУЛЛЕРА

М.Б. Горнунг
ЗАРНИЦЫ ПАМЯТИ
Серия: От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах

Саймон Пирани
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОТСТУПЛЕНИИ. Пер. с англ.

Михаил Хейфец
КНИГА СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА
Серия: От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах

П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов
РЕСУРСЫ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Л.М. Баткин
ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
Серия: От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах

Издания «Нового Хронографа»
можно приобрести в магазинах:

в Москве:

«Библио–Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924–46–80

Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959–20–94

«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925–81–66

«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629–6483, (495) 797–87–17

«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789–35–91

«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238–50–01

«У Кентавра» – РГГУ, ул. Чаянова, д.15, тел. (495) 250–65–46

Книжный киоск изд–ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) – ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126–94–18

«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21, тел. (499) 120–30–81

Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6, тел. (495) 650–60–31

Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. 3/4, пд. 7Д,

тел. (495) 628–64–42

«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15, тел. (495) 694–50–07

«Фаланстер» – М.Гнездниковский пер., д. 12/27, тел. (495)629–88–21

в Санкт–Петербурге:

«Академкнига» – Литейный пр.., д. 57, тел. (812) 230–13–28

«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328–96–91

Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1

«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314–47–59

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20; Московский пр. 165, т. (812) 310–44–87

«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323–85–84

«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СпбГУ), тел. (812) 328–95–11

1944

1945

